

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калиниченко,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,

кандидат юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor

V. L. Kubyshko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,

Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyppkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzееv,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

Н. Н. Карпов
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. Yu. Pyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. N. Karpov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,
кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,
Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
профессор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г. С. Човдырова,
доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G. S. Chovdyrova,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства
РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ

Н. Д. Эриашвили

E-mail: nodari@unity-dana.ru

Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоенко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
№ 77-14723

Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 25.04.2023 г.
Цена договорная

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 2 • 2023

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

БЕЛОВ Д. О. О существенной значимости социальных индикаторов для противодействия фальсификации признаков преступления	12
БЕССОНОВА Т. С. Участковый уполномоченный полиции как субъект профилактики и осуществления административного надзора за лицами, судимыми за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних	15
БОБОВКИН С. М., ДИДЕНКО О. А. Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности	20
БОГАТЫРЕВ В. В., КАЛАМКАРЯН Р. А. Последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств-членов Организации Объединенных Наций в формате включенности в деятельность Международного Суда.....	26
БОГДАНОВ А. В., ПАПАЗОВА Ю. В., ХАЗОВ Е. Н. Выявление и документирование легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков	31
БОНДАРЕНКО Р. В., ГУЛИНА Е. Г. Особенности проявления признаков почерка в рукописях, выполненных необычными пишущими приборами	39
БУЛАВКИН А. А., МАЛАХОВА Н. В. Правовое регулирование взаимодействия полиции с органами государственной власти в сфере обеспечения транспортной безопасности на объектах водного транспорта	43
ВОРОНОВ А. М. Административно-правовые меры ограничения нежелательной миграции участников террористической деятельности на территории государств-членов ОДКБ.....	48
ГРОШЕВ С. Н. Противодействие гомосексуализму в России досоветского периода: к вопросу о правах мужчин	55
ДАВИТАДЗЕ М. Д. Общепризнанные принципы и нормы международного права в уголовно-правовой системе Российской Федерации	58
ДМИТРИЕВА Т. Н. О перспективах социокультурной интеграции вынужденных мигрантов	61
ЕПИФАНОВ А. Е. Организация и деятельность международных организаций по обеспечению продовольственной безопасности	64
ЖУРАВЛЕВ В. В. Дисциплинарное принуждение лиц, находящихся под стражей в специальных учреждениях органов внутренних дел: проблемы правовой регламентации и пути их преодоления.....	69
ЗАРИНА А. М. Проблемы определения последствий преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ	73
ИВАНОВА Е. В. Судебная экспертиза материалов документов: вопросы теории и практики	78
КАЛЛАГОВ Т. Э. Муниципальная служба в системе государственного управления Российской Федерации: к вопросу о государственном и муниципальном администрировании	83
КОВШЕВАЦКИЙ В. И., МАРКИНА Э. В. Арест товаров, транспортных средств и иных вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения в системе мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях	86

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

**Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).**

Заказ № 55

**Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

КОИМШИДИ Г. Ф., САРКИСЯН А. Ж. Анализ и прогноз динамики ИТ мошенничества в Российской Федерации на 2023 год.....	89
КУЗНЕЦОВ В. В., ГОРБАТЕНКО Д. С., ПОРТАШНИКОВ О. М. Системный подход как основа профилактики аварийности на автодорогах Московской области.....	102
КУЗНЕЦОВ И. С., ПОГЛАЗОВ А. В. Неприкосновенность частной жизни (международно-правовой аспект).....	107
КУЛИКОВ А. В., ШЕЛЕГ О. А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности.....	110
КУРЛОВИЧ П. Н. Проблемно-ориентированный подход в стратегии патрулирования: опыт реформирования патрульной полиции в США.....	116
КУРСАЕВ А. В. Этика необходимой обороны.....	121
ЛЕНСКИЙ В. М. Вопросы специального планирования реализации надзорных мероприятий за освобожденными из мест лишения свободы лицами со стороны участкового уполномоченного полиции.....	128
МАШАВЕЦ П. А. К вопросу о разграничении административного правонарушения по ст. 14.10 КоАП РФ и преступления по ст. 180 УК РФ.....	133
МЕЛЕНТЬЕВ А. В., ОМАРОВА А. М., ЕЛИНСКИЙ В. И. Проблемные аспекты исполнения гражданами своих конституционных обязанностей.....	138
МЕЛЬНИК С. В., НАДТАЧАЕВ П. В., ГОМОЗОВА О. Ю. Нравственное содержание принципов гражданского судопроизводства ...	142
НАГАЛИНА М. В. Генезис правового концепта современного демократического режима.....	147
ОРЛОВА Т. В., БУШУЕВ В. В. Формирование и развитие профессиональных компетенций судебного эксперта в области криминалистического исследования документов и портретной экспертизы.....	151
ПАКАЛИНА Д. И. Значение национальных стандартов в технико-криминалистическом исследовании документов.....	155
ПАЛИЙ В. М., ГРИШАЙ Е. В., ЛЮДКЕВИЧ Ю. Н. Радикализация: понятие, критерии оценки, причины.....	158
ПРУДНИКОВ А. С. Определение категории высококвалифицированных иностранных специалистов, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации.....	163
ПРУДНИКОВА Т. А. Организационно-правовое регулирование миграционных процессов в Республике Армения.....	167
РААСОВ Р. Р. Теоретические и правовые основы конституционных прав и свобод личности.....	170
РОДИН Д. А., КУЗНЕЦОВ М. С. Полномочия органов местного самоуправления по организации и осуществлению мероприятий по территориальной и гражданской обороне.....	174
САМОЙЛОВ В. Д. Правоотношения Российской Федерации с соотечественниками в аспекте обеспечения их безопасности.....	177
САНИН В. Е. Правовое регулирование правоохранительной деятельности при организации взаимодействия Росгвардии и Федеральной службы судебных приставов России.....	183
СЕЙФЕТДИНОВ Р. К. Ответственность за доведение до самоубийства по зарубежному уголовному законодательству.....	188
СЕРПИОНОВА А. И. Отдельные вопросы о нарушении прав и свобод человека и гражданина в процессе реадмиссионных отношений.....	193
СОКОЛОВА А. Ю. Практическая значимость регионального диалога в предупреждении и минимизации негативного влияния нелегальной миграции на глобальное сообщество.....	196
СТЕЛЬМАХ В. Ю. Проверка показаний на месте и ее значение для доказывания.....	200
ТИТОР С. Е., МЫШКО Ф. Г. Современные формы предоставления услуг в области долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами.....	208

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

ТРУНОВ И. Л. Еда становится оружием. Проблемы продовольственной безопасности.....	214
ХУДЯКОВ В. В., ЗУБОВА М. В. Видео-конференц-связь — очевидный ответ при минимальных затратах.....	218
ЦВЕТИКОВА Т. В. Хулиганство как проявление правового нигилизма в современном обществе.....	223
ЧЕРВОНЮК В. И. Партийные объединения в составе современного парламента (конституционно-правовой анализ).....	228
ЧЕРКАСОВ В. С. Отказ от возмещения расходов на оплату услуг защитника в производстве по делам об административных правонарушениях.....	235
ЧИСТОВА Л. Е. Способы присвоения или растраты наркотических средств и психотропных веществ как формы их хищения.....	240
ШАКИРОВ А. А. Гарантия защиты прав и реализация обязанностей в Российской Федерации медицинских работников.....	244
ШЕВКО Н. Р., КАЗАНЦЕВ С. Я., ТУРУТИНА Е. Э. Анализ киберпреступности в период пандемии.....	250

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Финансы

АБРАМОВ В. И. Развитие сетевых механизмов мониторинга закупочных операций как подсистемы цифровой экономики с учетом приоритетов экономической безопасности.....	253
ДИАНОВ Д. В., ДОЛБИЛОВ А. В. Методологические возможности расчёта целевых показателей и индикаторов эффективности и результативности реализации государственных программ органами внутренних дел.....	256
КОСОВ М. Е. Перспективы экономики Испании с учётом воздействия экономической политики ЕС и эпидемии COVID-19.....	263
КУПРЕЩЕНКО Н. П. Влияние межотраслевой кооперации на экономическую безопасность регионов России.....	268
МИНАКОВ А. В., АГАПОВА Т. Н. Оценка состояния и угроз экономической безопасности в реальном секторе экономики.....	272

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

ГОНЧАРОВА Е. М., ПОДЛЕСНАЯ Т. В., ПРОСТЯКОВ В. В. Психологические аспекты формирования кадрового резерва в органах внутренних дел.....	279
ЛЕБЕДЕВ И. Б., СВЯТЕНКО О. О., МЕЛЬНИК-ВЕДЕНЕЕВ Я. Р. К проблеме измерения и диагностики в современной классической психологии и квантовой физике.....	284
ПОЗИН А. И., БАЛАШОВА В. А., КРАВЦОВ О. Г. Эмоциональная устойчивость как критерий профессиональной психологической пригодности сотрудника полиции.....	288
ПУСТОВИТОВА Д. А., ЧЕСНОКОВА И. А. Исследование особенностей формирования профессиональной мотивации у сотрудников органов внутренних дел.....	295
ЦВЕТКОВ В. Л., ХРУСТАЛЕВА Т. А. Динамика профессиональной идентичности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в процессе адаптации к учебно-служебной деятельности.....	302

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
Winner of the Award of the
Government of Russia in the field
of education, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
**L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina**

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629**

*It is sent for the press 25.04.2023.
Contractual price*

**Editorial Staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>**

BULLETIN
OF THE MOSCOW UNIVERSITY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF RUSSIA

Contents № 2 • 2023

JURISPRUDENCE

*Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences*

BELOV D. O. On the significant significance of social indicators for countering the falsification of signs of crime	12
BESSONOVA T. S. The district police officer as a subject of prevention and implementation of administrative supervision of persons convicted of crimes against the sexual integrity of minors	15
BOBOVKIN S. M., DIDENKO O. A. Objects of forensic handwriting examination in the present-day conditions	20
BOGATYREV V. V., KALAMKARYAN R. A. Consistent foreign policy of the Russian Federation to ensure the legal security of the member states of the United Nations in the format of involvement in the activities of the International Court.....	26
BOGDANOV A. V., PAPAZOVA YU. V., KHAZOV E. N. Identification and documentation of legalization (laundering) of income received as a result of drug trafficking.....	31
BONDARENKO R. V., GULINA E. G. Features of the manifestation of hand writing signs in manuscripts made with unusual writing instruments.....	39
BULAVKIN A. A., MALAKHOVA N. V. Legal regulation of police interaction with state authorities in the field of transport security at water transport facilities.....	43
VORONOV A. M. Administrative and legal measures to limit undesirable migration of participants in terrorist activities on the territory of the CSTO member states.....	48
GROSHEV S. N. Countering homosexuality in pre-Soviet Russia: on the issue of men's rights	55
DAVITADZE M. D. Generally recognized principles and norms of international law in the criminal legal system of the Russian Federation	58
DMITRIEVA T. N. On the prospects of socio-cultural integration of forced migrants.....	61
EPIFANOV A. E. Organization and activities of international organizations to ensure food security	64
ZHURAVLEV V. V. Disciplinary coercion of persons in custody in special institutions of internal affairs bodies: problems of legal regulation and ways to overcome them.....	69
ZARINA A. M. Problems of determining the consequences of a crime under Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	73
IVANOVA E. V. Forensic examination of document materials: issues of theory and practice	78
KALLAGOV T. E. Municipal service in the system of public administration of the Russian Federation: on the issue of state and municipal administration.....	83
KOVSHVATSKY V. I., MARKINA E. V. The arrest of goods, vehicles and other things that were instruments of commission or objects of an administrative offense in the system of measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses	86

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

**Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)**

Order № 55

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after
V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

KOIMSHIDI G. F., SARKISYAN A. ZH. Analysis and forecast of the dynamics of IT fraud in the Russian Federation for 2023	89
KUZNETSOV V. V., GORBATENKO D. S., PORTASHNIKOV O. M. A systematic approach as the basis for preventing accidents on the roads of the Moscow region	102
KUZNETSOV I. S., POGLAZOV A. V. Constitutional right to privacy (international legal aspect)	107
KULIKOV A. V., SHELEG O. A. The identity of the criminal as an element of the criminalistic characteristics of terrorist crimes	110
KURLOVITSCH P. N. Problem-based approach to patrol strategy: patrol reform experience in the United States	116
KURSAYEV A. V. Ethics of necessary defense	121
LENSKY V. M. Issues of special planning of the implementation of supervisory measures for persons released from places of deprivation of liberty by the district police commissioner	128
MASHAVETS P. A. On the issue of distinguishing an administrative offense under Article 14.10 of the Administrative Code of the Russian Federation and a crime under Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation	133
MELENTYEV A. V., OMAROVA A. M., ELINSKIY V. I. Problematic issues of citizens' fulfillment of their constitutional duties	138
MELNIK S. V., NADTACHAEV P. V., GOMOZOVA O. JU. The moral content of the principles of civil proceedings	142
NAGALINA M. V. Genesis of the legal concept of the modern democratic regime	147
ORLOVA T. V., BUSHUEV V. V. Formation and development of professional competencies of a forensic expert in the field of forensic examination of documents and portrait expertise	151
PAKALINA D. I. The importance of national standards in the technical and forensic study of documents	155
PALIY V. M., GRISHAI E. V., LUDKEVICH YU. N. Radicalization: concept, evaluation criteria, causes	158
PRUDNIKOV A. S. Definition of the category of highly qualified foreign specialists engaged in labor activity on the territory of the Russian Federation	163
PRUDNIKOVA T. A. Organizational and legal regulation of migration processes in the Republic of Armenia	167
RAASOV R. R. Theoretical and legal foundations of constitutional rights and freedoms of the individual	170
RODIN D. A., KUZNETSOV M. S. Powers of local self-government bodies to organize and implement measures for territorial and civil defense	174
SAMOILOV V. D. Legal relations of the Russian Federation with compatriots in the aspect of ensuring their security	177
SANIN V. E. Legal regulation of law enforcement activities in the organization of interaction between Rosgvardiya and the Federal Bailiff Service of Russia	183
SEYFETDINOV R. K. Responsibility for bringing to suicide under foreign criminal law	188
SERPIONOVA A. I. Some questions about the violation of human and civil rights and freedoms in the process of readmission relations	193
SOKOLOVA A. YU. Practical significance of the regional dialogue aimed at preventing and minimizing the negative impact of illegal migration on the global community	196
STELMAKH V. YU. Verification of on-site readings and their value for proof	200
TITOR S. E., MYSHKO F. G. Modern forms of providing services in the field of long-term care for elderly and disabled citizens	208

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency "Ural-Press Okrug" 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

TRUNOV I. L. Food becomes a weapon. Problems of food security.....	214
KHUDYAKOV V. V., ZUBOVA M. V. Video conference communication is an obvious answer at minimum cost.....	218
TSVETIKOVA T. V. Hooliganism as a manifestation of legal nihilism in modern society.....	223
CHERVONYUK V. I. Party associations in the modern Parliament (constitutional and legal analysis).....	228
CHEKASOV V. S. Refusal to reimburse the costs of paying for the services of a defender in proceedings on administrative offenses.....	235
CHISTOVA L. E. Methods of misappropriation or embezzlement of narcotic drugs and psychotropic substances as a form of their theft	240
SHAKIROV A. A. Guarantee of protection of rights and realization of obligations in the Russian Federation of medical workers	244
SHEVKO N. R., KAZANTSEV S. YA., TURUTINA E. E. Analyzing cybercrime during a pandemic.....	250

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics

Finance

ABRAMOV V. I. Development of network mechanisms for monitoring procurement operations as a subsystem of the digital economy taking into account the priorities of economic security	253
DIANOV D. V., DOLBILOV A. V. Methodological possibilities of calculating target indicators and indicators of efficiency and effectiveness of the implementation of state programs by internal affairs bodies	256
KOSOV M. E. Spain economic outlook in the impact of EU economic policy and COVID-19 epidemic.....	263
KUPRESCHENKO N. P. The impact of intersectoral cooperation on the economic security of Russian regions.....	268
MINAKOV A. V., AGAPOVA T. N. Assessment of the state and threats to economic security in the real sector of the economy.....	272

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

GONCHAROVA E. M., PODLESNAYA T. V., PROSTYAKOV V. V. Psychological aspects of personnel reserve formation in the internal affairs bodies.....	279
LEBEDEV I. B., SVYATENKO O. O., MELNIK-VEDENEEV YA. R. On the problem of measurement and diagnostics in modern classical psychology and quantum physics.....	284
POZIN A. I., BALASHOVA V. A., KRAVTSOV O. G. Emotional stability as a criterion of professional psychological fitness of a police officer.....	288
PUSTOVITOVA D. A., CHESNOKOVA I. A. The study of the features of the formation of professional motivation among employees of the internal affairs bodies	295
TSVETKOV V. L., KHRUSTALEVA T. A. Dynamics of professional identity of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of adaptation to educational and service activities	302

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-12-14>

НИОН: 2003-0059-2/23-602

MOSURED: 77/27-003-2023-02-801

О существенной значимости социальных индикаторов для противодействия фальсификации признаков преступления

Дмитрий Олегович Белов

Московская городская коллегия адвокатов, Москва, Россия, belov@zpartners.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы необходимости разработки и использования общих и специальных индикаторов, которые, по мнению автора, могут способствовать активизации установления тех подразделений органов дознания, сотрудники которых в своей деятельности не «гнушаются» фальсификациями признаков преступления в целях придания видимости результативности своей оперативной работы. Отмечается, что, несмотря на всю важность разработки и использования таких индикаторов, названные показатели не могут заменить юридические факты.

Ключевые слова: фальсификация признаков преступления, социальные индикаторы, юридические факты, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Белов Д. О. О существенной значимости социальных индикаторов для противодействия фальсификации признаков преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 12–14. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-12-14>.

Original article

On the significant significance of social indicators for countering the falsification of signs of crime

Dmitry O. Belov

Moscow City Bar Association, Moscow, Russia, belov@zpartners.ru

Abstract. The issues of the need to develop and use general and special indicators, which, in the author's opinion, can contribute to the activation of the establishment of those units of the bodies of inquiry, whose employees in their activities do not «disdain» the falsification of signs of a crime in order to give visibility to the effectiveness of their operational work, are being considered. The article notes that despite the importance of developing and using such indicators, these indicators cannot replace legal facts.

Keywords: falsification of signs of a crime, social indicators, legal facts, operational-search activities

For citation: Belov D. O. On the significant significance of social indicators for countering the falsification of signs of crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):12–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-12-14>.

Хорошо известно, что в ходе криминологических исследований далеко не все сведения можно получить из официальных источников статистической отчетности. При этом даже официальная отчетность о преступности также не свободна от субъективизма. Из указанного следует, что объективная оценка характера исследуемого феномена фальсификации признаков преступления невозможна без получения

данных об институциональных признаках такого рода деяний. Такими признаками могут выступить сведения, именуемые социальными индикаторами. К настоящему времени этот термин уже стал неотъемлемой частью понятий и категорий, используемых не только социологами, но и представителями иных гуманитарных наук. Не является исключением и криминологическая наука.

© Белов Д. О., 2023

Причинами такого внимания социальным индикаторам являются:

- неспособность официальной статистической отчетности хотя бы в общих чертах отражать феномен фальсификации признаков преступлений;
- наличие социального заказа на установление фактических объемов случаев таких фальсификаций среди официально регистрируемых преступных посягательств;
- необходимость с помощью такого рода информации оперативно вскрыть причины роста проявлений исследуемого общественно опасного феномена;
- необходимость минимизировать возможности органов дознания и следствия скрывать факты фальсификаций признаков преступлений под «личинкой» секретного характера: оперативно-розыскной деятельности — для первых, и тайны следствия — для вторых.

Таким образом, система индикаторов, разработанная нами, возможно, позволит применительно к исследуемому феномену: 1) гражданскому обществу и такому надзорному ведомству, как прокуратура, активизировать свою деятельность по установлению не только отдельных фактов фальсификаций признаков преступления в деятельности органов дознания, но и раскрыть общие тенденции этого феномена; 2) придать определенный синергетический эффект всей правозащитной деятельности современной системы правосудия.

Учитывая несомненную значимость социальных индикаторов для решения названных и иных задач, все-таки надо иметь в виду, что никакие индикаторы заменить юридические факты не могут. Следовательно, такого рода показатели могут выступать лишь векторами специальных проверок и исследований, пока эти сведения не будут сочетаться между собой, регулярно повторяться, и самое главное — не будут установлены в строгом соответствии с предписаниями норм уголовно-процессуального законодательства.

Неприемлемость использования индикаторов в роли юридических фактов объясняется и другими не менее значимыми аргументами. В частности, хорошо известно, что только признаки, предусмотренные в диспозиции той или иной нормы уголовного законодательства, могут свидетельствовать о наличии в деянии конкретного лица состава противоправного деяния. Соответственно, социальные индикаторы признаки преступлений, очерченные диспозициями норм уголовного законодательства, заменить не в силах.

Очевидно, необходимо также уделить внимание двум группам социолого-криминологических и оперативно-розыскных индикаторов: *нейтральным* и *специальным*.

К числу нейтральных индикаторов следует отнести, например:

- большую текучесть кадров среди оперативных сотрудников, увольняющихся из ОВД по собственному желанию;
- значительное число жалоб граждан на отдельных сотрудников органов дознания о допущенных ими нарушениях при задержании;
- существенные отличия в показателях отдельных сотрудников органов дознания по числу выявленных преступлений, связанных с получением или дачей взятки, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также незаконным оборотом огнестрельного оружия;
- отказ отдельных сотрудников от прохождения психофизиологических исследований на полиграфе;
- отказ сотрудника органа дознания от предложения о повышении по службе и др.¹

Выборка всех перечисленных сведений, отнесенных нами к числу нейтральных индикаторов, лишь опосредованным образом может свидетельствовать о необходимости более предметного рассмотрения деятельности соответствующего оперативного подразделения на предмет организации его сотрудниками фальсификаций признаков преступлений. В то время, как специальные индикаторы, представленные далее, хотя также не являются юридическими фактами искомой группы преступных посягательств, однако, в отличие от нейтральных индикаторов, предполагают необходимость детальной проверки деятельности соответствующего оперативного подразделения. Соответственно перечисленные далее индикаторы, в силу их особенностей, должны взять на себя роль предупредительных сигналов присутствия признаков фальсификаций признаков преступлений.

Специальные индикаторы, например:

- проведение оперативно-розыскных мероприятий в форме «наблюдения», завершившихся задержанием лица (лиц) за дачу или получение взятки, незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ или огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. Хотя такие задержания, скорее всего, возможны при «оперативном эксперименте» либо «проверочной закупке»;
- сведения, поступившие от «жертв» фальсификаций признаков преступлений, содержащиеся в материалах уголовных дел и/или адвокатских досье, об организации самими оперативными сотрудниками интернет-сай-

¹ Приведенный ряд нейтральных индикаторов исчерпывающим не является.

тов, в которых за определенное вознаграждение предлагается производить «закладки» с наркотическими средствами с целью их реализации;

- материалы, отражающие результаты внутренних расследований о систематических злоупотреблениях и превышениях полномочиями со стороны оперативных сотрудников;
- предвзятое истолкование дознавателями нормативных предписаний.

В контексте приведенных социальных индикаторов необходимо отметить следующее. Такого рода показатели по своей значимости друг от друга существенным образом отличаются. В зависимости от того, какие индикаторы исследуемого феномена проявляются в большей или меньшей степени и с какой частотой, видимо, должны делаться выводы субъектами исследований о степени «зараженности» фальсификациями деятельности органов дознания и следствия. И соответственно должен быть очерчен арсенал средств, необходимый для оздоровления ситуации.

Далее, определяя значение и роль индикаторов

анализируемой группы преступлений, необходимо обратить внимание на то, что ориентация на такого рода показатели в рассматриваемом случае возможна лишь на уровне отдельных подразделений органов дознания и следствия (микроуровень), и вряд ли возможна на уровне всего правоохранительного ведомства. Поскольку специфика названных показателей предполагает аналитические исследования по конкретным архивным уголовным делам, а также внутренним материалам проверок соответствующих подразделений. Как можно заметить, источники упомянутой разновидности сведений, хотя и не все, но в ряде случаев, находятся в ограниченном доступе. В зависимости от доступности информации, ее получение предполагает использование различного инструментария (опрос, интервьюирование, результаты официальных проверок, контент-анализ прессы, уголовная статистика, материалы журналистских расследований, материалы архивных уголовных дел и пр.). Отдельные позиции сведений могут быть получены и исследованы силами такого ведомства, как прокуратура, наделяемого в соответствии с законом надзорными функциями.

Информация об авторе

Д. О. Белов — адвокат Московской городской коллегии адвокатов.

Information about the author

D. O. Belov — Lawyer of the Moscow City Bar Association.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Оперативно-розыскная деятельность. Учебник. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации.

Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 342.922

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-15-19>

НИОН: 2003-0059-2/23-603

MOSURED: 77/27-003-2023-02-802

Участковый уполномоченный полиции как субъект профилактики и осуществления административного надзора за лицами, судимыми за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних

Татьяна Сергеевна Бессонова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

bessonowatiana@yandex.ru

Аннотация. Сегодня участковый уполномоченный полиции выполняет важнейшую функцию предупреждения и профилактики рецидивной преступности в рамках реализации административного надзора за лицами, судимыми за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Автором обозначены проблемы реализации обозначенной работы при взаимодействии с другими подразделениями, а также определены основные направления деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, административный надзор, рецидив, профилактика преступлений, правонарушения

Для цитирования: Бессонова Т. С. Участковый уполномоченный полиции как субъект профилактики и осуществления административного надзора за лицами, судимыми за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 15–19. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-15-19>.

Original article

The district police officer as a subject of prevention and implementation of administrative supervision of persons convicted of crimes against the sexual integrity of minors

Tatiana S. Bessonova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, bessonowatiana@yandex.ru

Abstract. Today, the district police commissioner performs the most important function of preventing and preventing recidivism in the framework of the implementation of administrative supervision of persons convicted of crimes against the sexual integrity of minors. The author outlines the problems of implementing the designated work in cooperation with other departments, and also identifies the main areas of activity for employees of the internal affairs bodies.

Keywords: district police officer, administrative supervision, recidivism, crime prevention, offenses

For citation: Bessonova T. S. The district police officer as a subject of prevention and implementation of administrative supervision of persons convicted of crimes against the sexual integrity of minors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):15–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-15-19>.

Сегодня участковый уполномоченный полиции выполняет достаточно большой объем функций, одним из важных направлений деятельности является профилактика преступлений и административный надзор. Особое внимание необходимо уделять лицам, имеющим судимость за насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Безусловно, усиление мер профилактики в

отношении данной категории граждан обусловлено особенностями личности преступника, а также высокой степенью общественной опасности совершаемых им преступлений.

Нормативную правовую основу административной деятельности участковых уполномоченных составляют положения: Конституции Российской Федерации [5]; федеральных законов, таких как Кодекс

Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [4], Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [11], Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [12], Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [13]; ведомственных актов: Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [7], Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») [8], Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [9].

Определение административного надзора дано в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», под ним понимается деятельность органов внутренних дел, реализуемая в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, в виде наблюдения и проверки соблюдения им судебных ограничений, связанных с разделением определенными обязанностями.

Разделение полномочий сотрудников органов внутренних дел происходит по территориальному принципу и связано с организацией систематического наблюдения за соблюдением установленных в решении суда правоограничений.

К основным задачам административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, относятся:

- предупреждение совершения данной категорией лиц преступлений и других правонарушений;
- оказание на данных лиц индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов.

К категории поднадзорных лиц относятся лица, которые освободились или в дальнейшем освобождаются из мест лишения свободы, совершившие тяжкое или особо тяжкое преступление, в том числе в условиях рецидива преступлений за умышленное преступное деяние.

Правоохранительными органами в принудительном порядке устанавливаются меры ограничительного характера, особенно в отношении тех лиц, которые совершили насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего [1, с. 82–83].

Наблюдение за соблюдением поднадзорным лицом установленных в отношении него административных ограничений, а также за выполнением им предусмотренных обязанностей осуществляется органом внутренних дел по месту жительства или пребывания поднадзорного

лица. Порядок осуществления органами внутренних дел административного надзора устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел [1, с. 84].

Мы видим, что перечень направлений деятельности участкового уполномоченного в сфере административного надзора достаточно широк. Проблемную категорию в профилактике и предупреждении преступности составляют лица, судимые за насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Безусловно, здесь следует отметить повышенный уровень общественной опасности данной категории лиц, о чем свидетельствуют санкции отдельных статей УК РФ (ч. 3–5 ст. 131, ч. 3–5 ст. 132, ч. 2 ст. 133, ст. 134, ст. 135).

Статистические данные преступных деяний, совершенных в отношении несовершеннолетних лиц против половой неприкосновенности и половой свободы свидетельствуют о росте преступности в 2020 г. на 7,2 % (всего – 15822). Следует отметить, что из них 7439 преступных деяний направлены на лиц, которым еще не исполнилось 14 лет (рост на 79 %). Большинство преступлений данного вида совершены близкими родственниками и (или) знакомыми потерпевших [3].

В научных исследованиях установлено, что большинство насильственных преступлений данной категории совершено в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [10, с. 122].

Следует отметить, что современное законодательство регулирует предупреждение преступлений в отношении поднадзорного контингента, в том числе административных правонарушений, реализуя при этом защитную функцию охраны интересов государства и общества, что отражено в ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», а также п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [6].

При осуществлении деятельности на административном участке участковыми уполномоченными полиции с данной категорией граждан на территории обслуживания, необходимо учесть следующие особенности.

У лиц, совершивших обозначенные насильственные преступления, отмечаются психологические отклонения. Выявлены пониженные показатели социальной адаптации, проблемы разрешения конфликтов. В силу чего происходит блокировка потребностей, что в последующем сопровождается принятием неадекватных решений, в основе которых лежит эмоциональное восприятие.

Характеризуя лицо, подпадающее в категорию под-

надзорных, следует отметить, что совершение им в дальнейшем нового преступления образует рецидив. При проведении профилактических мероприятий участковым уполномоченным полиции должны быть установлены объективные и субъективные причины, влияющие или в дальнейшем оказывающие влияние на криминальную мотивацию. Следует отметить, что участковый уполномоченный полиции должен находиться в прямом взаимодействии с судебными органами, прокуратурой и уголовно-исполнительной системой.

В процессе профилактической деятельности необходимо установить:

- лиц, которые оказывают негативное воздействие на осужденного, формируя стойкую антиобщественную позицию;
- факторы, повлиявшие на формирование умысла и дальнейшую реализацию преступного деяния;
- условия, свидетельствующие о благоприятной обстановке для производства подготовки и исполнения преступного умысла, которые оказывают влияние на консолидацию преступных групп и антиобщественных установок внутри них;
- необходимо определить, каким образом приобретено оружие и другие средства преступления;
- устанавливаются преступные мотивы.

Далее при определенных возможных условиях с учетом социального положения, а также индивидуальных особенностей личности лиц, судимых за насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, участковый уполномоченный полиции может:

- осуществляет решение семейно-бытовых проблем, социальных конфликтов в среде поднадзорного;
- при положительной характеристике и выполнении всех предписаний может ходатайствовать об изменении ограничений в отношении поднадзорного лица;
- содействие в поиске работы и обеспечении занятости подучетных лиц;
- направление в учреждения для лечения от алкоголизма и наркомании и т. д.

Целью профилактического воздействия института административного надзора является снижение показателей рецидива среди лиц, находящихся под административным надзором, посредством применения наблюдения, в том числе за ближайшим окружением осужденного, мер индивидуально-профилактического воздействия, противодействие вхождения лица в преступные группы и налаживанию антиобщественных связей в среде общения [10, с. 124, 129–130, 136–137].

В качестве мер принуждения в практической деятельности сотрудники органов внутренних дел достаточно активно применяют ст. 19.24 КоАП РФ и ст. 314.1

УК РФ при нарушении лицом, находящимся под административным надзором, установленных норм. Однако, следует отметить, что в территориальных органах внутренних дел «погоня» за показателями выявления административных правонарушений и преступлений в виде статистических данных «стирает» эффект профилактического воздействия на подучетный контингент. Участковые уполномоченные должны организовывать свою работу совместно с иными подразделениями таким образом, чтобы совершение лицом в дальнейшем новых преступлений было сведено до минимума, также как и применение в отношении поднадзорных лиц административных взысканий. Необходимо регулярно проводить посещение лиц по месту жительства, а также изучить места скопления антиобщественных элементов, активно взаимодействовать с общественными объединениями. Именно эти меры способствуют оперативному получению информации и проведению превентивной работы на высоком уровне с данной категорией лиц. Также на оперативных совещаниях с личным составом руководители территориальных подразделений должны рассматривать проблемы, возникающие при реализации административного надзора за лицами, судимыми за насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Путем получения информации от сотрудников подразделений уголовного розыска, отдела по делам несовершеннолетних, отдела организации и осуществления административного надзора, патрульно-постовой службы, вневедомственной охраны участковый уполномоченный может получить важную информацию о родственниках, ближайшем круге общения, трудовой деятельности, антиобщественном поведении поднадзорных лиц, которая в дальнейшем будет использована в работе.

Проведению более результативной профилактики участковыми уполномоченными в среде поднадзорных лиц препятствуют: большие объемы работы и наделение сотрудников органов внутренних дел полномочиями по обслуживанию дополнительных участков, недостаточная организационно-управленческая деятельность и упущения, связанные с предупредительной деятельностью рецидивной преступности, ослабление контроля за подучетным контингентом, несвоевременная реакция на нарушения запретов и ограничений, установленных судом в отношении судимых лиц, формализм при организации и реализации проверок при совершении новых преступлений подучетными лицами, недостаток знаний и опыта практической деятельности, упущения информированности о месте нахождения данных лиц.

Безусловно, профилактическая роль участкового уполномоченного весьма значительна. Свою деятельность он осуществляет в тесной взаимосвязи с инспектором организации и осуществления административного надзора. Н. В. Темникова выделяет следующие виды воспитательной работы с подучетным лицом: разъяснительная работа о поведении в сложных жи-

женных ситуациях, осуществление помощи социально-бытового и психологического характера, помощь в занятости и трудоустройстве, проведение профилактических бесед, направленных на повышение правосознания, воспитания, культуры и нравственных основ, контроль подучетных лиц и их [10, с. 156].

Одним из направлений деятельности участкового уполномоченного полиции является работа в рейдах по проверке поднадзорных лиц с целью выявления нарушений действующего законодательства, а также профилактики правонарушений. Сотрудниками органов внутренних дел должны активно использоваться меры предупредительного характера.

Следует отметить важное значение средств массовой информации: материалы профилактического характера необходимо разместить в печатных, электронных и телевизионных средствах массовой информации, на интернет-сайтах ГУВД, УМВД субъектов Российской Федерации «страничек» для прямого онлайн общения с участковыми уполномоченными полицией [15, с. 5].

Существует позиция, согласно которой проблема контроля участковыми уполномоченными полицией за поднадзорными лицами, совершившими преступление против половой свободы несовершеннолетнего, будет решена при использовании инновационных технологий, а именно электронных браслетов и иных устройств (аудиовизуальных, технических средств) [2, с. 110]. Встречаются даже предложения о введении Закона об ограничении свободы в связи с возможностями инновационного использования уголовно-исполнительными инспекциями электронных браслетов и спутниковой системы слежения [14, с. 87]. Однако, в практической деятельности техническая возможность применения этих устройств фактически отсутствует, так как сигналы связи очень слабые и зачастую могут указывать неверное место положения лица.

Таким образом, на сегодняшний день эффективными профилактическими мерами, применяемыми участковыми уполномоченными при реализации административного надзора за лицами, имеющими судимость за насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, выступают: беседа и наблюдение, оказание помощи в социальной адаптации, трудоустройстве, излечении от алкогольной и наркотической зависимости. Применение технических средств на сегодняшний день невозможно. Следует отметить особую роль взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями и средствами массовой информации с целью формирования правильного правосознания обозначенного контингента лиц и недопущения ими совершения в дальнейшем различных видов правонарушений.

Список источников

1. Административная деятельность полиции : учебник для студентов вузов, обучающихся по

специальности «Юриспруденция» / Под ред. Ю. Н. Демидова [Текст]. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2014. 527 с.

2. Бурлака С. А. К вопросу о повышении эффективности административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Текст] // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 2. С. 107–111.
3. Доклад уполномоченного по правам ребенка Кузнецовой А. [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/obschestvo/11517095>.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
7. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
8. Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
9. Приказ МВД России от 08 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (зарегистрировано в Минюсте России 19.08.2011 № 21672) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
10. Темникова Н. В. Предупреждение преступлений поднадзорных лиц. Дисс... на соиск. к.ю.н., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). [Текст]. М., 2016. 204 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
12. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
13. Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-

ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

14. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Значение институтов ограничения свободы и административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы в профилактике роста рецидивной преступности в обществе [Текст] // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 83–89.
15. Хотин О.В. Предупреждение насильственной преступности органами внутренних дел центрального федерального округа [Текст] // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 2–5.

References

1. Administrative activities of the police : textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence» / Yu. N. Demidov [Text]. М. : Unity-Dana : Law and Law, 2014. 527 p.
2. Burlaka S. A. On the issue of improving the effectiveness of administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty [Text] // Problems of law enforcement. 2015. № 2. P. 107–111.
3. Report of the Commissioner for Children's Rights Kuznetsova A. [Electronic resource] // <https://tass.ru/obschestvo/11517095>.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 16, 2017 № 15 «On some issues that arise when the courts consider cases on administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty» [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 № 205 «On serving as a district police officer in a serviced administrative area and organizing this activity» [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 17, 2006 № 19 «On the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes» (together with the «Instruction on the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes») [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 8, 2011 № 818 «On the Procedure for Administrative Supervision of Persons Released from Places of Deprivation of Freedom» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on August 19, 2011 № 21672) [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
10. Temnikova N. V. Prevention of crimes of supervised persons. Diss ... for the competition PhD in Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MFUA) [Text]. М., 2016. 204 p.
11. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
12. Federal Law of February 7, 2011 № 3-FZ «On the Police» [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
13. Federal Law № 64-FZ of April 6, 2011 «On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty» [Electronic resource] // RLS «Consultant Plus».
14. Kholmansky V. I., Stulnova T. V. The importance of institutions of restriction of liberty and administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty in preventing the growth of recidivism in society [Text] // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2. P. 83–89.
15. Khotin O. V. Prevention of violent crime by the internal affairs bodies of the central federal district [Text] // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 2. P. 2–5.

Информация об авторе

Т. С. Бессонова — доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

T. S. Bessonova — Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья
УДК 343.982.4
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-20-25>
НИОН: 2003-0059-2/23-604
MOSURED: 77/27-003-2023-02-803

Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности

Станислав Михайлович Бобовкин¹, Ольга Александровна Диденко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ s.m.bobovkin@yandex.ru

² Diola4@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются объекты судебно-почерковедческой экспертизы, наиболее часто встречающиеся в экспертной практике в период цифровизации. Приводится авторский взгляд на классификацию данных объектов исследования как с учетом обобщения и анализа литературных источников в области криминалистического исследования документов, так и статистических данных деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России, анкетирования экспертов-почерковедов.

Рассматривается криминалистическая характеристика новых объектов исследования, базирующаяся на специфике и особенностях экспертного исследования. В их числе объекты, представляющие наибольший научно-практический интерес: изображения разных категорий рукописей – текстов, кратких записей и подписей; рукописи, выполненные иносязычными видами письменности, значительно отличающимися от русской современной скорописи (в частности, арабской вязью, китайскими иероглифами и т. п.); записи, исполненные на различного рода вертикальных поверхностях нетрадиционными пишущими приборами (например, граффити); изобразительные подписи и иные, почерковые объекты, недостаточно описанные в специальной литературе.

На основании исследования с учетом потребностей судебно-экспертного сообщества авторами предлагаются определенные дополнения в список объектов рассматриваемого рода (вида) экспертизы. Помимо этого, отмечаются некоторые пути совершенствования теоретических и методических положений судебно-почерковедческой экспертизы.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, объекты исследования, современная классификация, изображения рукописей, рукописные объекты, выполненные иносязычными видами письменности, цифровые рукописные биометрические подписи, граффити, изобразительные подписи, методика исследования

Для цитирования: Бобовкин С. М., Диденко О. А. Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 20–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-20-25>.

Original article

Objects of forensic handwriting examination in the present-day conditions

Stanislav M. Bobovkin¹, Olga A. Didenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ s.m.bobovkin@yandex.ru

² Diola4@mail.ru

Abstract. The objects of forensic and penmanship examination, most frequently encountered in expert practice during the period of digitalization are being considered. The authors' view on the classification of these objects of investigation is given, taking into account the generalization and analysis of literary sources in the field of forensic document examination, as well as statistical data on the activities of expert criminalistics departments of the Russian Ministry of Interior, and questioning of penmanship experts.

The article provides a forensic description of new objects of investigation, based on the specifics and peculiarities of expert investigation. Among them, objects of the greatest scientific and practical interest are considered: images of various categories of manuscripts — texts, brief notes and signatures; digital handwritten biometric signatures; manuscripts executed in foreign languages, significantly different from Russian modern cursive writing (in particular, in

© Бобовкин С. М., Диденко О. А., 2023

Arabic script, Chinese characters, etc.); records executed on various vertical surfaces by non-traditional writing devices (for example, graffiti); pictorial signatures and other, handwritten texts.

On the basis of the study, taking into account the needs of the forensic community, the authors propose certain additions to the list of objects of the examined type (type) of examination. In addition, some ways of improving the theoretical and methodological provisions of forensic handwriting examination are noted

Keywords: forensic handwriting examination, objects of investigation, modern classification, images of manuscripts, handwritten objects executed in foreign languages, digital handwritten biometric signatures, graffiti, pictorial signatures, research methodology

For citation: Bobovkin S. M., Didenko O. A. Objects of forensic handwriting examination in the present-day conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):20–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-20-25>.

В период глобализации и цифровизации одним из первостепенных направлений развития правоохранительной системы Российской Федерации выступает совершенствование судебно-экспертной деятельности. Данное направление развивается поэтапно по правовым, теоретическим, методическим и организационным аспектам работы. В рамках совершенствования теоретико-методических положений появляются новые рода (виды) судебных экспертиз, новейшие объекты исследования, формируется их научно-методическое, информационное и программно-техническое обеспечение. В частности, дается криминалистическая характеристика новых объектов, выделяются особенности, производится их классификация, также определяются возможности исследования, на основании чего разрабатываются соответствующие методы и методики экспертного исследования.

Учитывая синтетическую природу, среди криминалистических видов судебных экспертиз в части своевременного и эффективного внедрения современных достижений науки и техники традиционно выделяется судебно-почерковедческая экспертиза. В информационный век данное направление криминалистического исследования документов характеризуется модернизацией теории и практики судебно-почерковедческой диагностики, расширением круга решаемых задач, некоторой автоматизацией деятельности эксперта-почерковеда, появлением новых методов (преимущественно инструментальных и кибернетических), приемов экспертного исследования, технических средств, а также изучением новых специфических объектов.

В соответствии с базовыми теоретическими положениями судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы объекты принято рассматривать в широком и узком смысле. Во-первых, таковыми выступают все материалы рассматриваемого дела, будь то уголовного, административного, гражданского либо арбитражного, которые направляются на исследование. Помимо этого, к ним относятся также сведения, полученные следственными или судебными органами по запросу эксперта (например, о личности предполагаемого исполнителя и необычных условиях выполнения почерковой реализации). Во-вторых, не-

посредственными объектами рассматриваемого рода (вида) экспертизы являются именно рукописи. В дополнение к этому в отмеченной области использования специальных знаний существуют специальные непосредственные объекты, выражающиеся в свойствах почерка и отображающиеся в различных рукописях [3, с. 17–18].

К числу непосредственных объектов судебно-почерковедческой экспертизы относятся три основные категории: рукописные тексты, краткие записи и подписи различного объема и состава. Они подробно описаны в фундаментальных работах соответствующего профиля и характеризуются высоким уровнем методического обеспечения. Долгое время этот перечень объектов исследования являлся исчерпывающим и в полной мере соответствовал потребностям судебно-экспертной практики. Однако в эпоху цифровизации и глобализации мирового сообщества в практике раскрытия и расследования преступлений появились новые, преимущественно цифровые, а также некоторые аналоговые объекты исследования, характеризующиеся определенной спецификой и особенностями исследования. На настоящем этапе развития судебного почерковедения они недостаточно рассмотрены в специальной криминалистической литературе и требуют детального освящения. Ввиду чего в этой статье рассмотрим современные объекты, получившие наиболее распространение в судебно-почерковедческой практике в настоящее время.

В качестве ещё одного наиболее распространенного почеркового объекта следует назвать подпись. Она на протяжении долгого времени особенно привлекает представителей криминального мира, являясь предметом преступных посягательств, что влечёт постоянно возрастающую необходимость их анализа экспертами-практиками, а, соответственно, вызывает интерес и у учёных-криминалистов. Однако существующие теоретические знания в рассматриваемой области уже не вполне удовлетворяют потребностям современных реалий. Налицо необходимость расширения классификации подписей по встречающемуся многообразию транскрипционного состава. Так, с учётом того, что на сегодняшний день эксперт-почер-

ковед в своей практической деятельности сталкивается с подписями, не только буквенного, безбуквенного (штрихового) и смешанного (буквенно-штрихового) состава имеющаяся традиционная классификация нуждается в расширении. Это связано, прежде всего, с отсутствием жесткой регламентации или требований, предъявляемых к компонентному составу подписи. В связи с чем возможности включения автором-создателем в транскрипционный состав собственной подписи любого желаемого графического символа не ограничены. При этом отдельные индивиды используют подпись как средство самовыражения, включая в её состав элементы рисунков, идеограммы, пиктограммы и т.п., стремясь через удостоверительный знак подчеркнуть индивидуальность и неповторимость. Учитывая изложенное, имеющаяся в арсенале экспертов-почерковедов классификация требует дополнения буквенных, безбуквенных (штриховых) категорией «изобразительных» (включающих элементы рисунков, идеограммы, пиктограммы и т.п.), и расширения категории смешанных (буквенно-штриховых), которые помимо традиционно обозначенных букв и штрихов могут также включать в себя элементы рисунков, идеограммы, пиктограммы и т.п. Обозначенные дополнения имеет ярко выраженную специфику в части теоретических, методических и организационно-тактических аспектов, что обуславливает необходимость дальнейшей деятельности по обозначенным направлениям.

Значительный научно-практический интерес представляют изображения разнообразных рукописей: текстов, кратких записей и подписей различного объема и состава. Они представляют собой графический объект, содержащий полностью либо частично цифровой (аналоговый) образ рукописи исполнителя. Основная особенность заключается в том, что данные объекты выступают не прямым отображением системы криминалистических свойств почерка конкретного индивида, а являются их отображением посредством графических объектов, воспроизводимых с помощью различных технических средств непосредственно на бумажном либо электронном носителе информации [2, с. 24].

Кроме того, отмеченные специфические объекты характеризуются существенным отличием по способу фиксации и воспроизведения, а также особенностям реализации технологических процессов конкретных репрографических устройств. В настоящее время существует огромное многообразие изображений почерковых реализаций, однако в экспертно-криминалистической практике наиболее распространены: электрофотографические копии; фотокопии и сканированные изображения (направляемые на исследование на электронных носителях информации), копии, полученные комбинированным способом, например, зафиксированные путем фотографирования и воспроизведенные посредством монохромной электрофотографии и т.д.

Указанная специфика предопределяет появление дополнительного подэтапа в рамках частной методики экспертного исследования, проводимого на этапе установления способа получения конкретного изображения рукописи, заключающегося в необходимости дополнительного разграничения и последующего определения способов фиксации (первый этап получения изображения, реализуемый, например, путем сканирования) и воспроизведения графической информации (второй этап, осуществляемый посредством нанесения изображения на следовоспринимающий объект различными репрографическими способами). Также возможны экспертные ситуации, когда некоторые из рассматриваемых объектов могут быть получены путем проведения лишь одного из отмеченных этапов (без проведения второго, например, исключать последующее воспроизведение изображения, ограничиваясь лишь фиксацией). В этом случае проведение отмеченного дополнительного этапа не требуется.

Кроме специфики и многообразия вариаций изображениям почерковых объектов присущи некоторые факторы, затрудняющие процесс проведения всестороннего, полного и объективного исследования. Среди них следует отметить: искажения, возникающие при передаче системы информативных признаков почерка с оригинала рукописи на изображение этого почеркового объекта, которые обусловлены процессом его получения (1); значительную специфику отображения идентификационных и диагностических признаков (2); меньшую по сравнению с оригиналом информативность рассматриваемых объектов (3); их ограниченную пригодность для решения почерковедческих задач (4); широкие возможности применения технических средств и приемов при выполнении (5); отсутствие общепринятых теоретических, методических и организационно-тактических основ почерковедческого исследования изображений почерковых объектов (6) [1, с. 120–123].

Таким образом, по нашему мнению, изображения рукописей могут быть выделены в качестве нового вида объектов почерковедческого исследования, которые должны быть обеспечены базовыми положениями как в теоретическом, методическом, так и организационно-тактическом плане. В рамках соответствующих разработок первостепенными задачами видится создание ряда валидированных и сертифицированных методик криминалистического исследования изображений рукописей, основанных на специфике реализации технологических процессов конкретных видов фиксирующих и копировально-множительных устройств [2, с. 24–25].

В дополнение к вышеуказанному, факультативным основанием для деления непосредственных объектов судебно-почерковедческой экспертизы может выступить способ их воспроизведения (например, на бумажном либо электронном носителе информации). Полагаем, что данный формат позволит судебным экс-

пертам более детально изучать специфику почеркового объекта и наиболее точно определять поставленную перед ними задачу.

Процессы глобализации способствовали появлению еще одного актуального и востребованного со стороны запросов правоохранительных органов объекта — рукописей иноязычного состава. Данные объекты представляют собой почерковые реализации, выполненные разными малоизвестными отечественным экспертам-почерковедам видами письменности и характеризуются значительным конструктивным отличием относительно русской современной скорописи. К таковым в первую очередь относятся китайское иероглифическое письмо, арабская вязь и современная японская письменность. В качестве отличительных особенностей рассматриваемых объектов следует выделить: конструктивное своеобразие, значительное количество письменных знаков (достигающее нескольких десятков тысяч) и определенные правила исполнения. Учитывая существенную специфику, в целях проведения всестороннего, объективного и полного исследования требуются дополнительные специальные знания в области лингвистики в сфере использованного вида письма, которые возможно использовать путем реализации комплексного подхода. Указанное обстоятельство обусловлено необходимостью установления структурной и понятийной составляющей исследуемой рукописи, определения каждого письменного знака и конкретизации его компонентов, изучения последовательности и правил выполнения элементов, подбора из всего массива сравнительного материалов наиболее сопоставимых образцов, оценки идентификационной значимости информативных признаков и т. д. В результате процесс идентификационного исследования иноязычных рукописей характеризуется необходимостью проведения комплексного экспертного исследования и может быть реализован в трех формах: комплексная экспертиза, комплекс исследований в рамках моноэкспертизы и комплекс экспертиз. Анализ экспертно-криминалистической практики в области производства судебно-почерковедческих экспертиз свидетельствует о том, что именно посредством применения комплексного подхода в обозначенных формах обеспечивается всестороннее исследование рассматриваемых рукописных объектов, повышается уровень достоверности и обоснованности выводов эксперта. Вместе с тем, рассмотренная специфика объектов и методические особенности должны быть отражены в конкретной частной методике почерковедческого исследования рукописей определенного иноязычного состава [5].

Результаты проведенного анализа позволяют выделить иноязычные рукописи в качестве специфических объектов судебно-почерковедческой экспертизы. В то время как вид письменности, по нашему мнению, возможно использовать в качестве дополнительного основания для градации объектов рассматриваемой

области использования специальных знаний.

В дополнение к указанным почерковым объектам широкое распространение в судебно-экспертной практике получили цифровые рукописные биометрические подписи. Появление таких объектов обусловлено расширением числа мероприятий, входящих в удостоверительную деятельность, в особенности — потребностями государственных органов во внедрении новых способов подтверждения финансовых операций. Специфика таких новых объектов заключается в процессе их выполнения (сочетающем реализацию письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков и технологические процессы запечатления графической информации), особенностях отображения в них как основных криминалистических свойств почерка исполнителя, так и свойств фиксирующего устройства (планшета либо иного материала письма), также выражении информативных признаков конкретного индивида. Рассмотрение отличительных особенностей и специфики исследования указанного объекта представляется нам актуальным направлением рассматриваемой области использования специальных знаний [4].

Особо актуальным на сегодняшний день представляется изучение системы информативных признаков почерка, анализ, ее отличительных особенностей от традиционных рукописных вариантов и специфики образцов почерка (подписи) проверяемого лица. Все вышеперечисленные обстоятельства, бесспорно, требуют более основательного изучения, подчёркивая необходимость отнесения этой разновидности исследуемых рукописей в отдельную категорию объектов судебно-почерковедческой экспертизы.

Важно отметить, что при выполнении подписи, краткой записи, текста, на дисплее электронного устройства, происходит в непривычных условиях письма. Как правило, при использовании традиционных материалов письма традиционный пишущий прибор контактирует с более шероховатой поверхностью (листом бумаги, картона и др.) по сравнению с применением стилуса на гладком дисплее электронного устройства, где сила трения в разы снижается. Здесь следует учитывать и разновидность самого дисплея (резисторный, ёмкостный), так как его характеристика предопределяет выбор и использование конкретного пишущего прибора. Так, для письма используется цифровое перо (стилус, кисть для графического планшета), а в отдельных случаях и вовсе контур подписи (записи) воспроизводится посредством скольжения по поверхности экрана пальцем руки. Устройство пера различают в зависимости от разновидности экрана девайса: резисторный дисплей реагирует на само нажатие, ёмкостный дисплей имеет другой принцип работы. Стилусы для первого варианта устройства должны иметь наконечник цифрового пера с зауженным кончиком, изготовленным из силикона или тефлона, что позволяет избежать царапин дисплея. Для второго ва-

рианта дисплея необходим наконечник, обладающий электрической ёмкостью, т. е. оборудованный резиновым или силиконовым наконечником, внутри которого есть катушка, опилки из металла и магнитопроводящее кольцо. Все вышеперечисленные особенности преимущественно влияют на образование на поверхности экрана прибора следов.

Кроме того, в результате выполнения рукописной реализации на устройстве могут зафиксироваться признаки, свидетельствующие о замедленности темпа письма и снижении координации движений. Хотя в данном случае это зачастую может быть обусловлено механизмом слеодообразования или малой разрешающей способностью следовоспринимающей поверхности используемого технического средства. Наличие указанных признаков подписи могут затруднить решение вопроса о подражании. Наряду с этим большую сложность представляет возможность дифференцировать, обусловлены ли тупые начала и окончания, извилистость прямолинейных штрихов, угловатость дугообразных элементов, неравномерный разгон и размер букв, наклон и расстановка по вертикали и горизонтали особенностями их отображения на дисплее электронного устройства, или же являются признаками выполнения подписи с подражанием. Однако, даже при наличии факта подражания подписи другого лица, в рукописи будут отсутствовать неотвечиваемые останки пишущего прибора в виде наплывов красителя подписи, что характерно для не текучих виртуальных «чернил». Так, анализ подписи, выполненной на дисплее электронного устройства, осложняется дифференциация и оценка классических диагностических и идентификационных признаков при определении ее подлинности, что обусловлено использованием необычных орудий письма.

Жизнь пребывая в динамичном развитии, порождает всё новые интересные, имеющие ярко выраженную специфику объекты судебно-почерковедческой экспертизы, в числе которых граффити (от итал. «graffito» **граффито** — ед. число, множ. *graffiti* — изображения или надписи, выцарапанные, написанные или нарисованные краской либо чернилами на стенах и других поверхностях). Учитывая тот факт, что самые ранние граффити появились довольно давно (их связывают с 30 тысячелетием до н. э.), на современном этапе данная разновидность уличного искусства приобретает всё большую актуальность, в том числе в качестве разновидности современного объекта судебно-почерковедческой экспертизы. В первую очередь в тех случаях, когда это реализуется за пределами правового поля: надписи экстремистского содержания, вандальные надписи, содержащие угрозы, незаконная реклама и прочее. Здесь особое внимание заслуживает изучение нетрадиционных материалов письма и механизма слеодообразования: процарапывание заострённым предметом имеющихся слоёв краски, применение мела, угля, кисти и красок, а также

баллонов с распылителями красок и многое другое. Необычные условия письма продиктованы не только используемыми материалами, но и характеристиками следовоспринимающей поверхности (вертикальное положение, различные материалы: бетон, кирпич, дерево, стекло, металл, пластик, картон и т. п.), что отчасти будет обуславливать проявление тех или иных признаков, а, соответственно, потребует более основательного анализа и изучения.

Таким образом, учитывая ярко выраженную специфику и этой категории почерковых объектов исследования, важно отметить необходимость выделения граффити в отдельный кластер, с детальным рассмотрением теоретической базы, методических особенностей, организацией и тактикой назначения и производства таких исследований, что представляется перспективным направлением затронутой области специальных знаний [6].

Таким образом, проделанная работа по изучению современных объектов судебно-почерковедческой экспертизы позволила нам дополнить перечень объектов рассматриваемой области использования специальных знаний, выделить их специфические и методические особенности. В целом данные разработки могут быть использованы как для последующего пересмотра и обновления классификации объектов почерковедческого исследования, так и для дальнейших научных изысканий в этой сфере, что будет способствовать развитию криминалистического исследования документов и науки о судебной экспертизе.

Список источников

1. Бобовкин С. М. Изображения рукописей — современные объекты почерковедческой экспертизы // Правосудие. 2022. Т. 4. № 2. С. 113–133. EDN PDMMJQ.
2. Бобовкин С. М., Диденко О. А. К вопросу о криминалистическом исследовании изображений почерковых объектов // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 23–30.
3. Криминалистика. Исследование документов : учебное пособие для вузов / М. В. Бобовкин [и др.] ; ответственные редакторы М. В. Бобовкин, А. А. Проткин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2022.
4. Подполуха М. М. Почерковедческое исследование цифровой рукописной биометрической подписи // Судебная экспертиза Беларуси. 2022. № 1(14). С. 42–48. EDN JUFKHA.
5. Четверкин П. А. Особенности составления заключения эксперта по результатам производства судебнопочерковедческой идентификационной экспертизы рукописей, выполненных китайскими иероглифами / П. А. Четверкин, С. М. Бобовкин // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 219–222. EDN RPQSBF.

6. Ягунов А. С., Смирнова С. А., Якушев В. В. Граффити как объект судебно-почерковедческого исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 174–178.

References

1. Bobovkin S. M. Images of manuscripts — modern objects of handwriting expertise / S.M. Bobovkin // *Pravosudie*. 2022. V. 4. № 2. P. 113–133. EDN PDMMJQ.
2. Bobovkin S. M., Didenko O. A. To the question of the forensic study of images of handwriting objects // *Theory and Practice of Forensic Expertise*. 2022. V. 17. № 2. P. 23–30.
3. Criminalistics. Investigation of documents : textbook for universities / M. V. Bobovkin [and others] ; responsible editors M. V. Bobovkin, A.

- A. Protkin. 2nd ed. revised and supplemented. Moscow : Publishing house Yurait, 2022.
4. Podpolukho M. M. Handwriting examination of digital handwritten biometric signature // *Forensic expertise of Belarus*. 2022. № 1(14). P. 42–48. EDN JUFKHA.
 5. Chetvertkin P. A. Features of drawing up an expert report on the results of the forensic and penmanship identification examination of manuscripts made in Chinese characters / P. A. Chetvertkin, S. M. Bobovkin // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 7. P. 219–222. EDN RPQSBF.
 6. Yagunov A. S., Smirnova S. A., Yakushev V. V. Graffiti as an object of forensic and penmanship research // *Vestnik (Herald) of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. № 2 (54). P. 174–178.

Информация об авторах

С. М. Бобовкин — доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

О. А. Диденко — заместитель начальника кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. M. Bobovkin — Associate Professor of the Department of Document Examination of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

O. A. Didenko — Deputy Head of the Department of Document Examination of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-26-30>

НИОН: 2003-0059-2/23-605

MOSURED: 77/27-003-2023-02-804

Последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате включенности в деятельность Международного Суда

Валерий Викторович Богатырев¹, Рубен Амаякович Каламкьян²

^{1,2} Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Аннотация. Прослеживается последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате включенности в деятельность Международного Суда.

Ключевые слова: Российская Федерация, Международный Суд, обеспечение юридической безопасности государств–членов ООН

Для цитирования: Богатырев В. В., Каламкьян Р. А. Последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате включенности в деятельность Международного Суда // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 26–30. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-26-30>.

Original article

Consistent foreign policy of the Russian Federation to ensure the legal security of the member states of the United Nations in the format of involvement in the activities of the International Court

Valery V. Bogatyrev¹, Ruben A. Kalamkaryan²

^{1,2} Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Abstract. The work shows the consistent foreign policy of the Russian Federation to ensure the legal security of the member states of the United Nations in the format of involvement in the activities of the International Court.

Keywords: the Russian Federation, International Court, enforcement of the juridical security of states–members of the United Nations

For citation: Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. Consistent foreign policy of the Russian Federation to ensure the legal security of the member states of the United Nations in the format of involvement in the activities of the International Court. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):26–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-26-30>.

Последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате заявленной приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита

© Богатырев В. В., Каламкьян Р. А., 2023

2005 г., Декларация пяти принципов внешней политики 2008 г.) подтверждает себя в деятельности России по содействию осуществлению Международным Судом своей функции по отправлению международного правосудия по линии обеспечения юридической безопасности государств-членов Организации Объединенных Наций.

Юридическая безопасность в своем академическом и прикладном плане понимается как совокупность субъективных прав и законных интересов государств. Осуществляя свою деятельность по разрешению межгосударственных споров, Международный Суд, тем самым, выполняет роль по обеспечению права в плане его выполнимости в режиме добросовестного соблюдения международных обязательств государствами-членами Организации Объединенных Наций. Соответственно обеспечивается и юридическая безопасность государств, коль скоро разрешение межгосударственных споров содействует обеспечению субъективных прав и законных интересов государств-членов мирового сообщества. Таким образом, через процедуру разрешения межгосударственных споров Международный Суд как главный судебный орган ООН содействует поддержанию универсальной юридической безопасности мирового сообщества.

Включенность Международного суда в формат миропорядка на основе верховенства прав Rule of Law (это предусматривается такими универсально принятыми документами, как Декларация тысячелетия 2000 г. и Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) определяется его ролью как главного судебного органа Организации Объединенных Наций, призванного через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута суда) содействовать мирному разрешению споров (ст. 33 Устава ООН).

Международный суд как орган международного правосудия, который знает права (*ius novit curia*), выносит в режиме юридического равенства заявителя (призванного представить доказательства в поддержку своей позиции при условии отказа в принятии его дела по факту непредставления надлежащих доказательств – *actore non probante reus absolvitur*) и ответчика (*audiatur at altera pars*) окончательное решение — юридически обязательное для участвующих в деле сторон (*res iudicata*).

Позиционная значимость Международного суда определяется его ролью в деле поддержания юридической безопасности государств-членов мирового сообщества, когда суд как орган по обеспечению права через выносимое им решение по делу содействует защите субъективных прав и законных интересов государств. «К ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Организации Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями» — так Статут в п. 1 ст. 36 определил круг компетенции Международного суда. По факту

передачи дела суду, суд вне зависимости от характера спора призван через применение всей источниковой базы международного права согласно п. 1 ст. 38 Статута (основные источники: международные конвенции, международный обычай, общие принципы права; вспомогательные источники: судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) или на основе справедливости *ex aequo et bono* (по согласию сторон) разрешить спор, вынести надлежащее решение и перенести взаимные отношения сторон в разряд нормальности и доверительности. При этом Международный суд как орган международного правосудия в силу запрета *non-liquet* не может отказаться вынести решение за неясностью или отсутствием подлежащей применению нормы права (ст. 11 Образцовых правил арбитражного процесса, принятых Комиссией международного права ООН в 1950 г.).

Предписание востребованности разрешения межгосударственных споров через посредство Международного суда (как оно проявляет себя в рамках миропорядка на основе верховенства права) параллельно с этим допускает включенность в процесс разбирательства в суде главных и других органов ООН, а также специализированных учреждений. Однако речь здесь идет не о спорной юрисдикции, а о консультативной юрисдикции. Положения ст. 96 Устава ООН, а также вся глава IV Статута суда (ст.ст. 65–68) посвящены институту консультативных заключений Международного суда. Запрос по линии орган ООН — Международный суд в одном случае идет от имени Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, а в другом случае от имени других органов ООН и ее специализированных учреждений (с разрешения Генеральной Ассамблеи). Предметом запроса о консультативном заключении согласно Уставу ООН и Статуту суда является «любой юридический вопрос», также как предметом спорной юрисдикции Международного суда опять-таки согласно Уставу ООН являются «споры юридического характера». Между тем известно, что согласно общепризнанному принципу о запрете *non-liquet* [2, p. 231–237; 3, p. 13; 4, p. 16, 18, 260] суд как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Тем самым суд принимает к рассмотрению любые споры и любые вопросы, переданные ему сторонами для разбирательства. В практике Международного суда никогда не было разделения споров и вопросов, с которыми к нему обратились субъекты международного права, на юридические и политические. Все споры и все вопросы, поступившие в суд в соответствии с его Статутом, принимаются Международным судом к рассмотрению и по ним выносятся решения или консультативное заключение.

Включенность Международного суда в дело нормального (в смысле поступательного) развития современного миропорядка определяется его ролью по

обеспечению выполняемости норм международного права на основе принципа добросовестности.

Право как позитив должного поведения государств действует в режиме предписания добросовестного соблюдения государствами своих международных обязательств и санкционирования по обстоятельствам их нарушения. Для Международного суда как главного судебного органа ООН его значимость проявляет себя через создание надлежащих условий для разрешения всех возникших межгосударственных споров по предмету выполнения государствами своих международных обязательств (вне зависимости от их происхождения: договорные или обычного порядка) исключительно в режиме принципа добросовестности. Международное право, как известно, санкционирует не только прямое нарушение, но и недобросовестное его соблюдение. Доктрина международного права (профессора Б. Ченг, Э. Золлер, Ш. Руссо, Х. Лаутерпахт, Л. Оппенгейм и др.) [4, р. 105–163; 5, р. 109–122; 6, р. 382–384; 2, р. 47, 237, 268, 378; 2, р. 38, 44], равно как и практика международных судебно-арбитражных органов (решения от 25 мая 1926 г. по делу о германских интересах в польской Верхней Силезии, решение от 28 ноября 1958 г. по делу о применении Конвенции 1902 г. о защите несовершеннолетних, решение от 6 апреля 1938 г. по делу о Трейл Сметте, решение 1992 г. по делу о тюленях Берингова моря) [7, р. 30; 8, р. 67; 9, р. 889–890] однозначно высказывается в пользу недопустимости злоупотребления правом. Государство может пользоваться своими субъективными правами в той степени, в какой оно не нарушает субъективных прав другого государства. Линия между добросовестным и недобросовестным использованием субъективными правами проходит по линии такого пользования субъективными правами, при котором не допускается нарушения обязательства по недопустимости нарушения субъективных прав другого государства. Возникший по факту злоупотребления правами спор подлежит передаче в Международный суд для вынесения по нему обязательного для сторон решения в режиме *res judicata*.

Международный суд при вынесении своего решения не только использует весь уже наработанный позитив источниковой базы международного права (суд, записано в консультативном заключении по делу в юридических последствиях для государств по факту присутствия ЮАР в Намибии от 21 июня 1971 г., «может действовать только на основе права») [10, р. 22], но и при этом уточняет, формирует новые нормы и принципы, констатирует создание международного обычая. Тем самым Международный суд играет важную роль в прогрессивном развитии современного международного права и его институтов. Так, в решении от 18 декабря 1951 г. по англо-норвежскому делу о рыболовстве суд констатировал становление принципа прямых исходных линий при определении границы территориальных вод [11, р. 116, 138–139]. Форму-

лирование судом принципа прямых исходных линий в качестве новой обычной международно-правовой нормы произошло по факту ее признания международным сообществом. С другой стороны, в решении от 20 февраля 1969 г. по делу о континентальном шельфе Северного моря суд высказался против факта существования или формирования новой обычно-правовой нормы в форме принципа равного отстояния при разграничении континентального шельфа [12, р. 27–28]. И, наконец, в решении от 6 апреля 1955 г. по делу Ноттебома суд подтвердил факт формирования международной обычно-правовой нормы в форме принципа реальной или эффективной связи при обосновании института гражданства [13, р. 16–17, 20–21]. Констатация со стороны Международного суда факта формирования нового принципа международного права проходит в объективном порядке наличия устоявшейся, длительной и непрерываемой практики и юридического убеждения государств-членов мирового сообщества в ее обязательности для себя (*opinion juris sive necessitatis*). Решения Международного суда, будучи способом констатации факта формирования новой международно-правовой нормы, сами (совместно с доктринами наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) служат в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм (ст. 38 Статута суда). Совместно с международными конвенциями; международным обычаем; и общими принципами права, признанными цивилизованными нациями, судебные решения составляют собой источниковую базу современного международного права.

Качественный показатель вклада Международного суда в процесс прогрессивного развития международного права определяет себя постоянством действия, преемственностью происхождения судебного разбирательства, последовательностью в достижении справедливого решения дела.

Значимость Международного суда именно в аспекте миропорядка на основе верховенства права в юридической сущности суда как органа по обеспечению, толкованию, формулированию, прогрессивному развитию международного права показывает себя в реальном режиме. Государства вполне обоснованно выделяют судебную процедуру мирного разрешения споров по сравнению с другими способами мирного разрешения споров согласно ст. 33 Устава ООН. Преимущества судебной процедуры состоят в создании условий для окончательного разрешения спора в режиме юридически обязательного постановления для сторон. Политические способы мирного разрешения спора (переговоры, посредничество, обследование, примирение) при всей очевидной положительности своей предметной направленности по своей сути не ориентированы на достижение юридически обязательного акта. Понимая это очевидное обстоятельство, государства при возникновении востребован-

ности разрешения споров предпочитают судебную процедуру мирного разрешения спора по сравнению, в частности, с посредничеством (mediation) и примирением (conciliation). Возросшее обращение государств в Международный суд с целью мирного разрешения споров сводит на нет всякие утверждения по поводу «упадка», «второстепенности» роли суда в современной международной системе. Доводы профессора В. Моравецкого (W. Morawiecki) [1, p. 49, 225–231] в пользу «дисфункциональности» и «второстепенности» роли Международного суда сводятся к заявлениям о неготовности государств принимать обязательную юрисдикцию суда, жесткому и окончательному по своему характеру, способу разрешения международных споров по обстоятельствам появления «победителя» и «побежденного». В то время как суд предлагает «игру по принципу нулевой суммы» («zero sum game»), политические средства разрешения споров устанавливаются, утверждает В. Моравецкий, более гибкий и приемлемый вариант «игры по принципу не нулевой игры» («non-zero sum game»). Международный суд по всем объективным показателям своей деятельности не только не находится в упадке, но, наоборот, с каждым годом своей важной и направленной на обеспечение верховенства права деятельности повышает (через увеличение числа переданных ему дел государствами) свою включенность в современный миропорядок. В этом смысле вполне обоснованно говорить о том, что Международный суд на самом деле находится на подъеме. Доктрина международного права (например, профессор Б. Ченг, B. Cheng; Ф. Капоторти, F. Caportorti; Ш. Розенн, Sh. Rosenne; Л. Гросс, L. Gross; Л. Оппенгейм, L. Oppenheim; Р. Сзафарз, R. Szafars; М. Ляхс, M. Lachs) [4, p. 336–387; 1, p. 50, 52, 54, 72; 3, p. 11, 14; 14, p. 1–79; 15, p. 1–17] справедливо констатируют значимость роли Международного суда в плане устранения споров из взаимных отношений государств и введения их в русло сотрудничества, мирного взаимодействия и доверия. При этом в особом порядке вполне обоснованно обозначается роль Международного суда в деле обеспечения верховенства права Rule of Law в современном миропорядке. Замечания профессоров Г. Голсонга (H. Golsong) и Р.Й. Дженнига (R.Y. Jennings) в этом направлении однозначно правильны, поскольку целиком вписываются в реальные параметры включенности Международного суда в систему современных международных отношений [1, p. 42, 48, 52].

На общем фоне позитивности в восприятии значимости места и роли Международного суда в современном миропорядке доктринальные утверждения о «второстепенности» суда, неприемлемости однозначного решения спора между государствами, «жесткости» и «бескомпромиссностью» при нахождении пути урегулирования спорной ситуации требуют адекватного ответа с позиций современного международного права.

Дела возбуждаются в Международном суде, уста-

навливает ст. 40 Статута, нотификацией специального соглашения или письменным заявлением на имя секретаря суда. В обоих случаях требуется указание предмета спора (petitum) и сторон спора в режиме их юридического равенства (audiatur et altera pars).

Обращение в Международный суд в своем существенном юридическом восприятии нельзя никак рассматривать как недружественный акт. При любых случаях возбуждения дела в суде (нотификация специального соглашения или письменное заявление на имя секретаря) предварительное согласие сторон уже присутствует. В конце концов, а именно согласительная основа составляет собой юридическое обоснование при возбуждении дела в Международном суде. При обстоятельствах, когда в первоначальном плане в суде (и соответственно вынесения по нему решения) наличествует заранее выраженное согласие сторон, факт обращения одной из сторон спора в суд и возбуждение по этому факту дела в суде следует в общепринятом понимании вещей расценивать исключительно как согласующееся с логикой права намерение уважающего право государства изыскать справедливое решение возникшего (с другим государством) спора. Международный суд как независимый, беспристрастный орган международного правосудия, который знает право (jura novit curia), выносит в режиме юридического равенства сторон (audiatur et altera pars) через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута суда) обязательное для сторон окончательное решение в параметрах res judicata. Таким образом, вместо фактора недружественности из обращения в суд выходит позитив согласующегося с правом стремления содействовать поддержанию верховенства права Rule of Law в международных отношениях.

В постановочном плане факторы окончательности и обязательности, присутствующие в решении суда, никак не могут рассматриваться в своем юридическом понимании pro или contra. В решении беспристрастного и независимого органа международного правосудия, каким выступает по всем меркам своего существа Международный суд, нет «победителя» и «проигравшего» в обычном понимании этих терминов. Есть институционно-правовой формат урегулирования спора, который должен быть разрешен навсегда и в конечном итоге получает свое надлежащее решение в соответствии с международным правом.

Право и справедливость, составляя собой источниковую базу современного международного права (ст. 38 Статута Международного Суда), создают надлежащую основу для окончательного разрешения межгосударственных споров. Принцип запрета non-liquet, как известно, предписывает правило, согласно которому суд, как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Завершенность проблемы урегулирования международных споров в формате снятия проблемы неурегулирован-

ности спорной ситуации и поддержания юридической безопасности государств–членов ООН полностью вписывается в рамки внешнеполитического курса Российского государства по содействию поддержания верховенства права в системе современных международных отношений. Перевод спорной ситуации в режим дружественного взаимодействия государств–членов Организации Объединенных Наций выступает в качестве общей цели деятельности России на мировой арене как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Показательная международно-правовая включенность Российской Федерации в дело отправления международного правосудия содействует выполнению целей и принципов Устава ООН.

Список источников / References

1. Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1974.
2. Lauterpacht H. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1985. Vol. 2.
3. Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Peace. London, 1992. Vol. 1.
4. Cheng B. General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals. London, 1953.
5. Zoller E. La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977.
6. Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. T.1.
7. CPJI. Serie A. № 7.
8. CIJ. Recueil 1958.
9. Moore J. B. International Adjudications. New York, 1929.
10. CIJ. Recueil. 1971.
11. CIJ. Recueil. 1951.
12. CIJ. Recueil. 1969.
13. CIJ. Recueil. 1955.
14. Rosenne Sh. Intervention in the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993.
15. Szafarz R. The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993.

Информация об авторах

В. В. Богатырёв — заведующий кафедрой «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор;

Р. А. Каламкарян — профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Information about the authors

V. V. Bogatyrev — Head of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor;

R. A. Kalamkaryan — Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-31-38>

НИОН: 2003-0059-2/23-606

MOSURED: 77/27-003-2023-02-805

Выявление и документирование легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков

Анатолий Васильевич Богданов¹, Юлия Владимировна Папазова², Евгений Николаевич Хазов³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² yulia.papazova@yandex.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные направления и особенности деятельности оперативных подразделений ОВД по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Анализируются причины и условия совершения преступлений и предлагаются пути решения проблем, связанных с наркопреступностью.

Ключевые слова: сотрудники полиции, профилактика, противодействие преступности, преступление, наркотики, психотропные вещества, наркопреступность

Для цитирования: Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е. Н. Выявление и документирование легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 31–38. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-31-38>.

Original article

Identification and documentation of legalization (laundering) of income received as a result of drug trafficking

Anatoliy V. Bogdanov¹, Yulia V. Papazova², Evgeniy N. Khazov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² yulia.papazova@yandex.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The main directions and features of the activities of the operational units of the department of internal affairs for the identification, suppression and disclosure of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, are being considered. The causes and conditions of crimes are analyzed and ways of solving problems related to drug crime are proposed.

Keywords: police officers, prevention, countering crime, crime, drugs, psychotropic substances, drug crime

For citation: Bogdanov A. V., Papazova Yu. V., Khazov E. N. Identification and documentation of legalization (laundering) of income received as a result of drug trafficking. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):31–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-31-38>.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребление ими в России стали серьезной государственной проблемой. Темпы ее развития приобрели масштабы, непосредственно угрожающие здоровью нации и безопасности государства [1].

Наркоситуация, сложившаяся в стране в 2022 году, не претерпела резких изменений по сравнению с предыдущим годом. Несмотря на некоторую ста-

билизацию, наркоситуация остается сложной. Поток наркотиков из Афганистана не ослабевает. Причем «ассортимент» расширяется за счет матамфетамин и марихуаны [2].

Не прекращаются контрабандные поставки наркотиков из-за рубежа. Анализ проводимых мероприятий свидетельствует о существовании различных каналов наркотрафика из Германии, Бельгии, Нидерландов,

Дании, Канады, Казахстана, Молдовы, Китая, Сербии, Беларуси, Индии. Причем, некоторые наркотики имеют более высокое содержание активных веществ, чем 10 лет назад [3].

Несмотря на то, что в настоящее время все большую популярность получают синтетические наркотики, героин продолжает оставаться самым опасным наркотическим средством. Это способствует созданию устойчивого спроса на наркотики и ведет к расширению рынка сбыта запрещенных веществ, попутно «продвигая» пронаркотическую субкультуру. Социальные последствия наркомании пугают своей разнообразностью (распад семей, совершение преступлений, суицид и т. д.) [4].

Вместе с тем, основные негативные тенденции ее развития по-прежнему сохранились. Особую тревогу вызывает ситуация с наркозависимостью молодежи. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров относят к числу высокодоходных видов преступлений деятельности. По информации Международного валютного фонда ежегодно легализуется до 2,5 трл. долларов, полученных от торговли наркотиками. Наркотики, по экспертным оценкам, в России уносят около 30 тысяч жизней (т. е. в среднем свыше 80 человек в сутки). Помимо высокой смертности, данные медицинской статистики свидетельствуют о тесной связи роста наркомании в стране с ростом числа заболеваний СПИДом, вирусным гепатитом и другими серьезными заболеваниями со смертельным исходом [5].

В условиях демографического кризиса, охватившего практически все регионы Российской Федерации, дальнейший рост количества наркозависимых, большинство из которых являются молодыми людьми репродуктивного возраста, может привести к деградации нации. Состояние наркоситуации в России, связанной с распространением наркотиков является объектом анализа, поиска и документирования и в настоящее время выступает оперативно-розыскной проблемой. В стране увеличивается количество случаев незаконного употребления и продажи наркотических средств и психотропных веществ. С целью получения прибыли и легализации наркодоходов, совершенных с использованием цифровой валюты посредством криптобирж и криптообменников [6].

Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков (НОН), определено одной из стратегических целей реализации государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года [7].

Типовым положением подразделения по контролю за оборотом наркотиков территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, утвержденным Приказом МВД России от 30 апреля 2016 г. № 219, к числу основных функций и полномочий отнесено противодействие

легализации (отмыванию) доходов, полученных в результате совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (пункт 10.4).

Практическую значимость на данном направлении имеют возможности национального подразделения финансовой разведки (Росфинмониторинг), в особенности, по делам со сложной финансовой структурой, как предикатного преступления, так и связанного с легализацией доходов от незаконного оборота наркотиков. Стремительные темпы развития современных информационных и финансовых технологий позволяют организованной преступности использовать новые платежные механизмы как для распределения наркодоходов, так и для проведения взаиморасчетов между наркодельцами, в связи с чем в работе правоохранительных органов по выявлению и доказыванию такого вида преступлений возникают трудности [8].

Как показывает судебно-следственная практика, данные преступления, в основном, выявляются в процессе расследования предикатного преступления, совершенного в сфере незаконного оборота наркотиков, действия обвиняемых дополнительно квалифицируются по статьям 174, 174.1 УК РФ. При выявлении и раскрытии большинства преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных в организованных формах, при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий имеются сложности, связанные с: невозможностью установления всех членов преступного сообщества, их отношений, лидерства, а также совершенных его участниками преступлений; активным воспрепятствованием со стороны преступного сообщества расследованию совершенных преступлений; многоэпизодностью уголовных дел, большим количеством подозреваемых (обвиняемых) и производимых следственных, иных процессуальных действий; межрегиональностью преступлений, затрудняющей документирование преступной деятельности; изощренным способом отмывания денежных средств; бесконтактным способом сбыта наркотических средств; мобильностью участников преступного сообщества [9].

Прибыль от незаконного оборота наркотиков стимулирует инфраструктуру транснациональной организованной преступности, терроризма, экстремизма, незаконной миграции, поэтому вопросы противодействия отмыванию наркодоходов представляют особую актуальность, являясь значимым элементом стратегического направления по борьбе с организованной преступностью посредством подрыва ее экономической основы [10].

На территории России важнейшим дестабилизирующим фактором в развитии наркоситуации продолжает оставаться слабый контроль за миграционными процессами. Ни для кого не секрет, что мигранты это одни из основных поставщиков наркотиков в Россию [11].

Учитывая латентный характер легализации (отмывания) наркодоходов, подавляющее их большинство выявляется, документируется и раскрывается исключительно силами, средствами и методами ОРД. В этой связи особое внимание должно уделяться изучению типологий легализации наркодоходов, которое дает представление о способах, схемах и инструментах криминального преобразования денежных средств и иного имущества, полученных в результате преступной деятельности, в целях придания им видимости законности. При этом важно знать опыт и тенденции развития международной деятельности по противодействию отмыванию преступных доходов, ориентироваться в критериях и выводах анализа базовых элементов оперативной обстановки в сфере финансовой безопасности на государственном и межгосударственном уровнях [12].

Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), имея полномочия международной организации в рассматриваемой сфере, совершенствуют сформированную концепцию по исследованию методов и тенденций отмывания денег, анализу мер противодействия в целях международной системы ПОД/ФТ/ФРОМУ. В понимании ФАТФ, типологии отмывания денег — это наиболее распространенные схемы легализации преступных доходов, обнаруженные экспертами и описанные в соответствующих документах. Практика показывает, что стадию размещения обеспечивают учреждения финансового сектора (банки, фонды, инвестиционные и брокерские компании, страховые организации, объекты рынка ценных бумаг и драгоценных металлов и т. д.), а также предоставляющие почтовые услуги, антикварные и ювелирные магазины, рестораны, гостиницы, туристические компании, строительные фирмы и т. д. [13].

К методам размещения средств, полученных преступным путем, относят: структурирование операций с наличными (обменные операции); установление контроля со стороны преступного формирования над финансовым учреждением или иным объектом экономической деятельности; использование законодательных «пробелов»; фальсификация финансовых документов; слияние легальных и незаконных активов и т. д.

На этапе расслоения используются методы преобразования депонированной в кредитных учреждениях наличности на финансовые инструменты (депозитные счета, карточки, дорожные чеки, векселя, аккредитивы и т. д.); инвестирования в недвижимость, в официальное предпринимательство, в «фирмы-однодневки» и т. д. Маскировка преступного происхождения средств также достигается посредством осуществления многочисленных электронных криптографических переводов.

На стадии интеграции используются методы, связанные с продажей недвижимости, приобретенной на средства, полученные в результате совершения пре-

ступлений; кредитованием под залог имущества преступного происхождения и погашением кредита путем реализации залога; валютными схемами и экспортно-импортными манипуляциями с товаром и т. д. [14].

Существует четырехфазная модель отмывания доходов от преступлений, которая разработана экспертами ООН и включает стадии освобождения от личности и перечисления их на счета подставных лиц; распределения средств путем приобретения банковских платежных инструментов и ценных бумаг; маскировку финансовых следов и интеграцию денежной массы, в основном, методом инвестирования в сферу официального бизнеса [15].

Очевидно, что понимание реального содержания этих стадий и образующих их инструментов является одним из ключевых сегментов системы противодействия легализации преступных доходов.

Модель организованного преступного наркоформирования типична для всех российских регионов. Практически идентична иерархическая структура, включающая определенное количество модулей (подсистем) и совокупность устойчивых связей внутри криминальной системы, обеспечивающих ее целостность. Различия заключаются в численности состава, наличии транснациональных связей, уровне криминального управления и использования в преступной деятельности профессиональных и деловых навыков, которых требует создание сетевого бесконтактного сбыта наркотиков (например, знание программных продуктов, осведомленность в методах ведения оперативно-розыскной деятельности и т. д.) [16].

Технологические достижения в области платежных систем традиционного банковского сектора и криптоиндустрии, с одной стороны, обеспечивают развитие рынка финансовых услуг, позволяющих отслеживать значительный объем электронных операций, которые в том числе автоматически создаются и хранят информацию, требуемую для идентификации клиентов. С другой стороны, такие ресурсы являются рискообразующими в связи с масштабным использованием в преступной деятельности в качестве эффективного способа перемещения незаконных средств. Типовое отмывание доходов от незаконных оборотов наркотиков на современном этапе, как правило, образуют многоуровневые схемы операций с электронными и цифровыми средствами; активно используются ресурсы неофициальных систем по переводу денег и ценностей; практикуется вложение в движимое и недвижимое имущество, а также в объекты легального и теневого бизнеса [17].

Вместе с тем объективно отметить, что в сфере финансового обеспечения незаконного оборота наркотиков не теряют актуальности проблемы с использованием «дропов», а также альтернативных (неофициальных) систем денежных переводов: «Хавала» (исламские страны), «Фей-Чиен» (Китай), «Падала»

(Филипины) «Хунду» (Индия), «Фей-кван» (Тайланд) и прочие подобные. Оплата поставок, наркорасчеты, легализация осуществляются через хорошо замаскированные схемы, позволяющие переводить деньги в разные концы мира, причем моментально. Активное использование в наркобизнесе трансграничных финансовых схем акцентирует необходимость уделить пристальное внимание вопросам совершенствования системы противодействия выводу денег за рубеж и репатриации российского капитала, если учитывать объемы доходной части наркобизнеса, позволяющей преступникам приобретать за границей дорогостоящее имущество, делать вложения в бизнес и финансировать наркотрафик [18].

Использование криминалитетом новейших финансовых инструментов обусловлено настойчивым стремлением преступников не только повысить уровень конспирации незаконной деятельности, но и сохранить доходы от нее. С этой целью схемы расчетов за наркотики и легализации наркодоходов активно перемещаются в плоскость технологий блокчейна, представляющего собой децентрализованную сеть с шифрованием транзакций.

Все это способствует формированию самостоятельного сегмента финансовой структуры наркобизнеса в виде неконтролируемого трансграничного оборота криптовалют. Виртуальные валюты используются на различных этапах движения наркодоходов, включая расчеты за наркотики, инфраструктурные вопросы преступной деятельности, в том числе выплату вознаграждений участникам, и легализацию (отмывание) полученного преступного дохода [19].

Прежде, чем перейти к конкретизации вопросов правоприменительной практики по делам, в которых установлены схемы с криптоактивами, необходимо обратиться к отдельным проблемным вопросам законодательного регулирования сферы выпуска и оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты, поскольку такая связь очевидна. Системный анализ криминального использования криптосферы помогает выявить негативные применительные последствия, уточнить и отработать механизмы их нейтрализации, а также в органическом единстве с другими аналитическими методами актуализировать регламенты правоохранительной деятельности практические методики, приемы, способы, процедуры).

При этом на современном этапе, когда область производства и оборота виртуальных валют в Российской Федерации долгое время была вне закона и сейчас, когда при наличии законодательства (де-юре) деятельность криптопровайдеров де-факто не урегулирована, отмечаются существенные противоречия в трактовке криптовалютных преступных схем при принятии процессуальных решений, связанных с квалификацией такого рода действий наркопреступников [20].

Дата начала правового регулирования рассматри-

ваемой сферы в России — 1 января 2021 года. Вступивший в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дает основные юридические определения и устанавливает правила использования в стране виртуальных средств [21].

Несмотря на то, что, вступая в силу положения, урегулировавшие обращение цифровых финансовых активов в цифровые валюты на территории Российской Федерации, до настоящего времени цифровые валюты законодательно не закреплены в качестве имущества для целей уголовного судопроизводства.

К предмету преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, отнесены только денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, а не сами виртуальные активы [22].

Проведенный анализ оперативно-розыскной и судебно-следственной практики показывает, что преступники используют кошелек для криптовалюты всех основных типов (онлайн-кошелек, холодный (локальный) кошелек, кошелек на аккаунте криптовалютной биржи) и популярные криптовалютные биржи, которые поддерживают ввод и вывод средств в различных фиатных валютах (в рублях, долларах, евро и прочих). Они, также, как и законопослушные владельцы цифровых активов, выбирают надежные площадки, в первую очередь определяемые объемом торгов и количеством пользователей. По всем ключевым метрикам, в финансовых целях незаконного оборота наркотиков используются крупнейшие криптовалютные биржи в мире, популярные в России и на территории СНГ, имеющие наибольший оборот средств и поддерживающие переводы в рублях с банковских карт Visa/MasterCard и платежные системы QIWI, Advcash, Payeer [23].

Критерии, по которым преступники выбирают площадки для финансового обеспечения своей противозаконной деятельности, основываются на стабильности доступа ко всем функциям этих платформ, включая бесперебойную торговлю, ввод и вывод средств, а также срок работы на рынке и суточный объем торгов. Кроме того, выбор зависит от размера комиссии за торговые операции внутри площадки и вывод активов, дополнительных возможностей и сервисов (фьючерсы, опционы, стейкинг, NFT-маркетплейс) качества работы техподдержки, удобства интерфейса [24].

Криптовалюты, являясь средством расчета и ресурсом для отмывания преступного дохода фактически переформатировали финансовую составляющую наркобизнеса, задали новый вектор бесконтактному сбыту, увеличив доходность электронной наркокоммерции. По сути, транснациональный наркобизнес получил в свое активное распоряжение ресурс материальной подпитки с гарантиями сохранения полученного преступного дохода от конфискационных мер и анонимности бенефициаров. В мире насчитывается по

разным оценкам порядка 3000 видов криптовалют.

Практика показывает, что в настоящее время наркодоходы активно размещаются в криптосфере, которая по своей структуре децентрализована, и не имеет какого-либо аналога по типу мировой системы SWIFT, позволяющей контролировать финансовые и расчетные риски. Более того, преобладающее число криптопровайдеров не имеют привязки к конкретной юрисдикции. Такой формат деятельности Провайдеры услуг виртуальных активов (ПУВА) ограничивает возможности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и доказыванию преступлений, совершенных с использованием Виртуальные активы, в том числе в сфере незаконного оборота наркотиков [25].

Учитывая специфику выявления, документирования и сбора доказательств как по преступлениям с бесконтактным способом сбыта наркотиков, так и по фактам легализации наркодоходов, оперативным сотрудникам, прежде всего, необходимо владеть информацией о механизмах осуществления незаконных финансовых операций и специфике маршрутов движения денег, чтобы правильно выстроить комплекс оперативно-розыскных мероприятий по документированию [26].

Нельзя забывать о работе по подрыву финансовой базы наркопреступности. Следует активнее выявлять, а главное, грамотно документировать факты легализации денег, полученных от торговли наркотиками. Необходимо эффективно противодействовать легализации доходов, полученных от торговли наркотиками и это направление, требует особого контроля [27].

Совершенствование системы выявления финансовых операций, в том числе и использованием криптовалют, связанные с незаконным оборотом наркотиков, посредством укрепления взаимодействия между подразделениями по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, Росфинмониторингом и кредитными организациями [28].

Можно сделать вывод, что динамика преступлений в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем идет к увеличению и это преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, что свидетельствует о безынициативности государства на такие преступления, а это является стратегической задачей в процессе реализации антинаркотической политики.

Список источников

1. Бышков П. А., Гасанов К. К., Егоров С. А. и др. Основы национальной безопасности. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
2. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Пропаганда наркотических средств и психотропных веществ в сети интернет как средство информационной

угрозы для несовершеннолетних // Защита меня. 2022. № 1. С. 25–31.

3. Горшенева И. А., Егоров С. А., Зиборов О. В. и др. Организация и деятельность полиции (милиции) зарубежных государств. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
4. Михайлова Е. В., Хазов Е. Н. Террористическое молодежное движение «колумбайн»: сущность, причины, предупреждение // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2022. № 1. С. 103–109.
5. Богданов А. В., Кочукаев Н. Т., Хазов Е. Н. Контрабанда наркотиков — одна из реальных угроз национальной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 152–156.
6. Богданов А. В., Бражников Д. А., Бычков В. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». 7-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
7. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 30.11.2020, № 48, ст. 7710, <http://pravo.gov.ru>.
8. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Кивич Ю. В. Правоохранительные органы (административно-правовые основы в определениях и схемах). Учебно-наглядное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД России, войск национальной гвардии России, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность. Новосибирск, 2020.
9. Хазов Е. Н., Богданов А. В., Мартынюк В. М. Основные направления, проблемы и пути решения организации работы по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда сотрудниками оперативно-розыскных подразделений ОВД МВД России на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 148–152.
10. Лобзов К. М., Богданов А. В., Ильинский И. И. и др. Экстремистские организации: сущность, идеология, тактика их деятельности. Новосибирск, 2021.
11. Богданов А. В., Ильинский И. И., Иванцов С. В., Хазов Е. Н. Роль оперативных подразделений криминальной полиции по предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконной миграции на территории современной России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 110–114.

12. Панкратьев А. Н., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Особенности противодействия налоговым преступлениям, совершаемым путем применения схем «дробление бизнеса» // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 177–184.
13. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 179.
14. Панкратьев А. Н., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности России в сфере налоговых преступлений // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 101–104.
15. Хазов Е. Н., Горшенева И. А., Иванцов С. В. и др. Организация деятельности полиции зарубежных стран. Учебно-методическое пособие. М., 2017.
16. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия полиции, их значение по выявлению и раскрытию преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 11. С. 71–75.
17. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 151–157.
18. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Информационно-телекоммуникационная сеть интернет как один из наиболее востребованных ресурсов в противодействии незаконному обороту наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 173–179.
19. Богданов А. В., Виноградов Е. А., Хазов Е. Н. Телекоммуникационные технологии и компьютерная грамотность как средство профилактики киберпреступлений // Образование и право. 2021. № 8. С. 231–236.
20. Папазова Ю. В., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Обеспечение информационной безопасности правоохранными органами России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 3 (52). С. 45–52.
21. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018, <http://pravo.gov.ru>.
22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2019 года № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета, № 51, 07.03.2019, <http://pravo.gov.ru>.
23. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Информационно-телекоммуникационные технологии и их роль обеспечение безопасности личности, общества и государства // Мировая экономика : проблемы безопасности. 2021. № 1. С. 17–23.
24. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20.
25. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 276–279.
26. Богданов А. В., Бражников Д. А., Бычков В. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». 8-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
27. Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е. Н. Роль и значение информационных систем и банков данных в деятельности правоохранительных органов // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 27–33.
28. Комахин Б. Н., Хазов Е. Н. Инновационное развитие служебной деятельности в правоохранительных органах на основе политики модернизации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 177–181.

References

1. Byshkov P. A., Hasanov K. K., Egorov S. A. and others. Fundamentals of national security. 2nd ed., reprint. and additional M., 2022.
2. Bogdanov A. V., Khazov E. N. Propaganda of narcotic drugs and psychotropic substances on the Internet as a means of information threat for minors // Protect me. 2022. № 1. P. 25–31.
3. Gorsheneva I. A., Egorov S. A., Ziborov O. V. et al. Organization and activity of the police (militia) of

- foreign countries. 2nd ed., reprint. and add. M., 2022.
4. Mikhailova E. V., Khazov E. N. Terrorist youth movement «Columbine» : essence, causes, prevention // *Criminal proceedings : problems of theory and practice*. 2022. № 1. P. 103–109.
 5. Bogdanov A. V., Kochukaev N. T., Khazov E. N. Drug smuggling is one of the real threats to Russia's national security // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. № 9. P. 152–156.
 6. Bogdanov A. V., Brazhnikov D. A., Bychkov V. V., etc. Operational and investigative activities. Textbook for university students studying in the field of Law. 7th ed., reprint. and add. M., 2022.
 7. Decree of the President of the Russian Federation dated November 23, 2020 № 733 «On approval of the Strategy of the State anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, November 30, 2020, № 48, Article 7710, <http://pravo.gov.ru>.
 8. Bogdanov A.V., Zinchenko E. Yu., Kivich Yu. V. Law enforcement agencies (administrative and legal bases in definitions and schemes). Educational and visual aid for cadets and students of full-time and part-time education of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the troops of the National Guard of Russia, studying in the direction of law enforcement. Novosibirsk, 2020.
 9. Khazov E. N., Bogdanov A.V., Martynyuk V. M. The main directions, problems and ways of solving the organization of work on the search for persons who have fled from the bodies of inquiry, investigation and trial by employees of operational search units of the MIA of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. № 10. P. 148–152.
 10. Lobzov K. M., Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., etc. Extremist organizations : the essence, ideology, tactics of their activities. Novosibirsk, 2021.
 11. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Ivantsov S. V., Khazov E. N. The role of operational units of the criminal police in preventing and solving crimes in the field of illegal migration in the territory of modern Russia // *International Journal of Constitutional and State Law*. 2016. № 2. P. 110–114.
 12. Pankratiev A. N., Bogdanov A.V., Khazov E. N. Features of countering tax crimes committed through the use of «business fragmentation» schemes // *Bulletin of Economic Security*. 2022. № 3. P. 177–184.
 13. Bogdanov A. V., Khazov E. N. Problems of detection and investigation of crimes in the field of taxation // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011. № 7. P. 179.
 14. Pankratiev A. N., Bogdanov A.V., Khazov E. N. Actual problems of ensuring economic security of Russia in the field of tax crimes // *Criminal proceedings: problems of theory and practice*. 2021. № 2. P. 101–104.
 15. Khazov E. N., Gorsheneva I. A., Ivantsov S. V., etc. Organization of the activities of the police of foreign countries. Educational and methodical manual. M., 2017.
 16. Bogdanov A. B., Khazov E. N. The main directions of interaction between operational units and preliminary investigation bodies of the police, their importance in detecting and solving crimes. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. № 11. P. 71–75.
 17. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Countering the legalization (laundering) of illegally obtained income // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 5. P. 151–157.
 18. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Information and telecommunication network Internet as one of the most popular resources in countering drug trafficking // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. № 3. P. 173–179.
 19. Bogdanov A. V., Vinogradov E. A., Khazov E. N. Telecommunication technologies and computer literacy as a means of preventing cybercrime // *Education and Law*. 2021. № 8. P. 231–236.
 20. Papazova Yu. V., Bogdanov A.V., Khazov E. N. Ensuring information security by law enforcement agencies of Russia // *Pravo. Safety. Emergency situations*. 2021. № 3 (52). P. 45–52.
 21. Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on 14.07.2022) «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 03.08.2020, № 31 (Part I), article 5018, <http://pravo.gov.ru>.
 22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 of February 26, 2019 «On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 32 of July 7, 2015 «On Judicial Practice in Cases of Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired by Criminal Means, and on the Acquisition or Sale of Property, knowingly obtained by criminal means» // *Rossiyskaya Gazeta*, № 51, 07.03.2019, <http://pravo.gov.ru>.
 23. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Information and telecommunication technologies and their role in ensuring the security of the

- individual, society and the state // World economy: security problems. 2021. № 1. P. 17–23.
24. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Cybercrime and remote fraud as one of the threats to modern society // Criminological Journal. 2020. № 1. P. 15–20.
25. Bogdanov A. V., Khazov E. N. The main activities of the operational units of the internal affairs bodies for the detection and prevention of crimes related to fraud // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 10. P. 276–279.
26. Bogdanov A. V., Brazhnikov D. A., Bychkov V. V., etc. Operational and investigative activities. Textbook for university students studying in the field of Law. 8th ed., reprint. and add. M., 2023.
27. Bogdanov A. V., Papazova Yu. V., Khazov E. N. The role and significance of information systems and data banks in the activities of law enforcement agencies // Criminal proceedings : problems of theory and practice. 2021. № 2. P. 27–33.
28. Komakhin B. N., Khazov E. N. Innovative development of official activity in law enforcement agencies on the basis of modernization policy // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. P. 177–181.

Информация об авторах

А. В. Богданов — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. В. Папазова — преподаватель-методист кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Е. Н. Хазов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Bogdanov — Associate Professor of the Department of Operational and Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

Yu. V. Papazova — Teacher-methodologist of the Department of Operational and Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

E. N. Khazov — Professor of the Department of Operational and Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-39-42>

НИОН: 2003-0059-2/23-607

MOSURED: 77/27-003-2023-02-806

Особенности проявления признаков почерка в рукописях, выполненных необычными пишущими приборами

Роза Ватановна Бондаренко¹, Елена Георгиевна Гулина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ bon_roz@mail.ru

² elenka.gulina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы: об исполнителе рукописных записей, выполненных необычными пишущими приборами; теории изменчивости признаков почерка, в зависимости от воздействия различных «сбивающих» факторов. Особо уделяется внимание исследованию записей, выполненных необычными орудиями письма.

Ключевые слова: судебное почерковедение, идентификация, почерк, общие и частные признаки, необычные условия, обычные и необычные пишущие приборы

Для цитирования: Бондаренко Р. В., Гулина Е. Г. Особенности проявления признаков почерка в рукописях, выполненных необычными пишущими приборами // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 39–42. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-39-42>.

Original article

Features of the manifestation of hand writing signs in manuscripts made with unusual writing instruments

Rosa V. Bondarenko¹, Elena G. Gulina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ bon_roz@mail.ru

² elenka.gulina@mail.ru

Abstract. Questions about the performer of handwritten notes made with unusual writing instruments are considered; the theory of variability of handwriting signs, depending on the impact of various «confusing» factors, paying special attention to the study of records made with unusual writing instruments.

Keywords: judicial handwriting, identification, handwriting, general and particular signs, unusual conditions, ordinary and unusual writing instruments

For citation: Bondarenko R. V., Gulina E. G. Features of the manifestation of hand writing signs in manuscripts made with unusual writing instruments. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):39–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-39-42>.

За последние два десятилетия криминалисты провели большую исследовательскую работу по дальнейшему развитию научных основ почерковедческой экспертизы. Многие направления судебного почерковедения получили глубокое и всестороннее научное освещение. Немало сделано по разработке теоретических основ судебного почерковедения, выяснению физиологических и психологических процессов, связанных с письмом. Разработаны и успешно внедрены

в экспертную практику новые классификации идентификационных признаков письма, составлены таблицы идентификационной значимости частных признаков почерка. Установлена зависимость признаков почерка от влияния факторов естественного характера на устойчивость признаков в зависимости от различных условий письма. Изучены возрастные изменения в почерке; усовершенствованы методики исследования письма левой рукой, текстов, исполненных с подража-

© Бондаренко Р. В., Гулина Е. Г., 2023

нием печатным и типографским шрифтам, и т. д. Ведутся разработки математических методов исследования почерка, использования ЭВМ в почерковедческой экспертизе.

Эти исследования, обогатившие судебное почерковедение, направлены на разработку и совершенствование методов идентификации личности по письму. Однако письмо является не только носителем идентификационной информации о писавшем. В нем отражаются и психофизиологические свойства личности, и условия, в которых протекает процесс письма. Будучи продуктом высшей нервной деятельности человека, письмо «чувствительно реагирует» на внешние и внутренние изменения. Разработка методов почерковедческой экспертизы, с помощью которых можно было бы выделить информацию об изменившихся внешних и внутренних условиях письма, является одной из актуальных задач судебного почерковедения. Например, таких как записей, выполненных необычными орудиями письма.

Спектр современных пишущих приборов очень широк, их свойства проявляются в диагностических и идентификационных признаках почерка по-разному, что создает определенные трудности при проведении идентификационных почерковедческих экспертиз.

Пишущие приборы можно разделить на две большие группы — это ручки и карандаши.

Выполнение рукописных записей на месте происшествия необычными пишущими приборами, на необычных материальных носителях является не такими уж редкими случаями.

Так, на месте происшествия, связанного с квартирной кражей личного имущества граждан, были обнаружены записи, выполненные губной помадой на зеркале. В местах лишения свободы сотрудниками полиции была перехвачена записка, выполненная спичкой на небольшом клочке бумаги, в другой раз — записка была выполнена на куске мешковины, оторванной от матраца. Записи на сиденье стула, нацарапанные острым предметом (ножом или гвоздем); записи, выполненные баллончиком из-под краски на стене дома — это все объекты почерковедческих экспертиз.

Для решения вопроса об исполнителе записей, выполненных необычными пишущими приборами эксперт должен хорошо ориентироваться в тех изменениях, которые происходят как в общих, так и частных признаках почерка исполнителя. Сложность исследования связана с тем, что в записях, выполненных в необычных условиях, проявляются признаки снижения координации движений и темпа письма, а также изменения некоторых общих и частных признаков почерка. Такое обстоятельство может привести неопытного эксперта к заблуждению о том, что данные признаки присущи почерку другого лица, но не подозреваемому исполнителю, и как результат — ошибочному выводу.

С целью изучения изменчивости признаков почер-

ка, в зависимости от воздействия такого «сбивающего» фактора, как необычные орудия письма была проведена экспериментальная работа. Была предпринята попытка дать определение необычным пишущим приборам или орудиям письма, провести анализ общих и частных признаков в записях, выполненных губной помадой, спичкой; определить объем и характер изменчивости этих признаков и выработать некоторые методические рекомендации при исследовании таких записей.

Для исследования характера изменения признаков почерка при выполнении записей, выполненных необычными пишущими орудиями (приборами) письма были выбраны наиболее часто встречаемые в экспертной практике — спичка и губная помада. В качестве сравнительного материала использовались обычные пишущие приборы: шариковая и гелевая ручки, и фломастер — пишущий прибор, имеющий толстый стержень.

Пишущие приборы теоретически были разделены на обычные и необычные. Под обычными пишущими приборами мы подразумеваем приборы, которые используются в письменной практике при выполнении рукописных текстов, записей, подписей, как правило, на бумажных носителях. Необычные пишущие приборы — это те предметы, целевое назначение которых не связано с процессом письма (гвоздь, спичка, губная помада, рейсфедер и др.).

Для исследования были отобраны образцы почерка у 15 лиц обоего пола от 20 лет до 23 лет. Испытуемые выполняли экспериментальные образцы письма обычными пишущими приборами и необычными, в обычной позе (сидя за столом), переписывая на нелинованные стандартные листы бумаги однотипные связные тексты, включавшие все буквы русского алфавита.

После проведения эксперимента изучались общие и частные признаки почерка в образцах, выполненных обычными пишущими приборами, которые сравнивались с образцами почерков лиц, выполненных необычными пишущими приборами. Результаты исследования вводились в таблицу-разработку общих признаков почерка.

В рукописных записях, выполненных обычными пишущими приборами, по сравнению с рукописными записями, выполненными губной помадой и спичкой, были выявлены следующие различающиеся общие признаки: конфигурация линии полей поменялась с прямой на ломаную; форма линии письма — с прямолинейной на извилистую; выработанность — с высокой или средней степени на более низкую; темп письма — с быстрого на медленный; координация движений — с высокой или средней на низкую (с нарушениями 1 и 2 группы, проявившимися в: извилистости прямолинейных элементов букв, угловатости овалов и полуовалов; неравномерности размера и размещения букв). В 12-ти случаях из 15-ти преобла-

дающая форма движений поменялась с прямолинейно-петлевой на прямолинейно-дуговую, наклон — с правого на вертикальный или смешанный, степень связности — с высокой или средней на отрывистую. При выполнении рукописных записей спичкой, изменению еще подверглась степень нажима — со слабой на сильный.

Характерными изменениями частных признаков являются: в 6-ти случаях из 9-ти сложность движений упростилась, за счет выполнения букв по типу печатных; в 12-ти случаях из 15-ти форма движений при выполнении букв и их элементов губной помадой поменялась на прямую и дуговую; в записях, выполненных спичкой относительное направление сгибательных движений стало неравномерным; протяженность движений по вертикали и горизонтали увеличилась, количество движений в буквах, выполненных спичкой и губной помадой уменьшилось, за счет утраты частей букв; вид соединения движений при выполнении элементов букв поменялся от слитного на интервальный.

Большинство рукописных записей выполненных необычными пишущими приборами, выполнено стилизованным почерком или с подражанием печатным буквам.

Результаты экспериментальной работы показывают, что по некоторым общим признакам почерка записи, выполненные спичкой и губной помадой, совпадают с общими признаками почерка в записях, выполненных маркером. Такое обстоятельство необходимо будет учитывать при отборе сравнительных образцов для решения вопроса об исполнителе рукописи.

Конечно, результаты экспериментальной работы носят предварительный характер, т. к. для полного и всестороннего исследования необходимо привлечение большего количества испытуемых лиц и более старшей возрастной группы. Несмотря на это, можно предложить следующие методические рекомендации. В связи с тем, что при выполнении записей необычными пишущими приборами, испытуемые переходят на письмо печатными буквами (и экспертная практика это подтверждает), для решения вопроса по таким записям необходимо иметь большее количество сравнительного материала, выполненного подозреваемым лицом с подражанием буквам печатной формы, для этого использовать, помимо шариковых ручек, фломастеры или маркеры.

Изменения общих и частных признаков, происходящие в почерках лиц при выполнении ими рукописных записей необычными пишущими приборами (спичкой и губной помадой), а также методические рекомендации по проведению почерковедческой экспертизы по таким объектам исследования, перечисленные в данной работе, позволят эксперту успешно решать поставленные перед ним идентификационные и диагностические задачи.

В настоящее время отечественное судебное почер-

коведение представляет собой высокоразвитую, предметную отрасль судебной экспертизы и криминалистики. Вместе с тем, достигнутый уровень позволяет наметить новые перспективы развития науки. Среди актуальных направлений выделяются разработка новых теоретических и методических основ идентификационных исследований, создание на их основе новых методов решения идентификационных экспертных задач.

Библиографический список

1. Бондаренко П. В. Оценка влияния свойств пишущего прибора на признаки почерка. Методические рекомендации. Саратов, 2010.
2. Валянский С. Писчие материалы и инструменты для письма / С. Валянский, Д. Калюжный // Энергия. 2004. № 9.
3. Герасимов В. П. Отдельные вопросы исследования штрихов, выполненных шариковыми авторучками. Экспертная техника № 16–17. М. : ЦНИИСЭ МЮ, 1966.
4. Долженко Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. М. : Юрлитинформ, 2003.
5. Дыбина О. В. Что было до... Игры-путешествия в прошлое предметов. М. : ТЦ Сфера, 2004.
6. История инструментов для письма. Авт. Е. Кох и журнал ЮТ.
7. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. доктора юридических наук, профессора Е. П. Ищенко. М. : «Инфра-М», 2005.
8. Колдин В. Я. Судебная идентификация. М. : ЛексЭст, 2002.
9. Кошманов П. М., Кошманов М. П. Использование разработок признаков почерка в процессе идентификационного экспертно-криминалистического исследования рукописей // Эксперт-криминалист. 2007. № 8.
10. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Вып. I. Теоретические основы судебно-почерковедческой экспертизы (методическое пособие для экспертов, следователей, судей). М. : ВНИИСЭ, 1988.
11. Судебно-почерковедческая экспертиза : особенная часть : исследование рукописных текстов. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гос. учреждение Рос.федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М. : Наука, 2007. 341 с.

Bibliographic list

1. Bondarenko P. V. Evaluation of the influence of the properties of the writing device on the signs of handwriting. Methodological recommendations. Saratov, 2010.

2. Valyansky S. Writing materials and tools for writing / S. Valyansky, D. Kalyuzhny // Energy. 2004. № 9.
3. Gerasimov V. P. Some questions of the study of strokes made with ballpoint pens. Expert technique № 16–17. Moscow : TSNIISE MU, 1966.
4. Dolzhenko N. I. Samples for comparative research and tactics for obtaining experimental samples. Moscow : Yurlitinform, 2003.
5. Dybina O. V. What happened before ... The game is a journey into the past of objects. M. : SC Sphere, 2004.
6. The history of writing tools. Author E. Koch and the UT magazine.
7. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. Criminalistics : Textbook. Ed. 2nd, ispr. and add. Edited by Doctor of Law, Professor E. P. Ishchenko. M. : «Infra-M», 2005.
8. Koldin V. Ya. Judicial identification. M. : Lexest, 2002.
9. Koshmanov P. M., Koshmanov M. P. The use of handwriting signs in the process of identification forensic research of manuscripts // Forensic expert. 2007. № 8.
10. Forensic handwriting examination. The general part. Issue I. Theoretical foundations of forensic handwriting examination (methodological guide for experts, investigators, judges). Moscow : VNIISE, 1988.
11. Forensic handwriting examination : special part: research of handwritten texts. Ed. 2nd, reprint. and an additional / State institution of the Russian Federation. the Center for Forensic Examination under the Ministry of Justice of Russia. Moscow : Nauka, 2007. 341 p.

Информация об авторах

Р. В. Бондаренко — доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Г. Гулина — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

R. V. Bondarenko — Associate Professor of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

Gulina E. G. — Senior Lecturer of the Department of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов

Р. В. Бондаренко — участие в разработке методики; доработка текста; итоговые выводы;

Е. Г. Гулина — научное руководство; концепция исследования; разработка методики; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

R. V. Bondarenko — participation in the development of the methodology; follow-on revision of the text; final conclusions;

E. G. Gulina — scientific management; research concept; methodology development; writing the draft; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-43-47>

НИОН: 2003-0059-2/23-608

MOSURED: 77/27-003-2023-02-807

Правовое регулирование взаимодействия полиции с органами государственной власти в сфере обеспечения транспортной безопасности на объектах водного транспорта

Александр Александрович Булавкин¹, Наталья Владимировна Малахова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ bulavkin_aleksan@mail.ru

² nv_malakhova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые вопросы взаимодействия полиции на водном транспорте с другими органами государственной власти при обеспечении транспортной безопасности. В ходе исследования выявлены особенности взаимодействия полиции на объектах водного транспорта с органами государственной власти в сфере обеспечения транспортной безопасности как одного из видов национальной безопасности страны. Акцентируется внимание на недостатках правового регулирования взаимодействия указанных органов при обеспечении транспортной безопасности, что затрудняет реализацию задач и функций, возложенных на полицию.

Ключевые слова: взаимодействие, полиция, водный транспорт, транспортная безопасность, охрана общественного порядка, правовое регулирование взаимодействия полиции с органами государственной власти

Для цитирования: Булавкин А. А., Малахова Н. В. Правовое регулирование взаимодействия полиции с органами государственной власти в сфере обеспечения транспортной безопасности на объектах водного транспорта // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 43–47. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-43-47>.

Original article

Legal regulation of police interaction with state authorities in the field of transport security at water transport facilities

Alexander A. Bulavkin¹, Natalia V. Malakhova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ bulavkin_aleksan@mail.ru

² nv_malakhova@mail.ru

Abstract. The legal issues of the interaction of the police on water transport with other public authorities in ensuring transport security are being considered. In the course of the study, the peculiarities of the interaction of the police at water transport facilities with state authorities in the field of ensuring transport security as one of the types of national security of the country were revealed. Attention is focused on the shortcomings of the legal regulation of the interaction of these bodies in ensuring transport security, which makes it difficult to implement the tasks and functions assigned to the police.

Keywords: interaction, police, water transport, transport security, public order protection, legal regulation of police interaction with state authorities

For citation: Bulavkin A. A., Malakhova N. V. Legal regulation of police interaction with state authorities in the field of transport security at water transport facilities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):43–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-43-47>.

© Булавкин А. А., Малахова Н. В., 2023

Национальная безопасность, являясь одной из приоритетных функций государства, выступает необходимым условием формирования развитых общественных отношений, гарантией жизни и здоровья населения. Система национальной безопасности включает в себя государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, энергетическую, транспортную безопасность и др.

Говоря о транспортной безопасности, следует отметить, что ее обеспечение является сложным, многоплановым процессом, включающим в себя комплекс мер, в том числе, правового и организационного характера. Напомним, что транспортная безопасность представляет собой состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [1].

Наибольшая часть мероприятий по повседневному обеспечению безопасности на транспорте ложится на МВД России. Обеспечением безопасности в рамках своей компетенции занимаются линейные отделы (отделения) Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте (линоорганы) [2], которые являются территориальными органами на районном уровне.

Деятельность по обеспечению транспортной безопасности основывается на предписаниях действующего законодательства, а также международно-правовых стандартах, установленных в данной сфере. Но при этом нужно отметить, что полиция обеспечивает транспортную безопасность только применительно к предмету своей функциональной компетенции. Исходя из этого далеко не все предписания действующего законодательства, касающиеся рассматриваемого вопроса, применяются в работе полиции. Полиция является исполнительно-распорядительным органом государственной власти, обеспечивающим транспортную безопасность как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими органами государственной власти и управления. Такой подход в полной мере оправдан, поскольку транспортный комплекс нашей страны представляет собой определенную систему, состоящую из целого ряда иных систем, между собой взаимосвязанных и непосредственно взаимодействующих [3].

Сказанное в полной мере относится к деятельности полиции на объектах водного транспорта, система правового регулирования которой включает в себя:

- 1) международно-правовые договоры, соглашения, стандарты обеспечения безопасности при эксплуатации различных видов транспорта;
- 2) нормы российского законодательства, регулирующие отношения, связанные с обеспечением транспортной безопасности, а также нормы, касающиеся вопросов эксплуатации различных видов транспорта;
- 3) нормы, устанавливающие ответственность за нарушение требований в сфере осуществления транспортной безопасности;
- 4) нормы, содержащиеся в нормативных правовых

актах федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих управление транспортным комплексом нашей страны;

5) нормы, содержащиеся в законах субъектов Российской Федерации;

6) нормы, содержащиеся в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность полиции, а также нормы, которые содержатся в нормативных документах, принятых МВД России совместно с другими органами исполнительной власти.

Такой массив нормативной правовой регламентации деятельности полиции на объектах водного транспорта по обеспечению безопасности позволяет говорить о сложности соответствующей проблемы, а также о необходимости более деятельного законодательного закрепления функции полиции по обеспечению транспортной безопасности.

Следует также отметить, что специальными контрольно-надзорными полномочиями в сфере обеспечения безопасности на водном транспорте наделены такие органы исполнительной власти, как федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный контроль (надзор) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный транспортный надзор; Государственная инспекция по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и др. Линейные органы внутренних дел на водном транспорте осуществляют общие контрольно-надзорные функции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, оказывая согласно ст. 2 и ст. 12 Федерального закона Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4] содействие органам государственной власти и, взаимодействуя с ними в пределах своих полномочий.

С содержательной точки зрения взаимодействие заключается в согласованных по цели, месту и времени усилиях и во взаимной помощи по достижению задач, стоящих перед взаимодействующими субъектами. Главная цель взаимодействия — обеспечение единства действий, взаимопомощи и объединения усилий для успешного решения общих задач. При этом взаимодействие и взаимная помощь должны быть четко согласованы, как по цели (задаче) действий, так по месту и времени проведения совместных мероприятий. Таким образом, взаимодействие — это согласование усилий (действий) двух и более участников, совместно решающих конкретную задачу.

Возвращаясь к положениям Федерального закона «О полиции», необходимо подчеркнуть, что в нем, во-первых, закреплён принцип взаимодействия и сотрудничества в деятельности полиции, и, во-вторых, установлена обязанность полиции по реализации со-

вместной деятельности с представителями органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представителями органа местного самоуправления по различным направлениям деятельности в сфере внутренних дел.

Взаимодействие полиции с органами исполнительной власти по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности обеспечивается единым пониманием поставленных перед ними задач, твердым знанием общих и особых обязанностей и способов их выполнения всеми взаимодействующими органами.

Взаимодействие заинтересованных органов в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности осуществляется на основе принципов соблюдения законности, самостоятельности каждого органа в пределах, предоставленных ему законодательством Российской Федерации полномочий, процессуальной независимости и персональной ответственности сотрудников за точное выполнение согласованных мероприятий по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Анализ законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики показал, что обеспечение транспортной безопасности осуществляется во взаимодействии органов исполнительной власти и других субъектов. Такое положение дел обусловлено стратегическим значением транспорта для экономики нашей страны. В частности, осуществление охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности на водном транспорте происходит в тесном взаимодействии с территориальными органами МВД России, иными органами исполнительной власти федерального и регионального уровня, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

Так, например, общий надзор (контроль) на водном транспорте осуществляет Прокуратура РФ, Роспотребнадзор, Ространснадзор, ФПС России, ФТС России, а также органы внутренних дел на водном транспорте, которые призваны обеспечить соблюдение норм российского законодательства и безопасность в данной сфере. В тоже время полномочиями по конкретным направлениям обеспечения безопасности на воде (специальному надзору) наделены такие государственные органы как: Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство); Федеральная служба по надзору в сфере транспорта; Государственная инспекция по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ГИМС ГУ МЧС России) и др. Со всеми указанными субъектами линорганы на водном транспорте обязаны взаимодействовать в рамках государственной контрольно-надзорной деятельности для решения поставленных перед ними задач.

Кроме того, одним из направлений деятельности подразделений полиции на объектах водного транспорта является содействие органам исполнительной власти при обнаружении преступлений в сфере охраны водных биоресурсов и внешнеторговой деятельности с продукцией рыбного промысла. Подразделения полиции во взаимодействии с Федеральным агентством по рыболовству (Росрыболовство); Государственной инспекцией по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ГИМС ГУ МЧС России) ведут борьбу с браконьерами в период нереста рыбы.

Таким образом, органы внутренних дел на водном транспорте реализуют свои полномочия во взаимодействии с другими органами исполнительной власти и организациями.

Как правило, взаимодействие осуществляется в рамках работы межведомственных комиссий, рабочих групп и других структур, созданных для оказания противодействия преступлениям и административным правонарушениям на водном транспорте. Основой межведомственного взаимодействия являются соглашения, договоры и др. Такими соглашениями определяются формы сотрудничества, порядок направления запросов, проведение совместных мероприятий, учений, тренировок и т. д.

В то же время ведомственный нормативный блок, отражающий регулирование взаимодействия линорганов на водном транспорте с другими органами и организациями, может быть представлен только двумя приказами: Приказом МВД от 28 марта 2015 г. № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания»; Приказом МВД России № 576, Минтранса № 261 от 26 июля 2013 года «О разграничении подлежащих охране судоходных гидротехнических сооружений и средств навигационного оборудования и организации взаимодействия между подразделениями ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации, органами внутренних дел Российской Федерации и организацией, находящейся в ведении МВД России».

Такое положение дел указывает на наличие организационных проблем взаимодействия с иными государственными органами и организациями в сфере охраны правопорядка, поскольку круг субъектов взаимодействия достаточно широк и многообразен.

Представляется, что деятельность по обеспечению транспортной безопасности предполагает наличие определенного объема административных полномочий с каждой стороны взаимодействующих субъектов, что подчеркивает необходимость разработки межведомственных нормативных правовых актов.

Список источников

1. Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.10.2022).
2. Приказ МВД России от 15 июня 2011 г. № 636 «Об утверждении Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте» // СПС КонсультантПлюс.
3. Зиганшин М. М. Правовое регулирование обеспечения транспортной безопасности в деятельности полиции // «Российская юстиция». 2017. № 1. С. 252.
4. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 21.10.2022).

References

1. Federal Law № 16-FZ of February 09, 2007 «On Transport Security» // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource]: Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed: 30.10.2022).
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 636 dated June 15, 2011 «On Approval of the Model Regulations on the Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on Railway, Water and Air transport» // SPS ConsultantPlus.
3. Ziganshin M. M. Legal regulation of transport security in the activities of the police // «Russian Justice». 2017. № 1. P. 252.
4. Federal Law № 3-FZ of February 07, 2011 (as amended on 21.12.2021) «On the Police» // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource] : Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed 21.10.2022).

Библиографический список

1. Булавкин А. А. Основные особенности и специфика организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта // В сборнике трудов V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко, «Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности : теория и практика». Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 343–351.
2. Административная деятельность полиции :

учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардшевского. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 199–200.

3. Булавкин А. А., Малахова Н. В. Административно-юрисдикционные полномочия полиции на водном транспорте : особенности и проблемы реализации // Вестник Московского университета МВД России. № 4. 2022. С. 41–46.
4. Малахова Н. В. Система правового регулирования деятельности полиции на объектах водного транспорта // В сборнике научных трудов VI Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения)», посвященной 20-летию образования Университета. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.
5. Приказ МЧС России от 29 июня 2005 г. № 502 «Об утверждении Правил пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.10.2022).

Bibliographic list

1. Bulavkin A. A. The main features and specifics of the organization of public order protection and public safety at railway, water and air transport facilities // In the proceedings of the Vth All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of Doctor of Law, Professor Viktor Vasilyevich Denisenko, «Administrative and legal regulation of law enforcement : theory and practice». Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. P. 343–351.
2. Administrative activity of the police : textbook for university students studying in the field of training «Jurisprudence» / edited by O. V. Ziborov, V. V. Kardshevsky. M. : UNITY-DANA, 2021. P. 199–200.
3. Bulavkin A. A., Malakhova N. V. Administrative-jurisdictional powers of the police on water transport : features and problems of implementation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 4. 2022. P. 41–46.
4. Malakhova N. V. System of legal regulation of police activity at water transport facilities // In the collection of scientific papers of the VI International Scientific and Practical Conference «Topical issues of the application of administrative law (Korenevskie chreniya)», dedicated to the 20th anniversary of the University. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' 2022.

5. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia № 502 dated June 29, 2005 «On approval of the Rules for the use of small vessels on water bodies

of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource] : Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed 30.10.2022).

Информация об авторах

А. А. Булавкин — заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук;

Н. В. Малахова — доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Bulavkin — Deputy Head of the Department of Administrative Activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences;

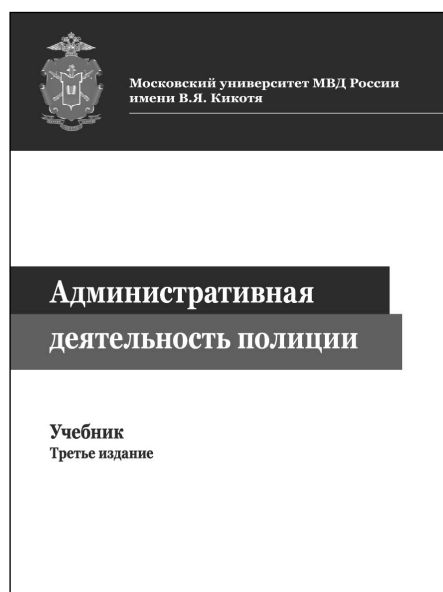
N. V. Malakhova — Associate Professor of the Department of Administrative Activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-48-54>

НИОН: 2003-0059-2/23-609

MOSURED: 77/27-003-2023-02-808

Административно-правовые меры ограничения нежелательной миграции участников террористической деятельности на территории государств–членов ОДКБ

Воронов Алексей Михайлович^{1,2}

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, alex_voronoff@mail.ru

² Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается совершенствование административно-правового механизма ограничения миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях.

Анализируется современное состояние исследуемой проблематики, изучаются актуальные вопросы правового регламентирования миграционных процессов как в глобальном мировом масштабе, так и применительно к территории, находящейся под юрисдикцией ОДКБ. Делаются выводы о появлении новых угроз и вызовов их суверенитету и территориальной целостности, так как в последние годы терроризм превратился в одну из острейших глобальных проблем современности, при этом раскрываются причины, и выявляются условия возникновения нежелательных миграций, когда под видом беженцев боевики проникают на сопредельную территорию для совершения террористических акций.

На основе анализа нормативной правовой базы и миграционной ситуации автор констатирует, что нормативно-правовое регулирование сферы миграции, как Российской Федерации, так и сопредельных государств ОДКБ направлено на управление позитивными миграционными процессами. Достаточной правовой регламентации подверглись государственные и межгосударственные механизмы противодействия незаконной (нелегальной) миграции, однако понятия «нежелательной миграции» и механизмов реагирования на нее в национальных правовых системах, как Российской Федерации, так и сопредельных государств не содержится. При этом именно нежелательная миграция, когда под видом переселенцев (беженцев) боевики запрещенных мировым сообществом или региональными структурами безопасности террористических организаций легально проникают на территорию стороннего государства с целью проведения терактов и свержения законного политического режима (власти), является одной из существенных угроз международной (транснациональной) безопасности.

Сформулированы выводы и предложения, направленные на совершенствование административно-правового механизма перекрытия каналов нежелательной миграции участников террористической деятельности на территории государств–членов ОДКБ. Автором предлагаются административно-правовые меры ограничения нежелательной миграции участников террористической деятельности.

Проблема законодательного урегулирования вопросов воспрепятствования легальных каналов нежелательной миграции участников международной террористической деятельности требует пристального внимания национальных антитеррористических органов и миграционных служб Российской Федерации, так и сопредельных государств. По существу, идёт речь о введении национальными законодателями в правовой оборот новых правовых категорий, характеризующих международные миграционные процессы, влекущие за собой негативные последствия в виде террористической деятельности в государствах въезда, в том числе гражданской принадлежности.

Ключевые слова: нежелательная миграция, террористическая деятельность, административно-правовые меры, территория государств–членов ОДКБ, международная (транснациональная) безопасность

Для цитирования: Воронов А. М. Административно-правовые меры ограничения нежелательной миграции участников террористической деятельности на территории государств–членов ОДКБ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 48–54. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-48-54>.

Original article

Administrative and legal measures to limit undesirable migration of participants in terrorist activities on the territory of the CSTO member states

Alexey M. Voronov^{1,2}

¹ All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, alex_voronoff@mail.ru

² Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, St. Petersburg, Russia

Abstract. The purpose of this work is to improve the administrative and legal mechanism for limiting migration processes in the CSTO space in modern conditions.

The current state of the studied issues is analyzed, topical issues of legal regulation of migration processes are studied both on a global scale and in relation to the territory under the jurisdiction of the CSTO. The conclusions are being made about the emergence of new threats and challenges to their sovereignty and territorial integrity, since in recent years terrorism has turned into one of the most acute global problems of our time, while revealing the causes and conditions for the emergence of undesirable migrations, when, under the guise of refugees, militants penetrate into neighboring territory to carry out terrorist actions.

Based on the analysis of the regulatory framework and the migration situation, the author states that the regulatory and legal regulation of the migration sphere, both in the Russian Federation and neighboring CSTO states, is aimed at managing positive migration processes. State and interstate mechanisms for countering illegal (illegal) migration have undergone sufficient legal regulation, but the concept of «undesirable migration» and mechanisms for responding to it are not contained in the national legal systems of both the Russian Federation and neighboring states. At the same time, it is undesirable migration, when, under the guise of immigrants (refugees), militants of terrorist organizations prohibited by the world community or regional security structures legally penetrate the territory of a third-party state in order to carry out terrorist attacks and overthrow the legitimate political regime (government), is one of the significant threats to international (transnational) security.

The conclusions and proposals are formed aimed at improving the administrative and legal mechanism for blocking the channels of undesirable migration of participants in terrorist activities on the territory of the CSTO member states. The author proposes administrative and legal measures to limit the undesirable migration of participants in terrorist activities.

The problem of legislative settlement of issues of obstruction of legal channels of undesirable migration of participants in international terrorist activities requires close attention of national anti-terrorist bodies and migration services of the Russian Federation, as well as neighboring states. In fact, we are talking about the introduction by national legislators of new legal categories that characterize international migration processes, which entail negative consequences in the form of terrorist activities in the states of entry, including citizenship.

Keywords: undesirable migration, terrorist activities, administrative and legal measures, territory of the CSTO member states, international (transnational) security

For citation: Voronov A. M. Administrative and legal measures to limit undesirable migration of participants in terrorist activities on the territory of the CSTO member states. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):48–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-48-54>.

Анализ состояния геополитической обстановки, реалии внутривосточного развития, как Российской Федерации, так и государств–членов ОДКБ позволяют сделать выводы о появлении новых угроз и вызовов их суверенитету и территориальной целостности. В последние годы терроризм превратился в одну из острых глобальных проблем современности. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, международный терроризм в основном благодаря внешним факторам получает всё более широкое распространение, так как является одним из эффективных средств для дестабилизации внутривосточной обстановки в отдельной стране или регионе.

Он проявляется не только в зонах политической

нестабильности (например, страны Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии), но и на территории экономически развитых стран (например, Евросоюза). В зоне риска остаются как Российская Федерация, так и государства–члены ОДКБ (например, события в Республике Беларусь осенью 2021 г. и Республике Казахстан в январе 2022 г.).

Во-вторых, международный терроризм представляет собой серьёзную угрозу безопасности не только отдельным государствам, но и всему мировому сообществу в целом.

Ежегодно в мире совершаются сотни террористических актов. Скорбный счёт их жертв исчисляется тысячами убитых и искалеченных людей, не говоря о

колоссальном материальном ущербе, вызванном войнами, начатыми террористическими организациями.

В 2013 году при активной поддержке Запада была осуществлена попытка формирования государства, основной государственной политикой которого стала террористическая деятельность (Исламское государство Ирака и Леванта). Данный проект не был осуществлён, но сеть международных террористических организаций до сих пор сохранилась на территории ряда государств.

В-третьих, для эффективной борьбы с международной террористической деятельностью необходимы коллективные усилия всего мирового сообщества, так как её финансирование осуществляется из внешних источников. Противодействие организаторам и исполнителям международной террористической деятельности возможно только при консолидации антитеррористических сил на международном уровне.

В Декларации Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, принятой по итогам сессии СКБ ОДКБ 2 декабря 2020 года, отмечается: «...государства-члены будут наращивать усилия, направленные на отражение угроз международного терроризма, в том числе связанных с финансированием, подготовкой и оснащением иностранных террористов-боевиков для использования в качестве наемников в вооруженных конфликтах, их возвращением из зон конфликтов в страны гражданской принадлежности».

Государства-члены выражают готовность к активизации совместных шагов по противодействию международному терроризму, нейтрализации его ресурсной базы, противодействию вербовке и участию граждан в террористической деятельности...

Государства-члены в связи со складывающейся ситуацией на Ближнем Востоке отмечают угрозу иностранных террористов-боевиков, возвращающихся в страны исхода. Государства-члены будут проводить работу по совершенствованию механизмов обмена информацией по данной категории лиц и их перемещениях, продолжат сотрудничество по линии компетентных ведомств [3].»

Очевидно, что лица, принявшие непосредственное участие в подобного рода конфликтах, отличаются особой общественной опасностью, в том числе в контексте решения государствами-членами Организации проблем и задач обеспечения коллективной и национальной безопасности, поддержанию внутренней стабильности. При этом для возвращения в государства гражданской принадлежности такие лица используют вполне легальные способы и средства, как правило, не имеющие ничего общего с незаконной миграцией. В данной связи, серьезно встает проблема нежелательной миграции. Именно «нежелательной» миграции, а не как это принято считать «незаконной миграции».

Миграция населения — это древнейший естественный процесс, подчиняющийся универсальным

законам социального развития. В связи с этим урегулирование процессов внешней и внутренней миграций в любом государстве является одной из прерогатив, отражаемой в миграционном законодательстве.

Интенсивный миграционный поток, буквально обрушившийся на государства Европы из стран Северной Африки и Ближнего Востока в 2014–2015 гг. стал одной из причин негативных социально-экономических процессов, обеспечил фактически беспрепятственное наполнение этих государств представителями криминальных, террористических и экстремистских структур. Такие негативные миграционные проявления могут явиться серьезной угрозой, стать одним из современных вызовов национальной безопасности, как Российской Федерации, так и сопредельных государств постсоветского пространства (далее — сопредельных государств).

Признавая реальность такой угрозы, представляется очевидным, что именно введение в оборот института нежелательности миграции (въезда, пребывания, выезда иностранных граждан и лиц без гражданства, граждан государства, въезжающих из определенных государств и их территорий, а равно и граждан выезжающих в определенные государства и их территории), может стать средством повышения эффективности миграционной политики, как Российской Федерации, так и сопредельных государств в части установления оправданного профилактического и превентивного контроля за миграционными потоками, законодательное установление дополнительных мер административно-правового воздействия будет способствовать действительной нейтрализации ресурсной базы международного терроризма.

При этом под нежелательной миграцией предлагается понимать международную миграцию (иммиграцию), не предполагающую смену места жительства, в целях участия в региональных вооруженных конфликтах, культивирования и распространения деструктивных идеологий, способствующих нарушению межнационального и межрелигиозного мира и согласия, свержения законно избранной власти.

Первичными признаками разграничения подобных лиц от беженцев или ищущих убежища, является, прежде всего, их гендерная принадлежность. Как правило, это лица (мужчины и женщины) репродуктивного возраста, формирующие определенные нравственные ценности (нередко религиозную совесть). Дополнительными формальными критериями отграничения этих лиц от беженцев или ищущих убежища лиц, является наличие двойного гражданства, либо вида на жительство, полученные в государствах не своей гражданской принадлежности/исхода.

Следует отметить, что принимая решения о нежелательности пребывания, как в Российской Федерации, так и сопредельных государств таких лиц, компетентными органами должны приниматься во внимание обстоятельства, касающиеся конкретного

лица (иностранного гражданина или лица без гражданства), а не в отношении государства принадлежности/исхода.

Анализ нормативной правовой базы и миграционная ситуация

В Российской Федерации миграционные процессы характеризуются участием в них большой доли, так называемого, «иностранного элемента».

Большинство мигрантов законно въезжают на территорию Российской Федерации и лишь потом переходят в разряд незаконных мигрантов. Наибольшее распространение среди иностранных граждан получили такие правонарушения как: незаконное осуществление трудовой деятельности, нарушение сроков пребывания на территории страны и несвоевременный выезд.

Не случайно в Российской Федерации решается вопрос о создании государственной организации, которая занималась бы интеграцией и адаптацией приезжих из других государств в Российскую Федерацию. Данная область по-прежнему в достаточной степени не развита и в нормативно-правовом порядке не обеспечена.

Уместно отметить, что новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации направлена на решение задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышение качества жизни ее населения, обеспечение безопасности государства, защиту национального рынка труда, поддержание межнационального и межрелигиозного согласия в российском обществе [1].

В то же время, представляется корректной миграционной политики, в прежней Концепции, где на первом месте значилось «...обеспечение безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения страны...», говорилось о необходимости стабилизации и увеличения численности и содействия обеспечению потребности экономики в рабочей силе [2].

Таким образом, анализ нормативного правового регулирования сферы миграции как Российской Федерации, так и сопредельных государств позволяет сделать вывод о том, что оно направлено на управление позитивными миграционными процессами. Достаточной правовой регламентации подверглись государственные и межгосударственные механизмы противодействия незаконной (нелегальной) миграции.

Понятия «нежелательной миграции» и механизмов реагирования на нее в национальных правовых системах, как Российской Федерации, так и сопредельных государств не содержится. При этом именно нежелательная, а точнее скрытая миграция, когда под видом переселенцев (беженцев) боевики запрещенных мировым сообществом или региональными структурами безопасности террористических организаций легально проникают на территорию стороннего го-

сударства с целью проведения терактов и свержения законного политического режима (власти), является одной из существенных угроз международной (транснациональной) безопасности.

Одним из способов проникновения международного терроризма как в Российскую Федерацию, так и на территорию сопредельных государств является легальное пересечение участниками террористической деятельности государственной границы страны пребывания. Этот процесс предлагается именовать *скрытой миграцией участников террористической деятельности*.

Это явление существенным образом отличается от *незаконной миграции*, осуществляемой путём нарушения законодательных процедур въезда (выезда), а также правил пребывания в стране, установленных в государствах-членах ОДКБ. Оно также не пересекается с понятиями «*мнимая миграция*» (обиходный термин, используемый для обозначения категории физических и юридических лиц, уклоняющихся от контроля налоговых органов) и «*нежелательная миграция*» (обиходный термин, используемый при описании межгосударственных миграционных процессов).

Новый правовой феномен, скрытая миграция участников террористической деятельности, стал актуален с 2013 года в ходе событий в странах Ближнего Востока. Его следует учитывать в практической деятельности наряду с нелегальной миграцией.

В ходе скрытой миграции участников террористической деятельности используются легальные каналы пересечения государственной границы как Российской Федерации, так государств-членов ОДКБ и легенды прикрытия, а именно:

- а) беженцы;
- б) переселенцы;
- в) туристы;
- г) родственники и знакомые граждан государств-членов ОДКБ;
- д) иностранные работники, прибывшие для трудоустройства;
- е) участники масштабных мероприятий (болельщики, участники конференции и др.);
- ж) коммерческие работники;
- з) просто граждане иностранных государств.

Наибольшую угрозу для национальной безопасности как Российской Федерации, так и сопредельных государств в условиях обострения международной и внутривнутриполитической обстановки могут представлять массовые перемещения иностранных граждан через государственную границу. Каждая форма данного процесса имеет свои особенности, которые должны учитываться государственными органами власти и специальными службами. При этом необходимо активно использовать сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму, а также результаты разведывательной и контрразведывательной деятельности. Важнейшее значение имеет наличие в

правоохранительных органах соответствующих административных структур, законодательно закреплённых алгоритмов действий, баз данных, технической и информационной инфраструктуры.

В механизме противодействия скрытой миграции участников международного террористической деятельности на территорию, как Российской Федерации, так и государств-членов ОДКБ применяются меры законодательного, оперативно-розыскного и информационного характера. Наибольшая эффективность механизма по выявлению, предупреждению, пресечению противоправной практики участников террористической деятельности достигается в результате комплексного, системного подхода исполнительных органов власти во взаимодействии со специальными службами, при этом преобладающими, прежде всего, являются оперативно-розыскные и иные меры, применяемые, в том числе при проведении специальных антитеррористических мероприятий.

Анализ законодательства, как Российской Федерации, так и сопредельных государств показывает, что скрытая миграция участников международного террористической деятельности как цельное явление не рассматривается, поэтому воспрепятствование использованию легальных каналов для их проникновения на территорию государств-членов осуществляется без использования комплексного подхода в рамках функционала правоохранительных органов.

В развитие исследуемой проблематики представляется целесообразным рассмотреть некоторые виды легальной миграции.

Массовое переселение иностранных граждан

Как правило, данный процесс связан с трудовой миграцией, поэтому относится к плановым мероприятиям. Своевременная подача документов позволяет провести обстоятельную проверку личных данных иностранных граждан, определить группы риска. Размещение переселенцев осуществляется во временных пунктах приёма с их дальнейшим направлением в места проживания.

Контроль за прибытием переселенцев к намеченному месту проживания, их регистрацией в местных органах власти и правоохранительных органах, а также натурализацией позволяет своевременно определить возможные риски.

Наибольшее внимание специальных служб могут привлечь молодые люди в возрасте от 20 до 40 лет, не имеющие семей. В ходе соответствующей проверки определяются лица, склонные к нарушению правопорядка. Более продолжительный контроль может быть осуществлён, как правило, в отношении лиц, входящих в группы риска.

Массовое переселение беженцев

Данный процесс практически всегда прогнозируем, однако он, как правило, протекает скоротечно. Поэтому в случае отсутствия необходимой инфра-

структуры для приёма иностранных граждан, подготовленных специалистов из числа сотрудников правоохранительных органов и специальных служб для фильтрации беженцев могут возникнуть проблемы с контролем за перемещением указанных лиц. В отличие от переселенцев, беженцы на начальном этапе должны располагаться на закрытой охраняемой территории. В качестве охраны могут быть использованы как сотрудники правоохранительных органов, так и работники частных охранных организаций или иных организаций с аналогичным статусом.

Дальнейшая деятельность беженцев осуществляется в соответствии миграционным законодательством. Правильно организованная работа по размещению беженцев и их фильтрации делает контроль за ними предсказуемым и управляемым.

Специальные службы Запада используют беженцев для формирования «спящих» террористических ячеек. Например, по мнению экспертов на территории стран Евросоюза уже сформирована подобная террористическая сеть, которая, как правило, базируется на базе религиозных учреждений. Поэтому выявление групп риска постоянно остаются в центре внимания компетентных органов.

Массовое пребывание болельщиков

Особое внимание компетентных органов данный процесс привлекает в условиях нестабильности внутриполитической обстановки в стране пребывания. Пограничный контроль является первичным фильтром миграции, так как не позволяет пересечь государственную границу только в том случае, если лицо, склонное к противоправной деятельности, зарегистрировано в специальной базе данных. Для оперативного контроля за данной группой лиц необходима не только соответствующая база данных, но и информационная инфраструктура, позволяющая оперативно осуществлять проверку персональных данных болельщиков и других категорий иностранных граждан, прибывших на спортивные соревнования.

Процесс прибытия болельщиков характеризуется скоротечностью, одновременностью и масштабностью. В этом случае внимание правоохранительных органов и специальных служб должно быть сосредоточено на местах скопления болельщиков и поведении их лидеров. При этом в основном используются данные специальных служб. Подразделения специального реагирования правоохранительных органов приводятся в полную готовность. Серьёзным подспорьем в обеспечении общественной безопасности могут стать работники частных охранных организаций или иных организаций с аналогичным статусом. Важным условием участия в данных мероприятиях является наличие у них специальной подготовки по взаимодействию с правоохранительными органами.

Здесь уместно обратить внимание, что в событиях в Республике Беларусь (2021 г.) и Республике Казах-

стан (2022 г.) был активно применён канал переброса участников террористической деятельности под видом туристов и просто граждан иностранных государств. Скоординированные действия иностранных спецслужб позволили по заранее намеченному плану сконцентрировать их в нужное время и в нужном месте. Тем самым планировался успех в реализации намеченных ими планов. Своевременные действия контрразведывательных органов вскрыли намерения иностранных спецслужб, а организованные и чёткие действия правоохранительных органов и армейских подразделений позволили взять ситуацию под контроль и принять эффективные меры по пресечению противозаконной деятельности участников террористических организаций и их пособников.

Выводы и предложения

В государствах, национальным интересам которых противостоит деструктивная и агрессивная внешняя политика отдельных крупных государств, возникают взаимообусловленные процессы нежелательных миграций.

Первый обусловлен развитием хаоса от так называемых «цветных революций» и представляет собой вынужденную миграцию, где ее провоцирующими факторами являются насильственная радикализация общества вплоть до открытого уничтожения отдельных социальных слоев населения.

Второй формируется на почве ускоренной деструктивной враждебной трансформации социальных отношений. Агрессивное поведение представителей «правильной» идеологии вполне осознанно и имеет характер высокой устойчивости.

В этой связи представляется необходимым предложить на законодательном уровне определить и наметить административно-правовые меры ограничения нежелательной миграции участников террористической деятельности, при этом оперативно-розыскные, уголовно-правовые и иные меры присущи противодействию именно скрытой миграции участников международного террористической деятельности. Речь идет о законодательном закреплении (уточнении и развитии) трех правовых институтов национального законодательства:

- возможности ограничения (запрета, установления контроля за передвижением) въезда определенным категориям иностранных граждан (лицам, имеющим двойное гражданство, либо вид на жительство, полученные в государствах не своей гражданской принадлежности), причастным (подозреваемым в причастности) к деятельности террористических организаций;
- возможности ограничения (запрета, установления контроля за передвижением) выезда гражданам в государства (их отдельные территории без признанного международным со-

обществом правового статуса), где ведутся военные действия;

- возможности применения административных мер принуждения в отношении иностранных граждан, как из числа государств дальнего зарубежья, так постсоветских государствах, чье пребывание на территории государства въезда, представляет угрозу безопасности и национальным интересам государства въезда.

В последнем блоке правовых инноваций в рамках развития института принуждения, применяемого к рассматриваемой категории лиц, законодательно должны быть закреплены механизмы контроля, вынесения представления о нежелательности пребывания (проживания) на территории Российской Федерации.

Одним из направлений ограничительных мер представляется возможным введение института «соглашения о лояльности». Речь идет о механизме, в рамках которого иностранные граждане для въезда на территорию Российской Федерации официально принимают на себя обязательства, нарушение которых может повлечь объявление о нежелательности пребывания (проживания) на территории государства – члена Организации и утрату права на нахождение на их территории за совершений таких правонарушений как: несоблюдение законодательства, участие в политической деятельности и в деятельности запрещенных организаций.

Представляется, что таким образом на законодательном уровне будет реализована общегосударственная превентивная функция по отношению к потенциальным наемникам (жертвам) в лице граждан к вербовке со стороны эмиссаров террористических организаций и сомневающийся в себе.

К числу государств, посещение которых нежелательно следует отнести:

- государства на территории которых ведутся боевые действия;
- государства, где разрешена деятельность общественных и религиозных объединений и организаций, деятельность которых признана экстремистской (террористической);
- государства с нестабильной социально-политической и военной обстановкой.

В качестве правового основания для принятия решений о включении (исключении) из перечня государств, посещение которых гражданами, как в Российской Федерации, так и сопредельных государств является нежелательным по мотивам обеспечения национальной безопасности. При этом должны быть урегулированы критерии отнесения таких государств на законодательном уровне и конкретно допустимые ограничительные меры.

Проблема законодательного урегулирования вопросов воспрепятствования легальных каналов нежелательной миграции участников международной

террористической деятельности требует пристального внимания национальных антитеррористических органов и миграционных служб Российской Федерации так и сопредельных государств.

По существу, речь идёт о введении национальными законодателями в правовой оборот новых правовых категорий, характеризующих международные миграционные процессы, влекущие за собой негативные последствия в виде террористической деятельности в государствах въезда, в том числе гражданской принадлежности.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. «О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы».
2. Воронов А. М. Актуальные вопросы администрирования миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях // Евразийская интеграция : экономика, право, политика. № 1. 2019. С. 49–53.
3. <http://news.am/rus/news/616735.html>.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025».
2. Voronov A. M. Actual issues of administration of migration processes in the CSTO space in modern

conditions // Eurasian integration : economy, law, politics. № 1. 2019. P. 49–53.

3. <http://news.am/rus/news/616735.html>.

Библиографический список

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., подписанным 10 декабря 2010 г., Вторым протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., подписанным 8 ноября 2018 г., Третьим протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., подписанным 8 ноября 2018 г.).

Bibliographic list

1. Charter of the Collective Security Treaty of 7 October 2002 (as amended by the Protocol Amending the Charter of the Collective Security Treaty Organization of 7 October 2002, Signed on 10 December 2010, the Second Protocol Amending the Charter of the Collective Security Treaty Organization of 7 October 2002, signed on November 8, 2018, the Third Protocol on Amending the Charter of the Collective Security Treaty Organization of October 7, 2002, signed on November 8, 2018).

Информация об авторе

А. М. Воронов — главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем охраны общественного порядка и участия органов внутренних дел в обеспечении общественной безопасности научно-исследовательского центра по исследованию проблем административно-правовой деятельности органов внутренних дел Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, эксперт Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. M. Voronov — Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of public order Protection and participation of Internal Affairs bodies in ensuring public security of the Research Center for the Study of Problems of Administrative and Legal Activity of Internal Affairs Bodies of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, expert of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-55-57>

НИОН: 2003-0059-2/23-610

MOSURED: 77/27-003-2023-02-809

Противодействие гомосексуализму в России досоветского периода: к вопросу о правах мужчин

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. Затронута проблематика правового положения мужчин в дореволюционной России через призму церковного и государственного противодействия гомосексуализму. С помощью исторического метода раскрыты особенности уголовно-правовой оценки гомосексуализма со стороны государства. С использованием ретроспективного анализа показано, что в указанный период нормативное противодействие гомосексуализму со стороны государства существенным образом ущемляло права мужской гендерной группы.

Ключевые слова: преступления сексуального характера, гомосексуализм, мужеложство, половая неприкосновенность, несовершеннолетние

Для цитирования: Грошев С. Н. Противодействие гомосексуализму в России досоветского периода: к вопросу о правах мужчин // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 55–57. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-55-57>.

Original article

Countering homosexuality in pre-Soviet Russia: on the issue of men's rights

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The problems of the legal status of men in pre-revolutionary Russia are touched upon through the prism of church and state opposition to homosexuality. In the work, using the historical method, the features of the criminal legal assessment of homosexuality by the state are shown. Using a retrospective analysis, it was demonstrated that during the specified period, the normative opposition to homosexuality on the part of the state significantly infringed on the rights of the male gender group.

Keywords: sexual crimes, homosexuality, sodomy, sexual inviolability, minors

For citation: Groshev S. N. Countering homosexuality in pre-Soviet Russia: on the issue of men's rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):55–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-55-57>.

Исследование проблематики, затрагивающей права мужской гендерной группы не может обойтись без освещения вопроса нормативного преследования в рамках национального правопорядка мужчин, практикующих гомозротическое и гомосексуальное поведение.

Стоит отметить, что уголовная ответственность за практику и пропаганду гомосексуальных контактов в России, равно как и преступления, связанные гетеросексуальными половыми отношениями, имеют давнюю историю. Тем не менее, уровень преследований гомосексуалистов, отношение к ним со стороны российского общества и публичной власти был различным, в зависимости от социальной политики, культурного развития страны, морали и нравственных

воззрений населения в тот или иной период.

Отечественная историография характеризуется некоторой волнообразностью преследования мужчин, практикующих гомосексуальные контакты. При этом характер нормативного преследования был достаточно полярен. В различные периоды истории отечественного права и государства наказания для гомосексуалистов варьировались от мягкого порицания, до вынесения смертного приговора [3, с. 116].

Как считают Н. А. Алексеев и И. С. Кон, отношение публичной власти к проявлениям гомосексуализма в рамках российского правопорядка в досоветский период обладало свойствами большей терпимости в сравнении с нормативной регуляцией других госу-

© Грошев С. Н., 2023

дарств [1, с. 193–194; 4, с. 281].

Примечательно, что отечественный правопорядок в сфере противодействия половым сношениям между дееспособными физическими лицами, кроме изнасилований, уделял внимание только гомосексуальным связям, как насильственным, так и добровольным. Что характерно, женские однополюе сексуальные связи в российской социокультурной традиции не порицались ни обществом, ни государством. Некоторые авторы, в частности Г. Б. Дерягин, полагали, что такая разница в оценке сексуальных девиаций мужчин и женщин берет начало с перманентной дискриминированности женщин, которые не рассматривались как полноправные субъекты социальных связей [2, с. 468]. Тем не менее, можно выдвинуть гипотезу, что преследование со стороны общества и государства мужчин, уличенных в гомосексуализме, проистекает в связи из определенной парадигмы социальных связей, при которых мужчина должен быть активно вовлечен в традиционные брачно-семейные отношения, которые рассматривались как опора власти и государства.

Анализ религиозных источников также демонстрирует, что к женскому гомосексуализму церковь относилась не так строго, чем к мужскому [4, с. 282].

Как считает М. А. Конева, на Руси распространение гомосексуализма связываются, прежде всего, формированием сугубо мужских общностей, прежде всего военных, в которых мужчины могли годами не вступать в половую связь с женщиной. Как считает автор, на это указывает и отсутствие нормативного запрета гомосексуальных связей вплоть до конца XV столетия [6, с. 19]. По нашему мнению, автор ошибается в осмыслении причин и следствий указанного явления. Так, военные общности хоть и не имели женщин в достаточных количествах для удовлетворения своих сексуальных потребностей, но занимаясь грабежами вражеских территорий нередко уводили в плен большие группы женщин. При этом уже давно доказано, что сексуальное влечение к партнеру своего пола — это продукт внутренних химических процессов организма, а не следствие давления окружающей социокультурной среды. В этой связи, нормативное преследование гомосексуалистов в России можно связывать как раз с моментом окончательного формирования государственности.

В этой связи достаточно характеристичны предписания требников XV–XVII столетий, воспрещавшие не только однополюе сексуальные связи, но и иные различные манипуляции с сексуальным подтекстом. Тем не менее, во времена Рюриковичей и в начале правления Романовых проявления гомосексуализма не считали чем-то серьезным [6, с. 19]. Нетрудно увидеть, что реакция церкви и государства на гомосексуализм долгое время была различной, и клирикалы обычно намного строже порицали однополюю любовь. И.С. Кон полагает, что подобная тенденция связана, прежде всего, с тем, что монастыри выступали рассадниками гомосексуализма, и церковная верхушка боролась, прежде всего, с внутренней проблемой, перенося тяжесть борьбы за чистоту нравов из глубины своей

конгрегации на все русское общество. В этой связи небезынтересно то, что иностранцы, побывавшие на Руси в XV–XVII, отмечают удивительную по европейским меркам толерантность к тем субъектам, которые практиковали гомосексуальные связи [5, с. 38].

Стоит отметить, что впервые в рамках отечественного правопорядка юридическая ответственность за гомосексуализм была введена Стоглавом 1551 г. Однако, неблагоприятные последствия для нарушителя были незначительными, сводясь к епитимье и отлучению от церкви. Намного суровее к гомосексуалистам стали относиться во времена петровских преобразований. Так, в 1706 г. в «кратком артикуле» князя Меншикова мужчин, уличенных в однополюю любви, сжигали на кострах.

В Артикуле воинском 1715 г. была детально проработана норма, предусматривающая ответственность за мужские однополюе сексуальные связи. В ст. 166 указанного нормативно-правового акта предусматривалось наказание как за добровольный гомосексуализм, так и за мужеложство, связанное с насилием. Неблагоприятные последствия за нарушение указанной статьи Артикулы воинские предусматривали в виде ссылки на галеры или смертную казнь, через сжигание на костре. Впоследствии Петр I смягчил наказание за указанное деяние и за ненасильственную однополюю любовь предусматривались телесные наказания, а за насильственное мужеложство — вечная ссылка [2, с. 468]. Тем не менее, круг субъектов указанного состава ограничивался военнослужащими, а, следовательно, мужчины, не служившие в армии, подобным наказаниям не подвергались.

С конца XVIII столетия отечественная социокультурная среда стала негативно воспринимать гомосексуализм, как социальный феномен. Тем не менее, Екатерина II в 1767 году предлагала отменить наказание за гомосексуализм в среде военнослужащих, объясняя это тем, что позора и беславия для мужеложцев уже достаточно [1, с. 198]. По сути, вплоть до 1832 г. мужской гомосексуализм не фигурировал в правовой сфере, выступая морально-этической, а не юридической проблемой [6, с. 19].

Ситуация поменялась с принятием Свода законов Российской империи, где мужской гомосексуализм как в среде военных, так и в обычном российском обществе был признан уголовным правонарушением. Параграф 995 предусматривал за мужеложство лишение всех прав состояний и высылку в Сибирь сроком до 5 лет. Если же гомосексуализм был сопряжен с насилием, либо в отношении малолетнего, либо слабоумного уголовная ответственность существенно ужесточалась. Виновного в этом преступлении лишали всех прав состояний и высылали в Сибирь на срок до 12 лет (параграф 996).

Ряд исследователей, в частности А. М. Смирнов, полагает, что криминализация мужеложства был осуществлена отечественным законодателем в связи с желанием приблизить национальный правопорядок к зарубежным стандартам, и прежде всего к правовой системе немецкого образца [7, с. 29].

Трансформация юридической ответственности за мужскую однополую любовь наблюдалась в 1845 г. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных гомосексуализм стал считаться преступлением против общественной нравственности. Уличенных в добровольном мужеложестве лишали всех особенных прав и преимуществ и заключали в исправительные арестантские отделения на срок от 4 до 5 лет. В случае выявления насильственного мужеложства, либо полового контакта с несовершеннолетним или невменяемым виновному грозила каторга на срок от 10 до 12 лет [8, с. 206].

Примечательно, что суровость буквы закона компенсировалось его игнорированием. По сути, за добровольный мужской гомосексуализм редко привлекали к ответственности, и история Российской империи не знает таких громких процессов, которые наблюдались в тот же период в Западной Европе [1, с. 196–197].

Постепенно, к началу XX столетия уголовные репрессии в отношении мужчин-гомосексуалистов в рамках отечественного правового поля сходят на нет, а после Февральской революции 1917 г. уголовная ответственность за указанное деяние и вовсе отменяется.

В заключение статьи необходимо отметить, что анализ источников демонстрирует дискриминационные тенденции в рамках отечественной правовой и социокультурной традиции в отношении мужской гендерной группы в сфере половой свободы. Так или иначе, мужчины-гомосексуалисты на протяжении долгого времени были дискриминированы в сфере своих сексуальных предпочтений. В то же время женщины, за аналогичные проступки не порицались не только церковью, но и государством. Подобная ситуация вызвана тем, что в период становления отечественной государственности публичная власть реализовывала программу выстраивания крепких традиционных институтов, которые способствовали укреплению семьи и деторождению.

Список источников

1. Алексеев Н. А. Правовое регулирование положений сексуальных меньшинств : Россия в свете международных организаций и национального законодательства стран мира. М. : БЕК, 2002. 384 с.
2. Дерягин Г. Б. Криминальная сексология : курс

лекций для юридических факультетов. М. : Щит-М, 2009. 552 с.

3. Кочерян Г. С. Греческая любовь : пройди тест на гомосексуальность. М. : Эксмо, 2009. 288 с.
4. Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М. : Олимп, 1998. 496 с.
5. Кон И. С. Сексуальная культура России. Клубничка на березке. 2-е изд., перераб и доп. М. : Айрис-пресс, 2005. 448 с.
6. Конева М. А. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, совершаемые лицами с гомосексуальной направленностью : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2002. 29 с.
7. Смирнов А. М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 260 с.
8. Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология / под ред. Ю. М. Антоняна. М. : Спарк, 1999. 464 с.

References

1. Alekseev N. A. Legal regulation of the provisions of sexual minorities : Russia in the light of international organizations and national legislation of the countries of the world. M. : BECK, 2002. 384 p.
2. Deryagin G. B. Criminal sexology : course of lectures for law faculties. M. : Shield-M, 2009. 552 p.
3. Kocheryan G. S. Greek love : pass the test for homosexuality. Moscow : Eksmo, 2009. 288 p.
4. Kon I. S. Moonlight at dawn. Faces and masks of same-sex love. M. : Olympus, 1998. 496 p.
5. Kon I. S. Sexual culture of Russia. Strawberry on a birch tree. 2nd ed., pererab and add. M. : Iris-press, 2005. 448 p.
6. Koneva M. A. Crimes against sexual inviolability and sexual freedom committed by persons with a homosexual orientation : abstract. diss. ... doct. jurid. sciences. Volgograd, 2002. 29 p.
7. Smirnov A. M. Crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual : monograph. M. : Yurlitinform, 2015. 260 p.
8. Tkachenko A. A., Shostakovich B. V. Criminal sexology / edited by Yu. M. Antonyan. M. : Spark, 1999. 464 p.

Информация об авторе

С. Н. Грошев — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 06.03.2023. The article was submitted 27.12.2022; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-58-60>

НИОН: 2003-0059-2/23-611

MOSURED: 77/27-003-2023-02-810

Общепризнанные принципы и нормы международного права в уголовно-правовой системе Российской Федерации

Мевлуд Демуралович Давитадзе^{1,2}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал), Одинцово, Россия, md2063@mail.ru

² Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются место и роль общепризнанных принципов и норм международного права в уголовно-правовой системе российского права: подчеркиваются некоторые противоречия положений ч. 4 ст.15 Конституции с отдельными отраслями права, а также обозначается необходимость неукоснительного соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: общепризнанные принципы международного права и международные договоры, Конституция, уголовно-правовая система, противоречия, неукоснительность соблюдения норм международного права и международных договоров

Для цитирования: Давитадзе М. Д. Общепризнанные принципы и нормы международного права в уголовно-правовой системе Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 58–60. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-58-60>.

Original article

Generally recognized principles and norms of international law in the criminal legal system of the Russian Federation

Mevlud D. Davitadze^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Odintsovo, Russia, md2063@mail.ru

² S.Y. Witte Moscow University, Moscow, Russia

Abstract. The place and role of generally recognized principles and norms of international law in the criminal legal system of Russian law are being considered. Also highlighted some contradictions of the provisions of Part 4 of Article 15 of the Constitution with certain branches of law, and also indicated the need for strict compliance with generally recognized principles and norms of international law in law enforcement.

Keywords: generally recognized principles of international law and international treaties, Constitution, criminal law system, contradictions, strict observance of the norms of international law and international treaties

For citation: Davitadze M. D. Generally recognized principles and norms of international law in the criminal legal system of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):58–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-58-60>.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [1].

Под общепризнанными принципами следует понимать обобщенные нормы, отражающие общечеловеческие ценности, направленные на защиту прав человека и гражданина, обеспечение мира и безопасности человечества, создающие условия мирного со-

существования народов мира и развития человеческой цивилизации.

В свою очередь, под нормами международного права следует понимать установленные и одобряемые общеобязательные правила поведения, регулирующие взаимоотношения между государствами или иными субъектами международного права в международных и межгосударственных отношениях.

В качестве основных источников международного

© Давитадзе М. Д., 2023

права, как это принято, выступают международные договоры и международный обычай, на основании которых формируются (должны формироваться) общие правила поведения императивного, а не формального характера для всех субъектов международных отношений.

С момента образования государств и международных организаций международные договоры как источник международного права выступают в качестве важнейшего института по установлению, урегулированию и развитию сотрудничества между различными государствами и организациями, включая субъекты национального права в качестве юридических и физических лиц. Как правило, именно международные договоры, декларации и конвенции, помимо национальных конституций и уголовно-правовых норм, играют основную роль в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

Многие страны в своей правотворческой деятельности учитывают общепризнанные принципы и нормы международного права как составную часть правовой системы своего государства.

Российская Федерация в первые годы своего существования на пути построения нового демократического государства тоже стала строить свою правовую систему с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, что нашло свое отражение не только в Конституции страны, но и во многих нормативно-правовых актах, в том числе уголовно-правового цикла.

Место общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовой системе Российской Федерации как составная часть ее правовой системы отражено в ч. 4 ст. 15 Конституции. Исходя из данного конституционного положения, общепризнанные принципы и нормы международного права занимают особое место среди отраслей российского права. Например, в ч. 2 ст. 1 УК РФ говорится, что уголовное законодательство основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права [2].

Как известно, к общепризнанным принципам международного права относятся:

- неприменение силы и угрозы силой;
- территориальная неприкосновенность государства;
- невмешательство во внутренние дела государства;
- неприкосновенность и нерушимость границ;
- мирное разрешение споров;
- уважение прав человека;
- суверенное равенство государств;
- равноправие и самоопределение народов;
- сотрудничество во имя сохранения мира и безопасности человечества;
- добросовестное выполнение обязательств как в рамках договора, так и в рамках Устава ООН и др.

Уголовное законодательство РФ с учетом общепризнанных принципов международного права и в соответствии с положениями Конституции и ч. 2 ст. 1 УК РФ с целью обеспечения мира и мирного сосуществования народов и государств содержит 34 главу, предусматривающую ответственность за «преступления против мира и безопасности человечества».

В ч. 3 ст. 1 УПК РФ также указывается, что «обще-признанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство» [3]. В данной норме также говорится, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем УПК РФ, то применяются правила международного договора».

Значение общепризнанных принципов и норм международного права для Российской правовой системы раскрывается и в ряде отраслей российского права, в частности, в ч. 1 ст. 7 ГК РФ, ч. 2 ст. 1 ГПК РФ, ч. 2 ст. 1.1 КоАП РФ, ст. 10 ТК РФ и др.

Говоря о значении общепризнанных принципов международного права для российской правовой системы, следует указать на некоторые видимые противоречия. К сожалению, современные реалии свидетельствуют о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права в российской правовой действительности, вопреки положению ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в определенной степени носят формальный характер. Примером подобного противоречия являются положения ст. 79 Конституции, которые по своей сути явно противоречат положению ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Статья 79 Конституции гласит, что «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [1].

Положение ст. 79 Конституции находит свое отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, в ч. 3 ст. 1 УПК указывается, что «не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации».

Исходя из современной действительности, можно отметить, что существующие противоречия между нормами международного права и отдельными отраслями правовой системы Российской Федерации в определенной степени вызваны политическими противоречиями на уровне международных отношений.

Как известно, международные договоры Российской Федерации должны соответствовать общепризнанным принципам международного права и Конституции страны. В противном случае, они не имеют и не должны иметь никакой юридической силы и с момента их заключения считаются ничтожными. Возникает вопрос: если международные договоры Российской Федерации по своей сути отражают общепризнанные принципы международного права и соответствуют основам Конституции РФ, то почему решения межгосударственных органов, принятые на основании международного права и положений международных договоров и адресованные самой Российской Федера-

ции для исполнения, не должны исполняться на территории России, в особенности решения Европейского суда по правам человека?

В связи с вышеуказанным следует отметить, что если в рамках международных договоров будут приняты решения международных органов, противоречащие Конституции РФ, что в принципе невозможно, то следует впредь в международных договорах Российской Федерации в рамках общепризнанных принципов международного права включить соответствующий защитный механизм для того, чтобы ни один субъект международно-правовых отношений не мог истолковать нормы международных договоров Российской Федерации не в рамках правового поля.

Российской Федерации как одной из важных субъектов международных отношений в своей деятельности следует строго соблюдать общепризнанные принципы международного права и международные договоры, так как именно через эти важные институты становится возможным защищать и отстаивать свои справедливые и законные права и интересы, в том числе в области охраны прав и свобод человека и гражданина в рамках уголовно-правовой системы.

Именно неукоснительное и добросовестное выполнение международных договоров способствует выстраиванию доверительных отношений и сглаживанию определенных противоречий между государствами.

О важности добросовестного исполнения международных договоров говорится как в ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ [4], так и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [5], в которых четко обозначена необходимость обеспечения правильного и единообразного применения судами в Российской Федерации международного права при осуществлении правосудия, отклонение от которых недопустимо, особенно при защите прав и свобод человека и гражданина.

Исходя из всего вышеизложенного, следует отметить, что при применении норм уголовно-правового цикла по противодействию преступности и осуществ-

лении правосудия необходимо неукоснительно руководствоваться не только соответствующими нормами национального законодательства, но и общепризнанными принципами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года).
2. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (последняя редакция).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (последняя редакция).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (последняя редакция).
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

References

1. Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020).
2. Federal Law «On International Treaties of the Russian Federation» dated 15.07.1995 № 101-FZ (latest edition).
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (latest edition).
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (latest edition).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 5 of October 10, 2003 «On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation».

Информация об авторе

М. Д. Давитадзе – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. D. Davitadze – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the S.Y. Witte Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-61-63>

НИОН: 2003-0059-2/23-612

MOSURED: 77/27-003-2023-02-811

О перспективах социокультурной интеграции вынужденных мигрантов

Татьяна Николаевна Дмитриева

Главное Управление МВД России по г. Москве, Москва, Россия, fortetete@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются факторы, определяющие формирование инфраструктуры для адаптации и интеграции иммигрантов в российский социум, применительно к вынужденной миграции. Предложены пути оптимизации нормативно-правового регулирования в части касающейся данной сферы отношений.

Ключевые слова: инфраструктура, адаптация, интеграция иммигрантов, временные (трудоу) мигранты

Для цитирования: Дмитриева Т. Н. О перспективах социокультурной интеграции вынужденных мигрантов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 61–63. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-61-63>.

Original article

On the prospects of socio-cultural integration of forced migrants

Tatiana N. Dmitrieva

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Moscow, Russia, fortetete@mail.ru

Abstract. The factors determining the formation of infrastructure for the adaptation and integration of immigrants into Russian society, in relation to forced migration, are being examined. The ways of optimization of regulatory regulation in the part concerning are proposed.

Keywords: infrastructure, adaptation, integration of immigrants, temporary (labor) migrants

For citation: Dmitrieva T. N. On the prospects of socio-cultural integration of forced migrants. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):61–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-61-63>.

В настоящей статье рассмотрены факторы, определяющие формирование инфраструктуры для адаптации и интеграции иммигрантов в российский социум, применительно к вынужденной миграции. Предложены пути оптимизации нормативно-правового регулирования в части касающейся.

Для российского государства именно политика социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан как составляющая и государственной миграционной, и государственной национальной политики является наиболее подходящим вариантом политической стратегии включения инокультурных мигрантов в принимающий социум. Ожидаемым позитивным итогом реализации указанной политики должно стать купирование рисков социально-политического конфликта в данной сфере, а также предотвращение культурной фрагментации общества.

Среди задач Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период

до 2025 г. (далее — Концепция) создание условий для социокультурной адаптации, формирование соответствующих институтов и механизмов. Представляется, что отсутствие в этом доктринальном документе отсылки к организационному и технологическому обеспечению политики интеграции иммигрантов обусловлено недостаточной терминологической проработкой указанного положения создателями Концепции. Вместе с тем, интеграция мигрантов, находящихся на территории России длительное время (свыше года), становится для них, зачастую, заключительной стадией миграционного процесса. К этой категории можно отнести и вынужденных мигрантов.

Реализация любой политики должна быть обеспечена институционально, законодательно и технологически. Технологическая составляющая политики адаптации и интеграции опирается на соответствующую инфраструктуру, представляющую собой совокупность государственных и общественных про-

ектов, обеспечивающих, собственно адаптацию и интеграцию иностранных граждан. Несомненно, наличие инфраструктуры для адаптации и интеграции иностранных граждан, которая носила бы системный и многоуровневый характер, можно было бы расценивать в качестве показателя успешной реализации политики адаптации и интеграции.

Однако сегодня мы можем только подтвердить фрагментарность и избирательность такой инфраструктуры, несмотря на то, что на протяжении многих лет осуществлялись различные проекты в данной сфере, которые так и не были тиражированы и воплощены системным образом. Инфраструктура, характеризующаяся подобным образом, не отвечает существующим вызовам. По мнению ведущих экспертов в этой области, такое положение вещей обусловлено стратегически неопределенным и тактически фрагментарным вниманием к этой проблеме со стороны государств [1, с. 92].

Полагаю, что на современном этапе при реализации мероприятий в данном направлении необходимо учитывать несколько важных моментов. Прежде всего, необходимо определиться с контингентом иностранных граждан, которые будут участвовать в мероприятиях по адаптации и интеграции. Второй важный аспект — это стимулирование (побуждение) иммигрантов к участию в адаптационных и интеграционных практиках. Наконец, важнейший фактор инфраструктуры по адаптации и интеграции иммигрантов — логистика и финансовая составляющая.

Неопределенность в вопросе определения целевых групп иностранных граждан — участников адаптационных и интеграционных практик, так или иначе, приводит к нерациональному использованию государственных средств, выделяемых в рамках реализации национальной политики государственным и негосударственным структурам.

Например, Департамент национальной политики и межрегиональных связей города Москвы активно работает в направлении содействия адаптации и интеграции в городское сообщество иностранных граждан, а также профилактики распространения в миграционной среде идеологии экстремизма и терроризма. Реализуемые Департаментом инициативы в данном направлении включают в себя консультационную работу с иностранными гражданами; межведомственные рабочие встречи с участием лидеров и активистов национальной общественности; создание местных консультативных органов по вопросам межнациональных отношений и миграции. Основная аудитория этих проектов трудовые мигранты. Однако, при очевидной актуальности и востребованности такой работы практически не уделяется внимание языковым и культурологическим практикам в отношении иммигрантов. По сути, происходит подмена понятий: деятельность органа государственной власти регионального уровня, направленная на профилактику правонарушений в сфере миграции в среде трудовых мигрантов, по-

зиционируется как деятельность по содействию социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан. Вместе с тем, в Концепции задекларирована необходимость домиграционной подготовки (адаптации) иностранных граждан, въезжающих в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, в стране исхода. Нормативно-правовое обеспечение миграционной политики содержит определенные требования к социокультурным компетенциям иностранных работников при получении ими разрешительных документов. Таким образом, практически все иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность на территории России, обладают базовым уровнем знания русского языка и основ законодательства.

В этом же смысле контрпродуктивны и отдельные широко разрекламированные проекты некоммерческих организаций, реализующих государственные гранты на адаптационную и интеграционную деятельность. Так, в арсенал автономной благотворительной некоммерческой организации «Новый век» входят и социальный патронаж трудовых мигрантов, и информирование о миграционном законодательстве, и, даже, курсы татарского языка. Сомнительно, что указанная деятельность должна осуществляться на государственные средства.

Представляется, что и государственные, и негосударственные акторы политики адаптации и интеграции должны четко дифференцировать категории иностранцев, привлекаемых к участию в адаптационно-интеграционных проектах. Временные (трудовые) мигранты — субъекты адаптационного процесса, который проходит, преимущественно в стране-доноре миграции. Иммигранты (проживающие или пребывающие свыше года) — субъекты интеграционного процесса, развивающегося на территории России.

Учитывая действующее нормативно-правовое регулирование в сфере миграции, определяем всего пять категорий международных мигрантов, которые продолжительное время пребывают либо проживают в Российской Федерации: иностранные граждане, имеющие статус временно или постоянно проживающих; вынужденные мигранты (беженцы и лица, имеющие временное убежище); трудовые мигранты из государств-членов Евразийского экономического союза с членами семей; дети из семей международных мигрантов, законно находящихся на российской территории; легальные мигранты, заключившие продолжительные контракты и стремящиеся повысить уровень своих социокультурных компетенций [2, с. 57–58].

Представляется, что наиболее проблемная группа из указанных выше — это вынужденные мигранты из стран Центральной Азии и Ближнего Востока. Как правило, это неработающие женщины, которые слабо владеют, либо совсем не владеют русским языком. Например, дамы из Афганистана и Сирии, на протяжении нескольких лет имеющие статус беженца или

временное убежище, при ежегодном продлении статуса запрашивают услуги перевода. В роли переводчиков при посещении этими женщинами общественных мест выступают их собственные дети, которые учатся в московских школах. Возникает вопрос о роли таких иностранок в работе родительской общественности, участии их в жизни школы. Более того, взрослеющие дети в таких семьях рискуют испытать когнитивный диссонанс в силу существующего дисбаланса ментальностей семьи и общества. Очевидно, что у женщин указанной категории отсутствует мотивация к изучению русского языка как в силу патриархальных устоев в семьях, так и по причине отсутствия нормативно-правовых стимулов со стороны государства и его социальных институтов.

В этой связи, назрела необходимость в законодательной инициативе по внесению изменений в Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», а теперь уже и в законопроект «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации» (далее — Законопроект), касающихся предоставлении сведений о прохождении курсов русского языка иностранными гражданами, не владеющими русским языком и имеющими убежище на территории РФ, при ежегодном продлении сроков предоставленного статуса. П. 2 ст. 13 Законопроекта «Соблюдение условий лицами, ходатайствующими о предоставлении убежища и получившими убежище» следует дополнить подп. 3 следующего содержания: «предоставления в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел по месту постановки на учет в качестве лица, получившего убежище, сведений о прохождении курсов русского языка как иностранного языка в установленном объеме».

Касательно логистики и финансовой составляющей инфраструктуры по адаптации и интеграции вынужденных мигрантов, наряду с имеющимися центрами, специально созданными для этой цели в некоторых

регионах, помещениями, предоставленными общественными организациями, помещениями учреждений образования и культуры, можно рассмотреть возможности филиалов уполномоченной организации ФГУП «Паспортно-визовый сервис» МВД России. В перечень предоставляемых Предприятием услуг входит образование для взрослых и прочие виды образования, не включенные в другие группировки подраздела 80 Общероссийского классификатора видов экономической деятельности. Преимущества Предприятия в том, что оно имеет разветвленную сеть в регионах и подведомственно МВД России, что позволило бы осуществлять системную и контролируемую деятельность по интеграции иммигрантов. При этом обучение вынужденных мигрантов должно быть для них бесплатным.

Список источников

1. Бажан Т. А. Вопросы инфраструктуры интеграции мигрантов в региональных планах реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. 2019. № 2 (18). С. 91–100.
2. Дмитриева Т. Н. Институциональное обеспечение политики адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации : проблемы и пути оптимизации : монография / Т. Н. Дмитриева. М. : ГУУ, 2021. 104 с.

References

1. Bazhan T. A. Issues of infrastructure for the integration of migrants in regional plans for the implementation of the state national policy of the Russian Federation // Economics. Right. Society. 2019. № 2 (18). P. 91–100.
2. Dmitrieva T. N. Institutional support of the policy of adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation : problems and ways of optimization : monograph / T. N. Dmitrieva. M. : GUU, 2021. 104 p.

Информация об авторе

Т. Н. Дмитриевна — начальник отдела по вопросам беженцев, временного убежища и вынужденных переселенцев Управления по вопросам миграции Главного Управления МВД России по г. Москве, кандидат политических наук.

Information about the author

T. N. Dmitrievna — Head of the Department for Refugees, Temporary Asylum and Internally Displaced Persons of the Department for Migration of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Candidate of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья
УДК 343.101:344.22
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-64-68>
НИОН: 2003-0059-2/23-613
MOSURED: 77/27-003-2023-02-812

Организация и деятельность международных организаций по обеспечению продовольственной безопасности

Александр Егорович Епифанов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. Раскрываются организационные и правовые основы деятельности международных организаций по обеспечению продовольственной безопасности. Дается классификация международных организаций в изучаемой сфере, которая проводится по различным критериям. Специальное внимание в статье уделяется международным организациям специальной компетенции, занимающимся непосредственно вопросами продовольственной безопасности. Автором раскрывается организация и деятельность таких международных межправительственных организаций как Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Комитет по всемирной продовольственной безопасности, Международный фонд сельскохозяйственного развития и Межправительственный совет по вопросам АПК СНГ. Также в статье уделяется внимание международным неправительственным организациям, в том числе Евразийскому центру по продовольственной безопасности (Аграрный центр МГУ), Всемирной продовольственной программе, Общепрофессиональной ассоциации генетической безопасности, Агентству мониторинга безопасности продуктов питания, Институту отраслевого питания, Глобальному форуму по сельскохозяйственным исследованиям, Консультативной группе по международным сельскохозяйственным исследованиям.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, международные организации, Всемирный форум, декларация, голод, сельскохозяйственная продукция, СНГ, продовольственные системы, недоедание

Для цитирования: Епифанов А. Е. Организация и деятельность международных организаций по обеспечению продовольственной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 64–68. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-64-68>.

Original article

Organization and activities of international organizations to ensure food security

Alexander E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The organizational and legal foundations of the activities of international organizations to ensure food security are being revealed. The classification of international organizations in the field under study, which is carried out according to various criteria is given. Special attention in the article is paid to international organizations of special competence dealing directly with food security issues. The author reveals the organization and activities of such international intergovernmental organizations as the Food and Agriculture Organization of the United Nations, the Committee on World Food Security, the International Fund for Agricultural Development and the Intergovernmental Council on The Agro-Industrial Complex of the CIS. The article also pays attention to international non-governmental organizations, including the Eurasian Center for Food Security (Agrarian Center of Moscow State University), the World Food Program, the National Association for Genetic Safety, the Food Safety Monitoring Agency, the Institute of Industrial Nutrition, the Global Forum on Agricultural Research, the Advisory Group on International Agricultural Research.

Keywords: food security, international organizations, World Forum, declaration, hunger, agricultural products, CIS, food systems, malnutrition

For citation: Epifanov A. E. Organization and activities of international organizations to ensure food security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):64–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-64-68>.

© Епифанов А. Е., 2023

В настоящее время продовольственная безопасность является одной из актуальнейших глобальных проблем, и в том или ином виде входит в повестку дня множества международных организаций. Многие организации уделяют внимание, главным образом, проблеме голода в беднейших странах мира. Непосредственно же вопросами обеспечения и развития системы продовольственной безопасности занимается сравнительно ограниченный круг международных организаций.

Классификация международных организаций в изучаемой сфере традиционно проводится по различным критериям. Так, международные организации принято подразделять по кругу участников на универсальные, региональные и межрегиональные. Вопросам борьбы с голодом сегодня уделяется пристальное внимание в повестке дня большинства организаций, в том числе обладающих общей компетенцией. Особый интерес представляют международные организации специальной компетенции, занимающиеся непосредственно вопросами продовольственной безопасности. Они, в свою очередь, подразделяются на международные межправительственные и международные неправительственные организации. Необходимо добавить, что общепринятая классификация международных организаций также включает в себя их разделение на межгосударственные (межправительственные) и надгосударственные, которые нередко называют наднациональными. В первом случае участие в организации никак не сказывается на государственном суверенитете, вся полнота действия которого продолжает осуществляться государством. Во втором случае факт членства в организации означает для государства добровольную передачу части своего суверенитета организации.

Международные организации, обладающие специальной компетенцией по вопросам продовольственной безопасности и представляющие особый интерес в контексте влияния их деятельности на реализацию национальных интересов Российской Федерации, следует подразделять на 2 основных вида: 1) межправительственные и 2) неправительственные организации.

Международные межправительственные организации включают Продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН (ФАО), Комитет по всемирной продовольственной безопасности, Международный фонд сельскохозяйственного развития и Межправительственный совет по вопросам АПК СНГ. Международными неправительственными организациями являются Евразийский центр по продовольственной безопасности (Аграрный центр МГУ), Всемирная Продовольственная Программа, Общественная Ассоциация Генетической Безопасности, Агентство мониторинга безопасности продуктов питания, Институт отраслевого питания, Глобальный форум по сельскохозяйственным исследованиям, Консультативная группа по международным сельскохо-

зяйственным исследованиям.

Ведущей международной межправительственной организацией, обладающей специальной компетенцией по продовольственным вопросам, является Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Эта организация была основана в 1945 г., как и ее организация-патрон ООН. Ныне в ФАО насчитывается 194 государства-члена, включая Европейский Союз (организация-член), а также 2 ассоциированных члена [1]. Российская Федерация стала членом ФАО в 2006 г. Русский язык является одним из официальных языков названной организации.

На сегодняшний день перед ФАО стоят пять важнейших целей. В их рамках она содействует борьбе с голодом; обеспечивает продовольственную безопасность и противодействует недоеданию; способствует повышению продуктивности и устойчивости сельского, лесного и рыбного хозяйства; принимает меры к сокращению масштабов нищеты в сельских районах; обеспечивает всеобъемлющий характер и эффективность сельскохозяйственных и продовольственных систем; обеспечивает повышение устойчивости к стихийным бедствиям источников средств к существованию.

Первая стратегическая цель заслуживает пристального внимания. В стратегии ФАО под формулировкой «борьба с отсутствием продовольственной безопасности» и теми практическими мерами, которые осуществляются для реализации этой цели, просматривается концепция «responsibility to protect» в действии, причем в данной ситуации применим именно вариант перевода «обязанность защищать», а не «ответственность за защиту». В соответствии с Уставом ФАО, государства-члены организации берут на себя обязательство отчитываться друг перед другом при посредничестве организации о принятых мерах по борьбе с голодом и развитию продовольственной безопасности, организация же следит за исполнением этих обязательств и дальнейшим расширением политических обязательств и подотчетности.

Членство в ФАО полностью отвечает национальным интересам России, однако долгое время вступление в нее было затруднено высоким уровнем членских взносов. Стоит отметить, что в перспективе, для проведения скоординированной работы в интересах СНГ предполагалась возможность создания в рамках названной организации группы из стран Содружества. Если вопрос об эффективности координации действий стран Содружества в ФАО и реализации ими своих интересов благодаря членству в организации пока остается открытым, то обратное влияние ФАО очевидно. Критерием оценки продовольственной ситуации в странах СНГ по многим показателям становятся нормы, рекомендуемые этой организацией [2].

Первостепенная роль Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН подтверждается и тем фактом, что именно эта организация выступила

инициатором и площадкой для подготовки и принятия Римской Декларации по мировой продовольственной безопасности. Она была принята 13–17 ноября 1996 г. на Продовольственном Саммите Мира [3].

Здесь впервые было на официальном уровне подтверждено, что, проблема продовольственной безопасности выходит далеко за рамки национальных границ, является глобальной, а значит, требует согласованных действий государств. Более того, именно принятие Декларации, в сущности, придало проблеме продовольственной безопасности международно-правовую окраску [4, с. 21]. При этом за человеком признается право на здоровую пищу в достаточном для полноценной жизни и развития количестве, а за государством — обязанность проводить политику обеспечения продовольственной безопасности, развития устойчивости продовольственной системы государства.

В Декларации указывается на системный характер продовольственной безопасности, разграничиваются понятия экономической и физической доступности продовольствия. Принятие Римской декларации ознаменовало и существенный поворот в общем теоретико-практическом подходе к вопросам обеспечения продовольственной безопасности. Так, в документе практически полностью опускаются традиционные для рассмотрения продовольственной проблемы экономические моменты. Напротив, значительно большее внимание уделяется политической составляющей проблемы, соотношению роли государства и международного сообщества в ее урегулировании. Этот момент крайне показателен, так как большинство официальных документов (как национальных стратегий, так и международных программ и инициатив, а также уставов международных организаций) концентрируются преимущественно на социально-политических, структурно-институциональных аспектах обеспечения продовольственной безопасности, в то время как исследования по данной проблематике представляют собой, главным образом, исключительно экономический анализ и прогноз, оставляя фактически без внимания названные выше аспекты.

Новая Декларация по продовольственной безопасности была принята также в Риме 16–18 ноября 2009 г., на новом Всемирном саммите. Она вывела эту проблему на качественно новый уровень [5]. Выход из глобального продовольственного кризиса был определен основе глобального партнерства по сельскому хозяйству, продовольственной безопасности и питанию. Центральным элементом его является Комитет по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ). Названный комитет был учрежден в 1974 г. Он также входит в систему ООН и является органом, подотчетным ее Экономическому и Социальному Совету. Хотя в работе Комитета могут участвовать неправительственные организации и представители гражданского общества, он представляет собой, прежде всего, одну из ведущих площадок для осуществления и коорди-

нации межправительственного взаимодействия по вопросам продовольственной безопасности. Более того, целью организации является и согласование политики отдельных государств в сфере продовольственной безопасности путем разработки международных стратегий и руководящих принципов деятельности, а также оказание поддержки и проведение консультаций по просьбе отдельных стран или регионов.

Долгосрочными целями КВПБ являются разработка гибкой глобальной стратегии в области продовольственной безопасности, развитие системы отчетности по принимаемым в продовольственной сфере мерам и выработка общей системы показателей, а также координация действий на национальном и региональном уровнях. В этой связи КВПБ активно сотрудничает с национальными и региональными структурами в сфере питания и продовольственной безопасности, в том числе неправительственными [1].

Таким образом, стратегическая цель КВПБ одновременно является и своего рода вызовом для стран-членов организации, в том числе и для Российской Федерации. При этом имеется в виду не столько аспект практический (то есть очевидная необходимость проведения эффективной продовольственной политики в свете развития системы отчетности), сколько институциональный. Дело в том, что национальный механизм продовольственной безопасности должен быть в достаточной степени развитым. Это означает не только наличие соответствующих актуальным продовольственным вызовам и угрозам стратегических документов, но и реальных структур, проводящих продовольственную политику. Более того, развитым должно быть и гражданское общество как отдельный субъект, с которым Комитет также намерен развивать взаимодействие.

Важно отметить, что русский язык также является одним из рабочих языков Комитета. Российская Федерация принимает активное участие в его деятельности. По словам председателя Руководящего комитета Группы экспертов по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ) М. С. Свамнатана, правительство России оказывает активную поддержку деятельности Комитета. При этом он отметил, что работа Комитета «была бы невозможной без щедрой поддержки со стороны доноров», в числе которых фигурирует и Россия [1].

Еще одним учреждением системы ООН, обладающим специальной компетенцией по вопросам глобальной продовольственной безопасности, является созданный в 1977 г. Международный фонд сельскохозяйственного развития (ИФАД). Его основная задача состоит в привлечении финансирования для борьбы с голодом в проблемных, преимущественно сельских, регионах мира. Важно, однако, подчеркнуть, что помощь, оказываемая ИФАД, носит далеко не экстенсивный характер. Дело в том, что полученные за счет взносов государств-членов и добровольных по-

жертвованных средства направляются в виде адресной помощи, грантов и низкопроцентных кредитов сельхозпроизводителям для повышения объемов и производительности их труда, выпуска сельхозпродукции на основании рациональных методов использования ресурсов. Более того, пристальное внимание уделяется развитию местных институтов сельского хозяйства и продовольственной безопасности. Российская Федерация стала членом этой организации в 2014 г. Стоит отметить, что преимущественная ориентация на сельскохозяйственный аспект продовольственной проблемы и поиск решений именно в этой сфере характерны не только для ИФАД, но и для официальной позиции России, зафиксированной, прежде всего, в Доктрине ее продовольственной безопасности.

Региональной межправительственной организацией, деятельность которой представляет наибольший интерес, является Межправительственный совет по вопросам агропромышленного комплекса СНГ. Хотя глобальность проблемы продовольственной безопасности сегодня не вызывает сомнения, а необходимость участия в международных продовольственных организациях становится для государства вызовом, который невозможно оставить без ответа, деятельность организаций, названных выше, остается, по большей части политической. Она ограничивается формальной координацией национальных программ и совместными декларациями. Однако, создание устойчивой системы продовольственной безопасности и обеспечение продовольственной независимости государства в современных условиях не предполагают и не могут предполагать стремления государства к самоизоляции.

Напротив, устойчивость системы продовольственной безопасности достигается не только за счет оптимальной работы внутренних продовольственных институтов государства, но и благодаря эффективности долгосрочного сотрудничества с другими государствами, прежде всего — сопредельными, с которыми Российскую Федерацию объединяет не только территориальная близость, но и активное и продолжительное политическое, экономическое, культурное и прочее сотрудничество. Более того, необходимость практической кооперации в продовольственной сфере, выходящей далеко за рамки общих деклараций, продиктованных политическими мотивами и часто не соответствующих реально принимаемым на национальном уровне мерам, уже давно обоснована с экономической точки зрения теорией относительных преимуществ, актуальность которой не вызывает сомнений.

30 ноября 2000 г. Советом глав правительств СНГ в Минске было утверждено Положение о Межправительственном совете по вопросам агропромышленного комплекса Содружества [6]. В действительности названный межправительственный совет существует уже с 29 марта 1993 г. В этот день в Акмоле (Казахстан) было принято Соглашение о межгосударственных

взаимоотношениях по вопросам агропромышленного комплекса [7]. Основными задачами Совета являются координация действий, направленных на обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса, формирование совместного аграрного рынка Содружества, а также решение конкретных вопросов материально-технического обеспечения АПК. Согласно названному положению, 1-й из основных функций Совета является обеспечение продовольственной безопасности, а также развитие рынков сельхозпродукции и продовольствия СНГ.

Анализ принятых в рамках Совета программных документов, а также проведенных мероприятий свидетельствует о соответствии реальной работы Совета поставленным целям, а также о значительном отличии деятельности Совета от описанных выше международных организаций. Представляется, что такое отличие, заключающееся в гораздо большей степени конкретности принимаемых мер и преимущественной ориентации Совета на поиск путей решения продовольственной проблемы СНГ в развитии и интеграции агропромышленного комплекса, демонстрирует своеобразное «разделение полномочий» между универсальными и региональными международными организациями по продовольственной безопасности: первые ориентированы, главным образом, на выработку общих концептуальных положений и подходов к проблеме, в то время как деятельность вторых сосредоточена на предельно конкретных мерах, обусловленных региональными особенностями, вызовами и угрозами продовольственной безопасности, а также вероятными совместными путями их предотвращения.

В деятельности международных межправительственных продовольственных организаций можно выделить два основополагающих направления, соответствующих природе и сущности самого феномена продовольственной безопасности и характерных черт его развития на современном этапе [9, с. 37]. С одной стороны, международные организации являются своеобразной площадкой для взаимодействия национальных правительств по вопросам координации политики государств в сфере продовольственной безопасности. При этом могут рассматриваться глобальные вызовы и угрозы продовольственной безопасности, необходимость решения продовольственной проблемы в отдельных странах и регионах и т. д. Тем не менее, при таком подходе, какими бы «глобальными» не являлись бы обсуждаемые вопросы, продовольственная безопасность продолжает восприниматься в терминах национальной безопасности [8, с. 231]. С другой стороны, основу компетенции международных организаций может составлять и глобальная продовольственная проблематика как таковая. Необходимо отметить, что в основании деятельности подавляющего большинства международных межправительственных организаций, членом которых является Российская Федерация, лежит именно первый из указанных подходов.

Список источников

1. Food and Agriculture Organization of the United Nations / <http://www.fao.org/legal-services/membership-of-fao> (дата обращения: 21.11.2022).
2. Решение о Концепции повышения продовольственной безопасности государств-участников СНГ (Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 г.) / <https://base.garant.ru/2570896/> (дата обращения: 22.11.2022).
3. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности / <http://ru.knowledgr.com/18078879/> (дата обращения: 20.11.2022).
4. Назаренко В. И. Продовольственная безопасность. М. : Памятники исторической мысли, 2011. 284 с.
5. Декларация всемирного саммита по продовольственной безопасности / https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 22.11.2022).
6. Решение о Положении о Межправительственном совете по вопросам агропромышленного комплекса Содружества Независимых Государств (Минск, 30 ноября 2000 г.) / <https://base.garant.ru/1155861/> (дата обращения: 20.11.2022).
7. Соглашение о межгосударственных взаимоотношениях по вопросам агропромышленного комплекса (Акмолла, Казахстан, 29 марта 1993 г.) (с изменениями и дополнениями) / <https://base.garant.ru/1119816/> (дата обращения: 20.11.2022).
8. Абдрашитов В. М., Джамбалаев Я. Р., Епифанов А. Е., Слеженков В. В., Юдина А. Б. Комментарий к федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении». Саратов, 2012. 640 с.
9. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права // Евразий-

ский юридический журнал. № 11 (150) 2020. С. 35–40.

References

1. Food and Agriculture Organization of the United Nations / <http://www.fao.org/legal-services/membership-of-fao> (accessed: 21.11.2022).
2. Decision on the Concept of Improving Food Security of the CIS Member States (St. Petersburg, November 19, 2010) / <https://base.garant.ru/2570896/> (accessed: 22.11.2022).
3. Rome Declaration on World Food Security / <http://ru.knowledgr.com/18078879/> (accessed: 20.11.2022).
4. Nazarenko V. I. Food security. M. : Monuments of historical thought, 2011. 284 p.
5. Declaration of the World Summit on Food Security / https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (accessed: 22.11.2022).
6. Decision on the Statute of the Intergovernmental Council on The Agro-Industrial Complex of the Commonwealth of Independent States (Minsk, November 30, 2000) / <https://base.garant.ru/1155861/> (accessed: 20.11.2022).
7. Agreement on Interstate Relations on Agro-Industrial Complex (Akmola, Kazakhstan, 29 March 1993) (with amendments and additions) / <https://base.garant.ru/1119816/> (accessed: 20.11.2022).
8. Abdrashitov V. M., Dzhabalaev Ya. R., Epifanov A. E., Slezenkov V. V., Yudina A. B. Commentary to the Federal Constitutional Law of May 30, 2001 № 3-FKZ «On the State of Emergency». Saratov, 2012. 640 p.
9. Buryanov S. A., Buryanov M. S. New threats to global security and prospects for the development of international law // Eurasian Legal Journal. № 11 (150) 2020. P. 35–40.

Информация об авторе

А. Е. Епифанов — Отдел по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Information about the author

A. E. Epifanov — Department for the Study of Historical Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-69-72>

НИОН: 2003-0059-2/23-614

MOSURED: 77/27-003-2023-02-813

Дисциплинарное принуждение лиц, находящихся под стражей в специальных учреждениях органов внутренних дел: проблемы правовой регламентации и пути их преодоления

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
vz15111982@gmail.com

Аннотация. Анализируется порядок содержания в специальных учреждениях органов внутренних дел подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также лиц, подвергнутых административному аресту. Изучаются правовые основания для привлечения указанных лиц к административной и дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения внутреннего распорядка и условий содержания под стражей; предпринимается попытка разграничения этих видов юридической ответственности. На основе обобщения существующих законодательных пробелов и правовых неурегулированностей предлагается механизм их преодоления; и выносятся на обсуждение авторское определение диффинции «дисциплинарный проступок».

Ключевые слова: специальные учреждения органов внутренних дел, дисциплинарный проступок, дисциплинарная ответственность, законность, административная ответственность

Для цитирования: Журавлев В. В. Дисциплинарное принуждение лиц, находящихся под стражей в специальных учреждениях органов внутренних дел: проблемы правовой регламентации и пути их преодоления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 69–72. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-69-72>.

Original article

Disciplinary coercion of persons in custody in special institutions of internal affairs bodies: problems of legal regulation and ways to overcome them

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the order of detention in special institutions of the internal affairs bodies suspected and accused of committing crimes, as well as persons subjected to administrative arrest. The legal grounds for bringing these persons to administrative and disciplinary liability for committed violations of the internal regulations and conditions of detention are being studied, an attempt is made to distinguish between these types of legal liability. Based on a generalization of existing legislative gaps and legal unsettledness, a mechanism for overcoming them is proposed and the author's definition of the definition of «disciplinary offense» is put up for discussion.

Keywords: special institutions of the internal affairs bodies, disciplinary offense, disciplinary responsibility, legality, administrative responsibility

For citation: Zhuravlev V. V. Disciplinary coercion of persons in custody in special institutions of internal affairs bodies: problems of legal regulation and ways to overcome them. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):69–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-69-72>.

Не вызывает сомнений, что одним из признаков демократизма следует считать открытость и публичность, гласность в деятельности органов власти [1, с. 26–28], которая при реализации государственной по-

литики «создает основу для поиска новых форм исполнительного воздействия на осужденных» [2, с. 17], а также подозреваемых (обвиняемых) и лиц, подвергнутых административному аресту, временно нахо-

© Журавлев В. В., 2023

дящихся в специальных учреждениях МВД России (далее — специальные учреждения). Необходимость комплексного использования средств по исправлению и реабилитации отмеченных категорий правонарушителей определяется важностью достижения целей общей и частной превенции, признается органами государственной власти как необходимый элемент работы правоохранительных органов, в связи с чем требует выработки и реализации единой правовой концепции.

Нельзя не признать, что эффективность управленческого воздействия на лиц, находящихся под стражей, требует повсеместного сочетания методов принуждения и убеждения. Назначение наказания, применение мер пресечения, и последующая необходимость претерпевать сопутствующие им правовые и социальные ограничения, будучи средством превенции, не должны быть единственным средством исправления таких лиц.

В связи с этим, использование метода убеждения, путем оказания активного психологического воздействия на лиц, находящихся под стражей, видится не просто правильным, а необходимым решением. Отметим правоту Поповой Е. Э., которая подчеркивает, что исправительное воздействие на лиц, изолированных от общества, обеспечивает сохранение и развитие положительных качеств, социальных навыков, человеческого достоинства и направлено на возвращение обществу полноценной личности [3, с. 144–145].

Несомненно, исправление рассматриваемой категории лиц является комплексной деятельностью, которая реализуется специализированными органами государственной власти: ФСИН и МВД России совместно с институтами гражданского общества. Выскажем мнение, что одним из наиболее важных элементов исправления лиц, находящихся под стражей, является привитие им в первую очередь необходимости неукоснительного соблюдения правил внутреннего распорядка, временных запретов и ограничений, обеспечивающих поддержание дисциплины в местах их изоляции от общества. Следует признать, что в настоящее время на законодательном уровне существуют объективные пробелы, препятствующие построению целостной и последовательной правовой модели применения отдельных мер государственного принуждения в отношении рассматриваемой категории лиц.

Для их преодоления предлагается рассмотреть вопросы дисциплинарного принуждения, как реализацию внешневластной формы выполнения возложенных на полицию обязанностей по содержанию в специальных учреждениях органов внутренних дел лиц, подвергнутых административному аресту и задержанных за совершение преступлений в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Изоляция от общества правонарушителей, подвергнутых государственному принуждению, сопряжена с весьма существенным изменением их правового статуса, которые выражаются в ограничении

ряда конституционных свобод, а также возложении дополнительных обязанностей и запретов, вытекающих из особенностей обеспечения безопасности режимных объектов, являющихся местом их временного пребывания. Порядок содержания под стражей подозреваемых (обвиняемых) и лиц, подвергнутых административному аресту, регламентируется федеральными законами [4; 5]. Реализация единой концепции государственного принуждения, направленной на принудительную изоляцию правонарушителей от общества, определяет, в целом, близкий правовой статус содержащихся в специальных учреждениях лиц в части совокупности их прав, обязанностей, необходимости соблюдения правил внутреннего распорядка и режима содержания. Средства поддержания режима дисциплины лиц, находящихся в специальных учреждениях, имеют как общие элементы, представленные совокупностью предупредительных (применение средств контроля, личного досмотра лиц, а также их вещей, корреспонденции и пр.) и пресекающих мер (изъятие предметов и вещей, запрещенных к обороту в специальных учреждениях, применение физической силы, специальных средств), так и весьма существенные отличия.

Во-первых, это выражается в отсутствии единой нормативной основы применения одного из наиболее важных элементов системы мер дисциплинарного принуждения — дисциплинарной ответственности. Статья 38 Федерального закона № 103-ФЗ прямо закрепляет возможность применения к подозреваемым (обвиняемым) взысканий в виде выговора и водворения в карцер. Более того, дисциплинарная ответственность является превалирующим инструментом поддержания дисциплины среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, фактически игнорируя административно-деликтное законодательство. Это выражается в использовании дисциплинарных взысканий как средств юридической ответственности за совершение деяний, объективная сторона которых прямо указывает на наличие события административного правонарушения. Так, статья 39 Федерального закона № 103-ФЗ закрепляет в качестве грубых нарушений дисциплины оскорбление (статья 5.61 КоАП РФ), неповиновение законным требованиям сотрудников мест содержания под стражей (статья 19.3 КоАП РФ), хранение и потребление психотропных веществ (статьи 6.8 и 6.9. КоАП РФ), мелкое хулиганство (статья 20.1 КоАП РФ). При этом возможность возбуждения административного производства за их совершение в отношении лиц, находящихся под стражей в специальных учреждениях, законодательными актами прямо не предусматривается.

Отметим, что аналогичная проблема существует и в пенитенциарной системе. Ее исследователи абсолютно справедливо отмечают, что подход, связанный с подменой административной ответственности дис-

циплинарной, противоречит ряду доктринальных юридических принципов: неотвратимости наказания и равенства перед законом [6], определяющих единые правовые основания и порядок реализации мер административно-правового принуждения, в том числе и в отношении лиц, осужденных к лишению свободы.

Таким образом, научный анализ указанной проблематики, связанный с созданием на правоустановительном уровне искусственного ограничения пределов действия административно-деликтного законодательства по кругу лиц, позволяет сделать вывод о необходимости привлечения правонарушителей, изолированных от общества и находящихся в местах содержания под стражей, к юридической ответственности на общих основаниях.

Во-вторых, существующее положение дел позволяет констатировать фактическую подмену области, подлежащей административно-правовому регулированию, нормами служебного законодательства, используемыми для разрешения дисциплинарно-трудовых споров [7]. В связи с этим, имеет место ярко выраженная юридическая коллизия, выражающаяся в отсутствии нормативно-правового разграничения объективной стороны деяний, признаваемых административными правонарушениями и дисциплинарными проступками, не позволяющая разрешить вопрос выбора мер государственного принуждения, подлежащих использованию в отношении лиц, находящихся в специальных учреждениях.

В-третьих, Федеральный закон № 67-ФЗ наоборот ограничивается использованием расплывчатых формулировок о праве применять меры принуждения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, и не содержит норм, определяющих возможность наложения дисциплинарных взысканий. Более того, данный нормативный правовой акт прямо закрепляет возможность применения к нарушителям внутреннего распорядка и режима пребывания только мер административной ответственности. По этой причине возникает вполне обоснованный вопрос о квалификации действий лиц, подвергнутых административному аресту, в случаях умышленного невыполнения ими обязанностей, например, в части нарушения правил внутреннего распорядка дня, пожарной безопасности, хранения предметов и веществ, запрещенных к свободному обороту, совершения действий, следствием которых стало нарушение прав и свобод других лиц, а равно унижение их человеческого достоинства и пр.? Вполне очевидно, что отсутствие административной ответственности за совершение приведенных деяний позволяет говорить именно о нарушении правил дисциплины и, как следствие, необходимости применения только мер дисциплинарной ответственности.

Наличие обозначенной проблематики, связанной с отсутствием законодательного закрепления возможности применения дисциплинарных взысканий к ли-

цам, отбывающим административный арест с одной стороны, и фактическая подмена административной ответственности дисциплинарной в отношении подозреваемых (обвиняемых), находящихся в изоляторах временного содержания, позволяет говорить о существующем дисбалансе и коллизии норм права, регламентирующих основания и порядок применения отдельных мер дисциплинарного принуждения к лицам, содержащимся в специальных учреждениях министерства внутренних дел. Ее решение видится в унификации и гармонизации нормативных правовых актов, регламентирующих порядок содержания под стражей лиц, подвергнутых административному аресту и подозреваемых (обвиняемых), путем единообразного законодательного закрепления перечня деяний, образующих состав дисциплинарного проступка, и мер ответственности за их нарушение.

Следует подчеркнуть, что существующие законодательные пробелы отчасти компенсируются положениями других нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел. Так, пунктами 4 и 11 части 1 статьи 12 ФЗ «О полиции» [9] на сотрудников возложена обязанность не только выявлять и пресекать любые административные правонарушения, но и устанавливать причины, условия их совершения в целях принятия необходимых мер профилактической направленности. Более того, Приказ МВД России [8] и КоАП РФ наделяет сотрудников органов внутренних дел, имеющих специальное звание полиции, правом составления протоколов по делам об административных правонарушениях, объективная сторона которых была отмечена ранее, что указывает на отсутствие правовых проблем осуществления административно-юрисдикционной деятельности в отношении лиц, находящихся в специальных учреждениях.

В заключении, в целях устранения рассмотренного пробела и отграничения дисциплинарных проступков от иных правонарушений предлагается внести авторскую дефиницию данного понятия, применяемого для квалификации деяний лиц, находящихся в специальных учреждениях министерства внутренних дел, изложив его в следующей редакции:

«Дисциплинарный проступок — нарушение лицом, подвергнутым административному аресту или подозреваемым (обвиняемым), находящимся в изоляторе временного содержания, установленного порядка и условий содержания под стражей, а равно несоблюдение обязанностей, запретов и ограничений, налагаемых на таких лиц, если эти деяния не содержат признаков состава административного правонарушения или преступления».

Список источников

1. Ноянова О. Е. Общение осуждённых с внешним миром как средство их исправления //

Пенитенциарная система : настоящее и будущее : сборник материалов научно-практической конференции. М. : НИИ УИС Минюста РФ, 2001.

2. Казак Б. Б. Стратегическое управление в уголовно-исполнительной системе в механизме реализации уголовно-исполнительной политики : монография / Б. Б. Казак, А. В. Паршиков, И. Н. Смирнова. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2007.
3. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных : теория, законодательство, практика : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021.
4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
6. Гришин Д. А., Дугенец А. С. Особенности правоотношений административной ответственности, складывающихся в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 115–123.
7. Румянцев Н. В., Журавлев В. В. К вопросу об административной ответственности лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1(36). С. 71–75.
8. Приказ МВД РФ от 5 мая 2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Noyanova O.E. Communication of convicts with the outside world as a means of their correction // Penitentiary system : present and future : collection of materials of the scientific and practical conference. M. : NII UIS of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2001.
2. Kazak B. B. Strategic management in the penitentiary system in the mechanism of implementation of the penitentiary policy : monograph / B. B. Kazak, A. V. Parshikov, I. N. Smirnova. Pskov : Pskov Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2007.
3. Popova E. E. Public influence as the main means of correction of convicts: theory, legislation, practice : dis. ... doc. legal sciences. Moscow, 2021.
4. Federal Law of July 15, 1995 № 103-FZ «On the Detention of Suspected and Accused of Committing Crimes» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».
5. Federal Law of April 26, 2013 № 67-FZ «On the procedure for serving administrative arrest» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».
6. Grishin D. A., Dugenets A. S. Peculiarities of legal relations of administrative responsibility, emerging in the activities of bodies and institutions of the penitentiary system // Law enforcement. 2020. V. 4. № 4. P. 115–123.
7. Rumyantsev N. V., Zhuravlev V. V. On the issue of administrative responsibility of persons serving sentences in institutions of the penitentiary system // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. № 1 (36). P. 71–75.
8. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of May 5, 2012 № 403 «On the powers of officials of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia to draw up protocols on administrative offenses and administrative detention» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».
9. Federal Law of 07.02.2011 № 3-FZ «On the Police» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

В. В. Журавлев — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья
УДК 343.415
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-73-77>
НИОН: 2003-0059-2/23-615
MOSURED: 77/27-003-2023-02-814

Проблемы определения последствий преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ

Александра Михайловна Зарина^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемы установления последствий преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ. Делается вывод о том, что обозначенный состав преступления следует определять как материальный, обозначив в норме последствия в виде существенного вреда. Предлагается отнести данную статью в разряд преступлений средней тяжести, изложив в новой редакции санкцию, увеличив размер наказания.

Ключевые слова: последствия преступления, гражданство, уведомление, существенный вред, миграционная преступность

Для цитирования: Зарина А. М. Проблемы определения последствий преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 73–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-73-77>.

Original article

Problems of determining the consequences of a crime under Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

Alexandra M. Zarina^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. This article considers the problems of establishing the consequences of a crime under Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the indicated corpus delicti should be defined as material, denoting the consequences in the form of significant harm in the norm. It is proposed to attribute this article to the category of crimes of moderate gravity, setting out the sanction in a new edition, increasing the size of the punishment.

Keywords: consequences of a crime, citizenship, notification, significant harm, migration crime

For citation: Zarina A. M. Problems of determining the consequences of a crime under Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):73–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-73-77>.

Сегодня на законодательном уровне особенно остро вопрос стоит об ответственности за преступления в сфере миграции, в связи с чем предлагается подробно рассмотреть проблемы установления последствий преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ, а также особое внимание уделить формулировке санкции данной нормы, изменив категорию преступного деяния.

Решение вопроса о том, входят ли общественно опасные последствия в объективную сторону ст. 330.2 УК РФ, зависит от законодательной конструкции этого состава преступления. На наш взгляд, необходимо внести изменения, где определить возможное наступление преступных последствий.

В современном понимании роль данной статьи не совсем ясно отражает реалии времени, в связи с чем,

необходимо обозначить вредные последствия и определить их как «существенный вред». В результате чего повышается степень общественной опасности данного деяния. Вред может быть выражен в: формировании решений государственных органов путем воздействия на них, влияние на избирательную политику, оказание влияния на общественное мнение в интересах иностранного государства, уход от налогообложения (по мнению С. Н. Бондаренко и т. д. [13, с. 197]).

Интересной является позиция К. А. Мусмана, который считает, что гражданин, имеющий гражданство другой страны не представляет опасности для окружающих, однако он не может устроиться на работу и выполнять трудовые функции, связанные с режимом секретности и государственной тайной [6, с. 98–99].

В Уголовном кодексе РФ в отдельных статьях отражен оценочный признак — существенный вред, который устанавливается судом в ходе судебного разбирательства. Такой вид последствий проявляется в существенных нарушениях прав и интересов лиц, в том числе организаций и включает в себя подвиды — имущественный и личный (неимущественный) вред. Последний может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, недоверие органам государственной власти, проблемы в деятельности публичных институтов общества, укрытие преступлений, угрозы организации общественного порядка [12, с. 589].

В зависимости от объекта преступления Верховный суд Российской Федерации определяет существенный вред дифференцировано. Например, пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [7] определяет, что при квалификации преступного деяния по ч. 1 ст. 247 УК РФ при создании угрожающей ситуации причинения существенного вреда здоровью лица, а также окружающей природной среде, при возникновении вредных последствий, которые не могли быть устранены неминуемо, лицо нарушает правила обращения с экологически опасными веществами и отходами. При таких обстоятельствах констатируется наличие определенной опасности и последующей возможности причинения вреда здоровью человека и окружающей природной среде. Аналогичным образом описаны последствия в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8]. В качестве негативных последствий указывается на возможность длительного течения заболевания гражданина, загрязнение ядовитыми веществами окружающей природной среды, возгорание имущества в виде пожара и т. д. Они наступают от общественно опасных деяний в виде: нарушения правил производства,

приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ (часть 4 статьи 234 УК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [9] рассматривает общественно-опасные последствия. В пункте 11 указано при квалификации преступных деяний по ст. 201 УК РФ в случаях использования лицами полномочий не в интересах коммерческой или другой организации при получении выгодных преимуществ для себя и других лиц или причинения вреда лицам, следует учитывать, что существенный вред выражается в нарушении прав и законных интересов граждан или организаций, в том числе интересов общественных и государственных институтов.

Интересной является позиция, обозначенная в утратившим силу документе — Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» [10]. При применении Уголовного закона необходимо обратить внимание на степень негативного влияния противоправного поведения на организованную работу юридических лиц, характер и размер оцененного причиненного ущерба, количество пострадавших граждан, тяжкие последствия морального и (или) физического вреда и др.

Предлагаем на уровне судебного толкования разъяснить понятие «существенный вред» для ст. 330.2 УК РФ в новой редакции: «Последствия, предусмотренные при совершении ст. 330.2 УК РФ, выражаются в существенном нарушении прав и законных интересов лиц, в том числе организаций или интересов общества и государства, раскрываются в следующих видах негативного воздействия: воздействие на формирование решений и позиции органов государственной власти, избирательные процессы, информационная атака (давление) на общество в целях пропаганды и реализации политики иностранного государства, уклонение от уплаты налогов и т. д. Указанные последствия делятся на имущественные и личные (неимущественные), последние выражаются в нарушении конституционных прав и свобод граждан, недоверии органам государственной власти, проблемах в деятельности публичных институтов общества, укрытии преступлений, угрозы организации общественного порядка. Конечно нельзя забывать о том, что данное толкование в судебном усмотрении носит расширительный характер.

Справедливо отмечает Н. А. Лопашенко о больших проблемах реализации уголовной политики, связанных с нагромождением уголовно-правовых норм, периодическим изменением конструкций, лоббизмом определенных заинтересованных групп [5].

Поэтому на сегодняшний день сложным и непо-

нятым представляется появление данных норм в УК РФ для граждан, так как данный формальный состав не представляет большой общественной опасности. Поэтому целесообразно очертить круг этих последствий, сформулировав данный состав как материальный.

В результате чего повышается степень общественной опасности деяния. Таким образом, преступление переходит из одной преступной категории в другую — средней тяжести.

На сегодняшний день в связи с особенностями данной нормы, а также с тяжестью обозначенных последствий, предлагаем изложить санкцию ст. 330.2 УК РФ в следующей редакции:

« - наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Давайте рассмотрим отдаленные последствия, связанные непосредственно с отношениями, складывающимися в миграционной сфере. Г. А. Агаев отмечает, что в современном мире происходит постоянная трансформация миграции, так как из рефлекторной она перешла к эволюционной. Причинами являются: экономические, сложности в выборе профессии и трудоустройство, проблемы дискриминации в новых условиях изменения законодательства при реализации отдельных прав граждан и др. [1].

В России с распадом СССР произошли отдельные изменения, сложились непростые отношения с зарубежными странами, недавно входящими в ее состав. На сегодняшний день территория России «распахнула свои двери» для многих стран. Угрозами выступают: институирование новых межгосударственных отношений стран ближнего и дальнего зарубежья, национальные конфликты, обусловленные политической, экономической, социальной природой. С 1990-х гг. наблюдается значительный рост миграции на территории России. В связи с чем, налицо концентрация миграционных потоков внутри густонаселенных районов и субъектов в южной части страны, где отмечаются благоприятный климат и повышенные социально-экономические гарантии для населения. Следует отметить такой фактор как этническая поляризация населения в отдельных субъектах РФ. На сегодняшний день в России наблюдается рост национальных диаспор, в результате чего налицо значительный рост миграционных потоков в разные регионы страны, принадлежащих к отдельным национальностям [1, с. 187–198].

Проблемой регулирования данных отношений является отсутствие нормативно-правовой базы, регламентирующей процессы миграции, в связи с чем, в российском обществе сформировалось отношение нетерпимости и недоверия к отдельным видам национальности, межнациональные, также межконфесси-

ональные конфликты ведут к росту преступности в стране, создавая предпосылки для увеличения угроз национальной безопасности государства и его целостности [1, с. 43].

Выше перечисленные процессы косвенно относятся к данному виду преступления. Противники выделения последствий и изменения конструкции данного состава преступления могут сказать, что невозможно включить в диспозицию последствия, и полностью изменить конструкцию состава преступления, сформулированную в виде формального состава. Соглашаясь с В. Н. Кудрявцевым, отмечаем, что определение вредных последствий являются исключительной прерогативой законодателя, и нет необходимости констатировать их судебными органами [4, с. 25–26; 14]. Однако, новое понимание нормы, говорит о включении в нее вредных последствий в виде существенного причинения вреда как оценочной категории отдельных составов преступлений.

Актуальным здесь будет следующий пример. Согласно приговору № 001 от 02 октября 2017 г. районного суда г. С. гражданин Кочкин привлечен к уголовной ответственности по ст. 330.2 УК РФ, а именно, имея умысел на совершение противоправного деяния не исполнил обязанность, предусмотренную законом по подаче уведомительных документов о наличии у гражданина Российской Федерации документов, подтверждающих гражданство иностранного государства, а также удостоверяющих право постоянного проживания на территории другой страны. Таким образом, в территориальный орган исполнительной власти, реализующий функции в сфере миграционного учета, не поданы документы, свидетельствующие о наличии у лица, имеющего статус гражданина Российской Федерации, гражданства другой страны, а также иных документов, удостоверяющих возможность проживания в другом государстве.

Так, Кочкин, являясь гражданином ... на основании ст. 18 Федерального закона РФ от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», покинул пределы Российской Федерации на основании полученной им Грин-карты, наличие которой предоставляло ему возможность легального нахождения на территории ...

Далее в неустановленные даты Кочкин, находясь на территории ..., в установленном законодательством ... порядке и на законных основаниях получил гражданство ... и документы, удостоверяющие его личность, как гражданина ..., в том числе, сертификат о натурализации ... с неустановленными реквизитами и датой выдачи, водительские права ..., выданные в ..., заграничный паспорт гражданина ... с неустановленными реквизитами и датой выдачи.

Вернувшись на постоянное жительство на территорию ..., Кочкин был принят на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, умышленно скрыв наличие у него гражданства иностранного госу-

дарства ... и документов, подтверждающих его право на постоянное проживание в иностранном государстве — ..., после чего проходил службу на различных должностях и в различных подразделениях ГУ МВД России по г. С.

Федеральным Законом № 142-ФЗ от 04 июня 2014 г. «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального Закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлена обязанность гражданина Российской Федерации подачи в соответствующий территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве.

Являясь сотрудником органов внутренних дел, занимая различные должности в УМВД России по В. району города С., проживая постоянно на территории ..., будучи зарегистрирован по адресу: ..., Кочкин, достоверно зная о вышеуказанных изменениях в законодательстве, по личным мотивам умышленно скрывал наличие у себя гражданства иностранного государства и документов, подтверждающих его право на постоянное проживание в иностранном государстве, умышленно не уведомил органы Федеральной миграционной службы о наличии у себя гражданства иностранного государства и, тем самым, умышленно не исполнил возложенную на него установленную законодательством Российской Федерации обязанность по подаче уведомления о наличии у него гражданства иностранного государства и документов, подтверждающих его право на постоянное проживание в иностранном государстве [11].

В данном примере лицо последствия в виде нахождения лица с двойным гражданством на государственной службе, что противоречит современному российскому законодательству и на наш взгляд наносит существенный вред определенным общественным отношениям.

Также в теории уголовного права существует противоположная точка зрения П. А. Филиппова, К. А. Мусмана, М. А. Елисеева, которые отмечают, что общественная опасность данного вида преступления не столь высока, в связи с чем, актуально декриминализовать данный состав преступления, отнеся его в разряд административных правонарушений, поместив его в КоАП РФ и дополнив диспозицию ст. 19.8.3 [3, с. 26]. Однако, на сегодняшний день в связи с ростом угроз национальной безопасности Российской Федерации следует отметить, что, на наш взгляд, статью 330.2 УК РФ необходимо отнести к материальным составам изменив конструкцию и определив последствия в виде существенного вреда, также поместить

данную норму в разряд преступлений средней тяжести, изложив в новой редакции санкцию, увеличив размер наказания.

Список источников

1. Агаев Г. А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства). Диссертация на соиск... д.ю.н. 12.00.08. Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, 2006. 348 с.
2. Андриенко Л. В., Елеонский В. О., Хабриева Я. Т., Концепция развития миграционного законодательства в России // Журнал российского права. 2003. № 4. // СПС «Гарант».
3. Елисеев М. А. Уголовно-правовые меры противодействия незаконной миграции (компаративное исследование). Автореферат на соиск. к.ю.н. М. : РУДН, 2019. 216 с.
4. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления (репринт издания М., 1960). Монография. Москва : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 245 с.
5. Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?» или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11. 2015. № 1. С. 44–55.
6. Мусман К. А. Криминалистическая характеристика преступлений, предусмотренная ст. 330.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 97–100.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «Консультант плюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «Консультант плюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «Консультант плюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» (с изменениями и дополнениями) (не действует) // СПС «Кон-

сультант плюс».

11. Приговор № 1-374/2017 от 2 октября 2017 г. Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга <https://sudact.ru/regular/doc/uzjqRv0ml9Q0/>
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов и др. 5 изд. перераб. и доп. М. : ТК Велби, Издательство Проспект, 2004. 589 с.
13. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления : теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона. Диссертация на соиск. . . д.ю.н., 12.00.08. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 2017. 621 с.
14. Шаргородский М. Д. Вопросы общей части уголовного права. Л., 1955. 256 с.

References

1. Agaev G. A. Crimes against the order of management (problems of theory and practice of the application of legislation). Dissertation for the competition ... d.ju.n. 12.00.08. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, 2006. 348 p.
2. Andrienko L. V., Eleonsky V. O., Khabrieva Y. T., The concept of the development of migration legislation in Russia // Journal of Russian Law. 2003. № 4. // RLS «Garant».
3. Eliseev M. A. Criminal law measures to counter illegal migration (comparative study). Abstract for the competition. PhD in Law, M. : RUDN University, 2019. 216 p.
4. Kudryavtsev V. N. The objective side of the crime (reprint edition M., 1960). Monograph. Moscow : Yur. Norma, INFRA-M, 2016. 245 p.
5. Lopashenko N. A. Criminal policy on the principle of «What do you want?» or criminal law as a means of solving all problems // Bulletin of Moscow University. Series 11. 2015. № 1. P. 44–55.
6. Musman K. A. Forensic characteristics of crimes, provided for by art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Eurasian Advocacy. 2017. № 4 (29). P. 97–100.
7. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012 № 21 «On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management» // RLS «Consultant Plus».
8. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 № 14 «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances» // RLS «Consultant Plus».
9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009 № 19 «On judicial practice in cases of abuse of power and abuse of power» // RLS «Consultant Plus».
10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of March 30, 1990 № 4 «On judicial practice in cases of abuse of power or official position, abuse of power or official authority, negligence and official forgery» (as amended and supplemented) (not valid) // RLS «Consultant Plus».
11. Sentence № 1-374/2017 of October 2, 2017 of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg <https://sudact.ru/regular/doc/uzjqRv0ml9Q0/>
12. Criminal law of Russia. Parts General and Special : textbook / М. П. Журавлев, А. В. Наумов and others. 5th ed. revised and add. М. : TK Velby, Prospekt Publishing House, 2004. 589 p.
13. Filippov P. A. Crimes against the order of administration : theoretical and applied problems and a doctrinal model of criminal law. Dissertation for the competition ... Doctor of Law, 12.00.08. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, 2017. 621 p.
14. Shargorodsky M. D. Issues of the general part of criminal law. L., 1955. 256 p.

Информация об авторе

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 340.67

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-78-82>

НИОН: 2003-0059-2/23-616

MOSURED: 77/27-003-2023-02-815

Судебная экспертиза материалов документов: вопросы теории и практики

Елена Вячеславовна Иванова^{1,2}

¹ Московская академия Следственного комитета РФ, Москва, Россия, ivanova-elena-7@yandex.ru

² Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы современного состояния экспертизы материалов документов. В судебных актах такая экспертиза именуется по-разному, в нормативных документах также нет единого подхода к ее наименованию и месту в системе судебных экспертиз. Поскольку исследованию подлежат материалы, а методы исследования направлены на изучение их состава и свойств, экспертизы материалов документов должны относиться к классу экспертиз материалов, веществ и изделий из них. Выделены три группы компетенций эксперта, которые определяют достоверность заключения эксперта, среди которых: способность применять методы исследования и оценить результаты их применения, способность к решению экспертной задачи и способность провести исследование в соответствии с законом, подготовить заключение эксперта и поддержать его в суде.

К проблемам методического характера экспертного исследования материалов документов отнесены: недостатки имеющихся (разработанных и применяемых) методик экспертного исследования; подмена методик экспертного исследования материалами иного характера; придание легитимности авторским разработкам, посредством утверждения их в организациях и учреждениях, не имеющих отношения к судебно-экспертной деятельности; отсутствие методик по решению ряда экспертных задач и исследованию новых объектов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, материалы документов, компетенция эксперта, методическое обеспечение, терминология

Для цитирования: Иванова Е. В. Судебная экспертиза материалов документов: вопросы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 78–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-78-82>.

Original article

Forensic examination of document materials: issues of theory and practice

Elena V. Ivanova^{1,2}

¹ Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,

ivanova-elena-7@yandex.ru

² State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia

Abstract. The issues of the current state of document materials examination are considered. In judicial acts, such expertise is called differently. In regulatory documents there is also no single approach to their name and place in the system of forensic examinations. Since materials are subject to research, and research methods are aimed at studying their composition and properties, examinations of document materials should belong to the class of examinations of materials, substances and products made from them. There are three groups of expert competencies that determine the reliability of the expert's conclusion, among which: the ability to apply research methods and evaluate the results of their application, the ability to solve an expert problem and the ability to conduct research in accordance with the law, prepare an expert opinion and support it in court.

The problems of the methodological nature of expert research of document materials include: shortcomings of existing (developed and applied) methods of expert research; substitution of methods of expert research with materials of a different nature; giving legitimacy to the author's developments by approving them in organizations and institutions

© Иванова Е. В., 2023

unrelated to forensic expertise; lack of methods for solving a number of expert tasks and research new objects.

Keywords: forensic examination, materials of documents, experts competence, methods, terminology

For citation: Ivanova E. V. Forensic examination of document materials: issues of theory and practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):78–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-78-82>.

В процессе судопроизводства достаточно часто возникает необходимость в исследовании материалов штрихов рукописных записей, текстов, выполненных на принтере, бумаги документов в целях их сравнительного исследования, определения давности выполнения реквизитов по содержанию в штрихах летучих растворителей и т. д. Эту экспертизу именуют по-разному. В постановлениях и определениях ее называют «техническая экспертиза документов», «техничко-криминалистическая экспертиза документов», «экспертиза материалов документов» и т. д. В нормативных документах также нет единого подхода к наименованию таких исследований и их месту в системе судебных экспертиз:

- в Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Приказом МВД РФ № 511 от 29 июня 2005 года [1] экспертная специальность «Исследование материалов письма и документов» (29.11) отнесена к классу экспертиз материалов, веществ и изделий. Аналогично эта экспертная специальность регламентирована в Приказе от 24 июля 2020 года № 77 Следственного Комитета Российской Федерации;
- В Приказе ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 [2] диагностика и идентификация веществ и материалов, используемых для изготовления документов, в том числе бумаги, красящих композиций, клеев считается материаловедческим исследованием. В то же время в Положении об экспертных подразделениях в органах федеральной службы безопасности, утвержденном Приказом [3] ФСБ России от 31 января 2002 г. № 60, диагностические и идентификационные исследования документов, средств и материалов, используемых для их изготовления, именуются технико-криминалистическими;
- Как следует из Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (утвержден приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237), исследование материалов документов наряду с исследованием реквизитов документов относится к роду «Техническая экспертиза документов»;
- Согласно Приложению № 1 к Порядку аттестации таможенных экспертов на право самостоятельного производства таможенной экспертизы проекта Приказа ФТС России «Об утверждении Порядка аттестации таможенных экспертов на право самостоятельного производства таможенной экспертизы» исследование материалов документов считается ви-

дом технико-криминалистической экспертизы документов [4].

В вопросе о месте экспертизы материалов документов следует учитывать современные подходы к классификации экспертиз на роды и виды, в основе которых лежит непосредственный объект исследования. Поскольку исследованию подлежат материалы, а методы исследования направлены на изучение их состава и свойств, очевидно, что место экспертизы материалов документов в классе экспертиз материалов, веществ и изделий из них.

В основе решения задач экспертизы материалов документов лежит установление состояния и свойств объектов, которые определяются их составом. При этом применяются специальные химические, физико-химические, химико-физические и др. методы. В связи с этим возникает вопрос о компетенции эксперта в области экспертизы материалов документов, позволяющей эффективно проводить исследование и получать максимально объективные и достоверные данные.

Полагаем, что достоверность заключения эксперта определяют компетенции, которые можно разделить на следующие группы:

Способность применять методы исследования и оценить результаты их применения. Эти компетенции включают знание закономерностей, лежащих в основе методов, навыки пробоподготовки и умение интерпретировать полученные данные с учетом погрешностей, неопределенностей и ограничений достоверности. В судебной экспертизе материалов документов это, прежде всего, методы, основанные на закономерностях состава вещества от химического или физического воздействия. К сожалению, значительное количество экспертов, которые проводят в настоящее время экспертизы материалов документов, не обладают такими знаниями. Достаточно часто к решению задач по исследованию материалов документов привлекают экспертов, имеющих подготовку в области технико-криминалистической экспертизы документов. Так, по арбитражному делу эксперт-криминалист в экспертизе давности выполнения рукописных реквизитов документа проводил исследование методом тонкослойной хроматографии, установив наличие в составе материалов письма шести объектов красителя СГФ (спирторастворимый голубой фталоцианиновый). При этом, согласно заключению, показатели подвижности (Rf) красителя СГФ объектов имели различное значение, что свидетельствует о непонимании экспертом закономерностей, лежащих в основе метода, либо об отсутствии умений его практической реализации [5].

Способность к решению экспертной задачи. Эта компетенция предполагает знание особенностей объекта исследования, алгоритма решения промежуточных и конечных задач, умение систематизировать признаки и на основе логических построений форму-

лировать вывод.

Способность провести исследование в соответствии с законом, подготовить заключение эксперта и поддержать его в суде. Обеспечивают эти компетенции знания теоретических положений судебной экспертизы и основ судопроизводства.

Такими компетенциями в большинстве случаев не обладают представители фундаментальной науки (например, физики, химии), которых привлекают в качестве экспертов. Они, как правило, достаточно вольно относятся к оформлению Заключения эксперта, терминологии, не видят разницы между диагностическими задачами, общей родовой, групповой принадлежностью и индивидуальной идентификацией.

Следует отметить, что собственная терминология экспертизы материалов документов в основном заимствована из технико-криминалистической экспертизы документов и не вполне сформирована. Например, практически во всех источниках материалы письма, используемые в гелевых ручках, именуется чернилами [6]. Вместе с тем, согласно толковым словарям [7; 8; 9], чернила представляют собой жидкий краситель, используемый для письма, рисования или создания изображений с помощью пишущих средств и штампов. Полагаем более корректным материалы письма классифицировать не на две группы — пасты и чернила, как предлагается в источниках [6], а в соответствии с агрегатным состоянием на: пасты, гели, суспензии, растворы.

Не лучшим образом можно оценить и состояние методического обеспечения судебной экспертизы материалов документов. К проблемам методического характера экспертного исследования материалов документов можно отнести следующие:

1. Недостатки имеющихся (разработанных и применяемых) методик экспертного исследования. Здесь можно отметить недоработанность методик установления давности выполнения реквизитов документов по изменению какого-либо параметра, в некоторых источниках именуемого маркером старения. Так, среди недостатков методики «Определение давности выполнения реквизитов в документах по относительно содержанию в штрихах летучих растворителей» можно указать, в частности, что:

- закономерности старения, положенные в основу методики не универсальны, т. е. не применимы для всех без исключения объектов. Значительное разнообразие материалов письма и их несистематизированность для целей применения методики делает ее ограниченно пригодной;
- методика не содержит полного математического аппарата, характеризующего динамику изменения относительного количественного содержания вещества, а предлагает эксперту самостоятельно получить эти данные исходя из конкретных условий анализа и разнообразия объектов;
- методика не учитывает влияние различных факторов (условий хранения документов, особенностей подложки, соотношения компонентов в составе материала и др.) на закономер-

ности изменения количественного содержания растворителя в штрихах [10];

- не учтено влияние особенностей применения методов исследования (времени десорбции в инжекторе хроматографа, длительности экстракции штриха в диметилформамиде (ДМФА) и т. д.) на достоверность применяемых результатов.

2. Подмена методик экспертного исследования материалами иного характера. Так, исследования проводятся по алгоритмам, изложенным патентах на изобретение, публикациях. Например, в Патенте RU 2533315 C1 от 17 сентября 2014 г. [11] предлагается оценивать «возраст» штрихов в зависимости от динамики изменения математических характеристик цвета, позволяющих, по мнению авторов, установить точное фактическое время выполнения документа или его отдельных фрагментов по нанесенным штрихам, выполненным пастой ручки или оттискам печатей нанесенной штемпельной краской. В Патенте RU 2 604 142 C1 [12] предлагается определять давность составления документа по материалам письма при помощи копирования фрагментов штрихов на адсорбент, смоченный системой растворов. Патент RU 2549548 C1 [13] от 22 октября 2013 г. содержит способ определения сроков нанесения рукописных надписей на документы с помощью хроматографии и спектроскопии комбинационного рассеяния образцов красителей при воздействии излучения с длиной волны 785 или 532 нм. В этой связи следует отметить, что патент на изобретение не является методикой экспертного исследования, его назначение — удостоверение авторства. Научность изложенных в Патенте положений при этом не оценивается.

За методики экспертного исследования выдаются и публикации с аналогичными названиями. Например, «Методика определения давности создания объекта, содержащего целлюлозу методом ЯМР спектроскопии» [14], «Определение сроков нанесения рукописных надписей и оттисков печатей на документы с помощью спектроскопии комбинационного рассеяния и газовой хроматографии» [15].

Следует отметить, что методика действительно может быть опубликована. Но пригодность ее к решению экспертной задачи должна быть оценена. Так, ГОСТ 52960-2008 [16] устанавливает, что следует оценивать пригодность нестандартных методик, методик, разработанных лабораторией, стандартных методик, используемых за пределами целевой области распространения деятельности лаборатории, а также расширений и модификаций стандартных методик для подтверждения того, что они подходят для целевого использования.

3. Придание легитимности авторским разработкам, посредством утверждения их в организациях и учреждениях, не имеющих отношения к судебно-экспертной деятельности. Например, методика измерений содержания летучих растворителей в штрихах реквизитов документов методом газовой хроматографии и установление времени выполнения реквизитов документов, аттестована Центром метрологии и сертификации «СЕРТИМЕТ» Уральского отделения

РАН. Об этом имеется свидетельство об аттестации № 88-16207-086-RA.RU/310657-2018 от 21 ноября 2018 г., а сама методика внесена в Федеральный реестр аттестованных методик (№ ФР.1.31.2018.32308). Методика определения времени выполнения реквизитов рукописных и машинописных документов по относительным интенсивностям характеристических пиков в спектрах комбинационного рассеяния пирующих составов и оттисков печатей имеет свидетельство об аттестации №88-16207-088-RA.RU.310657-2020, которое, как следует из интернет-рекламы, выдано по результатам экспериментальных исследований и метрологической экспертизы Министерством науки и высшего образования России [17].

4. Отсутствие методик по решению ряда экспертных задач и исследованию новых объектов. В частности, не разработаны методики сравнительного исследования материалов письма и печати, решения диагностических и идентификационных задач материалов письма специального назначения (например, ручек пиши-стирай) и бумаги. Вместе с тем эти вопросы возникают в процессе судопроизводства.

Таким образом, современное состояние судебной экспертизы материалов документов характеризуется явно недостаточной теоретической обоснованностью, нормативной регламентацией и методическим обеспечением.

Список источников

1. Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 года № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 года № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности» // СПС КонсультантПлюс.
3. Приказ ФСБ РФ от 31 января 2002 г. № 60 «Об утверждении Положения об экспертных подразделениях в органах федеральной службы безопасности» // СПС КонсультантПлюс.
4. Доработанный текст проекта Приказа Федеральной таможенной службы «Об утверждении Порядка аттестации таможенных экспертов на право самостоятельного производства таможенной экспертизы» (подготовлен ФТС России 04.10.2018) / ЭПС «Система ГАРАНТ». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56669972/>. Приказ подписан 07.02.2019 № 203.
5. Заключение эксперта № 200727-АЛ1 от 27 июля 2020г. по арбитражному делу № А41-77692/2019.
6. Состав и свойства материалов письма : справочное пособие / Э. А. Тросман, Т. Б. Черткова, Р. А. Юрова и др. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2017.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова / <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
9. Научно-технический энциклопедический словарь / <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/>
10. Иванова Е. В. О состоянии методического обеспечения установления абсолютной давности выполнения рукописных реквизитов документов // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 235–240.
11. Пат. RU 2 533 315 С1. Российская Федерация, МПК G01N21/31. Способ определения возраста штрихов красящих веществ реквизитов документов по динамике их выцветания / Ситников Б. В., Веневцев А. Н., Свиридов Ю. А. № 2013115649/28; заявл. 08.04.2013; опубл. 20.11.2014, Бюл. № 32.
12. Пат. RU 2 604 142 С1. Российская Федерация, МПК G01N 33/32. Способ определения давности составления документа по материалам письма / Воронин С. А., Романова Д. М., № 2015135636/15; заявл. 24.08.2015; опубл. 10.12.2016, Бюл. № 34.
13. Пат. RU 2549548 С1, Российская Федерация, МПК G01J 3/44. Способ определения сроков нанесения рукописных надписей на документы с помощью хроматографии и спектроскопии комбинационного рассеяния образцов красителей при воздействии излучения с длиной волны 785 или 532 нм / Кочемировский В. А., Горшкова К. О., Тверьянович А. С., Сафонов С. В., Тумкин И. И., № 2013147117/28; заявл. 22.10.2013; опубл. 27.04.2015, Бюл. № 12.
14. Плетень О. И. Методика определения давности создания объекта, содержащего целлюлозу методом ЯМР спектроскопии / Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях : материалы VI Международной научно-практической конференции. Уфа, 2017. С. 150–165.
15. Кочемировский В. А., Кириллова Е. О., Горшкова К. О., Тумкин И. И. Определение сроков нанесения рукописных надписей и оттисков печатей на документы с помощью спектроскопии комбинационного рассеяния и газовой хроматографии / Сб. науч. тр. по мат-лам V Международной научно-практической конференции 31 августа 2015 г. «Современные тенденции развития науки и технологий». Белгород : Изд-во ИП Ткачева Е. П., 2015. Ч. 1. № 5-1. С. 33–40.
16. ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025» / <https://internet-law.ru/gosts/gost/47597/>
17. <https://www.9111.ru/questions/777777772022988/>

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 511 dated June 29, 2005 «Issues of organization of forensic examinations in forensic units of internal affairs bodies of the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus.
2. Order of the FSB of the Russian Federation dated June 23, 2011 № 277 «On the organization of the production of forensic examinations in expert units of the Federal Security Service» // SPS ConsultantPlus.
3. Order of the FSB of the Russian Federation of the FSB of Russia dated January 31, 2002 № 60 «On approval of the Regulations on expert units in the bodies of the Federal Security Service» // SPS ConsultantPlus.
4. The revised text of the draft Order of the Federal Customs Service «On approval of the Procedure for certification of customs experts for the right of independent production of customs expertise» (prepared by the Federal Customs Service of Russia 04.10.2018) / EPS «System GARANT». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56669972/>. The order was signed on 07.02.2019 № 203.
5. Expert opinion № 200727-AL1 dated July 27, 2020 on arbitration case № A41-77692/2019.
6. Composition and properties of the materials of the letter : reference manual / E. A. Trosman, T. B. Chertkova, R. A. Yurova, etc. M. : FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, 2017.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language / <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
8. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of Ushakov / <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
9. Scientific and technical encyclopedic dictionary / <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/>
10. Ivanova E. V. On the state of methodological support for establishing the absolute limitation of the execution of handwritten document details // Questions of expert practice. 2019. № S1. P. 235–240.
11. Pat. RU 2 533 315 C1. Russian Federation, IPC G01N21/31. A method for determining the age of strokes of coloring substances of document details on the dynamics of their fading / Sitnikov B. V., Venevtsev A. N., Sviridov Yu. A. № 2013115649/28; application 08.04.2013; publ. 20.11.2014, Bul. № 32.
12. Pat. RU 2 604 142 C1. Russian Federation, IPC G01N 33/32. The method of determining the limitation period for drawing up a document based on the materials of the letter / Voronin S. A., Romanova D. M., № 2015135636/15; application 24.08.2015; publ. 10.12.2016, Bul. № 34.
13. Pat. RU 2549548 C1, Russian Federation, IPC G01J 3/44. Method for determining the timing of handwritten inscriptions on documents using chromatography and Raman spectroscopy of dye samples when exposed to radiation with a wavelength of 785 or 532 nm / Kochemirovsky V. A., Gorshkova K. O., Tveryanovich A. S., Safonov S. V., Tumkin I. I., No. 2013147117/28; application 22.10.2013; publ. 27.04.2015, Byul. № 12.
14. Pleten O. I. Methodology for determining the limitation period for the creation of an object containing cellulose by NMR spectroscopy / Actual problems of forensic expert activity in criminal, civil, arbitration proceedings and cases of administrative offenses : materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Ufa, 2017. P. 150-165.
15. Kochemirovskiy V. A., Kirillova E. O., Gorshkova K. O., Tumkin I. I. Determination of the terms of application of handwritten inscriptions and seal impressions on documents using Raman spectroscopy and gas chromatography / Collection of scientific papers on the materials of the V International Scientific and Practical Conference on August 31, 2015 «Modern trends in the development of science and technology». Belgorod : Publishing house of IP Tkacheva E. P., 2015. Part 1. № 5-1. P. 33-40.
16. GOST R 52960-2008 «Accreditation of forensic laboratories. Guidelines for the use of GOST R ISO/IEC 17025» / <https://internet-law.ru/gosts/gost/47597/>
17. <https://www.9111.ru/questions/777777772022988/>

Информация об авторе

Е. В. Иванова — профессор кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета РФ, заведующий кафедрой судебной экспертизы и уголовно-правовых дисциплин Государственного социально-гуманитарного университета, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Ivanova — Professor of the Department of Forensic and Operational Investigative Activities of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Examination and Criminal Law Disciplines of the State University of Humanities and Social Studies, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-83-85>

НИОН: 2003-0059-2/23-617

MOSURED: 77/27-003-2023-02-816

Муниципальная служба в системе государственного управления Российской Федерации: к вопросу о государственном и муниципальном администрировании

Таймураз Эльбрусович Каллагов

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Актуальность статьи вызвана необходимостью уточнения понятия и сущности гражданской и муниципальной службы в Российской Федерации на современном этапе развития. Автор статьи делает вывод о том, что направления организации процесса государственного и муниципального администрирования требуют внедрения современных принципов организации государственной службы. Успешное развитие российского государства невозможно без эффективного государственного и муниципального управления. Знания особенностей и общих закономерностей развития нормативно-правовой базы, регламентирующей государственную и муниципальную службу, необходимы для реализации успешной карьеры современных управленцев.

Ключевые слова: муниципальная служба, публичная власть, народовластие, местное самоуправление, государственная кадровая политика, конституция

Для цитирования: Каллагов Т. Э. Муниципальная служба в системе государственного управления Российской Федерации: к вопросу о государственном и муниципальном администрировании // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 83–85. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-83-85>.

Original article

Municipal service in the system of public administration of the Russian Federation: on the issue of state and municipal administration

Taimuraz E. Kallagov

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. The relevance of the article is caused by the need to clarify the concept and essence of civil and municipal service in the Russian Federation at the current stage of development. The author of the article concludes that the directions of organizing the process of state and municipal administration require the introduction of modern principles for organizing the public service. The successful development of the Russian state is impossible without effective state and municipal administration. Knowledge of the peculiarities and general patterns of the development of the regulatory and legal framework governing the state and municipal service is necessary for the implementation of a successful career of modern managers.

Keywords: municipal service, public power, people's power, local self-government, state personnel policy, constitution

For citation: Kallagov T. E. Municipal service in the system of public administration of the Russian Federation: on the issue of state and municipal administration. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):83–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-83-85>.

На сегодняшний день муниципальная служба представляет собой сравнительно новую форму службы в России. Ее деятельность в стране началась недавно и насчитывает около четверти века. Понятие «муниципальная служба» является относительно новым

термином в отечественной правовой науке, появление которого связано с всенародным принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой была установлена новая, обособленная и самостоятельная форма осуществления публичной

© Каллагов Т. Э., 2023

власти народа Российской Федерации — местное самоуправление [5].

Современные направления организации процесса государственного и муниципального администрирования требуют внедрения современных принципов организации государственной службы. Гражданская и муниципальная служба обеспечивает управляющее воздействие на социально-экономическое развитие территории, качество жизни населения и общественные процессы, происходящие в обществе и невозможна без четко установленных мер ответственности. Разработка и внедрение административных регламентов и стандартов направлена на:

- совершенствование организации административно-управленческих процессов в органах исполнительной власти, обеспечивающей эффективность их деятельности;
- упорядочение и конкретизацию обязательств органов исполнительной власти перед обществом;
- совершенствование процессов контроля и оценки органов исполнительной власти [2].

Единый портал государственных и муниципальных услуг обеспечивает возможность получения полного перечня услуг, исключая бюрократическую волокиту. Предстоит проделать большую работу по подготовке нормативных правовых актов, административных регламентов, обучению персонала органов исполнительной власти, ответственного за предоставление информации в соответствии с методиками. Сведения о достигнутых значениях показателей эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти должны лечь в основу программ развития, обеспечивающих их рост [3].

Успешное развитие Российского государства невозможно без эффективного государственного и муниципального управления. Знания особенностей и общих закономерностей развития нормативно-правовой базы, регламентирующей государственную и муниципальную службу необходимы для реализации успешной карьеры современных управленцев [6].

Эффективный контроль также не мыслим без восприимчивости муниципальных служащих к требованиям времени. По мнению В. Ю. Войтович, внешний, навязанный механизм контроля никогда не будет действенным. Гораздо важнее «контроль через самоконтроль», когда целесообразнее «положиться» на профессионализм чиновников, которые, реагируя на замечания и предложения граждан, сами определяют пределы свободы своих действий в рамках возложенных на них законом полномочий, поступают согласно им и, в конечном счете, сообразно предпочтениям граждан [1, с. 122]. Некоторые руководители и общественные организации убеждены, что чем больше выявлено негативных сторон в деятельности государственных органов, тем лучше. Однако важнее выявить положительный опыт и сделать его достоя-

нием других. Как заметил в свое время М. В. Ломоносов, «ошибки замечать немного стоит: дать нечто лучшее — вот что приличествует достойному человеку».

Согласно ст. 9 Федерального закона № 79-ФЗ, должности государственной гражданской службы подразделяются на четыре категории: 1) руководители; 2) помощники (советники); 3) специалисты; 4) обеспечивающие специалисты.

Наряду с классификацией должностей государственной службы существенное значение имеет понятие «государственный служащий», которое имеет в практике отечественного государственного строительства свою историю [7, с. 279]. Федеральный закон № 58-ФЗ раскрывает два понятия: «федеральный государственный служащий» и «государственный гражданский служащий субъекта Российской Федерации». Последнее понятие развивается в Федеральном законе № 79-ФЗ.

Механизм политической власти — совокупность органов, учреждений и должностных лиц, которые в установленном правовом порядке наделены властными полномочиями и участвуют в осуществлении государственной политической власти. Органы власти — органическая часть политических институтов, в чем сосредотачивается власть; они служат средством целенаправленного действия политических субъектов. Она зависит от политического режима в государстве — демократического или тоталитарного — и от формы государственного устройства — унитарного или федеративного [3].

Государственные и муниципальные служащие представляют особую социально-профессиональную группу, являющуюся основой кадрового персонала на государственной и муниципальной службе. Значение кадров на гражданской и муниципальной службе невозможно переоценить, поскольку от человеческого потенциала зависит эффективность гражданской и муниципальной службы, достижение целей успешного исполнения государственными органами своих государственных функций. Системность явления коррупции отражается в необходимости его предупреждения, а также соответствующей оптимизации реализуемой антикоррупционной политике. Все служащие должны быть вовлечены в процесс осуществления антикоррупционной борьбы. Нравственные требования являются основой для всех уровней и ветвей власти государственной и муниципальной службы. Они представляют собой единство требований, поэтому не может быть выделено какого-то одного требования в качестве приоритетного [4].

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы.

Во-первых, муниципальная служба представляет собой сравнительно новую форму службы в России. Ее деятельность в стране началась недавно и насчитывает всего около четверти века. Да и собственно понятие «муниципальная служба» является относительно новым термином в отечественной правовой науке. Его

появление связано с всенародным принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой была установлена совершенно новая, обособленная и самостоятельная форма осуществления публичной власти народа Российской Федерации — местное самоуправление.

Во-вторых, роль государственного и муниципального администрирования при использовании программно-целевого подхода к управлению качеством жизни населения заключается в организации и финансовом обеспечении системы эффективного взаимодействия субъектов социально-экономических отношений по достижению стратегических целей. Программный бюджет становится действенным инструментом в обеспечении динамического социально-экономического развития страны и устойчивого роста качества жизни населения.

В-третьих, в зависимости от того, каковы господствующие социально-экономические отношения, каковы тип и форма государства, какие функции ему делегирует общество, оно способно обеспечить условия для свободного развития и реализации человеком своих способностей. В таком случае правомерно говорить о государственной и муниципальной кадровой политике.

Список источников

1. Войтович В. Ю. Государственная и муниципальная служба. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», изд-во Института экономики и управления ФГБОУ ВПО «УдГУ», 2013.
2. Государственная и муниципальная служба : учебник для бакалавров / Ред. Петров В. И. М. : Юрайт, 2014. 368 с.
3. Каллагов Т. Э. Формирование и развитие муниципальной службы в условиях модернизации местного самоуправления в современной России // Финансовое право и управление. 2014. № 2. С. 32–40.
4. Козбаненко В. А. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих : общее и особенное // Государство и

право. 2003. № 1. С. 21–22.

5. Коковихин А. Ю. Социальное партнерство как механизм реализации государственной кадровой политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. № 3. С. 94–102.
6. Сороко А. В. Управление кадровым потенциалом государственной гражданской службы на основе формирования резерва управленческих кадров : дисс... докт. экон. наук : 08.00.05 / Сороко Андрей Викторович. М., 2011. 445 с.
7. Черепанов В. В. Основы государственной службы и кадровой политики. 2-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

References

1. Voitovich V. Yu. State and municipal service. Izhevsk : Publishing House «Udmurt University», Publishing house of the Institute of Economics and Management of the UdGU, 2013.
2. State and Municipal Service : textbook for bachelors / Ed. Petrov V. I. M. : Yurayt, 2014. 368 p.
3. Kallagov T. E. Formation and development of municipal service in the conditions of modernization of local self-government in modern Russia // Financial law and management. 2014. № 2. P. 32–40.
4. Kozbanenko V. A. Legal support of the status of state and municipal employees: general and special // State and law. 2003. № 1. P. 21–22.
5. Kokovikhin A. Yu. Social partnership as a mechanism for implementing state personnel policy // Bulletin of the South Ural State University. 2016. № 3. P. 94–102.
6. Soroko A.V. Management of the personnel potential of the state civil service on the basis of the formation of a reserve of managerial personnel : dissertation. economics : 08.00.05 / Soroko Andrey Viktorovich. M., 2011. 445 p.
7. Cherepanov V. V. Fundamentals of public service and personnel policy. 2nd ed. Moscow : UNITY-DANA, 2017.

Информация об авторе

Т. Э. Каллагов — декан юридического факультета Горского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. E. Kallagov — Dean of the Law Faculty of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 20.03.2023.

The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-86-88>

НИОН: 2003-0059-2/23-618

MOSURED: 77/27-003-2023-02-817

Арест товаров, транспортных средств и иных вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения в системе мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Рецензент: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент **Т. А. Прудникова**

Аннотация. Представлен анализ административно-деликтного законодательства в сфере реализации ареста товаров, транспортных средств и иных вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения в системе мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное право, государственное принуждение, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, полиция, функции, полномочия, арест

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Арест товаров, транспортных средств и иных вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения в системе мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 86–88. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-86-88>.

Original article

The arrest of goods, vehicles and other things that were instruments of commission or objects of an administrative offense in the system of measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor **T. A. Prudnikova**

Abstract. The analysis of administrative and tort legislation in the field of the implementation of the seizure of goods, vehicles and other things that were instruments of commission or objects of an administrative offense in the system of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses is presented.

Keywords: administrative law, state coercion, measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses, police, functions, powers, arrest

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. The arrest of goods, vehicles and other things that were instruments of commission or objects of an administrative offense in the system of measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):86–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-86-88>.

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2023

В соответствии с положением ч. 1 ст. 27.14 КоАП РФ арест товаров, транспортных средств и иных вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, с процедурной точки зрения включает в себя оформление описи указанного имущества с последующим запретом распоряжаться, а в некоторых случаях и пользоваться этим имуществом.

Необходимо отметить, что законодатель не дал четкого определения анализируемой меры обеспечения производства «арест товаров, транспортных средств и иных вещей», что вызвало в научной среде определенную дискуссию.

А. В. Коркин полагает, что законодательное определение понятия «ареста товаров, транспортных средств и иных вещей» не в полной мере отражает процессуальную сторону данной меры обеспечения [4].

По мнению Д. Н. Бахраха, арест имущества — это мера административно-правового воздействия, которая состоит в принудительном лишении юридического либо физического лица возможности пользоваться и распоряжаться указанными вещами [2, с. 37].

С подобной позиции не согласен А. Ю. Анненков, который указывает, что признаками ареста имущества являются:

- получение необходимых сведений, которые будут положены в основу доказательств;
- регламентация процедуры ареста имущества;
- воздействие должностного лица на предмет ареста;
- ограничение права на владение имуществом в связи с его арестом;
- процессуальный порядок разрешения вопроса об освобождении имущества из ареста [1].

Для определения понятия «арест товаров, транспортных средств и иных вещей» необходимо определить его роль в системе мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и рассмотреть особенности его правового регулирования.

В научной среде нет единого подхода к пониманию сущности и особенностей ареста имущества.

В. В. Денисенко, А. Н. Позднышова, А. А. Михайлова указывают, что арест имущества — это мера административного пресечения, т. к. важным признаком ареста является его цель, которая состоит в получении доказательств по делу. Следовательно, арест товаров, транспортных средств и иных вещей выполняет организационно-обеспечительную и пресекающую функцию [3].

По мнению Д. В. Макарова арест имущества в первую очередь осуществляется для сбора доказательств по делу, т. е. для расследования правонарушения. Рассматривая пресекающую функцию ареста имущества, ученый указывает, что она, в первую очередь, направлена на то, что владение и распоряжение имуществом может негативным образом повлиять на ход административного расследования и разрешения дела

[5]. Таким образом, главная цель ареста имущества состоит в том, что бы не прекратить владение данным имуществом, а не использовать его в противоправных целях, т. е. в качестве орудия правонарушения, для того чтобы не оказывать на имущество противоправное воздействие. Именно поэтому законодатель указал на то, что имущество, которое подлежит аресту в целях определенных ст. 27.1 КоАП РФ является орудием и предметом правонарушения. Следовательно, арест имущества способствует производству по делу.

Целями, закрепленными в ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ являются:

- пресечение административного правонарушения;
- выявление правонарушителя;
- осуществление административного производства.

Следовательно, тот факт, что арест товаров, транспортных средств и иных вещей выполняет пресекающую функцию, не противоречит норме 27.1 КоАП РФ.

Арест имущества регулируется нормами международного и национального законодательства. Основные положения применения ареста имущества указаны в Конституции РФ, которая устанавливает следующие моменты:

- соблюдение принципа соразмерности, в соответствии с которым ограничения должны быть установлены на определенный срок, а поэтому являются временной мерой (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ);
- должен быть соблюден принцип верховенства закона (ст. 76, ч. 3 ст. 90, ч. 3 ст. 115 Конституции РФ);
- соблюден принцип равенства всех перед судом и законом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ).

В федеральном законодательстве Кодекс об административных правонарушениях определяет основные положения, касающиеся содержания ареста имущества; условия применения данной меры обеспечения; субъектов применения, а также порядок применения.

В подзаконных нормативных правовых актах детализируется порядок назначения и исполнения ареста имущества:

1. Конкретизирующие общие положения в производстве ареста товаров, транспортных средств и иных вещей:

- Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 в пунктах 260–265 определяет основания и порядок производства данной меры обеспечения, а в Приложении 16 представлен рекомендуемый протокол;
- Приказ Росприроднадзора от 14 июня 2007 г. № 165;

2. Надзор за законностью назначения и исполнения ареста товаров, транспортных средств и иных вещей осуществляется органами прокуратуры;

3. Судебная практика: Постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10.

Анализируя названные выше нормативные акты, которые детализируют порядок назначения и испол-

нения ареста товаров, транспортных средств и иных вещей, следует отметить следующие проблемы:

- взаимодействие органов внутренних дел в рамках производства административных правонарушений и назначения ареста товаров, транспортных средств и иных вещей определено лишь фрагментарно. В основном порядок взаимодействия характеризуются общими положениями КоАП РФ.
- должностные лица, ведущие производство по назначению и исполнению ареста товаров, транспортных средств и иных вещей также указаны в КоАП РФ без их конкретизации в отраслевых подзаконных правовых актах.

Таким образом, арест товаров, транспортных средств и иных вещей является мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях организационно-распорядительного характера, которая регулируется преимущественно федеральным административно-деликтным законодательством. Законодателю следует обратить внимание на детализацию порядка и правил применения названной меры обеспечения на уровне регионального законодательства и подзаконных нормативных правовых актов.

Список источников

1. Анненков А. Ю. К вопросу о сущности категории «государственно-правовое принуждение» // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1 (46). С. 79–84.
2. Бахрах Д. Н. Юридическая ответственность по административному праву // Административное право и процесс. 2016. № 1.
3. Денисенко В. В., Позднышов А. Н., Михайлов А. А. Административная юрисдикция органов внутренних дел : учебник. М. : ИМЦ ГУК МВД России. 2002.

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 15.03.2023. The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-89-101>

НИОН: 2003-0059-2/23-619

MOSURED: 77/27-003-2023-02-818

Анализ и прогноз динамики ИТ мошенничества в Российской Федерации на 2023 год

Георгий Феофилактович Коимшиди¹, Армен Жораевич Саркисян²

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, koim@mail.ru

² Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, 7700153@gmail.com

Аннотация. Представлена общая динамика зарегистрированных и расследованных ИТ мошенничеств в Российской Федерации и выявленных лиц, их совершивших. Исследуется динамика ИТ мошенничеств по федеральным округам. На основании анализа статистических данных авторами дан прогноз развития ИТ мошенничеств в Российской Федерации на 2023 год.

Ключевые слова: ИТ мошенничество, динамика, число расследованных преступлений, число зарегистрированных преступлений, число выявленных лиц, прогноз развития ИТ мошенничества, аппроксимация, надежность, экстраполяция

Для цитирования: Коимшиди Г. Ф., Саркисян А. Ж. Анализ и прогноз динамики ИТ мошенничества в Российской Федерации на 2023 год // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 89–101. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-89-101>.

Original article

Analysis and forecast of the dynamics of IT fraud in the Russian Federation for 2023

Georgy F. Koimshidi¹, Armen Zh. Sarkisyan²

¹ All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, koim@mail.ru

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, 7700153@gmail.com

Abstract. The article shows the general dynamics of registered and investigated IT fraud in the Russian Federation and identified persons who committed them. The dynamics of IT fraud by federal districts. Based on the analysis of statistical data, the authors gave a forecast for the development of IT fraud in the Russian Federation for 2023.

Keywords: IT fraud, dynamics, the number of investigated crimes, the number of registered crimes, the number of identified persons, the forecast for the development of IT fraud, approximation, reliability, extrapolation

For citation: Koimshidi G. F., Sarkisyan A. Zh. Analysis and forecast of the dynamics of IT fraud in the Russian Federation for 2023. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):89–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-89-101>.

Под ИТ мошенничеством понимается совокупность преступлений, квалифицируемых по ст.159–159.6 УК РФ и совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

В 2022 г. почти каждое второе (47,9 % — 249 984 из 522 065) зарегистрированное ИТ преступление — мошенничество (квалифицируется по ст. 159–159.6 УК РФ).

В 2022 г. в Российской Федерации было выявлено 249 984 ИТ мошенничеств; на 11 424 преступления или 4,8 % больше чем в 2021 г. (238 560) (рис. 1).

В рассматриваемой динамике (2019–2022 гг.) для построения моделей (аппроксимации) можно выделить три периода устойчивого развития.

Период 2019 г. и первое полугодие 2020 г. — модель параболического развития — равноускоренный рост: ускорение +438,3 (абсолютный прирост исследуемого показателя постоянно ежемесячно увеличивался на 438,3 преступлений). Надежность аппроксимации модели весьма высокая 99,3 %. Модель указывает, что в это время криминогенные факторы превалировали над антикриминогенными на постоянную величину.

© Коимшиди Г. Ф., Саркисян А. Ж., 2023

Период — второе полугодие 2020 г. и первое полугодие 2021 г. — также модель параболического развития, но равнозамедленный рост: ускорение отрицательное -638,3 (абсолютный прирост исследуемого показателя постоянно ежемесячно уменьшался на 638,3 преступлений). Надежность аппроксимации модели весьма высокая 99,9 %. Модель указывает, что в это время уже антикриминогенные факторы преобладали над криминогенными на постоянную величину. Основные антикриминогенные факторы того времени — это предупредительная деятельность правоохранительных органов, банков и СМИ.

В период второе полугодие 2021 г. и весь 2022 г. моделью исследуемой динамики было прямолинейное развитие: незначительный равномерный рост: абсо-

лютный прирост исследуемого показателя был постоянным, его ежемесячное значение +858,6 преступлений. Надежность аппроксимации модели высокая 84,0 %. Модель указывает, что в это время действие антикриминогенных и криминогенных факторов были равны.

Таким образом, за четыре года наблюдался полный цикл развития такого явления как IT мошенничество: вначале заметный ускоренный рост, далее насыщение — равнозамедленный рост и в конце стабилизация с небольшим линейным ростом.

Если экстраполировать последнюю модель развития исследуемой динамики на следующий год, то в 2023 г. в Российской Федерации будет зарегистрировано около 257,5 тыс. IT мошенничеств: интервальная оценка от 234,3 до 280,7 тыс. (рис. 2).

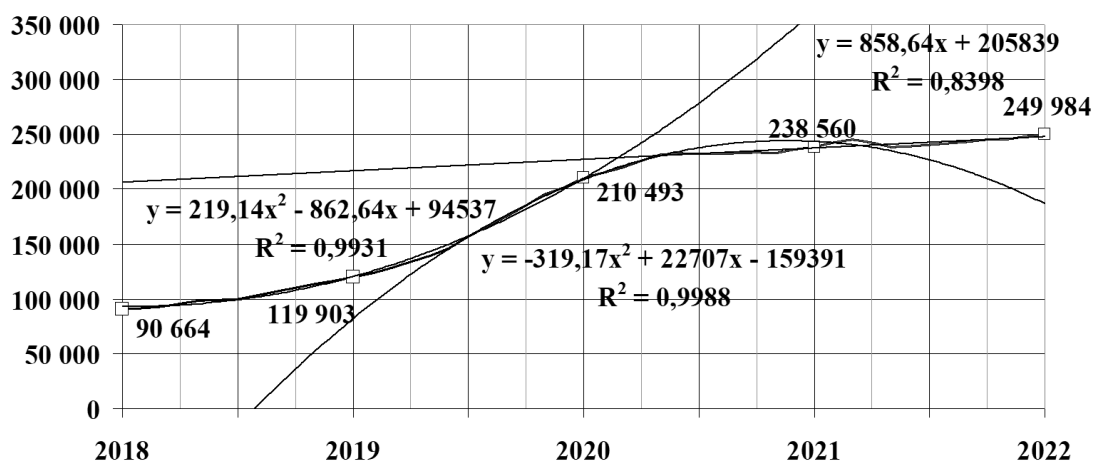

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных IT мошенничеств. Российская Федерация (скользящий год)

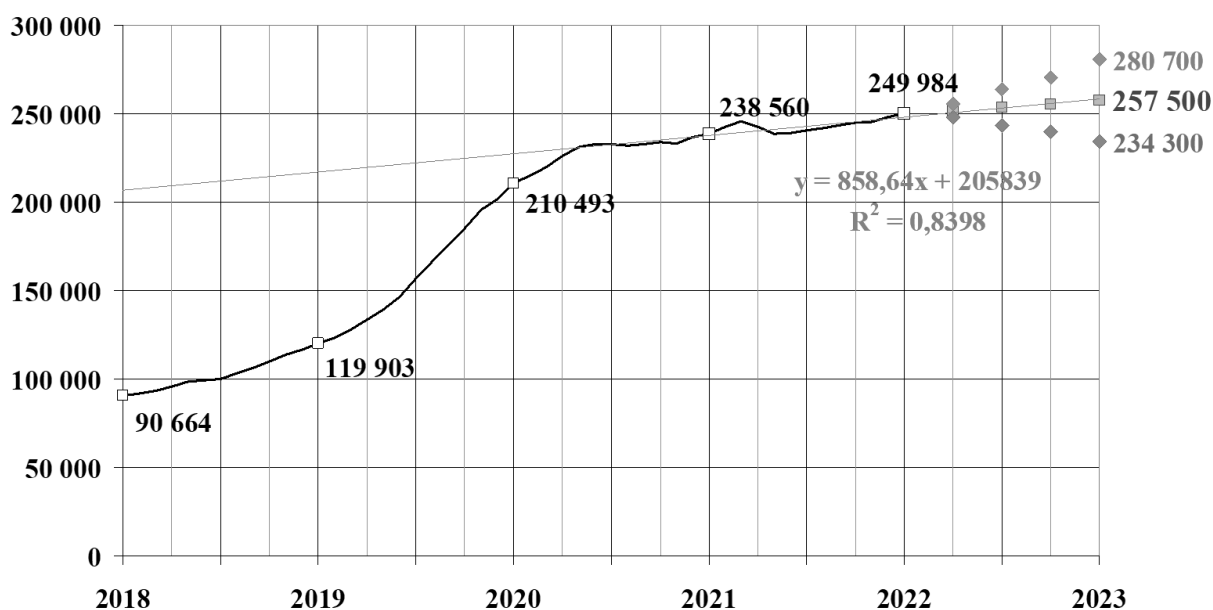

Рис. 2 Прогноз числа зарегистрированных IT мошенничеств на 2023 г. Российская Федерация

В двух федеральных округах зарегистрировано около половины (47,7 %) ИТ мошенничеств: в Центральном федеральном округе — более четверти (28,1 % или 70 300) и почти каждое пятое (19,5 % или 48 871) в Приволжском федеральном округе.

В 2022 г. каждое третье (32,8 %) ИТ мошен-

ничество зарегистрировано в одном из шести субъектов Российской Федерации (табл. 1). Больше всего их зарегистрировано: каждое восьмое (12,5 % или 31 261) — в Москве, 5,4 % или 13 595 в Краснодарском крае, и 4,8 % или 12 111 в Санкт-Петербурге.

Таблица 1.

Субъекты Российской Федерации, в которых в 2022 г. выявлено 32,8 % ИТ мошенничеств

Субъекты	2022			2021
	Выявлено	Прирост		Выявлено
		Абс.	%	
Российская Федерация	249 984	11 424	4,8	238 560
Москва	31 261	-695	-2,2	31 956
Краснодарский край	13 595	-292	-2,1	13 887
Санкт-Петербург	12 111	174	1,5	11 937
Республика Татарстан	9 445	758	8,7	8 687
Московская область	8 738	3 127	55,7	5 611
Челябинская область	6 741	534	8,6	6 207

В пятидесяти семи субъектах Российской Федерации наблюдался рост ИТ мошенничеств, в двадцати шести из них рост был заметным (более 10 %), у четырех — более 30 %: на 37,8 % выросло ИТ мошенничество в Тверской области (с 1 568 до 2 160), на 38,2 % — в Чукотском автономном округе (с 55 до 76), на 55,7 % — в Московской области (с 5 611 до 8 738) и в 2,4 раза в Омской области (с 747 до 1 802).

Не смотря на общий рост ИТ мошенничеств, в двадцати восьми регионах этот показатель снизился, в восьми из них снижение было заметным (более 10 %), а в двух — более чем на 30 %: в Ненецком автономном округе на 32,7 % (с 107 до 72) и в Чеченской республике на 38,1 % (с 181 до 112).

Криминальная нагрузка на население от ИТ мошенничеств в 2022 г. 171,7 преступлений на 100 тыс. населения страны. По сравнению с 2021 г. нагрузка выросла на 9,1 пункта (162,6).

В четырех федеральных округах криминальная нагрузка от ИТ мошенничеств больше чем в целом по стране: в Северо-Западном федеральном округе в 1,27 раза (218,6), в Дальневосточном федеральном округе в 1,11 раза (190,2), в Центральном федеральном округе в 1,05 раза (179,8) и в Южном федеральном округе в 1,04 раза (178,7). Заметно ниже, чем в Российской Федерации, криминальная нагрузка от ИТ мошенничеств в Северо-Кавказском федеральном округе 76,1 (более чем в 2,25 раза меньше чем в целом по стране) (табл.2).

Таблица 2.

Криминальная нагрузка от ИТ мошенничеств. 2022 и 2021 гг. (федеральные округа Российской Федерации)

Россия и федеральные округа	2022		2021
	Выявлено	Прирост	Выявлено
Российская Федерация	171,7	9,1	162,6
Северо-Западный федеральный округ	218,6	16,4	202,1
Дальневосточный федеральный округ	190,2	10,0	180,3
Центральный федеральный округ	179,8	13,2	166,6
Южный федеральный округ	178,7	2,7	176,0
Приволжский федеральный округ	169,4	11,1	158,3
Уральский федеральный округ	166,4	2,1	164,3
Сибирский федеральный округ	160,6	5,6	155,0
Северо-Кавказский федеральный округ	76,1	3,1	73,0

Рост исследуемого показателя наблюдался во всех федеральных округах, в четырех — более чем на 10 пунктов: на 16,4 пункта в Северо-Западном федеральном округе, на 13,2 в Центральном федеральном округе, на 11,1 в Приволжском федеральном округе и на 10,0 в Дальневосточном федеральном округе.

В четырех субъектах Российской Федерации наи-

большие значения криминальной нагрузки от IT мошенничеств и проживает 10 % населения страны (табл. 3). Криминальная нагрузка на население от таких преступлений находится в интервале от 247,4 преступления на 100 тыс. жителей в Москве до 305,2 в Мурманской области. Средний уровень в этой группе субъектов Российской Федерации 254,6.

Таблица 3.

Субъекты Российской Федерации с наибольшими значениями криминальной нагрузки от IT мошенничеств, и где проживает 10 % населения страны

Субъекты	2022 год		2021 год
	коэффициент	прирост	коэффициент
Российская Федерация	171,7	9,1	162,6
Мурманская область	305,2	56,1	249,1
Республика Коми	299,4	34,3	265,1
Республика Карелия	282,2	57,0	225,2
Москва	247,4	-3,4	250,8
Средняя нагрузка	254,6		

В десяти регионах страны с наименьшими значениями криминальной нагрузки от IT мошенничеств и проживает 10 % населения страны. Уровень криминальной нагрузки на население

от IT мошенничеств находится в интервале от 7,4 в Чеченской республике до 112,5 в Московской области. Средняя нагрузка в этой группе 71,5 (табл. 4).

Таблица 4.

Субъекты Российской Федерации с наименьшими значениями криминальной нагрузки от IT мошенничеств, и где проживает 10 % населения страны

Субъекты	2022 год		2021 год
	коэффициент	прирост	коэффициент
Российская Федерация	171,7	9,1	162,6
Московская область	112,5	40,4	72,1
Свердловская область	111,2	-5,5	116,7
Кабардино-Балкарская республика	96,4	-6,5	102,9
Омская область	95,9	56,8	39,1
Карачаево-Черкесская республика	93,3	-2,5	95,8
Рязанская область	78,8	3,4	75,4
Республика Калмыкия	73,2	-29,2	102,4
Республика Ингушетия	23,3	-1,5	24,8
Республика Дагестан	22,5	-0,5	23,0
Чеченская республика	7,4	-4,7	12,1
Средняя нагрузка	71,5		

Соотношение этих средних — децильный коэффициент, характеризующий вариабельность субъектов Российской Федерации по криминальной нагрузке на население от IT мошенничеств, 3,6 — нормален.

Типология субъектов Российской Федерации по криминальной нагрузке на население от IT мошенничеств.

Размах криминальной нагрузки на население от IT мошенничеств в субъектах Российской Федерации 297,8 преступлений: от 7,4 в Чеченской республике до 305,2 в Мурманской области. Средняя нагрузка 171,4 IT мошенничеств на 100 тыс. населения. Стандартное (среднее) отклонение 55,5. В статистически однород-

ную (по данному показателю) включаются регионы, у которых исследуемая нагрузка отличается от среднего значения не более чем на три стандартных отклонения (правило трех сигм).

Таким образом, в статистически однородную группу входят только субъекты Российской Федерации, у которых криминальная нагрузка не выше чем $171,4 + 55,5 \cdot 3 = 337,9$ и регионы, у которых криминальная нагрузка не меньше чем $171,4 - 55,5 \cdot 3 = 4,9$. В 2022 г. этим условиям удовлетворяют все субъекты Российской Федерации.

В группе V (с высокой криминальной нагрузкой — больше среднего 171,4 на два стандартных отклонения 111,0) всего два субъекта Российской Федерации: Мурманская область 305,2 IT мошенничеств на 100 тыс. жителей области и Республика Коми 299,4.

В группе проживает 1 527 928 жителей или 1,05 % всего населения страны. Средняя нагрузка 302,2.

В группе IV (с криминальной нагрузкой выше среднего — больше среднего 171,4 на одно стандартное отклонение 55,5) семь субъектов Российской Федерации (табл. 5).

Таблица 5.

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу IV (с криминальной нагрузкой выше среднего) 2022 г.

Субъекты РФ	Показатель
Республика Карелия	282,2
Москва	247,4
Республика Татарстан	243,0
Краснодарский край	239,0
Калужская область	238,5
Камчатский край	230,9
Томская область	230,6
Среднее значение	244,4

Криминальная нагрузка в группе от 230,6 в Томской области до 282,2 в республике Карелия. Средняя криминальная нагрузка 244,4. В группе проживает 25 205 808 жителей или 17,32 % всего населения страны.

В группе III (со средней криминальной нагрузкой — отличается от среднего 171,4 не более чем на одно стандартное отклонение 55,5) шестьдесят пять субъектов Российской Федерации (табл. 6).

Криминальная нагрузка от IT мошенничеств в группе находится в интервале от 116,7 IT мошенничеств на 100 тыс. населения в Красноярском крае до 225,2 в Санкт-Петербурге.

Средняя криминальная нагрузка 170,0. В группе проживает 96 696 142 жителя или 66,43 % всего населения страны.

В группе II (с криминальной нагрузкой ниже среднего — меньше среднего 171,4 на одно стандартное отклонение 55,5, но не более чем на два 111,0) восемь субъектов Российской Федерации (табл. 7).

Криминальная нагрузка в группе от 73,2 в республике Калмыкия до 115,4 в республике Тыва. Средняя криминальная нагрузка 106,2. В группе проживает 16 933 281 житель или 11,63 % всего населения страны.

В группе I (с низкой криминальной нагрузкой — меньше среднего 171,4 на два стандартных отклонения 111,0, но не более чем на три 166,5) три республики Северного Кавказа: 23,3 в республике Ингушетия, 22,5 в республике Дагестан и 7,4 в Чеченской

республике. Средняя криминальная нагрузка 18,2. В группе проживает 5 194 688 жителей или 3,57 % всего населения страны.

Распределение субъектов Российской Федерации по криминальной нагрузке от IT мошенничеств имеет незначительный отрицательный эксцесс, что означает относительно небольшое сглаженное распределение: завышенный объем группы III — 66,43 % (для нормального распределения 56 %).

Дисперсионный анализ выявил, что разнообразие субъектов Российской Федерации по криминальной нагрузке от IT мошенничеств на 29,1 % (коэффициент детерминации) зависит от социально географических особенностей регионов — слабая прямая корреляционная зависимость.

В 2022 г. более чем каждое пятое (20,9 %) расследованное¹ IT преступление — мошенничество (для всех зарегистрированных IT преступлений данный показатель в 2,3 раза больше 47,9 %).

В 2022 г. в Российской Федерации было раскрыто 29 751 IT мошенничество; на 8 935 преступлений или 42,9 % больше чем в 2021 г. (20 816) — рост заметный (рис. 3).

В рассматриваемой динамике (2019–2022 гг.) для построения моделей можно выделить два периода устойчивого развития.

¹ Расследованные или раскрытые — преступления, уголовные дела о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетный период.

Таблица 6.

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу III (со средней криминальной нагрузкой) 2022 г.

Субъекты РФ	Нагрузка	Субъекты РФ	Нагрузка
Санкт-Петербург	225,2	Республика Адыгея	167,0
Амурская область	224,3	Республика Бурятия	163,8
Республика Удмуртия	223,8	Нижегородская область	162,6
Костромская область	223,4	Еврейская АО	161,9
Тюменская область	218,2	Ненецкий АО	161,7
Алтайский край	211,0	Ставропольский край	161,6
Приморский край	210,9	Тамбовская область	161,6
Магаданская область	210,5	Пензенская область	159,3
Новгородская область	208,8	Белгородская область	157,8
Ленинградская область	206,7	Пермский край	157,5
Хабаровский край	202,9	Брянская область	155,6
Архангельская область	201,3	Республика Саха (Якутия)	154,9
Чувашская республика	198,5	Саратовская область	154,0
Ямало-Ненецкий АО	198,1	Республика Мордовия	153,4
Челябинская область	197,2	Курганская область	152,2
Новосибирская область	193,1	Чукотский АО	151,9
Смоленская область	192,5	Воронежская область	150,8
Республика Марий Эл	192,4	Астраханская область	146,6
Ханты-Мансийский АО	192,3	Иркутская область	145,5
Ярославская область	190,2	Ростовская область	143,5
Кировская область	188,4	Ивановская область	142,1
Вологодская область	181,1	Самарская область	140,5
Орловская область	175,6	Калининградская область	140,1
Тверская область	175,6	Республика Башкортостан	139,0
Сахалинская область	174,9	Оренбургская область	133,7
Волгоградская область	174,5	Республика Алтай	132,2
Владимирская область	174,1	Ульяновская область	131,7
Республика Хакасия	172,4	Республика Северная Осетия Алания	130,2
Тульская область	172,1	Липецкая область	126,8
Севастополь	171,8	Курская область	120,2
Псковская область	171,5	Республика Крым	116,9
Забайкальский край	169,0	Красноярский край	116,7
Кемеровская область	167,5	Среднее значение	170,0

Таблица 7.

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу II (с криминальной нагрузкой ниже среднего) 2022 г.

Субъекты РФ	Нагрузка	Субъекты РФ	Нагрузка
Республика Тыва	115,4	Омская область	95,9
Московская область	112,5	Карачаево-Черкесская республика	93,3
Свердловская область	111,2	Рязанская область	78,8
Кабардино-Балкарская республика	96,4	Республика Калмыкия	73,2
		Среднее значение	106,2

Период с 1 января 2019 г. и до октября (включительно) 2021 г. — модель параболического развития: равноускоренный рост: ускорение небольшое +26,0 преступлений (абсолютный прирост исследуемого показателя постоянно ежемесячно увеличивался на 26,0 преступлений). Надежность

аппроксимации модели весьма высокая 99,3 %. Модель указывает, что в это время факторы, увеличивающие раскрываемость соответствующих уголовных дел, незначительно превалировали на постоянную величину над факторами, препятствующим раскрываемости.

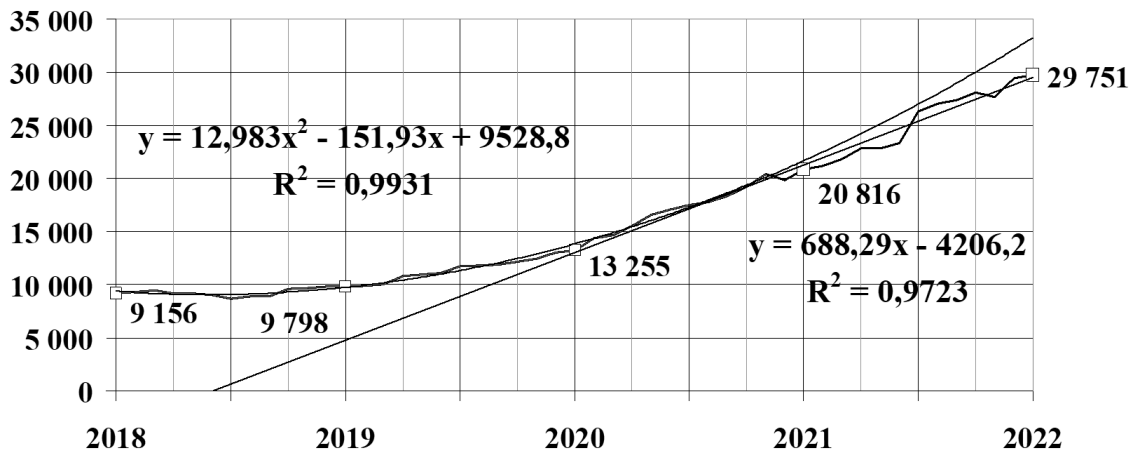

Рис. 3. Динамика числа раскрытых ИТ мошенничеств. Российская Федерация

Период 2021–2022 гг. — модель прямолинейного развития: Заметный равномерный рост: абсолютный прирост исследуемого показателя был постоянен, его ежемесячное значение 688,3 преступлений. Надежность аппроксимации модели весьма высокая 97,2 %. Модель указывает, что в это время действие факторов,

препятствующих и способствующих ускорению роста динамики, были равны.

Если экстраполировать последнюю модель на следующий год, то в 2023 г. в Российской Федерации будет раскрыто около 37,5 тыс.: интервальная оценка от 34,1 до 40,9 тыс. раскрытых ИТ мошенничеств (рис. 4).

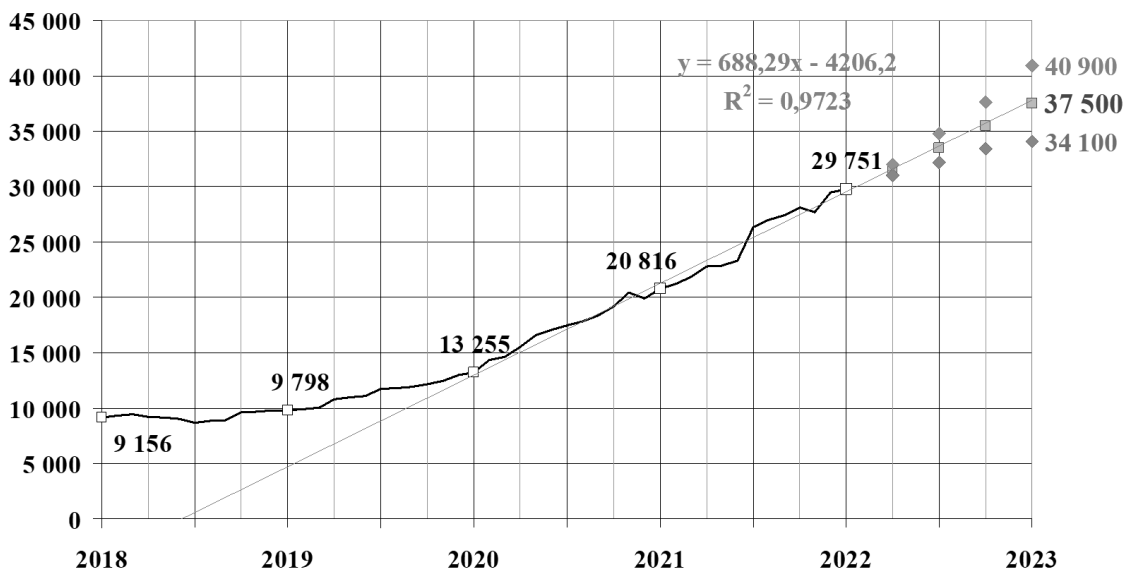

Рис. 4 Прогноз числа раскрытых ИТ мошенничеств на 2023 г. Российская Федерация

В двух федеральных округах раскрыто более половины (53,2 %) ИТ мошенничеств: в Центральном федеральном округе — почти каждое третье (32,1 % или 9 537) и более чем каждое пятое (21,1 % или 6 286) — в Приволжском федеральном округе.

Почти каждое третье (32,9 %) ИТ мошенничество раскрывается в трех субъектах Российской Федерации: в Москве — каждое пятое/четвертое (22,2 % или 6 611 преступлений), в республике Татарстан — 5,4 % или 1 611 и в Краснодарском крае — 5,3 % или 1 570.

На каждую 1 000 зарегистрированных ИТ преступлений 273 раскрытых и 709 нераскрытых¹. На каждую 1 000 зарегистрированных ИТ мошенничеств — 119 раскрытых и 857 нераскрытых (табл. 8).

Таблица 8.

Показатели зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых ИТ преступлений. Российская Федерация. 2022 г.

	Всего	Мошенничество	Иные
Зарегистрировано	522 065	249 984	272 081
Раскрыто	142 384	29 751	112 633
Не раскрыто	370 179	214 225	155 954
Зарегистрировано	1 000	1 000	1 000
Раскрыто	273	119	414
Не раскрыто	709	857	573
Раскрываемость ² , %	27,8	12,2	41,9

Раскрываемость ИТ мошенничества (12,2 %) меньше, чем других (41,9 %) ИТ преступлений.

Наибольшая раскрываемость ИТ мошенничества в Северо-Кавказском ФО (15,7 %), наименьшая — в Северо-Западном ФО (6,5 %) (табл. 9).

Таблица 9.

Раскрываемость ИТ преступлений. 2022 г., %

	Всего	Мошенничество	Иные
Российская Федерация	27,8	12,2	41,9
Северо-Кавказский ФО	28,3	15,7	39,5
Центральный ФО	24,5	13,7	37,0
Приволжский ФО	29,9	13,1	43,7
Уральский ФО	35,6	12,4	51,0
Дальневосточный ФО	26,1	12,2	39,8
Сибирский ФО	27,3	12,1	38,1
Южный ФО	25,6	10,4	42,2
Северо-Западный ФО	24,2	6,5	41,9

В 2022 г. более чем каждый девятый (11,4 %) человек, совершивший ИТ преступление, выявлен как совершивший ИТ мошенничество. Всего за совершение данного преступления было выявлено 11 046 ИТ мошенников; на 3 297 лиц или 42,5 % больше чем в 2021 г. (7 749) — рост заметный (рис. 5).

В рассматриваемой динамике (2019–2022 гг.) для построения моделей можно выделить два периода

устойчивого развития.

Период с 1 января 2019 г. и до октября (включительно) 2021 г. — модель параболического развития: равноускоренный рост: ускорение небольшое +8,6 лиц (абсолютный прирост исследуемого показателя постоянно ежемесячно увеличивался на 8,6 лиц). Надежность аппроксимации модели весьма высокая 99,6 %.

Период 2021–2022 гг. — модель прямолинейного развития — заметный равномерный рост: абсолютный прирост исследуемого показателя был постоянен, его ежемесячное значение 252,2 лиц. Надежность аппроксимации модели весьма высокая 99,3 %.

Если экстраполировать последнюю модель на следующий год, то в 2023 г. в Российской Федерации будет выявлено около 14,0 тыс.: интервальная оценка от 12,7 до 15,3 тыс. лиц, совершивших ИТ мошенничество (рис. 6).

В двух федеральных округах выявлено почти половина (48,8 %) лиц, совершивших ИТ мошенничество: в Центральном федеральном округе — более чем каждый четвертый (26,7 % или 2 945 лиц) и более чем каждый пятый (22,2 % или 2 449) — в Приволжском федеральном округе.

В 2022 г. более чем каждое третье (34,3 %) лицо, совершившее ИТ мошенничество, выявлено в одном из шести субъектов Российской Федерации (табл. 10). Больше всего их выявлено: 13,9 % или 1 537 в Москве, 5,6 % или 617 в республике Татарстан и 5,0 % или 548 в Краснодарском крае (табл. 10).

Таблица 10.

Субъекты Российской Федерации, в которых в 2022 г. выявлено 34,3 % лиц, совершивших ИТ мошенничество

Субъекты	2022			2021
	Выявлено	Прирост		Выявлено
		Абс.	%	
Российская Федерация	11 046	3 297	42,5	7 749
Москва	1 537	598	63,7	939
Республика Татарстан	617	156	33,8	461
Краснодарский край	548	129	30,8	419
Челябинская область	398	68	20,6	330
Московская область	397	188	90,0	209
Санкт-Петербург	294	180	157,9	114

В семидесяти пяти субъектах Российской Федерации наблюдался рост выявленных лиц, совершивших ИТ мошенничество, в шестидесяти шести из них рост был заметным (более 10 %), а в одиннадцати — в два и более раз (табл. 11).

¹ Не раскрыто — преступления, уголовные дела по которым впервые приостановлены по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

² Раскрываемость — удельный вес раскрытых преступлений в структуре раскрытых и нераскрытых преступлений.

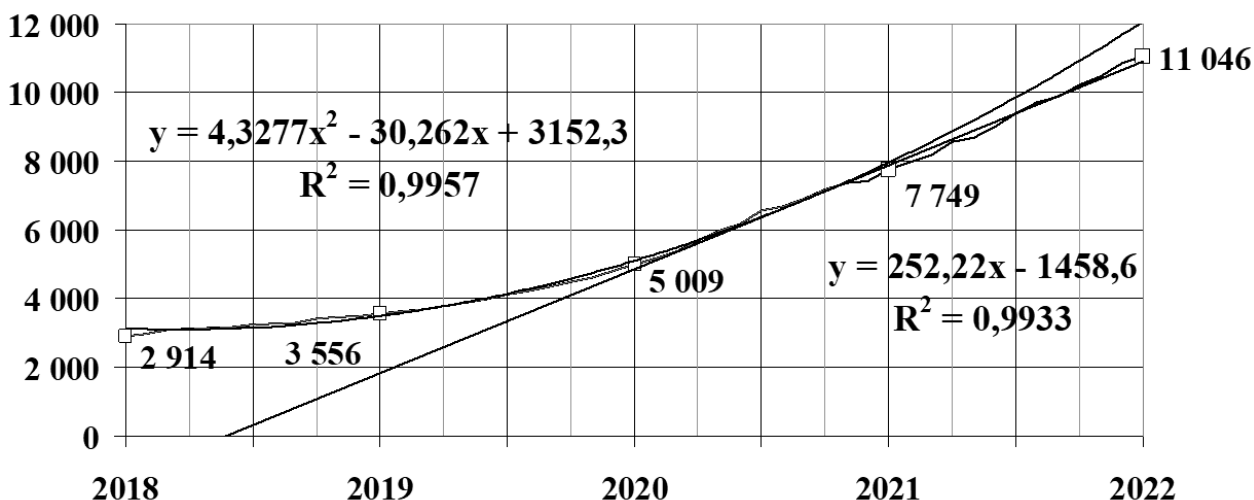

Рис. 5. Динамика числа выявленных лиц, совершивших IT мошенничество. Российская Федерация

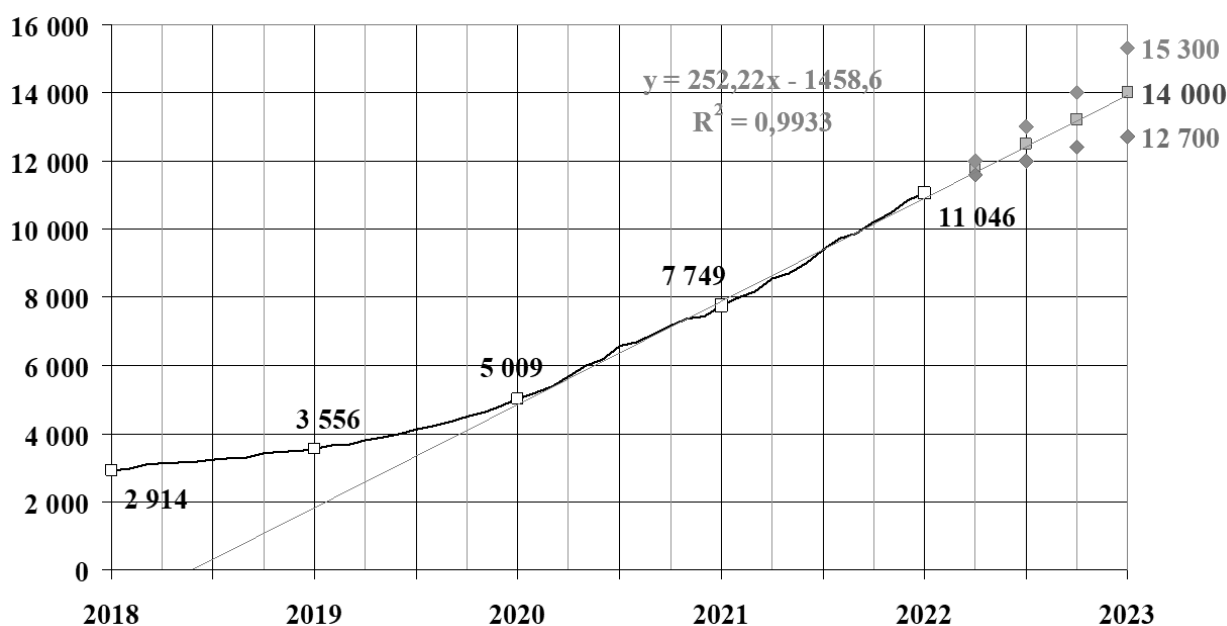

Рис. 6. Прогноз на 2023 г. числа выявленных лиц, совершивших IT мошенничество. Российская Федерация

Несмотря на общий заметный рост числа выявленных лиц, совершивших IT мошенничество, в десяти регионах этот показатель снизился, в семи из них снижение было заметным (более 10 %), а в двух — более чем на 30 %: в Ненецком автономном округе на 33,3 % (с 3 до 2) и в Смоленской области на 43,3 % (с 30 до 17).

Криминальная активность населения по IT мошенничеству в 2022 г. составил 9,8 IT мошенников на 100 тыс. взрослого населения страны. По сравнению с 2021 г. криминальная активность выросла на 3,1 пункта (6,7).

В четырех федеральных округах криминальная активность населения по IT мошенничеству больше чем в целом по стране: 10,9 (в 1,12 раза больше) в Приволжском федеральном округе, 10,7 (в 1,10 раза) в Дальневосточном федеральном округе, 10,1 (в 1,03 раза) в Уральском федеральном округе и 10,0 (в 1,03 раза) в Северо-Кавказском федеральном округе. Заметно ниже, чем в Российской Федерации, криминальная активность населения по IT мошенничеству в Северо-Западном федеральном округе 7,6 (в 1,28 раза меньше чем в целом по стране) (табл. 12).

Таблица 11.

Субъекты Российской Федерации, в которых рост числа выявленных лиц, совершивших IT-мошенничество, был в два и более раз. 2022 и 2021 гг.

Субъекты	2022			2021
	Выявлено	Прирост		Выявлено
		Абс.	%	
Российская Федерация	11 046	3 297	42,5	7 749
Чукотский АО	6	5	500,0	1
Санкт-Петербург	294	180	157,9	114
Республика Марий Эл	57	34	147,8	23
Камчатский край	47	28	147,4	19
Омская область	67	38	131,0	29
Ленинградская область	79	43	119,4	36
Чеченская республика	34	18	112,5	16
Саратовская область	177	90	103,4	87
Республика Дагестан	160	81	102,5	79
Амурская область	99	50	102,0	49
Калужская область	72	36	100,0	36

Таблица 12.

Криминальная активность населения по IT-мошенничеству. 2022 и 2021 гг. Федеральные округа Российской Федерации

Россия и федеральные округа	2022		2021
	Активность	Прирост	Активность
Российская Федерация	9,8	3,1	6,7
Приволжский федеральный округ	10,9	3,6	7,3
Дальневосточный федеральный округ	10,7	3,1	7,6
Уральский федеральный округ	10,1	2,1	8,0
Северо-Кавказский федеральный округ	10,0	3,8	6,2
Южный федеральный округ	9,5	2,8	6,7
Центральный федеральный округ	9,3	3,4	5,9
Сибирский федеральный округ	8,7	1,4	7,3
Северо-Западный федеральный округ	7,6	3,3	4,3

Рост исследуемого показателя наблюдался во всех федеральных округах, в пяти — более чем в целом по стране: на 3,8 пункта в Северо-Кавказском федеральном округе, на 3,6 пункта в Приволжском федеральном округе, на 3,4 в Центральном федеральном округе, на 3,3 в Северо-Западном федеральном округе и на 3,1 в Дальневосточном федеральном округе.

В четырнадцати субъектах Российской Федерации наибольшие значения криминальной активности населения по IT-мошенничеству и проживает 10 % взрослого населения страны (табл. 13). Криминальная

активность населения по таким преступлениям находится в интервале от 15,0 выявленных лиц на 100 тыс. взрослых жителей в республике Удмуртия до 24,1 в республике Алтай. Средняя активность в этой группе субъектов Российской Федерации 17,9.

Таблица 13.

Субъекты Российской Федерации с наибольшими значениями криминальной активности населения по IT-мошенничеству, и где в 2022 г. проживает 10 % взрослого населения страны

Субъекты	2022 год		2021 год
	коэффициент	прирост	коэффициент
Российская Федерация	9,8	3,1	6,7
Республика Алтай	24,1	7,3	16,9
Республика Татарстан	20,7	5,6	15,1
Ямало-Ненецкий АО	19,9	2,1	17,9
Камчатский край	19,8	12,0	7,7
Томская область	18,2	7,5	10,8
Магаданская область	18,0	6,1	11,8
Пензенская область	17,7	7,4	10,3
Республика Северная Осетия Алания	17,4	2,5	14,9
Амурская область	16,8	8,8	8,0
Кабардино-Балкарская республика	16,7	7,5	9,2
Чувашская республика	16,6	3,8	12,9
Чукотский АО	16,0	13,3	2,6
Челябинская область	15,1	3,0	12,2
Республика Удмуртия	15,0	5,6	9,4
Средняя нагрузка	17,9		

В одиннадцати регионах страны с наименьшими значениями криминальной активности населения по IT-мошенничеству, и где проживает 10 % населения страны. Уровень криминальной активности населения по IT-мошенничеству находится в интервале от 2,0 в Тверской области до 5,2 в Севастополе. Средняя нагрузка в этой группе 4,3 (табл. 14).

Соотношение этих средних — децильный коэффициент, характеризующий вариабельность субъектов Российской Федерации по криминальной активности населения по IT-мошенничеству, 4,1 — незначительно больше нормального.

Типология субъектов Российской Федерации по криминальной активности населения по IT-мошенничеству.

Размах криминальной активности населения по IT-мошенничеству в субъектах Российской Федерации 22,1 выявленных лиц: от 2,0 в Тверской области до 24,1 в республике Алтай. Средняя активность в этой группе 9,60 IT-мошенников на 100 тыс. взрослого населения. Стандартное (среднее) отклонение 4,20. В статистически однородную (по данному показателю) включаются регионы, у которых исследуемая нагрузка

ка отличается от среднего значения не более чем на три стандартных отклонения (на 12,60).

Таблица 14.

Субъекты Российской Федерации с наименьшими значениями криминальной активности по IT мошенничеству, и где в 2022 г. проживает 10 % взрослого населения страны

Субъекты	2022 год		2021 год
	коэффициент	прирост	коэффициент
Российская Федерация	27,6	2,7	24,9
Севастополь	5,2	2,0	3,3
Республика Ингушетия	5,1	-1,6	6,7
Ростовская область	5,1	0,9	4,1
Ленинградская область	5,1	2,8	2,3
Орловская область	4,9	0,0	4,9
Омская область	4,7	2,7	1,9
Рязанская область	4,0	0,3	3,6
Псковская область	3,9	0,3	3,6
Чеченская республика	3,7	2,0	1,7
Смоленская область	2,3	-1,6	3,9
Тверская область	2,0	-0,2	2,3
Средняя нагрузка	4,3		

Таким образом, в статистически однородную группу входят только субъекты Российской Федерации, у которых криминальная активность не выше чем $9,60 + 4,20 \cdot 3 = 22,20$. Криминальная активность в республике Алтай 24,10 выше. Следовательно, по данному показателю республика нарушает статистическую однородность всей совокупности субъектов Российской Федерации и должна быть исключена из типологии.

В оставшихся восьмидесяти четырех регионах. Средняя криминальная активность 9,58 и стандартное отклонение 4,18.

В группе V (с высокой криминальной активностью — больше среднего 9,58 на два стандартных отклонения 8,36) пять субъектов Российской Федерации (табл. 15).

Криминальная нагрузка в группе от 18,0 в Магаданской области до 20,7 в республике Татарстан. Средняя криминальная нагрузка 20,1. В группе проживает 4 548 320 взрослых жителей или 4,02 % взрослого населения страны.

В группе IV (с криминальной активностью выше среднего — больше среднего 9,58 на одно стандартное отклонение 4,18) одиннадцать субъектов Российской Федерации (табл. 16).

Криминальная нагрузка в группе от 14,6 в республике Тыва до 17,7 в Пензенской области. Средняя криминальная активность 15,3. В группе проживает 18 683 288 взрослых жителей или 16,50 % взрослого населения страны.

Таблица 15.

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу V (с высокой криминальной активностью) 2022 г.

Субъекты РФ	Показатель
Республика Татарстан	20,7
Ямало-Ненецкий АО	19,9
Камчатский край	19,8
Томская область	18,2
Магаданская область	18,0
Среднее значение	20,1

Таблица 16.

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу IV (с криминальной активностью выше среднего) 2022 г.

Субъекты РФ	Показатель
Пензенская область	17,7
Республика Северная Осетия Алания	17,4
Амурская область	16,8
Кабардино-Балкарская республика	16,7
Чувашская республика	16,6
Чукотский автономный округ	16,0
Челябинская область	15,1
Республика Удмуртия	15,0
Москва	14,8
Республика Мордовия	14,7
Республика Тыва	14,6
Среднее значение	15,3

В группе III (со средней криминальной активностью — отличается от среднего 9,58 не более чем на одно стандартное отклонение 4,18) пятьдесят семь субъектов Российской Федерации (табл. 17).

Криминальная активность населения по IT мошенничеству в группе находится в интервале от 5,5 лиц на 100 тыс. взрослого населения в Ярославской области до 13,4 в республике Карелия.

Средняя криминальная нагрузка 8,4. В группе проживает 78 228 774 взрослых жителей или 69,09 % всего населения страны.

В группе II (с криминальной активностью ниже среднего — меньше среднего 9,58 на одно стандартное отклонение 4,18, но не более чем на два 8,36) одиннадцать субъектов Российской Федерации (табл. 18).

Криминальная активность в группе от 2,0 в Тверской области до 5,2 в Севастополе. Средняя криминальная нагрузка 4,3. В группе проживает 11 624 829 взрослых жителей или 10,27 % взрослого населения страны.

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу III (со средней криминальной активностью) 2022 г.

Субъекты РФ	Активность	Субъекты РФ	Активность
Республика Карелия	13,4	Калининградская область	8,8
Ставропольский край	12,9	Новосибирская область	8,7
Сахалинская область	12,8	Кировская область	8,7
Республика Калмыкия	12,7	Липецкая область	8,3
Республика Коми	12,6	Пермский край	7,9
Костромская область	12,6	Тюменская область	7,8
Краснодарский край	12,4	Приморский край	7,8
Республика Саха (Якутия)	12,0	Карачаево-Черкесская республика	7,7
Астраханская область	12,0	Курская область	7,6
Оренбургская область	12,3	Белгородская область	7,5
Республика Хакасия	11,8	Республика Дагестан	7,3
Республика Марий Эл	11,1	Тульская область	7,2
Забайкальский край	11,0	Республика Бурятия	7,1
Волгоградская область	10,6	Брянская область	7,1
Новгородская область	10,4	Кемеровская область	6,7
Ульяновская область	10,2	Санкт-Петербург	6,7
Ханты-Мансийский АО	9,9	Владимирская область	6,7
Вологодская область	9,6	Свердловская область	6,5
Тамбовская область	9,6	Республика Башкортостан	6,5
Еврейская АО	9,5	Архангельская область	6,5
Иркутская область	9,5	Воронежская область	6,5
Саратовская область	9,4	Московская область	6,5
Хабаровский край	9,2	Ненецкий АО	6,3
Алтайский край	9,2	Красноярский край	6,3
Калужская область	9,2	Нижегородская область	5,9
Ивановская область	9,1	Самарская область	5,7
Мурманская область	8,9	Курганская область	5,6
Республика Крым	8,8	Ярославская область	5,5
Республика Адыгея	8,8	Среднее значение	8,4

Группа I (с низкой криминальной активностью — меньше среднего 9,58 на два стандартных отклонения 8,36, но не более чем на три 12,54) пуста — нет субъектов Российской Федерации с криминальной активностью, удовлетворяющей условиям группы.

Дисперсионный анализ выявил, что разнообразие субъектов Российской Федерации по криминальной активности населения по ИТ мошенничеству не зависит от социально географических особенностей регионов (коэффициент детерминации 5,36 %).

В настоящее время ИТ мошенничество приближается к своему насыщению в соответствии соблазну, возможностям и риску их совершения.

Правоохранительные органы, в компетенцию которых входит расследование ИТ мошенничеств, сравнительно молодые, но очень «быстро» обучаются, заметно повышается их опыт.

Расследование таких преступлений требует значительных средств: как материальных (техника), так и специалистов высокой квалификации в ИТ.

Таблица 18.

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу II (с криминальной нагрузкой ниже среднего) 2022 г.

Субъекты РФ	Активность	Субъекты РФ	Активность
Севастополь	5,2	Рязанская область	4,0
Республика Ингушетия	5,1	Псковская область	3,9
Ростовская область	5,1	Чеченская республика	3,7
Ленинградская область	5,1	Смоленская область	2,3
Орловская область	4,9	Тверская область	2,0
Омская область	4,7	Среднее значение	4,3

Библиографический список

1. Коимшиди Г. Ф., Саркисян А. Ж., Чирков Д. К. Криминологический прогноз преступности в Российской Федерации на 2023 г. // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4(38). С. 65–72. EDN IVBOBT.
2. Саркисян А. Ж., Коимшиди Г. Ф. Динамика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 1(35). С. 71–76. EDN ECJYLI.
3. Правовая статистика : классический учебник / Е. А. Антонян, С. Я. Казанцев, Н. Д. Эриаш-

вили [и др.]. 5-ое издание, перераб. и доп. Москва : ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2022. 384 с.

4. Саркисян А. Ж. Характерные особенности основных элементов криминологических и криминалистических характеристик преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 131–135.

Bibliographic list

1. Koimshidi G. F., Sarkisyan A. Zh., Chirkov D. K. Criminological forecast of crime in the Russian Federation for 2023 // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2022. № 4(38). P. 65–72. EDN IVBOBT.
2. Sarkisyan A. Zh., Koimshidi G. F. Dynamics of crimes committed using information and telecommunication technologies or in the field of computer information in the Russian Federation // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2022. № 1(35). P. 71–76. EDN ECJYLI.
3. Legal statistics : classic textbook / E. A. Antonyan, S. Ya. Kazantsev, N. D. Eriashvili [et al.]. 5th edition, revised and suppl. Moscow : LLC «Unity-Dana Publishing House», 2022. 384 p.
4. Sarkisyan A. Zh. Characteristic features of the main elements of criminological and criminalistic characteristics of crimes committed with the use of computer equipment // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 6. P. 131–135.

Информация об авторах

Г. Ф. Коимшиди — ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат технических наук, доцент;

А. Ж. Саркисян — руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

G. F. Koimshidi — Leading Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;

A. Zh. Sarkisyan — Head of the Editorial, Publishing and Information and Library Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья
УДК 519.237.5:34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-102-106>
НИОН: 2003-0059-2/23-620
MOSURED: 77/27-003-2023-02-819

Системный подход как основа профилактики аварийности на автодорогах Московской области

Виктор Владимирович Кузнецов¹, Дмитрий Станиславович Горбатенко²,
Олег Михайлович Порташников³

¹ Управление Государственной Инспекцией безопасности дорожного движения ГУ МВД России по Московской области, Москва, Россия, ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru

² Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, mai_kaf604@mail.ru

³ Центр специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Представлен положительный опыт Госавтоинспекции Московской области по профилактике безопасности движения на улично-дорожной сети региона, достигнутый за 2010–2020 гг. Продемонстрировано применение методов системного анализа и статистического моделирования и прогнозирования для профилактики безопасности движения, сформированные и практически реализованные профилактические мероприятия, препятствующие совершению дорожно-транспортных происшествий. Показана деятельность Центра автоматической фиксации административных правонарушений. Продемонстрированы новые подходы к осуществлению пропаганды безопасности движения. Показано эффективное использование возможностей оказания высокотехнологичной медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях военными госпиталями, находящимися на территории Московской области.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, безопасность дорожного движения, транспортное средство, профилактика безопасности движения, правила дорожного движения, системный анализ, статистическое моделирование и прогнозирование

Для цитирования: Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М. Системный подход как основа профилактики аварийности на автодорогах Московской области // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 102–106. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-102-106>.

Original article

A systematic approach as the basis for preventing accidents on the roads of the Moscow region

Viktor V. Kuznetsov¹, Dmitry S. Gorbatenko², Oleg M. Portashnikov³

¹ State Inspectorate Road Safety General Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow Region, Moscow, Russia, ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru

² Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, mai_kaf604@mail.ru

³ Special Purpose Center in the field of road safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. This article demonstrates the positive experience of the State traffic inspectorate of the Moscow region in the prevention of traffic safety on the road network of the region, achieved in 2010–2020. The application of methods of system analysis and statistical modeling and forecasting for the prevention of traffic safety, the formed and practically implemented preventive measures that prevent traffic accidents are demonstrated. The activity of the Center for automatic fixation of administrative offenses is shown. New approaches to the implementation of traffic safety propaganda are demonstrated. The effective use of the possibilities of providing high-tech medical care to victims of road accidents by military hospitals located in the Moscow region is shown.

Keywords: traffic accident, traffic safety, vehicle, traffic safety prevention, traffic rules, system analysis, statistical modeling and forecasting

© Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М., 2023

For citation: Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. A systematic approach as the basis for preventing accidents on the roads of the Moscow region. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):102–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-102-106>.

Улучшение состояния безопасности дорожного движения (БДД) крайне важно в деле обеспечения устойчивого развития страны. Мероприятия, направленные на повышение БДД, требуют значительных денежных средств и, следовательно, технико-экономического обоснования. Тщательное планирование мероприятий по предотвращению дорожно-транспортных происшествий (ДТП) имеет большое значение, если при этом достигаются положительные результаты. Для эффективного планирования необходимо знать и анализировать те проблемы БДД, на которые могут быть направлены эти мероприятия. Поэтому лицам, принимающим управленческие решения в области БДД, необходимо не только уметь правильно намечать мероприятия по повышению БДД, но и экономически их обосновывать, то есть определять те направления, которые при наименьших затратах будут способствовать эффективному обеспечению БДД.

Обеспечение БДД является сложной и многоплановой системой. Дорожно-транспортная аварийность является социально-экономическим явлением, возникновение ДТП представляет собой взаимозависимую систему, в которую входят правила дорожного движения (ПДД), характеристики автомобилизации, состояние и обустройство улично-дорожной сети (УДС), воздействие климатических, природных и техногенных факторов.

Устойчивая динамика снижения показателей аварийности [1] на территории Подмосковья явилась результатом постоянного использования Госавтоинспекцией Московской области в практической работе методов системного анализа, статистического моделирования и прогнозирования. Активное применение этих научных методов, расчет адекватных математических моделей, позволили сформировать адресную профилактику БДД, и рассчитать прогнозную эффективность.

Отмечаемая динамика снижения показателей аварийности является лучшим доказательством обоснованности и корректности примененных научных методов, получения математических моделей адекватных реальному процессу, и обоснованности определенных на их основе профилактических мероприятий.

Математическая модель является математическим аналогом объекта исследования. Степень адекватности ее объекту определяется постановкой задачи и корректностью ее решения. Множество независимых переменных определяет среду функционирования объекта исследования, т. е. различные внешние условия, в которых функционирует объект исследования. Это могут быть технические параметры, не подлежащие изменению в процессе моделирования, физические возмущения среды, с которой объект исследования взаимодействует, и какие-либо тактические параметры объекта исследования.

Интерпретация полученных математических мо-

делей [2] позволила определить:

- 1) мероприятия, развитие которых способствует возникновению ДТП;
- 2) мероприятия, внедрение которых будет способствовать предотвращению ДТП.

Все используемые меры профилактики можно разделить на следующие группы:

- организация движения, надзор за движением;
- автоматизация фиксации нарушений ПДД и решений по ним;
- пропаганда БДД;
- оказание высокотехнологичной медицинской помощи пострадавшим в ДТП.

Среди факторов организации и надзора за движением определены, и используются [3], следующие:

- искусственное освещения проезжей части;
- разделительные, барьерные, пешеходных ограждения, тротуары;
- разно уровневые пешеходные переходы, перекрестки;
- светофорное регулирование перекрестков и наземных пешеходных переходов, при невозможности выведения в разные уровни;
- расширение проезжей части (включая переходо-скоростные полосы);
- автозаправочные станции (АЗС) и торговые точки, с безусловным соблюдением правил расположения и обустройства, оборудование остановочных пунктов;
- наряды дорожно-патрульной службы (ДПС), средства автоматической фиксации нарушений ПДД, ответственность за нарушение ПДД, и ее неотвратимость.

При этом ведется активное сопротивление развитию следующих факторов:

- расширению границ населенных пунктов вдоль проезжих частей, демонтажу пешеходных ограждений и тротуаров;
- внедрению перекрестков и пешеходных переходов без светофорного регулирования;
- установке вдоль проезжих частей рекламных конструкций;
- стихийному появлению объектов придорожной торговли и АЗС с нарушениями правил обустройства, и функционированию остановок общественного транспорта без заездных карманов.

В настоящее время «менталитет» российских водителей не позволяет надеяться на их законопослушное поведение при управлении транспортным средством (ТС) без постоянного внешнего надзора. В этих условиях особую важность и эффективность с точки зрения выявления и фиксации противоправного водительского поведения представляет собой более широкое использование средств автоматической фикс-

сации такого поведения.

Процесс автоматизации фиксации нарушений ПДД и решений по ним осуществляется силами Центра автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД ГУ МВД России по Московской области, который реализует следующие функции:

- получение информации о правонарушениях со всех комплексов фотовидеофиксации на территории Московской области;
- принятие решений по материалам о правонарушениях;
- осуществление распечатки и подготовки к отправке постановлений-квитанций за нарушения ПДД, включая конвертирование;
- организация взаимодействия с Почтой России, Службой Судебных приставов и платежными системами;
- работа с населением по урегулированию спорных вопросов и рассмотрению жалоб.

Практика использования технических средств автоматической фиксации правонарушений показала, что они позволяют обеспечить круглосуточный контроль транспортных потоков на автомобильных дорогах и пересечениях любой степени сложности, с достаточной точностью осуществлять одновременную или последовательную фиксацию нескольких правонарушений. Применение приборов автоматической фиксации нарушений ПДД во много раз повысило эффективность надзора за соблюдением ПДД, и резко уменьшило число нарушений ПДД.

Пропаганда БДД является важной задачей повышения БДД. Цель пропаганды БДД — повышение уровня правосознания и правовой культуры в области БДД. Ее достижение невозможно без систематизированной и поэтапной деятельности по передаче знаний, формированию умений и навыков обеспечения безопасности всех участников дорожного движения. Деятельность по разъяснению законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих действия участников дорожного движения, а также информационно-пропагандистские мероприятия, проводимые ГИБДД Московской области, были бы неэффективны без специальной педагогической подготовки сотрудников, ответственных за пропаганду БДД. В реализации программ повышения БДД принимают активное участие высшие учебные заведения, общественные, научные и экспертные организации, средства массовой информации (СМИ) и пр.

Проводимую подразделениями ГИБДД области работу по пропаганде БДД можно разбить на следующие направления:

- важность соблюдения и правильного выбора скоростного режима водителями;
- профилактика ДТП с участием средств индивидуальной мобильности;
- профилактика детского дорожно-транспортного травматизма.

Важность соблюдения и правильного выбора

скоростного режима водителями. Главной целью направления являлось скоординированное и целенаправленное доведение до населения информации по профилактике БДД, снижению тяжести последствий от ДТП. Основными задачами направления являлись информирование участников дорожного движения о недопустимости нарушений ПДД, связанных с превышением установленной скорости движения, и донесение до них информации о важности правильного выбора скоростного режима в зависимости от окружающих условий и контроля его соблюдения.

Профилактика ДТП с участием средств индивидуальной мобильности. Главная цель: повышение уровня дорожно-транспортной безопасности несовершеннолетних водителей вело- и мототранспорта, средств индивидуальной мобильности. Основными задачами являлись информирование родительской общественности об опасности и запрете допуска несовершеннолетних, не имеющих специального права на управление ТС соответствующей категории, к управлению мототранспортом и о важности обучения несовершеннолетних основам безопасного участия в дорожном движении в качестве водителей велосипедов и средств индивидуальной мобильности, информирование несовершеннолетних об опасности и недопустимости управления мототранспортом и о важности соблюдения ПДД при управлении вело транспортом и средствами индивидуальной мобильности, и формирование у несовершеннолетних безопасной модели поведения на УДС в качестве водителей велосипедов и средств индивидуальной мобильности, поведенческого стереотипа, направленного на обязательность использования велошлема и защитной экипировки при управлении вело транспортом и средствами индивидуальной мобильности.

Профилактика детского дорожно-транспортного травматизма. Главная цель: повышение уровня дорожно-транспортной безопасности несовершеннолетних пассажиров автотранспорта. Основными задачами являлись:

- информирование взрослых участников дорожного движения о недопустимости нарушений ПДД при перевозке детей в автотранспорте и о важности использования детских удерживающих устройств и ремней безопасности при перевозке детей в автотранспорте;
- формирование у несовершеннолетних поведенческого стереотипа, направленного на обязательность использования детских удерживающих устройств и ремней безопасности при поездках в автотранспорте.

Инструментами реализации направления являлись:

- информирование населения через СМИ, Интернет-ресурсы и социальные сети по вопросам предупреждения ДТП по причине превышения водителями ТС скорости движения или ее неправильного выбора, профилактики ДТП с участием детей-водителей и снижению тяжести их последствий, профилактики ДТП с уча-

стием детей-пассажиров и снижению тяжести их последствий;

- разработка и размещение тематических мультимедийных материалов в СМИ, Интернет-ресурсах и социальных сетях;
- проведение тематических брифингов и пресс-конференций;
- разработка и размещение тематической социальной рекламы на рекламных конструкциях различного типа;
- разработка, тиражирование и размещение (раздача) тематической полиграфической продукции;
- проведение тематической информационно-разъяснительной работы с участниками дорожного движения;
- проведение целевых профилактических мероприятий, направленных на выявление, предупреждение и пресечение фактов управления несовершеннолетними мототранспортом на улично-дорожной сети, а также нарушения ими ПДД при управлении вело транспортом, и по контролю за соблюдением водителями автотранспортных средств правил перевозки детей;
- проведение специальных селфи-акций с участием популярных артистов, спортсменов и т. п. для поддержки направления в социальных сетях.

Особое значение при оказании медицинской помощи пострадавшим в ДТП приобретает своевременность и качество оказания первой помощи. Широко известное правило «золотого часа» гласит, что если пострадавшим с угрожающими жизни повреждениями помощь не будет оказана в течение первого часа, то у них практически нет шансов выжить; если помощь оказывают в течение первых 18 минут — выживают около 15 % пострадавших, а в течение первых 9 минут — 90 %. Статистика также свидетельствует, что при не опасных для жизни травмах среди лиц, получивших первую помощь в течение первых 30 минут, осложнения возникают в 2 раза реже [4].

Все это свидетельствует о важности как можно более раннего и полноценного оказания медицинской помощи пострадавшим. Однако первое время после ДТП они остаются предоставленными сами себе (фаза «временной изоляции»), и проблема выживания решается путем оказания помощи участниками и очевидцами происшествия, и самопомощи. К таким действиям большинство населения, как правило, оказывается не готово [4; 5].

Решение об оказании экстренной медицинской помощи гражданскому населению военными врачами в армейских госпиталях, в том числе, касалось

Для оказания медицинской помощи людям, серьезно пострадавшим в ДТП и нуждающимся в срочной операции, было принято решение об эффективности оказания им экстренной медицинской помощи врачами армейских госпиталей. Поскольку высокотехнологичные медицинские лечебные организации находятся, в основном, в г. Москва, одним из первых

новую медицинскую практику освоил Центральный военный клинический госпиталь (ЦВКГ) имени А. А. Вишневого, расположенный в г. Красногорск Московской области. Это современное многопрофильное лечебное учреждение расположено вблизи от трех федеральных автодорог — Ленинградского, Рижского, Минского шоссе, где нередко случаются крупные ДТП. Для того чтобы спасти пострадавших в ДТП, они доставляются в медучреждение вертолетами, под эту задачу на территории госпиталя создана вертолетная площадка.

Госпиталь является федеральным бюджетным учреждением, работает в системе добровольного и обязательного медицинского страхования, и платных медицинских услуг, поэтому нет препятствий для оказания помощи гражданскому населению. Кроме того, травмы, полученные в ДТП, схожи по своему механизму с боевыми. Госпиталь очень удобно расположен с точки зрения свободы воздушного сообщения.

В 2016 г. организовано взаимодействие Госавтоинспекции Московской области и ЦВКГ им. А. А. Вишневого МО РФ для оказания высокотехнологичной медицинской помощи людям, тяжело пострадавшим в результате ДТП.

Информация о дорожно-транспортных происшествиях концентрируется в единой базе «103». В зависимости от сложности ситуации на место происшествия выезжает бригада СМП или бригада территориального центра Медицины катастроф. В составе центра работают 18 бригад на специализированных реанимобилях и 2 легких вертолета «Ансат». Транспортировка вертолетом позволяет оказать пострадавшему медицинскую помощь в так называемый «золотой час». Если человек оперативно попадает в больницу, то снижается вероятность летального исхода и риск осложнений после полученных травм.

За время участия медицинских работников ЦВКГ им. А. А. Вишневого в оказании медицинской помощи пострадавшим в ДТП были спасены жизни более 1 тыс. человек, пострадавших в ДТП на территории Подмосковья.

Также организована эвакуация тяжело пострадавших в ДТП детей в специализированные детские травмоцентры г. Москва.

Закключение. Представленный положительный опыт Госавтоинспекции Московской области по профилактике БДД позволил сделать основные выводы о необходимых условиях достижения эффективности:

1) применение системного подхода к пониманию причин такого социально-экономического явления как дорожно-транспортная аварийность, использование имитационного моделирования, формирование на ее основе профилактических мер, и определение их прогнозной эффективности;

2) скоординированная деятельность всех министерств и ведомств региона по практической реализации сформированных профилактических мероприятий.

Профилактика дорожно-транспортной аварийности при соблюдении этих необходимых условий [1; 3] по-

зволит достичь значительного снижения показателей аварийности на улично-дорожной сети региона России.

Список источников

1. ДТП на территории Московской области за 2010–2020 гг., статистические данные. М. : УГИБДД ГУ МВД России по Московской области, 2010–2020.
2. Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М. Математическое моделирование как основа разработки программ мероприятий по повышению безопасности движения на улично-дорожной сети // Безопасность дорожного движения : сборник научных трудов ФКУ «НЦ БДД МВД России». Выпуск № 18, 2019. С. 110–114.
3. Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М. Адекватность применения методики математического моделирования в целях разработки программ, направленных на повышение уровня безопасности движения на региональных автодорогах на территории Московской области // «Вестник Воронежского института МВД России». Выпуск № 4, 2018. С. 64–70.
4. Нечитаева Н. Н. Первая помощь. М. : Мир книги, 2006. 320 с.
5. Стародубов В. И., Михайлова Ю. В., Иванова А. Е. Проблемы российской смертности, ее последствия и приоритетные направления действий // В кн. : Научные труды Всероссийской

науч.-практ. конф. 30–31 мая 2006 года. М. : РИО ЦНИИОИЗ; 2006. С. 4–41.

References

1. Traffic accidents in the Moscow region for 2010–2020, statistical data. M. : UGIBDD of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moscow Region, 2010–2020.
2. Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. Mathematical modeling as a basis for developing programs of measures to improve traffic safety on the road network // Road safety: collection of scientific papers of the FKU «NTs BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia». Issue № 18, 2019. P. 110–114.
3. Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. The adequacy of the application of the mathematical modeling methodology in order to develop programs aimed at improving the level of traffic safety on regional roads in the Moscow region // «Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia». Issue № 4, 2018. P. 64–70.
4. Nechitaeva N. N. First aid. M. : Mir knigi, 2006. 320 p.
5. Starodubov V. I., Mikhailova Yu. V., Ivanova A. E. Problems of Russian mortality, its consequences and priority areas of action // In the book : Scientific works of the All-Russian scientific and practical. conf. May 30–31, 2006. Moscow : RIO TsNIIOIZ; 2006. P. 4–41.

Информация об авторах

В. В. Кузнецов — Заместитель начальника полиции – Начальник Управления Государственной Инспекции безопасности дорожного движения ГУ МВД России по Московской области;

Д. С. Горбатенко — старший научный сотрудник кафедры «Системный анализ и управление» Московского авиационного института (национального исследовательского университета);

О. М. Порташников — заместитель начальника Центра специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России.

Information about the authors

V. V. Kuznetsov — Deputy Head of Police – Head of the State Inspectorate Road Safety General Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow Region;

D. S. Gorbatenko — Senior Researcher of the Department «System Analysis and Management» of the Moscow Aviation Institute (National Research University);

O. M. Portashnikov — Deputy Head of the Special Purpose Center in the field of road safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-107-109>

НИОН: 2003-0059-2/23-621

MOSURED: 77/27-003-2023-02-820

Неприкосновенность частной жизни (международно-правовой аспект)

Илья Сергеевич Кузнецов¹, Андрей Валерьевич Поглазов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ maxbekele@gmail.com

² poglazov.andrey@yandex.ru

Научный руководитель: начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **С. О. Харламов**

Аннотация. Права человека лежат в основе конституционного строя современного государства, не только определяя отношения между личностью, группами и государством, но и пронизывая государственные структуры, а также процессы принятия решений и надзора. Как следствие, в основном законе Российской Федерации — Конституции, вторая глава посвящена правам и свободам человека и гражданина. В то же время существуют пробелы в реализации прав человека на национальном уровне, будь то индивидуальных или, в соответствующих случаях, коллективных прав, которым часто способствуют процессы информатизации и глобализации общества, влияющие на применение норм конституционного права.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, принципы, национальное право, международное право, источники права

Для цитирования: Кузнецов И. С., Поглазов А. В. Неприкосновенность частной жизни (международно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 107–109. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-107-109>.

Original article

Constitutional right to privacy (international legal aspect)

Ilya S. Kuznetsov¹, Andrey V. Poglazov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ maxbekele@gmail.com

² poglazov.andrey@yandex.ru

Scientific supervisor: Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **S. O. Kharlamov**

Abstract. Human rights underlie the constitutional order of the modern state, not only defining the relationship between the individual, groups and the state, but also penetrating state structures, as well as decision-making and oversight processes. As a result, in the fundamental law of the Russian Federation — the Constitution, the second chapter is devoted to the rights and freedoms of man and citizen. At the same time, there are gaps in the implementation of human rights at the national level, whether individual or, in appropriate cases, collective rights, which are often facilitated by the processes of informatization and globalization of society, affecting the application of constitutional law.

Keywords: privacy, principles, national law, international law, sources of law

For citation: Kuznetsov I. S., Poglazov A. V. Constitutional right to privacy (international legal aspect). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):107–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-107-109>.

© Кузнецов И. С., Поглазов А. В., 2023

Актуальность. Связь между правами человека и демократическим конституционным порядком начинается с процесса, предшествующего принятию конституции или конституционной реформе. Такой процесс обещает успешные результаты, если он основан на широком участии всех слоев общества. Участники должны иметь возможность свободно излагать свои взгляды и общаться друг с другом без препятствий со стороны органов власти. Важно, чтобы мнения и взгляды граждан учитывались в рамках четких процедур, при условии, что лица, ответственные за надзор за процессом, являются справедливыми и беспристрастными. Такие условия могут быть созданы только при соблюдении стандартов реализации и обеспечения личных прав граждан, среди которых в данной статье мы выделяем конституционное право на неприкосновенность частной жизни.

В настоящее время в Российской Федерации право на неприкосновенность частной жизни закреплено в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ. Государство гарантирует гражданам возможность контролировать личную информацию и не допускать её распространения [1].

Неприкосновенность частной жизни — это ограниченное, фундаментальное право человека. В эпоху информатизации частная жизнь и технологии формируют и формируют друг друга, и, следовательно, механизмы защиты конфиденциальности не будут работать, если они не будут разработаны с учетом технологического развития. Этот контекст расширяет тривиальное объяснение сути права на неприкосновенность частной жизни, чтобы охватить больше сложностей, связанных с неприкосновенностью частной жизни и связанными с ней экономическими, социальными, политическими, психологическими и юридическими проблемами. Как правило, конфиденциальность относится к состоянию или моральному требованию по отношению к другим, требующим воздержания от выполнения определенных действий.

Углубляясь в формирование определения «неприкосновенность», отметим, что это широкое понятие. Таким образом, на протяжении веков ученые из разных дисциплин стремились по-разному определять частную жизнь. Среди всех определений, вероятно, самое простое и наиболее обсуждаемое юридическое определение частной жизни — это «право на то, чтобы его не трогали». Можно утверждать, что в цифровую эпоху это типичное определение конфиденциальности не может обеспечить желаемую защиту, если оно не связано с контролем над информацией. Следовательно, многие другие авторы использовали для определения конфиденциальности термины управления информацией.

В настоящее время технологический прогресс тесно связан с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни. Необходимость в обеспечении и защите данного права сейчас особенно очевидна. Исходя из чего, конституционное закрепление права на неприкосновенность частной жизни является инструментом защиты гражданина от вмешательства в

его личную жизнь извне. В национальном и международном праве существуют принципы, на которых базируются механизмы защиты тайны частной жизни, среди которых можно выделить: (1) принцип законности и справедливости; (2) принцип недискриминации; (3) принцип безопасности; (4) принцип конфиденциальности.

Современное представление о неприкосновенности частной жизни можно резюмировать следующими категориями: 1) право на неприкосновенность частной жизни как право индивида на свою собственную жизнь, на действия в отношении самого себя; данное право напрямую связано с индивидуальностью конкретного человека, а следовательно, и с защитой от вмешательства со стороны всех субъектов права; 2) право на неприкосновенность частной жизни как самостоятельное право, предполагающее недопустимость вмешательства в частную жизнь лица со стороны государства, организаций, юридических и физических лиц; 3) право на неприкосновенность частной жизни как право, смежное с другими правами, а именно: с правом на неприкосновенность семейной жизни, правом на неприкосновенность жилища, правом на неприкосновенность корреспонденции [3].

Право на неприкосновенность частной жизни сформулировано во всех основных международных и региональных документах по правам человека и отвечает упомянутым выше принципам. Исходя из чего, можно выделить следующие международные правовые акты:

1. Декларация прав человека Организации Объединенных Наций (ВДПЧ) 1948 г., статья 12. Отметим, что Всеобщая декларация прав человека является первым документом ООН, в котором неприкосновенность частной жизни признается одним из важнейших прав человека, хотя впоследствии это право было признано многими другими международными, региональными и национальными правовыми документами, и документами по правам человека. Можно утверждать, что благодаря ВДПЧ «право на неприкосновенность частной жизни» стало международным правом человека еще до того, как оно было конституционно признано основным правом. Чтобы признать неприкосновенность частной жизни одним из прав человека, статья 12 ВДПЧ сформулирована следующим образом: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его частную жизнь, семью, жилище или переписку, а также посягательствам на его честь и репутацию. Каждый имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательств» [2].

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) 1966 г., статья 17, разъясняются такие понятия, как «произвольное вмешательство», «семья», «дом» и «переписка». Общий комментарий проливает свет на то, как МПГПП должен интерпретировать право на неприкосновенность частной жизни в рамках международного права. В приложении также разъясняется, что в соответствии со статьей 17 МПГПП право на неприкосновенность

частной жизни не является абсолютным. Помимо Общего комментария, Европейская конвенция о правах человека и Всеобщая декларация прав человека ограничивают объем защиты, признавая противоречащие друг другу интересы, которым должно уступать право на неприкосновенность частной жизни.

3. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, 1990 г.

Следующей инициативой ООН стало принятие Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, 1990 г., которая направлена на защиту различных прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, в том числе права на неприкосновенность частной жизни. Что касается защиты частной жизни, этот документ содержит те же формулировки, что и ВДПЧ, МПГПП и КПР.

4. Руководящие принципы защиты конфиденциальности и трансграничных потоков персональных данных, 1980 г. (Руководящие принципы ОЭСР в отношении конфиденциальности). В 1970-х годах предполагалось, что безопасность данных, обеспечиваемая национальными режимами, может быть обойдена трансграничной обработкой данных. Эта базовая реальность требовала разработки и согласования определенных принципов, правил или руководств на международном уровне. В конце концов, две международные организации, такие как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Совет Европы (СЕ), попытались сформулировать руководящие принципы защиты конфиденциальности и гармонизированные стандарты защиты данных. 23 сентября 1980 года Совет ОЭСР официально ратифицировал Руководство по защите конфиденциальности и трансграничных потоков персональных данных.

Таким образом, национальное и международное право единогласно признают неприкосновенность частной жизни важным аспектом человеческого достоинства. Необходимость обеспечения надлежащей защиты усугубляется развитием новых технологий,

которые облегчают вторжение и вмешательство в частную жизнь человека. Чтобы определить влияние новых технологий на право на неприкосновенность частной жизни и найти адекватные решения, контекстуальный анализ потенциальных нарушений, которые облегчает технология, и ресурсы, доступные для защиты, имеют важное значение. Такой анализ требует, во-первых, изучения того, как технический прогресс изменил поведение людей и повлиял на общество в целом в отношении конфиденциальности, а затем поиска адекватных решений для решения проблем конфиденциальности таким образом, чтобы использовать преимущества технического прогресса, уравнивая индивидуальные интересы и право на неприкосновенность частной жизни.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).
3. Гаджилиева Н. Ш. К вопросу о содержании конституционного права на неприкосновенность частной жизни // Государственная служба и кадры. 2021. № 5.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020).
2. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948).
3. Gadzhilieva N. Sh. To the question of the content of the constitutional right to inviolability of private property // State Service of Life and Personnel. 2021. № 5.

Информация об авторах

И. С. Кузнецов — адъюнкт 3-го года обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А. В. Поглазов — адъюнкт 3-го года обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. S. Kuznetsov — Adjunct of the 3rd year of study of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

A. V. Poglazov — Adjunct of the 3rd year of study of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.02.2023. The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-110-115>

НИОН: 2003-0059-2/23-622

MOSURED: 77/27-003-2023-02-821

Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности

Александр Викторович Куликов¹, Ольга Алексеевна Шелег²

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, bmw0052@rambler.ru

² Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, lili405@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию личности террориста как элемента криминалистической характеристики преступлений террористической направленности.

Отмечается, что личность преступника, совершающего преступления террористической направленности, отличается сложной структурой и выделением различных типов и подтипов, в связи с чем, рассматриваются проблемы, касающиеся пределов изучения такой личности, какие конкретные характеристики и показатели необходимо включать в данное понятие. Особое внимание уделено освещению вопросов необходимого перечня сведений о личности преступника-террориста, обеспечивающих эффективное расследование преступлений такого вида.

Предлагается классификация террористов по стойкости осуществления ими террористической деятельности, а также направленности их мотивации.

Отмечается, что знание и применение элементов криминалистической характеристики личности террориста способствует оперативному раскрытию совершаемых ими преступлений, а также качественному расследованию в полном объеме.

Ключевые слова: личность преступника, террорист, криминалистическая характеристика личности террориста, классификация террористов, террористические организации, эффективное раскрытие и расследование преступлений террористической направленности

Для цитирования: Куликов А. В., Шелег О. А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 110–115. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-110-115>.

Original article

The identity of the criminal as an element of the criminalistic characteristics of terrorist crimes

Alexander V. Kulikov¹, Olga A. Sheleg²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, bmw0052@rambler.ru

² Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia, lili405@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the identity of a terrorist as an element of the criminalistic characteristics of terrorist crimes.

It is noted that the personality of a criminal who commits crimes of a terrorist orientation is characterized by a complex structure and the allocation of various types and subtypes, in connection with which, problems concerning the limits of studying such a person, what specific characteristics and indicators should be included in this concept are considered. Special attention is paid to highlighting the issues of the necessary list of information about the identity of the criminal-terrorist, ensuring an effective investigation of crimes of this type.

The article proposes a classification of terrorists according to the persistence of their terrorist activities, as well as the direction of their motivation.

© Куликов А. В., Шелег О. А., 2023

It is noted that the knowledge and application of elements of the criminalistic characteristics of the terrorist's personality contributes to the prompt disclosure of the crimes committed by them, as well as to a full qualitative investigation.

Keywords: criminal personality, terrorist, criminalistic characteristics of the terrorist personality, classification of terrorists, terrorist organizations, effective disclosure and investigation of terrorist crimes

For citation: Kulikov A. V., Sheleg O. A. The identity of the criminal as an element of the criminalistic characteristics of terrorist crimes. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(2):110–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-110-115>.

В теории криминалистики понятие личности преступника как обязательный элемент структурно входит в криминалистическую характеристику совершаемых преступлений. При этом важно отметить, что помимо криминалистики личность преступника как базовый элемент характеристики преступлений рассматривают и исследуют другие юридические науки, такие как криминология и уголовное право. Однако, изучая, на первый взгляд, одинаковые элементы характеристики, каждая из наук подходит к личности преступника со своих позиций, не повторяя друг друга, а расширяя масштаб и ценность подобных исследований. Каждая из наук, рассматривая личность преступника под своим углом зрения, выделяет свои специфические черты, необходимые именно в рамках исследования данной науки. Так, уголовно-правовая наука рассматривает личность преступника с точки зрения надлежащего субъекта преступления, устанавливая все признаки данного элемента состава преступления, а именно возраст, вменяемость и др. Отметим, что для привлечения к уголовной ответственности не столь важно внутреннее познание личности преступника, необходима формальная констатация факта наличия или отсутствия у лица обязательных признаков субъекта для вменения конкретного состава преступления. Криминология уже рассматривает психологическую составляющую личности преступника, его мотивацию, целеполагание, которые в совокупности привели лицо к совершению преступления. Познание криминологической характеристики личности преступника имеет важное методологическое значение для предупреждения преступлений, в том числе для принятия мер индивидуальной профилактики, что не всегда учитывается в деятельности правоохранительных органов.

Криминалистика как наука подходит к изучению личности преступника более предметно, именно с практической стороны данного вопроса, когда уже преступление совершено. В случае совершения преступления определенного вида криминалистами интересуется основной вопрос — как установить по типичным характеристикам, методикам, способу совершения и изъятых следам с места преступления вероятного преступника [1, с. 35]. Иными словами, располагая типичными характеристиками личности преступника применительно к виду преступления, криминалистика дает возможность установить с опре-

деленной вероятностью причастное к преступлению лицо, организовать качественное и эффективное расследование, осуществить розыск преступника.

Личность преступника в понимании как базового элемента криминалистической характеристики преступлений может иметь сложную структуру, выражающуюся в наличии множества структурных частей (подэлементов), отражающих специфику определенного вида преступлений, через призму изучения которых можно получить конкретное представление о личности преступника. Среди ученых-криминалистов существуют разногласия по вопросам, каковы пределы изучения личности преступника, какие конкретные характеристики и показатели необходимо включать в изучение данного элемента криминалистической характеристики, а какие необходимо выносить за рамки такого изучения, в том числе и по преступлениям террористической направленности. Как известно, при изучении личности любого преступника необходимо произвести стандартный сбор информации о подозреваемом лице, его установочные данные и образ жизни [2, с. 135]. Это общее правило недопустимо применительно к совершению преступлений террористической направленности. Поскольку личность преступника изучается в связи с фактом совершения тяжкого, особо тяжкого деяния, постольку не может быть оставлено вне внимания все прошлое подозреваемого лица, начиная с момента рождения, включая его поведение не только с точки зрения антиобщественных проступков, но и его увлечений, а также нахождение и воспитание в определенной среде. Это позволяет выявить наличие (или отсутствие) определенных убеждений личности и судить о случайности или обусловленности (детерминированности) совершения акта терроризма. Важную сторону исследования личности и его характеристики будут составлять ее психологические качества: наклонности, убеждения, воля, темперамент, эмоциональные свойства, накладывающие отпечаток на криминальную деятельность личности и имеющие непосредственное значение, в том числе при решении следственно-тактических задач. «Психические явления, — отмечал С. Л. Рубинштейн, — органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности» [3, с. 311]. Поскольку к уголовной ответственности привлекается всегда конкретное лицо,

необходимы конкретные знания о темпераменте, эмоционально-волевых и других психологических качествах, даже отличиях конкретного человека, способного совершить такое общественно опасное деяние.

Говоря о преступнике-террористе, нам необходимо отметить один важный аргумент. В отличие от большинства иных видов преступлений, даже приближенных к преступлениям террористической направленности по степени тяжести, для определения личности преступника-террориста необходима более конкретная типологизация лиц с включением всех параметров познания. Данный аргумент обосновывается, прежде всего, групповым характером совершения такого вида преступлений. Не секрет, что непосредственному совершению преступлений террористической направленности предшествует процесс сложной подготовки, зачастую, невозможный при участии лишь одного человека. Так, подготовка совершившей 13 ноября текущего года террористический акт в Стамбуле гражданки Сирии Ахлам Альбашир проходила под контролем Рабочей партии Курдистана (РПК) и инструкторов из США. Число задержанных на причастность к теракту возросло до 50 чел., что официально заявлено властями Турции» [4]. Более того, на сегодняшний день в мире существует множество законспирированных преступных организаций, проповедующих терроризм в качестве основного вида деятельности. Подобные организации запрещены на территории множества государств, в том числе и в Российской Федерации. Террористические организации имеют ряд характерных признаков, а именно сплоченность, вооруженность, иерархичную структуру, наличие большого количества более мелких ячеек, групп и формирований, длительность существования, высокий уровень конспирации, наличие политических коррумпированных связей, развитой материально-технической базы. Кроме того, обладают наличием большого числа сторонников, их деятельность носит международный характер, включая наличие разветвленной сети вербовочных пунктов. Данные структуры отличаются наличием своей собственной идеологии, как правило, религиозного характера, проповедую насилие и жестокость по отношению к «неверным». И эти организации готовят именно террористов, готовых на многое, в том числе на самопожертвование.

Террористов необходимо разделить на различные группы по определенным критериям (основаниям), классифицируя их по стойкости осуществления террористической деятельности, а также преступной направленности их мотивации:

- террористы-идеологи как лица, главным мотивом у которых является идеология, которая будет присуща только той или определенной радикальной группе. Их также можно разделить на религиозных, национальных, политических и других, в зависимости от убеждений, взглядов, убеждений, по степени доходящих

до фанатизма;

- профессиональные террористы, как лица, не имеющие четкой идеологии, главной целью которых является дестабилизация нормальных процессов жизнедеятельности за денежное вознаграждение. Как наемники, они грамотные, расчетливые, дисциплинированные, умеющие четко, верно формулировать и ставить перед собой задачи, правильное выполнение которых принесет им материальный доход;
- меркантильные террористы, как лица, преследующие цель получить разовую крупную имущественную выгоду, в виду выполнения ими тех или иных террористических действий;
- смертники-шахиды, как лица становящимися фанатиками, подверженные идеологической обработке и влиянию, которые пренебрегают собственной жизнью ввиду своих религиозных и социальных установок. На сегодняшний день, чаще всего террористов-смертников представляют женщины, поскольку имеют слабо выраженный характер на фоне мужчины-террориста. Примечательно, но существует кредо террористических организаций, после совершения террористического акта денежную компенсацию обязательно получают родственники умершего террориста;
- террористы-поджигатели, как лица, главная цель которых является привлечение к себе внимания со стороны общественных деятелей, органов власти и управления путём осуществления теракта;
- террористы-шантажисты, как лица, которые стремятся получить как известность, так и материальную выгоду в виде необходимого блага, путем захвата и удержания заложников;
- насильственные террористы, как лица, совершая преступления террористической направленности, прибегают к насильственным действиям различного характера, благодаря которым у них происходит удовлетворение собственного эго «Я»;
- террористы-манипуляторы, как лица, которые в ходе реализации своих преступных действий стараются превознестись на фоне других путем манипуляций, привлечения внимания, а также получить желаемое благо;
- апокалипсические террористы, как лица, считающие себя посланниками Бога. Действуют в отношении тех лиц, кого считают воплощением зла, противниками, на кого возлагают вину за свои страдания и разочарования.

В зависимости от определенного стиля поведения, индивидуальной мотивации и нравственно-психологических наклонностей можно выделить определенные типы личностей террористов, возможно и лиц, предрасположенных к терроризму:

- «миссионеры-фанатики» своего преступного дела, мысли и идеи которых ведут на любые радикальные меры и действия, они не задумываются о дальнейших последствиях для общества и государства;
- «мстители» как лица, которые выступают против унижения, ущемления и неприязни к своей нации, этносу, вере. Среди данной группы много подростков и женщин, которые выступают в защиту самих себя, а также своих родных и близких в силу оказываемого влияния и заблуждений;
- «лидеры-повелители» — как наиболее влиятельные и стойкие участники, руководители террористических организаций, групп-ячеек, стремящиеся занимать лидирующие позиции, изменять те или иные правила и привносить их в общество посредством террористической деятельности;
- «сценаристы-режиссеры» — тип теневого террориста, который схож с типом «фанатик», но имеющий перед собой цель грамотно и верно спланировать террористическую деятельность, не участвуя лично;
- «технари-специалисты» — тип террориста, часто используемые в темную, основной целью которых является не только техническое сопровождение террористического акта, но и причинение человеческих жертв и значительного ущерба, что не всегда учитывается в работе правоохранительных органов.

В свою очередь, преступные организации террористической направленности, представляя собой совокупность согласованно действующих в данной сфере и на определенной территории организованные преступные группы-ячейки, совершающих акты терроризма, прямо или косвенно содействующих реализации таких актов (или их эпизодов) бескорыстно либо за определенную долю материального вознаграждения или по иным мотивам [5, с. 963], также имеют свою типологию. Важно при этом учитывать структуру, иерархичный характер такой организации и наличие видов, так называемых преступных должностей. То есть, в данном случае из иерархии такой преступной организации (сообщества) следует выделять различные роли специализации участников, совершающих преступления террористической направленности. При этом наиболее значимыми с точки зрения исследования криминалистической характеристики помимо самих исполнителей являются лица, осуществляющие организационно-контрольные функции: идейные руководители, организаторы, бригадиры, старшие.

Основная задача исполнителей-боевиков — это непосредственное совершение террористического акта. В подготовке и совершении террористических действий чаще участвуют лица в возрасте 25–35 лет, имеющие хорошую физическую подготовку, в том

числе прошедшие обучение в лагерях по подготовке террористов (95 %) [6, с. 34]. Если говорить о чертах характера или психологических свойствах личности таких преступников, то это должны быть лица весьма агрессивные, пренебрежительно относящиеся не только к закону, но и к нормам общечеловеческой морали и нравственности. Их отличает стремление противопоставить себя обществу любым путем. Велика вероятность совершения ими в прошлом правонарушений и преступлений корыстно-насильственной направленности (убийства, вымогательства, бандитизм и т. д.). Отдельной категорией исполнителей преступлений террористической направленности, как мы уже указывали, выступают террористы-смертники. В качестве таковых, как правило, выступают женщины (65 %), из них: в возрасте 18–27 — 93 %, в возрасте до 50 — 7 %, или мужчины 20–25 лет [6, с. 34]. Террористы-смертники, это, как правило, малообразованные люди, подверженные психическому и религиозному влиянию, вербующиеся из малоимущих слоев населения, у которых погибли родственники, нет средств к существованию, не было цели в жизни (81 %).

Более высокую категорию преступников, участвующих лично в подготовке и совершении террористических актов, составляют лица, имеющие среднее или высшее образование, однако их участие больше продиктовано религиозными убеждениями (15 %) или корыстными побуждениями (44 %) [7, с. 21]. Часто в террористических актах принимают участие наемники из ближнего и дальнего зарубежья, прошедшие специальную подготовку в различных лагерях подготовки террористов, которые идут на совершение терактов ради обогащения (55 % из числа всех членов террористических организаций, действующих на территории Российской Федерации) [8, с. 12].

Задача непосредственно старших групп, бригадиров заключается в обеспечении реализации решений руководителей террористической организации, в контроле за деятельностью исполнителей, заменяя их, а также осуществлении посреднических полномочий, в том числе хранение и распоряжение материальными и финансовыми средствами, используемых для подготовки и проведения террористических акций. В террористической группе-ячейке зачастую функции руководства и организационно-контрольные исполняет одно лицо — бригадир, он же непосредственно руководит группами исполнителей (боевиков) в ходе совершения преступлений [6, с. 37]. Бригадиры помимо самих руководителей могут выполнять функции по вербовке новых сторонников террористических организаций. В большинстве случаев бригадиры разделяют убеждения той террористической организации, в которой реализуют свою преступную деятельность, являясь, даже в некотором роде фанатиками. Однако встречаются случаи и наемной работы бригадиров, исполнения ими своей деятельности за денежное вознаграждение, получаемое ими как на постоянной ос-

нове (наподобие зарплаты), так и на разовой (за совершение конкретных действий — организацию теракта, вербовка новых сторонников).

Идеологи, руководители террористических организаций, как правило, наиболее авторитетные среди участников подобных организаций лица. При этом свой авторитет они зарабатывают сначала непосредственным совершением преступлений общеуголовной направленности, переходя затем непосредственно к террористической деятельности. Данные лица, как правило, участвовали в вооруженных конфликтах и столкновениях, имеют богатый военный опыт. У данной категории хорошо развиты ораторские умения, они умеют убеждать и увлечь за собой неустойчивых лиц. Данные лица, помимо преступных целей, также добиваются известности как террористы. Их имена на слуху у мирового сообщества. Возраст подобных лиц, как правило, превышает 40 лет. Они жестоки в своих действиях, в качестве основных мотивов руководствуются низменным спектром желаний и побуждений. Это может быть корысть, религиозные верования, месть, желание влиять на политическую ситуацию в регионе или мире, зачастую фанатичны, чем представляют повышенную общественную опасность.

Таким образом, мы можем констатировать, что в свете последних событий, происходящих в современной России, есть необходимость в систематизации данных о личности террориста. Данная информация играет одну из важнейших ролей при определении личности преступника как основного элемента криминалистической характеристики. Личность преступника, совершающего преступления террористической направленности, отличается сложной структурой и наличием большего числа различных типов и подтипов, чем отличается от других видов уголовно-наказуемых деяний. Конкретный вид и тип террориста, а соответственно и степень общественной опасности такой личности определяется в рамках криминалистической характеристики окончательно в зависимости от того, какую роль и ступень занимал в иерархии преступной организации.

Список источников

1. Кряжев В. С. Взгляд на проблему борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий // Российский следователь. 2016. № 2.
2. Ведерников Н. Т. О проблеме предела изучения личности преступника в криминалистике // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 385.
3. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М. : Издательство АН СССР. 1957.
4. МВД Турции : указание о теракте в Стамбуле было получено из сирийского Манбиджа. <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/18/19065265.shtml> (дата обращения: 20.11.2022).

5. Влезько Д. А., Зуева К. С. Криминалистическая характеристика терроризма // Научный журнал КубГАУ — Scientific Journal of KubSAU. 2016. № 118.
6. Кряжев В. С. Данные о личности преступника, как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // материалы Международной научно-практической конференции. ФГБОУ-ВО «Российский государственный университет правосудия» Восточно-Сибирский филиал ; отв. ред. Д. А. Степаненко. Издательство: Восточно-Сибирский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2015.
7. Вассалатий Ж. В. Методика расследования преступлений террористического характера : автореф. диссертация. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
8. Васильев А. В. Оперативно-розыскная террология // Концепт. № 13. 2017.

References

1. Kryazhev V. S. A look at the problem of combating terrorism and extremism taking into account modern realities // Russian investigator. 2016. № 2.
2. Vedernikov N. T. On the problem of the limit of studying the personality of a criminal in criminalistics // Vestn. Volume. State University. 2014. № 385.
3. Rubinstein S. L. Being and consciousness. Moscow : Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1957.
4. The Ministry of Internal Affairs of Turkey : The instruction about the terrorist attack in Istanbul was received from the Syrian Embassy. <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/18/19065265.shtml> (accessed: 20.11.2022).
5. Vlezko D. A., Zueva K. S. Criminalistic characteristics of terrorism // Scientific Journal of KubGAU — Scientific Journal of KubSAU. 2016. № 118.
6. Kryazhev V. S. Data on the identity of a criminal as an element of the criminalistic characteristics of terrorist crimes // Materials of the International Scientific and Practical Conference. Federal State Educational Institution «Russian State University of Justice» East Siberian Branch ; ed. by D. A. Stepanenko. Publishing House: East Siberian Branch of the Federal State Educational Institution «Russian State University of Justice», 2015.
7. Vassalatiy Zh. V. Methods of investigation of crimes of a terrorist nature : abstract. dissertation. ... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2010.
8. Vasiliev A. V. Operational-investigative terrology // Concept № 13. 2017.

Информация об авторах

А. В. Куликов — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;

О. А. Шелег — доцент кафедры криминологии Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. V. Kulikov — Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

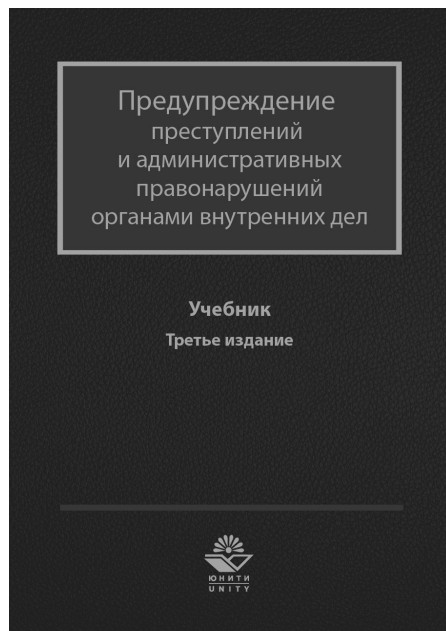
O. A. Sheleg — Associate Professor of the Department of Criminology of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-

транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-116-120>

НИОН: 2003-0059-2/23-623

MOSURED: 77/27-003-2023-02-822

Проблемно-ориентированный подход в стратегии патрулирования: опыт реформирования патрульной полиции в США

Павел Николаевич Курлович

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, kurlovitsch@mail.ru

Аннотация. Проблемно-ориентированная стратегия патрульно-постовой службы обусловлена изменяющимися социальными условиями, распространением клиентской парадигмы государственных услуг в трактовке деятельности государственных органов, формированием идеологии гражданского консюмеризма. Органы внутренних дел должны демонстрировать видимые результаты непосредственно на местах несения службы, а не просто цифры обобщенной статистики. Полицейский патруль является узловым элементом охраны общественного порядка в общественном месте.

Ключевые слова: полицейский патруль, проблемно-ориентированный подход, информационные технологии, системы поддержки принятия управленческого решения, административизация патрульной службы

Для цитирования: Курлович П. Н. Проблемно-ориентированный подход в стратегии патрулирования: опыт реформирования патрульной полиции в США // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 116–120. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-116-120>.

Original article

Problem-based approach to patrol strategy: patrol reform experience in the United States

Pavel N. Kurlovitsch

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, kurlovitsch@mail.ru

Abstract. The problem-oriented strategy of the patrol service is due to changing social conditions, the spread of the client paradigm of public services in the interpretation of the activities of state institutes, and civil consumerism. The internal affairs bodies should demonstrate visible results directly at the places of service, and not just figures of generalized statistics. The police patrol is a key element of public order in a public place.

Keywords: police patrol, problem-oriented approach, information technology, management decision support systems, administration of the patrol service

For citation: Kurlovitsch P. N. Problem-based approach to patrol strategy: patrol reform experience in the United States. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):116–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-116-120>.

В деятельности правоохранительных органов по охране общественного порядка важно выделить стратегии полицейского патрулирования, проанализировать происходящие трансформации подходов в полицейском патрулировании, связанные с новыми социальными условиями, с одной стороны, и внедрением новых технологий управления органами внутренних дел, с другой стороны.

Материалы и методы: была рассмотрена практика деятельности патрульно-постовой службы полиции США, использовались данные аналитических

справок органов государственной власти США и муниципальных органов, был осуществлен обзор статей и монографий, посвященных реформам полиции и управления правоохранительными органами США. Использовались сравнительные методы, метод анализа и эвристики.

Результаты исследования. Система обеспечения правопорядка и общественной безопасности должна выстраиваться на основе непосредственно находящемся в общественном месте патруле. Традиционный подход к организации патрулирования, когда наряды ока-

© Курлович П. Н., 2023

зываются встроенными в жесткую централизованную систему управления, с незначительными полномочиями самостоятельного маневрирования, невозможностью выйти за пределы административных процедур, должен смениться проблемно-ориентированным подходом с широкими полномочиями самостоятельного принятия решения непосредственно на месте патрулирования.

Обсуждение и заключение. Для общественности, рассматривающей присутствие патрульной полиции в общественных местах и оперативность в реагировании на правонарушения как определяющие факторы, удерживающие злоумышленников от противоправных деяний, кажется вполне очевидным допущение, что количественное увеличение патрулей необходимо для противодействия преступности. Однако с 70-х годов эта зависимость в криминологии перестает рассматриваться как аксиома. Именно в это время появляются важнейшие фундаментальные исследования, касающиеся теории и практики полицейского патруля. Работы Голдштейна, канзасский эксперимент с патрулированием, идеи патрулирования в центрах активности (hot-spot) [1].

Оценивая значимость опыта полиции США для правоохранительных органов России, следует всегда помнить о существенных правовых и организационных отличиях правоохранительных систем этих двух стран. Особенность положения полиции в системе правоохранительных органов США, смещение организационного центра полиции на уровень местного самоуправления обуславливает управленческую гибкость и значительный простор для отработки новых моделей охраны общественного порядка. Операционное освоение новых технологий, прежде всего информационных технологий, в моделях охраны общественного порядка, американской полицией осуществлялось со значительной помощью внешних экспертов из сферы коммерции, где высокие технологии традиционно интенсивнее отрабатываются в различных стартапах. Таким образом, мы можем рассматривать то, как влияют новые технологии, внедрение информационных систем на деятельность полиции США, в частности на стратегии патрулирования общественных мест в качестве полезного опыта для правоохранительных органов нашей страны, как отработку различных моделей охраны общественного порядка.

В 1970–1980-х годах в некоторых штатах США были проведены эксперименты с различными подходами к полицейскому патрулированию.

Традиционная стратегия патрулирования основывается на двух важнейших тезисах. Во-первых, видимое присутствие полиции в общественных местах предупреждает преступность, удерживая потенциальных злоумышленников от перехода к активному нарушению общественного порядка. Во-вторых, граждане и общественность чувствуют себя в большей безопасности, если рядом присутствует полиция, ослабляется

страх стать жертвой преступления.

Результаты экспериментов позволили сделать следующие выводы:

1. Патруль в жилом квартале является узловым элементом правоохранительной деятельности полиции, опорным сосредоточением сил обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

2. Сотрудники патруля несущие службу, обеспеченную всеми элементами управления — планированием, рациональной оценкой ситуации, оперативной информацией по месту, где осуществляется планирование, способны автономно, со значительной самостоятельностью осуществлять деятельность по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

3. Сотрудники патруля обладают исключительной возможностью на месте, со всей полнотой информации, правильно оценить ситуацию и разрешать проблему, предупреждать происшествие в будущем.

4. Непосредственные результаты, которые носят для граждан наглядный характер, та помощь, которую патруль оказывает обществу и людям здесь и сейчас, более значимы для людей и общественности, вызывает более позитивный отклик, чем положительная статистика обобщенных цифр работы полиции.

5. Усиление и повышение эффективности деятельности патрульной службы требует меньших затрат и являются менее ресурсоемкими процессами, которые зачастую сводятся к тактическим и организационно-методическим мерам.

Эти выводы подводят к идее о полицейском патруле как институализированном механизме социального контроля.

Эксперимент с превентивным патрулированием в Канзасе [2].

Этот эксперимент проводился в Полицейском департаменте Канзаса по гранту американского Национального института полиции.

Как правило, ответом на рост преступности, по мнению большинства специалистов, должен стать количественный рост числа патрулей. Расширенное присутствие полиции на улицах способствует уменьшению криминогенного элемента в общественных местах.

Однако, увлечение количественными мерами, экстенсивный подход не учитывает возможности, отрывающиеся с развитием науки и технологии. Три качественных прорыва в этой сфере — новые технологии наблюдения, передвижения и связи определяют появление новых методов патрулирования. Дальнейшее технологическое развитие приводит к появлению информационных технологий, технологий искусственного интеллекта, компьютеризированных систем оценки вероятностных событий, что не просто меняет методологию но также изменяет место, которое занимает патруль в системе сил и средств по охране общественного порядка.

В рамках эксперимента в трех районах были разработаны три разных подхода к осуществлению превентивного автопатрулирования. В первом районе использовался так называемый «реактивный» подход. Наряд входил в район только по сообщениям граждан, деятельности по предупреждению правонарушений не осуществлялось. Таким образом, в районе, где реализовывался реактивный подход существенно снижался эффект присутствия сотрудника полиции.

Во втором районе использовался проактивный подход, за счет увеличения количества нарядов эффект присутствия увеличивался от двух до трех раз, по сравнению с обычным автопатрулированием.

В третьем районе, который обозначался как контрольный, автопатрулирование осуществлялось на обычном уровне.

Анализ данных показал, что во всех трех районах не отмечалось значимых отличий в уровне преступности, в оценке гражданами эффективности деятельности полиции и автопатрулей, в степени опасений граждан стать жертвой преступления, в скорости реагирования полиции на сообщения о происшествиях и в целом в удовлетворенности граждан деятельностью полиции.

Такая слабая зависимость результата, который ожидает общество от количественных параметров деятельности полиции, но также слабая зависимость и от совершенствования регламентов и процедур рассматривается как следствие отказа от проблемно ориентированного подхода в практике охраны общественного порядка, противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности. Значительные усилия, направленные на упорядочение регламентов деятельности, оптимизацию организационной структуры позволили существенно снизить количество должностных преступлений, коррупционно-опасных деяний, нарушений служебной дисциплины. Это определяло прогресс в деятельности правоохранительных органов, формирование позитивного образа органов внутренних дел. Но на каком-то этапе этот процесс совершенствования деятельности полиции начал давать все меньший позитивный результат в конкретных результатах охраны общественного порядка, противодействия преступности и в отношении общества к полиции. Можно заметить, что прогресс в развитии практик правоохранительной деятельности остановился, не был совершен переход на следующий этап в совершенствовании органов внутренних дел. Убежденность, что можно так и дальше повышать результаты деятельности полиции только за счет внутреннего совершенствования, все большей формализации процедур, ориентирования на количественные показатели эффективность, кадровую работу, управление и организацию, привело к стагнации в результатах оперативно-служебной деятельности. Эта пробуксовка в показателях стала предметом исследовательского анализа и сформировала в ряде работ посвященных

деятельности полиции критическую реакцию на традиционные подходы. Применявшийся до сих пор подход к совершенствованию деятельности полиции, по мнению критиков, фактически сводится к своеобразному фетишизму процедурной эффективности, с малым вниманием к операционной деятельности. То, что в свое время позволило решить проблему дискреции, нарушения законности, коррупции и дисциплинарных проступков без необходимого перехода к следующему этапу совершенствования полиции фактически привело к тому, что органы внутренних дел стали увязать в бюрократической фиксации на процедурах и средствах в ущерб результату, ожидаемому обществом от правоохранительных органов. Административизация и бюрократизация затронула и каналы обратной связи органов внутренних дел с общественностью, взаимодействие полиции с гражданами стало бюрократически выхолащиваться. Так, в практике правоохранительных органов США, по мнению профессора права Университета Висконсина Германа Голдштейна, органы полиции «достигли плато, на котором для них высшей ценностью становится административная компетентность» [1].

По мнению Голдштейна, толчком к реконцептуализации патрульной полиции, осознанию необходимости новых реформ способствовали несколько факторов. Бюджетный кризис в муниципальных образованиях, к которым принадлежит полиция, обусловило требование муниципальных образований к полиции обеспечить демонстрируемые результаты работы. Изменения в общественном сознании, в правосознании распространение потребительского менталитета у общественности, своеобразный консьюмеристский подход также применительно и к деятельности органов публичной власти, когда от них требуют конкретную видимую пользу и потребительские услуги как результата конкретных бюджетных расходов на полицию, все это также обусловил реформаторский импульс.

Проблемно-ориентированный подход рассматривает полицию как универсальный институт профессионального решения социальных и поведенческих проблем. В деятельность полиции необходимо внедрять более систематические процедуры оценки и решения социальных проблем. Даже рядовой сотрудник полиции, осуществляющий патрулирование сталкивается с уникальными социальными ситуациями, требующими от него оценки, анализа, планирования и разрешения социальной проблемы. Каждое правонарушение, не смотря на схожесть юридической квалификации, должно рассматриваться индивидуально. Кроме того, каждое происшествие и правонарушение это комплексные социальные явления, которые даже будучи в пределах компетенции полиции, требуют взаимодействия с различными социальными институтами, государственными и муниципальными органами, общественными организациями, общественно-

стью и гражданами, коммерческими организациями. На смену патрулированию, рассчитанному на случайные происшествия, простой поисковой деятельности, должны были прийти планомерные виды деятельности, основанные на изучении социальных условий патрулируемого района во взаимодействии с указанными субъектами. Таким образом, эти два фактора социальных условий патрулирования — уникальность происшествия, требующая на месте оценки целого комплекса обстоятельств, и необходимость взаимодействия со множеством субъектов, образующих эти социальные условия, определяют необходимость, во-первых, применения инновационных тактик патрулирования, которые комбинируются нарядами, и, во-вторых, снятие жестких административных ограничений, накладываемых на сотрудника полиции регулятивными нормами подзаконных и локальных актов, приказами и распоряжениями руководителей. Следует изъять наряды патруля из нединамичной иерархической вертикали структуры оперативного управления.

Эти новые управленческие методологии образуют проблемно-ориентированный подход. В рамках него, органы внутренних дел трансформируются в гибкую открытую сетевую структуру, восприимчивую к социальной динамике и осуществляющую непрерывный процесс поиска, изучения, инновации [3]. Подобные разработки велись в военном деле, в совершенствовании тактических приемов деятельности военных подразделений в условиях боя, результатом чего стала концепция сетецентрических операций, и концепция сетецентрических решений в целях взаимодействия [7].

Проблемно-ориентированная деятельность полиции включала в себя ориентацию на полный охват анализом обстоятельств оперативной обстановки и в частности максимальный учет всей информации и непосредственной и косвенной, касающейся каждого конкретного происшествия. Современные информационные технологии позволяют осуществлять такой анализ не постфактум, а в реальном времени. В полиции США в 1970-х годах происходил переход к модели профессионализации видов деятельности. Это открыло двери для привлечения специалистов и экспертов из частной сферы и сферы бизнеса для решения вопросов связанных с повышением эффективности деятельности полиции, внедрением новых организационных методологий, методов управления [6]. Проблемно-ориентированный подход, подкрепленный методологией ориентированности на данные (big data, большие данные), анализ данных в реальном времени, статистический анализ закладывали основы проактивной деятельности полиции и нарядов патруля. Операционализация внешних экспертов, специалистов из негосударственных организаций способствовало отказу от использования только внутриведомственных информационных данных. Такие компьютеризированные системы количественного анализа информации

как COMPSTAT, CITISTAT, TrafficStat оперировали данными из разных не только внутриведомственных источников. Интегрированные базы данных демографии районов, муниципальных образований, коммерческих компаний повышало оперативный эффект статистики. Таким образом, реформы полиции, начатые в 1970-х годах, к 1990-м годам позволили подвести под деятельность полиции базу компьютеризации, геоинформационных систем и статистики. Развитие клиент-серверных технологий и внедрение персональных информационных устройств в деятельность патрульных групп позволило развить первоначальный замысел проблемно-ориентированной деятельности. Если сначала в основе замысла проблемно-ориентированной деятельности лежало тезис о необходимости расширения функции самостоятельного реагирования и принятия решения патрулем непосредственно на месте происшествия, использования собственной компетенции, то применение клиентских электронных устройств, связанных с централизованными информационными системами, дали возможность совместить автономность и самостоятельность нарядов с организационными ресурсами отделов полиции. Клиент-серверная технология открыло путь для внедрения комплексных программных систем поддержки принятия решения, в том числе нарядом полиции в локальных условиях, на месте происшествия. Выстраивание такой системы вокруг узлового элемента — наряда патруля способствовало расширению возможностей деятельности по предупреждению и пресечению происшествий и правонарушений [5].

Гибкая структура проблемно-ориентированной патрульно-постовой службы с автономными патрульными единицами может успешно справляться с задачами в условиях налаженного взаимодействия с различными социальными субъектами, с эффективным обеспечением информационными системами поддержки управленческих решений, геоинформационными системами и статистикой.

Таким образом, предлагается придать патрулям больше самостоятельности, выведя их из жесткой управленческой вертикали. Возможности действовать самостоятельно в большинстве случаев охраны общественного порядка должно быть обеспечено на нормативно-правовом уровне — расширением административных полномочий, на организационном уровне — формированием оптимального состава и структуры патрулей, на управленческом уровне — доступом в полевых условиях к информационным системам, географическим-информационным системам, базам данных и учетов, системам принятия управленческих решений, расширением горизонтальных управленческих связей минуя вышестоящие уровни дежурной части (руководителей строевых подразделений ППС и территориальных органов) с подразделениями органов внутренних дел, других правоохранительных органов, органов государственной власти

и муниципальных органов в рамках сетевых подходов.

Список источников / References

1. Goldstein, Herman. «Improving policing : A problem-oriented approach». *Crime & delinquency* 25.2 (1979): 236–258.
2. Kansas City Preventive Patrol Experiment, *Concise Dictionary of Crime and Justice*. SAGE Publications, Inc., 2002.
3. Katz, Wallace. «Democracy and the New Capitalism». *New Labor Forum*. Vol. 16. № 2. Sage Publications Ltd., 2007.
4. Koper, Christopher S. «Just enough police presence : Reducing crime and disorderly behavior by optimizing patrol time in crime hot spots». *Justice quarterly* 12.4 (1995): 649–672.
5. McCulloch, Jude, and Dean Wilson. *Pre-crime: Pre-emption, precaution and the future*. Routledge, 2017.
6. Weisburd, David, et al. «Reforming to preserve: Compstat and strategic problem solving in American policing». *Criminology & Public Policy* 2.3 (2003): 421–456.
7. Wilson, Clay. «Network centric operations: background and oversight issues for congress». *Library of Congress Washington DC Congressional Research Service*, 2007.

Информация об авторе

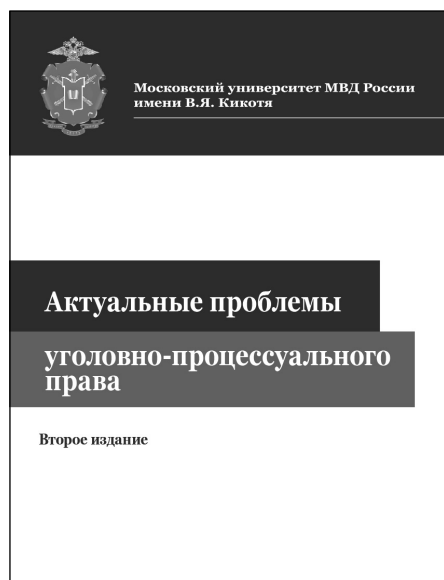
П. Н. Курлович — доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России, кандидат философских наук.

Information about the author

P. N. Kurlovitsch — Associate Professor of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Law Enforcement Agencies of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. 303 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр».

Цель пособия — вычлнить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 343.46

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-121-127>

НИОН: 2003-0059-2/23-624

MOSURED: 77/27-003-2023-02-823

Этика необходимой обороны

Александр Викторович Курсаев

Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, kursaev@list.ru

Аннотация. Представлена уголовно-правовая оценка этической составляющей в институте необходимой обороны. Исследуется взаимодействие уголовного права и нравственности. Анализируются различные теории об этических основах необходимой обороны. Сделан вывод о социально-правовых и этических причинах закрепления необходимой обороны в уголовном законе. Отмечается важная роль необходимой обороны в предупреждении преступлений. Указывается на отличие необходимой обороны от самообороны, саморасправы и иных тесно связанных с ними категорий.

Ключевые слова: необходимая оборона, уголовное право, этика, мораль, нравственность

Для цитирования: Курсаев А. В. Этика необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 121–127. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-121-127>.

Original article

Ethics of necessary defense

Aleksandr V. Kursayev

Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kursaev@list.ru

Abstract. This article is devoted to the criminal-legal assessment of the ethical component in the institute of necessary defense. Attention is drawn to the interaction of criminal law and morality. Various theories about the ethical foundations of necessary defense are analyzed. The conclusion is made about the socio-legal and ethical reasons for fixing the necessary defense in the criminal law. The important role of the necessary defense in the prevention of crimes is noted. It is indicated that the necessary defense differs from self-defense, self-defense and other closely related categories.

Keywords: necessary defense, criminal law, ethics, morality, morality

For citation: Kursayev A. V. Ethics of necessary defense. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):121–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-121-127>.

Этика представляет собой область знания, изучающую нравственность и мораль как особые социальные явления, критерии добра и зла, добродетелей и пороков. Для этики и права характерно взаимообуславливающее воздействие при сохранении относительной самостоятельности каждого из этих явлений. Этика и право представляют собой две важнейшие регулятивные системы социума. Эффективность действия правовых норм зависит, в том числе, и от того, насколько сильно в них проявляется этическая, нравственная составляющая. Особенно это важно для заступающих правовых норм.

В связи с этим категории этики или нравственности достаточно активно изучаются в праве в общетеоретическом аспекте [8; 12; 15; 24]. Однако и в уголовно-правовой науке получило развитие направление,

связанное с изучением взаимного влияния уголовно-правовых норм и этики. Подтверждением этому являются работы как общего плана [9; 14], так и научные труды, посвященные отдельным преступлениям [1; 21; 32] либо уголовно-правовым институтам [7; 19; 28; 31].

Уголовное право тесно связано с категориями этики, охраняя нравственные устои общества. Нравственность является одним из объектов защиты. Уголовное право также исторически сопровождает эволюцию представлений об этике в социуме. Анализ уголовного закона конкретного государства позволяет нам сделать выводы и о нравственной составляющей этого государства и этого общества.

Уголовное право оперирует категориями, получившими законодательное закрепление в УК РФ, и касающимися аморального поведения потерпевшего

© Курсаев А. В., 2023

(пункт «з» части 1 статьи 61), систематическое аморальное поведение потерпевшего (статьи 107 и 113), общественный долг (пункт «ж» части 1 статьи 61, пункт «б» части 2 статьи 105, пункт «а» части 2 статьи 111, пункт «б» части 2 статьи 112 и пункт «б» части 2 статьи 117), честь и достоинство (наименование главы 17), справедливость (статья 6).

К числу таких понятий, безусловно, относится и институт необходимой обороны.

Необходимая оборона является примером соприкосновения уголовно-правовой запретительной нормы и категорий этики. Необходимая оборона обозначает допустимые пределы применения насилия в обществе. Законодательно закрепленные пределы необходимой обороны определяют границы компромисса между запретом насилия в любых его формах и случаях, при которых такое насилие возможно.

Одним из основных направлений повышения эффективности института необходимой обороны является обеспечение его дальнейшего единства с этическими началами. Связь с нравственными ориентирами, доминирующими в обществе, важна для определения форм и методов борьбы с преступностью посредством использования средств самозащиты. Поэтому для науки уголовного права значимым является установление общих нравственных оснований такого конкретного уголовно-правового явления как необходимая оборона.

Под необходимой обороной в уголовном праве понимается правомерная защита от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда. Необходимая оборона позволяет дать уголовно-правовую интерпретацию нормам Конституции Российской Федерации (статьи 22, 23 и 25) о праве граждан свободу и личную неприкосновенность, а также неприкосновенность жилища. Как правильно отмечает С. В. Тасаков, необходимая оборона выступает в качестве сдерживающего фактора в отношении насильственной преступности [31, с. 81]. Причинение вреда, в том числе смерти, нападавшему в процессе необходимой обороны свидетельствуют об отсутствии деяния, которое имеет статус преступления. Ведь лишение жизни в этом случае ненаказуемо. Данный пример указывает на то, что преступление является явлением относительным, его границы могут изменяться во времени, а определение граней преступного и не преступного часто зависит от имеющегося в обществе компромисса, договоренности по этому вопросу.

Более того, в литературе отмечается, что хотя необходимая оборона является правом, а не правовой обязанностью граждан, «осуществление... людьми предоставленного им законом права необходимой обороны для защиты подвергнувшегося общественному опасному посягательству общественного или индивидуального интереса является их моральной обязанностью» [22, с. 10]. Отказ от реализации такого права может вызвать «моральное осуждение со стороны общества» [20, с. 45].

В таком случае вполне закономерным является вопрос о тех основаниях, в силу которых общество признает допустимым причинение вреда (вплоть до причинения смерти!) одним из своих членом другому индивиду.

Данный вопрос получил неоднозначную оценку в отечественной и зарубежной юридической литературе и воззрениях философов. А возможные ответы на него эволюционировали во времени.

В Древнем мире право необходимой обороны выводилось из естественного, присущего каждому индивиду чувства самосохранения. Основанием необходимой обороны по Цицерону признавался не писанный, а природный закон (*non scripta, sed nata lex*) [16, с. 224].

В Средние века необходимая оборона рассматривалась как обязанность, возлагаемая религией, а неисполнение ее — как большой грех.

Однако подлинное осмысления оснований необходимой обороны имело место уже в XIX–XX вв.

Одной из наиболее распространенных являлась теория о естественном, прирожденном праве человека обороняться от нападения, что и порождает необходимую оборону.

Так, А. Ф. Кистяковский отмечал, что «основание права необходимой обороны лежит в естественном, неотъемлемо принадлежащем человеку общем праве самозащиты и самообороны от всякого угрожающего его законному благосостоянию опасности, откуда бы она не происходила» [11, с. 375].

Данная теория была оспорена еще в дореволюционный период, когда отмечалось, что у человека нет в действительности ни одного прирожденного права, а все его права созданы государством [26, с. 265]. Об этом писал и А. А. Берлин, отмечавший, что необходимая оборона правомерна, поскольку она признана положительным правом. Объяснять же эту правомерность прирожденным правом «значит ничего не объяснять» [5, с. 12].

С естественной теорией возникновения права на необходимую оборону тесно соприкасается договорная теория (Грольман, Фихте, а из русских юристов — А. Баршев [2, с. 39–40]). Согласно этой теории государство представляет собой продукт сознательного действия людей, и поэтому при нападении, от которого оно должно защищать гражданина, вступившего в государственный союз, у такого лица вновь возникает право на самостоятельное причинение вреда, от которого он добровольно отказался, вступая в государство и обменивая его на государственную защиту.

Вслед за европейскими мыслителями (Гегель, Бернер, Фейербах) в России получила распространение теория, обосновывающая право необходимой обороны отпадением правовой защиты того права нападающего, нарушение которого необходимо для отражения нападения. Нападающий в этом случае признается как бы «вне закона», а необходимая оборона выступает способ пресечения уголовной неправды. Основание

необходимой обороны в этом случае заключается в подавлении самой сущности бесправия. Таганцев Н. С. в связи с этим пишет о необходимой обороне как об отражении незаконного нападения на правоохраняемые интересы [30, с. 222], а Н. Д. Сергеевский — о защите своих прав и благ от противозаконных нарушений [27, с. 242]. Частично с этим соглашался и Л. С. Белогриц-Котляревский, который основание необходимой обороны видел в том, что сама возможность существования права (правопорядка) должна обязательно предполагать возможность их защиты [4, с. 208].

В России вслед за Фейербахом и Фихте получила относительно распространение и теория, которая выводит необходимую оборону из психического принуждения нападающего или крайней необходимости. Содержанием данной теории является то, что в состоянии необходимой обороны вследствие психического или физического принуждения отпадает субъективная вменяемость обороняющегося. Здесь необходимая оборона фактически выступает частным случаем невменяемости. В частности, Л. С. Белогриц-Котляревский указывает на действия защищаемого, коренящиеся «не в злой или испорченной воли, а в принуждении», что исключает противозаконность [4, с. 208]. При отождествлении же необходимой обороны и крайней необходимости, что имело место у С. Будзинского, хотя и признается право на необходимую оборону, но реализация его обусловлена необходимостью, при которой обороняющийся не мог другим образом уклониться от опасности [6, с. 132].

Имели место и более утилитарные теории, при которых право необходимой обороны выводится из способа защиты юридически охраняемых интересов в тех случаях, когда государство не может пресечь данную опасность. Так, Г. Е. Колоколов отмечал, что «государство не может всякий раз, когда отдельному лицу угрожает опасность, защищать его от противозаконного посягательства, ... в известных случаях являются необходимыми собственные усилия находящегося в опасности субъекта, который таким образом получает право на отправление охранительной функции посредством самообороны» [13, с. 198]. Поддерживали его в этом суждении В. Д. Спасович [29, с. 105] и Э. Я. Немировский [18, с. 156].

Берлин А. А. видел единственный источник юридического института необходимой обороны в соображениях целесообразности — в необходимости общественного уважения к праву [5, с. 14].

В свою очередь, С. В. Познышев считал, что основание необходимой обороны состоит в том, что если бы гражданам было запрещено обороняться от незаконных на них посягательств, то совершение преступлений было бы до крайности облегчено, и вероятность уйти от правосудия значительно бы увеличилась [23, с. 153].

В советской теории уголовного права освобождение от ответственности при необходимой обороне

обосновывалось тем, что она является обстоятельством, исключаящим общественную опасность и (или) противоправность деяния. Вопрос состоял лишь в том, какой из этих элементов является превалирующим [3, с. 41; 10, с. 15; 22, с. 6].

В ряде исследований конкретизировалось, в чем же состоит это отсутствие общественной опасности. Например, Т. Г. Шавгулидзе писал о том, что основанием отсутствия общественной опасности при необходимой обороне является общественная полезность этого деяния [35, с. 30]. О необходимости развития активности населения в охране общественного порядка указывал И. С. Тишкевич [33, с. 3].

В современной российской юридической литературе (В. В. Орехов [20, с. 20], С. В. Пархоменко [34, с. 115]) превалирует точка зрения, согласно которой причинение вреда в состоянии необходимой обороны исключает противоправность содеянного. Хотя есть и исключения из этого правила. Так, В. В. Меркурьев реанимировал теорию о необходимой обороне как естественном праве человека и придерживается того подхода, что социально-правовая природа необходимой обороны вытекает из правового статуса личности, а конкретно — из права человека на защиту от общественно опасных посягательств [17, с. 49].

Таким образом, различные теории по-разному объясняют социально-правовой смысл необходимой обороны. Однако в любом случае через институт необходимой обороны возможно признать непроступными действия граждан, которые защищали охраняемые законом блага от общественно опасного посягательства. Указанное выражается в нормативном закреплении в УК РФ института обстоятельств, исключаящих преступность деяния. Исходя из этого, необходимая оборона представляет собой единство правомерного поступка и присущего ему социально-правового и нравственного основания.

Такое нравственное основание может основываться на следующих суждениях.

Во-первых, в интересах государства не подавлять способность граждан к сопротивлению в случае нападения на них, а наоборот, содействовать такому поведению в целях защиты правоохраняемого интереса. При этом такой интерес может принадлежать как собственно обороняющемуся, так и другим лицам, а также обществу в целом либо государству. В противном бы случае — при запрещении необходимой обороны — пришлось бы привлекать к ответственности тех граждан, которые не вынесли бы пассивного отношения к посягательствам на их права либо не остались равнодушными. Однако в этом случае наказание, преследуя по самому своему определению цель предупреждения новых преступлений, такой бы цели не достигало. Граждане, воспользовавшиеся возможностью к отражению общественно опасного посягательства, своими действиями не только бы не преследовали цели по нарушению правопорядка, но и наоборот, сво-

им поведением способствовали бы его достижению.

Во-вторых, нравственное содержание необходимой обороны состоит в формировании и поддержании у граждан активной жизненной позиции, стержнем которого является неприятие общественно опасных посягательств. Необходимая оборона в этом случае дополняет деятельность государства по пресечению преступлений, вовлекая в эту деятельность также и граждан. В этой связи вполне логичным выглядит позиция известного специалиста по необходимой обороне Э. Ф. Побегайло о том, что необходимая оборона возможна и от совершаемого неосторожного преступления [36, с. 93]. И действительно, состояние необходимой обороны является объективной реальностью, и поэтому не может зависеть от субъективного состояния нападающего. В противном случае пришлось бы признавать преступным и действия обороняющегося, который защищается, например, от нападения невменяемого лица.

Поэтому абсолютно прав был И. И. Карпец, когда отмечал, что «без института необходимой обороны, являющегося своеобразным средством предупреждения преступлений, уголовное право было бы неполным и не выполняло бы своих функций» [9, с. 120]. На глубокое нравственное содержание института необходимой обороны обращала внимание и Н. Ф. Кузнецова, которая отмечала роль данного института в развитии в гражданах чувства нетерпимости к нарушениям правопорядка [14, с. 40].

В этой связи закономерным является расширение в исторической ретроспективе сферы действия необходимой обороны, что выразилось в признании правомерным защиты не только от посягательств на личность, но и на имущество. Также необходимая оборона переставала быть привилегией, доступной только господствующему классу. По мере развития общества права на защиту от посягательства стало признаваться за всеми членами социума [37, с. 34–52].

В то же время необходимая оборона не является формой саморасправы, как ее именовал П. П. Пусторослев [25]. Необходимая оборона не является самосудом. Смысл необходимой обороны состоит не в расправе над преступником, а в обороне интересов личности, общества, государства от него. В силу этого закон не делает право необходимой обороны абсолютным и не дает обороняющемуся прав по нанесению виновному лицу любого вреда. Право необходимой обороны ограничено определенными пределами и не предполагает несоразмерной и несвоевременной обороны. В этом проявляется гуманизм необходимой обороны по отношению к посягающему. Данный институт, как верно отметил Пленум Верховного Суда РФ в преамбуле постановления от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее — постановление Пленума № 19), обеспечивает баланс интересов,

связанных с реализацией предусмотренных в части 1 статьи 2 УК РФ задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с одной стороны, и с возможностью правомерного причинения им вреда, с другой. В постановлении Пленума № 19 специально отмечено, что не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое спровоцировало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий (для причинения вреда здоровью, хулиганских действий, сокрытия другого преступления и т. п.). Содеянное в этих случаях квалифицируется на общих основаниях. Таким образом, законодательное регулирование исключает провокацию необходимой обороны, чтобы под ее видом расправиться с неугодным лицом и избежать привлечения к уголовной ответственности. Инициатор ссоры, драки, вызвавший нападение, на которое он рассчитывал, не может оставаться безнаказанным. Такого подхода придерживается и судебная практика, обобщенная в утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 года Обзоре практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (пункт 1.2), которая поддерживает привлечение хулигана и дебошира к ответственности.

Следует поддержать внесенные постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2022 г. № 11 изменения в постановление Пленума № 19, направленные на расширение пределов необходимой обороны. Суть данных изменений заключается в том, что к обстоятельствам, не сопряженным с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, при которых защита от посягательства признается правомерной (часть 2 статьи 37 УК РФ), отнесено теперь и незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица. Данное разъяснение высшей судебной инстанции, безусловно, позволит исключить необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности за действия, связанные с отражением нападения в собственном доме.

Не является необходимой обороной и самообороной. Самооборона означает, что человек защищает только самого себя. При таком толковании самооборона действительно бы была способом реализации своего субъективного права. Однако необходимая оборона лишена данного эгоистического подхода. Защищаться могут не только свои права и своя личность, но и права и личность другого человека. Более того, правомерным будет и защита общих интересов — общества или государства. Необходимая оборона приобретает альтруистическую функцию, направленную на служение общественно полезным целям всего социума.

Возможность избежать преступного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти не является основанием для отрица-

ния в действиях обороняющегося необходимой обороной, что нашло отражение в пункте 1 постановления Пленума № 19. Иная точка зрения была бы чужда морали и правосознанию граждан, способствовала бы у них формированию чувства социальной изоляции и апатии.

В постановлении Пленума № 19 есть и другие положения, свидетельствующие о нравственном наполнении института необходимой обороны Верховным Судом РФ. Так, состояние необходимой обороны создает не только само нападение, но и угроза нападения; во внимание должно приниматься эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга); оно может быть вызвано и длящимся посягательством, например, истязаниями (пункты 3–5).

Конечно же, превышение пределов необходимой обороны должно наказываться. Однако законодатель, принимая во внимание целевое предназначение данного института и нравственную составляющую в действиях обороняющегося, убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (часть 1 статьи 108 и часть 1 статьи 114 УК РФ) при превышении необходимой обороны относит к привилегированным составам, наказуемость которых существенно мягче.

Например, в случае, если частным охранником при пресечении общественно опасного посягательства допущено превышение пределов необходимой обороны, содеянное не образует состава, предусмотренного статьей 203 УК РФ, устанавливающей ответственность за превышение полномочий работником частной охранной организации при выполнении своих должностных обязанностей. Содеянное, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации в пункте 16 постановления Пленума от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)», квалифицируется по статье 108 или 114 УК РФ. Таким образом, при конкуренции привилегированного состава причинения вреда в состоянии необходимой обороны и основного или квалифицированного состава приоритет имеет именно привилегированный состав, что подчеркивает гуманизм уголовного права.

Необходимая оборона носит всеобщий характер и распространяется на всех граждан без исключения независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что для отдельных категорий граждан (например, сотрудников полиции), пресечение преступлений и иных правонарушений является не просто правом, а в силу пункта 2 части 2 статьи 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и их служебной обязанностью.

Сотрудники полиции, безусловно, более подготовлены к отражению нападения, чем обычные граждане.

Однако это не должно означать установления для них каких-либо ограничений в возможности пользования правом на необходимую оборону. Неправильным было бы требовать от вооруженного огнестрельным оружием сотрудника органов внутренних дел, обученного навыкам самообороны без оружия, пресечь действия напавшего на него преступника, вооруженного холодным оружием, без применения табельного пистолета. Если допустить такую ситуацию, то сотрудник полиции окажется в заведомо проигрышном положении, так как будет вынужден обороняться «голыми руками» от вооруженного холодным оружием преступника. Поэтому требования специальных правовых актов, регулирующих порядок применения сотрудниками правоохранительных органов и военнослужащими оружия, специальных средств и физической силы не должны ухудшать их положение по сравнению с уголовным законом.

Таким образом, правоприменительная эффективность института необходимой обороны в уголовном праве непосредственно связана с оптимальным, наиболее полным и точным отражением в нем духовно-нравственных категорий. Уголовно-правовые исследования данного института должны определяться не только с точки зрения анализа норм права и социологии, но и с позиции этики. Дальнейшее совершенствование норм о необходимой обороне должно определяться с учетом моральных ценностей, свойственных менталитету российских граждан.

Список источников

1. Алихаджиева И. С. Уголовная ответственность за преступления, связанные с проституцией : теоретико-прикладное и криминологическое исследование / Под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Проспект, 2022. 296 с.
2. Баршев А. Общие начала теории о преступлении. СПб : Унив. тип., 1841. 269 с.
3. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. Харьков : Основа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1991. 360 с.
4. Белогриц-Котляревский Л. С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная часть. Киев-Харьков : Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1896. 683 с.
5. Берлин А. А. О необходимой обороне. Ярославль : Тип. Губерн. Правл., 1911. 108 с.
6. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава : Тип. И. Яворского, 1870. 362 с.
7. Голик Ю. В. Философия, нравственность, борьба с преступностью // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 5–13.
8. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика : Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. 271 с.
9. Карпец И. И. Уголовное право и этика. М. :

- Юридическая литература, 1985. 256 с.
10. Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 107 с.
 11. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев : Ф.А. Иогансон, 1891. 891 с.
 12. Кобликов А. С. Юридическая этика. М. : Норма, Инфра-М, 1999. 168 с.
 13. Колоколов Г. Е. Уголовное право. Курс лекций 1894–95 гг. М. : Лит. Рихтера, 1895. 655 с.
 14. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. 104 с.
 15. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. 400 с.
 16. Марк Тулий Цицерон. Том 2. Речи 62–43 гг. до н. э. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 443 с.
 17. Меркурьев В. В. Уголовное право : необходимая оборона. М. : Юрайт, 2019. 238 с.
 18. Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса : Изд. Акционер. Южно-Русского О-ва, 1919. 372 с.
 19. Нудель С. Л. Категория «нравственность» в контексте задач уголовного законодательства // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 53–60.
 20. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб : Юридический центр Пресс, 2003. 217 с.
 21. Осокин Р. Б. Уголовная политика по противодействию преступлениям против общественной нравственности. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 284 с.
 22. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М. : Госюриздат, 1962. 181 с.
 23. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М. : А. А. Карцев, 1912. 668 с.
 24. Проблемы судебной этики / Под ред. М. С. Строговича. М. : Наука, 1974. 272 с.
 25. Пусторослев П. П. Понятие о незаменимой саморасправе как учреждении уголовного права. М. : Унив. тип., 1890. 186 с.
 26. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Выпуск I. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев : тип. К. Маттисена, 1912. 535 с.
 27. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 385 с.
 28. Серебренникова А. В. Нравственное обоснование системы уголовных наказаний // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 41–46.
 29. Спасович В. Учебник уголовного права. Том I. СПб : Тип. И. Огризко, 1863. 438 с.
 30. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Ч. 1. М. : Юрайт, 2019. 414 с.
 31. Тасаков С. В. Нравственные начала уголовного закона о необходимой обороне // Уголовное право. 2006. № 5. С. 80–83.
 32. Тасаков С. В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб : Юридический центр Пресс, 2008. 318 с.
 33. Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М. : Юридическая литература, 1969. 191 с.
 34. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Том X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Отв. ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. 507 с.
 35. Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси : Мецниереба, 1966. 158 с.
 36. Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб : Издание профессора Малинина, 2007. 721 с.
 37. Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М. : Изд-во ВШ МВД РСФСР, 1961. 227 с.

References

1. Alikhajeva I. S. Criminal liability for crimes related to prostitution : theoretical, applied and criminological research / Edited by N.A. Lopashenko. – M.: Prospect, 2022. 296 p.
2. Barshev A. General principles of the theory of crime. St. Petersburg : Univ. type, 1841. 269 p.
3. Baulin Yu. V. Circumstances excluding the criminality of the act. Kharkiv : The basis. Publishing house at Kharkiv. un-te, 1991. 360 p.
4. Belogrits-Kotlyarevsky L. S. Essays of the course of Russian criminal law. The General and Special part. Kiev-Kharkiv : Yuzhno-Rus. book of F. A. Ioganson, 1896. 683 p.
5. Berlin A. A. On the necessary defense. Yaroslavl : Type. Gubern. Pravl., 1911. 108 p.
6. Budzinsky S. The beginning of criminal law. Warsaw : I. Yavorsky Type, 1870. 362 p.
7. Golik Yu. V. Philosophy, morality, fight against crime // Journal of Russian Law. 2021. № 12. P. 5–13.
8. Gorsky G. F., Kokorev L. D., Kotov D. P. Judicial ethics : some problems of the moral principles of the Soviet criminal process. Voronezh : Voronezh Publishing House. un-ta, 1973. 271 p.
9. Karpets I. I. Criminal law and ethics. М. : Legal literature, 1985. 256 p.
10. Kirichenko V. F. The main issues of the doctrine of necessary defense in Soviet criminal law. М.-

- L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. 107 p.
11. Kistyakovskiy A. F. Elementary textbook of general criminal law. The General part. Kiev : F. A. Johanson, 1891. 891 p.
 12. Koblikov A. S. Legal ethics. M. : Norm, Infra-M, 1999. 168 p.
 13. Kolokolov G. E. Criminal law. Course of lectures 1894–95. M. : Lit. Richter, 1895. 655 p.
 14. Kuznetsova N. F. Criminal law and morality. M. : Publishing House of Moscow. un-ta, 1967. 104 p.
 15. Maltsev G. V. Moral foundations of law. M. : Norm: INFRA-M. 2021. 400 p.
 16. Marcus Tullius Cicero. Volume 2. Speeches 62–43 BC. M. : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 443 p.
 17. Merkuruyev V. V. Criminal law : necessary defense. Moscow : Yurayt, 2019. 238 p.
 18. Nemirovskiy E. Ya. Textbook of criminal law. The general part. Odessa : Ed. Shareholder. South-Russian Island, 1919. 372 p.
 19. Nudel S. L. Category «morality» in the context of the tasks of criminal legislation // Journal of Russian Law. 2021. № 12. P. 53–60.
 20. Orekhov V. V. Necessary defense and other circumstances excluding the criminality of the act. St. Petersburg : Law Center Press, 2003. 217 p.
 21. Osokin R. B. Criminal policy on countering crimes against public morality. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2018. 284 p.
 22. Pasha-Ozersky N. N. Necessary defense and extreme necessity. M. : Gosyurizdat, 1962. 181 p.
 23. Poznyshhev S. V. The basic principles of the science of criminal law. The general part of criminal law. M. : A. A. Kartsev, 1912. 668 p.
 24. Problems of judicial ethics / Edited by M. S. Strogovich. M. : Nauka, 1974. 272 p.
 25. Pustoroslev P. P. The concept of irreplaceable self-punishment as an institution of criminal law. Moscow : Univ. tip., 1890. 186 p.
 26. Pustoroslev P. P. Russian criminal law. The general part. Issue I. Introduction. Sources of criminal law. Crime. Yuryev : type. K. Mattisen, 1912. 535 p.
 27. Sergeevskiy N. D. Russian criminal law. General part. St. Petersburg : Type. M. M. Stasyulevich, 1908. 385 p.
 28. Serebrennikova A. V. The moral justification of the system of criminal penalties // Journal of Russian Law. 2021. № 12. P. 41–46.
 29. Spasovich V. Textbook of criminal law. Volume I. St. Petersburg : Tip. I. Ogrizko, 1863. 438 p.
 30. Tagantsev N. S. Russian Criminal Law. Part 1. Moscow : Yurayt, 2019. 414 p.
 31. Tasakov S. V. Moral principles of the criminal law on necessary defense // Criminal law. 2006. № 5. P. 80–83.
 32. Tasakov S. V. Moral foundations of the norms of criminal law on crimes against the person. St. Petersburg : Law Center Press, 2008. 318 p.
 33. Tishkevich I. S. Conditions and limits of necessary defense. M. : Legal literature, 1969. 191 p.
 34. Criminal law. The general part. Crime. Academic course. Volume X. Circumstances excluding the criminality of the act / Ed. N. A. Lopashenko. M. : Yurlitinform, 2016. 507 p.
 35. Shavgulidze T. G. Necessary defense. Tbilisi : Metsniereba, 1966. 158 p.
 36. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 7. Circumstances excluding the criminality of the act. St. Petersburg : Edition of Professor Malinin, 2007. 721 p.
 37. Yakubovich M. I. Questions of theory and practice of necessary defense. M. : Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the RSFSR, 1961. 227 p.

Информация об авторе

А. В. Курсаев — главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Kursaeв — Chief Expert-specialist of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья
УДК 347.1
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-128-132>
НИОН: 2003-0059-2/23-625
MOSURED: 77/27-003-2023-02-824

Вопросы специального планирования реализации надзорных мероприятий за освобожденными из мест лишения свободы лицами со стороны участкового уполномоченного полиции

Владимир Михайлович Ленский

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
VMlenskiy@yandex.ru

Аннотация. Исследуются обязанности участкового уполномоченного полиции в осуществлении административного надзора за освобожденными из мест лишения свободы лицами. Проводится анализ организационных и нормативно-правовых мер, способствующих реализации административного надзора. Предлагается осуществление специального планирования по реализации мероприятий за освобожденными из мест лишения свободы лицами со стороны участкового уполномоченного полиции.

Ключевые слова: административный надзор, специальное планирование, профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции

Для цитирования: Ленский В. М. Вопросы специального планирования реализации надзорных мероприятий за освобожденными из мест лишения свободы лицами со стороны участкового уполномоченного полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 128–132. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-128-132>.

Original article

Issues of special planning for the implementation of supervisory measures for persons released from places of deprivation of liberty by the district police commissioner

Vladimir M. Lensky

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, VMlenskiy@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the participation of the district police commissioner in the implementation of administrative supervision of persons released from prison. The analysis of organizational and regulatory measures contributing to the implementation of administrative supervision is carried out. It is proposed to carry out special planning for the implementation of measures for persons released from places of deprivation of liberty, on the part of the district police commissioner.

Keywords: administrative supervision, special planning, preventive activities of the district police commissioner

For citation: Lensky V. M. Issues of special planning of the implementation of supervisory measures for persons released from places of deprivation of liberty by the district police commissioner. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):128–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-128-132>.

Центральным нормативным правовым актом, регулирующим административный надзор, устанавливаемый за освобожденными из мест лишения свободы лицами (далее по тексту — административный надзор), выступает специально принятый предметный Федеральный закон [3].

Административный надзор по своей правовой

природе является комплексным межотраслевым институтом. В материализации административного надзора принимают участие представители многих учреждений правоохранительных органов. Правовое регулирование данного института осуществляется при помощи норм нескольких отраслей права.

Так уголовно-исполнительное законодательство

определяет основания назначения административного надзора и устанавливает категорию лиц, над которыми он устанавливается, а также описывает механизм назначения и порядок реализации (ст. 173.1 УИК РФ).

При помощи уголовного законодательства устанавливается ответственность поднадзорных за несоблюдение ими правил административного надзора, что является определенным гарантом его реализации (ст. 314.1 УК РФ).

Категория учреждений и физических лиц, обладающих правом подачи исковых заявлений, сопряженных с административным надзором, определяется посредством административного судопроизводства (ст. 270 КАС РФ).

Порядок применения административного надзора [7] совместно с правом контроля за проведением социальной реабилитации в отношении подвергнутых административному надзору лиц входят в компетенцию полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации (п. 11 ч. 1. ст.13) [2].

И, наконец, надзирательная функция за реализацией всего механизма административного надзора выступает частью полномочий Прокуратуры Российской Федерации [4].

Таким образом, многоаспектное регулирование административного надзора различными учреждениями и отраслями права наглядно подтверждает сложность реализации данного межотраслевого института.

Одним из центральных субъектов, принимающих непосредственное участие в осуществлении производства административного надзора, считается участковый уполномоченный полиции.

В соответствии с пунктом пятым раздела первого приложения к приказу МВД РФ от 08 июля 2011 года № 818 участковому уполномоченному полиции вменяется в обязанность проведение административного надзора [7]. А в соответствии с подпунктом 7.3 вышеназванного нормативного акта представители служб, отвечающие за реализацию административного надзора, должны в период времени, не превышающий один рабочий день, сообщить участковому уполномоченному полиции о факте постановки поднадзорного, изъявившего желание проживать на его обслуживаемом административном участке, на учет в территориальном подразделении органа внутренних дел.

В нормативных документах, регулирующих служебную деятельность участковых уполномоченных полиции, не устанавливается периодичность проведения индивидуальной профилактической работы с гражданами, находящимися под административным надзором [6]. Вместе с тем, одна из функций органов внутренних дел проявляется в уведомлении поднадзорного лица об обязанности не допускать игнорирования (несоблюдения) определенных ему судом административных ограничений в некоторых правах [3]. Приоритет такой обязанности органов внутренних дел (в лице участковых уполномоченных полиции) подтверждается и судебной практикой [8].

Следовательно, участковый уполномоченный

полиции должен самостоятельно определять регулярность осуществления превентивного круга обязанностей к представителям данной категории лиц посредством ее планирования.

В то же время, участковый уполномоченный полиции имеет своей обязанностью не менее одного раза в месяц информировать в письменной форме соответствующее руководство о степени выполнения со стороны поднадзорных лиц определенных в отношении них судом правовых ограничений.

Полученные в результате наблюдения за поднадзорными лицами данные заносятся в установленные документы (анкеты, листы учета профилактических мероприятий, маршрутные листы).

В обязанность участкового уполномоченного полиции входит надзорная компетенция, состоящая в констатации времени прибытия (неприбытия), а также убытия поднадзорного или беспричинное невозвращение его к месту регистрации. В последнем случае участковый уполномоченный полиции должен установить координаты поднадзорного.

Если поднадзорное лицо допускает бойкотирование административного надзора путем уклонения от прибытия к установленному месту жительства либо самовольно его оставляет, участковый уполномоченный полиции принимает участие в задержании правонарушителя с последующим его доставлением в территориальный орган полиции.

Следовательно, осуществление учета находящихся под административным надзором лиц является важной, законодательно закрепленной функцией участкового уполномоченного полиции.

Важно знать, что участковый уполномоченный полиции должен систематически (не менее одного раза в месяц) осуществлять проверку поднадзорных лиц с целью установления факта нахождения их в помещении проживания в период времени, когда покидать такое помещение поднадзорным запрещено в силу установленного судом ограничения.

Для осуществления этой функции участковый уполномоченный полиции может свободно, без задержки проходить в помещение, служащее для поднадзорного лица местом жительства либо местом пребывания. А если поднадзорный элемент станет препятствовать законной деятельности сотрудника полиции (например, не открывать дверь, притворяться спящим, больным, ничего не слышащим человеком), такое с его стороны поведение расценивается как факт отсутствия на месте проверки и подлежит административному преследованию по части 2 статьи 19.24 КоАП РФ. По аналогичному пути следует и судебная практика [9].

Все выявленные при реализации административного надзора недостатки фиксируются участковым уполномоченным полиции в письменных материалах, которые в последующем передаются представителям специализированного подразделения дознания.

Для эффективного производства административного надзора со стороны участкового уполномочен-

ного полиции необходимо данный вид деятельности систематизировать посредством упорядочивания его исполнения с помощью составления специального плана реализации надзора за освобожденными из мест лишения свободы лицами (далее по тексту сокращенно — специальный план).

Представляется, что более целесообразным периодом времени, на который должен разрабатываться специальный план, является календарный месяц. Именно в этот промежуток времени участковому уполномоченному полиции следует выполнять ряд подотчетных перед субъектом управления действий, таких как:

- установление степени выполнения поднадзорным лицом вмененных ему судом ограничений.

Полагаем, что с учетом месячного периода времени, нормативно определенного участковому уполномоченному полиции для изучения требующей письменного отчета ситуации, считается целесообразным не реже одного раза в декаду проводить подобную проверку;

- проверка поднадзорных лиц на предмет их нахождения в помещении для проживания в период времени, когда пребывание их в другом месте запрещено.

Как и в предыдущем случае, такую проверку необходимо проводить не реже одного раза в декаду, с последующим объединением полученных результатов в ежемесячном отчете;

- проведение регулярной индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами.

В результате профилактической деятельности с поднадзорными элементами участковый уполномоченный полиции устанавливает причины административных правонарушений, допущенных этими лицами в связи с несоблюдением установленных в отношении к ним судебных ограничений, а также требует устных или письменных объяснений по неисполнению определенных в их отношении законодательных обязанностей [1].

Кроме того, участковый уполномоченный полиции, осуществляя индивидуальную профилактическую беседу с лицами, находящимися под административным надзором, систематически растолковывает правовой характер наступающих последствий в случае прекращения с их стороны асоциального образа жизни.

Планирование данного мероприятия напрямую связано со степенью социальной запущенности поднадзорного, но в любом случае по временному интервалу не должно проводиться менее одного раза в декаду с последующим объединением полученных результатов в ежемесячном отчете;

Структура специального плана реализации надзора за освобожденными из мест лишения свободы лицами представляется следующей.

Начинается специальный план с титульного листа, который наряду с названием документа, должен иметь гриф его утверждения и дату составления. Допускается гриф утверждения специального плана размещать не на титульном листе, а на первой странице в правом верхнем углу [5].

Далее следует вводная часть специального плана (введение, преамбула). Вслед за ней расположен в табличной форме систематизированный перечень предстоящих к исполнению мер, пути, способы и время их реализации, контроль за своевременным и качественным проведением намеченных мероприятий и отметка об их выполнении.

Утверждать специальный план имеет право начальник подразделения участковых уполномоченных полиции, а при отсутствии этого руководителя — его заместитель. Как раз эти категории руководителей в соответствии с наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции проводят оценку результатов деятельности участковых уполномоченных полиции за месяц, квартал, полугодие и год.

Во введении к специальному плану проводится анализ находящейся в наличии информации относительно поднадзорных лиц. Приводится краткая характеристика на каждого поднадзорного лица, устанавливаются основания назначения административного надзора, исследуется степень его исправления в местах лишения свободы, изучаются назначенные судом ограничения. Определяется их место жительства и место фактического проживания, выясняется адрес их трудоустройства.

С помощью систематизации полученной информации проецируется результат проводимой участковым уполномоченным полиции деятельности в отношении конкретного поднадзорного лица. Прогнозирование ожидаемых результатов позволяет сформулировать перечень и интенсивность проведения конкретных мероприятий, а также наметить методику и периоды времени их исполнения.

При составлении специального плана важно предусмотреть возможность собирания и аккумуляции добавочной, вспомогательной информации, при помощи которой допустимо оказание воздействия на осуществляемые участковым уполномоченным полиции профилактические мероприятия.

Следующая за преамбулой основная, табличная часть специального плана, как правило, состоит из следующих граф:

- порядковый номер мероприятия;
- суть мероприятия;
- ответственный исполнитель, соисполнитель;
- дата, период реализации мероприятия;
- прогнозируемые итоги от выполненных действий и их ожидаемая эффективность;
- отметка о выполнении намеченного мероприятия.

Правовая природа запланированных мероприятий должна отражать принцип законности.

Содержание мероприятия обязано быть последовательным, предметным, логически понятным, своевременным, ожидаемым по результату и соответствующим отведенному времени исполнения.

Выполнение каждого планового мероприятия должно закрепляться за конкретным исполнителем (соисполнителем), который является ответственным

лицом за результаты решения поставленных задач.

Для реализации мероприятий специального плана устанавливается календарная дата или конкретный период времени, нарушение которых приводит к невыполнению задуманного. Например, индивидуальная профилактическая беседа с поднадзорным лицом проводилась не каждую декаду, а всего один раз в месяц. Возникает вопрос, будет ли достигнут запланированный эффект социализации субъекта, находящегося под административным надзором при обозначенном нарушении плановых показателей?

В табличной графе, закрепляющей такой показатель, как прогнозируемые итоги запланированных действий и их эффективность, воспроизводится достигнутый промежуточный или конечный, фактический результат, а также отображается оценка проделанной по этому пункту плана работы.

В завершающей графе таблицы специального плана ставится отметка о выполнении запланированного мероприятия. В случае невыполнения данного пункта плана или частичного его выполнения приводятся объяснения такому достигнутому результату.

Специальный план может иметь приложения, в которых, как правило, размещаются графики проведения каких-либо имеющих отношение к осуществлению административного надзора мероприятий (совещаний, заслушиваний со стороны руководства, межведомственных встреч и т. п.). В приложении следует отметить календарные даты, а также значимые для поднадзорного элемента личные мероприятия с целью осуществления дополнительного тщательного контроля за его образом жизни в этот промежуток времени. Такими мероприятиями могут быть: «день рождения», «день ангела», «профессиональный праздник» (например, «День строителя», «День пограничника», «День воздушно-десантных войск»), «годовщина почитания кого-то из близких родственников», общегосударственные праздники, такие, как Новый год, Международный женский день — 8-е Марта и иные мероприятия и значимые даты, которые несут опасность стать спусковым механизмом для асоциального поднадзорного лица и подтолкнуть его к их бурному празднованию, сопровождающемуся, как правило, антиобщественным поведением. Если поднадзорный трудится, то день получения заработной платы также может выступать в качестве фактора его возможного отклоняющегося от общепринятых норм поведения.

Составленный проект специального плана подлежит утверждению у руководителя не менее чем за пять предшествующих началу планируемого периода дней. Контроль за ходом реализации специального плана возлагается на субъекта, утвердившего этот документ. Форма контроля и время его проведения определяется руководителем самостоятельно, однако, подконтрольный объект (участковый уполномоченный полиции) должен знать алгоритм осуществляемой проверки.

В то же время следует подчеркнуть, что при индивидуальном планировании одним из эффективных способов надзора за ходом его выполнения выступает

самоконтроль ответственного исполнителя.

За выполнение плановых решений и эффективность прогнозируемых показателей, а также подлинность получаемой информации и ее реализации персональную ответственность несет главный исполнитель (участковый уполномоченный полиции). Именно этот субъект управления выступает организатором плановой деятельности в отношении поднадзорного лица.

Участковый уполномоченный полиции регулярно в письменной форме информирует утвердившего специальный план руководителя об эффективности принимаемых к поднадзорному лицу мер, предлагает, при необходимости, скорректировать отдельные плановые позиции, докладывает о достигнутых показателях, обоснованно аргументирует причинно-следственные связи не достигших положительного результата действий.

Выступая в качестве субъекта самоконтроля, участковый уполномоченный полиции ежедневно отслеживает ход выполнения мероприятий специального плана, осуществляет их тщательный анализ (проводит мониторинг).

В течение трех рабочих дней после завершения планового периода предоставляет руководителю, утвердившему специальный план, письменный отчет о ходе реализации запланированных мероприятий.

В отчетном материале воспроизводится информация о достаточной необходимости и своевременности реализованных мероприятий специального плана, проводится анализ допущенных ошибок и слабых мест, выдвигаются предложения по их нейтрализации.

В плановом отчете формулируются выводы о степени выполнения плановых заданий, а также вносятся предложения по повышению эффективности запланированных мероприятий.

Утвердивший специальный план руководитель тщательно исследует отчетный материал и выносит вердикт о степени достоверности и обоснованности описанных в плановом документе рассуждений и умозаключений.

Составленный на месяц специальный план в отношении поднадзорного лица подлежит систематической пролонгации на следующий период времени вплоть до окончания срока административного надзора, снятия или погашения судимости, либо до принятия судебного решения о прекращении административного надзора или наступления иных, предусмотренных законом оснований.

Список источников

1. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3851.
2. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // СЗ РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
3. Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном

- надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
- Приказ Генпрокуратуры России от 05 сентября 2022 г. № 494 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
 - Приказ МВД России от 01 октября 2020 г. № 683 «Об организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/74749404/>.
 - Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
 - Приказ МВД России от 08 июля 2011 г. № 818 (ред. от 30.05.2022) «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
 - Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 21 января 2016 г. по делу № 33а-152/2016. Документ опубликован не был // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
 - Решение Верховного суда Республики Карелия от 04 июля 2018 г. № 21-177/2018. Документ опубликован не был // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
 - Russian Federation» // Federal Law of the Russian Federation, 27.06.2016, № 26 (Part I), Article 3851.
 - Federal Law № 3-FZ of 07.02.2011 (ed. of 21.12.2021) «On Police» // Federal Law of the Russian Federation, 14.02.2011, № 7, Article 900.
 - Federal Law № 64-FZ of 06.04.2011 (as amended on 01.10.2019) «On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty» // [Electronic resource] SPS Consultant Plus.
 - Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 05.09.2022 № 494 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on administrative supervision of persons released from prison» // [Electronic resource] SPS Consultant Plus.
 - Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 01.10.2020 № 683 «On the organization of planning in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // [Electronic resource] <https://base.garant.ru/74749404/>.
 - Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 205 dated 29.03.2019 «On the service of a precinct police commissioner in a serviced administrative area and the organization of this activity» (together with the «Instructions on the performance of official duties by a precinct police commissioner in a serviced administrative area», «Instructions on the organization of the service of precinct police commissioners») // [Electronic resource] SPS Consultant Plus.
 - Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 08.07.2011 № 818 (ed. from 30.05.2022) «On the procedure for the implementation of administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty» // [Electronic resource] SPS Consultant Plus.
 - Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated 21.01.2016 in case № 33а-152/2016. The document was not published // [Electronic resource] SPS Consultant Plus.
 - Decision of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated 04.07.2018 № 21-177/2018. The document was not published // [Electronic resource] SPS Consultant Plus.

References

- Federal Law № 182-FZ of 23.06.2016 «On the basics of the system of crime prevention in the

Информация об авторе

В. М. Ленский — доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. M. Lensky — Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Научная статья

УДК 343.3.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-133-137>

НИОН: 2003-0059-2/23-626

MOSURED: 77/27-003-2023-02-825

К вопросу о разграничении административного правонарушения по ст. 14.10 КоАП РФ и преступления по ст. 180 УК РФ

Проخور Александрович Машавец

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, pmashavets@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются экономические преступления довольно распространены на территории Российской Федерации, что говорит о безусловной актуальности исследований в выбранной области. В статье указана проблематика разграничения административных правонарушений, предусмотренных ст. 14.10 КоАП РФ, и преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ. В указанных нормах предусмотрена ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Ключевые слова: уголовное право, преступление, административное право, средства индивидуализации, товарный знак

Для цитирования: Машавец П. А. К вопросу о разграничении административного правонарушения по ст. 14.10 КоАП РФ и преступления по ст. 180 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 133–137. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-133-137>.

Original article

On the issue of distinguishing an administrative offense under Article 14.10 of the Administrative Code of the Russian Federation and a crime under Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation

Prokhor A. Mashavets

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, mashavets@gmail.com

Abstract. According to statistics, economic crimes are quite common on the territory of the Russian Federation, which indicates the absolute relevance of researching in the chosen area. The article specifies the problems of differentiation of administrative offenses provided for in Article 14.10 of the Administrative Code of the Russian Federation and crimes provided for in Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation. These norms provide for liability for the illegal use of means of individualization of goods (works, services).

Keywords: criminal law, crime, administrative law, means of individualization, trademark

For citation: Mashavets P. A. On the issue of distinguishing an administrative offense under Article 14.10 of the Administrative Code of the Russian Federation and a crime under Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):133–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-133-137>.

В силу ускорения процессов глобализации и внедрения цифровых сервисов во всевозможных отраслях бизнеса растет и конкуренция между участниками рынка. Обилие предоставляемых товаров и услуг ведет к серьезной борьбе за расположение потребителей. На этом фоне использование средств индивидуализации товаров, работ и услуг выходит на передний план. Законодательное регулирование использования средств индивидуализации укрепляет формирование

честной рыночной конкуренции, и как следствие обеспечивает рост уровня качества предоставляемых товаров и услуг. При этом можно сказать, что состояние действующих норм не соответствует уровню развития информационных технологий [5, с. 189].

Согласно отчету Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2021 год, наиболее популярным в использовании средством индивидуализации является товарный знак [11]. Статья 1477 ГК РФ

содержит определение «товарного знака». Основная функция товарного знака заключается в маркировке товаров, с помощью которой можно отличить один бренд от другого [2]. Также применение зарегистрированного товарного знака обеспечит правовую защиту со стороны гражданского, административного или уголовного права.

Роспатент выдает свидетельство на товарный знак для регистрации, которая обеспечивается им. Информация о зарегистрированных товарных знаках содержится в открытых реестрах Федерального института промышленной собственности, который является подведомственным учреждением Роспатента.

Стоит отметить, что имеется исключение для товарных знаков, которые защищены в Российской Федерации в соответствии с процедурой, установленной Мадридским соглашением 1891 года и его Протоколом, и не требуют получения свидетельства [4].

Лицо, которое является обладателем прав на товарный знак, получившее соответствующее свидетельство, получает исключительное право сроком на десять лет, с возможностью его пролонгации.

Возможностью регистрировать товарные знаки обладают только индивидуальные предприниматели и юридические лица.

При этом возникает вопрос противодействию незаконному использованию товарных знаков. Законодатель предоставляет инструменты для защиты своих прав в областях гражданского, административного, уголовного права. В рамках административного права применяется ст. 14.10 КоАП РФ, в уголовном праве ответственность предусмотрена ст. 180 УК РФ [3; 13].

Необходимо отметить, что составление протоколов по ст. 14.10 КоАП РФ входит в ведение не только МВД России, но и ФТС России. ФТС России занимает лидирующую позицию в противодействии незаконному использованию средств индивидуализации, так как именно они являются основной инстанцией по борьбе с контрафактной и фальсифицированной продукцией [12].

Сотрудники таможенной службы также имеют право составлять рапорта, если обнаружат признаки преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ. После составления рапорта сведения направляются в правоохранительные органы.

Так, например, в Арбитражном суде города Москвы именно представитель ФТС России обнаружил признаки преступления по ч. 1 ст. 180 УК РФ и составил необходимый рапорт. Заявителем по данному делу выступило представительство иностранной компании с подробным описанием продукции и признаков контрафакта [8].

Если по статье 14.10 КоАП РФ был составлен протокол об административном правонарушении, дело рассматривается районным судом для физических лиц, против которых было возбуждено дело, или арбитражным судом для юридических лиц.

При правоприменительной практике в рамках уголовного права по первым двум частям ст. 180 УК РФ расследование осуществляется в виде дознания, а при применении двух других частей расследование осуществляют следователи из МВД России.

Переходя к характеристике правонарушения, предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ, следует отметить письмо ФТС России, которое определяет объективную сторону рассматриваемого правонарушения. Объективная сторона данного административного правонарушения состоит в незаконном использовании чужих товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров [6].

Квалифицирующим признаком по ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ выступает неправомерное копирование и воспроизводство средств индивидуализации. Вместе с тем это не устанавливает ответственности исключительно за размещение средств индивидуализации. Исходя из толкования ст. 1484 ГК РФ и ст. 1519 ГК РФ, под «использованием» средств индивидуализации принимается довольно широкое понятие, которое позволяет правообладателю осуществлять любые действия, не противоречащие законодательству России.

Ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ, предусматривает штраф и конфискацию товаров с неправомерно воспроизведенным средством индивидуализации. Также конфискации подлежит предмет административного правонарушения, как правило, им выступают оборудование, с помощью которого осуществлялось неправомерное воспроизведение средств индивидуализации.

Вторая часть ст. 14.10 КоАП РФ содержит более серьезный квалифицирующий признак, а именно реализация продукции с незаконным использованием средств индивидуализации. Здесь же законодатель в явном виде указывает, что похожие деяния могут квалифицироваться по ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за недобросовестную конкуренцию.

Так, например, в Сочи в результате проверки было обнаружено около двухсот предметов контрафактной продукции, содержащих, в том числе товарный знак «OPEL». Сотрудники ФТС изъяли данную продукцию, передали в правоохранительные органы, которые, в свою очередь, обратились в Арбитражный суд Краснодарского края. В ходе проверки также установлено отсутствие договоров между предполагаемым правонарушителем и правообладателем. В итоге суд назначил административное наказание в виде штрафа в 50 тысяч рублей. Ущерб компании правообладателю оценен в 2 с половиной тысячи рублей [9].

Также под квалификацию по рассматриваемой статье не будут попадать деяния, содержащие состав уголовного преступления по ст. 180 УК РФ. Соответственно под реализацией продукции понимают не только ее непосредственную продажу, но и ее рекламирование.

Таким образом, публикация продукции с незаконно использованным товарным знаком в классифайде или маркетплейсе и последующее его продвижение уже может стать основанием для привлечения по рассматриваемой статье. Особенностью ответственности по данной статье, является назначение наказания в виде процента от реализованной продукции, а также может быть предусмотрена дисквалификация для должностных лиц, совершивших данное правонарушение.

Перспектива того, что административное правонарушение перекалфицируют в уголовное преступление, появляется, если деяние совершалось повторно или причинило значительный ущерб [1, с. 36].

При определении состава преступления по ст. 180 УК РФ необходимо учитывать, что под незаконным использованием чужого товарного знака, знака обслуживания или сходных с ними обозначений для однородных товаров также понимается применение этих средств индивидуализации без разрешения правообладателя до такой степени, что обозначения становятся неразличимыми или трудноотличимыми. Это может происходить на товарах, этикетках, упаковках, в документации, в предложениях о продаже товаров, в сети Интернет. При этом такие товары могут производиться, предлагаться к продаже, продаваться, демонстрироваться на выставках, вводиться в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также храниться, перевозиться и ввозиться на территорию Российской Федерации [7].

В соответствии с примечанием к ст. 180 УК РФ, ущерб может быть признан крупным, если его сумма превышает 250 000 рублей. Определение крупного ущерба должно основываться на обстоятельствах каждого отдельного дела, таких как наличие и размер реального ущерба, упущенной выгоды, полученных доходов от нарушения прав на интеллектуальную собственность или средства индивидуализации [7].

При этом существует проблема невысокого уровня уголовного правоприменения со стороны правоохранительных органов. В результате возникают такие практические примеры, как в суде Республике Башкортостан в 2022 году. По этому решению подлежит компенсация в пользу частной компании из казны Российской Федерации. Сумма компенсации составила более 84 миллионов рублей. Компания-истец пострадала в результате действий сотрудников правоохранительных органов [10].

Ключевыми факторами в определении объема компенсаций являются финансовая отчетность, гражданско-правовая документация, дополнительные сведения по проведенным сделкам. В качестве инструмента, для подсчета точного объема компенсаций, может привлекаться судебный эксперт.

В качестве квалифицирующего признака в ст. 180 УК РФ указана неоднократность совершаемого деяния. Верховный Суд РФ в 2007 году дал разъяснения по поводу термина неоднократность. Неоднократность

по смыслу части 1 статьи 180 УК РФ предполагает совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров (при этом может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги), так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара) [7].

Однако, остается ряд неурегулированных случаев. Одним из них является вопрос, за какой период времени необходимо совершить преступление более одного раза, чтобы применялся данный квалифицирующий признак. Можно сделать вывод, что в определении временного промежутка будут исходить из срока давности привлечения к уголовной ответственности. Для ст. 180 УК РФ он варьируется от двух до десяти лет, в зависимости от инкриминируемой части.

Предупредительная маркировка является особой отметкой, которая свидетельствует о государственной регистрации товарного знака или наименования места происхождения товара. Обычно предупредительной маркировкой являются выражения, такие как «товарный знак» или «зарегистрированный товарный знак». Использование данной маркировки может выражаться в ее воспроизведение на физическом объекте (товаре, изделии, продукте) и при ее изображении на медиа объектах (изображения, видео, анимации), чаще всего применяемых в рекламе. Предупредительная маркировка, находящаяся около товарного знака или около наименования места происхождения товара, означает о наличии государственной регистрации или о намерении ее получить.

Ответственность по ч. 2 ст. 180 УК РФ предусмотрена за незаконное использование предупредительной маркировки, указывающей на государственную регистрацию товарного знака или наименования места происхождения товара. Квалифицирующими признаками являются, по аналогии с первой частью, неоднократность деяния и причинения крупного ущерба.

По ч. 3 ст. 180 УК РФ, квалифицирующим признаком является совершение преступления группой лиц, действовавших по предварительному сговору. А в соответствии с ч. 4 ст. 180 УК РФ, квалифицирующим признаком является совершение преступления организованной группой. На практике это самые встречаемые части, так как незаконный выпуск продукции, осуществляемый единолично, крайне редко может нанести крупный ущерб.

Подводя итог, стоит отметить, что для правильного разграничения между административным правонарушением и преступлением необходимо учитывать различные критерии, такие как степень общественной опасности деяния, характер и масштаб нарушения, наличие умысла и другие обстоятельства.

При этом следует отметить, что ответственность за административное правонарушение по ст. 14.10 КоАП РФ может включать штрафы и административные взыскания, в то время как за преступление по ст. 180 УК РФ могут быть назначены более строгие наказания, такие как лишение свободы.

Кроме того, важно учитывать, что в случае совершения преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, участники таких групп могут нести более строгую ответственность за преступление, чем отдельные лица.

Таким образом, для правильного разграничения ответственности за административное правонарушение и преступление необходимо учитывать множество факторов и обстоятельств, а также правильно применять соответствующие статьи закона в каждом конкретном случае.

Также остается актуальным вопрос об оценке вреда нанесенным, рассматриваемыми деяниями. В результате оценки вреда будет определяться грань между квалификацией по КоАП РФ или УК РФ.

Список источников

1. Бурмистрова А. А., Осокин Р. Б. Уголовно-правовая характеристика провокации взятки либо коммерческого подкупа // Криминологический журнал. 2021. № 1.
2. Гражданский кодекс РФ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
4. Мадридское Соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/madridskoe-soglashenie-o-mezhdunarodnoy-registracii-znakov-ot-14-aprelya-1891-g>.
5. Осокин Р. Б., Дикажев М. М. Электронный документооборот в правоохранительных органах состояние и проблемы правовой регламентации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6.
6. Письмо ФТС России от 29 июня 2007 г. № 01-06/24387 «О направлении Методических рекомендаций» // Таможенные ведомости. № 11. 2007.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также незаконном использовании товарного знака». Электрон. текстовые

- дан. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68054/
8. Решение арбитражного суда города Москвы от 15 июля 2022 г. по делу № А40-233977/2021 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/AgwlWsf0Prg/> (дата обращения: 20.01.2023).
 9. Решение арбитражного суда Краснодарского края от 15 июля 2022 по делу № А32-24786/2022 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/FojJub5NnodQ/> (дата обращения: 20.01.2023).
 10. Решение арбитражного суда республики Башкортостан от 23 мая 2022 г. по делу № А07-31405/2019 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/NaKLoqD19iUK/> (дата обращения: 20.01.2023).
 11. Роспатент подвел итоги патентной активности в 2021 году URL: <https://onlinepatent.ru/journal/rospatent-itogi-2021/> (дата обращения: 20.01.2023).
 12. Табакова Я. В. Грань между административным правонарушением и преступлением за незаконное использование средств индивидуализации товаров // Юридические науки. 2019.
 13. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

References

1. Burmistrova A. A., Osokin R. B. Criminal and legal characteristics of provocation of a bribe or commercial bribery // Legal sciences. 2021. № 1.
2. Civil Code of the Russian Federation of 18.12.2006 № 230-FZ. Electron. text data. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 195-FZ. Electron. text data. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
4. Madrid Agreement on the International Registration of Marks of 14.04.1891. Electron. text data. Access mode: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/madridskoe-soglashenie-o-mezhdunarodnoy-registracii-znakov-ot-14-aprelya-1891-g>.
5. Osokin R. B., Dikazhev M. M. Electronic document management in law enforcement agencies the state and problems of legal regulation // Legal sciences. 2020. № 6.
6. Letter of the Federal Customs Service of Russia dated 29.06.2007 № 01-06/24387 «On the direction of Methodological recommendations» // Customs Vedomosti. № 11. 2007.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 dated 26.04.2007 «On the practice of consideration by courts of criminal cases on infringement of copyright,

- related, inventive and patent rights, as well as illegal use of a trademark». Electron. text data. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68054/
8. Decision of the Arbitration Court of the city of Moscow of 15.07.2022 in case № A40-233977/2021 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/AgwIWsf0FPrG/> (accessed: 20.01.2023).
 9. Decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory of 15.07.2022 in case № A32-24786/2022 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/FojJub5NnodQ/> (accessed: 20.01.2023).
 10. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan dated 23.05.2022 in case № A07-31405/2019 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/NaKLoqD19iUK/> (accessed: 20.01.2023).
 11. Rospatent summed up the results of the patent activity in 2021. URL: <https://onlinepatent.ru/journal/rospatent-itogi-2021/> (accessed: 20.01.2023).
 12. Tabakova Ya. V. The line between an administrative offense and a crime for the illegal use of means of individualization of goods // Legal Sciences. 2019.
 13. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ. Electron. text data. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Информация об авторе

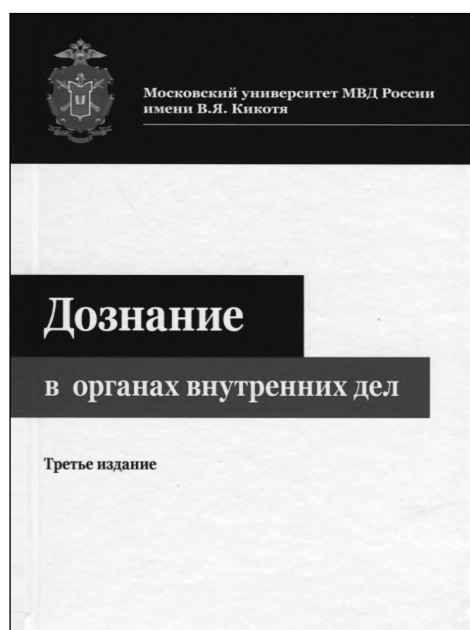
П. А. Машавец — аспирант кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Information about the author

P. A. Mashavets — Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Procedure of the Derzhavin Tambov State University.

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-138-141>

НИОН: 2003-0059-2/23-627

MOSURED: 77/27-003-2023-02-826

Проблемные аспекты исполнения гражданами своих конституционных обязанностей

Андрей Витальевич Мелентьев¹, Айша Магомедовна Омарова², Валерий Иванович Елинский³

^{1,2,3} Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия

¹ melentev@mirea.ru

² am_omarova@mail.ru

³ elinskij@mirea.ru

Аннотация. Рассмотрена система прав и свобод личности посредством закрепления конституционных обязанностей в законодательстве — одна из ключевых доминант прогрессивного общества XXI в., основу которого, без сомнения, составляет приоритет общечеловеческих ценностей. Исследованы особенности конституционно-правового регулирования обязанностей граждан, а также проблемные аспекты исполнения данных обязанностей.

Ключевые слова: обязанности, Конституция, граждане, государство, защита, права, ответственность

Для цитирования: Мелентьев А. В., Омарова А. М., Елинский В. И. Проблемные аспекты исполнения гражданами своих конституционных обязанностей // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 138–141. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-138-141>.

Original article

Problematic issues of citizens' fulfillment of their constitutional duties

Andrey V. Melentyev¹, Aysha M. Omarova², Valeriy I. Elinskiy³

^{1,2,3} Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia

¹ melentev@mirea.ru

² am_omarova@mail.ru

³ elinskij@mirea.ru

Abstract. At the present stage, the system of individual rights and freedoms by means of securing constitutional obligations in legislation is one of the key dominants of a progressive society of the XXI century, the basis of which, without a doubt, is the priority of universal values. This article will generally consider the features of the constitutional and legal regulation of the duties of citizens, as well as problematic aspects with the performance of these duties.

Keywords: duties, constitution, citizens, state, protection, rights, responsibility

For citation: Melentyev A. V., Omarova A. M., Elinskiy V. I. Problematic issues of citizens' fulfillment of their constitutional duties. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):138–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-138-141>.

В научном сообществе высказываются мнения о том, что реальность свободы зависит, в первую очередь, от того, насколько упорядочены обязанности гражданина. Заложенный и поддерживаемый государством порядок, основанный на праве, предопределяет условия реализации конституционных обязанностей гражданами РФ, а также укрепляет единство обязанностей граждан с их правами.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 Конституции РФ [4], каждый гражданин обладает соответствующими пра-

вами и несет установленные законом обязанности. При этом законодатель придерживается принципа равенства обязанностей. С практической точки зрения данная норма свидетельствует о том, что ни один гражданин РФ не может освобождаться от исполнения тех или иных обязанностей [5]. В равной степени бремя реализации конституционных обязанностей возложено на всех без исключения граждан РФ. Существующим правам, зачастую корреспондируют определенные обязанности.

© Мелентьев А. В., Омарова А. М., Елинский В. И., 2023

Например, в соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. Данное право по своей юридической природе является неотъемлемым конституционным правом, принадлежит всем людям от самого их рождения и не может быть ограничено в незаконном порядке. В то же время согласно ст. 58 Конституции РФ каждый гражданин обязан сохранять природу и окружающую среду, а также максимально бережно обращаться к природным богатствам. Реализация данной обязанности на практике вызывает определенные сложности.

На наш взгляд, процесс поддержания и обеспечения благоприятной окружающей среды должен максимально удовлетворять духовные, материальные, культурные потребности населения в условиях научно-технического развития. Во многом, качество окружающей среды является величиной переменной: зачастую, многие природные блага, которые были доступны природопользователям ещё вчера, сегодня уже не могут быть использованы. Например, экологи, утверждают, что навсегда утрачены многие представители растительного и животного мира, поскольку, люди слишком интенсивно используют пресную воду, деревья и другие растения для промышленных и сельскохозяйственных нужд. Данный процесс вполне закономерен в контексте современного развития цивилизации [2].

Наряду с обязанностью по сохранению и охране окружающей среды, на конституционном уровне определены и другие базовые обязанности гражданина, а именно: соблюдение действующего законодательства, в том числе и Конституции РФ; забота о детях и нетрудоспособных родителях; уважение прав и свобод человека и гражданина; защита Отечества; уплата налогов и сборов [10] и другие.

Например, в ст. 38 Конституции РФ, речь идет о том, что забота о детях, их воспитание — фундаментальные обязанности граждан РФ, которые получили законодательное признание и надлежащее закрепление в Конституции РФ.

Исходя из содержания Конституции РФ и других действующих нормативных правовых актов, можно выделить следующие группы:

- а) обязанности, которые направлены на поддержание и обеспечение безопасности государства;
- б) обязанности, позволяющие обеспечивать образование, нравственное здоровье и культуру граждан страны;
- в) обязанности, позволяющие обеспечивать на уровне государства его стабильное экономическое развитие и защищать частную собственность;
- г) обязанности, направленные на обеспечение и поддержание на достойном уровне физического и психического здоровья населения, личной безопасности граждан РФ.

В наше время происходит множество различных изменений, которые в той или иной степени касаются защиты прав и свобод человека и гражданина. В част-

ности, неисполнение гражданином РФ своих обязанностей может повлечь нарушение прав и законных интересов других граждан.

Например, неисполнение обязанностей родителей по воспитанию детей может повлечь за собой нарушение прав ребенка по получению им основного общего уровня образования. Это настолько важно, что пренебрежение обязанностью заботы о детях может повлечь за собой уголовную ответственность [6] по ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» УК РФ [11].

Защита прав и свобод человека и гражданина проистекает из существа обязанности гражданина как уважение прав и свобод других лиц. Данная норма нашла свое закрепление в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

Право на защиту — законное право любого человека и гражданина, который в определенных ситуациях нуждается в защите своих прав и законных интересов. Каждый вправе защищать и отстаивать свои нарушенные права в судебном порядке (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Например, в судах общей юрисдикции (ст. 2 ГПК РФ) [3]. Защиту нарушенных гражданских прав осуществляет арбитражный или третейский суд (ст. 11 ГК РФ) [9, с. 450].

Перечень способов защиты гражданских прав сформулирован законодателем в ст. 12 ГК РФ. Представленные способы можно классифицировать по материально-правовым основаниям:

- а) репрессивные способы. Предполагают определенную меру наказания за действия, которые причинили или могли причинить ущерб;
- б) пресекательные способы. Основываются на применении принудительного прекращения противоправных действий;
- в) восстановительные способы. Предполагают, что права гражданина будут восстановлены;
- г) компенсационные способы. Сопровождаются исполнением обязанности в натуре, компенсацией морального вреда.

О важности соблюдения принципа законности при рассмотрении и разрешении дел о защите прав, вынесении решений упоминается в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 от 27 ноября 2019 г. [7]. Верховный Суд РФ в Постановлении № 13 от 19 июня 2012 г. [8] поясняет, в чем состоит сущность законности как оценочной категории в механизме защиты прав и интересов граждан, учитывая положения ст. 2 ГПК РФ, из содержания которой и проистекает понимание интересов законности.

Институты гражданского общества способствуют обеспечению необходимых условий реализации потребностей и интересов отдельного индивида и всех членов общества.

З. К. Аюпова утверждает, что в большинстве современных стран мира общественные организации выступают как некая альтернатива государственных органов власти. Как правило, они обеспечивают стабильность функционирования органов власти, а последние способствуют поступательному развитию

гражданского общества [1].

В ходе политических реформ возникают ситуации, при которых те или иные сферы общественной жизни остаются без надлежащего государственного внимания, либо испытывают острую нехватку эффективных механизмов правового регулирования. В подобных случаях общественные организации способны оптимизировать процесс функционирования социальных институтов. Так, весьма важную роль приобретает благотворительная деятельность, налаживание международных связей, проведение просветительской и научной работы, повышение юридической грамотности населения, активная поддержка социально уязвимых категорий граждан.

В ходе взаимодействия гражданского общества с государством особое значение приобретают правозащитные общественные организации. Они могут обеспечивать общественный контроль за соблюдением прав человека, в первую очередь, со стороны государства. Такие организации принимают все более активное участие в поддержке демократических процессов. В общественных процессах все более важное место занимает религия и церковь.

В настоящее время религиозные организации оказывают заметное влияние на общественную жизнь и государственную политику. Церковь выступает как оберег нравственных, культурных, исторических традиций.

Для улучшения механизма исполнения гражданами РФ своих обязанностей следует развивать и укреплять институты гражданского общества, которые принимают активное участие в выработке государственной политики, направленной на решение насущных проблем. Этот процесс необходимо осуществлять с привлечением научных кадров, созданием аналитических центров, реальным изучением общественного мнения и проведением общественных слушаний. Потенциал гражданского общества необходимо активнее использовать при решении социальных и политических проблем.

Выводы:

1. В объеме конституционных обязанностей граждан РФ выделить обязанности направленные на обеспечение национальной безопасности государства и личной безопасности населения, касающиеся обеспечения стабильности экономического оборота и по обеспечению культурного, нравственного и духовного развития граждан РФ.

2. Способы защиты гражданских прав можно разделить на репрессивные, пресекающие, восстановительные и компенсационные.

Список источников

1. Аюпова З. К. Гражданское общество и правовое государство // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 27–33.
2. Брославский Л. И. Благоприятная окружающая среда как правовая категория // Экологическое право. 2021. № 2. С. 11–15.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 1 июля 2020 г.) // Рос. газета. 2020. 14 марта.
5. Морозов А. Н., Каширкина А. А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права : преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 120–146.
6. Мелентьев А. В. История, цели, проблемы и понятие современной уголовно-исполнительной политики в России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в свете современного уголовного законодательства : сборник материалов всероссийской студенческой научно-практической конференции, Ставрополь, 3 декабря 2020 года. Ставрополь : Ставропольский университет, 2020. С. 182–188.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г. // СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
9. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве : Избранное. М. : Статут, 2019.
10. Саудаханов М. В., Елинский В. И. Особенности экономической основы конституционного строя Российской Федерации как системы // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 241–244.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Ayupova Z. K. Civil society and the rule of law // Greater Eurasia : Development, security, cooperation. 2021. № 4–1. P. 27–33.
2. Broslavsky L. I. Favorable environment as a legal category // Environmental law. 2021. № 2. P. 11–15.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ (ed. of 29.12.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
4. Constitution of the Russian Federation : adopted by the All-Russian Federation by a vote of 12 Dec. 1993 (ed. from July 1, 2020) // Ros. Newspaper. 2020. March 14.

5. Morozov A. N., Kashirkina A. A. Constitutional transformations in the Russian Federation and the interaction of international and domestic law : continuity and novelty // Journal of Russian Law. 2022. № 1. P. 120–146.
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2019), approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 27.11.2019 // SPS «Consultant Plus».
7. Melentev A. V. History, goals, problems and the concept of modern penal enforcement policy in Russia // Actual problems of combating crime in the light of modern criminal legislation : collection of materials of the All-Russian Student Scientific and practical conference, Stavropol, December 03, 2020. Stavropol : Stavropol University, 2020. P. 182–188.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.06.2012 № 13 «On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the court of appeal» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 9.
9. Reshetnikova I. V. Reflecting on judicial proceedings: Selected. M. : Statute, 2019.
10. Saudakhanov M. V., Elinskiy V. I. Features of the economic basis of the constitutional system of the Russian Federation as a system // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. P. 241–244.
11. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 29.12.2022) //

Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Библиографический список

1. Ковалев В. В., Мелкумян А. В. Механизм и проблемы реализации обязанностей человека и гражданина в РФ // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-i-problemy-realizatsii-obyazannostey-cheloveka-i-grazhdanina-v-rf> (дата обращения: 12.01.2023).
2. Мелентьев А. В. Проблемы дифференциации административно-правовой ответственности различных субъектов права // Актуальные проблемы юриспруденции, Москва, 18 февраля 2022 года. Москва : ООО «Издательский Центр РИОР», 2022. С. 180–185.

Bibliographic list

1. Kovalev V. V., Melkumyan A.V. Mechanism and problems of realization of duties of a person and a citizen in the Russian Federation // Humanitarian and legal studies. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-i-problemy-realizatsii-obyazannostey-cheloveka-i-grazhdanina-v-rf> (accessed: 12.01.2023).
2. Melentyev A. V. Problems of differentiation of administrative and legal responsibility of various subjects of law // Actual problems of jurisprudence, Moscow, February 18, 2022. Moscow : RIOR Publishing Center LLC, 2022. P. 180–185.

Информация об авторах

А. В. Мелентьев — студент 4 курса кафедры государственного и административного права Российского технологического университета – МИРЭА;

А. М. Омарова — студент 4 курса кафедры государственного и административного права Российского технологического университета – МИРЭА;

В. И. Елинский — заведующий кафедрой государственного и административного права Российского технологического университета – МИРЭА, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Melentev — 4th year student of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University – MIREA;

A. M. Omarova — 4th year student of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University – MIREA;

V. I. Elinskiy — Head of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University – MIREA, Doctor Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-142-146>

НИОН: 2003-0059-2/23-628

MOSURED: 77/27-003-2023-02-827

Нравственное содержание принципов гражданского судопроизводства

Сергей Васильевич Мельник¹, Павел Валерьевич Надтачаев², Ольга Юрьевна Гомозова³

^{1,3} Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ m809sv@yandex.ru

² napaval77@mail.ru

³ gou_19@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются принципы гражданского судопроизводства как универсальные регуляторы с позиции их нравственной обусловленности.

Ключевые слова: принципы, гражданское судопроизводство, нравственность, гражданский процесс, арбитражный процесс

Для цитирования: Мельник С. В., Надтачаев П. В., Гомозова О. Ю. Нравственное содержание принципов гражданского судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 142–146. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-142-146>.

Original article

The moral content of the principles of civil proceedings

Sergey V. Melnik¹, Pavel V. Nadtachaev², Olga Ju. Gomozova³

^{1,3} Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukianov, Orel, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ m809sv@yandex.ru

² napaval77@mail.ru

³ gou_19@mail.ru

Abstract. The principles of civil proceedings as universal regulators from the standpoint of their moral conditionality are being considered.

Keywords: principles, civil procedure, morality, civil procedure, arbitration process

For citation: Melnik S. V., Nadtachaev P. V., Gomozova O. Ju. The moral content of the principles of civil proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):142–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-142-146>.

Основой любой правоприменительной деятельности являются ее основополагающие идеи и начала, именуемые принципами. Применение индивидуальной системы принципов в регулировании тех или иных общественных отношений выстраивает единую логико-правовую систему, позволяющую стать фундаментом для выстраивания данных общественных отношений. Не являются исключением и отрасли гражданского процесса, тесно взаимодействуя друг с другом, их принципы характеризуют определенный процесс как отрасль процессуального права.

В самом общем плане принципы гражданского

судопроизводства являются универсальными правовыми регуляторами, представляющими содержание деятельности суда, лиц, участвующих в деле и других участников судопроизводства, по рассмотрению и разрешению по существу гражданских дел. Нравственность гражданского судопроизводства, безусловно, выражена в его принципах, наличие или отсутствие которых дает оценочное знание о формальности деятельности указанных субъектов.

Правовая природа принципов гражданского судопроизводства рассматривается вкрупне с осмыслением сущности и содержания принципа как философско-

правовой категории [14, с. 308–315]. Этимологическое значение категории «принцип» закладывается во взаимосвязь с терминами «закон», «воззрение», «правило», «основание», что убеждает в ее фундаментальности и закономерности. Представители античной философии рассматривали принцип как определенную теоретическую абстракцию, применяемую в процессе доказательства в научном познании. Ф. Бэкон выдвинул ряд эмпирических и теоретических требований, позволяющих установить истинность принципов: «нельзя любую вещь воспринимать за принцип» [9, с. 11–13]. По мнению И. Канта предпосылкой возникновения категории «принцип» является разум, так как он выступает источником построения принципов в системе научного знания [11, с. 340–341]. Данная мыслительная логика привела к формированию толкования принципа как центрального, основополагающего понятия. В качестве сущностной характеристики принципа рассматривается его обусловленность человеческим опытом, практической деятельностью. Данный тезис подтверждает нравственную основу правовой природы принципа в контексте отграничения понятия от постулата, при этом в научной теории принцип применяется в организации знания и методов.

Гносеологическое значение категории принципа обосновано на человеческом мировоззрении, зависящего от способности целостного мышления проникнуть в содержание общественных процессов, формулируя абстрактные понятия [16, р. 465–473]. Так, восприятие принципов гражданского судопроизводства как результата познавательной деятельности его участников, определяет сущность и содержание.

Онтология, предмет которой выступает в качестве абстрактного бытия, рассматривает знание о бытии как базис всех категорий. При этом правовые принципы определяются как фундаментальная форма права, способная трактовать гомеостазис системы права. Принципы гражданского судопроизводства рассматриваются через призму непосредственных регуляторов правоотношений — «норм-принципов».

Целесообразно рассмотреть семантическое значение понятия «принцип права» (с лат. «*principium*»), интерес к которому возник лишь в советское время. Так, профессор В. К. Бабаев указал, что принципы права есть суть обобщения жизненного опыта, фактов, в их закономерностях и потребностях. Кроме того, автор, проводя соотношение между правом и нравственностью, верно отмечал, что право не может стоять выше нравственности в системе социальных ценностей, однако и нравственность по отношению к праву ставиться выше не может, поскольку социальная опасность выдвижения права «на задний план» велика [12, с. 128].

Учитывая тот факт, что правовые принципы выступают результатом объективной и субъективной деятельности, их суть состоит в обеспечении правильного, своевременного рассмотрения и разрешения

гражданских дел, что не может соблюдаться без единых нравственно-выдержанных стандартов и единых подходов. Принципы гражданского судопроизводства являются так называемым нравственным мерилем в разрешении перечня частных вопросов, касающихся гражданского дела как своеобразное и неповторимое.

Как было отмечено нами ранее, правовые принципы конкретной отрасли права тесно взаимосвязаны, являясь одним целым в логико-правовой системе. По мнению большинства правоведов, содержание отрасли права в первую очередь определяется содержанием принципов, на которой она строится как на фундаменте. Гражданское судопроизводство является единой системой, потому целесообразно выдвинуть тот тезис, что и принципы едины, вне зависимости от производства.

В то же время построение гражданского судопроизводства на основе его принципов по-особому проявляется в тех или иных стадиях, поэтому для установления значения и содержания конкретного принципа необходимо провести аналитический анализ его места в общей системе правовых принципов.

Итак, рассмотрим нравственную основу и сущность некоторых из них.

Особый смысл в контексте нравственного обеспечения процесса судопроизводства приобретает принцип диспозитивности, выведенный из ряда отдельных положений Гражданского процессуального кодекса РФ [6] (далее — ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса РФ [7] (далее — АПК РФ). Термин «диспозитивное начало» приобрел смысл в рамках идеи распоряжения сторонами своими правами в гражданском судопроизводстве. Принцип диспозитивности берет свое начало в размышлениях древнеримских юристов, «*nemo invitus agree cogitur*» («никто не может быть принужден к предъявлению иска против своей воли»), что обосновывает нравственный стержень в контексте решения обладателя права защищать свои права или терпеть их нарушение [15, с. 27–28].

Иными словами, данный принцип проходит красной нитью через весь процесс рассмотрения и разрешения гражданского дела, однако есть случаи, установленные законом, которые создают некоторое отступление от диспозитивности в процессе возбуждения судопроизводства. Так, например, ст. 46 ГПК РФ предоставляет возможность прокурору и иным указанным субъектам обратиться в суд для возбуждения судопроизводства в защиту других лиц, не имея материального или иного интереса к исходу дела.

Еще один важнейший постулат обеспечения диспозитивности состоит в том, что суд не может рассматривать незаявленное требование истцом, потому как здесь под угрозой нарушения ставится фундамент всего гражданского судопроизводства — его объективность.

Принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ,

ст. 8,9 АПК РФ) является важным маркером достижения объективности и всесторонности при рассмотрении и разрешении гражданского дела. В ГПК РФ состязательность и равноправие сторон понимаются как неотделимые друг от друга категории, в противовес АПК РФ, где законодатель четко разграничил их правовую сущность. Состязательность и равноправие сторон имеет не только юридический смысл, но и нравственный. Состязательность достигается в процессе ведения спора с участием беспристрастного арбитра, каковым является суд, а равноправие сторон понимается как наделение равными процессуальными правами в течение ведения судопроизводства. По мнению В. В. Рехтера, принцип состязательности приобретает смысл уже на стадии обращения истца в суд, поскольку составление искового заявления — первая и важная предпосылка для возникновения состязательного процесса [13, с. 96–99]. В процессе судебного разбирательства стороны имеют право на активное участие в исследовании собранных доказательств, данный факт повышает эффективность судебного состязания.

Тесная взаимосвязь рассматриваемых категорий данного принципа обусловлена, как справедливо отметил В. М. Семенов, проявлением процессуального равноправия в процессе состязания.

Нравственным содержанием наполнен принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 6 ГПК РФ, ст. 7 АПК РФ), основанный на идее естественного и неотъемлемого права, ненарушимого ни при каких обстоятельствах. Данный принцип является фундаментом не только для построения судебного процесса, но и для гражданского общества и правового государства. Философско-правовая концепция гражданского общества основана на трудах многих философов. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, общество есть сложная динамичная система, существующая согласно взаимодействию государства с институтами гражданского общества [10, с. 225]. Устранение гражданского общества ведет за собой устранение государства, так как государство имеет объективную связь с обществом через призму опоры на интересы граждан. В этой связи можно привести Аристотелевский парадокс целостности или иными словами эмерджентность, смысл которой сводится к справедливости для любого целого, а в нашем случае — для социального целого.

Принцип равенства всех перед законом и судом находит свое отражение в Конституциях СССР, Российской Федерации. «Правосудие в СССР осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом», гласит текст Конституции СССР от 1977 года [2]. Действующая Конституция РФ аналогично воспроизвела данный принцип, однако с некоторыми дополнениями в части равенства вне зависимости каких-либо обстоятельств (ст. 19) [1]. Кроме того, соблюдение данного принципа лежит в основе всех государств, признавших свою политическую систему как демократию. Это обеспечивают такие международно-правовые

акты как Всеобщая декларация прав человека (ст. 7) [3], Международный пакт о гражданских и политических правах [4] и другие.

Тесную связь рассматриваемый принцип имеет с категорией справедливости, обеспечивающейся в процессе гражданского судопроизводства. Справедливость, выступая нравственным стержнем, является оценочной категорией, потому как справедливый поступок — это соразмерный поступок («*jus est ars boni et aequi*»). Это подтверждает целесообразность суждения о том, что справедливость не только этическая категорией нравственности, но и требование, нашедшее свое отражение в философии, праве, политике и морали.

Принцип законности (ст. 6 АПК РФ, отдельные положения ГПК РФ) является гарантией от произвола, представляя собой требование к соблюдению норм материального права при условии строгого соблюдения норм процессуального права в процессе рассмотрения и разрешения дела в суде. Законопослушное (нормативное) поведение в обществе — важный постулат на пути к здоровому государству. Суждение «всё, что не запрещено, разрешено» является фундаментом частного права, на котором строится весь процесс, потому и актуально говорить о построении соблюдения установленных законом правил как нравственной обязанности участников гражданского судопроизводства.

С позиции национального гражданского судопроизводства, его участники имеют законное право на отыскание справедливости и законности в решениях и действиях суда, что закреплено единым механизмом российской судебной системы.

В связи с этим примечательно отметить рассмотренное Конституционным Судом РФ дело о проверки конституционности ст. 208 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Л. В. Бакиной, С. А. Жидкова, Е. М. Семенова и Е. И. Семеновы [8]. Данные дела были соединены по обращениям в одно производство, так как, по мнению заявителей, действующая на тот момент норма о производстве индексации взысканных судом денежных сумм на день исполнения решения суда в случаях и в размерах, установленных законом или договором, не соответствовала ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. По мнению заявителей, ст. 208 ГПК РФ не соответствовала конституционным нормам в части отсутствия критериев, на основе которых осуществляется индексация присужденных денежных сумм. Конституционный Суд постановил, что ст. 208 ГПК РФ не соответствует конституционным нормам и принципам (ч. 1 ст. 46) в связи с отсутствием в системе действующего правового регулирования указанного механизма индексации.

Нравственное содержание принципа независимости судей (ст. 8 ГПК РФ, ст. 5 АПК РФ) состоит в том, что судья, выступая арбитром гражданского судопроизводства с позиции объективности своих суждений и принимаемых решений, подчинен исключительно Конституции РФ и федеральному законодательству.

Статус независимости судьи подкреплен запретом на какое-либо воздействие в отношении деятельности судей по осуществлению правосудия.

В связи с этим интересными представляются положения Бангалорских принципов поведения судей, где показатели отдельных принципов образуют взаимосвязанную систему, позволяющую достичь главные задачи правосудия [5].

1. Показатель независимости судей становится в качестве предпосылки и гарантии справедливости судебного процесса. При отправлении правосудия судья должен исходить из оценки фактов в соответствии с нормами права, исключая возможность какого-либо давления, вмешательства, преследующего любые цели. Кроме того, на судью возложена обязанность иметь четкую объективную позицию в отношении как всего общества в целом, так и в отношении сторон частного судебного разбирательства.

2. Показатель объективности, установленный настоящими Правилами, тесно связан с претворением независимости в деятельности судебных органов. Обязанности судьи скоординированы в исключении предвзятости с целью поддержания роста доверия граждан к суду.

3. Показатель честности и неподкупности определяется в рамках собственной модели поведения судьи, демонстрирующей безупречное поведение.

4. Показатель соблюдения этических норм ставится как неотъемлемая часть деятельности судьи, потому как именно этические нормы являются важным маркером нравственного соответствия судьи. В национальной системе принят Кодекс судебной этики, призванный в равной степени обеспечить судебную защиту с позиции компетентности и независимости правосудия.

5. Показатель равенства является основой в рамках обеспечения важнейшего конституционного принципа. Судья признает разнородность общества, исключая возникновение какого-либо внутреннего пристрастия в отношении лица.

6. Показатель компетентности и старательности является, с нашей позиции, общим по отношению к другим требованиям, поскольку все они образуют слаженную систему, взаимоисключающую друг друга в случае невыполнения требований.

Поводя итоги, стоит сделать акцент на том, что принципы гражданского судопроизводства имеют особо выраженную нравственную основу, являясь гарантом обеспечения правильного, справедливого, объективного рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237.

2. Конституция (Основной закон) СССР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) (прекратила действие) // «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР» от 12 октября 1977 г. № 41, ст. 617.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // «Библиотечка Российской газеты», 1999 г. Выпуск № 22–23.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // «Библиотечка Российской газеты», 1999 г. Выпуск № 22–23.
5. Бангалорские принципы поведения судей // [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 14.11.2022).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) // «Российская газета» от 20.11.2002 г. № 220.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) // «Российская газета» от 27.07.2002 г. № 137.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2021 г. № 1-П по делу о проверке конституционности статьи 208 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Л. В. Бакиной, С. А. Жидкова, Е. М. Семенова, Е. И. Семеновы // [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации / Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101140005> (дата обращения: 14.11.2022).
9. Бэкон Ф. О принципах и началах. М., 1937. 82 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
11. Кант И. Соч. : В 6 т. Т 4. М. : Мысль, 1965. 544 с.
12. Общая теория права. Курс лекций. Под общей ред. Проф. В. К. Бабаева. Н. Новгород. 1993. 513 с.
13. Рехтер В. В. Проблемы реализации принципа состязательности в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 1999. № 11. 406 с.
14. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовой принцип как философско-правовая категория // Юридическая техника : Ежегодник. Н. Новгород, 2020. № 14. 682 с.
15. Ференс-Сороцкий А. А. Принципы гражданского процессуального права. СПб., 1993. 54 с.
16. Wiethölter R. Proceduralization of the Category of Law // German Law Journal. 2011. № 12 (1). 2094 p.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by

- popular vote on December 12, 1993) // «Rossiyskaya Gazeta» dated December 25, 1993 № 237.
2. Constitution (Basic Law) of the USSR (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977) (terminated) // «Vedomosti Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR» dated October 12, 1977 № 41, Article 617.
 3. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948) // «Bibliotekha of Rossiyskaya Gazeta», 1999 Issue № 22–23.
 4. International Covenant on Civil and Political Rights (New York, December 16, 1966) // «Bibliotekha of Rossiyskaya Gazeta», 1999 Issue № 22–23.
 5. Bangalore Principles of Judicial Conduct // [Electronic resource] // Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (accessed: 14.11.2022).
 6. The Civil Procedural Code of the Russian Federation (CPC RF) // «Rossiyskaya Gazeta» dated 20.11.2002 № 220.
 7. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (APC RF) // «Rossiyskaya Gazeta» dated 27.07.2002 № 137.
 8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1-P of January 12, 2021 on the case of checking the constitutionality of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens L. V. Bakina, S. A. Zhidkov, E. M. Semenova, E. I. Semenova // [Electronic resource] Official Internet portal of legal information / Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101140005> (accessed: 14.11.2022).
 9. Bacon F. On principles and principles. M., 1937. 82 p.
 10. Hegel G. V. F. Philosophy of Law. M., 1990. 524 p.
 11. Kant I. Soch. : In 6 t. T. 4. M. : Thought, 1965. 544 p.
 12. General theory of law. A course of lectures. Under the general ed. Prof. V. K. Babaeva. N. Novgorod. 1993. 513 p.
 13. Rechter V. V. Problems of implementing the adversarial principle in the arbitration process // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1999. № 11. 406 p.
 14. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. The legal principle as a philosophical and legal category // Legal technique : Yearbook. N. Novgorod, 2020. № 14. 682 p.
 15. Ferens-Sorotsky A. A. Principles of civil procedural law. St. Petersburg, 1993. 54 p.
 16. Wiethölter R. Proceduralization of the Category of Law // German Law Journal. 2011. № 12 (1). 2094 p.

Информация об авторах

С. В. Мельник — профессор кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент;

П. В. Надтачаев — заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

О. Ю. Гомозова — слушатель 5 курса факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.

Information about the authors

S. V. Melnik — Professor of the Department of Civil and Economic Disciplines of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukianov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

P. V. Nadtachaev — Deputy Head of the department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

O. Ju. Gomozova — Listener of the 5th year of the Faculty of Training Investigators of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukianov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-147-150>

НИОН: 2003-0059-2/23-629

MOSURED: 77/27-003-2023-02-828

Генезис правового концепта современного демократического режима

Марина Викторовна Нагалина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nagalinam@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент **Н. Ф. Медушевская**

Аннотация. Рассматривается формирование концепта современного демократического режима в связи с теорией правового государства Нового и Новейшего времени. Отмечается ведущая роль философского дискурса в теории правового государства, а именно идеи представителей немецкой классики. Утверждается, что на становление правового концепта современного демократического режима особое влияние оказали следующие принципы: верховенство права, справедливость, признание прав и свобод человека, разделение властей. Во второй половине XIX в. в силу активизации политических процессов и развития политологии стало возможным различать политический и правовой концепты современного демократического режима, которые обладают как сходными чертами, так и различиями.

Ключевые слова: правовой концепт современного демократического режима, правовое государство, демократия, верховенство права, признание прав и свобод человека, разделение властей, справедливость

Для цитирования: Нагалина М. В. Генезис правового концепта современного демократического режима // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 147–150. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-147-150>.

Original article

Genesis of the legal concept of the modern democratic regime

Marina V. Nagalina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nagalinam@mail.ru

Scientific adviser: Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor **N. F. Medushevskaya**

Abstract. The formation of the concept of the modern democratic regime is considered in connection with the theory of the legal state of the New and Modern times. The leading role of philosophical discourse in the theory of legal state, namely the ideas of representatives of the German classics, is noted. It is argued that the formation of the legal concept of the modern democratic regime was particularly influenced by the following principles: rule of law, justice, recognition of human rights and freedoms, separation of powers. In the second half of the XIX century due to the intensification of political processes and the development of political science, it became possible to distinguish between the political and legal concepts of the modern democratic regime, which have both similarities and differences.

Keywords: legal concept of the modern democratic regime, legal state, democracy, recognition of human rights and freedoms, separation of powers, rule of law, justice

For citation: Nagalina M. V. Genesis of the legal concept of the modern democratic regime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):147–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-147-150>.

Обращаясь к вопросу о происхождении правового концепта современного демократического режима, следует отметить, что классический образец демократического режима восходит к афинской модели демо-

кратии, и это нашло отражение как в самой политико-правовой мысли Древней Греции, так и в трудах немецких и английских ученых Нового и Новейшего времени Г. В. Ф. Гегеля, И. Гердера, И. И. Винкельма-

© Нагалина М. В., 2023

на, Дж. С. Милля, Дж. Грота и др., что позволяет сделать вывод о сложившейся научной традиции в рассмотрении концепта демократии в истории учений о праве и государстве. Впрочем, это утверждение вовсе не означает, что современное демократическое государство в точности повторяет классическую модель. Постнеклассическая юридическая наука, безусловно, учитывает социокультурный контекст, но ее диалогичность предполагает, что те утверждения, которые относятся к предшествующим научным революциям, были сформулированы в рамках классической научной рациональности, они не могут в полной мере соответствовать современным социально-экономическим, эпистемологическим и политическим условиям. Как утверждает Т. В. Кудрявцева, «древнегреческое понятие «демократия», установленное и проанализированное в трудах греческих философов, во многом отличается от современного одноименного концепта, которым оперируют и политические науки, и общественное мнение» [5].

И главное методологическое допущение, которое формулируется в данной статье, исходит из тезиса, что классический концепт демократии и концепт современного демократического режима, хоть и обнаруживают некую взаимосвязь, но имеют при этом существенные, если не сказать принципиальные различия как теоретического, так и практического характера.

Большое значение для современного понимания демократического режима имела дискуссия, развернувшаяся в XIX в., что, по нашему мнению, связано с формированием именно юридического контекста в осмыслении демократии и, соответственно, правового концепта юридического режима. При этом следует отметить, что в развитии представлений о демократическом режиме существенную роль сыграла концепция правового государства, благодаря которой стало возможным теоретическое осмысление народовластия в юридическом нарративе.

Обратимся, прежде всего, к немецкой юриспруденции, в которой и был введен в оборот термин «правовое государство» (К. Велькер, Ф. фон Алетик, Р. фон Моль), хотя философское обоснование понятия правового государства было дано в немецкой классической философии сначала в трудах И. Канта, а затем и Г. В. Ф. Гегеля [2, с. 143].

И. Кант возродил традицию, заложенную еще в Древней Греции и положившую начало развитию классического концепта демократии, который стал попыткой соединения теории права и политической теории государства. Немецкий философ выделил функцию государства, нацеленную на правовое обеспечение индивидуальной свободы человека. Исходя из этой посылки, он определил семь принципов правового государства, в числе которых оказались свобода, равенство, республиканизм, верховенство права, гласность, справедливость и федерализм [4]. В течение

продолжительного времени дух правового государства питался именно этими принципами.

Как известно, философские идеи И. Канта оказали решающее воздействие на всю европейскую социально-гуманитарную мысль, а влияние его политических идей на теорию правового государства в Германии трудно переоценить. А. Мюллер, Ф. Шталь, Р. фон Моль, В. Велькер, Р. Гнейст и другие мыслители первой трети XIX в. базировались в своих трудах на положениях политической философии И. Канта. Позже они нашли свое воплощение и развитие в правовом учении Р. фон Иеринга.

Конечно, в немецкой философии и юриспруденции еще не обсуждался концепт демократического режима, но попытка связать учение о государстве с учением о праве, появление понятия правового государства заложили интеллектуальную основу для формирования правового концепта демократии. Кроме того, отметим, что в указанной теории правового государства если и усматриваются некие сходства с античной правовой моделью, то имеются и существенные различия, связанные, прежде всего, с тем, что акцент в ней переносится на специфику социально-экономических и политических условий и на массовикацию общественных связей и отношений, в которых формируется государство современного типа, и это отражает принципы и закономерности диалектики как метода научного познания, введенного в научный оборот Г. В. Ф. Гегелем.

Возвращаясь к концепции И. Канта, который в своей теории правового государства его обязательными признаками назвал федерализм и республиканизм, отметим, что они с позиции современной юридической науки относятся к характеристике форм государственно-территориального устройства и правления, поэтому считаем правомерным сделать вывод, что правовой концепт современного демократического режима играет в настоящее время иную роль в характеристике государства. С развитием представлений о государственном режиме в правоведении в силу объективных причин стали исключаться из характеристик сущности современного демократического режима те свойства и признаки, которые относятся к анализу форм правления или государственно-территориального устройства.

Таким образом, в результате анализа диалектической связи концепции правового государства и концепта современного демократического режима и в соответствии с представлениями о современном государстве в число свойств, повлиявших на формирование означенного правового концепта, следует отнести следующие: верховенство права, справедливость, признание прав и свобод человека, разделение властей.

Другими словами, обращение к классическому концепту правового государства позволяет сделать вывод о его нетождественности концепту современного демократического режима, поскольку последний

соотносится лишь с формой государственного режима, в то время как концепт правового государства есть рефлекс целостного представления о государстве со всей совокупностью его содержательных элементов.

В соответствии с третьей научной революцией, которая осуществилась в конце XIX – начале XX вв., стало бурно развиваться социально-гуманитарное познание со свойственной ему методологией. Соответственно формируется политология как самостоятельная область научного знания, обратившаяся в политическом дискурсе к анализу идеи демократии и демократического режима, которые подчас рассматривались как синонимичные. Другими словами, можно констатировать, что благодаря стремительной динамике социальных и политических процессов в указанное время стало возможным выделение как политического, так и правового концептов современного демократического режима. Следовательно, оба концепта современного демократического режима обладают не только различиями, но и генетической общностью.

Предметом политологии является политическая система, политика в широком смысле слова, политическая жизнь государства и общества, ее структура, закономерности функционирования, сущностные особенности, куда входят не только политические организации, но и характерный для данного социума и конкретных исторических обстоятельств политический режим. Отсюда следует, что в рамках политологии демократический режим анализируется как определенная и вовсе не единственная разновидность политического режима [11; 1]. Нередко в политологии вопрос о политическом режиме рассматривается как политическая идея [9; 7]. Перенесение политологических установок в теорию государства и права может расцениваться как способ политизации современного права, что характерно для научных подходов, сформировавшихся в советский период. Именно в то время вследствие монопарадигмальности и идеологизированности государствоведения анализ демократического режима осуществлялся в контексте политологических установок.

Сама по себе принадлежность учения о форме государства как раздела, в котором традиционно исследуется демократический режим, к системе теории государства и права, еще не является достаточным основанием для вывода о качественной специфичности теоретико-правового подхода к изучению современного демократического режима. Требуется установить содержательные характеристики, принципиально отличающие названный подход от политологического.

В современной постнеклассической юридической науке сложились иные методологические установки, которые позволяют утверждать, что в политологии и теории государства и права можно выделить принципиально разные подходы к пониманию государства и

государственности. Так, в политологии государство рассматривается как центральный элемент политической системы общества, поэтому его понимание зависит от сущностных характеристик политики, взаимосвязи государства с иными структурными единицами политической системы общества, принципов организации политических отношений и т. д. В теории государства и права «основой государствоведения является правопонимание» [6, с. 4], правоведы обращаются только к тем свойствам государства, которые взаимодействуют с правом: осуществление государством правового регулирования (управление общими делами на основе права) [8, с. 56–57], право на законность [3, с. 29], притом его «политический характер ... признают далеко не все» [10, с. 15].

Итак, правовой концепт современного демократического режима в его юридической интерпретации имеет существенные отличия от классической модели демократии, речь о которой шла выше. В чем же они заключаются?

Первое отличие усматривается в том, что, как отмечалось выше, правовой концепт современного демократического режима в Новое время начал формироваться в русле теории правового государства, соответственно, он вобрал в себя характерные для такого режима правовые методы и способы государственного управления. Они соответствовали таким принципам правового государства, как верховенство права, признание прав и свобод человека, разделение властей и справедливость.

Второе отличие вытекает из специфики организации власти в государствах современного типа, для которых в большинстве случаев характерна представительная форма демократии.

Далее следует третье отличие, вытекающее из утверждения, что на формирование концепта современного демократического режима в значительной степени повлияло развитие юриспруденции Нового времени, которая продолжала традиции в интерпретации идеи античной демократии, вследствие чего вышеуказанный концепт ориентировался на правовые, а не на политические характеристики демократического режима.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в социально-гуманитарной науке можно выделить как правовой, так и политический концепты современного демократического режима, содержание которых актуализируется исключительно в рамках правового или политического контекстов соответственно. Теория государства и права имеет своим предметом наиболее общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права, находящиеся во взаимообусловленных связях, поэтому теоретико-правовой подход к исследованию современного демократического режима предполагает анализ наиболее общих, универсальных характеристик данного режи-

ма как элемента формы государства в контексте связи с правом.

Список источников

1. Баранов Н. А. Эволюция современной демократии : политический опыт России : дис. ... докт. полит. наук : 23.00.02. СПб, 2008.
2. Гавриков В. П. Теория государства и права : смена парадигмы : монография. М., 2017.
3. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. М., 2005.
4. Кант И. Метафизика нравов. Часть 1. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Сочинение в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
5. Кудрявцева Т. В. Греческие философы о демократии : pro et contra // Философия и общество. 2008. № 1. С. 112–127.
6. Малахов В. П. Общая теория права и государства. Курс лекций. М., 2018.
7. Поляков С. А. Модификация современных концепций демократии в Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Ростов-н/Д, 2007.
8. Тихомиров Ю. А. Государство. М., 2013.
9. Хелд Д. Модели демократии ; пер. с англ. М. Рудакова. М., 2014.
10. Чиркин В. Е. Современное государство. М., 2001.

11. Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова, сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М., 2010.

References

1. Baranov N. A. The evolution of modern democracy : the political experience of Russia : dis. ... doc. polit. sciences : 23.00.02. SPb, 2008.
2. Gavrikov V. P. Theory of state and law : paradigm shift: monograph. M., 2017.
3. State, society, personality : problems of compatibility / Ed. ed. R. A. Romashova, N. S. Nizhnik. M., 2005.
4. Kant I. Metaphysics of morals. Part 1. Metaphysical principles of the doctrine of law // Kant I. Essay in six volumes. T. 4. Ch. 2. M., 1965.
5. Kudryavtseva T. V. Greek philosophers about democracy : pro et contra // Philosophy and Society. 2008. № 1. P. 112–127.
6. Malakhov V. P. General theory of law and state. Lecture course. M., 2018.
7. Polyakov S. A. Modification of modern concepts of democracy in the Russian Federation : dis. ... cand. polit. sciences : 23.00.02. Rostov-n/D, 2007.
8. Tikhomirov Yu. A. State. M., 2013.
9. Held D. Models of Democracy. M., 2014.
10. Chirkin V. E. The modern state. M., 2001.
11. Schmitt K. State and political form. M., 2010.

Информация об авторе

М. В. Нагалина — соискатель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. V. Nagalina — Competitor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-151-154>

НИОН: 2003-0059-2/23-630

MOSURED: 77/27-003-2023-02-829

Формирование и развитие профессиональных компетенций судебного эксперта в области криминалистического исследования документов и портретной экспертизы

Татьяна Владимировна Орлова¹, Виталий Валентинович Бушуев²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ orlova-mu@yandex.ru

² denisbush@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты, касающиеся интеграции и расширения круга специальных знаний, получаемых в рамках обучения специалистов по криминалистическому исследованию документов и портретной экспертизе в высших образовательных учреждениях.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, криминалистическое исследование документов, портретная экспертиза, профессиональная компетентность, специалист, специальные знания, повышение квалификации

Для цитирования: Орлова Т. В., Бушуев В. В. Формирование и развитие профессиональных компетенций судебного эксперта в области криминалистического исследования документов и портретной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 151–154. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-151-154>.

Original article

Formation and development of professional competencies of a forensic expert in the field of forensic examination of documents and portrait expertise

Tatiana V. Orlova¹, Vitaly V. Bushuev²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ orlova-mu@yandex.ru

² denisbush@yandex.ru

Abstract. Some aspects concerning the integration and expansion of the range of special knowledge obtained as part of the training of specialists in the forensic examination of documents and portrait expertise in higher educational institutions are considered.

Keywords: professional competencies, forensic examination of documents, portrait examination, professional competence, specialist, special knowledge, advanced training

For citation: Orlova T. V., Bushuev V. V. Formation and development of professional competencies of a forensic expert in the field of forensic examination of documents and portrait expertise. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):151–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-151-154>.

Согласно существующим юридическим нормам, судебный эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, не заинтересованное в исходе дела, которому поручено производство экспертизы. По итогам освоения программы специалиста в образовательных организациях системы МВД

России выпускник должен обладать рядом профессиональных и профессионально-специализированных компетенций. К их числу относится область знаний и навыков по исследованию документов, в целом, и отдельных их реквизитов, в частности. Специалист в области исследования документов, если рассматривать основной круг вопросов, входящих в его компетен-

© Орлова Т. В., Бушуев В. В., 2023

цию (почерк, документы, портрет), должен обладать широким диапазоном знаний в области полиграфии, почерковедения, естественных наук (химии, физики), габитоскопии, фототехники и т. п. Сюда же можно включить знания, получаемые в результате специального образования и профессионального опыта, на основе которых формируется компетенция и компетентность эксперта (в том числе, знания методик исследования различных объектов).

За последние несколько десятков лет объем специальных знаний при обучении специалистов в данной области судебной экспертизы значительно расширился, и это в значительной степени обусловлено требованиями практики, а именно развитием полиграфических и репрографических технологий изготовления документов и повышения качества и степени сложности способов подделки (имитации) документов, в которых необходимо разбираться компетентному специалисту в области исследования документов.

Таким образом, в контексте обучения, при подготовке специалистов по данному направлению, в первую очередь, встает вопрос, в каком объеме необходимо давать знания в целях подготовки практикоориентированных специалистов. В современных реалиях практические органы, выступающие в роли основных «заказчиков», могут определить для образовательных организаций наряду с базовыми вопросами, наиболее актуальные направления, предусматривающие интегративный подход для решения отдельных вопросов, которые необходимо освоить в рамках учебного процесса.

Интеграция в преподавании предполагает слияние, насколько это возможно, в одном учебном материале обобщенных знаний в той или иной области. По сути, это комплекс изучаемых знаний и формируемых навыков, позволяющих оценить ситуацию в целом и решить конкретно поставленные вопросы, используя возможности множественных связей изучаемых дисциплин и соотнесения их между собой. В тоже время, в соответствии с общими педагогическими подходами, нельзя игнорировать тот факт, что педагог должен в определенной мере ограничивать обучающегося тем объемом знаний, который он способен освоить на определенном этапе обучения [1, с. 29]. В современном контексте данный постулат выражается в том, что обучающемуся нужно преподносить ту информацию, которую он способен применить в будущем. Однако и уровень восприятия в современных условиях должен измениться, что позволит поднять уровень подготовки специалистов, т. е. расширить рамки познаний, которыми они должны овладеть. Объем получаемых знаний не должен оставаться на прежнем уровне и это подтверждается повышенным интересом экспертов-практиков к отдельным вопросам, остающимися не-

разрешенными и в настоящее время.

Так, в базовом объеме знаний по курсу технико-криминалистической экспертизы документов давно назрела необходимость пересмотреть не только отдельные методические подходы, но и основные теоретические вопросы, касающиеся понятий предмета, задач, объектов данного вида криминалистической экспертизы. При определении круга непосредственных объектов в этом случае общепринятое понятие документа — материального объекта, содержащего информацию в зафиксированном виде и специально предназначенного для ее передачи во времени и пространстве должно трактоваться в более узком смысле, с учетом письменного способа первоначальной фиксации информации. В том числе зафиксированное в понятии документа, трактуемого с криминалистической точки зрения, закрепление юридических фактов, не всегда применимо к возможным разновидностям документов, в том числе, таких как обычные письма, дневники, блокноты с записями и т. п.

Отдельно стоит сказать о методиках, в частности идентификационных исследований печатающих устройств, печатных форм (в том числе печатей и штампов) по их оттискам, исследования защищенной полиграфической продукции и т. д. Многие из них не пересматривались с конца прошлого столетия. На это обращали внимание и некоторые зарубежные авторы в изданиях, посвященных экспертизе документов, еще 10–15 лет назад. В частности, они выделяют «...вопросы, связанные с появлением новых способов письменного общения, а также распространении настольных компьютеров и принтеров, что сильно повлияло на характер проводимых исследований и используемых методологий...» [2; 3]. Несмотря на объективную необходимость, многие эксперты привыкли работать, опираясь на стереотипы, не желая переосмыслить уже устоявшиеся, но во многом устаревшие подходы в решении как диагностических, так и идентификационных вопросов.

Говоря об интеграции знаний, нельзя не указать на необходимость расширения квалификации эксперта в области почерковедческой экспертизы при установлении способов технической подделки подписей и кратких записей. К таким выводам приходят в своих публикациях некоторые ученые и практики, которые особо отмечают, что вопрос установления нерукописности выполнения почерковых объектов, можно решить только в рамках проведения почерковедческой экспертизы, т. к. технические признаки современных способов подделки не всегда явно проявляются в объектах и именно несоответствие признаков почерка может свидетельствовать о факте нерукописности.

На данный аспект обращали свое внимание авторы учебной литературы по технико-криминалистиче-

ской экспертизе документов, уточняя, что для установления технической подделки подписей вначале эксперт, используя почерковедческие методы исследования, изучает графические признаки, для того, чтобы установить содержит ли подпись признаки свободного исполнения или нет, а также факт исполнения ее проверяемым лицом, образцы которого представлены на исследование [4, с. 105]. И только потом устанавливает способ технической подделки подписей.

До сих пор не получило должного методического подкрепления в почерковедческой экспертизе задача идентификации нелатинской (иноязычной) письменности, особенно в связи со сложившейся обстановкой в экспертных подразделениях некоторых регионов, которые сталкиваются на практике с почерковыми объектами, выполненными различными видами письма.

Следует также отметить, что определенные проблемы в последнее время возникают в области портретной экспертизы. Это связано с исследованиями внешности человека, информация о которой все чаще предоставляется на исследование на цифровых носителях. В связи с этим, эксперты, решающие задачу отождествления лиц по признакам внешнего облика, запечатленного на таких носителях, все чаще испытывают трудности методического характера, связанные, в том числе с определением фотомонтажа [5, с. 64]. Возможно, решение данного вопроса может быть реализовано путем применения методов фототехнической экспертизы в рамках портретного исследования.

Еще одной немаловажной, на наш взгляд, является проблема использования в габитоскопии и портретной экспертизе биометрических технологий. Биометрические измерения позволяют в настоящее время оперативно и с высокой эффективностью отождествить человека, используя его различные характеристики. Однако, использование данных технологий при идентификации человека по признакам внешности, в свою очередь, влечет необходимость изменения существующих и разработку новых методов исследования объектов в портретной экспертизе [6, с. 92].

Таким образом, анализ состояния практики назначения и выполнения судебно-портретных экспертиз и исследований, а также их методического обеспечения показал, что наиболее насущными проблемами в этой области являются как приспособление имеющихся методик к новым объектам — носителям информации о признаках внешности, так и разработка методических рекомендаций для решения экспертных задач с новым их содержанием.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что недостаточный уровень подготовки специалистов на сегодняшний день может привести к экспертным ошибкам разного уровня, начиная с отказа (порой необоснованного) решить поставленную задачу и завер-

шая необъективностью проведенного исследования и ошибочностью сформированного вывода.

Для разрешения указанных проблем в подготовке судебных экспертов можно предложить следующее.

В настоящее время существует перечень компетенций по специальности 40.05.03 — Судебная экспертиза, содержащейся в действующем ФГОС. Кроме того, в системе МВД России существуют квалификационные требования к судебному эксперту утвержденные Министром внутренних дел Российской Федерации. Однако, они имеют общий характер. На наш взгляд, для каждой из экспертных специальностей и их специализаций такие требования нужно конкретизировать с учетом современных реалий.

Говоря о модернизации обучения, не стоит забывать и о необходимости пересмотра системы переподготовки именно практикующих специалистов. Она должна строиться на постоянной основе, возможно в онлайн формате, что обусловлено постоянным изменением категории и сложности поступающих на исследование объектов и решаемого круга задач, что не всегда возможно при инертной отработке своей компетентности в рамках решения типовых вопросов, которые не всегда отличаются повышенной сложностью.

Список источников

1. Митрофанов К. Г. Учительское учительство. Научно-популярная серия «Педагогика и психология», № 6. 1991.
2. Kelly J. S., Lindblom B. S. Scientific Examination of Questioned Documents, Second Edition, CRC Press, 2006.
3. Ellen D. Scientific Examination of Documents : Methods and Techniques, Third Edition, Boca Raton : CRC Press, 2005.
4. Техничко-криминалистическая экспертиза документов. Учебник для вузов МВД СССР. Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1978.
5. Зинин А. М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1.
6. Частикова В. А., Титова А. А., Войлова Д. А. Аналитический обзор методов идентификации личности на основе биометрических характеристик // «Вестник АГУ». Вып. 1 (296). 2022.

References

1. Mitrofanov K. G. Teacher teaching. Popular Science series «Pedagogy and Psychology», № 6. 1991.
2. Kelly J. S., Lindblom B. S. Scientific Examination of Questioned Documents, Second Edition, CRC

- Press, 2006.
3. Ellen D. Scientific Examination of Documents : Methods and Techniques, Third Edition, Boca Raton : CRC Press, 2005.
 4. Technical and forensic examination of documents. Textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd : Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978.
 5. Zinin A. M. Actual problems of forensic portrait examination // Bulletin of Economic Security. 2018. № 1.
 6. Chastikova V. A., Titova A. A., Voylova D. A. Analytical review of methods of identification of a person based on biometric characteristics // «Bulletin of ASU». Issue 1 (296). 2022.

Информация об авторах

Т. В. Орлова — начальник кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Бушуев — начальник учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

T. V. Orlova — Head of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. V. Bushuev — Head of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья
УДК 343.982.4
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-155-157>
НИОН: 2003-0059-2/23-631
MOSURED: 77/27-003-2023-02-830

Значение национальных стандартов в технико-криминалистическом исследовании документов

Дина Ивановна Пакалина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, dina_pakalina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены национальные стандарты, которые используют эксперты в области технико-криминалистического исследования документов при проведении экспертиз.

Ключевые слова: стандартизация, национальный стандарт, экспертная деятельность, криминалистическое исследование документов, технико-криминалистическая экспертиза документов

Для цитирования: Пакалина Д. И. Значение национальных стандартов в технико-криминалистическом исследовании документов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 155–157. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-155-157>.

Original article

The importance of national standards in the technical and forensic study of documents

Dina I. Pakalina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, dina_pakalina@mail.ru

Abstract. The national standards are being considered which the experts in the field of technical and criminalist research of documents use when conducting examination are considered.

Keywords: standardization, national standard, expert activity, criminalist research of documents, technical and criminalist examination of documents

For citation: Pakalina D. I. The importance of national standards in the technical and forensic study of documents. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):155–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-155-157>.

Федеральный закон 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» указывает, что все судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля обязаны осуществлять деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов. Реализация этого положения означает, что методология судебной экспертизы соответствующих родов (видов) экспертиз должна быть унифицирована, носить не ведомственный, а межведомственный характер. При решении экспертных задач должны применяться единые научные критерии и научно-апробированные методики. Первым шагом к достижению единого научно-ме-

тодического подхода к экспертной практике было создание в июне 1996 г. под руководством министерств внутренних дел и юстиции Российской Федерации по согласованию с Верховным Судом и Генеральной прокуратурой Российской Федерации Федерального координационно-методического совета по проблемам экспертных исследований. Совет был создан на общественных началах в целях координации научных исследований, совместной разработки экспертных методик и технических средств, их апробации, рассмотрения проблем экспертной практики, возможной унификации методик, обучения и аттестации экспертных кадров. Одним из результатов совместной работы РФЦСЭ Минюста России совместно с ЭКЦ МВД России и при участии ряда других экспертных учреж-

дений и подразделений были инвентаризация и создание сводного каталога регистрационных паспортов экспертных методик по различным родам экспертиз, одобренного Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований 31 октября 2000 года.

Следующим шагом по обеспечению единого научно-методического подхода к экспертной практике стало создание в 2015 году Технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» (ТК 134) [1], который является формой сотрудничества заинтересованных представителей федеральных органов исполнительной власти, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», иных государственных корпораций, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, научных организаций, в том числе осуществляющих деятельность в сфере стандартизации, изготовителей, исполнителей, общественных объединений потребителей. За техническим комитетом были закреплены следующие объекты стандартизации в области судебно-экспертной деятельности: Общие положения. Терминология. Стандартизация. Документация (Словари, в части объектов судебной экспертизы); Управление качеством и обеспечение качества (в области судебной экспертизы); Услуги (работы) по производству судебных экспертиз и экспертных исследований (в части объектов судебной экспертизы). В настоящее время в области криминалистических экспертиз разработаны и утверждены ГОСТ 34791-2021 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения» и ГОСТ 59508-2021 «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения». В данных стандартах термины указанных видов криминалистических экспертиз систематизированы и указаны в алфавитном порядке. Для каждого понятия установлен один стандартизованный термин. Требования указанных стандартов предназначены для применения государственными и негосударственными судебными экспертами, лицами, связанными с назначением судебных экспертиз и исследований, а также лицами, осуществляющими научную и учебную деятельность. Особой ценностью ГОСТ 34791-2021 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения» и ГОСТ 59508-2021 «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения» является то, что в них приведены эквиваленты стандартизованных терминов на английском языке. Это позволяет взаимодействовать в области экспертной деятельности представителям различных государств.

В области технико-криминалистического исследования документов также важное значение имеет терминология, как совокупность слов и словосочетаний, являющихся названием понятий в данной области науки. Терминология играет большую роль применительно к объектам и задачам технико-криминали-

стической экспертизы документов. При отсутствии стандарта в области технико-криминалистической экспертизы документов на помощь эксперту в данной области приходят действующие национальные стандарты. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013, утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-ст дает общее определение документа, как «зафиксированной на носителе информации с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [2, с. 2]. Кроме того, в стандарте перечислены термины документов, которые используются экспертами для классификации документов по различным основаниям. Например, по носителю документированной информации можно выделить письменный документ, электронный документ, фотодокумент, аудиовизуальный документ, видеодокумент и кинодокумент. По назначению ГОСТ делит все документы на подлинники, дубликаты, копии и выписки. Кроме того, указывается, что подлинным является документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения. Непосредственными объектами исследования технико-криминалистической экспертизы документов выступают реквизиты документов, которыми в соответствии с данным стандартом являются элементы оформления документа, т. е. бланк документа («лист бумаги с реквизитами, идентифицирующими автора официального документа») и подпись («реквизит, содержащий собственноручную роспись должностного или физического лица») [2, с. 3].

Государственный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 51511-2001, принятый и введенный в действие постановлением Госстандарта РФ от 25 декабря 2001 г. № 573-ст дает определение другому объекту исследования и реквизиту документа — отisku печати, как изображению клише печати на бумаге [3, с. 1]. Кроме того, данный стандарт раскрывает содержание следующих терминов, используемых при исследовании оттисков: печать, клише печати, мастичная печать, штемпельная краска и штемпельная подушка.

Основными способами изготовления документов или их бланков являются полиграфические и репрографические способы. Основные термины и определения понятий в области полиграфии и репрографии можно найти, соответственно, в восьми частях Национального стандарта РФ ГОСТ Р ИСО 12647-1-2017 «Технология полиграфии. Контроль процесса изготовления цифровых файлов, растровых цветоделений, пробных и тиражных оттисков», утвержденном и введенном в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, и в действующем по настоящее время Государственном стандарте Союза ССР ГОСТ 13.0.002-84 «Репрография. Термины и определения», утвержденном поста-

новлением Государственного комитета СССР по стандартам от 27 сентября 1984 г. № 3400.

Одним из наиболее часто встречающимся объектом исследования технико-криминалистической экспертизы является защищенная полиграфическая продукция, определение термина которой указано в Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 54109-2010 [4, с. 2], утвержденном приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 1 июля 2011 г. № 803-ст. Кроме того, данный стандарт дает определения элементу защиты от подделки, защитному комплексу, водяному знаку, защитным волокнам, защитной нити, гильоширному рисунку, микротексту и другим терминам, используемым экспертами при описании и исследовании защищенной полиграфической продукции [4, с. 3–4].

Технико-криминалистическая экспертиза документов отличается разнообразием применяемых методов исследования. Одним из общенаучных методов исследования является измерение. В целях обеспечения единства измерений, определяемых Федеральным законом от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» (с изм. и доп. от 18 июля, 30 ноября 2011 г., 28 июля 2012 г., 2 декабря 2013 г., 23 июня, 21 июля 2014 г., 13 июля 2015 г.) эксперт должен проводить данный метод с использованием линеек, изготовление которых регламентировано ГОСТ СССР 17435-72 [5], утвержденным постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 14 января 1972 г. № 150.

Рассмотренные выше примеры использования национальных стандартов в деятельности эксперта в области технико-криминалистического исследования документов показывают насколько важно их значение для экспертной деятельности. Результаты проводимой работы технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» (ТК 134) позволят всем судебно-экспертным учреждениям осуществлять свою деятельность на основе единого научно-методического подхода, что даст возможность более эффективно регулировать экспертную деятельность и значительно повысить качество проводимых судебных экспертиз.

Информация об авторе

Д. И. Пакалина — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

D. I. Pakalina — Senior Lecturer of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Список источников

1. Приказ Росстандарта от 19 мая 2017 года № 1026 «Об организации деятельности технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» (с изм. на 10 июня 2022).
2. ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». М. : Стандартинформ, 2014.
3. ГОСТ Р 51511-2001 «Печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации. Форма, размеры и технические требования». М. : ИПК Издательство стандартов, 2002.
4. ГОСТ Р 54109-2010 «Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищенная. Общие технические требования». М. : Стандартинформ, 2011.
5. ГОСТ СССР 17435-72 «Линейки чертежные, Технические условия». М. : Издательство стандартов, 1992.

References

1. Order of the Russian standard of may 19, 2017 № 1026 «About the organization of activity of technical Committee on standardization «Judicial examination» (with changes from June 10, 2022).
2. State standard R 7.0.8-2013 «System of standards for information, library and publishing. Record keeping and archival business. Terms and definitions». M. : STANDARTINFORM, 2014.
3. State standard R 51511-2001 «Seals with reproduction of the State emblem of the Russian Federation. Form, size and technical requirements». M. : IPK Publishing house of standards, 2002.
4. State standard R 54109-2010 «Protective technologies. Printing products protected. General technical requirements». M. : STANDARTINFORM, 2011.
5. State standard USSR 17435-72 «Line drawing, Specifications». M. : Publishing house of standards, 1992.

Научная статья

УДК 37.013

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-158-162>

НИОН: 2003-0059-2/23-632

MOSURED: 77/27-003-2023-02-831

Радикализация: понятие, критерии оценки, причины

Виталий Михайлович Палий¹, Елена Васильевна Гришай², Юрий Николаевич Людкевич³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, support_mosu@mvd.ru

^{2,3} Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, post_krdu@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается ситуация сложившаяся ситуация в последнее время в геопространстве, в целом, и в нашем государстве, в частности, которая предопределила необходимость более тщательного исследования различных негативных субкультур с целью эффективного противодействия им. Особое внимание уделяется в данной статье таким феноменам как религиозный фундаментализм, радикализм, экстремизм и терроризм. Также проводится анализ различных форм политического, идеологического, экономического насилия, которые осуществляются в форме экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, радикализация, негативные субкультуры, терроризм, продемократические идеи, антимонархические идеи

Для цитирования: Палий В. М., Гришай Е. В., Людкевич Ю. Н. Радикализация: понятие, критерии оценки, причины // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 158–162. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-158-162>.

Original article

Radicalization: concept, evaluation criteria, causes

Vitaly M. Paliy¹, Elena V. Grishai², Yuri N. Ludkevich³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, support_mosu@mvd.ru

^{2,3} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, post_krdu@mvd.ru

Abstract. The recent situation in the geospace in general and in our state in particular predetermined the need for a more thorough study of various negative subcultures in order to effectively counter them. Particular attention is paid in this article to such phenomena as religious fundamentalism, radicalism, extremism and terrorism. It also analyzes various forms of political, ideological, economic violence that are carried out in the form of extremism and terrorism.

Keywords: radicalism, extremism, radicalization, negative subcultures, terrorism, pro-democratic ideas, anti-monarchist ideas

For citation: Paliy V. M., Grishai E. V., Ludkevich Yu. N. Radicalization: concept, evaluation criteria, causes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):158–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-158-162>.

Конъюнктура, сложившаяся в последнее время в геопространстве, в целом, и в нашем государстве, в частности, предопределила необходимость более тщательного исследования различных негативных субкультур с целью эффективного противодействия им. Особое внимание следует уделить таким феноменам как религиозный фундаментализм, фундаментализм, радикализм, экстремизм и терроризм. Различные формы проявления политического, идеологического, экономического насилия зачастую осуществляются в форме экстремизма и терроризма. В научных кругах

уже достаточно давно используется и весьма активно термин «радикализация». Однако следует признать, что в настоящее время нет однозначной трактовки данного понятия, и имеют место существенные разногласия во взглядах на его сущность в научных кругах правоведов и философов. Фактически слова «радикальный» и «радикализация» имеют разный смысл для разных людей. В данном случае следует учитывать, что в основу любой практической деятельности закладывается теоретическая основа. А это значит, что в выработке полноценного определения понятий

© Палий В. М., Гришай Е. В., Людкевич Ю. Н., 2023

радикализма, экстремизма и терроризма необходимо последовательно двигаться от общего к частному и конкретному. Если рассмотреть этот вопрос с позиции формальной логики, то мы можем увидеть взаимосвязь радикализма, экстремизма и терроризма с позиции кругов «Эллера».

Самые общие определения радикализма, экстремизма и терроризма содержатся в энциклопедических словарях.

Ситуация сложившаяся в последнее время создала предпосылки к распространению различных негативных субкультур, значительная часть которых позиционирует себя и идентифицируется в обществе как имеющие радикальный окрас. Необходимо признать, что в какой-то мере они тесно связаны с понятием «радикализация». В целом можно констатировать факт того, что в современном научном сообществе нет единой четкой трактовки понятия «радикализация», а бытующее мнение о данном явлении как о констатации факта вступления в различные вооруженные формирования с целью совершения различных преступлений насильственного характера, как нам представляется, не отвечает объему понятия. На наш взгляд, радикализация общества — это, прежде всего, распространение в нем радикальных идей, которые, в свою очередь, часто становятся «катализатором» социальных и политических трансформаций. Имеет право на существование мнение некоторых ученых, утверждающих, что «радикализироваться не означает стать террористом: далеко не все люди, разделяющие радикальные или экстремистские взгляды, решаются на акты насилия». Экстремизм (от лат. *Extremus* — крайний) определяется как «... приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [1]. В свою очередь, приверженец, согласно словарю С. И. Ожегова, — это «... убежденный сторонник, последователь кого-нибудь, чего-нибудь» [2]. Следовательно, можно сделать логический вывод, что фанатично убежденные сторонники каких-либо крайних идей и взглядов в основном в политической области именуется экстремистами.

Терроризм является крайним проявлением экстремизма, но с данным определением, как и определением предыдущих понятий, существуют различные мнения. Так, например: «Терроризм — политика, основанная на систематическом применении террора. Синонимами слова «террор» (лат. *terror* — страх, ужас) являются слова «насилие», «запугивание», «устрашение» [1]. Другая точка зрения на данное определение заключается в том, что, сегодня, существует смешение таких понятий, как «террор» и «терроризм». Насильственное достижение поставленных целей является террором. Понятие «терроризма» же более широкое и по содержанию, и по сути. В данном случае это не способ достижения преступных намерений, а социально-политическое явление, которое в своей деятельности использует террористические методы и приемы [3].

Для примера можно привести много исторических фактов, когда сторонники гражданского сопротивления или борьбы за гражданские права, несмотря на радикальность своей стратегии, были категорически против достижения поставленных целей насильственным путем. Этим обстоятельством хотелось бы подчеркнуть, что нельзя однозначно отождествлять радикализацию с насильственным преступным достижением поставленных целей и задач. Некоторые авторы утверждают, что радикализация может коснуться любого индивида при стечении каких-то определенных обстоятельств. Как было сказано выше, сами термины «радикал», «радикализм» и «радикализация» имеют западное происхождение. Там же в начале XXI века стала появляться их новая интерпретация. По этой причине видится целесообразным рассмотреть весь эволюционный процесс указанного понятийного аппарата в зарубежных научных кругах с момента зарождения и до нынешних дней. Любопытно исследовать сформировавшуюся понятийную систему в зарубежной литературе касаясь трактовки, в частности, таких явлений как «терроризм» и «экстремизм».

1. Понятия «радикал», «радикализм», «радикализация». Дать полное определение понятию радикализация затруднительно по причине значительного эволюционирования данного концепта. На начальной стадии оно рассматривалось, как процесс принятия индивидом или группой лиц радикальных идей, которые осознают и принимают для себя возможность насильственного преступного достижения поставленных целей, в том числе с использованием террора. На данном этапе такая интерпретация уже не является достаточно популярной. Следует признать, что трактовка, имевшая место в начале нынешнего столетия, претерпела существенные изменения под воздействием различных факторов и в настоящее время более сложна, и многогранна в особенности в ее качественном аспекте. Не маловажную роль в этом сыграла сформировавшаяся в последнее время в геопространстве политика нетерпимости к различным родам экстремистским и террористическим проявлениям. Следует признать, что «радикализм» менял свой смысл как понятие в процессе исторического развития общества. Так XIX в. большинство в основном политических движений и партий, относивших себя к радикальным, не являлись такими по сути. Таковыми они считались в силу провозглашения новых ценностей, которые противоречили сформировавшемуся на тот момент социально-политическому укладу. Основная суть их радикализма заключалась в провозглашении демократических идей, отвергавших сословную структуру гражданского общества с искоренением различных запретов и ограничений, основанных на национальном и гендерном неравенстве. При этом следует признать, что в основном они провозглашали себя больше реформистскими движениями, не признающими насильственное, революционное достижение постав-

ленных целей. Обязательно необходимо отметить, что предлагаемые в то время реформы в настоящее время стали основой демократического общества современного государства. То есть, следует, что с того времени, когда радикалом считалось лицо явно демократических, реформистских взглядов, произошла существенная трансформация трактовки данного понятия и на нынешнем этапе таким считается лицо ярко выраженных антидемократических регрессивных идей, которые нередко оправдывают насильственные способы достижения поставленных целей. На данном этапе к понятию радикализация в зарубежном мировом сообществе выработались несколько основных подходов. Согласно первому из них, данным понятием является процесс достижения своих преобразовательных целей насильственным путем. Так, Д. Делла Порта в своем исследовании обозначает несколько общепринятых в начале нынешнего столетия определений понятия «радикализация», общая суть которых заключается в эскалации насилия как единственного способа достижения поставленных целей. Большинство авторов при этом утверждают, что радикализация имеет ярко выраженный террористический окрас. Как указывает М. Седжвик, «радикализация в настоящее время становится стандартным термином, используемым для описания того, что происходит до того момента, как бомба сработает». В некоторых трудах предлагается ограничивать традиционную радикализацию от насильственной. Так, по мнению А. Дальгард-Нельсен под «радикалом» следует понимать индивида, взгляды которого обращены к глобальным социально-политическим изменениям, а «радикализацией» он провозглашает совокупность действий направленных на распространение этих идей в гражданском обществе, с целью изменения сформировавшегося уклада. Этот же автор под «насильственной радикализацией» понимает осознание и принятие допустимым применение насильственных мер для достижения поставленных целей. При этом есть целая группа научных трудов, в которых предлагается разграничивать понятия «радикализация» и «экстремизм». Например, А. Шмид считает, радикализм исторически считался предпосылкой к демократизации, прогрессу, по причине чего его производная – «радикализация» – нельзя однозначно отождествлять с понятием экстремизма. Следует согласиться с данным автором в части того, что он предлагает не отождествлять понятия радикализм и экстремизм, отличая последнее как «проявление ограниченного мышления и стремления создать гомогенное общество, базирующееся на жестких, догматических, идеологических принципах, которые призывают подавлять любое инакомыслие и субъектность меньшинств», в то время как радикализм — «это беспристрастное принятие различий и вера в силу разума в большей степени, чем в догму». Можно сделать вывод, что сторонники такого подхода считают, что «радикализация» далеко не всегда сопровождается насиль-

ственными методами и террором, а в тех случаях, когда такое имело место, насилие отличается от действий экстремистов, не являясь самоцелью как таковой.

Например, А. Бюттичер отмечает значительную трансформацию смысла понятия «радикализм» с момента его появления. Изначально этот феномен ассоциировался с какими-то новыми либеральными веяниями характерными в основном для левых политических объединений, позиционирующих себя в противовес устоявшемуся социально-политическому укладу. Именно радикализм стал политической доктриной политических движений, которые противопоставляли себя монархическим устоям, являвшимся основополагающими в политическом укладе в XIX веке. Именно в то время радикализм характеризовался продемократическими, антимонархическими идеями. Оппоненты же в угоду своих интересов предпринимали попытки по преподнесению радикализма как революционного движения, преследующего цель по смене власти. Хотелось бы отметить, что в настоящее время в таком виде преподносится религиозный радикализм. Следует согласиться с мнением А. Бюттичера, который считает, что радикализм в историческом аспекте больше характеризуется реформистскими, чем экстремистскими чертами. Тем более, что экстремизм как явление появилось значительно позже. Данный автор предложил обстоятельное определение радикализма, в котором он под последним предлагает понимать «политическую доктрину, принятую общественно политическими движениями в пользу как индивидуальной, так и коллективной свободы и освобождения от правления авторитарных режимов и иерархически структурированных обществ». Как идеологическое мышление радикализм зачастую крайне категоричен к сформировавшимся устоям и преследует цель по совершенствованию либо полной замене существующих политических структур. В данном противодействии противники радикальных течений преподносят последних как склонных к достижению своих целей насильственным путем. Такое суждение однобоко, поскольку радикализм, исторически ассоциировался с демократическим реформизмом, а не с радикальным экстремизмом. Радикализм в отличие от экстремизма не предполагает использование устрашения в пропаганде своих идей, не предполагает подчинение. Радикалы рассматривают всю палитру возможных способов достижения поставленных целей, несмотря на крайне острую реакцию на попытки поставить под сомнение их основные идеи. Экстремизм в отличие от радикализма отличается приоритетом крайних форм действий, зачастую насильственного характера. Также существенным отличием от экстремистов является нескрываемое желание радикалов на самоидентификацию. Вышеуказанный автор А. Бюттичер достаточно всесторонне и объективно обозначил основные отличия указанных явлений. Он считает, что данные понятия являются крайне противоположными, значи-

тельно отличающимися друг от друга и обозначил основные элементы, подтверждающие это, в частности:

1. Радикальные движения в своей деятельности характеризуются прагматизмом и не считают насильственные меры единственным возможным способом достижения целей. При этом политическое насилие они применяют точно, целенаправленно и избирательно в исключительных случаях, тогда как экстремистские движения позиционируют такие действия своими политическим кредо, не гнушаясь их применением в отношении неопределенного круга лиц, в том числе массово.

2. Оба явления в своих целях имеют отсылку к чему-то не относящемуся к настоящему укладу жизни. При этом в случае экстремизма есть сильный палингенетический элемент; в то время как радикализм своей целью преследует формирования нового светлого уклада жизни, а не возвращение к имевшему место в прошлом.

3. Экстремизм характеризуется антидемократическими взглядами, нетерпимостью к любым другим идеологиям, когда категорически отвергается верховенство права и конституционного устройства государства. По этой причине исключена интеграция экстремистов в современную либерально-демократическую политическую систему общества. Радикализм же характеризуется больше эмансипативностью. Несмотря на различные сложности, радикалы могут существовать в современном демократическом обществе.

4. Исторически радикалы преследовали своей целью распространение основных прав и свобод человека и гражданина на все слои населения вне зависимости от национальной, расовой, сословной и иной принадлежности. В противовес этому экстремистски настроенные движения противопоставляют себя правовым институтам, пропагандирующим и охраняющим основополагающие свободы.

5. Экстремисты категорически отвергают свободу мнений. При этом они не гнушаются любых крайних способов достижения целей. В то время как радикализм, несмотря на преследование целей по кардинальному изменению существующего уклада жизни, не отвергает категорически разнообразие в обществе путем.

6. Радикализм провозглашает себя в противовес правящей элиты и ее основной концепции. Экстремисты же направляют свою деятельность в отношении всего гражданского общества отказывающегося принимать провозглашенные ими догматические идеи.

7. При малочисленности радикального движения

оно предпочитает не идти на конфронтацию с установленным порядком, стараясь распространять свои идеи в максимально закрытом формате. Экстремистские движения в силу своей крайней радикальности в большинстве случаев являются небольшими группировками, которые, несмотря на это не прекращают свою агрессивную провокационную деятельность, в том числе с использованием насильственных средств и террора.

8. Радикализм в своей деятельности ориентирован на неограниченный круг граждан с пропагандой в целом универсальной морали. Экстремистская мораль, характеризующаяся своей специфичностью, направленной строго на членов своего движения.

9. Экстремистские идеи в основном характерны для авторитарных и тоталитарных диктатур. Экстремисты выступают против любых свобод простых граждан, нередко являясь нацистами и расистами. Радикализм же исторически является более эгалитарным и менее элитарным.

10. Основные догмы радикалистских движений основаны на политическом наследии Просвещения XVIII века с его верой в силу разума и идеями о человеческом прогрессе. Экстремизм отличается своей больше иррациональной основой, зачастую религиозными и фундаментальными системами убеждений. При этом они настаивают на монополии своего ретроградного видения истины.

В качестве вывода хочется сказать, что под «радикализацией» сейчас принято понимать процесс, в ходе которого люди или группы людей становятся приверженцами определенных радикальных идей или сторонниками коренных преобразований либо процесс, связанный с применением радикальных методов осуществления своих целей.

Список источников

1. Большой энциклопедический словарь. М.-СПб., 1997.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991.
3. Макаров Н. Е., Дондоков Ц. С. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. № 11.

References

1. Big encyclopedic dictionary. M.-SPb., 1997.
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M., 1991.
3. Makarov N. E., Dondokov Ts. S. The concept and ideology of extremism in modern conditions // Law and army. 2005. № 11.

Информация об авторах

В. М. Палий — доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. В. Гришай — профессор кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России доктор философских наук, профессор;

Ю. Н. Людкевич — заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. M. Paliy — Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. V. Grishay — Professor of the Department of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor;

Yu. N. Lyudkevich — Deputy Head of the Department of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 20.01.2023.

Актуальные проблемы теории государства и права. Учеб. пособие. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья
УДК 342.951
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-163-166>
НИОН: 2003-0059-2/23-633
MOSURED: 77/27-003-2023-02-832

Определение категории высококвалифицированных иностранных специалистов, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации

Анатолий Семенович Прудников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Раскрываются понятие, сущность и особенности правового статуса привлекаемых к трудовой деятельности высококвалифицированных иностранных специалистов.

Ключевые слова: специалист, квалификация, труд, деятельность, иностранный гражданин, работа, опыт, требования, миграция, категории, особенности привлечения

Для цитирования: Прудников А. С. Определение категории высококвалифицированных иностранных специалистов, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 163–166. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-163-166>.

Original article

Definition of the category of highly qualified foreign specialists engaged in labor activity on the territory of the Russian Federation

Anatoly S. Prudnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The concept, essence and features of the legal status and employment of highly qualified foreign specialists are being revealed.

Keywords: specialist, qualification, work, activity, foreign citizen, work, experience, requirements, migration, categories, features of attraction

For citation: Prudnikov A. S. Definition of the category of highly qualified foreign specialists engaged in labor activity on the territory of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):163–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-163-166>.

Появление института высококвалифицированных иностранных специалистов стало значительным этапом развития миграционного законодательства Российской Федерации.

Первые очертания данного института появились в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства, подписанном в городе Рамбуйе 27 ноября 2009 года и ратифицированном Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 393-ФЗ [2].

Понятийный аппарат указанного соглашения содержит определение «высококвалифицированных работников», под которыми понимаются граждане государства одной Стороны, заключившие трудовой

договор с работодателем, находящимся на территории государства другой Стороны, и отвечающие по меньшей мере двум из трех критериев:

- наличие документа о высшем образовании, соответствующего профессии, указанной в трудовом договоре;
- наличие опыта работы не менее пяти лет по профессии, должности, указанным в трудовом договоре;
- размер заработной платы в соответствии с трудовым договором, не менее 3200 евро в месяц.

Вместе с тем, вступивший в силу с 1 июля 2010 года Федеральный закон от 19 мая 2010 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» [3], которым Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» был дополнен статьей 13 [1], предусматривающей особенности осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами, содержит по сравнению с упомянутым соглашением только один критерий отнесения иностранных граждан к категории высококвалифицированных иностранных специалистов — это получаемая иностранным гражданином заработная плата (вознаграждение).

В соответствии с пунктом 1 статьи 13 Федерального закона № 115-ФЗ высококвалифицированным специалистом признается иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы (вознаграждения) в установленном указанным пунктом размере.

При этом работодатель и заказчик работ (услуг) самостоятельно осуществляют оценку компетентности и уровня квалификации иностранных граждан, которых они желают привлечь в качестве высококвалифицированных специалистов, и несут соответствующие риски.

Предусмотренный минимальный размер заработной платы (вознаграждения) в большинстве случаев зависит от категории работодателей, заказчиков работ (услуг), привлекающих высококвалифицированных специалистов к трудовой деятельности.

Для иностранных граждан, привлеченных к трудовой деятельности резидентами технико-внедренческой особой экономической зоны, заработная плата (вознаграждение) должна составлять не менее чем 58,5 тыс. рублей из расчета за один календарный месяц.

Для высококвалифицированных специалистов, привлеченных к трудовой деятельности резидентами промышленно-производственных, туристско-рекреационных, портовых особых экономических зон — не менее 83,5 тыс. рублей из расчета за один календарный месяц.

В соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 № 116-ФЗ [4] под особой экономической зоной понимается часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

Особые экономические зоны создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции.

При этом указанным законом установлены отдель-

ные условия образования особых экономических зон в зависимости от их типа (промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые).

Так, промышленно-производственные особые экономические зоны создаются на участках территории, площадь которых составляет не более чем сорок квадратных километров. Техничко-внедренческие особые экономические зоны создаются на участках территории, общая площадь которых составляет не более чем четыре квадратных километра. Портовые особые экономические зоны создаются на участках территории, прилегающих к морским портам, речным портам, открытым для международного сообщения и захода иностранных судов, к аэропортам, открытым для приема и отправки воздушных судов, выполняющих международные воздушные перевозки, и могут включать в себя части территорий и (или) акваторий речных портов, территорий морских портов, аэропортов.

Одновременно с этим законодательством определяет также и правовой статус резидентов особой экономической зоны:

Так, резидентом технико-внедренческой особой экономической зоны признаются индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия, зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории муниципального образования, в границах которого расположена особая экономическая зона, и заключившие с органами управления особыми экономическими зонами соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности либо соглашение об осуществлении промышленно-производственной деятельности в технико-внедренческой особой экономической зоне;

Резидентом промышленно-производственной особой экономической зоны признается коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия, зарегистрированная в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории муниципального образования, в границах которого расположена особая экономическая зона, и заключившая с органами управления особыми экономическими зонами соглашение об осуществлении промышленно-производственной деятельности и (или) деятельности по логистике (далее — соглашение об осуществлении промышленно-производственной деятельности) либо соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности в промышленно-производственной особой экономической зоне;

Резидентами туристско-рекреационной особой экономической зоны признаются индивидуальный предприниматель, коммерческая организация (за исключением унитарного предприятия), зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории муниципального образования, в границах которого расположена особая экономическая зона (на территории одного из муниципальных образований, если туристско-рекреацион-

ная особая экономическая зона расположена на территориях нескольких муниципальных образований), и заключившие с органами управления особыми экономическими зонами соглашение об осуществлении туристско-рекреационной деятельности;

Резидентом портовой особой экономической зоны признается коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия, зарегистрированная в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории муниципального образования, в границах которого расположена особая экономическая зона (на территории одного из муниципальных образований, если портовая особая экономическая зона расположена на территориях нескольких муниципальных образований), и заключившая с органами управления особыми экономическими зонами соглашение об осуществлении деятельности в портовой особой экономической зоне.

При этом индивидуальный предприниматель или коммерческая организация признаются резидентами особой экономической зоны с даты внесения соответствующей записи в реестр резидентов особой экономической зоны.

Срок внесения записи о регистрации указанного лица в реестре составляет пять рабочих дней с даты подписания с ним соглашения об осуществлении (ведении) промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной деятельности или деятельности в портовой особой экономической зоне.

По итогам регистрации резиденту выдается свидетельство, удостоверяющее регистрацию лица в качестве резидента особой экономической зоны.

Аналогичный минимальный размер заработной платы (вознаграждения) установлен для иностранных граждан, привлеченных к трудовой деятельности организациями, осуществляющими деятельность в области информационных технологий и получившими документ о государственной аккредитации организации, осуществляющей деятельность в области информационных технологий, а также юридическими лицами, осуществляющими деятельность на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

Порядок государственной аккредитации организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, определен постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 1729 [5].

Правом на ее получение обладают организации, отвечающие следующим критериям:

- 1) определенный вид экономической деятельности:
 - производство средств защиты информации, а также информационных и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием средств защиты информации (код ОКВЭД 26.20.4);
 - торговля оптовая программным обеспечением (код ОКВЭД 46.51.2);

- деятельность издательская (код ОКВЭД 58);
- торговля розничная, осуществляемая непосредственно при помощи информационно-коммуникационной сети Интернет (код ОКВЭД 47.91.2);
- издание программного обеспечения (код ОКВЭД 58.2);
- деятельность в области демонстрации кинофильмов (код ОКВЭД 59.14) и др.

При этом необходимо учитывать, что в случае если основным видом экономической деятельности организации является вид, которому соответствуют коды 26.20.4, 46.51.2, 47.91.2, 58, 58.2, 59.14, 60.10, 60.20, 63.91, 73.20.1, 85.30, 85.41, 85.42, государственная аккредитация может быть предоставлена только при осуществлении организацией дополнительных видов деятельности, соответствующих кодам, предусмотренным группами 62, 63.

2) Среднемесячный размер выплат и иных вознаграждений, начисленных в пользу физических лиц — работников организации, определяемый исходя из данных расчетов по страховым взносам за последние 3 месяца отчетного (расчетного) периода, предшествующего дате подачи заявления о предоставлении государственной аккредитации, не ниже:

- размера среднемесячной начисленной заработной платы в Российской Федерации;
- либо среднемесячной начисленной заработной платы в субъекте Российской Федерации, в котором зарегистрирована организация, за предпоследний квартал, предшествующий дате подачи заявления о предоставлении государственной аккредитации.

При этом вышеуказанное условие распространяется на организации, созданные не менее чем за квартал до подачи заявления о предоставлении государственной аккредитации.

3) По итогам года, предшествующего дате подачи заявления о предоставлении государственной аккредитации, доля доходов от деятельности в области информационных технологий составляет более 30 процентов всех доходов организации.

В заключении следует отметить, что действующим законодательством созданы максимально благоприятные условия для возможности въезда высококвалифицированных специалистов, их пребывания и осуществления трудовой деятельности в Российской Федерации.

Важнейшим условием для привлечения высококвалифицированной иностранной рабочей силы является, прежде всего, наличие соответствующих рабочих мест у работодателей, заказчиков работ (услуг).

Список источников

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. (ред. от 14.07.2022 г.) № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. №

393-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства».

3. Федеральный закон от 19 мая 2010 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (ред. от 04.11.2022).
5. Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2022 г. № 1729 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий».

References

1. Federal Law № 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 14, 2022) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation».
2. Federal Law № 393-FZ of December 28, 2010 «On Ratification of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the French Republic on Temporary Employment of Citizens of One State in the Territory of Another State».
3. Federal Law № 86-FZ of May 19, 2010 «On Amendments to the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation».
4. Federal Law «On Special Economic Zones in the Russian Federation» dated 22.07.2005 № 116-FZ (as amended on 04.11.2022).
5. Decree of the Government of the Russian Federation № 1729 dated 30.09.2022 «On Approval of the Regulations on State Accreditation of Russian organizations Operating in the field of

information technology».

Библиографический список

1. Прудников А. С. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты : учебное пособие / Прудников А. С., Прудникова Т. А., Харламов С. О. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 215 с.
2. Прудников А. С. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Прудникова Т. А., Дутов П. О. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 191 с.
3. Прудников А. С. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Харламов С. О., Прудникова Т. А. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 535 с.
4. Правовое регулирование отбора иностранных специалистов высокой квалификации. Российский и зарубежный опыт : уч. пособие под ред. А. С. Прудникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.

Bibliographic list

1. Prudnikov A. S. Activity of divisions of internal affairs bodies on migration issues. Legal and organizational aspects : textbook / Prudnikov A. S., Prudnikova T. A., Kharlamov S. O. M. : UNITY-DANA, 2018. 215 p.
2. Prudnikov A. S. Legal regulation of external labor migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Prudnikova T. A., Dutov P. O. M. : UNITY-DANA, 2018. 191 p.
3. Prudnikov A. S. State-legal bases of population migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Kharlamov S. O., Prudnikova T. A. M. : UNITY-DANA, 2021. 535 p.
4. Legal regulation of the selection of highly qualified foreign specialists. Russian and foreign experience : textbook edited by A. S. Prudnikov. M. : UNITY-DANA, 2022.

Информация об авторе

А. С. Прудников — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Information about the author

A. S. Prudnikov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-167-169>

НИОН: 2003-0059-2/23-634

MOSURED: 77/27-003-2023-02-833

Организационно-правовое регулирование миграционных процессов в Республике Армения

Татьяна Анатольевна Прудникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются особенности регулирования миграционных процессов в сфере трудовой миграции в Республике Армения и их влияние на демографическую и социальную сферу.

Ключевые слова: миграция, гражданин, трудоустройство, иммигрант, реэмигрант, население, регулирование, политика, профессия

Для цитирования: Прудникова Т. А. Организационно-правовое регулирование миграционных процессов в Республике Армения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 167–169. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-167-169>.

Original article

Organizational and legal regulation of migration processes in the Republic of Armenia

Tatiana A. Prudnikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The peculiarities of the regulation of migration processes in the field of labor migration in the Republic of Armenia and their impact on the demographic and social sphere are being analyzed.

Keywords: migration, citizen, employment, immigrant, re-emigrant, population, regulation, politics, profession

For citation: Prudnikova T. A. Organizational and legal regulation of migration processes in the Republic of Armenia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):167–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-167-169>.

Правовое регулирование миграционных отношений в Республике Армения, особенно в сфере трудовой миграции (перемещение рабочей силы), охватывается статьей 18 Закона Республики Армения «О занятости» от 11 декабря 2013 г. [3], в которой предусмотрены полномочия Правительства по выработке и реализации единой государственной миграционной политики по регулированию внутреннего и внешнего перемещения иностранной рабочей силы.

Органом государственного управления миграционными процессами в Республике Армения является Министерство труда и социальных вопросов, которое в рамках регулирования правоотношений, связанных с перемещением и использованием иностранной рабочей силы:

- заключает в установленном порядке международные договоры по вопросам организации

выездных работ, а также защиты интересов трудящихся мигрантов;

- выступает с заявлением о нецелесообразности выезда на заработки в отдельные государства в случаях ухудшения межгосударственных отношений, а также чрезвычайных ситуаций (актуальность в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) 2020–2021 годы, вызванной мерами по предотвращению распространения COVID-19 и введением правил на въезд и выезд в Республику Армения и из нее граждан и иностранцев);
- осуществление правотворческих и правоприменительных полномочий, предоставленных законодательством в сфере миграции.

Вызывает интерес и определение категории занятость, применимой и к сфере миграционных отноше-

ний. Содержание данной дефиниции предусмотрено статьей 4 Закона Республики Армения «О занятости», под которой понимаются виды деятельности, не запрещенные законодательством Республики. Перечень данных видов значителен и охватывает и трудовую деятельность по найму у работодателя (в том числе предусмотренное законами Республики Армения пребывание в резерве кадров служб, за исключением случаев, не предусматривающих оплату); и оказание услуг или выполнение работ по гражданско-правовому договору; и индивидуальную предпринимательскую деятельность, а также очное обучение в учебных заведениях, на курсах профессионального обучения и в иных формах обучения и др.

Касаемо миграционной ситуации, то в 2022 году число въехавших на территорию Республики Армения и выехавших иностранных граждан по сравнению с 2021 [5] годом увеличилось на 43,3 % и 48 %, и данная ситуация была связана с открытием воздушных путей сообщения. Статистика по иностранным гражданам, получившим разрешение на временное и постоянное пребывание в Республике Армения, в 2022 году составило 7390 и 2423, что также увеличилось по сравнению с 2021 годом соответственно на 32,2 % и 10 %, хотя применительно к институту гражданства наблюдается отрицательная динамика.

Анализ Закона Республики Армения «Об иностранных лицах» от 16 января 2007 г. № 3-Р 47 [1] содержит основополагающие императивы, связанные с возможностью иностранных лиц свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности, заниматься экономической деятельностью, а также гарантированность принципа равноправия сторон трудовых отношений, установленных трудовым законодательством Республики Армения, независимо от их пола, расы, национальности, языка, гражданства и иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника.

В 2022 [5] году для осуществления трудовой деятельности в Республике Армения было выдано свыше 1000 разрешений на работу (представителям Ирана, Индии и Украины) и общее количество разрешений на работу, выданных в 2022 году, по сравнению с 2021 годом значительно увеличилось.

Высококвалифицированные иностранные специалисты включены в список исключений для получения разрешения на работу, который установлен пунктом «п» Закона Республики Армения «Об иностранных лицах» от 16 января 2007 г. № 3-Р 47. В то же время список специальностей, дающих право работать в Республике Армения высококвалифицированным специалистам без разрешения на работу, установлен и детализирован приложением 4 к решению Правительства Республики Армения №493-н от 12 мая 2016 г. [2].

Следует отметить, что перечень лиц, имеющих право «исключения при получении разрешения на ра-

боту» в Республике Армения весьма значителен:

а) лица, имеющие постоянный и специальный статусы пребывания в Республике Армения;

б) члены семей сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений, международных организаций и их представительств, аккредитованных в Республике Армения, на основе принципа взаимности;

в) работники приграничных районов, а также лица, прибывающие на короткий срок, имеющие специальности в области культуры и спорта;

г) учредители, руководители или полномочные представители коммерческих организаций с участием иностранного капитала;

д) иностранные специалисты, прибывающие сроком не более чем на 6 месяцев в целях подготовки работников для установки, ремонта и введения в эксплуатацию машин, оборудования, станков, поставляемых иностранной коммерческой организацией в свой филиал или представительство, либо приобретенных у иностранных коммерческих организаций и др.

Нововведение в сфере трудовой миграции — с января 2022 года запуск Единой электронной платформы регистрации иностранных работников, посредством которой предоставляется разрешение на временное пребывание на основе рабочей деятельности. Особенностью электронной платформы в рамках процесса цифровизации — взаимодействие всех органов государственной власти, вовлеченных в процесс выдачи статуса на временное пребывание. Целью данной новеллы, является защита внутреннего рынка труда в сфере трудовой деятельности иностранных граждан, а также обеспечение общественной и национальной безопасности Республики Армения.

Пример реализации данной платформы — подача заявлений работодателей на привлечение высококвалифицированных специалистов посредством платформы «workpermit.am», а также осуществление государственного контроля (надзора) за привлечением высококвалифицированных иностранных работников (подача запроса на привлечение соответствующих работников Инспекционным органом здравоохранения и труда Республики Армения) и расходования материальных средств (Комитет государственных расходов Республики Армения).

Статья 97 Договора о Евразийском экономическом союзе от 03 октября 2014 г. (с изменениями на 5 августа 2021 г.) № 279-ФЗ [4] граждане стран-членов ЕАЭС освобождены от получения разрешения на работу.

В заключении следует отметить, что основой совершенствования содержательности миграционных процессов в Республике Армения является вовлечение молодых иностранных специалистов, обучающихся по программам высшего и дополнительного профессионального образования, и обогащения сегмента труда высококвалифицированными специалистами в различных сферах.

Список источников

1. Закон Республики Армения «Об иностранных лицах» от 16 января 2007 г. № 3-Р 47.
2. Закон Республики Армения «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Армения об иностранных лицах» от 22 июня 2015 г.
3. Закон Республики Армения «О занятости» от 11 декабря 2013 г.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе от 03 октября 2014 г. № 279-ФЗ (с изменениями на 5 августа 2021 г.).
5. Официальный сайт МВД Республики Армения / <https://www.police.am/>

References

1. Law of the Republic of Armenia «On Foreign Persons» dated January 16, 2007 № 3-P 47.
2. Law of the Republic of Armenia «On Amendments and Additions to the Law of the Republic of Armenia on Foreign Persons» dated June 22, 2015.
3. Law of the Republic of Armenia «On Employment» dated December 11, 2013.
4. Treaty on the Eurasian Economic Union of 03.10.2014 № 279-FZ (as amended on August 5, 2021).

Информация об авторе

Т. А. Прудникова — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

5. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Armenia / <https://www.police.am/>

Библиографический список

1. Прудников А. С. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Прудникова Т. А., Дутов П. О. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 191 с.
2. Прудников А. С. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Харламов С. О., Прудникова Т. А. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 535 с.

Bibliographic list

1. Prudnikov A. S. Legal regulation of external labor migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Prudnikova T. A., Dutov P. O. M. : UNITY-DANA, 2018. 191 p.
2. Prudnikov A. S. State-legal bases of population migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Kharlamov S. O., Prudnikova T. A. M. UNITY-DANA, 2021. 535 p.

Научная статья
УДК 343.9.01
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-170-173>
НИОН: 2003-0059-2/23-635
MOSURED: 77/27-003-2023-02-834

Теоретические и правовые основы конституционных прав и свобод личности

Рустам Романович Раасов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, raasovrr@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретические и правовые основы конституционных прав и свобод личности в аспекте теоретизации их юридической природы. Исследуются вопросы влияния субъективных факторов на социальные и политико-правовые институты в рамках развития демократического общества. Анализируются понятия правового статуса личности, и предлагается свое определение.

Ключевые слова: права человека и гражданина, конституционные гарантии, личность, общество, государство, демократия

Для цитирования: Раасов Р. Р. Теоретические и правовые основы конституционных прав и свобод личности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 170–173. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-170-173>.

Original article

Theoretical and legal foundations of constitutional rights and freedoms of the individual

Rustam R. Raasov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia, raasovrr@yandex.ru

Abstract. The theoretical and legal foundations of the constitutional rights and freedoms of the individual in the aspect of the theorization of their legal nature are being examined. The issues of the influence of subjective factors on social and political-legal institutions in the framework of the development of a democratic society are investigated. The concepts of the legal status of an individual are analyzed and their definition is proposed.

Keywords: human and civil rights, constitutional guarantees, personality, society, state, democracy

For citation: Raasov R. R. Theoretical and legal foundations of constitutional rights and freedoms of the individual. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):170–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-170-173>.

Анализируя юридическую природу прав и свобод личности необходимо отметить, что правовое, политическое и социальное бытие индивида основано на свободе от негативных субъективных факторов, которые могут влиять на его общую защищенность как субъекта правоотношений. В этой связи имеют место определенные обстоятельства бытия человека, которые отображаются в процессе социального взаимодействия через институционализацию государственного гарантирования личных прав и свобод, права собственности, а также прав и свобод гражданина в политической сфере [1].

Не нуждается в доказывании тезис о том, что человек обладает естественными и неотчуждаемыми правами и свободами, которые принадлежат ему по факту принадлежности к человеческому роду. По-

добный подход всесторонне отражен в трудах таких мыслителей как Дж. Локк, Ш. Монтескье и других представителей естественно-правовой концепции. Тем не менее, в качестве точки отсчета естественных прав и свобод личности выступает идея дуализма побуждений. В этой связи будет уместно процитировать высказывание Б. Н. Чичерина о том, что «одно, которое побуждает нас стремиться к самосохранению и к личному счастью, другое, которое возбуждает в нас неотразимую жалость при виде чужих страданий. Из сочетания этих двух начал можно объяснить все правила естественного закона» [2, с. 279]. Однако заявленная тематика не может обойтись без определенной концептуальной плюралистичности. Так, М. Н. Марченко наделяет естественные и публичные права в

рамках правового положения индивида позитивными качествами. По сути, ученый видит права и свободы человека сугубо в аспекте их государственной октроированности [3, с. 646]. Подобный подход, по нашему мнению, обладает амбивалентными свойствами, так как источником естественных прав и свобод личности публичная власть может быть только в том случае, если сам феномен государства признать постоянным и вечным, что само по себе является очень рискованной гипотезой, которую будет трудно обосновать, не прибегая к тезисам используемым представителями теологической теории происхождения государства. Тем не менее, позиция Н. М. Марченко достаточно прозрачна и заслуживает определенного внимания в аспекте того, что государство как минимум гарантирует и закрепляет права и свободы личности через механизм принуждения, обеспечивая тем самым весь правозащитный комплекс, реализуя также всю систему безопасной жизнедеятельности и упорядоченности общественных отношений.

Ведя речь о естественных правах и свободах человека нельзя абстрагироваться от тезиса, который указывает и на то, что они, как правовой феномен, существуют и тогда, когда публичная власть не в полной мере их закрепила, либо вообще проигнорировала существование неоктроированных компонентов правового положения личности. В этом можно усмотреть уникальность естественных прав и свобод, которая концептуально указывает на их природу, демонстрируя, что они выступают высшей ценностью в рамках любого правопорядка. Можно сказать, что естественные права и свободы определяют точку отсчета для всех компонентов правового статуса личности, тот *minimum minimorum* человеческой свободы. Как верно отметил Л. П. Рассказов, естественные права формируют общий правовой статус субъекта правоотношений на базе, которого формируется как специальное, так и индивидуальное правовое положение личности [4, с. 171]. При этом не стоит забывать, что социум не может выступать инструментом субъективного воздействия отдельного индивида на качества публичной власти, как верно отмечает М. И. Абдулаев [5, с. 92], так как личность, обладающая правами в различных сферах человеческой жизнедеятельности, существуя в рамках правового государства и выступающая частью гражданского общества, вряд ли может нуждаться в государственной опеке в аспекте реализации своих политических прав. В этой связи уместно процитировать Ф. Ницше, который выступал с критикой либерального политического уклада, которым ни так давно были пронизаны социальные связи западных демократий. «Наша современная жизнь стала страшно дорога ввиду массы посредников: между тем в античном городе, а как отголосок древности — и во многих городах Испании и Италии, каждый выступал за себя и не дал бы даже ломаного гроша за такого современного представителя и посредника» [6, с. 66–67]. Трудно отрицать правоту мыслителя, который видел в институте политического опосредования угрозу самой идеи народов-

ластия и демократии, так как права и свободы человека и гражданина наиболее ценны лишь тогда, когда осуществляется их непосредственная реализация.

Ведя речь о праве собственности, необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что оно выступает результатом свободы и волевых устремлений индивида. Вместе с тем, как считал Гегель, результатом воли человека является его свобода. «Чтобы не остаться абстрактной, свободная воля должна, прежде всего, дать себе наличное бытие, и первым чувственным материалом этого наличного бытия суть вещи, другими словами внешние предметы. Это первый вид свободы есть тот, который мы узнаем как собственность» [7, с. 290]. Действительно, собственность, как правовой и социальный феномен, выступает фундаментом правового государства и ее невозможно отделить от демократической государственности, где господствуют начала свободы. По сути, социальные связи в отношении собственности оформляются в образе материальных правоотношений. При этом в них опредмечиваются средства производства и собственность выступает источником власти в экономической сфере.

В этой связи небезынтересно мнение Б. Н. Чичерина, который утверждает, что: «Эта прочность (защищенность от третьих лиц) утверждается признанием собственности как полного права лица над вещью. Из предыдущего ясно, что это не есть произвольное учреждение положительного законодательства или захват людей, присвоивших себе то, что им не принадлежит, а необходимое юридическое отношение, вытекающее из фактического и умственного отношения лица к вещественному миру» [2, с. 90].

При этом феномен частной собственности одновременно является и значимым системным институтом гражданского общества. Его важность подчеркивали многие ученые, в том числе и отечественные. Можно присоединиться к мнению Л. Ю. Грудцыной, которая полагает, что экономические связи, позволяющие человеку ощущать свою независимость от государственной воли укрепляют позиции гражданского общества. При этом, как считает автор, сам процесс экономического дистанцирования личности от публичной власти сближает их политически в рамках принципа равноправного партнерства, с параллельным формированием демократической государственности и среднего класса как ее основной опоры [8, с. 40]. Как итог, формируется концепция суверенитета личности через реализацию принципов частной собственности, которая и способствует развитию и укреплению институтов гражданского общества. Вместе с тем, священность частной собственности на первый взгляд может препятствовать реализации принципов социального государства, которые закреплены в (ст. 7) Конституции РФ [9]. Тем не менее, ситуацию можно легко исправить посредством гибкой системы налогообложения, когда механизм перераспределения будет учитывать потребности всех граждан страны. При этом, будет нелишним подчеркнуть, что правоотношения в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства так или иначе связаны с ключевой триадой

экономических правоотношений — владением, использованием и распоряжением различными материальными и не материальными благами. Можно предположить, что политика антидемократических режимов базируется на реализации именно тех прав и свобод человека и гражданина, которые обеспечивают факультативные потребности человеческой личности и не связаны с реализацией интереса индивида в сфере безопасности. По всей видимости, вся политика тоталитарных режимов основывается на принципах лишения человека уверенности в завтрашнем дне, что заключается, прежде всего, в контроле над средствами производства и запуске дискриминационных процессов в отношениях в сфере собственности и перераспределения.

Ведя речь о человеке и его роли в жизни общества и государства можно видеть его и как цель, и как средство, задавая концептуальный тон анализу проблематики прав и свобод. Так, если личность выступает в образе инструмента, то ее можно представить в виде «винтика» политической системы, незначительного звена в глобальной цепи политических отношений. Напротив, в случае признания индивида целью развития всей государственности, то его роль неуклонно возрастает во всех сферах общественной жизни.

При этом, если воспринимать человека в качестве средства, можно сформировать негативный контекст развития такой политико-правовой среды, в которой будут зарождаться тенденции деспотизма, а принцип гуманизма не сможет реализоваться ни открыто, ни имплицитно. При этом сама идеология такого общества может быть любой, как крайне гуманной (построение коммунизма), так и откровенно бесчеловечной (формирование «расово-полноценного» общества). Кроме того, деспотический режим может существовать не только на Востоке, но и на Западе [10, с. 72]. Любопытно, что деспотизм западного типа зиждется на контроле над информационной сферой, восточный же деспотизм основывается на господстве над средствами производства. В этой связи главным здесь выступает принцип недопустимости рассмотрения человека в качестве средства достижения даже благих целей. На это указывает и Конституция РФ (ст. 2), где человек, его права и свободы обозначены как высшая ценность [11].

Анализируя субъективный фактор, необходимо подчеркнуть, что он может быть реализован не только через человеческую жизнедеятельность, воплощаясь через активность отдельных индивидов и ярких личностей, выступающих в образе политических деятелей и иных влиятельных субъектов [12]. Сама экономическая парадигма современного социума, тенденции развития постиндустриальной государственности также могут предстать в образе тех факторов, которые формируют определенный политико-правовой дискурс, оказывая открытое и имплицитное воздействие на все сферы социума. Сложно спорить с тем, что сам субъект правоотношений выступает той фигурой, которую формируют обстоятельства, быт, окружающий мир, информационная среда и пр. [13].

В этой связи, можно вести речь о детерминации фе-

номена социального субъекта как носителя всей полноты прав и обязанностей, которые обусловлены его свободной волей и социальной практикой. Тем самым, подобный подход указывает не столько на необходимость абсолютизации субъективных прав, но прежде всего на акцентуацию юридических обязанностей, без реализации которых общество ждет лишь анархия и деспотизм, которые поэтапно будут сменять друг друга [14]. Примечательно, что сама суть естественно-правовой теории указывает на значимость не столько диспозитивной стороны человеческого поведения, сколько на важность реализации ограничительного инструментария, тех рамок свободы индивида, без которых сама безопасность общества неумолимо ставится под удар [15].

В заключение статьи необходимо отметить, что реализация процесса обеспечения права собственности, а также соблюдения прав и свобод личности образует тот комплекс субъективных факторов, через которые реализуются принципы правового государства и гражданского общества [16]. Сама концепция, которая рассматривает человека как средство является антагонистичной всей идее демократической государственности не способствуя воплощению в жизнь тех гуманистических идеалов, на которых строится современный безопасный правовой порядок.

Список источников

1. Гаджиев Г. А., Эбзеев Б. С., Гасанов К. К. и др. Конституционное право России. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
2. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. СПб : Гардарика, 2001. 336 с.
3. Марченко Н. М. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : Проспект, 2001. 760 с.
4. Рассказов Л. П. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : РИОР, 2009. 464 с.
5. Абдулаев М. И. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений. М. : Финансовый контроль, 2004. 410 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М. : Культурная Революция, 2005. 880 с.
7. Правовая мысль. Антология. Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 1014 с.
8. Грудцына Л. Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. № 6. С. 33–40.
9. Хазов Е. Н., Егоров С. А., Ларина Л. А. и др. Конституционное право России. Учебно-методическое пособие для курсантов системы МВД, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности. М., 2017.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. : Академический проект, 2011. 304 с.
11. Хазов Е. Н. Конституционные гарантии прав

- и свобод человека и гражданина в России. Теоретические основы и проблемы реализации. М., 2013.
12. Егоров С. А., Хазова В. Е., Хазов Е. Н. Основные направления конституционно-правового обеспечения политических прав и свобод граждан федеральными органами государственной власти в России. В сборнике : Актуальные проблемы развития конституционализма. Материалы научно-методического семинара. 2018. С. 36–43.
 13. Грошев С. Н., Саудаханов М. В. Государство в политико-культурной среде современного общества // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXVII международной научно-практической конференции, Иркутск, 03 июня 2022 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 334–337.
 14. Хазов Е. Н., Хазова В. Е., Шакун Н. В., Померлян А. Н., Санин В. Е. Конституционно-правовое обеспечение социальных прав и свобод человека и гражданина в России. Новосибирск, 2020.
 15. Гаврилова О. В., Зинченко Е. Ю., Исаков В. М. и др. Конституционное право зарубежных стран. Новосибирск, 2021.
 16. Бабаева Ю. Г., Белоновский В. Н., Гасанов К. К. и др. Конституционное право России. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
- control, 2004. 410 p.
 6. Nietzsche F. The will to power. The experience of revaluation of all values / Translated from German by E. Hertsyk et al. M. : Cultural Revolution, 2005. 880 p.
 7. Legal thought. Anthology. Yekaterinburg : Business Book, 2003. 1014 p.
 8. Grudtsyna L. Yu. Private property and civil society in Russia // State and law. 2008. № 6. P. 33–40.
 9. Khazov E. N., Egorov S. A., Larina L. A. and others. Constitutional law of Russia. Educational and methodical manual for cadets of the Ministry of Internal Affairs system studying in the direction of law enforcement and legal support of national security. Moscow, 2017.
 10. Moscovici S. The age of crowds. Historical treatise on mass psychology. Moscow : Academic Project, 2011. 304 p.
 11. Khazov E. N. Constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms in Russia. Theoretical foundations and problems of implementation. M., 2013.
 12. Egorov S. A., Khazova V. E., Khazov E. N. The main directions of constitutional and legal provision of political rights and freedoms of citizens by federal public authorities in Russia. In the collection : Actual problems of the development of constitutionalism. Materials of the scientific and methodological seminar. 2018. P. 36–43.
 13. Groshev S. N., Saudakhanov M. V. The state in the political and cultural environment of modern society // The activity of law enforcement agencies in modern conditions : a collection of materials of the XXVII International Scientific and Practical conference, Irkutsk, June 03, 2022. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 334–337.
 14. Khazov E. N., Khazova V. E., Shakun N. V., Pomerlian A. N., Sanin V. E. Constitutional and legal provision of social rights and freedoms of man and citizen in Russia. Novosibirsk, 2020.
 15. Gavrilova O. V., Zinchenko E. Yu., Isakov V. M. et al. Constitutional law of foreign countries. Novosibirsk, 2021.
 16. Babaeva Yu. G., Belonovsky V. N., Hasanov K. K., etc. Constitutional law of Russia. Textbook for university students studying in the field of Law. Moscow : UNITY-DANA, 2022.

References

1. Gadzhiev G. A., Ebzeev B. S., Hasanov K. K., etc. Constitutional law of Russia. Textbook for university students studying in the field of Law M. : UNITY-DANA, 2023.
2. Chicherin B. N. Political thinkers of the ancient and new world. St. Petersburg : Gardarika, 2001. 336 p.
3. Marchenko N. M. Problems of the theory of state and law : textbook. M. : Prospect, 2001. 760 p.
4. Narratives L. P. Theory of state and law : textbook. 2nd ed. Moscow : RIOR, 2009. 464 p.
5. Abdulaev M. I. Theory of state and law : textbook for higher educational institutions. M. : Financial

Информация об авторе

Р. Р. Раасов — соискатель по кафедре конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

R. R. Raasov — Candidate for the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 27.12.2022; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 10.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-174-176>

НИОН: 2003-0059-2/23-636

MOSURED: 77/27-003-2023-02-835

Полномочия органов местного самоуправления по организации и осуществлению мероприятий по территориальной и гражданской обороне

Денис Алексеевич Родин¹, Максим Сергеевич Кузнецов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ dynamorodin@mail.ru

² maxbekele@gmail.com

Научный руководитель: начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **С. О. Харламов**

Аннотация. Рассматривается элементарная функция государства, которая сводится к обеспечению безопасности своих граждан, что накладывает на органы местного самоуправления определённые функции. Таким образом, возникает необходимость предпринимать правовые и организационные действия, направленные на предотвращение и уменьшение результатов любых возможных угроз. Угрозы, вызванные природными силами и деятельностью человека, при определенных обстоятельствах, могут стать источником кризисных ситуаций. Исходя из этого, рассмотрены полномочия органов местного самоуправления по организации и осуществлению мероприятий по территориальной и гражданской обороне.

Ключевые слова: территориальная оборона, гражданская оборона, органы местного самоуправления, государство, безопасность

Для цитирования: Родин Д. А., Кузнецов М. С. Полномочия органов местного самоуправления по организации и осуществлению мероприятий по территориальной и гражданской обороне // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 174–176. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-174-176>.

Original article

Powers of local self-government bodies to organize and implement measures for territorial and civil defense

Denis A. Rodin¹, Maxim S. Kuznetsov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ dynamorodin@mail.ru

² maxbekele@gmail.com

Scientific supervisor: Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **S. O. Kharlamov**

Abstract. The elementary function of the state is to ensure the safety of its citizens, which imposes certain functions on local governments. Thus, there is a need to take legal and organizational actions aimed at preventing and reducing the results of any possible threats. Threats caused by natural forces and human activities, under certain circumstances, can become a source of crisis situations. Based on that the powers of local governments to organize and implement measures for territorial and civil defense are being considered.

Keywords: territorial defense, civil defense, local governments, state, security

For citation: Rodin D. A., Kuznetsov M. S. Powers of local self-government bodies to organize and implement measures for territorial and civil defense. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):174–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-174-176>.

© Родин Д. А., Кузнецов М. С., 2023

В Российской Федерации органы местного самоуправления играют крайне важную роль при обеспечении территориальной и гражданской обороны. Их полномочия определяются необходимостью предпринимать меры, выполнять задачи, поставленные в пределах ограниченной зоны внутри государства. Уровень развитости института местного самоуправления характеризует каждое государство мира, с точки зрения обеспечения безопасности граждан на местах. Иными словами, местное самоуправление важно тем, что оно делает акцент на свободе принятия решений и действий на местном уровне.

Термин территориальная оборона вошел в обиход и получил широкое распространение в специальной литературе относительно недавно — в конце 70-х годов прошлого века, но некоторые вопросы, связанные с территориальной обороной, поднимались в отечественной и зарубежной литературе гораздо раньше. История Российской Федерации, как и любого государства, показывает, что на протяжении всего ее существования неотъемлемыми атрибутами власти были органы государственной безопасности, внутренних дел и другие правоохранительные органы, которые в военное время активно содействуют Вооруженным силам Российской Федерации, что ясно и убедительно свидетельствует о характере возникновения и содержания задач и функций территориальной обороны.

Отметим, что концептуально термин «территориальная оборона» означает что-то свое в каждой стране и «вызывает разные воспоминания и имеет многогранные политические, организационные и стратегические коннотации». Финляндия, например, имеет большой опыт в этом аспекте организации национальной обороны таким образом, чтобы противник столкнулся с сопротивлением местных сил, чтобы помешать атаке, атакуя фланги и линии сообщения. Партизанская тактика может быть эффективно использована, когда ее поддерживают местность и местные условия. Затягивание действий и истощение войск противника позволяет не допустить захвата важных территорий и объектов инфраструктуры, а в перспективе создает благоприятные условия для контратаки своих вооруженных сил.

Безусловно, важную роль в системе осуществления мероприятий по территориальной и гражданской обороне играют военные, которые являются последним и чрезвычайно успешным средством. Это связано с тем, что вооруженные силы государства являются одними из наиболее умело организованных образований, находящихся в постоянной готовности в мирное, кризисное или военное время. Это мастерство выражается, прежде всего, в высокой степени готовности к действиям, особенно действиям, ориентированным на поддержку гражданской власти и общества в условиях кризисных ситуаций. Армия также располагает специализированным оборудованием и материально-техническим обеспечением, которое может оказаться особенно полезными в кризисных ситуациях.

Система территориальной обороны является совер-

шенным олицетворением конституционного положения, определяющего народ как единственный источник государственной власти и носителя суверенитета.

Опираясь на статью 22 Федерального закона «Об обороне» № 61-ФЗ, территориальная оборона представляет собой систему действий, осуществляемых в период действия военного положения. Данная система действий состоит из комплекса мероприятий [2]:

1. по охране и обороне военных, важных государственных и специальных и социальных объектов;
2. по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями иностранных государств и незаконными вооруженными формированиями;
3. по выявлению, предупреждению, пресечению, минимизации и ликвидации последствий террористической и диверсионной деятельности.

Федеральный закон от 6 октября 2003 года 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3].

Глава 3. Вопросы местного значения:

Статья 14. Вопросы местного значения поселения

8) участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения;

9) обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселения;

23) организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

Статья 15. Вопросы местного значения муниципального района

7) участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории муниципального района;

21) организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории муниципального района от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Федеральный закон от 12 февраля 1998 года № 28-ФЗ «О гражданской обороне» [4].

Статья 8. Органы местного самоуправления самостоятельно в пределах границ муниципальных образований:

- проводят мероприятия по гражданской обороне, разрабатывают и реализовывают планы гражданской обороны и защиты населения;
- поддерживают в состоянии постоянной готовности к использованию системы оповещения населения об опасностях;
- проводят мероприятия по подготовке к эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы;
- создают и содержат в целях гражданской обороны запасы продовольствия, медицинских средств индивидуальной защиты и иных средств.

Опираясь на международный опыт, отметим, что в США акцент делается на совершенствовании договор-

ного регулирования Министерства обороны об удовлетворенности общественного блага фактическим продуктом или услугой, приобретаемой государством, или самим процессом закупок, с заметной ролью частного сектора, на который возлагаются полномочия государства (правовые, экономические и общественные механизмы государственного регулирования территориальной обороны).

В Великобритании упор делается на территориальную оборону заморских (удаленных) территорий как важных зон, требующих оборонной ответственности в части обеспечения безопасности нации и ее заморских территорий, защиты своих граждан и их образа жизни, которые являются обязанности государства (механизмы государственного регулирования экономической и социальной территориальной обороны).

Территориальная оборона Франции зависит от государственной юрисдикции и ноу-хау, а также выработанного со школьного возраста представления о «духе защиты» (социальные, правовые, информационные, общественные механизмы государственного регулирования территориальной защиты).

Понятие и система территориальной обороны, основанные на воинской службе и направленные на повышение боеготовности мобилизационных сил, посредством которых правительство выявляет потенциальных кандидатов в профессиональные вооруженные силы Финляндии (механизмы государственного регулирования территориальной обороны: политические, организационные, правовые, информационное, общественное, экономическое).

Для Китая территориальная оборона — это защита Родины, для которой созданы пограничные силы общественной безопасности (правовые, социальные и организационные механизмы государственного регулирования территориальной обороны).

Польская территориальная оборона основана на обучении, оснащении, сотрудничестве и взаимодействии сил территориальной обороны с третьими сто-

ронами (правовые, социальные, организационные, культурные, экономические, информационные, образовательные и пропагандистские механизмы государственного регулирования территориальной обороны).

Таким образом, во многих государствах мира присутствует в законодательстве термин «территориальная и гражданская оборона». В Российской Федерации крайне подробно законодательно закреплены полномочия органов местного самоуправления по осуществлению мероприятий по территориальной и гражданской обороне.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.
3. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
4. Федеральный закон «О гражданской обороне» от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020).
2. Federal Law «On Defense» dated May 31, 1996 № 61-FZ.
3. Federal Law № 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on December 30, 2021) «On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation».
4. Federal Law «On Civil Defense» dated February 12, 1998 № 28-FZ.

Информация об авторах

Д. А. Родин — адъюнкт 1-го года обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

М. С. Кузнецов — адъюнкт 2-го года обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

D. A. Rodin — Adjunct of the 1st year of study of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

M. S. Kuznetsov — Adjunct of the 2nd year of study of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 20.02.2023. The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 20.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-177-182>

НИОН: 2003-0059-2/23-637

MOSURED: 77/27-003-2023-02-836

Правоотношения Российской Федерации с соотечественниками в аспекте обеспечения их безопасности

Василий Дмитриевич Самойлов

Омское отделение Академии военных наук, Омск, Россия, vas.samoylow2016@yandex.ru

Аннотация. Десятилетние правовые вариации с правами и свободами советских граждан, вынужденно оставшимися на территории постсоветских государств вследствие низложения высшим руководством СССР суверенитета одной из сверхдержав мира, явственно проявляются в сфере безопасности. В связи с этим реализация решения Президента РФ на проведение Специальной военной операции, с одной стороны, актуализировала аспект прав и свобод соотечественников за рубежом для обеспечения защищенности их личности, семьи и русскоязычного общества, с другой, — породило всплеск русофобии, особенно на территории стран Европы. В статье представлены итоги исследования правоотношений Российской Федерации с соотечественниками для их государственно-правового урегулирования.

Ключевые слова: соотечественники, безопасность, государственно-правовое обеспечение и регулирование

Для цитирования: Самойлов В. Д. Правоотношения Российской Федерации с соотечественниками в аспекте обеспечения их безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 177–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-177-182>.

Original article

Legal relations of the Russian Federation with compatriots in the aspect of ensuring their security

Vasily D. Samoilov

Omsk Branch of the Academy of Military Sciences, Omsk, Russia, vas.samoylow2016@yandex.ru

Abstract. Ten-year-old legal variations with the rights and freedoms of Soviet citizens who were forced to remain on the territory of post-Soviet states due to the deposition of the sovereignty of one of the superpowers of the world by the supreme leadership of the USSR are clearly manifested in the field of security. In this regard, the implementation of the decision of the President of the Russian Federation to conduct a Special Military Operation, on the one hand, actualized the aspect of the rights and freedoms of compatriots abroad to ensure the protection of their personality, family and Russian-speaking society, on the other hand, gave rise to a surge of Russophobia, especially in Europe. The article presents the results of the study of the legal relations of the Russian Federation with compatriots for their state-legal regulation.

Keywords: compatriots, security, state and legal support and regulation

For citation: Samoilov V. D. Legal relations of the Russian Federation with compatriots in the aspect of ensuring their security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):177–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-177-182>.

Актуальность темы исследования. Одним из важнейших вопросов современных международных отношений является защита прав национальных меньшинств, проживающих за рубежом, государствами их происхождения и защита сограждан, временно пребывающих за рубежом. Актуализацией защиты сограждан стало решение Президента РФ о Специальной военной операции (далее — СВО) с целью прекращения

геноцида людей на Донбассе [11, с. 208; 17]. Данный аспект международного права известен с появлением первых государств. Так античные города (полисы) Древней Греции заключали двух- и многосторонние договоры для защиты своих сограждан, проживающих в других полисах. Остро реагировал на ущемление прав сограждан Древний Рим, посылавший легионы туда, где, по мнению сената, нарушались права

© Самойлов В. Д., 2023

римлян. В Царской России сограждане «поданные» были обязаны платить дань или оброк [10, с. 8; 12, с. 12]. На заре Советской России в период и по окончании Гражданской войны свою Родину покинули примерно два миллиона *поданных*, большинство из которых в зарубежных странах приобрели статус *эмигрантов* [11, с. 5].

Проблемные вопросы государственно-правового регулирования и обеспечения правоотношений с соотечественниками периодически становятся актуальными в силу потребностей государственных и бизнес структур во внешних трудовых мигрантах из постсоветских государств [7, с. 204–206]. При реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина Россия претендует на свободный и социально защищенный статус сограждан за рубежом. Но система российского права такова, что до полного осознания конституционных прав и свобод, для их фактической реализации пока еще далеко [7, с. 301–303]. Причём, аспект обеспечения государством безопасности соотечественников, проживающих за рубежом, весьма редко актуализируется научным сообществом [3, с. 185; 12, с. 12, 28–32, 145].

Степень изученности и проработанности проблемы. Первые упоминания о «русском праве» в договорах князя Олега с Византийской империей 907 и 912 гг. связаны с урегулированием правового положения руссов, находящихся или проживающих на территории империи [7, с. 286].

Интерес мирового сообщества к проблемам своих соотечественников возник после 1-й Мировой войны, перекроившей политическую карту Европы. Потребовались широкие гарантии, закреплённые в системе международных соглашений и имеющие механизмы контроля над их реализацией. Возникла необходимость в создании международной организации, уполномоченной в регулировании отношений государства со своими соотечественниками, проживающими за рубежом. Такой организацией стала Лига Наций, Устав которой подписали (1919 г.) 44 государства, включая 31 государство, воевавшее совместно с Антантой или её поддерживающее [10, с. 254].

Декреты Совета народных Комиссаров (28 октября 1921 г.) и Центрального Исполнительного Комитета (15 декабря 1921 г.) установили сроки, в течение которых русские граждане, находящиеся за границей, могли получить советский паспорт. Гражданства лишались все лица, проживающие за границей в течение пяти лет и не получившие советского паспорта или его сертификата в советских представительствах за рубежом до 1 июня 1922 г., а также лица, принадлежащие к *белым эмигрантам* [7, с. 282, 287].

Законы 1930 и 1931 гг. лишили гражданства (подданства) почти всех эмигрантов из России, которые стали апатридами (франц. *a* — не имеющие, *Patrie* — Отечества). Норвежец Ф. Нансен, с 1921 г. Верховный комиссар по вопросам беженцев, созвал 3–5 июля 1922

г. в Женеве Межправительственную конференцию, на которой приняли сертификат для беженцев без гражданства (нансеновский паспорт), что позволил им свободно передвигаться, быть под защитой в других странах. За работу по натурализации и репатриации лиц, перемещённых в период 1-й Мировой войны, Нансен стал лауреатом Нобелевской премии мира (1922 г.). 12 мая 1926 г. на конференции в Женеве 24 государства определили статус беженцев из России, подтвердив их право и право их детей (до возраста 15 лет по сертификатам родителей, что выдавались только на год) вернуться в страну изгнания; свободное получение виз на выезд-въезд, транзит для беженцев [7, с. 287; 10, с. 255].

Юристы-международники-эмигранты из России, возражая против статуса русских беженцев как «лиц русского происхождения, не приобретших никакой другой национальности», выступали за их признание политическими эмигрантами, не подданными. В 1945 г. после Великой Победы над фашистской Германией, была создана ООН, Уставом которой защита прав и свобод человека стала обязанностью всех её членов (п. 3 ст. 1, п. 16 ст. 13, ст. 55с, ст. 68 и 76с) [7, с. 287; 8, с. 255].

Крах Советского Союза и образование Содружества независимых государств (СНГ) превратило русскоязычных этносов в меньшинства и часто сопровождается нарушениями их прав и свобод. Однако «РФ гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за её пределами» [2, ст. 2, 61 ч. 2]. Для российского государства значим и День социальной справедливости 20 февраля 2009 г., провозглашённый Генассамблеей ООН в специальной резолюции №А/RES/62/10 от 18 декабря 2007 г. [5, с. 80; 11, с. 71].

Базовым документом ООН, обеспечивающим защиту прав меньшинств, стала Декларация ООН о правах лиц, что принадлежат к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам (резолюция 47/135 Генассамблеи 18 декабря 1992 г.) [1; 8, с. 172, 236; 9, с. 205, 267].

Итак, основы отношений государства со своими соотечественниками, проживающими за рубежом, содержит Заключительный текст комментария к Декларации, что подготовила Рабочая группа по меньшинствам Подкомиссии по поощрению и защите прав человека Экономического и Социального Совета ООН (2 апреля 2001 г. под председательством А. Эйде). Выявлено, что содержание основ отношений государства с соотечественниками, которые проживают за рубежом, применительно к теме исследования, включает октет основных положений [7, с. 255–256] (Таблица).

Вместе с тем положения и механизмы защиты меньшинств, предусмотренные международно-правовыми актами ООН, конкретизируются, углубляются и расширяются в соответствии с реальной ситуацией в том или ином районе планеты региональными организациями, являющимися важными субъектами международных отношений.

Таблица.

Основные положения комментария к Декларации

Номер положения	Содержание положения
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II.3	Поощрение и защита прав меньшинств способствуют политической и социальной стабильности государств, в которых живут меньшинства, и содействуют укреплению дружбы и сотрудничества между народами и государствами
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II.4	Государство обязано уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, закреплённые в договорах, в которых участвует государство, без какой бы то ни было дискриминации по любому признаку — расовому, этническому, религиозному, происхождения и др.
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II. 9	Лица, (пока ещё) не являющиеся гражданами страны, в которой они проживают, могут входить в состав меньшинств или принадлежать к меньшинствам в конкретной стране
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II.10	Лица, компактно проживающие на части территории государства, в отличие от лиц, проживающих некомпактно, вправе рассчитывать на осуществление прав, касающихся использования языка и наименования улиц и мест, в ряде случаев — на определённую автономию. Лица, длительно проживающие на территории государства, вправе обладать более широкими, правами по сравнению с лицами, прибывшими в страну недавно
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II. 20	В ряде случаев лучшим средством защиты прав меньшинств могут быть позитивные меры для их интеграции, но не ассимиляции
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II. 25, ст. 2.2. и 2.3	Все малые и большие группы меньшинств вправе участвовать в жизни общества
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II. 49	Разные этнические, языковые или религиозные общины должны иметь равный доступ к трудоустройству в государственном секторе
E/CN.4/Sub.2/ AC.5/2001/2 II. 50	Следует развивать формы участия апатридов, предоставлять им право голоса на местном уровне по истечении срока пребывания в стране и включать часть наблюдателей из числа апатридов в состав муниципальных, региональных и национальных законодательных / административных органов

Так, проблемы французов, живущих за пределами Франции и её заморских территорий (около 1,5 млн. чел.), решает Высший Совет по делам французов (далее — ВС ДФ) за границей как консультативный орган в МИД Франции [13, с. 289]. ВС ДФ включает 12 сенаторов, 150 делегатов и 20 видных политических деятелей, назначаемых министром иностранных дел Франции, избираемых всеобщим прямым голосованием французами в разных странах и регионах сроком на шесть лет. Финансирование деятельности Высшего Совета производится из бюджета МИД. Председателем ВС ДФ является министр иностранных дел, трех его заместителей избирают из состава делегатов, а помощь совету оказывают штатные сотрудники Управления по делам французов за границей МИД [16].

Анализ полученных результатов. Основы отношений Российской Федерации (далее — РФ) с соотечественниками, проживающими за рубежом определены ст. 6–10 ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (1999 г.) и сформированы из [7, с. 289;

15, ст. 6–10]: законодательства РФ в области отношений с соотечественниками; основ отношений с гражданами РФ, проживающими за рубежом; отношений с лицами, состоявшими в гражданстве СССР; отношений с выходцами (эмигрантами); отношений с потомками соотечественников.

Законодательство РФ в области отношений с соотечественниками основано на общепризнанных принципах и нормах международного права и включает: Конституцию РФ, международные договоры РФ, базовый федеральный закон и принятые согласно Конституции РФ и базовому закону, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ, законов и иных нормативных правовых актов 85 субъектов РФ [2; 4; 14; 15].

Непосредственно основы отношений с гражданами РФ, проживающими за рубежом, определены кваттетом положений: а) РФ гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за рубежом; б) граждане РФ, проживающие за рубежом, пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, прожи-

вающими на территории РФ, за исключением случаев, установленных законодательством РФ и международными договорами РФ, при соблюдении законодательства государства проживания; в) граждане РФ, проживающие за рубежом, во время их пребывания на территории РФ пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, проживающими на территории РФ, за исключением случаев, установленных федеральным законом; г) лица, имеющие двойное гражданство (бипатриды), одно из которых – российское, не могут быть ограничены в правах и свободах и не освобождаются от обязанностей, вытекающих из гражданства РФ, если иное не предусмотрено международным договором РФ/законодательством РФ [2; 7, с. 290; 15].

Отношения с лицами, состоявшими в гражданстве СССР, определяются историческими особенностями возникновения государств их проживания и приоритетно значимы для РФ. Страна содействует им в реализации основных прав и свобод человека и гражданина (в т. ч., права на гражданство и свободу его выбора), оказывает им помощь и поддержку на основании закона и международных договоров РФ с учётом законодательства государств их проживания. Отдельно регулируются отношения с приобретающими гражданство РФ согласно законодательству постсоветских государств или бипатридами и с апатридами (лицами без гражданства) [4, с. 116, 122–123].

Отношения с выходцами (эмигрантами) определяет трио положений [7, с. 290–291]: а) РФ благоприятствует сохранению ими связей с РФ во всех областях и использованию возможностей, как соотечественникам, выступает в их поддержку при нарушении основных прав и свобод человека и гражданина; б) на выходцев (эмигрантов), состоявших в гражданстве СССР, проживающих за рубежом и за пределами государств, входивших в состав СССР, распространяется действие ст. 8; в) отношения между выходцами (эмигрантами) и РФ, вытекающие из факта наличия у них подданства Российской государства (гражданства Российской республики, РСФСР, СССР и РФ), регулируют международные договоры и законодательство РФ.

Отношения с потомками соотечественников обусловлены: а) на тех, кто являются гражданами РФ или бипатридами, одно из которых – российское, распространяется действие ст. 7; б) в случае установления по основаниям, указанным в ст. 4 закона, их родства по прямой восходящей линии с лицами, состоявшими в гражданстве СССР, и выходцами (эмигрантами) участники (стороны) отношений РФ с соотечественниками создают условия для поддержания их интересов к РФ и связей с ней; в) их права, которые могут вытекать из их родства с лицами, состоявшими в гражданстве СССР, выходцами (эмигрантами), обеспечиваются согласно международным договорам РФ и законодательству РФ [15, ст.14–18].

В историко-правовом аспекте осознанию послед-

ствий правоотношений со своими соотечественниками служит Великая Отечественная война советского народа с фашистской Германией. Истребление советских военнопленных и жителей тысяч городов, сёл и деревень сочеталось с их рабством, умерщвлением в концлагерях. Репатриация указанных категорий советских граждан после Великой Победы была чрезвычайно затруднена, тем более для репатриированных были уготованы иные жизненные испытания их судеб в своей стране [6, с. 68]. В связи с введением против РФ более 10 тысяч разнообразных санкций в период проведения СпВО, для граждан РФ, а также для наших сограждан и соотечественников, проживающих или временно пребывающих за рубежом возрастает практическая значимость феномена информационно-образовательных технологий (ИОТ) [13, с.171].

В системе российского образования в связи с апробированием средств дистанционного обучения, в процессе противодействия Covid-19, ИОТ могут существенно позитивно влиять на процесс взаимодействия с физическими и юридическими лицами из числа наших соотечественников, в том числе в части обеспечения их защиты и безопасности, содействия их переселению на российскую территорию в рамках действующей Программы [14; 15]. В связи с этим в рамках Всероссийского молодёжного экологического форума Президент РФ в своём рассуждении о поэтизации «Страны восходящего Солнца» именно Россию признал таковой, акцентируя внимание участников на том, что: «наша страна начинается с человека, где бы он ни жил» [17].

Выводы. Государственная политика РФ в области защиты прав наших соотечественников за рубежом периодически ориентируется на системно-целевые установки. Действующее миграционное законодательство содержит концептуальные подходы к этой проблеме, и механизмы её реализации: а) нормы правового регулирования процесса переселения соотечественников из-за рубежа; б) основания для признания и подтверждения принадлежности к соотечественникам; в) основы отношений ОГВ с соотечественниками, проживающими за рубежом; г) полномочия государства в области отношений с соотечественниками, механизм конституционно-правового регулирования процесса переселения в РФ соотечественников из-за рубежа.

С начала СпВО правоотношения ОГВ в части взаимодействия РФ с соотечественниками за рубежом наполняет новое содержание: проблемные вопросы защиты их прав более активнее решают и федеральные ОГВ, и ОГВ многих из 85 субъектов РФ; из-за наплыва пакетов антироссийских санкций для реализации нацпроекта Демография совместно со сферой миграции всё явственнее отражается проблема их государственной и общественной значимости, безопасности; усилена эффективность работы для обеспечения личных и семейных интересов российских диаспор (союзов) за рубежом.

Список источников

1. Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Резолюция 47/135 Генассамблеи от 18 декабря 1992 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/decl_conv/declarations/minority_rights (дата обращения: 26.08.2022).
2. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. (от 01.07.2020) // Российская газета — Федеральный выпуск № 144 (8198). 2020. 4 июля.
3. Нурадинов Ш. М., Самойлов В. Д., Селезнёва К. В. Профессиональная подготовка кадров для сферы миграции : конституционно-правовые аспекты реализации государственной миграционной политики // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 184–187.
4. Прудников А. С., Самойлов В. Д. Деятельность Федеральной миграционной службы : учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 288 с.
5. Самойлов В. Д. Андрогогические основы педагогики и психологии в системе высшего образования России : учебник / В. Д. Самойлов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 295 с.
6. Самойлов В. Д. Взываю к памяти живых : истребление людей // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. №1. С. 66–69.
7. Самойлов В. Д. Государственно-правовые основы миграционной системы Российской Федерации : учебно-метод. пособие. М. : МИ-ЭМП, 2007. 436 с.
8. Самойлов В. Д. Методика преподавания юридических дисциплин в системе высшего образования России : курс лекций / В. Д. Самойлов. М. : РУСАЙНС, 2018. 320 с.
9. Самойлов В. Д. Методология преподавания юриспруденции в системе высшего образования России : монография / В. Д. Самойлов. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2016. 367 с.
10. Самойлов В. Д. Основы миграционного права : учебник / В. Д. Самойлов. М. : Академия экономической безопасности МВД России, 2009. 384 с.
11. Самойлов В. Д. Педагогика и психология высшей школы : учебник / В. Д. Самойлов. Москва ; Вологда, Инфра-Инженерия, 2021. 248 с.
12. Самойлов В. Д. Радиотехника и телекоммуникации : генезис и компаративизм : учебник / В. Д. Самойлов. М. : РУСАЙНС, 2018. 168 с.
13. Самойлов В. Д., Эриашвили Н. Д. Об информационно-образовательных технологиях // Международный журнал педагогики и психологии служебной деятельности. 2020. № 3. С. 170–174.
14. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>.
15. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (в ред. от 23.07.2013 г. № 203-ФЗ) [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875> (дата обращения: 26.08.2022).
16. URL: <https://mirznanii.com/a/28567-7/natsionalnaya-politika-frantsii> (дата обращения: 11.06.2020).
17. URL: <https://rg.ru/2022/09/05/reg-dfo/putin-strana-voshodiashchego-solnca-eto-rossiia.html>? (дата обращения: 05.09.2022).

References

1. UN Declaration on the Rights of Persons Belonging to National, Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. General Assembly resolution 47/135 of December 18, 1992. [Electronic resource] URL: http://www.un.org/ru/decl_conv/declarations/minority_rights (accessed: 26.08.2022).
2. The Constitution of the R. F. of December 25, 1993 (from 01.07.2020) // Rossiyskaya gazeta-Federal Issue № 144 (8198). 2020. July 4.
3. Nuradinov Sh. M., Samoilov V. D., Selezneva K. V. Professional training of personnel for the sphere of migration : constitutional and legal aspects of the implementation of the state migration policy // Education. Science. Scientific personnel. 2020. № 1. P. 184–187.
4. Prudnikov A. S., Samoilov V. D. The activity of the Federal Migration Service : textbook. Moscow : UNITY-DANA, 2007. 288 p.
5. Samoilov V. D. Androgogical foundations of pedagogy and psychology in the higher education system of Russia : textbook. M. : UNITY-DANA. 295 p.
6. Samoilov V. D. I appeal to the memory of the living : the extermination of people // Psychology and pedagogy of official activity. 2020. № 1. P. 66–69.
7. Samoilov V. D. State and legal foundations of the migration system of the Russian Federation : educational and methodol. manual. M. : MIEMP, 2007. 436 p.
8. Samoilov V. D. Methods of teaching legal disciplines in the higher education system of Russia : course of lectures. Moscow : RUSAINS, 2018. 320 p.
9. Samoilov V. D. Methodology of teaching jurisprudence in the higher education system of Russia : monograph / V. D. Samoilov. M. : UNITY-DANA ; Law and Law, 2016. 367 p.
10. Samoilov V. D. Fundamentals of migration law : textbook. M. : AEB of the Ministry of Internal

- Affairs of Russia, 2009. 384 p.
11. Samoilov V. D. Pedagogy and psychology of higher education : textbook / V. D. Samoilov. Moscow ; Vologda, Infra-Engineering. 248 p.
 12. Samoilov V. D. Radio engineering and telecommunications : genesis and comparativism : textbook / V. D. Samoilov. M. : RUSAINS, 2018. 168 p.
 13. Samoilov V. D., Eriashvili N. D. On information and educational technologies // International Journal of Pedagogy and Psychology of Performance. 2020. № 3. P. 170–174.
 14. Decree of the President of the Russian Federation № 622 dated October 31, 2018 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>.
 15. Federal Law № 99-FZ dated May 24, 1999 «On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad» (ed. dated 23.07.2013, № 203-FZ) [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875> (accessed: 26.08.2022).
 16. URL: <https://mirznanii.com/a/28567-7/natsionalnaya-politika-frantsii> (accessed: 11.06.2020).
 17. URL: <https://rg.ru/2022/09/05/reg-dfo/putin-strana-voshodiashchego-solnca-eto-rossiia.html>? (accessed: 05.09.2022).

Информация об авторе

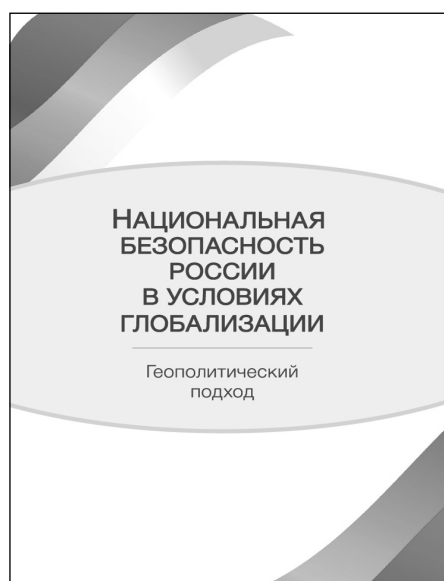
В. Д. Самойлов — корреспондент Вестника Сибирского отделения Академии военных наук, доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, ветеран военной службы.

Information about the author

V. D. Samoilov — Correspondent of the Bulletin of the Siberian branch of the Academy of Military Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Veteran of Military Service.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 342.721.6:340.131.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-183-187>

НИОН: 2003-0059-2/23-638

MOSURED: 77/27-003-2023-02-837

Правовое регулирование правоохранительной деятельности при организации взаимодействия Росгвардии и Федеральной службы судебных приставов России

Владислав Евгеньевич Санин

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, sanin.vlad1983@yandex.ru

Аннотация. Аргументируется важность и практическая значимость процесса налаживания сотрудничества между Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) и Федеральной службой судебных приставов. Автор рассматривает состояние нормативно-правовой базы Росгвардии, регулирующей вопросы взаимодействия данных правоохранительных структур, и акцентирует внимание на необходимости своевременной разработки локальных нормативных актов, закрепляющих права и обязанности должностных лиц в указанной сфере. В статье показан опыт отдельных территориальных органов Федеральной службы войск национальной гвардии и Федеральной службы судебных приставов по правовому закреплению и проведению инициативных совместных мероприятий.

Ключевые слова: Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия), Федеральная служба судебных приставов, правовое регулирование, локальный нормативный акт, сотрудничество, информационное взаимодействие, исполнительные документы

Для цитирования: Санин В. Е. Правовое регулирование правоохранительной деятельности при организации взаимодействия Росгвардии и Федеральной службы судебных приставов России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 183–187. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-183-187>.

Original article

Legal regulation of law enforcement activities in the organization of interaction between Rosgvardiya and the Federal Bailiff Service of Russia

Vladislav E. Sanin

Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, sanin.vlad1983@yandex.ru

Abstract. In the article, the author argues the importance and practical significance of the process of establishing cooperation between the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation (Rosgvardiya) and the Federal Bailiff Service. The author examines the state of the regulatory framework of the Russian Guard regulating the interaction of these law enforcement agencies and focuses on the need for timely development of local regulations that enshrine the rights and duties of officials in this area. The article shows the experience of individual territorial bodies of the Federal Service of the National Guard Troops and the Federal Bailiff Service on the legal consolidation and implementation of initiative joint activities.

Keywords: Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (Rosgvardiya), Federal Bailiff Service, legal regulation, local regulatory act, cooperation, information interaction, executive documents

For citation: Sanin V. E. Legal regulation of law enforcement activities in the organization of interaction between Rosgvardiya and the Federal Bailiff Service of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):183–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-183-187>.

© Санин В. Е., 2023

В конце 2021 года состоялась встреча директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) генерала армии В. Золотова и директора Федеральной службы судебных приставов генерал-полковника внутренней службы Д. Аристова, по итогам которой было подписано соглашение о сотрудничестве возглавляемых ими правоохранительных структур [1].

Данное соглашение в большей степени можно охарактеризовать как договор о намерениях. Руководители правоохранительных органов сочли возможным и актуальным наладить сотрудничество по таким направлениям деятельности как подготовка кадров, научно-исследовательская сфера, военно-патриотическое воспитание молодежи, спорт, социальная сфера. Однако основным направлением сотрудничества была определена сфера информационного взаимодействия.

Информационное взаимодействие представляет собой скоординированный процесс сбора, анализа и последующего обмена информацией с целью повышения эффективности выполнения возложенных на стороны задач. Например, актуальным является вопрос взаимодействия должностных лиц частей и подразделений Росгвардии и сотрудников структур Федеральной службы судебных приставов (далее — ФССП) в области реализации требований исполнительных документов в делах, где стороной выступают воинские части либо военнослужащие войск национальной гвардии. Своевременное и справедливое решение проблем исполнительного производства с участием военнослужащих благоприятно сказывается на психологическом климате в воинских коллективах, что, в свою очередь, обеспечивает качество выполнения служебно-боевых задач, стоящих перед подразделениями Росгвардии [2].

Эффективность взаимодействия правоохранительных органов в большой степени зависит от наличия и качества нормативно-правовой базы в данной области. Исследование правовой базы, содержащей нормы по вопросам организации взаимодействия подразделений Росгвардии и ФССП показывает, что имеющаяся правовая база находится на этапе формирования. Например, в локальных нормативных актах Росгвардии практически не обозначены обязанности должностных лиц войск по организации взаимодействия с представителями служб судебных приставов [3].

Единственное на этот счет упоминание мы находим в Инструкции по организации судебно-исковой работы в войсках национальной гвардии Российской Федерации (далее — ВНГ РФ) в разделе «Организация исполнительного производства» в подразделе «Работа по искам, предъявленным к войскам национальной гвардии», где говорится: «Ответственное должностное лицо для обеспечения своевременного исполнения исполнительных документов осуществляет взаимодействие с судебными приставами путем подготовки и направления не реже одного раза в квар-

тал писем о ходе исполнительного производства за подписью руководителя (командира, начальника) или представителя» [4]. Без сомнения данный тезис не отражает всю потребность в общении судебных приставов и должностных лиц органов военного управления ВНГ РФ.

В этих условиях есть необходимость продумать вопрос о включении в локальные нормативные акты Росгвардии норм, определяющих обязанности должностных лиц правовых подразделений, а может и финансовых отделов воинских частей по организации взаимодействия со специалистами служб судебных приставов по актуальным вопросам исполнения исполнительных документов, поступивших в воинские части.

Полезным и важным может стать взаимодействие подразделений Росгвардии и ФССП в области реализации последними обязанностей по принудительному исполнению решений суда. Однако в тексте подписанного соглашения мы не найдем упоминания о подобной области сотрудничества, хотя возможность для этого, как нам кажется, оставлена. Руководители Росгвардии и ФССП допускают, что по взаимной договоренности сторон взаимодействие и координация деятельности возможно по любым другим (не указанным в тексте соглашения) направлениям, что должно быть оформлено дополнительным соглашением либо отдельным протоколом.

В настоящее время на федеральном уровне отсутствуют правовые нормы, регламентирующие порядок возможного участия военнослужащих (сотрудников) Росгвардии по оказанию помощи судебным приставам при проведении мероприятий по принудительному исполнению решений судов. Более того данная тема вызывает жаркие дискуссии еще с 2016 года, когда на заре формирования новой силовой структуры — Росгвардии, с подачи отдельных должностных лиц Министерства внутренних дел (МВД) в публичное поле была брошена идея о возможности привлечения военнослужащих Росгвардии в помощь судебным приставам при проведении отдельных исполнительских действий [5]. Речь шла о таких непопулярных и резонансных мерах как выселение и освобождение нежилых зданий, их снос, принудительное вселение истцов в недоступные им дома, а также приостановка деятельности юридических лиц и предпринимателей. Данная инициатива обоснованно не получила одобрения в Росгвардии, на плечи которой итак лег груз сложных и ответственных задач по обеспечению общественной безопасности и поддержанию правопорядка.

С тех пор прошло более пяти лет, войска национальной гвардии прошли путь становления, оптимизировали организационную структуру, обрели уверенность в реализации всех задач, поставленных в федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [6]. Как известно задачи оказания содействия ФССП в ее деятельности в законе нет. ФССП России с начала 2020 года также радикаль-

но изменилась, ее надели функциями силового ведомства с соответствующей правовой, организационной поддержкой и финансированием.

Однако думается, что даже в условиях определенной самостоятельности двух силовых структур это не означает, что им надо отказываться от взаимной помощи и взаимодействия. Тем более, уже есть примеры налаживания тесных рабочих контактов между сотрудниками Росгвардии и судебными приставами в различных регионах Российской Федерации.

Пример продуктивного сотрудничества территориальных органов Росгвардии и ФССП мы находим в г. Вологда, где между указанными структурами в 2018 году было заключено соглашение о порядке взаимодействия по вопросам организации продажи арестованного гражданского и служебного оружия, основных частей огнестрельного оружия и боеприпасов к нему во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество должников [7].

Положительные результаты сотрудничества сегодня налицо. По отзывам должностных лиц Управления ФССП по Вологодской области арест оружия довольно эффективная мера при взыскании долгов и в управлении уже накоплен в этой сфере определенный опыт. Так, в соответствии с соглашением, сотрудники лицензионно-разрешительной системы Росгвардии по запросу судебных приставов-исполнителей предоставляют сведения о наличии зарегистрированного оружия у должников по исполнительным производствам. Получив информацию, работники отдела судебных приставов по г. Вологде № 1 в течение одного дня произвели арест в общей сложности 5 единиц огнестрельного оружия, принадлежащего трем гражданам, задолжавшим федеральной налоговой службе (ФНС) России и кредитным организациям различные суммы. Один из должников сообщил работникам ФССП России, что уже устроился на работу и в ближайшее время предпримет все меры к погашению долга, поскольку охота — одно из любимых его увлечений [8].

У военнослужащих ВНГ РФ, как известно в перечне профессиональных задач на первом месте стоит задача участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Если допустить, что при выселении из жилого дома неадекватный должник откроет стрельбу из огнестрельного оружия или иным образом будет угрожать общественной безопасности военнослужащие должны в обязательном порядке приходить на помощь судебным приставам.

Надо отдать должное, что сегодня в условиях определенной экономической нестабильности, наличия возможности (существование «горячих точек») отдельным недобросовестным гражданам завладеть огнестрельным оружием или взрывчатыми веществами, территориальные органы ФССП и Росгвардии находят способы сотрудничества в сфере противодействия вооруженным нападениям на суды либо иные

здания ФССП.

Положительный опыт подобного взаимодействия накоплен в Управлении Федеральной службы судебных приставов по Республике Тыва, где на регулярной основе дважды в год организуются и проводятся совместные с Управлением Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Республике Тыва тренировки [9]. Главная цель данных мероприятий проверить уровень межведомственного взаимодействия, повысить оперативную слаженность и сформировать практические навыки в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как угроза взрыва, обнаружение подозрительного предмета в зданиях, нападение на пристава или судью.

Совместные тренировки сотрудников территориальных органов ФССП с привлечением специалистов спецподразделений Федеральной службы войск национальной гвардии РФ проходят в Алтайском крае [10], Ивановской области [11]. Подобные мероприятия имеют огромное практическое значение, так как порой на кону стоит жизнь и здоровье сотрудника ФССП, работника суда и иных граждан.

Вот как отзывается о своей работе инженер-сапер ОМОНа Шолук Донгак после обезвреживания взрывного устройства в здании Арбитражного суда Республики Тыва: «От точности наших действий зависит практически все. В деле обеспечения безопасности не бывает незначительных деталей, потому что именно они могут сыграть роковую роль» [12].

К сожалению, в практике деятельности судебных приставов нередки и трагические случаи. В Новокузнецке у входа в зал суда 45-летний мужчина смертельно ранил из ружья судебного пристава, пытавшегося его остановить, и прошел в помещение. И только оперативно прибывшие на место происшествия сотрудники вневедомственной охраны Росгвардии совместно с судебными приставами обезвредили злоумышленника [13]. Данный пример подчеркивает необходимость налаживания системного взаимодействия структур Росгвардии и ФССП именно по отдельным вопросам в области исполнения профессиональных обязанностей [14].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- во-первых, у военнослужащих (сотрудников) Росгвардии и сотрудников ФССП России помимо многих сфер сотрудничества могут быть точки соприкосновения и в области исполнения профессиональных обязанностей. Реализовывать данные возможности на практике — значит повышать квалификацию военнослужащих и сотрудников и обеспечивать высокие результаты в повседневной и служебно-боевой деятельности подразделений [15];
- во-вторых, для поддержания должного уровня взаимодействия между подразделениями Федеральными службами войск национальной гвардии Российской Федерации и судеб-

ных приставов России требуется необходимое правовое обеспечение этого процесса. Следует констатировать, что на сегодняшний день в Росгвардии и ФССП эта работа находится на начальном этапе. При этом, как показывает практика, многие важные проблемы взаимодействия решаются на уровне регионов путем заключения соглашений между территориальными органами Росгвардии и ФССП России. Думается, что после заключения 17 ноября 2021 г. Соглашения о сотрудничестве между Росгвардией и ФССП эта работа приобретет новый импульс.

Список источников

1. Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации и Федеральной службой судебных приставов от 17 ноября 2021 г. https://fssp.gov.ru/files/fssp/db/files/02022/soglashenie_s_ros_gvardiej_17112021_2022471555.pdf?ysclid=l8mxif0xu710600896 (дата обращения: 19.07.2022).
2. Яткевич О. Г., Хазова В. Е. Актуальные вопросы и особенности оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи военнослужащим национальной гвардии Российской Федерации // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2017. № 3. С. 89–93.
3. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Кивич Ю. В. и др. *Правоохранительные органы (административно-правовые основы в определениях и схемах) учебно-наглядное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД России, войск национальной гвардии России, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность*. Новосибирск, 2020.
4. Инструкция по организации судебно-исковой работы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утв. приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 123 (в открытой печати не публиковался).
5. Афанасьев Д. В., Хазов Е. Н. *Административно-правовая деятельность штабных подразделений органов внутренних дел*. Монография. М., 2015.
6. Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
7. Соглашение № 5 о порядке взаимодействия Управления ФССП по Вологодской области, Управления Федеральной службы ВНГ России по Вологодской области, Управления МВД России по Вологодской области и Территориального управления Росимущества по Вологодской области по вопросам организации продажи арестованного гражданского и служебного оружия, основных частей огнестрельного оружия и боеприпасов к нему во исполнение судебных решений или актов органов которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество должников от 30 мая 2018 г. URL: https://r35.fssp.gov.ru/vzaimodejstvije_upravlenija_s_organami_zakonodatelnoj_isspolnitelnoj_issudebnoj_vlasti/ (дата обращения: 19.07.2022).
8. Судебные приставы и сотрудники Росгвардии проводят совместную работу. URL: <https://fssprf.ru/news/248309-sudebnyie-pristavy-i-sotrudniki.html>. (дата обращения: 15.07.2022).
9. Росгвардия Тувы приняла участие в совместной тренировке с Управлением Федеральной службы судебных приставов. URL: https://17.rosguard.gov.ru/News/Article/ros_gvardiya-tuvy-prinyala-uchastie-v-sovmestnoj-trenirovke-s-upravleniem-federalnoj-sluzhby-sudebnyx-pristavov (дата обращения: 29.08.2022).
10. Судебные приставы и сотрудники войск национальной гвардии Алтайского края провели совместную тренировку. URL: <https://fssprf.ru/news/337170-sudebnyie-pristavy-i-sotrudniki.html> (дата обращения: 29.07.2022).
11. В Иванове проведены совместные учения сотрудников СОБР Росгвардии и судебных приставов URL: https://37.rosguard.gov.ru/News/Article/v-ivanove-provedeny-sovmestnye-ucheniya-sotrudnikov-sobr-ros_gvardii-i-sudebnyx-pristavov (дата обращения: 20.07.2022).
12. Сотрудники Отдела Росгвардии по Республике Тыва и судебные приставы Арбитражного суда Республики Тыва провели совместное учение. URL: https://rosguard.gov.ru/news/article/v-respublike-tyva-sotrudniki-ros_gvardii-prinyali-uchastie-v-sovmestnom-uchenii-s-predstavitelnyami-respublikanskogo-arbitrazhnogo-suda- (дата обращения: 29.07.2022).
13. Сотрудники Росгвардии совместно с судебными приставами задержали вооруженного мужчину URL: https://rosguard.gov.ru/News/Article/sotrudniki-ros_gvardii-sovmestno-s-sudebnymi-pristavami-zaderzhali (дата обращения: 15.07.2022).
14. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Комахин Б. Н. и др. *Государственная служба в правоохранительных органах*. Новосибирск, 2021.
15. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Комахин Б. Н., Померлян А. Н., Санин В. Е. и др. *Административное право (общая часть в определениях и схемах) : учебно-наглядное пособие для курсантов*

и слушателей очной и заочной формы обучения системы: МВД России, МЧС России, ФСИН России, Войск национальной гвардии России, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность. Новосибирск, 2020.

References

1. Cooperation Agreement between the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation and the Federal Bailiff Service dated November 17.11.2021 https://fssp.gov.ru/files/fssp/db/files/02022/soglashenie_s_rosgvardiej_17112021_2022471555.pdf?ysclid=18mxif0xu710600896 (accessed: 19.07.2022).
2. Yatkevich O. G., Khazova V. E. Topical issues and features of the provision of qualified legal assistance by lawyers to servicemen of the National Guard of the Russian Federation. *International Journal of Constitutional and State Law*. 2017. № 3. P. 89–93.
3. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu., Kivich Yu. V. et al. Law enforcement agencies (administrative and legal bases in definitions and schemes) educational and visual aid for cadets and students of full-time and part-time education of the Ministry of Internal Affairs of Russia, troops of the National Guard of Russia, studying in the direction of law enforcement. *Novosibirsk*, 2020.
4. Instructions for the organization of litigation work in the troops of the National Guard of the Russian Federation, approved by the Order of the Federal Service of the Troops of the National Guard of the Russian Federation dated April 12, 2021 № 123 (was not published in the open press).
5. Afanasyev D. V., Khazov E. N. Administrative and legal activity of headquarters divisions of internal affairs bodies. *Monograph*. Moscow, 2015.
6. Federal Law № 226-FZ of 03.07.2016 (ed. of 14.07.2022) «On the troops of the National Guard of the Russian Federation»// SPS ConsultantPlus.
7. Agreement № 5 on the procedure for interaction of the Department of the Federal Security Service for the Vologda Region, the Department of the Federal Service of the Internal Affairs of Russia for the Vologda Region, the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Vologda Region and the Territorial Administration of the Federal Property Management Agency for the Vologda Region on the organization of the sale of arrested civilian and service weapons, the main parts of firearms and ammunition to it in execution of court decisions or acts bodies that have been granted the right to make decisions on foreclosure on the property of debtors dated May 30, 2018 URL: https://r35.fssp.gov.ru/vzaimodejstvie_upravlenija_s_organami_zakonodatelnoj_isspolnitelnoj_i_sudebnoj_vlasti/ (accessed: 19.07.2022).
8. Bailiffs and employees of the Rosgvardiya are working together. URL: <https://fssprf.ru/news/248309-sudebnyie-pristavyi-i-sotrudniki.html> (accessed: 15.07.2022).
9. The Russian Guard of Tuva took part in a joint training with the Federal Bailiff Service. URL: <https://17.rosguard.gov.ru/News/Article/rosgvardiya-tuvy-prinyala-uchastie-v-sovmestnoj-trenirovke-s-upravleniem-federalnoj-sluzhby-sudebnyx-pristavov> (accessed: 29.08.2022).
10. Bailiffs and employees of the National Guard troops of the Altai Territory conducted a joint training. URL: <https://fssprf.ru/news/337170-sudebnyie-pristavyi-i-sotrudniki.html> (accessed: 29.07.2022).
11. Joint exercises of the staff of the SOBR of the Rosgvardiya and bailiffs were held in Ivanovo URL: <https://37.rosguard.gov.ru/News/Article/v-ivanove-provedeny-sovmestnye-ucheniya-sotrudnikov-sobr-rosgvardii-i-sudebnyx-pristavov> (accessed: 20.07.2022).
12. Employees of the Department of Rosgvardiya in the Republic of Tuva and bailiffs of the Arbitration Court of the Republic of Tuva conducted a joint exercise. URL: <https://rosguard.gov.ru/news/article/v-respublike-tyva-sotrudniki-rosgvardii-prinyali-uchastie-v-sovmestnom-uchenii-s-predstavatelyami-respublikanskogo-arbitrazhnogo-suda> (accessed: 29.07.2022).
13. Rosgvardiya employees together with bailiffs detained an armed man URL: <https://rosguard.gov.ru/News/Article/sotrudniki-rosgvardii-sovmestno-s-sudebnymi-pristavami-zaderzhali> (accessed: 15.07.2022).
14. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu., Komakhin B. N. et al. Public service in law enforcement agencies. *Novosibirsk*, 2021.
15. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu., Komakhin B. N., Pomerlian A. N., Sanin V. E., etc. Administrative law (general part in definitions and schemes). educational and visual aid for cadets and full-time and part-time students of the system: The Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, the Troops of the National Guard of Russia studying in the direction of law enforcement. *Novosibirsk*, 2020.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-188-192>

НИОН: 2003-0059-2/23-639

MOSURED: 77/27-003-2023-02-838

Ответственность за доведение до самоубийства по зарубежному уголовному законодательству

Рамиль Касимович Сейфетдинов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, rseyfetdinov@bk.ru

Аннотация. Отмечается, что зарубежные государства криминализируют доведение до действий суицидального характера не только в уголовных законах, но и в иных нормативных актах. Статьи правовых законодательных документов по рассматриваемому вопросу имеют разную технико-юридическую конструкцию в различных странах. Ряд зарубежных государств с точки зрения наказуемости рассматривает помощь, подстрекательство и доведение до действий суицидального характера лиц, не достигших 18 лет, или неменяемых по разным причинам наравне с законодательными нормами об убийстве. Зарубежное законодательство рассматривает не только угрозы или жестокое обращение как способ доведения до действий суицидального характера, но и шантаж, оскорбительные действия или действия обманного характера.

Ключевые слова: жизнь, здоровье, доведение до самоубийства, уголовный закон, способы совершения

Для цитирования: Сейфетдинов Р. К. Ответственность за доведение до самоубийства по зарубежному уголовному законодательству // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 188–192. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-188-192>.

Original article

Responsibility for bringing to suicide under foreign criminal law

Ramil K. Seyfetdinov

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, rseyfetdinov@bk.ru

Abstract. The article notes that foreign states criminalize bringing to action of a suicidal nature not only in criminal laws, but also in other regulations. The articles of legal legislative documents on the issue under consideration have different technical and legal constructions in different countries. A number of foreign states, from the point of view of punishability, consider assistance, incitement and exposure to suicidal actions of persons under the age of 18 or insane for various reasons on a par with the legislative norms on murder. Foreign legislation considers not only threats or ill-treatment as a way to bring to the action of a suicidal nature, but also blackmail, offensive actions or actions of a fraudulent nature.

Keywords: life, health, bringing to suicide, criminal law, methods of committing

For citation: Seyfetdinov R. K. Responsibility for bringing to suicide under foreign criminal law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):188–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-188-192>.

Государства, отличные от России, криминализируют доведение до действий суицидального характера не только в Кодексах уголовной направленности, но и в иной законодательной базе. Уголовно-правовые законы не во всех странах сформированы как единая система (напр., Великобритания), что говорит о том, что случаи могут рассматриваться по самостоятельным правовым актам. В список таких законов можно отнести:

- Закон об убийстве от 1957 г.;
- Закон о самостоятельном убийстве от 1961 года.

Кроме них, конечно, существует иная законодательная база, в ведении которой находится вопрос о преступных деяниях против жизни человека [6, с. 67]. Правовая система романо-германского происхождения рассматривает преступление в виде доведения до самоубийства в основном в кодифицированных нормативных актах, несмотря на то, что система этой

© Сейфетдинов Р. К., 2023

правовой семьи богата на законодательную базу в виде иных законов уголовного характера, не противоречащих УК.

Преступные деяния общего уголовного характера, совершаемые против человеческой жизни, могут состоять в убийстве; убийстве ребенка; действии или бездействии, связанные с суицидальными действиями; наступлении смерти из-за неосторожности; оставлении в условиях, не являющихся безопасными для человека; прерывании беременности, совершены как при смягчающих, так и отягчающих обстоятельствах [7; 3].

Состав такого преступления имеет признаки объективного характера, которые в свою очередь, сильно упрощают и расширяют раскрытие сути запретности уголовного правового характера доведения до самоубийств.

Что касается деяний, характеризующихся как покушение на самостоятельное убийство, то подавляющая часть иностранных государств согласно законодательству уголовного характера не признается деянием, наказуемым в уголовном понимании. Однако существует несколько исключений, которые связаны скорее с причастностью к самостоятельному убийству, например, на фазе подготовки к нему.

Существует несколько проявлений доведения до суицида, которые криминализируются различными зарубежными государствами:

- Австрия¹, Италия² и Индия³ — побуждение к суициду;
- штат Нью-Йорк (США)⁴, Чили⁵, Дания⁶, Тунис⁷ — способствование суицидальным действиям;
- Киргизия⁸, Армения⁹, Туркмения¹⁰, Бела-

русь¹¹ — склонение к суициду;

- Молдова¹², Азербайджан¹³ — доведение до суицида.
- Австралия¹⁴ — одобрение и поддержка суицидальных действий.

Подстрекательство и помощь в суициде также влекут за собой ответственность в большом количестве иностранных государств в части уголовного права: параграф 78 Уголовного закона Австрии¹⁵, статья 83 Уголовного закона Аргентины¹⁶, статья 122 Уголовного закона Бразилии¹⁷, статья 414 Уголовного закона Венесуэлы¹⁸, статья 580 Уголовного закона Италии¹⁹, статья 266 Уголовного закона Кубы²⁰, статья 161 Уголовного закона Польши²¹, статья 213 Уголовного закона Мальты²², статья 326 Уголовного закона Нигерии²³, статья 179 Уголовного закона Румынии²⁴, статьи 305–306 Уголовного закона Индии²⁵, Закон о самостоятельном убийстве от 1961 года Великобритании.

В ряду стран законодательством уголовной направленности к доведению до суицида приравниваются помощь и подстрекательство к убийству, совершенному самостоятельно (ст. 127 уголовного закона Болгарии, ст.ст. 133–134 уголовного закона Литвы²⁶, ст.ст. 133–134 уголовного закона Македонии²⁷).

В ряде других стран подстрекательство к суициду

¹ Уголовный кодекс Австрии от 23 января 1974 г. М. : «Зерцало-М», 2002. С. 154.

² Уголовный кодекс Италии 1930 г. / Пер. : Исаев М.М. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 35.

³ Уголовный кодекс Индии. Перевод с английского / Под ред. : Никифоров Б. С. (Предисл.) ; пер. : Михлин А.С. М. : Иностр. лит., 1958. С. 125.

⁴ Уголовное право США : сб. нормативных актов / Сост., отв. ред и авт. вступ. ст. И. Д. Козочкин. М. : Изд-во УДН, 1986. С. 71.

⁵ Уголовный кодекс Чили 1874 г.

⁶ Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С. С. Беляева, канд. юрид. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского канд. юрид. наук С. С. Беляева, А. И. Рычевой. СПб : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 82.

⁷ Уголовный кодекс Туниса // <http://www.jurisetunisie.com/tunisie/codes/cp/menu.html>.

⁸ Уголовный кодекс Республики Кыргызстан: закон от 10 октября 1997 г. с изм. и доп. на 1 августа 2006 г. СПб : «Юридический Центр Пресс», 2006. С. 248.

⁹ Уголовный кодекс Республики Армения : принят Законом Республики Армения от 18 апреля 2003 г. Введен в действие 1 августа 2003 г. СПб : «Юридический центр Пресс», 2004. С. 278.

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Туркменистан : закон от 12 июня 1997 г. / Ассоц. «Юрид. центр». СПб : «Юридический Центр Пресс», 2006.

¹¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Ведомости Национального собрания РБ. 1999. № 24. Ст. 420.

¹² Уголовный кодекс Республики Молдова № 985-XV от 18 апреля 2002 г. // Monitorul Oficial № 128 от 13.09.2002. ст. 1014.

¹³ Уголовный кодекс Республики Азербайджан : закон от 30 декабря 1999 г. с изм. и доп. на 1 августа 2006 г. / Ассоц. «Юрид. центр». СПб : «Юридический Центр Пресс», 2006. С. 201.

¹⁴ Уголовный кодекс Австралии 1995 г. СПб : «Юридический центр Пресс», 2002. С. 142.

¹⁵ Уголовный кодекс Австрии от 23 января 1974 г. М. : «Зерцало-М», 2002. С. 154.

¹⁶ Уголовный кодекс Аргентины от 9 октября 1921 г. СПб : «Юридический центр пресс», 2003. С. 85.

¹⁷ Уголовный кодекс Бразилии // <http://br.vlex.com/jurisdictions/BR>.

¹⁸ Уголовный кодекс Венесуэлы // <http://vlex.com/ve/jurisdictions/VE>.

¹⁹ Уголовный кодекс Италии 1930 г. / Пер. : Исаев М. М. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 35.

²⁰ Уголовный кодекс Республики Куба 1979 г. М., 1982. С. 37.

²¹ Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А. И. Лукашова, Н. Ф. Кузнецова ; вступ. ст. А. И. Лукашова, Э. А. Саркисовой / Пер. Д. А. Барилевич. СПб : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.

²² Уголовный кодекс Мальты // <http://icpo-vad.tripod.com/crimru.html>.

²³ Уголовный кодекс Нигерии // <http://www.nigeria-law.org/Criminal%20Code%20Act-Tables.htm>. 2004. 5 окт.

²⁴ Уголовный кодекс Румынии от 21 июня 1968 г. // Buletinul Oficial. 1968. № 79-79 bis.

²⁵ Уголовный кодекс Индии. Перевод с английского / Под ред. : Никифоров Б. С. (Предисл.) ; пер. : Михлин А. С. М. : Иностр. лит., 1958. С. 125.

²⁶ Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб : Юридический центр Пресс, 2003. С. 244.

²⁷ Уголовный кодекс Македонии : 1996 г. // <http://www.mlrc.org.mk/law/Cri151>.

не является преступным деянием, а только непосредственное участие, определяемое как помощь. Среди таких стран: Дания (параграф 240), Сербия (статья 51)¹, США (шт. Нью-Йорк)², Чили (статья 393), Филиппины (статья 253)³, Туниса (статья 206). Французское государство, однако, считает преступным и подстрекательство к суициду (статья 223)⁴.

До самостоятельного убийства доведение и склонение в норме уголовного правового характера признано преступным в Туркмении (ст. 106 уголовного закона), в Киргизии (ст.ст. 102–103 уголовного закона), в Армении (ст.ст. 110–111 уголовного закона).

Так, исследование зарубежного уголовного законодательства говорит о том, что нормативная база по многим признакам сходится, так как четкой конкретизации в вопросе подстрекательства и помощи в суицидальных действиях на законодательском уровне не наблюдается. При этом стоит отметить, что в практике судебного характера строго разделяются «действия, сопряженные с помощью суицида» и «убийство по просьбе потерпевшего» [1].

Законодательство уголовной направленности Дании говорит о том, что под стражу заключают на время не менее шестидесяти дней, если лицо совершило убийство по просьбе убитого. Кроме того, если лицо совершило самоубийство, и ему оказали помощь, то помогавший заключается под стражу в простом режиме или оплачивает штраф (§ 239).

Подобного рода деяние, свершенное с чьей-либо помощью с корыстной мотивацией, наказывается согласно § 240 заключением на срок менее трех лет⁵. Если сравнивать уголовное законодательство Дании и Российской Федерации, то явным отличием станет отсутствие статьи в уголовном законодательстве Дании о доведении до суицида.

В то же время существуют страны, где нормы уголовного правового характера схожи с российскими в части криминализации доведения до суицида. Среди таких стран Казахстан (ч. 1 ст. 102 уголовного законодательства), Таджикистан (ч. 1 ст. 109 уголовного законодательства), Азербайджан (ст. 125 уголовного законодательства), Туркмения (ч. 2 ст. 106 уголовного

законодательства) [4], Беларусь (ч. 1 ст. 145 уголовного законодательства).

При этом стоит отметить, что, несмотря на поверхностное сходство таких норм уголовного правового характера, при более подробном изучении можно увидеть специфический характер у каждого государства. Если рассматривать Азербайджан, то лицо, называемое потерпевшим, признается таковым, если от виновного находится в какой-либо зависимости (напр., служебной, материальной и т. д.). В ряде стран правовые нормы уголовного законодательства свидетельствуют о наличии вины только при участии лиц, не достигших 18 лет в качестве потерпевших.

В части наказуемости деяний, сопряженных с суицидом, при сравнении с нормами уголовно-правового характера зарубежных государств сходства не выявлены. В азербайджанском законодательстве доведение до самоубийства наказывается лишением свободы от 3 до 7 лет, либо ограничением свободы до 3 лет. Если рассматривать законодательство Казахстана, то ограничение свободы или лишение свободы производится на срок до 3 лет (часть 1 статьи 102 уголовного закона).

Не менее интересно для исследователей законодательство Молдовы. Так, в ст. 150 «Доведение до самоубийства» указано:

- сроком более 2, но не менее 5 лет наказывается доведение до суицидальных действий, которое наступило в результате действий оскорбительного характера или травли, клеветы;
- сроком от трех до семи лет наказывается доведение до суицидальных действий, если они были направлены на близких родственников (супруг, супруг или другой); лиц, не достигших возраста 18 лет; лиц, находящихся в зависимости от совершившего подобное преступное деяние (в служебной, материальной или иной); как результат обращения с лицом, отличающимся жестокостью [8].

Законодательство Республики Молдова вызывает интерес представителей уголовно-правовой науки, так как несет в себе некоторые оригинальные черты криминализации деяний, сопряженных с суицидальным поведением.

Некоторые зарубежные государства приравнивают деяния, подстрекаемые или помогающие в совершении суицидальных действий и убийство как таковое⁶. К таким государствам можно отнести, например, Великобританию.

Первоначально такого рода действия регулировались Законом об убийстве (1957 год) и расценивались как соучастие в преступном деянии, характеризующемся как убийство. Позже уголовная ответственность была отменена за покушение и самостоятельное

¹ Уголовный Кодекс Республики Сербия : принят в 1977 г. с изменениями и дополнениями / научное редактирование и предисловие Ю. А. Кашубы ; перевод с английского С. Карибова ; Ассоциация Юридический Центр. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009. С. 96–97.

² Уголовный кодекс штата Нью-Йорк 1967 г. // <http://www.law.bsu.by/materials/content/?03110508>.

³ Уголовный кодекс Филиппин // <http://www.xhanrobles.com/revisedp152>.

⁴ Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. и предисл. Н. Е. Крыловой и Ю. Н. Головки ; пер. с франц. Н. Е. Крыловой. СПб : «Юридический центр Пресс», 2002. С. 145.

⁵ Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С. С. Беляева, канд. юрид. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского канд. юрид. наук С. С. Беляева, А. И. Рычевой. СПб : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 82.

⁶ Уголовный Кодекс Республики Сербия : принят в 1977 г. с изменениями и дополнениями / научное редактирование и предисловие Ю. А. Кашубы ; перевод с английского С. Карибова ; Ассоциация Юридический Центр. СПб : Юридический центр Пресс, 2009. С. 97.

убийство. Хотя Закон о самостоятельном убийстве от 1961 года и оставил такое преступное деяние (побуждение и помощь к суициду) как простое убийство умышленного характера, но при этом состав преступления определен отдельно как специальный [2].

В Англии уголовное законодательство определяет наказание в виде заключения в тюрьму сроком до четырнадцати лет для лиц, как-либо участвующих в суицидальных действиях другого лица (Закон о самостоятельных убийствах от 1961 года).

Великобритания в тот же период времени сохранила аналогичные законодательные нормы в своей правовой системе. Одним из ярких дел этой страны в качестве примера является «Commonwealth v. Mink» и схожее дело Commonwealth v. Bowen». Эти дела показали, что если суицид считать преступлением тяжкой степени, то и совершение действий в качестве помощи, подстрекательства или иного участия должно признаваться аналогичным по виновности¹.

Такой же подход был положительно принят и в Соединенных Штатах Америки. А по уголовному закону Норвегии лицо, участвующее в какой-либо степени в суицидальных действиях, должно наказываться так же, как подобное участие в убийстве (§ 236). В законодательстве Швеции законодательство не рассматривает вопросы, конкретизирующие участие в действиях суицидального характера отдельно, но на практике их рассмотрение и разбирательство аналогично делам об убийствах, но с менее строгими мерами наказаний².

Достаточно большое количество стран приравнивает помощь и подстрекательство в суицидальных действиях и доведение до них лиц, не достигших 18 лет или не являющихся вменяемыми, к убийству (Судан, Македония и т. д.)³. Судан также рассматривает подобные действия в отношении малолетних, больных психически и психологически, находящихся под психотропными веществами или алкоголем, равнозначно с умышленным убийством (ст. 134 Закона об уголовных правонарушениях)⁴.

Субъективная сторона рассматриваемых преступных действий или бездействий также имеет существенное влияние. Но подавляющее количество иностранных государств не уделяет этому вопросу должного внимания. Среди исключений можно назвать следующие страны:

Швейцария: в законодательстве указано, что виновный должен обладать мотивами, характеризующимися как корыстные и присущие в данном случае

только ему (ст. 115 уголовного законодательства)⁵;

Армения: в законодательстве четко расшифрована необходимость установления косвенного умысла или неосторожности (ст. 115 уголовного законодательства).

Так, можно сделать вывод, что уголовное законодательство во многих иностранных государствах имеет схожие черты в вопросе доведения до суицидальных действий. Это объясняется тем, что человеческая жизнь является благом высшего уровня, охраняемым не только местным законодательством, но и правом на международном уровне [7], притом какие-либо национальные признаки в данном вопросе значения не имеют. При этом некоторые концепции правового характера все же отличаются в группах стран, так как правовые и национальные признаки культурного и традиционного характера все же накладывают свой отпечаток на систему права [5, с. 14].

Таким образом, по итогам исследования можно сделать несколько выводов по вопросам ответственности за преступные деяния, сопряженные с доведением до суицида.

Во-первых, сравнительный анализ норм права об ответственности за доведение до действий суицидального характера разного происхождения (в зависимости от государства) позволяет распределить их следующим образом:

- побуждение и убеждение в необходимости совершить действия суицидального характера (Австрия, Индия, Италия, Франция, Армения, Беларусь, Кыргызстан, Туркменистан);
- оказание вспомогательных действий в реализации суицида (Дания, США-штат Нью-Йорк, Тунис, Филиппины, Чили);
- непосредственное доведение до реализации суицидальных действий (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан);
- положительная реакция на суицид и действия связанные с ним (Австралия).

Во-вторых, важно отметить, что зарубежные государства криминализируют доведение до действий суицидального характера не только в уголовных законах, но и в иных нормативных актах.

В-третьих, статьи правовых законодательных документов по рассматриваемому вопросу имеют разную технико-юридическую конструкцию в различных странах.

В-четвертых, ряд зарубежных государств с точки зрения наказуемости рассматривает помощь, подстрекательство и доведение до действий суицидального характера лиц, не достигших 18 лет, или невменяемых по разным причинам наравне с законодательными нормами об убийстве.

В-пятых, законодательство некоторых стран имеет

¹ Mass. 356 of «Commonwealth v. Bowen». 12. 1813 ; Mass. 422, 428 of «Commonwealth v. Mink». 123. 1877.

² Уголовный кодекс Швеции: (<http://wings.bufalo.edu/law/bclc/sweden.pdf>). 2004. 5 окт.

³ Уголовный кодекс Боснии и Герцеговины // <http://www.ohr.int/ohrd/id=5130>. 2004. 5 окт. ept/legal/crim—codes/default.asp?content.

⁴ Уголовный кодекс Судана 1991 г. // <http://dron.sudan.ru/~dron/sudan.html>.

⁵ Уголовный кодекс Швейцарии от 21 декабря 1937 г. СПб : Юридический центр Пресс, 2002. С. 201.

место не только основной состав (как в отечественном законодательстве), но и квалифицированные составы, которые вводят особый режим рассмотрения уголовной ответственности в отношении определенных категорий лиц и (или) ли, находящихся в определенном статусе.

В-шестых, зарубежное законодательство рассматривает не только угрозы или жестокое обращение как способ доведения до действий суицидального характера, но и шантаж, оскорбительные действия или действия обманного характера.

В-седьмых, видимый положительный результат введения уголовно-правовых мер можно достигнуть при правильной квалификации преступных деяний.

Список источников

1. Гасанов Т. К. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в современном зарубежном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 113–115.
2. Зверев А. И. Ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению по зарубежному уголовному законодательству // Аграрное и земельное право. 2019. №10 (178). С. 117–118.
3. Курсаев А. В., Осокин Р. Б. Влияние смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств, относящихся к личности исполнителя, на ответственность других соучастников // Российский следователь. 2011. № 8. С. 15–18.
4. Малетина М. А. Преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних : сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран СНГ и Балтии // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 141–144.
5. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : Норма, 1996. 427 с.
6. Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 50–69.

7. Шулепов Н. А. Международно-правовые основания и способы криминализации посягательств на жизнь человека в зарубежных странах // Международное публичное и частное право. 2006. № 3. С. 52–56.
8. Ястребов А. В. Особенности уголовной ответственности за преступную причастность к самоубийству в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник СИБИТа. 2018. № 2 (26). С. 93–98.

References

1. Hasanov T. K. Criminal liability for bringing to suicide in modern foreign legislation// Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 5. P. 113–115.
2. Zverev A. I. Responsibility for inducing suicide and facilitating its commission under foreign criminal law//Agrarian and land law. 2019. № 10 (178). P. 117–118.
3. Kursaev A. V., Osokin R. B. The influence of mitigating or aggravating circumstances relating to the personality of the executor on the responsibility of other accomplices // Russian investigator. 2011. № 8. P. 15–18.
4. Maletina M. A. Criminal involvement in juvenile suicide : a comparative legal analysis of the legislation of Russia, the CIS and the Baltic countries // Criminal justice. 2018. № 11. P. 141–144.
5. Tikhomirov Yu. A. Course in Comparative Law. M. : Norma, 1996. 427 p.
6. Khatuev V. B. Criminal liability for bringing to suicide or attempted suicide under the legislation of foreign countries // Journal of foreign legislation and comparative law. 2021. № 3. P. 50–69.
7. Shulepov N. A. International legal grounds and methods of criminalization of encroachments on human life in foreign countries // International public and private law. 2006. № 3. P. 52–56.
8. Yastrebov A. V. Features of criminal liability for criminal involvement in suicide in foreign criminal law // SIBIT Bulletin. 2018. № 2 (26). P. 93–98.

Информация об авторе

Р. К. Сейфетдинов — аспирант кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Information about the author

R. K. Seyfedinov — Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Procedure of the Derzhavin Tambov State University.

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-193-195>

НИОН: 2003-0059-2/23-640

MOSURED: 77/27-003-2023-02-839

Отдельные вопросы о нарушении прав и свобод человека и гражданина в процессе реадмиссионных отношений

Анастасия Игоревна Серпионова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, anastasia.serpionova@gmail.com

Научный руководитель: профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России **А. С. Прудников**

Аннотация. Рассматривается складывающееся в настоящее время в силу существующих внешнеполитических факторов увеличение нелегальных миграционных потоков в Россию. Особые административные механизмы предполагают возможность России реализовывать реадмиссионные отношения, однако в ходе их претворения возникают различные вопросы о соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Выявлены отдельные проблемы в указанной сфере.

Ключевые слова: конституционное право, права человека, неприкосновенность частной жизни, принцип конфиденциальности, гарантии

Для цитирования: Серпионова А. И. Отдельные вопросы о нарушении прав и свобод человека и гражданина в процессе реадмиссионных отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 193–195. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-193-195>.

Original article

Some questions about the violation of human and civil rights and freedoms in the process of readmission relations

Anastasia I. Serpionova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, anastasia.serpionova@gmail.com

Scientific supervisor: Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia **A. S. Prudnikov**

Abstract. Currently, due to emerging foreign policy factors, Russia is facing an increase in illegal migration flows. Special administrative mechanisms presuppose the possibility of Russia to carry out readmission relations, but in the course of their implementation various questions arise about the observance of human and civil rights and freedoms. Some of the problems in this area are being considered.

Keywords: constitutional law, human rights, privacy, confidentiality principle, guarantees

For citation: Serpionova A. I. Some questions about the violation of human and civil rights and freedoms in the process of readmission relations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):193–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-193-195>.

Российская Федерация в силу объективных факторов, связанных со своим географическим положением и протяженностью границ, вынуждена обращать особое внимание на защиту своих «миграционных» интересов. Распад СССР и неравномерное распределение экономического блага по территориям бывших республик одного государства привели к значительным

нелегальным миграционным потокам в экономически более привлекательное государство, то есть в Россию.

Согласно действующей Конституции Российской Федерации общепризнанные права и свободы человека и гражданина являются неотъемлемой частью правовой системы и гарантируются со стороны государства.

Также согласно Конституции РФ иностранные

© Серпионова А. И., 2023

граждане, которые находятся в территориальных владениях России на законном основании, не могут быть ограничены в передвижении, месте пребывания или жительства. Данная норма в полной мере коррелирует с иными аналогичными нормами из фундаментальных международно-правовых актов, согласно которым ограничение указанных прав представляется допустимым только в исключительных случаях и исключительно с целью защиты государства, общества, личности в различных областях общественных отношений и государственного устройства [1].

Вместе с тем, возникает вопрос о роли Конституции РФ в создании механизмов защиты прав и свобод тех граждан, которые оказались на территории России нелегальными способами и, вместе с тем, являются носителями исключительных прав, установленных и закрепленных международным сообществом императивными методами регулирования.

Следует отметить, что основные права и свободы человека в процессе реадмиссионных отношений нарушаются. Данные нарушения могут быть связаны как с вопросом определения законности депортации или же непосредственно с ущемлением прав и свобод человека и гражданина в момент содержания в специализированных учреждениях. Наиболее «ярко» данные нарушения могут быть определены в ходе рассмотрения прецедентной практики Европейского суда по правам человека.

Рассматривая практику, непосредственно связанную с Россией, следует выделить дело «Мэн против России» (жалоба № 11338/15). Фабула данного дела заключается в следующем.

Гражданка КНР с 1991 года проживала в Российской Федерации. Дважды состояла в браке и непосредственно проживала вместе со вторым мужем, дочерью от первого брака и сыном. Пребывание на территории России было абсолютно законным и реализовывалось за счет систематического продления вида на жительство каждые 5 лет.

Вместе с тем, данная гражданка в течение трех месяцев (с ноября 2012 года по январь 2013 года) трижды превысила допустимую скорость при управлении транспортным средством, тем самым нарушив административное законодательство Российской Федерации.

Эти факты послужили основанием для вынесения постановления о запрете на въезд в Россию данной гражданке КНР. Следует отметить, что формально основания для реализации такой процедуры соответствовали закону. В итоге гражданке после аннулирования вида на жительство предоставили 15 дней для выезда за территорию России.

В связи с затяжным судебным разбирательством (каждая инстанция принимала противоположное решение, нежели нижестоящая) женщина не покинула Россию в установленный срок, и было принято решение в отношении нее осуществить депортацию.

ЕСПЧ установил явное нарушение статьи 8 Европейской Конвенции по правам человека [2]. При этом было подчеркнуто, что данные нарушения зако-

нодательства являются незначительными и не несут угрозы общественной безопасности. К такому выводу Европейский суд пришел в связи с суммой штрафа за совершенное административное правонарушение.

Вне всяких сомнений, исходя из особенностей действующего административного законодательства, градация наказаний между различными проступками крайне значительна, вместе с тем сотрудникам правоохранительных органов не представляется возможности учитывать различные особенности (в частности, аспекты семейной жизни депортируемого лица) при принятии решений. Представляется разумным, что градация административных нарушений по аналогии с действующим уголовным кодексом могло бы разрешить указанную проблему, если и в миграционном законодательстве будет установлен порог степени административного нарушения, требующий прекращения возможности иностранного гражданина и лица без гражданства находиться на территории Российской Федерации. При этом нельзя не отметить, что данные предложения должны быть реализованы исключительно во взаимосвязи с отдельными положениями Конституции РФ.

Тем самым, нарушение при депортации в рамках реадмиссионных отношений в данном случае связано с умалением права на семейную жизнь, которая также гарантируется Конституцией РФ. Данная проблема в случае связана с особенностью административного и миграционного законодательства, которое ведет к формализму в деятельности правоохранительных органов и не позволяет в должной мере учесть различные аспекты при принятии решений о депортации.

Переходя к рассмотрению второй из указанных проблем, рассмотрим дело «Рябкин (Ryabikin) против Российской Федерации»[3].

Фабула дела сводится к следующему. Иностранец гражданин в нарушении требований миграционных правил незаконно пребывал на территории Российской Федерации. В отношении него было принято решение депортировать его в Туркменистан.

Принимая решение о наличии нарушения ст. 3 Конвенции, судом особо было подчеркнуто что данные получаемые от «авторитетных источников» не позволяют утверждать что в Туркменистане возможно обеспечение должного уровня защиты личности. Факты применения пыток и насилия в отношении заключенных и низкий уровень доступа к проверке данных фактов в системе исправительных учреждениях создают угрозу для жизни тех лиц, которые могут быть депортированы на территорию указанного государства.

Также по указанному делу допущено нарушение требования подпункта «f» пункта 1, пункта 4 ст. 5, статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Иным вопросом является обязанность государства, которое планирует применить меру в виде депортации иностранного гражданина учесть принадлежность данного лица к уязвимой группе. Под уязвимой группой подразумеваются те лица, которые в силу своей

этнической, религиозной или политической принадлежности могут быть подвержены жестокому обращению или незаконному уголовному преследованию.

Для этого следует рассмотреть дело «Хайдаров (Khaydarov) против Российской Федерации». Фабула дела сводится к следующему [4]. Иностранец гражданин (узбек по национальности) в нарушении требований миграционных правил незаконно пребывал на территории Российской Федерации. В отношении него было принято решение депортировать его в Туркменистан. Возражая против данного решения, Хайдаров ссылался на потенциальное нарушение статьи 3 ЕКПЧ. Европейский суд поддержал заявителя и установил нарушение данной статьи, так как «авторитетные источники» свидетельствовали о потенциальной угрозе и не были приняты во внимание органами государственной власти Российской Федерации должным образом.

Вместе с тем, при получении информации об улучшении ситуации в сфере защиты прав и свобод человека нарушение статьи 3 Конвенции может быть и не установлено.

Такой вывод следует на основании рассмотрения дела Кабулов против Украины (Kaboulov v. Ukraine) и Джакисбергенова против Украины [5]. Если же в первом из указанных дел допущено нарушение требования подпункта «f» пункта 1, пункта 4 статьи 5, статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то во втором нарушение статьи 3 не было зафиксировано Европейским судом.

Таким образом, вопросы соблюдения прав и свобод человека в настоящее время должны стать наиболее значимыми для представителей сотрудников правоохранительных органов и для научного сообщества в целом. Несмотря на политические факторы во взаимоотношениях между Россией и Европейским союзом (как и с решением воспретить реализацию ЕСПЧ функций по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации) вышеуказанные примеры свидетельствуют о наличии реальных системных проблем в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в ходе реадмиссионных отношений.

Представляется разумным устранить их за счет более точного разъяснения отдельных положений Конституции РФ в части основных прав и свобод, в

части ограничений при применении административных механизмов, направленных на реализацию реадмиссионных отношений.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04 ноября 1950 г.) // СПС Консультант Плюс.
3. Постановление ЕСПЧ от 20 мая 2010 г. «Дело «Хайдаров (Khaydarov) против Российской Федерации» (жалоба № 21055/09) // СПС Консультант Плюс.
4. Постановление ЕСПЧ от 19 июня 2008 г. по делу «Рябкин (Ryabikin) против Российской Федерации» (жалоба № 8320/04) // СПС Консультант Плюс.
5. Официальный сайт ЕСПЧ. Дело «Мэн против России» (жалоба № 11338/15) // <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-210254%22%5D%7D>.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020).
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on 04.11.1950) // SPS Consultant Plus.
3. ECHR Ruling of 20.05.2010 «The case of Khaydarov v. the Russian Federation» (complaint № 21055/09) // SPS Consultant Plus.
4. ECHR Ruling of 19.06.2008 in the case «Ryabikin (Ryabikin) v. the Russian Federation» (complaint № 8320/04) // SPS Consultant Plus.
5. The official website of the ECHR. The case «Meng v. Russia» (complaint № 11338/15) // <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-210254%22%5D%7D>.

Информация об авторе

А. И. Серпионова — адъюнкт 3-го года обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. I. Serpionova — Adjunct of the 3rd year of training of the Faculty of Scientific, Educational and Scientific Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-196-199>

НИОН: 2003-0059-2/23-641

MOSURED: 77/27-003-2023-02-840

Практическая значимость регионального диалога в предупреждении и минимизации негативного влияния нелегальной миграции на глобальное сообщество

Антонина Юрьевна Соколова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, lokont@mail.ru

Аннотация. Анализируется состояние нелегальной миграции в России и в мире, выявляются ключевые причины данного феномена, изучаются разнообразные точки зрения, высказываемые в направлении предупреждения нелегальной миграции и минимизации ее негативного влияния на глобальное сообщество. Особым образом подчеркивается важность и практическая значимость регионального диалога стран-участниц в данном вопросе, формулируются перспективные пути решения миграционной проблемы.

Ключевые слова: нелегальная миграция, региональный диалог, национальная безопасность, коллективная безопасность, международное сообщество

Для цитирования: Соколова А. Ю. Практическая значимость регионального диалога в предупреждении и минимизации негативного влияния нелегальной миграции на глобальное сообщество // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 196–199. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-196-199>.

Original article

Practical significance of the regional dialogue aimed at preventing and minimizing the negative impact of illegal migration on the global community

Antonina Yu. Sokolova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, lokont@mail.ru

Abstract. The state of illegal migration in Russia and in the world is being analyzed, the key causes of this phenomenon are being identified, various points of view expressed in the direction of preventing illegal migration and minimizing its negative impact on the global community are being studied. The importance and practical significance of the regional dialogue of the participating countries in this issue is emphasized in a special way, promising ways of solving the migration problem are formulated.

Keywords: illegal migration, regional dialogue, national security, collective security, international community

For citation: Sokolova A. Yu. Practical significance of the regional dialogue aimed at preventing and minimizing the negative impact of illegal migration on the global community. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):196–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-196-199>.

По отношению к населению земного шара показатель мигрантов не превышает 3,5 %. Так, количество въехавших в Россию трудовых мигрантов во втором квартале 2022 года составило 3,12 млн. человек, что на треть больше показателя пандемийного 2021 года. Нынешняя цифра является рекордным квартальным значением как минимум за последние шесть лет. Следует отметить, что во втором квартале 2022 года на миграционный учет с регистрацией по месту пребы-

вания встали 4,16 млн. иностранцев, при этом работу в качестве цели приезда указали 3,12 млн. человек (75 %). Это рекордно высокое квартальное значение за весь период доступной статистики с 2017 года. Представленные данные свидетельствуют о прямой зависимости состояния миграции в мире от масштабных политических, социально-экономических, культурных трансформаций национального масштаба.

Отрицательно на миграционные процессы влияет

и углубившаяся глобализация, затрагивающая буквально все сферы повседневной жизни. В то же время с наступлением XXI в. усилилась глобальная неопределенность, которая обусловлена слабостью и неоднородностью региональных взаимосвязей. В условиях упрочнения выявленных негативных тенденций весьма полезным и действенным может оказаться простой диалог между странами-участницами отдельных международных организаций, с помощью которого можно заняться поисками ответов на нерешенные вопросы малоэффективного предупреждения нелегальной миграции. Также следует напомнить, что нелегальное перемещение людей в международном формате может быть вызвано и другими значимыми событиями. В качестве примера — громкие конфликты, которые случились в Сирии, Йемене, Конго, Южном Судане; политическая нестабильность в Венесуэле. Крайне отрицательным образом на миграционную ситуацию в мире влияют различные широкомасштабные изменения в окружающей среде, сопровождающиеся угрозами наступления экстремальных погодных явлений и причинения негативных последствий человечеству.

В настоящее время всё мировое сообщество уделяет повышенное внимание кризисным ситуациям с участием мигрантов. Отдельные международные институты, в числе которых и ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), декларируют необходимость комплексного, взвешенного, скоординированного подхода к противодействию нелегальной миграции. Уточняется, что крупные и неконтролируемые достаточным образом потоки мигрантов способны не только разрушить налаженные основы международного сотрудничества, но и подорвать национальные фундаменты безопасности и стабильности отношений. В соответствии с достаточно давними официальными заявлениями, ОБСЕ намерена искать эффективные способы решения миграционных проблем, поскольку обладает необходимым географическим охватом, характеризуется широким членским составом, активно реализует нормотворческую функцию и укрепляет партнерские взаимоотношения с другими международными структурами. Во многом, сделанные ОБСЕ заявления дальше про- странных намерений не продвинулись.

Напомним, что ОБСЕ вышла на международную политическую арену ещё в период Холодной войны, сначала как Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в виде переговорного форума, направленного на минимизацию конфликтов между военными блоками, с целью установления и налаживания диалога для повышения безопасности в регионе. Тем не менее, период снижения напряженности, обусловленный окончанием Холодной войны, не мог не затронуть Европу. Кроме того, предложение Западного блока относительно переговоров о «взаимном и сбалансированном сокращении сил» было положительно воспринято Восточным блоком. В дальнейшем

с подписанием Хельсинкского Заключительного акта была признана нерушимость границ, образованных в Европе после Второй мировой войны, и признана их законность.

В данном Заключительном акте 1975 г. нашли закрепление следующие признанные принципы ОБСЕ: уважение суверенитета; избегание применения силы; неприкосновенность границ; мирное разрешение споров; уважение прав человека и основных свобод; сотрудничество между государствами. Отдельного внимания в данном направлении заслуживают социально-экономические аспекты мигрирующей рабочей силы, важность и практическая значимость которых была подтверждена государствами-участниками ОБСЕ непосредственно в Заключительном Акте 1975 г. Уже к моменту принятия Хельсинкского Акта члены ОБСЕ в полной мере осознавали, что перемещение мигрантов в Европе приобрело угрожающие масштабы, и данный процесс не следует оставлять без надлежащего контроля и внимания со стороны международного сообщества. Другими словами, миграция, осуществляемая без законных на то оснований, представляла опасность и для всех государств, поскольку порождала множество сложнейших социальных, гуманитарных и иных проблем, подрывала основы национальной и коллективной безопасности на международном и внутригосударственном уровнях.

В настоящее время ОБСЕ, выступая в качестве региональной организации, а также преследуя цель обеспечения и поддержания на должном уровне коллективной безопасности, намеревается упорядочить миграционные процессы, улучшить механизмы сотрудничества, заняться поиском действенных методов и способов защиты прав мигрантов в странах-участницах ОБСЕ. Тем не менее, намерения по упорядочиванию упомянутых процессов, задекларированные ещё в начале 2005 г., пока еще не получили надлежащей проработки в ОБСЕ и до сих пор не обрели практического воплощения. Ситуация не изменилась до сих пор.

Принимая во внимание обозначенные тенденции, весьма уместной представляется точка зрения российского ученого в области изучения глобальных мировых процессов И. А. Алешковского [1], утверждающего, что феномен нелегальной миграции является закономерным результатом современного мира, который постоянно испытывает на себе серьезное влияние глобализации и находится под влиянием интеграционных преобразований. Явление бесконтрольного перемещения мигрантов приравнивается к «сквозным, межизмеренческим» вызовам современного времени, на которые глобальное сообщество должно реагировать оперативно, в том числе путем спасения человеческих жизней, своевременного оказания гуманитарной помощи, неукоснительного соблюдения прав и свобод каждого человека и гражданина.

Следует отметить, что до 2005 г. ОБСЕ занималась

исключительно миграционными вопросами, которые соприкасались с проблемами дискриминации мигрантов. В дальнейшем, на Экономическом форуме было принято Постановление Совета Министров о миграции, которое составляет основу деятельности Бюро Координатора по экономической и экологической деятельности (БКЭЭД), и базируется на следующих аспектах:

- развитие более прочного партнерства и использование действенного взаимодействия с международными организациями, которые основательно занимаются вопросами миграции;
- развитие регионального диалога и укрепление сотрудничества между государствами-участниками ОБСЕ;
- содействие государствам-участникам (по их просьбе) в разработке и последующей реализации эффективной миграционной политики.

Обозначенные критерии как базис упомянутого Постановления Совета Министров ОБСЕ о миграции и подготовленного К. Вильдом доклада свидетельствуют о том, что на протяжении почти двух десятилетий ОБСЕ не предпринимает эффективные попытки для урегулирования ситуации с незаконной миграцией, которая с каждым годом обретает все более устрашающие масштабы. При этом полагаем, целесообразно напомнить, что длительное время неравномерные миграционные потоки в мире возникали в результате региональных экономических диспропорций. Однако некоторые тревожные экологические тенденции, такие как опустынивание и изменение климата, особенно в экономически нестабильных районах, способны привести к «принудительному перемещению» [2, с. 56–64].

С географической точки зрения страны-участницы ОБСЕ охватывают ряд регионов с очень разными миграционными характеристиками. Например, Канада и США традиционно привлекали и к настоящему времени продолжают привлекать большое количество мигрантов. Кроме того, ОБСЕ охватывает весь Европейский союз (ЕС), для которого общая политика предоставления убежища и иммиграции становится все более важной областью сотрудничества. Так, процесс европейской интеграции и последствия расширения ЕС привели к сотрудничеству в областях, которые считаются частью миграционной политики, таких как пограничный контроль и визовые вопросы, политика убежища и воссоединение семей.

Важное значение, с точки зрения нелегальной миграции, имеет Содружество Независимых Государств (СНГ). Следует подчеркнуть, что экономическое неравенство между новыми суверенными государствами привело к стихийным потокам рабочих-мигрантов, основным местом назначения которых была Российская Федерация (в меньшей степени — Казахстан и Украина).

Принимая во внимание все обозначенные выше

тенденции в контексте регионального диалога между странами-участницами ОБСЕ, необходимо отметить, что сложная миграционная ситуация в мире сопровождается не только национальными угрозами для национальной безопасности государств, но и вызывает частые и практически неконтролируемые нарушения прав и законных интересов прав и свобод мигрантов.

По итогам настоящего исследования отметим, что на уровне ОБСЕ, с учетом допущенных просчетов и путем адаптации накопленного национального опыта стран-участниц данной организации, целесообразно заняться выработкой не только общих принципов, но и единообразных подходов, основанных на положениях международного гуманитарного права, которые будут объединять силы региональных представителей организации и определять их действия в направлении предупреждения нелегальной миграции. На наш взгляд, дальнейшее развитие ОБСЕ не может происходить в отрыве от развития сотрудничества для оптимизации миграционных процессов, а также не допускает замалчивания и игнорирования проблем нелегальной миграции. В этой связи сформулируем перспективные направления для ОБСЕ:

1) Развитие практики двустороннего партнерства стран ОБСЕ со странами-поставщиками незаконной рабочей силы. Все имеющиеся у государств-участников ОБСЕ на сегодняшний день межгосударственные соглашения должны быть пересмотрены, скорректированы и дополнены действенными механизмами по оптимизации миграционных процессов. Для обеспечения надлежащего контроля и мониторинга за выполнением партнерских договоренностей ОБСЕ обязано привлечь независимых экспертов и частные агентства.

2) Расширение диапазона многостороннего сотрудничества при активном участии стран ОБСЕ в миграционной сфере. Противодействовать нелегальной миграции можно только с помощью законных инструментов, в числе которых совершенствование миграционной статистики; языковая и профессиональная подготовка мигрантов; соблюдение и защита прав мигрантов. Данные аспекты, на наш взгляд, могут рассматриваться как принципиальные для стран ОБСЕ и нуждаются в нормативном оформлении.

3) ОБСЕ в рамках своих полномочий должна инициировать и развивать региональный консультационный процесс в виде неофициального Форума представителей заинтересованных стран ОБСЕ. Цель подобного Форума — поиск консенсуса в механизме оптимизации миграционных процессов, обмен информацией и идеями, накопление и проработка положительного опыта в вопросах противодействия нелегальной миграции на территориях государств ОБСЕ.

4) Обеспечение юридической проработки миграционных процессов и способов их оптимизации в рамках ОБСЕ. На наш взгляд, для укрепления реги-

онального диалога стран ОБСЕ в направлении предупреждения нелегальной миграции в ближайшей перспективе следует разработать и утвердить Комплексное руководство по актуальным вопросам и проблемам разработки, утверждения, последующей реализации действенной политики в области предупреждения нелегальной миграции и оптимизации миграционных процессов.

Таким образом, учитывая всё изложенное выше, подчеркнем, что вопрос эффективного противодействия незаконной миграции — весьма серьезен для всех стран мира. Противодействие и борьба с незаконной миграцией — это длительный и ресурсоемкий процесс. В современных реалиях в глобальном масштабе видится необходимым одновременное усиление ответственности за любое содействие распространению незаконной миграции для снижения в дальнейшем количества нелегалов с неурегулированным статусом внутри стран.

Список источников

1. Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 129–134.
2. Гулина О., Облезова А. Незаконная миграция : пути и стратегии противодействия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/270508645_Nezakonnaa_migracia_puti_i_sposoby_preodolenia.

References

1. Aleshkovsky I. A. Illegal migration as a phenomenon of the global world // Century of globalization. 2014. No. 2. P. 129–134.
2. Gulina O., Oblezova A. Illegal migration: ways and strategies of counteraction [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/270508645_Nezakonnaa_migracia_puti_i_sposoby_preodolenia.

Информация об авторе

А. Ю. Соколова — преподаватель-методист отделения планирования учебного процесса отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. Yu. Sokolova — Teacher–methodologist of the Department of Educational Process Planning of the Department of Educational Process Organization of the Department of Educational and Methodical Work of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Доклад о миграции в мире 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf.
3. Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1975 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/2/14635.pdf>.
4. Миграция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/migration>.
5. Ответ на доклад посла Клода Вильда о работе ОБСЕ по миграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/2/14635.pdf>.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020 // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Report on migration in the world 2020 [Electronic resource]. Access mode: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf.
3. Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe, Helsinki, 1975 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/2/14635.pdf>.
4. Migration [Electronic resource]. Access mode: <https://www.osce.org/ru/migration>.
5. Response to the report of Ambassador Claude Wild on the work of the OSCE on migration [Electronic resource]. Access mode: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/2/14635.pdf>.

Научная статья
УДК 343.132.1
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-200-207>
НИОН: 2003-0059-2/23-642
MOSURED: 77/27-003-2023-02-841

Проверка показаний на месте и ее значение для доказывания

Владимир Юрьевич Стельмах

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия
vstelmah@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются выработанные теорией и практикой правила производства проверки показаний на месте. Целью работы выступает обобщение соответствующих правил, соблюдение которых влияет на доказательственное значение результатов проверки показаний на месте. Использовался диалектико-материалистический метод исследования, предполагающий изучение явлений во взаимосвязи и взаимозависимости. Также применялись методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, контент-анализа. Несмотря на отсутствие прямого указания в законе, проверка показаний на месте с обвиняемым (подозреваемым) должна производиться с участием защитника. Аргументируется необходимость подробного и детального допроса лица до проверки показаний, поскольку только так можно сравнить сообщенные на допросе сведения с результатами проверки показаний. Кроме того, саму проверку показаний требуется начинать с изложения лицом обстоятельств, которые будут проверяться. Особую доказательственную ценность имеет проверка показаний на месте, в котором изменена обстановка в сравнении с той, что была в момент совершения преступления. Исходя из этого, автор полемизирует с учеными, полагающими, что в подобных случаях проверка показаний на месте недопустима. Рассуждения и выводы подкрепляются положительными и отрицательными примерами из судебной практики. Делается вывод о том, что проверка показаний на месте, в случае ее правильного проведения, имеет важное значение для доказывания и принятия по делу законного решения, позволяя оценить достоверность показаний лица. Вместе с тем несоблюдение требований к проверке показаний на месте лишает результаты этого следственного действия доказательственного значения. Результаты исследования могут применяться для дальнейшего изучения процессуальных проблем и повышения эффективности проведения проверки показаний на месте.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, следственные действия, проверка показаний на месте

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Проверка показаний на месте и ее значение для доказывания // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-200-207>.

Original article

Verification of on-site readings and their value for proof

Vladimir Yu. Stelmakh

Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia,
vstelmah@mail.ru

Abstract. The rules developed by theory and practice for the production of on-site verification of indications are considered. The purpose of the work is to generalize the relevant rules, compliance with which affects the evidentiary value of the results of checking the testimony on the spot. The dialectical-materialistic method of research was used, which involves the study of phenomena in interrelation and interdependence. Methods of analysis and synthesis, deduction and induction, and content analysis were also used. Despite the absence of a direct instruction in the law, the verification of testimony on the spot with the accused (suspect) must be carried out with the participation of a defense lawyer. The necessity of a detailed and detailed interrogation of a person before checking the testimony is argued, since this is the only way to compare the information reported during the interrogation with the results of checking the testimony. In addition, the verification of the testimony itself must begin with a statement by the person of the circumstances that will be checked. Of particular evidentiary value is the verification of testimony at the place where the situation has changed

© Стельмах В. Ю., 2023

in comparison with what it was at the time of the crime. Based on this, the author argues with scientists who believe that in such cases, checking the testimony on the spot is unacceptable. Arguments and conclusions are supported by positive and negative examples from judicial practice. It is concluded that the verification of testimony on the spot, if it is carried out correctly, is important for proving and making a legal decision in the case, allowing to assess the reliability of a person's testimony. At the same time, non-compliance with the requirements for on-site verification of testimony deprives the results of this investigative action of evidentiary value. The results of the study can be used to further study procedural problems and improve the effectiveness of on-site verification of testimony.

Keywords: criminal procedure, preliminary investigation, investigative actions, verification of evidence on the spot

For citation: Stelmakh V. Yu. Verification of on-site readings and their value for proof. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):200–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-200-207>.

Одним из важнейших источников информации о преступлении являются показания, которые в соответствии со ст. 74 УПК РФ выделены в самостоятельный вид доказательств. Познание в уголовном судопроизводстве носит ретроспективный характер. Само преступное событие к моменту осуществления уголовно-процессуальной деятельности остается в прошлом, и для установления обстоятельств преступления воспринимается не само преступное событие, а оставленные им следы. Посредством показаний производится получение идеальных следов преступления, то есть сведений, отобразившихся и зафиксированных в сознании людей.

Показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого — важнейший и зачастую незаменимый источник доказательственной информации. Процессуальным средством получения показаний выступают такие следственные действия, как допрос и очная ставка. При этом законодатель не может не учитывать, что информация, передаваемая посредством показаний, часто искажается в силу как объективных, так и субъективных факторов. Поэтому процессуальные конструкции допроса и очной ставки содержат различные механизмы, направленные на обеспечение достоверности фиксируемой информации, в частности: участие защитника (адвоката), применение технических средств (видео- и аудиозаписи), предупреждение свидетеля и потерпевшего об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, возможность ознакомления с протоколом следственного действия и формулирования замечаний к нему.

Кроме того, существует еще один путь проверки достоверности показаний: законодательное закрепление комбинированных (визуально-вербальных) следственных действий, конструкция которых предполагает «наслаивание» вербальной информации на материальную обстановку [4, с. 114; 6, с. 8; 7, с. 263; 8, с. 164]. Одним из таких следственных действий является проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Следует отметить, что некоторыми специалистами отрицается возможность проведения проверки показаний на месте для закрепления полученных доказательств, и аргументируется, что производство данного следственного действия законно лишь тогда, когда оно

преследует цель получения новых сведений о преступлении [2, с. 27–28]. С таким подходом нельзя согласиться. Разумеется, проверка показаний на месте не должна представлять собой механический повтор сведений, сообщенных на допросе, однако необходимо учитывать, что «совмещение» показаний и обстановки в том месте, в котором произошло проверяемое событие, уже представляет собой новое, ранее не существовавшее знание. Одно дело, когда показания даны в кабинете следователя, и совсем другое дело, когда эти сведения сопровождаются демонстрацией в соответствующем месте. Такое «совмещение» позволяет сделать важный вывод о том, насколько участник проверки показаний ориентируется на месте, и на основе этого оценить правильность или ложность данных этим лицом показаний.

В ряде случаев следователи полагают, что сам по себе факт проведения проверки показаний на месте, независимо от содержания и качества данного следственного действия, однозначно влечет закрепление показаний, сообщенных обвиняемым (подозреваемым) на допросе, и то, что если это лицо впоследствии изменит данные показания, судом в любом случае будут приняты те, что подтверждены проверкой на месте. Однако это далеко не так. Во-первых, обвиняемый (подозреваемый) вправе отказаться от данных им показаний, проверка показаний на месте не препятствует этому и не может запретить такой отказ. Рассматриваемое следственное действие лишь ориентирует на адекватную оценку сообщенных лицом сведений. Во-вторых, допрос, в ходе которого получены показания, должен быть произведен качественно и детализированно, чтобы обвиняемый (подозреваемый) сообщил такие сведения, которые не мог знать, не участвуя в совершении преступления. В-третьих, проверка показаний на месте также должна проводиться полно и детально, чтобы сообщенные на допросе сведения могли быть реально сопоставлены с обстановкой. В-четвертых, необходимо соблюсти все процессуальные правила производства как допроса, так и проверки показаний на месте. Если указанные требования не выполнены, проверка показаний на месте не оказывает сколько-либо существенного позитивного значения для закрепления доказательств.

Таким образом, рассматриваемое следственное действие представляет собой мощное и эффективное средство закрепления показаний, но только при условии правильности его проведения. При этом под правильностью в рассматриваемом контексте необходимо понимать не только соблюдение прямо предусмотренных УПК РФ правил, но и соответствие выполненным познавательных операций гносеологической сущности проверки показаний, ее месту в системе следственных действий. Игнорирование этих требований приводит к тому, что проверка показаний оказывается откровенно лишним следственным действием, ее результаты не в состоянии подтвердить правильность содержания показаний, и оказываются бесполезными для доказывания, поскольку не могут использоваться судом при вынесении решения по делу. Иными словами, сам по себе факт проведения проверки показаний на месте отнюдь не обеспечивает закрепления сведений, сообщенных лицом на допросе.

Правоприменительная практика знает случаи качественного проведения проверки показаний на месте, когда ее результаты приобретали важное доказательственное значение и помогали принять по делу верное решение, и, напротив, крайне поверхностного отношения к производству данного следственного действия. Более того, имеют место совершенно недопустимые факты, когда следователь при производстве проверки показаний на месте сознательно избегал конкретизации сообщаемых лицом сведений, опасаясь, что их фиксация с очевидностью будет свидетельствовать о том, что лицо не ориентируется в обстановке и, следовательно, его признание в совершении преступления фактически опровергается результатами проверки показаний на месте. Иными словами, следователь опасался того, что проверка показаний на месте подтвердит невиновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, поэтому проверка показаний на месте намеренно производилась формально и недетализированно. Разумеется, такой подход абсолютно недопустим, как противоречащий назначению и принципам уголовного судопроизводства.

В ряде случаев возникают затруднения в разграничении проверки показаний на месте и следственного эксперимента, и, соответственно — в выборе следственного действия. На первый взгляд, ответ на данный вопрос очевиден — если требуется выполнить опытные действия, производится следственный эксперимент, если потребность в действиях опытного характера отсутствует, а необходимо лишь, чтобы лицо продемонстрировало какие-либо действия в том или ином месте — проводится проверка показаний на месте. Однако иногда бывает достаточно сложно определить, являются ли действия опытными. Так, при расследовании дела о квартирной краже в ходе оперативно-розыскных мероприятий был установлен несовершеннолетний, заявивший, что в вечернее время видел, как из окна квартиры потерпевшего, распо-

ложенной в соседнем доме, вылезал подозреваемый с мешком в руках. Сообщенные несовершеннолетним сведения требовали дополнительной проверки с учетом того, что с подозреваемым у него сложились неприязненные отношения, а кража произошла поздно вечером зимой, то есть в темное время суток. Возник вопрос, какое следственное действие — следственный эксперимент или проверку показаний на месте — необходимо произвести. Следователь сделал выбор в пользу следственного эксперимента, что представляется правильным [18]. Очевидно, что критерием разграничения данных сходных следственных действий является то, насколько изначально важна окружающая обстановка. Оба рассматриваемых действия немислимы без сочетания, «совмещения» сообщаемых сведений с окружающей обстановкой, однако связь этих компонентов несколько различна. При проведении следственного эксперимента именно обстановка носит первичный характер, и сообщаемые участником сведения как бы «подстраиваются» под нее. Проверка показаний на месте, напротив, предполагает первичность сообщаемых лицом сведений, а обстановка является лишь их своеобразным «фоном».

Необходимо обратить внимание на наиболее важные аспекты проверки показаний на месте, которые зачастую не выполняются либо выполняются не должным образом.

Само название следственного действия свидетельствует о том, что оно производится для проверки показаний. Это означает необходимость допроса лица до проведения проверки показаний. В настоящее время практически не встречается случаев, когда данное требование игнорируется полностью, однако весьма часто допускается нарушение иного рода: крайне поверхностный и неполный характер допроса, предшествующего проверке показаний. Предшествующий допрос не обязательно должен носить специального характера (чтобы он производился именно в целях обеспечения проверки показаний), достаточно любого «обычного» допроса. Вместе с тем содержание данных показаний должно позволять осуществить их проверку в ходе следственного действия, предусмотренного ст. 194 УПК РФ [3, с. 4].

К сожалению, сотрудники органов предварительного следствия зачастую производят этот допрос крайне поверхностно, из его содержания вообще не ясно, где и при каких обстоятельствах совершено преступление. Соответственно, в рамках производимой проверки показаний на месте эти сообщенные на допросе сведения, по сути, невозможно проверить, за отсутствием необходимого фактического материала. Безусловно, что такой подход объясняется сугубо субъективными факторами: поспешностью, невнимательностью, ложно понимаемыми соображениями процессуальной экономии. Вместе с тем последствия для дела оказываются крайне отрицательными. Так, следственным подразделением районного звена рас-

следовало уголовное дело по факту совершения нескольких краж автомобилей из гаражей в городе Каменск-Уральский Свердловской области. Оперативным путем были установлены трое несовершеннолетних, причастные к данным преступлениям, которые после доставления к следователю давали признательные показания. Вместе с тем допрос по существу совершения краж свелся к одной фразе: «я в течение определенного периода вместе с соучастниками совершил 4 кражи легковых автомобилей из гаражей, готов показать места совершения преступления в ходе проверки показаний на месте». После этого с подозреваемыми были произведены проверки показаний на месте, при этом содержание этих следственных действий ограничилось только указанием на гараж, из которого была совершена кража. Фототаблица к протоколу проверки показаний на месте состояла из единственного снимка — изображением подозреваемого с рукой, вытянутой в сторону гаража. В судебном заседании подозреваемые стали утверждать, что признательные показания носят характер самоговора и были сделаны ими под давлением оперативных сотрудников. В итоге в распоряжении суда не оказалось доказательств, подтверждающих виновность обвиняемых. Суд отметил, что показания имеют недетализированный характер, в них не содержится описание механизма совершения преступления, отсутствуют приметы похищенных автомобилей, не приведено описание обстановки в гаражах, не конкретизированы способы проникновения в гаражи. Проверка показаний на месте произведена формально, никакой содержательной связи с показаниями она не имеет, каких-либо значимых обстоятельств совершения преступления в ходе проверки показаний не установлено и не зафиксировано. По всем эпизодам преступной деятельности, связанным с кражами автомобилей, уголовное преследование подсудимых было прекращено в связи с отказом прокурора от поддержания обвинения [12]. Нельзя не заметить, что в результате неудовлетворительного качества допроса и проверки показаний на месте обвинение основывалось только на признании обвиняемых, не подтвержденном иными доказательствами, что противоречит принципу презумпции невиновности.

В ряде других случаев, когда поверхностный характер допроса не приводит к столь радикальным для дела последствиям, суды выносят частные постановления в адрес органов предварительного расследования, отмечая, что проверка показаний на месте в результате не подробного допроса не выполняет свое предназначение [15].

Другие нарушения касаются порядка проведения непосредственной самой проверки показаний на месте.

Многие следователи игнорируют разработанные следственной тактикой требования о том, чтобы в начале проверки показаний на месте лицо, показания которого проверяются, достаточно детально рассказало в присутствии других участников следственного дей-

ствия об обстоятельствах совершения преступления. Данные правила отсутствуют непосредственно в законе, однако их соблюдение представляется необходимым, поскольку только таким образом можно сообщить всем участникам проверки показаний на месте информацию об обстоятельствах, подлежащих проверке [19, с. 11–12]. Соответственно, непосредственно на месте проверки участники следственного действия получают возможность оценить поведение лица, показания которого проверяются. А. В. Хмелева в связи с этим справедливо отмечает: «особую ценность будут иметь сообщения подозреваемого, носящие упреждающий характер. Например, до подхода к подвалу, в котором он бросил труп, подозреваемый сообщит о том, какова освещенность подвала, какой цвет стен, что на стене имеются конкретная надпись и рисунок и т.д. Тем самым демонстрируется так называемая виновная осведомленность» [20, с. 12].

К сожалению, зачастую вопреки подобным рекомендациям фиксация действий лица начинается только непосредственно на месте проверки. Иногда это приводит к утрате доказательственного значения сообщенных лицом сведений. Так, в ходе расследования уголовного дела по факту незаконного сбыта наркотических средств обвиняемый заявлял, что тайник, в который он помещал наркотики, находится в подъезде дома, за почтовым ящиком, называя приметы дома (улица, где находится дом, цвет его стен, количество этажей) и номер подъезда. Однако в рамках проверки показаний на месте эти сведения не были повторены, участники следственного действия сразу выехали из отдела внутренних дел. Подъехав к 9-этажному дому, участники прошли в подъезд, указанный обвиняемым, однако там не оказалось тайника, соответствующего по месту расположения и размерам [14]. Ошибка следователя состояла в том, что показания не были кратко повторены обвиняемым в начале самой проверки показаний на месте. Те показания, который обвиняемый ранее давал на допросе, не были известны понятым и прочим участникам проверки показаний на месте. Соответственно, участники данного следственного действия не могли определить, то ли обвиняемый изначально давал неправильные показания, и выезд на место подтвердил эту неправильность, либо обвиняемый в ходе проверки показаний указал другое место, и отсутствие в нем тайника обусловлено именно этим фактором. Таким образом, по результатам такой проверки показания на месте невозможно было сделать выводы о правильности или ложности данных обвиняемым показаний.

В ряде случаев следователь крайне подробно фиксирует в протоколе маршрут, по которому группа участников следственного действия движется от правоприменительного органа к месту проверки показаний. Это само по себе не является нарушением, однако не имеет доказательственной ценности. Детальное указание маршрута необходимо только в том случае,

если он совпадает с маршрутом движения к месту преступного события в процессе его совершения, и при этом по ходу движения происходили важные для доказывания события. Так, по уголовному делу по фактам совершения разбойных нападений и бандитизма была проведена проверка показаний на месте, в ходе которой обвиняемые продемонстрировали свои действия не только в квартирах, где происходили нападения, но и по ходу движения (в частности, места, где соучастники встретились перед нападением, сделали контрольный звонок потерпевшему по мобильному телефону, распределили оружие, надели перчатки и маски). Это позволило реконструировать механизм совершения преступления, а тот факт, что показания обвиняемых практически полностью совпали, послужил убедительным доводом истинности этих показаний, что и было отмечено судом в обвинительном приговоре [11].

В ряде случаев избыточно детальное описание движения к месту проверки показаний сочетается с крайне неподробным и поверхностным изложением операций, составляющих основное содержание рассматриваемого следственного действия. В результате фиксируется ненужная и лишняя информация, но упускается та, что реально представляет ценность для доказывания. Соответственно, результаты проверки показаний на месте, несмотря на формальное наличие этого следственного действия, не могут использоваться в доказывании. Так, следственным подразделением районного уровня расследовалось уголовное дело по факту совершения квартирной кражи. В ходе расследования была произведена проверка показаний обвиняемого на месте, однако практически 90 % содержания протокола составило описание движения от отдела внутренних дел до дома, где было совершено преступление. При этом были указаны даже случаи остановок перед запрещающим сигналом светофора, факты поворота с одной улицы на другую, и иные подобные подробности. Вместе с тем после прибытия на место проверки обвиняемый всего лишь указал на дом, где, по его утверждению, находится квартира, из которой он совершил кражу. Вход в квартиру осуществлен не был, места нахождения похищенного имущества не демонстрировались. Фототаблица к протоколу состояла из одного снимка, на которой обвиняемый рукой указывает на номер дома. В суде обвиняемый отказался от показаний, заявив, что не совершал инкриминируемого ему преступления, а признание сделал под давлением оперативных сотрудников. С учетом того, что и допросы лица в качестве подозреваемого и обвиняемого были произведены крайне поверхностно, прокурор был вынужден отказаться от обвинения [13]. Таким образом, результаты подобным образом проведенной проверки показаний на месте не приобрели доказательственного значения.

Существуют некоторые другие рекомендации и правила производства проверки показаний на месте

[10, с. 310–328], выполнение которых представляется обязательным. Так, по буквальному смыслу закона, проверка показаний не относится к вербальным следственным действиям, и участие защитника при ее производстве не является обязательным. Однако необходимо учитывать, что фактически вербальный компонент в структуре проверки показаний имеется. Хотя сообщаемые лицом сведения не являются с точки зрения видов доказательств показаниями, гносеологически и юридически они крайне близки к показаниям. Поэтому следователю требуется добиваться участия защитника при проведении проверки показаний на месте. Разумеется, в данном аспекте необходимо учитывать, что нормативная регламентация круга следственных действий, в которых обязательно присутствие защитника (в настоящее время к таким относится только допрос) представляет отдельную проблему, и зачастую создает предпосылки для сознательного уклонения защитника от участия в следственных действиях. Вместе с тем следователь обязан предпринять все предусмотренные законом меры по официальному вызову защитника для участия в проверке показаний на месте.

Судебная практика также исходит из того, что участие защитника при проверке показаний на месте является весомым свидетельством законности производства данного следственного действия. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «доводы осужденного и защитника о недопустимости использования в качестве доказательства протокола проверки показаний на месте необоснованны, поскольку результаты проверки показаний зафиксированы путем видеосъемки и удостоверены в протоколе подписями участвовавших в следственном действии лиц, включая обвиняемого, его защитника и понятых» [1].

Лицу, показания которого проверяются, независимо от его процессуального статуса, на начальном этапе проверки показаний на месте должно быть разъяснено закрепленное в ст. 51 Конституции РФ право не давать показания против самого себя и своих близких родственников. Несмотря на то, что рассматриваемое следственное действие не считается дачей показаний, конституционное право носит универсальный характер и должно пониматься несколько шире — как право не сообщать сведения о своем участии в совершении преступления. Из этого исходит и правоприменительная практика. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя в силе обжалованный осужденным приговор суда первой инстанции, отметила, что «при проведении с обвиняемым проверки показаний на месте присутствовал защитник, назначенный следователем по заявлению обвиняемого, последнему разъяснились положения ст. 51 Конституции Российской Федерации о праве не свидетельствовать против себя самого, в силу чего сомнения в законности проверки показаний

на месте отсутствуют [1].

Если проверка показаний производится со свидетелем или потерпевшим, в следственной практике они часто предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний по ст. 307, 308 УК РФ. Однако такое предупреждение представляется не основанным на законе. Упомянутые нормы уголовного закона предусматривают ответственность за дачу показаний, то есть за сведения, сообщенные только на допросе и очной ставке. Проверка показаний на месте, хотя и содержит вербальный компонент, не может расцениваться как полноценная дача показаний. Иное толкование означало бы применение уголовного закона по аналогии, что недопустимо. Следовательно, предупреждение участников проверки показаний на месте по ст. 307, 308 УК РФ не основано на законе.

Фиксация сообщаемых сведений в протоколе проверки показаний на месте может производиться двумя способами. Первый способ — аналогично допросу, то есть от первого лица, по правилам прямой речи. Соответственно, в протоколе необходимо сделать запись: ФИО пояснил: «...», и в кавычках изложить сведения от первого лица. Второй способ — от третьего лица, в этом случае указывается: «ФИО пояснил, что...», после чего сведения фиксируются от третьего лица. При этом независимо от того, записываются сведения от первого или от третьего лица, необходимо завершить тот условный раздел протокола проверки показаний на месте, в котором содержатся сообщаемые лицом данные, фразой «с моих слов записано верно и мною прочитано», и подписью соответствующего лица.

Хотя следственное действие именуется «проверка показаний на месте», в протоколе его проведения необходимо фиксировать не только сообщаемые сведения, но и материальную обстановку. Проверка показаний призвана обеспечить сопоставление полученной информации не только с предшествующими показаниями лица, но также и с результатами осмотра места происшествия, показаниями потерпевшего, а подчас — и показаниями свидетелей. В противном случае познавательная ценность проверки показаний на месте резко снизится, и она не будет выполнять тех задач, для решения которых сконструирована.

Закон прямо запрещает проведение одновременной проверки показаний с несколькими лицами. Вместе с тем следует учитывать специфические ситуации, которые имеют место только при производстве анализируемого следственного действия. Так, при проверке показаний обвиняемого (подозреваемого) могут участвовать иные участники преступного события (прежде всего, потерпевший). Их участие в проверке показаний обвиняемого (подозреваемого) не считается одновременной проверкой показаний нескольких лиц, поскольку их функции различны. Обвиняемый (подозреваемый) детально сообщает обстоятельства совершения преступления, а потерпевший лишь де-

лает краткие комментарии по поводу правильности или неправильности сообщенных обвиняемым (подозреваемым) сведений. При этом должны соблюдаться следующие правила. Во-первых, подобные комментарии допускаются исключительно после завершения сообщения сведений лицом, показания которого проверяются. Во-вторых, с точки зрения содержания информация потерпевшего должна носить характер краткого комментария, а самостоятельных развернутых показаний.

Отмеченная особенность обуславливает и следующую. Проверка показаний на месте является единственным следственным действием, допускающим фрагментарное участие некоторых лиц. Так, если проверка показаний производится с одним обвиняемым в нескольких квартирах, владельцы этих квартир (как правило, потерпевшие) могут участвовать только в той части, которая относится именно к их квартире. При этом в протоколе фиксируется, с какого времени данное лицо начинает принимать участие в следственном действии, в этой же части протокола делается отметка о разъяснении лицу права, предусмотренного ст. 51 Конституции РФ, и предупреждении об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ. Такой порядок проверки показаний на месте не является нарушением. Так, по уголовному делу защитник обвиняемого заявил ходатайство о признании недопустимыми доказательствами результатов проверки показаний обвиняемого, поскольку следственное действие производилось в трех квартирах, а потерпевшие участвовали в проверке показаний не с начала и до конца, а только в части, касающейся совершенного в отношении них преступления. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд отметил, что нарушений уголовно-процессуального закона при проведении проверки показаний на месте не допущено [16].

Отдельными авторами утверждается, что «одной из наиболее весомых гарантий достоверности результатов последней является необходимость ее производства в условиях максимально приближенных к реальным» [9, с. 119]. Однако такое мнение является более чем спорным и не основанным на законе. Максимальная приближенность к проверяемой обстановке должна обеспечиваться при производстве следственного эксперимента, предполагающего проведение опытных действий [5], поскольку действия такого характера теряют смысл, если осуществлены в обстановке, не совпадающей с той, которая имела место в момент проверяемого события. Однако проверка показаний на месте имеет иную природу. Ее содержание заключается в демонстрации допрошенным лицом своих действий. Очевидно, что такая демонстрация не требует совпадения обстановки в момент события и в момент производства следственного действия. Ничто не мешает лицу указать на месте, что им были совершены те или иные действия, и при этом уточнить, что в настоящее время обстановка изменена. Этой же позиции придерживается Верховный

Суд Российской Федерации, указавший в одном из решений, что «ст. 194 УПК РФ не предусматривает такого обязательного требования, как проведение проверки в условиях, приближенных к обстоятельствам совершенного преступления» [1].

Таким образом, проверка показаний на месте может производиться и в тех случаях, когда обстановка в проверяемом месте подверглась резким изменениям по сравнению со временем совершения преступления. В этой ситуации предшествующий допрос лица, показания которого проверяются, имеет особенное важное значение. Он должен быть предельно детализирован. Лицу недопустимо сообщать ни о факте произошедших изменений, ни тем более об их конкретном содержании. Следует исходить из того, что если лицо, оказавшись в измененной обстановке, сумеет указать, какова эта обстановка была в момент совершения преступления, и данные сведения подтвердит потерпевший, это является важным свидетельством того, что лицо реально было в соответствующем месте при совершении преступного деяния. Так, по уголовному делу по факту совершения разбойного нападения на квартиру обвиняемый давал признательные показания. С ним была проведена проверка показаний на месте, в ходе которой он указал, что в момент совершения преступления справа от входа в комнату стоял диван, обитый материалом темно-красного цвета, на который он положил связанную потерпевшую. Однако в момент проверки показания дивана на этом месте не было. Вместе с тем потерпевшая, выслушав сообщенные обвиняемым сведения, отметила, что во время разбойного нападения в указанном месте действительно стоял диван, однако впоследствии он был продан. Несмотря на то, что в судебном заседании обвиняемый отказался от своих показаний, суд отметил, что обвиняемый в ходе проверки показаний сообщил сведения, которые не мог знать, если бы не был причастен к совершению преступления [17].

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Проверка показаний на месте — уникальное следственное действие, позволяющее сопоставить сообщаемые лицом сведения со следующими источниками: а) ранее данными этим же лицом показаниями; б) обстановкой на месте в момент проверки показаний; в) результатами осмотра места происшествия; г) показаниями потерпевшего.

Проверка показаний, как и любое другое следственное действие, не носит какого-либо абсолютно решающего характера, сам факт ее проведения не свидетельствует о причастности лица к совершению преступления. Однако полученные сведения позволяют правильно оценить показания того или иного лица, в том числе и его связь с преступлением. Вместе с тем при неверном проведении проверка показаний утрачивает свое значение, а результаты не могут служить подтверждением причастности лица к совершенному преступлению.

Список источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2017 года № 56-АПУ17-16СП [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения: 15.10.2022).
2. Арсентьева С. С., Савченко А. Н. Проверка показаний на месте : криминалистический анализ следственного действия, этические аспекты уголовно-процессуальной деятельности проверки и оценки данного доказательства // Российский судья. 2020. № 2. С. 27–32.
3. Белых-Силаев Д. В., Ульянов С. В. Тактика и психология проверки показаний на месте // Юридическая психология. 2010. № 2. С. 2–7.
4. Земцова С. И. Цель и задачи проверки показаний на месте при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современное право. 2015. № 8. С. 112–117.
5. Курнышева Е. А., Родионова Ю. В. Сущностная природа следственного эксперимента // Российский следователь. 2015. № 20. С. 22–24.
6. Новиков С. А. Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования // Российский следователь. 2010. № 2. С. 7–11.
7. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 525 с.
8. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. М. : Норма, 2018. 240 с.
9. Сидоренко М. В. Определенность судебного прецедента как средство определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2018. № 3. С. 118–121.
10. Стельмах В. Ю. Визуальные, вербальные и комбинированные следственные действия : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 352 с.
11. Уголовное дело № 1112398609. 2012 год // Архив Свердловского областного суда.
12. Уголовное дело № 1112788623. 2015 год // Архив Синарского районного суда города Каменска-Уральского Свердловской области.
13. Уголовное дело № 111453962. 2016 год // Архив Полевского городского суда Свердловской области.
14. Уголовное дело № 11199621309. 2016 год // Архив Октябрьского районного суда города Екатеринбург.
15. Уголовное дело № 11167540944. 2017 год // Архив Первоуральского городского суда Свердловской области.
16. Уголовное дело № 1118592809. 2017 год // Архив Тагилстроевского районного суда города Нижнего Тагила Свердловской области.

17. Уголовное дело № 2789379011. 2017 год // Архив Кыштымского городского суда Челябинской области.
18. Уголовное дело № 11167890107. 2018 год // Архив Орджоникидзевского районного суда города Екатеринбурга.
19. Ушаков А. Ю. Некоторые тенденции, указывающие на совершенствование правовой регламентации в отношении следственного действия «проверка показаний на месте» // Российский следователь. 2014. № 5. С. 10–12.
20. Хмелева А. В. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании убийств, имеющих признаки серийности // Российский следователь. 2017. № 10. С. 11–14.

References

1. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 15, 2017 № 56-APU17-16SP [Electronic resource] // ConsultantPlus (accessed: 15.10.2022).
2. Arsentieva S. S., Savchenko A. N. Checking the testimony on the spot : forensic analysis of the investigative action, ethical aspects of the criminal procedure activities of checking and evaluating this evidence // Russian judge. 2020. № 2. P. 27–32.
3. Belykh-Silaev D. V., Ulyanov S. V. Tactics and psychology of checking readings on the spot // Legal psychology. 2010. № 2. P. 2–7.
4. Zemtsova S. I. The purpose and tasks of checking testimony on the spot in the investigation of crimes related to drug trafficking // Modern law. 2015. № 8. P. 112–117.
5. Kurnysheva E. A., Rodionova Yu. V. The essential nature of the investigative experiment // Russian investigator. 2015. № 20. P. 22–24.
6. Novikov S. A. Checking testimony on the spot : problems of legal regulation // Russian investigator. 2010. № 2. P. 7–11.
7. Rossinsky S. B. Conceptual basis for the formation of the results of «non-verbal» investigative and judicial actions in evidence in a criminal case : dis... dr. jurid. sciences. M., 2015. 525 p.
8. Rossinsky S. B. Investigative actions: monograph. M. : Norma, 2018. 240 p.
9. Sidorenko M. V. Certainty of judicial precedent as a means of certainty of Russian criminal procedure law // Criminal law. 2018. № 3. P. 118–121.
10. Stelmach V. Yu. Visual, verbal and combined investigative actions : monograph. M. : Yurlitinform, 2017. 352 p.
11. Criminal case № 1112398609. 2012 // Archive of the Sverdlovsk Regional Court.
12. Criminal case № 1112788623. 2015 // Archive of the Sinarsky District Court of the city of Kamensk-Ural Sverdlovsk Region.
13. Criminal case № 111453962. 2016 // Archive of the Polevsky City Court of the Sverdlovsk Region.
14. Criminal case № 11199621309. 2016 // Archive of the Oktyabrsky District Court of Yekaterinburg.
15. Criminal case № 11167540944. 2017 // Archive of the Pervouralsky City Court of the Sverdlovsk Region.
16. Criminal case № 1118592809. 2017 // Archive of the Tagilstroevsky District Court of the city of Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region.
17. Criminal case № 2789379011. 2017 // Archive of the Kyshtym City Court of the Chelyabinsk Region.
18. Criminal case № 11167890107. 2018 // Archive of the Ordzhonikidze District Court of Yekaterinburg.
19. Ushakov A. Yu. Some trends indicating the improvement of legal regulation in relation to the investigative action «checking testimony on the spot» // Russian investigator. 2014. № 5. P. 10–12.
20. Khmeleva A. V. Peculiarities of the production of certain investigative actions in the investigation of murders with signs of seriality // Russian investigator. 2017. № 10. P. 11–14.

Информация об авторе

В. Ю. Стельмах — профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

V. Yu. Stelmakh — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 349.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-208-213>

НИОН: 2003-0059-2/23-643

MOSURED: 77/27-003-2023-02-842

Современные формы предоставления услуг в области долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами

Светлана Евгеньевна Титор¹, Федор Георгиевич Мышко²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ setitor@mail.ru

² fg_myshko@guu.ru

Аннотация. В России реализуется пилотный проект по долговременному уходу за пожилыми и инвалидами. Законодательно разработана типовая модель осуществления такого ухода, которая предусматривает три формы оказания социальных услуг: стационарную, полустационарную и домашнюю. В исследовании проанализированы все три формы социального ухода, определены положительные и проблемные моменты. А также выявлены особенности социального ухода, организованного в оригинальной (не типовой) форме. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства по социальному уходу.

Ключевые слова: долговременный уход, пожилые, инвалиды, стационарная форма ухода, полустационарная форма ухода, уход на дому

Благодарности: исследование проведено в рамках экспертно-аналитического исследования в соответствии с государственным контрактом № 01731000096220000500001 (заказчик — Аппарат Государственной Думы РФ).

Для цитирования: Титор С. Е., Мышко Ф. Г. Современные формы предоставления услуг в области долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 208–213. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-208-213>.

Original article

Modern forms of providing services in the field of long-term care for elderly and disabled citizens

Svetlana E. Titor¹, Fyodor G. Myshko²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ setitor@mail.ru

² fg_myshko@guu.ru

Abstract. A pilot project on long-term care for the elderly and disabled is being implemented in Russia. A standard model for the implementation of such care has been legislatively developed, which provides for three forms of social services: stationary, semi-stationary and home-based. The study analyzes all three forms of social care, identifies positive and problematic aspects. And also the features of social care organized in an original (not typical) form are revealed. Based on the results of the study, proposals were formulated to improve the legislation on social care.

Keywords: long-term care, elderly, disabled, stationary, semi-stationary forms of care, home care

Acknowledgements: the study was conducted as part of an expert and analytical study in accordance with state contract № 01731000096220000500001 (the customer is the State Duma of the Russian Federation).

For citation: Titor S. E., Myshko F. G. Modern forms of providing services in the field of long-term care for elderly and disabled citizens. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):208–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-208-213>.

Возрастные изменения и приобретенные нарушения здоровья обуславливают затруднения пожилых людей к самостоятельному проживанию, к поддержанию социальных связей, к другим ограничениям жизнедеятельности. Это приводит к потребности в получении дополнительных социальных услуг, соци-

© Титор С. Е., Мышко Ф. Г., 2023

ально-медицинском уходе. Система услуг для этой категории граждан является одной из важнейших частей социальной политики государства.

В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г. [1] отмечается необходимость заботы о старшем поколении как носителе знаний и опыта интеллектуального потенциала, активных участников материальных благ и процессов социального развития.

Законодательно определены три формы предоставления социальных услуг по долговременному уходу за пожилыми гражданами и инвалидами (далее — СДУ): социальное обслуживание на дому, социальное обслуживание в полустационарной форме и социальное обслуживание в стационарной форме. Министерством труда и социальной защиты РФ разработан примерный порядок предоставления социальных услуг во всех трех формах[2; 3; 4].

Самая распространенная и востребованная форма предоставления социальных услуг в рамках долговременного ухода — предоставление социального обслуживания на дому. Только эта форма социального обслуживания позволяет пожилому человеку и инвалиду оставаться в привычных домашних условиях.

Отметим, что система долговременного ухода предусматривает более расширенный спектр социальных услуг, чем предусмотрены в Порядке предоставления социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, утвержденной приказом Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 939н [2].

В рамках системы долговременного ухода социальное обслуживание на дому переименовано в надомную форму обслуживания. Система долговременного ухода на дому предполагает кратность и частоту предоставления социальных услуг в зависимости от степени нуждаемости пожилого человека или инвалида, определенной в его индивидуальной программе.

Уровней нуждаемости всего установлено три: первый — от 7 часов в неделю до 14 часов; второй уровень — от 14 часов в неделю до 21; и третий — от 21 часов в неделю до 28 часов.

Важной составляющей системы долговременного ухода признается социальный пакет долговременного ухода, предоставляемый нуждающимся гражданам на бесплатной основе.

Главным компонентом системы долговременного ухода является медицинский. Именно его очень не хватало в традиционном социальном обслуживании до внедрения СДУ. Теперь нуждающиеся граждане обеспечены необходимым объемом медицинской помощи для всех категорий ухода.

Особенно данный вид помощи актуален для граждан с тяжелыми группами ухода, когда в силу ограничений не могут посещать амбулаторные медицинские

учреждения, а в рамках системы долговременного ухода они охвачены регулярным медицинским патронажем с целью наблюдения и осуществления медицинских манипуляций на дому, что позволяет продлить им жизнь.

Система долговременного ухода предполагает создание так называемых мультидисциплинарных команд для каждого получателя СДУ. Данные команды формируются из сотрудников медицинской организации и организации социального обслуживания на основании рекомендаций врача-гериатра (в реальности чаще врача-терапевта).

Данные команды формируются с учетом географических особенностей субъекта Российской Федерации, плотностью населения и количества нуждающихся граждан. Также в отдельных регионах формируются мобильные бригады для оказания гериатрической, паллиативной помощи, реабилитационных мероприятий, сохраняя пожилого человека в комфортных для него домашних условиях.

Еще одной сохранной технологией системы долговременного ухода, направленной на качественный уход это организация сопровождаемого проживания. Данная технология предназначена для граждан, имеющих стойкие ограничения жизнедеятельности. Видами этой технологии являются стационарозамещающие технологии: «тренировочное проживание», «сопровожаемое совместное проживание малых групп в отдельных жилых помещениях», «индивидуальное сопровождаемое проживание».

Особенностью совместного проживания малых групп является постоянное круглосуточное сопровождение группы, которое достигается путем суммирования объемов социальных услуг всех проживающих, в соответствии с индивидуальными программами.

Сопровожаемое проживание предполагает привлечение организаций, предоставляющих психологическую, медицинскую, юридическую, социальную помощь, не относящуюся к социальным услугам на основании межведомственного взаимодействия.

Полустационарная форма обслуживания граждан в рамках системы долговременного ухода объектом социальной поддержки являются не только пожилые граждане и инвалиды, но и лица, осуществляющие за ними уход. Центры дневного проживания позволяют разгрузить родственников, с одной стороны, и социализировать получателей услуг, с другой.

Как правило, в сферу ответственности центров дневного пребывания включены вопросы доставки до центра и обратно получателей услуг, а также организация горячего питания в дни посещения. График посещения составляется индивидуально от двух до пяти дней в неделю. Такие центры организуют досуг разных типов занятости от занятий на мелкую моторику,

до создания мастерских.

Еще одной формой поддержки лиц, осуществляющих уход, является обеспечение получателей социальных услуг отделениями временного пребывания в стационарных организациях. Данная услуга направлена в основном для организации «отпуска от ухода» или «социальной передышки» для лиц, осуществляющих уход. Без организации таких мероприятий существует опасность выгорания близких людей граждан с устойчивыми ограничениями жизнедеятельности. Данная технология предусмотрена в рамках поддержки неформального ухода.

Для получения такого рода социальных услуг лица, осуществляющие уход должны заранее подать заявку на получение такой услуги в координационный центр.

Стационарная форма получения социальных слуг в системе долговременного ухода предполагает различные режимы пребывания. Он может быть организован на постоянной основе или временное пребывание (срок определяется индивидуальной программой) или пятидневном проживании. Главная особенность стационарной формы — обеспечение постоянного ухода за гражданами, нуждающихся в круглосуточном уходе и присмотре из-за тяжелых функциональных и (или) когнитивных расстройств, или по социальным причинам — отсутствие собственного жилья или невозможности проживать в семье (семейное насилие, ветхое жилье и проч.).

В рамках стационарного пребывания осуществляется организация непрерывного ухода, ежедневная фиксация состояния пожилого гражданина или инвалида, динамику улучшения или ухудшения жизнедеятельности, что позволяет обеспечить своевременность и качество социальных услуг членами мультидисциплинарной команды. Именно статистика данных наблюдений признается в качестве подтверждения исполнения членами команды (персоналом) мероприятий по уходу и социализации.

Главной проблемой обеспечения качества услуг в стационарных учреждениях признается необходимость обеспечения достаточного количества персонала в таких организациях. При этом установлена норма обеспечения — один помощник на восемь получателей услуг, относящихся к тяжелым группам ухода, а также необходимое количество персонала для социализации и реабилитации, например, организаторы досуга, воспитатели, инструкторы по трудотерапии и проч.

Целью пребывания получателей услуг в стационарных организациях системы долговременного ухода — максимально возможное возвращение утраченных функций и наблюдение за их динамикой, что должно быть отражено в индивидуальном плане.

Проведенный исследователями [5, с. 169] социологический опрос среди посетителей дневной формы пребывания в социальном учреждении показал, что, в основном, пожилые люди от посещения ожидают дополнительного социально-культурного общения:

- желание вести активный образ жизни (63,8 %);
- стремление к получению новых знаний (61,2 %);
- стремление разнообразить жизнь (55,7 %);
- возможность пообщаться (47,6 %).

Исследование показало, что пожилые граждане в своём большинстве достаточно социально активны и готовы к продолжению трудовой и общественной деятельности, испытывают необходимость к самореализации.

В рамках исследования был проведен социологический опрос муниципальных органов социального обеспечения. География опроса составила 16 регионов: Кемеровская область (и ее муниципальные образования), Самарская область, Костромская область, Свердловская область (и ее муниципальные образования); Ивановская область, Владимирская область, Калужская область, Ставропольский край (и его муниципальные образования), Московская область, Воронежская область, Курская область, Приморский край, Новосибирская область, Забайкальский край, Липецкая область Удмуртская республика. Всего проанализировано 278 ответов респондентов.

Результаты проведенного социологического опроса муниципальных органов социального обеспечения показали, что в 10 % муниципальных образований отсутствует такая форма социального обслуживания, как полустационарная, а в 5 % муниципалитетов не организовано социальное обслуживание на дому.

Анализ законодательства и практики реализации пилотного проекта в субъектах Российской Федерации показал, что наиболее востребованными являются домашние услуги, высоким спросом пользуются полустационарная форма социального обслуживания, и наблюдается хроническая нехватка организаций стационарного социального обслуживания. Во многих субъектах Российской Федерации отмечается значительное обветшание имеющихся домов престарелых, психоневрологических диспансеров. Во многих субъектах отсутствуют гериатрические центры.

В сферу социального обслуживания, как в одну из отраслей, наиболее остро нуждающуюся в повышении эффективности функционирования государственного механизма и повышения клиентоориентированности органов государственной власти и государственных организаций было внедрено государственно-частное партнерство.

Среди основных характеристик государственно-частного партнерства в сфере социального обслуживания, выявленных в ходе правоприменительной

практики, можно выделить:

- долгосрочность взаимодействия публичной и частной сторон;
- управление рисками. Составление «Матрицы рисков» при распределении рисков между сторонами с переносом на ту сторону, кто в данный момент может им управлять с наименьшими издержками;
- проектное финансирование. Финансовая модель проекта с детальной оценкой возможных рисков по каждому этапу реализации проекта с механизмом возврата вложенных инвестиций;
- софинансирование. Привлечение бюджетных, внебюджетных и иных источников при создании финансовой модели;
- социальная направленность. Стабильность исполнения условий договора публичными и частными сторонами напрямую связаны с повышением качества жизни получателей социальных услуг.

Рост демографической нагрузки с неизбежностью повлечет рост потребности граждан старшего поколения в представлении качественных социальных услуг всех форм социального обслуживания. Следовательно, возрастет потребность в социальной инфраструктуре, отвечающей современным требованиям для обеспечения этой потребности.

Правоприменительная практика государственно-частного партнерства уже доказала свою эффективность для обеих сторон. Для негосударственных стационарных организаций социального обслуживания граждан пожилого возраста сотрудничество с органами государственной власти субъектов Российской Федерации приводит к увеличению рентабельности через размещение в них нуждающихся граждан пожилого возраста на бюджетной основе. Для государства это сотрудничество позволяет добиться бюджетной эффективности расходов, т.к. отсутствует необходимость тратить средства бюджета на создание и содержание дополнительных койко-мест.

Использование важнейшего инструмента нового механизма — реестра поставщиков социальных услуг позволяет повысить прозрачность деятельности негосударственных организаций социального обслуживания и повышает уровень обеспеченности учреждениями для их оказания.

В свою очередь, для частных организаций включение в реестр означает возможность рассчитывать на компенсации и налоговые льготы при оказании социальных услуг, а в случае, если поставщик социальных услуг, включенный в реестр, не участвует в выполнении государственного задания, то повышается его защищенность, т.к. ему выплачивается компенсация.

Передача государственной функции по оказа-

нию социального обслуживания негосударственным структурам предполагает осуществление государственного контроля за качеством оказываемых социальных услуг.

Отсутствие нормативного правового регулирования по многим вопросам развития государственно-частного партнерства в сфере социального обслуживания побуждает к поиску правовых способов и средств его дальнейшего развития для обеспечения высоких качественных характеристик оказания социальных услуг.

Долгосрочный характер работы в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов соответствует особенностям инфраструктурных проектов государственно-частного партнерства. При очевидном преимуществе применения форм государственно-частного партнерства как для публичной, так и для частной стороны, возникает необходимость определения единых требований к качеству и доступности социальных услуг для граждан.

Проведенный социологический опрос показал, что в 94 % регионов действует типовая модель долговременного ухода за пожилыми.

Среди особенностей оригинальной модели (не типовой) системы долговременного ухода были отмечены следующие:

- широкий спектр предоставляемых услуг, своевременность и качество;
- отделение временного пребывания граждан оказавшихся в трудной жизненной ситуации, инвалидов, лиц без определенного места жительства с последующим жизнеустройством в дома-интернаты;
- ежедневное социальное обслуживание на дому граждан старшего нетрудоспособного возраста, нуждающихся в посторонней помощи;
- действовать в интересах получателей социальных услуг своевременность, доступность;
- приоритет интересов, мнения и потребностей гражданина, нуждающегося в уходе;
- индивидуальный подход, своевременное оказание помощи;
- обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов старше 18 лет с использованием технологии «Стационар на дому» — предоставление социальных услуг в форме на дому до 5 дней в неделю;
- гибкость индивидуальной программы социального обслуживания — корректировка с учетом физического состояния получателя социальных услуг;
- разработаны стандарты социальных услуг;
- предоставление социальных услуг;
- проведение мероприятий по социальному сопро-

- вождению предоставление социальных услуг;
- проведение мероприятий по социальному сопровождению;
- предоставление иных услуг, предусмотренных иными нормативными документами;
- индивидуальность;
- сочетание в учреждении стационарной и полустационарной (дневной стационар) форм социального обслуживания;
- качество выполнения услуг, доступность услуг;
- работа психолога с получателями социальных услуг, имеющим когнитивные расстройства;
- модель долговременного ухода реализуется в тесном взаимодействии с медицинской организацией на основе соглашения о межведомственном взаимодействии;
- в процессе реализации модели долговременного ухода внедрена и успешно реализуется система неформального ухода (привлечение родственного ухода, соседской помощи и т. д.).

Наиболее важным направлением в вопросе обеспечения качества и доступности социальных услуг и сохранения инвестиционной привлекательности для частных партнеров, является необходимость формирования ряда требований: *сформировать стандарты социальных услуг; требования к порядку их оказания [6]; правил предоставления социальных услуг бесплатно, за плату или частичную оплату, требование к деятельности поставщика социальных услуг.*

Кроме того, считаем целесообразным разработать стандарт оказания услуг при заключении соглашений о государственно-частном партнерстве, в который входили бы следующие элементы: определение объема социальных услуг; сроков их предоставления; определение норматива финансирования социальных услуг и условий их предоставления (например, условий доступности с учетом ограниченных возможностей здоровья); показатели качества и оценки результатов предоставления услуг.

Перечисленные меры позволят субъектам Российской Федерации сформировать механизм привлечения негосударственных инвестиций и поставщиков социальных услуг в сферу социального обслуживания. На уровне субъектов Российской Федерации целесообразно привлекать на условиях государственно-частного партнерства негосударственные организации социального обслуживания, с помощью которых станет возможным расширение программ социализации граждан, нуждающихся в регулярном уходе путем расширения организаций социального обслуживания полустационарной формы (реабилитационных центров, городских дневных центров, мини-центров шаговой доступности).

Гарантии негосударственным партнерам, установленные законодательством в виде компенсационного

механизма и налоговых льгот, соответствуют историческому опыту государственно-частного партнерства в России. Участие негосударственного сектора в оказании социальных услуг позволит расширить программы социализации граждан, нуждающихся в регулярном уходе путем расширения организаций социального обслуживания полустационарной формы (реабилитационных центров, городских дневных центров, мини-центров шаговой доступности).

Список источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05 февраля 2016 г. № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 29.11.2022).
2. Примерный порядок предоставления социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, утвержденный приказом Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 939н // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=376280&demo=1> (дата обращения: 02.11.2022).
3. Примерный порядок предоставления социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания, утвержденный приказом Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 938н // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=376278&demo=1> (дата обращения: 02.11.2022).
4. Примерный порядок предоставления социальных услуг в стационарной форме социального обслуживания, утвержденный приказом Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 935н. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=367552&demo=1> (дата обращения: 02.11.2022).
5. Григорьева С. А. Формирование условий для социальной активности граждан старшего поколения // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4. № 3.
6. Стандарт деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по оказанию государственной услуги по социальной адаптации безработных граждан на рынке труда, утвержденный приказом Минтруда России от 27 апреля 2022 г. № 266н.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation № 164-r dated 05.02.2016 «On approval of the Strategy of Actions in the Interests of Older Citizens in the Russian Federation until 2025» // <https://online.consultant.ru> (accessed: 29.11.2022).

2. Approximate procedure for the provision of social services in the form of social services at home, approved by the order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated November 24, 2014 № 939n // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=376280&demo=1> (accessed: 02.11.2022).
3. Approximate procedure for the provision of social services in a semi-stationary form of social services, approved by the order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated November 24, 2014 № 938n // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=376278&demo=1> (accessed: 02.11.2022).
4. Approximate procedure for the provision of social services in the stationary form of social services, approved by the order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated November 24, 2014 № 935n // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=367552&demo=1> (accessed: 02.11.2022).
5. Grigorieva S. A. Formation of conditions for social activity of older citizens // Social and humanitarian knowledge. 2018. Vol. 4. № 3.
6. The standard of activity for the exercise of powers in the field of employment of the population to provide public services for the social adaptation of unemployed citizens in the labor market, approved by Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 27.04.2022 № 266n.

Информация об авторах

С. Е. Титор — кандидат юридических наук, доцент;

Ф. Г. Мышко — доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. E. Titor — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

F. G. Myshko — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-214-217>

НИОН: 2003-0059-2/23-644

MOSURED: 77/27-003-2023-02-843

Еда становится оружием. Проблемы продовольственной безопасности

Игорь Леонидович Трунов

Союз пищевой промышленности, Москва, Россия, trunov08@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы продовольственной безопасности, которые сегодня актуальны, как в России, так и в мире в целом. Использование продовольственного кризиса может стать серьёзным оружием в современном мире. Не случайно Эрл Бутц Министр сельского хозяйства США ещё в 1974 г. заявил, что «еда — это оружие». Санкционная политика в отношении России обязывает её Правительство и население существенно пересмотреть отношение к обеспечению страны необходимыми продуктами питания и, что самое главное, современными технологическими процессами, для предотвращения продовольственного кризиса. Международная санкционная политика продовольственного давления создаёт предпосылки голода, и поэтому она, как разновидность войны, должна регламентироваться гуманитарным правом.

Представлено исследование по странам, в отношении которых применены санкции, и предлагается в ближайшей перспективе принятие Федерального закона «О продовольственной безопасности РФ» с целью защиты суверенитета РФ.

Ключевые слова: продовольственная безопасность России, национальная безопасность и суверенитет страны, санкции, рынок пищевой промышленности, контроль качества, льготное кредитование, дотирование, государственные программы развития пищевой науки, Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, указы Президента в области продовольственной безопасности и стабильности, климатические аспекты, федеральные целевые программы

Для цитирования: Трунов И. Л. Еда становится оружием. Проблемы продовольственной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 214–217. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-214-217>.

Original article

Food becomes a weapon. Problems of food security

Igor L. Trunov

Food Industry Union, Moscow, Russia, trunov08@bk.ru

Abstract. Food security is relevant today, both in Russia and in the world as a whole. The use of the food crisis can become a serious weapon in the modern world. It is no coincidence that Earl Butz, the US Secretary of Agriculture, declared back in 1974 that «food is a weapon». The sanctions policy against Russia obliges its Government and the population to significantly reconsider their attitude to providing the country with necessary food and, most importantly, modern technological processes to prevent a food crisis. The international sanctions policy of food pressure creates prerequisites for famine and therefore, as a kind of war, it should be regulated by humanitarian law.

In the article a study of the countries has been made against which sanctions have been applied and it is suggested in the near future to adopt the Federal law «On Food Security of the Russian Federation» in order to protect the sovereignty of the Russian Federation.

Keywords: food security of Russia, national security and sovereignty of the country, sanctions, food industry market, quality control, preferential lending, subsidizing, state programs for the development of food science, Doctrine of food security of the Russian Federation, Presidential decrees in the field of food security and stability, climatic aspects, federal targeted programs

For citation: Trunov I. L. Food becomes a weapon. Problems of food security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):214–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-214-217>.

© Трунов И. Л., 2023

Продовольственная безопасность в сегодняшних реалиях оказалась чрезвычайно важной настолько, что под угрозу могут попасть жизнь и здоровье людей, национальная безопасность и суверенитет страны, спокойствие и социальный мир в обществе. Надежд на то, что рынок сам урегулирует все проблемы пищевой отрасли, нигде в мире нет. Везде опосредованно имеется государственное, часто не прямое, но жесткое регулирование и планирование через систему контроля качества, льготного кредитования, дотирования, государственных программ развития пищевой науки и ее имплементации.

В мире пищевая отрасль часто и давно используется как политический инструмент и оружие. Еда имеет большое влияние на политические действия любой нации. «Еда — это оружие», провозгласил Эрл Бутц Министр сельского хозяйства США в 1974 г. [1]. Пищу достаточно давно используют в качестве политического инструмента для достижения своих целей [2], и не только Америка, но и многие «цивилизованные» страны используют силу продовольствия, как «дубину», бьющую в слабые места продовольственной безопасности других стран. И если «Еда — это оружие», по мнению американской администрации, которое никто не подверг сомнению, то широкомасштабная санкционная политика это форма войны.

Продовольственная безопасность России особенно актуальна сегодня при самой масштабной в мировой истории санкционной политике против граждан России и Российской Федерации. На сегодня введено 11785 [3] санкций, и эта цифра растет. Также по состоянию на начало сентября 2022 года 34 % крупнейших иностранных компаний, работавших в России, ограничили деятельность в стране, 22 % решили покинуть Россию [подробнее: 4]. Акцент сделан во многом и на пищевую отрасль.

Всего несколько примеров, когда умышленная санкционная политика привела к гуманитарной катастрофе.

Куба — дискриминационные санкции, которые налагались в том числе и на иностранные компании, торговавшие с Кубой, повлекшие нехватку еды, голод, эпидемии заболеваний, приводящие к слепоте. Генеральная Ассамблея ООН ежегодно с 1992 года принимает резолюции, призывающие отменить санкции — не помогает. Официальная Куба рассматривает санкции как акт геноцида [5].

Экономический кризис и голод в Северной Корее (КНДР), вызванный экономическими санкциями, только в 1995–1999 годы и унёс до 3 миллионов жизней [6].

Санкции в отношении Советской России — так называемая «золотая блокада», привели к «голодомору» 1932–1933 г., жертвами стали не менее 7 млн. человек [7].

Длительность санкций, арестов имущества, активов и золотовалютных запасов, огромны. Северная

Корея 72 года, Куба 61 год, Иран 43 года, Сирия 35 лет, Бирма 31 год, Судан 28 лет и т. д. В условиях санкционной войны, даже резолюции Генеральной Ассамблеи ООН за которые проголосовали 182 страны в отношении Кубинского геноцида, не дают никакого эффекта.

Недопустима международная санкционная политика продовольственного давления, создающая предпосылки голода, она как разновидность войны должна регламентироваться гуманитарным правом <8> и давно требует единообразной правовой формы (по типу Женевских Конвенций [9]), но пока человечество не выработало гуманитарные механизмы и исходя из международного анализа, России нужно принимать соответствующую законодательную базу и готовиться к новым условиям жизни.

Нужно учитывать, что при сегодняшнем населении мира превысившем 8 миллиардов человек и прогнозируемой численности населения более 9 миллиардов человек к 2050 году ожидаются усиление проблем с недоеданием и недостаточным питанием, в особенности в развивающихся странах, и эти тенденции будут только усиливаться. Исходя из приведенных оценок, спрос на продукты питания во всем мире к 2050 году увеличится на 40–70 %. Уже сегодня десятая часть населения планеты, около 811 млн человек, голодает.

Авторитетные эксперты выражают мнение, что желание создать трудности для России связано еще и с тем, что наибольшую выгоду от глобального потепления получает Россия, климат которой становится наиболее благоприятным. Россия является № 1 в мире по потенциалу увеличения объемов производства продовольствия, прежде всего благодаря возможностям повышения урожайности за счет применения удобрений и современных агротехнологий, даже без учета расширения орошения и ввода дополнительных земель.

Продовольственная стабильность и устойчивость относится к долгосрочной способности продовольственных систем обеспечивать свою безопасность и продовольственное обеспечение таким образом, чтобы это не ставило под угрозу экономические, социальные и экологические основы, которые обеспечивают продовольственную безопасность и питание.

Президент России уже второй раз Указом утверждает «Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации», регулирующую важнейшие общественные отношения. Документ, представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности РФ. Обеспечение продовольственной независимости гарантирует физическую и экономическую доступность пищевых продуктов для каждого гражданина страны, соответствующих требованиям законодательства о техническом регулировании в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни.

Одной из конституционно установленных prerogative Президента является определение основных направлений внутренней и внешней политики страны. Президент издает Указы в целях предотвращения конституционными средствами образования в стране вакуума регулирования власти, восполняя пробелы законодательной власти в правовом обеспечении по вопросам, требующим решения, в порядке чрезвычайного законодательства. Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию РФ заявил: «Объем предстоящей законодательной работы настолько громаден, что парламент еще не скоро удовлетворит потребности практики в качественных законах» [10]. При наличии правовых пробелов их восполнение с помощью нормативных актов главы государства до принятия соответствующих законов вполне естественно и правомерно, но это уже второй указ по одной и той же важной теме.

Еще в 2007 году, секретарь Совета Безопасности РФ отмечал: «Продовольственная безопасность России рассматривается как составляющая системы экономической безопасности страны. В настоящее время ключевые вопросы обеспечения продовольственной безопасности регулируются рядом базовых федеральных законов и постановлений Правительства РФ. Вместе с тем назрела необходимость принятия закона «О продовольственной безопасности РФ».

В 1999 году Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ приняла модельный закон «О продовольственной безопасности», который был подписан многими парламентами стран СНГ, но не Россией, хотя две попытки внедрить закон о продовольственной безопасности в спокойные времена предпринимались, но не увенчались успехом.

Парламент Индии в 2013 году принял закон «О национальной продовольственной безопасности», декларируя что «Продовольственная безопасность означает наличие достаточного количества продовольствия для удовлетворения внутреннего спроса, а также доступ на индивидуальном уровне к достаточному количеству питания по доступным ценам».

Сегодня с учетом санкций, международного давления, специальной военной операции, требующей огромных ресурсов и т.д., кардинально изменилась ситуация, глава ЦБ России заявила о необходимости структурной перестройки всей экономики [11].

Нужно принимать в расчёт, что самыми частыми причинами голода была не засуха или войны, а неграмотная и неэффективная экономическая политика.

Назрела необходимость принятия Федерального закона «О продовольственной безопасности РФ», в котором на законодательном уровне закрепить основные направления государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности и продовольственной независимости РФ, создав законодательную базу, не только регулиующую планирование аграрного сектора, пищевой и перерабатывающей

промышленности, но и ответственность за неисполнение норм закона. С целью продовольственной безопасности в стране государственное управление должно синхронизировать частные и общественные интересы субъектов правоотношений в сфере пищевой промышленности. Законодательно должны предусмотреть нормативно-правовые акты, которые регулируют деятельность пищевой отрасли. Они должны быть обязательны к исполнению, в противном случае, для нарушителей должны предусматриваться санкции.

В законе необходимо раскрыть и закрепить содержание таких основополагающих понятий как продовольственная безопасность и независимость России, и их обеспечение, продовольственный кризис, необходимый уровень продовольственного резерва и производства продуктов питания. Сформулировать понятия: жизненно важных продуктов питания, физиологических норм питания, а также физической и экономической доступности продуктов питания для населения страны.

В целях обеспечения продовольственной безопасности и государственного контроля рынка продовольствия Правительство Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации необходимо наделить определенными полномочиями. В частности, это касается вопросов разработки и реализации федеральных целевых программ обеспечения продовольственной безопасности, а также составления баланса необходимого и фактического уровней производства продовольствия, являющегося базой для планирования производства жизненно важных продуктов питания.

Регламентирование государственного контроля рынка продовольствия, учет производства продовольствия, контроля за движением оптовых партий продовольствия от его производства или импортно-экспортных потоков до поставок потребителям.

Список источников

1. Питер Валленстин. Дефицитные товары как политическое оружие : еда // Журнал исследований мира. 13(4): 277. 1976.
2. Саймон Максвелл. Продовольственная безопасность : постмодернистская перспектива // Продовольственная политика. 21 (2): 157. 1996.
3. <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>.
4. РБК: <https://www.rbc.ru/economics/07/10/2022/633e94809a79475aa5d84f00>.
5. Доклад генерального секретаря ООН «Права человека и односторонние принудительные меры» A/HRC/4/61, 24 января 2007 г.
6. 20 сентября 2008 Генсек ООН обещает помощь жертвам наводнения в КНДР. Русская служба Би-би-си. 15 августа 2007.
7. Заявление ГД РФ 5 созыва. Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР.

8. Совокупность международно-правовых норм и принципов, минимизирующих страдания и лишения лиц, вовлечённые в международный конфликт, также ограничивающих враждующие стороны в выборе средств и методов руководствуясь принципом гуманизма, от 02.04.2008 г.
9. Женевские конвенции ООН и протоколы к ним. <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml>.
10. Послание Президента Российской Федерации «О действенности государственной власти в России». 16.02.1995 г.
11. Набиуллина заявила о необходимости структурной перестройки экономики России. Московский комсомолец. 15.11.2022. <https://www.mk.ru/economics/2022/11/15/nabiullina-zayavila-o-neobkhodimosti-strukturnoy-perestroyki-ekonomiki-rossii.html>.
- 33e94809a79475aa5d84f00.
5. Report of the Secretary General of the United Nations «Human rights and unilateral coercive measures» A/HRC/4/61, 24 January 2007.
6. September 20, 2008, the UN Secretary General promises to help the victims of the flood in the DPRK. BBC Russian Service. August 15, 2007.
7. Statement of the State Duma of the Russian Federation of the 5th convocation. In memory of the victims of the famine of the 1930s on the territory of the USSR.
8. A set of international legal norms and principles that minimize the suffering and deprivation of persons involved in an international conflict, and also limit the warring parties in the choice of means and methods, guided by the principle of humanism, from 02.04.2008.
9. UN Geneva Conventions and protocols to them. <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml>.
10. Message from the President of the Russian Federation. On the effectiveness of state power in Russia. February 16, 1995.
11. Nabiullina announced the need for structural restructuring of the Russian economy. Moscow's comsomolets. 15.11.2022. <https://www.mk.ru/economics/2022/11/15/nabiullina-zayavila-o-neobkhodimosti-strukturnoy-perestroyki-ekonomiki-rossii.html>.

References

1. Peter Wallenstein. Scarce Goods as Political Weapons : Food // Journal of Peace Studies. 13 (4): 277. 1976.
2. Simon Maxwell. Food Security : A Postmodern Perspective // Food policy. 21 (2): 157. 1996
3. <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>
4. RBC: <https://www.rbc.ru/economics/07/10/2022/6>

Информация об авторе

И. Л. Трунов — председатель исполкома Союза пищевой промышленности, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор, действительный член РАЕН.

Information about the author

I. L. Trunov — Chairman of the Executive Committee of the Food Industry Union, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 343.132.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-218-222>

НИОН: 2003-0059-2/23-645

MOSURED: 77/27-003-2023-02-844

Видео-конференц-связь — очевидный ответ при минимальных затратах

Владислав Валерьевич Худяков¹, Марина Валерьевна Зубова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, valdisk77@gmail.com

² Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, fishka13@bk.ru

Аннотация. Рост нагрузки на личный состав органов внутренних дел требует применения новых подходов, позволяющих оптимизировать человеко-затратные операции и сохранить при этом качество конечного результата. Одной из проблем этого плана является обеспечение рассмотрения дел об административных правонарушениях в судах без отвлечения сотрудников на сопровождение (конвоирование) административно-задержанных граждан в суд. Законодательство позволяет судам рассматривать такие дела дистанционно. Однако большинство подразделений полиции к этому не готово. В статье на примере МВД Республики Татарстан рассматриваются пути развертывания механизма рассмотрения дел об административных правонарушениях в режиме видео-конференц-связи.

Ключевые слова: судебное разбирательство, видео-конференц-связь, рассмотрение административных правонарушений, органы внутренних дел, мировые и районные суды, проведение ВКС

Для цитирования: Худяков В. В., Зубова М. В. Видео-конференц-связь — очевидный ответ при минимальных затратах // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 218–222. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-218-222>.

Original article

Video conference communication is an obvious answer at minimum cost

Vladislav V. Khudyakov¹, Marina V. Zubova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, valdisk77@gmail.com

² Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, fishka13@bk.ru

Abstract. The increase in the load on the personnel of the internal affairs bodies requires the use of new approaches that allow optimizing man-cost operations and at the same time maintaining the quality of the final result. One of the problems of this plan is to ensure the consideration of cases of administrative offenses in courts without diverting employees to escort (escort) administratively detained citizens to court. Legislation allows courts to consider such cases remotely. However, most police departments are not ready for this. The article, using the example of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan, discusses ways to deploy a mechanism for considering cases of administrative offenses in the video-conferencing mode.

Keywords: litigation, videoconferencing, consideration of administrative offenses, internal affairs bodies, magistrate and district courts, videoconferencing

For citation: Khudyakov V. V., Zubova M. V. Video conference communication is an obvious answer at minimum cost. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):218–222. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-218-222>.

Рациональное расходование служебного времени является одной из приоритетных задач, которая стоит перед руководителем любой организации. При этом на сегодня очевидно, что залогом успешности становится внедрение современных инновационных разработок, особенно информационных технологий.

В силу определенных обстоятельств органы внутренних дел, являясь самым многофункциональным звеном правоохранительной системы России, в орбиту которого ежедневно подпадают миллионы граждан, испытывает острый дефицит кадров. Соответственно, возникает задача рационального использования име-

© Худяков В. В., Зубова М. В., 2023

ющего потенциала, для чего, в частности, реализуется программа автоматизации правоохранительных процессов.

Одним из направлений такой работы является применение средств конференц-связи для обеспечения рассмотрению дел об административных правонарушениях лиц, доставленных в дежурную часть, в мировых и районных судах.

В соответствии с пунктом 14 статьи 12 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1] и статьи 19 приказа МВД России от 30 апреля 2012 года № 389 «Об утверждении наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» [2] полиция обязана конвоировать в суды лиц для рассмотрения в их присутствии составленных в отношении них протоколов по делам об административных правонарушениях, предусматривающим применение административного наказания в виде административного ареста.

На практике реализация данных предписаний осуществляется силами личного состава территориального органа внутренних дел из числа сотрудников дежурной части, патрульно-постовой службы, участковых уполномоченных полиции, сотрудников оперативных подразделений и других. Решение о формировании конвойной группы принимает руководитель соответствующего территориального органа. В нормативных правовых документах МВД России данный вопрос не урегулирован.

Сотрудники, включенные в состав конвойной группы, на время выполнения данного служебного задания, не исполняют свои основные должностные обязанности, что отрицательно влияет на результаты их повседневной деятельности и существенно увеличивает реальную нагрузку на каждого из них.

В случаях, когда в состав конвойных групп включаются сотрудники из числа суточного наряда, возможны и более серьезные последствия, главным образом из-за ослабления контроля за периметром охраны органа внутренних дел и находящимися в нем задержанными лицами. Не исполняются нормы рассмотрения заявлений и сообщений граждан и реагирования на них.

Выходом из создавшегося положения мог бы быть повсеместный переход на рассмотрение дел в судах об административных правонарушениях по протоколам, составленным в органах МВД России, с использованием средств видео-конференц-связи.

Полагаем, что в этом случае могут быть достигнуты следующие цели:

- высвобождение сотрудников, задействуемых на сопровождение правонарушителей в суд, для исполнения их основных служебных обязанностей;
- максимальное снижение вероятности побега

правонарушителя при их доставлении и нахождении в суде;

- исключение непосредственного контакта пострадавших граждан и свидетелей с правонарушителем, зачастую находящимся в состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность;
- обеспечение карантинные мероприятия в условиях повышенной опасности распространения COVID-19 и иных инфекционных заболеваний;
- сокращение расходов на горюче-смазочные материалы и моторесурсы автотранспортной техники, выделенной для перевозки административно-задержанных лиц в суд и групп конвоирования.

Разумеется, такое решение потребует финансовых затрат, связанных с приобретением необходимого оборудования для организации видео-конференц-связи. Приведем в этой связи расчеты возможных затрат на подобные цели для крупного города [3] Российской Федерации с численностью населения до 1 миллиона человек.

По усредненным подсчетам будет необходимо оборудовать около 35 рабочих мест, в том числе: 30 — в городском суде и на судебных участках мировых судей, 5 — в отделах органов внутренних дел города (по районам). Обязательным требованием при организации рабочего места видео-конференц-связи помимо системного блока, монитора, клавиатуры и мыши должно быть наличие видеокамеры и акустических колонок.

Суммарная стоимость рабочего места составит около 45 тыс. рублей, общая стоимость затрат — 1 575 тыс. рублей. В случае приобретения ноутбуков с отдельной акустической системой (до 30 тыс. рублей за комплект) общая стоимость составит — 1 050 тыс. рублей.

Для сравнения отметим, что возможные расходы только на горюче-смазочные материалы для обеспечения перевозки административно-задержанных лиц в суд на одно автотранспортное средство сегодня ежемесячно составляют около 5 тыс. рублей, для всех ОВД такого города — 25 тыс. рублей (в год — 260 тыс. рублей). Оценка же всех затрат, как минимум, сопоставима.

Необходимо также принять во внимание, что на местах техника для осуществления конференц-связи, как правило, уже имеется. При этом очевидные преимущества предлагаемого решения в части прекращения отвлечения личного состава органов внутренних дел от их должностных обязанностей, предупреждения побега задержанных лиц из-под стражи, снижения риска распространения среди сотрудников ОВД и задержанных лиц вирусных и инфекционных заболеваний, в денежном эквиваленте не измеряются.

Рассмотрим результативность применения подобной схемы на примере МВД РФ по Республике Татарстан.

В 2014 году между Управлением МВД России по Нижнекамскому району и мировыми и районными судьями Нижнекамского района Республики Татарстан была достигнута договоренность о рассмотрении дел об административных правонарушениях с помощью видео-конференц-связи (среднемесячное количество доставленных лиц — 700 человек).

В результате значительно сократилось число задействованных сотрудников, выделяемых для сопровождения нарушителей в суды. Опыт получил положительную оценку со стороны руководства МВД и судов.

В последующем Министерством внутренних дел России по Республике Татарстан, Министерством юстиции и Судебным департаментом Республики Татарстан было принято решение о распространении опыта использования видео-конференц-связи при рассмотрении дел об административных правонарушениях по всей республике. Приобретать рабочие места для обеспечения видео-конференц-связи в полном объеме для этого не потребовалось.

Оснащение необходимой компьютерной техникой в МВД по Республике Татарстан осуществлялось в рамках государственного оборонного заказа и внутреннего перераспределения, имеющегося оборудования. Рабочие места судей были дополнительно оснащены веб-камерами и акустическими колонками, на что потребовалось менее 300 тыс. рублей.

Взаимодействие рабочих мест ОВД и судей между собой было организовано по каналам Государственной интегрированной системы телекоммуникаций в рамках развития межведомственного информацион-

ного взаимодействия органов государственной власти Республики Татарстан на программной платформе Microsoft Lync внутри республики.

Между МВД РФ по Республике Татарстан и Министерством юстиции, Судебным департаментом Республики Татарстан было заключено соглашение, в котором был определен перечень документов и порядок их передачи в канцелярию суда и обратно, описан общий порядок работы участников суда в режиме видео-конференц-связи.

Было также согласовано место для проведения суда в территориальном ОВД — служебное помещение, предназначенное для выяснения обстоятельств факта задержания или доставления лиц, доставленных в дежурную часть (комната для разбора). В случае отсутствия данного помещения — комната для приема заявлений граждан.

На первоначальном этапе с использованием средств видео-конференц-связи рассматривались только дела об административных правонарушениях по ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство). На сегодняшний день, необходимый практический опыт уже получен, препятствий для рассмотрения всего спектра правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, с участием доставленных в дежурную часть территориальных ОВД лиц, не имеется (рис. 1). Рассмотрение дел об административных правонарушениях в режиме видео-конференц-связи в Республике Татарстан проводится в 63 из 65 муниципальных образований, в 2-х из которых не используется по причине совместного размещения судей и территориального ОВД в одном здании.

Рис. 1. Процедура рассмотрения дел об административных правонарушениях в режиме видео-конференц-связи

Общая картина динамики роста популярности процедуры видео-конференц-связи относительно проведения судебных разбирательств в зале суда

или в территориальном ОВД, где решение о наказании выносит его начальник, показана в таблице 1.

Таблица 1.

Количество рассмотренных административных дел в Республике Татарстан

Контрольный период	Рассмотрено административных дел			
	Всего	в ОВД	в суде	ВКС
2016 г.	90 603	26 652 29,4 %	10 883 12,0 %	53 068 58,6 %
2017 г.	90 123	19 879 22,1 %	9 503 10,5 %	60 741 67,4 %
2018 г.	71 579	10 721 15,0 %	6 815 9,5 %	54 043 75,5 %
2019 г.	64 048	8 717 13,6 %	6 057 9,5 %	49 274 76,9 %
2020 г.	101 162	13 827 13,6 %	3 398 3,4 %	83 937 83,0 %
2021 г.	84 750	12 851 15,1 %	2 852 3,4 %	69 047 81,5 %

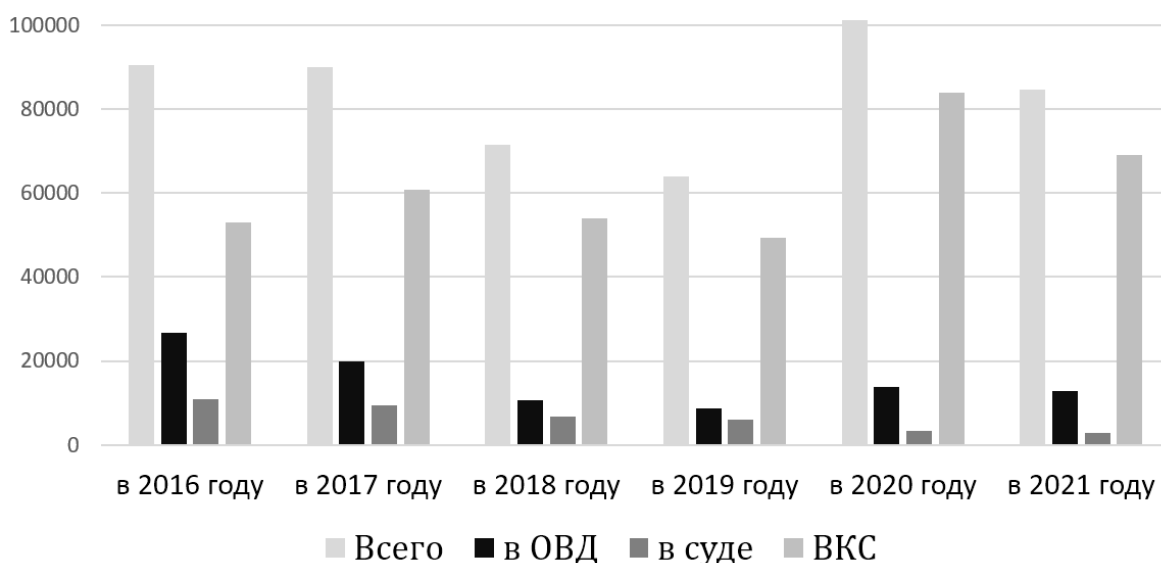
Существенно сократилось отвлечение сотрудников органов внутренних дел от исполнения их прямых должностных обязанностей для сопровождения правонарушителей в залы суда и изоляторы временного содержания, был предупрежден ряд побегов задержанных лиц из-под стражи, сведены к минимуму кон-

такты граждан, в том числе в период обострения распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

При этом количество административных правонарушений, совершенных в 2020 году, увеличилось (диаграмма 1), что подтверждает наш вывод о необходимости оптимизации процессов реагирования на них.

Диаграмма 1.

Количество рассмотренных административных дел в Республике Татарстан

По нашему мнению, было бы позитивным распространение опыта использования видео-конференц-связи при рассмотрении в судах дел об административных правонарушениях, доставленных в территориальные ОВД лиц, на всю территорию Российской Федерации. Разумеется, механизмы очного рассмотрения подобных дел также должны быть сохранены.

Одновременно следует урегулировать вопросы электронного обмена корреспонденцией между территориальными ОВД и судами, что позволит сократить бумажный документооборот и оптимизировать процедуры судебного разбирательства от момента формирования и направления пакета документов в суд и до вынесения приговора суда с последующим его доведением под роспись правонарушителю.

Список источников

1. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.04.2022).
2. Приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 (ред. от 06.07.2020) «Об утверждении наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

[consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 14.04.2022).

3. Приказ Минстроя России от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр. СП 42.13330.2016. «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» // Минстрой России. Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/14465/> (дата обращения: 02.10.2022).

References

1. Federal Law № 3-FZ of February 07, 2011 (as amended on 21.12.2021) «On the Police» // SPS «Consultant Plus». Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed: 13.04.2022).
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 30, 2012 № 389 (ed. dated 06.07.2020) «On approval of the instruction on the procedure for the performance of duties and the exercise of police rights in the duty station of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia after the delivery of citizens» // SPS «Consultant Plus». Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed: 14.04.2022).
3. Order of the Ministry of Construction of Russia dated December 30, 2016 № 1034/pr. SP 42.13330.2016. «SNiP 2.07.01-89* Urban planning. Planning and construction of urban and rural settlements» // Ministry of Construction of Russia. Access mode: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/14465/> (accessed: 02.10.2022).

Информация об авторах

В. В. Худяков — доцент кафедры информатики и математики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

М. В. Зубова — научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Information about the authors

V. V. Khudyakov — Associate Professor of the Department of Computer Science and Mathematics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

M. V. Zubova — Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 20.02.2023.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 20.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-223-227>

НИОН: 2003-0059-2/23-646

MOSURED: 77/27-003-2023-02-845

Хулиганство как проявление правового нигилизма в современном обществе

Т. В. Цветикова

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **В. В. Оксамытный**

Аннотация. Рассматривается такое правонарушение как хулиганство, которое признается как противоправное деяние и административным, и уголовным правом. Основными критериями отнесения указанного правонарушения в ту или иную группу являются степень общественной опасности и тяжесть наступивших последствий. Внешне хулиганские поступки могут выражаться и в нецензурных и оскорбительных выражениях, и в намеренной порче общественного имущества, в частности, осквернении памятников, находящихся в скверах и парках, а также в нанесении неопасных для жизни телесных повреждений гражданам при организации уличных беспорядков и массовых драк. Свою лепту в этот список внесли и IT-технологии, которые позволили людям, склонным к проявлениям асоциального и антисоциального поведения, наносить публичные оскорбления и клеветать на индивидов, с которыми они могут даже не быть знакомы.

Все перечисленные эпизоды свидетельствуют о желании нарушителей общественного порядка продемонстрировать свою приверженность правовому нигилизму. Хотя в прежние годы подобные поступки совершались, как правило, представителями молодежи либо лицами, злоупотребляющими алкоголем и наркотиками, в последнее время отмечаются случаи, когда в группу хулиганов включаются люди с высокими интеллектуальными способностями.

В связи с этими негативными тенденциями от правоохранительных структур и представителей других уполномоченных органов требуется разработка более совершенных мер, направленных на предупреждение подобных деяний и эффективное устранение их последствий.

В данной публикации отражается не только объективная и субъективная специфика посягательств, относящихся к проявлениям хулиганства, но также предлагаются меры их предупреждения и предотвращения на различных уровнях.

Ключевые слова: хулиганство, правовой нигилизм, молодежная преступность, компьютерные технологии, проявления асоциального и антисоциального поведения, меры предупреждения хулиганства, предотвращение вредных последствий хулиганства

Для цитирования: Цветикова Т. В. Хулиганство как проявление правового нигилизма в современном обществе // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 223–227. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-223-227>.

Original article

Hooliganism as a manifestation of legal nihilism in modern society

T. V. Tsvetikova

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

Scientific supervisor: Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation **V. V. Oksamytnyi**

Abstract. Hooliganism is the type of offense that is considered as an illegal act by both administrative and criminal legal systems. The main criteria for classifying the specified offense in one or another group are the degree of public danger and the severity of the consequences that have occurred. Outwardly, hooligan acts can be expressed in obscene and offensive expressions, and in intentional damage to public property, in particular, desecration of monuments located

© Цветикова Т. В., 2023

in squares and parks, as well as in causing non-life-threatening bodily injuries to citizens during the organization of street riots and mass fights. IT technologies have also contributed to this list, which have allowed people prone to manifestations of antisocial and antisocial behavior to inflict public insults and slander individuals with whom they may not even be familiar.

All these episodes indicate the desire of violators of public order to demonstrate their commitment to legal nihilism. Although in previous years such acts were committed, as a rule, by representatives of youth or persons abusing alcohol and drugs, recently there have been cases when people with high intellectual abilities are included in the group of hooligans.

In connection with these negative trends, law enforcement agencies and representatives of other authorized bodies are required to develop more advanced measures aimed at preventing such acts and effectively eliminating their consequences.

This publication reflects not only the objective and subjective specifics of the attacks related to the manifestations of hooliganism, but also suggests measures to prevent and prevent them at various levels.

Keywords: hooliganism, youth crime, legal nihilism, computer technologies, manifestations of antisocial and antisocial behavior, measures to prevent hooliganism, prevention of the harmful consequences of hooliganism

For citation: Tsvetikova T. V. Hooliganism as a manifestation of legal nihilism in modern society. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):223–227. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-223-227>.

Введение. Хулиганство представляет собой преступное посягательство, санкции, за совершение которого закрепляются одновременно и административным, и уголовным законодательством РФ. В течение длительного периода данное преступное посягательство считалось характерным атрибутом представителей молодежи. Тем не менее, в настоящее время соответствующие деяния все чаще совершаются взрослыми людьми; кроме того, для их воплощения нередко используются компьютерные технологии или мобильные устройства. В связи с этим проблема рассмотрения причин и сущности подобного явления, как и предложение мер для борьбы с ними на разных уровнях представляются достаточно **актуальными**.

Целью данного исследования является не только рассмотрение причин и сущности хулиганских посягательств, но также и меры, направленные на их предупреждение и предотвращение негативных последствий. Она реализуется через следующие **задачи**: а) раскрытие особенностей хулиганских эксцессов; б) оценка опасности негативных последствий подобных деяний; в) представление мер, направленных на предупреждение и предотвращение подобных посягательств с точки зрения действующей правовой культуры.

Объектом исследования является хулиганство в различных его проявлениях; **предметом изучения** представляются меры профилактики и нейтрализации вредных последствий соответствующих деяний.

Нормативно-правовая база исследования включает действующие редакции кодифицированных источников, регулирующих административную и уголовную отрасли права. **Историография** проблемы отражена в публикациях и работах Оганесяна Г. Ф. [4], Романовой А. С. [5], Суфияровой Р. З. [13]; диссертационных исследованиях Д. В. Тарасюка [12], Еркубаевой А. Ю. [8] и т. д.

В качестве **методологической основы** используются такие приемы, как синтез, анализ, статистика, обобщения, сравнение, прогнозирование.

Начнем исследование с этимологии самого понятия «хулиганство». Под ним понимают в общем значении любое грубое нарушение общественного порядка [1, ст. 213]. Такие эксцессы могут сопровождаться применением оружия или насилием. В эту группу включаются и акты вандализма, и оскорбительные выпады религиозного, национального или иного свойства и т. д. Следовательно, фактическими объектами посягательства в этих ситуациях становятся не только общественный порядок, но и здоровье и жизнь человека [2, с. 6]. При этом хулиганство все чаще попадает в категорию таких деяний, как простое убийство и покушение на него, умышленное причинение вреда здоровью, изнасилование или покушение на него и т. д.

Если подобное деяние сопровождается нецензурной бранью, грубым приставанием к гражданам, уничтожением или повреждением чужого имущества, то законодательство РФ расценивает подобные деяния, как «мелкое хулиганство» и рассматривает его как административное правонарушение [3, ст. 20.1]. Таким образом, критериями отнесения хулиганских посягательств к той или иной группе, являются степень общественной опасности и тяжесть наступивших последствий.

Интересно отметить тот факт, что само явление хулиганства имеет англо-американские корни и связано с борьбой индейских племен за свою независимость. Одно из них, как раз и имело идентичное наименование и отличалось упорством противодействия белым завоевателям.

В России «хулиганство» как юридический термин стал использоваться только в XIX веке.

В современном мире деяния, относящиеся к ука-

занной категории, фактически определяют картину всей зарегистрированной преступности, поскольку разнообразны не только способы совершения соответствующих эксцессов, но и объектный состав подобных деяний.

В любом случае все подобные примеры свидетельствуют о склонности личности к правовому нигилизму, сопровождающемуся отрицательным отношением к действующим нормам права или полным их игнорированием [4, с. 112–115].

При том, что с 2003 по 2018гг. по статистике правоохранительных органов отмечалось заметное снижение хулиганств с 4,13 % до 0,1 %, исследователи говорят о том, что люди не стали реже совершать подобные противоправные деяния, просто они все чаще переходят в разряд латентной преступности [5, с. 71].

Кроме того, отмечается ужесточение хулиганских деяний, т. к. для их реализации все чаще используется оружие различного вида. Опасность подобных преступных посягательств заключается еще и в том, что соответствующие действия отличаются непредсказуемостью, нехваткой или недостаточной выраженностью мотивации. Любые хулиганские действия могут вызывать опасение граждан за сохранение их прав и интересов любого характера [6, с. 384].

Особое влияние на складывание хулиганских посягательств оказывает окружающая обстановка. Как правило, стремление к подобным деяниям отмечается у лиц, родители или ближайшие друзья которых склонны к элементам асоциального или антисоциального поведения.

Экономические условия в государстве также способствовали всплеску соответствующих противоправных деяний, особенно в кругу подростков и молодежи до 24 лет. Дело в том, что родители или лица их заменяющие все чаще стали заниматься вопросами материального обеспечения семьи, осуществляя трудовые функции в двух-трех местах. При этом они полностью упускали проблему организации досуга своих детей. В результате многие из них становились легкой добычей для неблагонадежных элементов, использующих указанных лиц для совершения противоправных деяний с целью смягчения или исключения юридической ответственности по объективным или субъективным причинам.

При том, что в сложившейся обстановке многие семьи устранились от воспитания подрастающего поколения, данный недостаток не был в полной мере компенсирован образовательными учреждениями различных уровней, в которых на первый план выходило образование подопечных, но не работа над их морально-нравственным обликом.

Отмечается, что хулиганские посягательства, несмотря на обширность толкования уголовным законодательством РФ, на практике касаются определенных социальных групп, в частности, могут быть направлены на религиозные объединения, что имело место

в деятельности группы «Pussy Riot», участники которой предстали пред Хамовническим районным судом г. Москвы в 2012 г. [7, с. 27].

Тем не менее, исследования последних лет показывают все возрастающую жестокость и цинизм хулиганских посягательств, причем для правонарушителя становится безразличным возраст, пол и иные характеристики субъекта посягательства [8, с. 4].

Развитие научно-технического прогресса пополнило сферу хулиганских посягательств компьютерными преступлениями.

При том, что конституционные нормы гарантируют свободу мысли и слова, что подразумевает установление прав для граждан не только формировать свои идеи, но и выражать их; они также ограничивают их распространение, если это нарушает положения законов или подзаконных актов, и посягают на основы конституционного строя, нравственности, здоровья и иных объектов, составляющих круг элементов особого внимания и защиты общества и государства. При этом отмечается, что деяние может быть квалифицировано как административный проступок, если в нем не будут обнаружены признаки преступного посягательства [9, с. 300].

Однозначно компьютерные манипуляции переходят в разряд преступлений, если они имеют своей целью доведение лица до самоубийства или склонение его к подобному деянию (достаточно вспомнить в связи с этим деятельность таких виртуальных сообществ, вовлекающих подростков, как «Синий кит»; «Тихий дом» и т. д.); организация и проведение азартных игр; манипулирование рынком (в частности, связанным с торговлей валютой или ценными бумагами организаций или предприятий); поиск клиентов для производства и сбыта наркотических или психотропных веществ; публичные призывы к осуществлению террористических актов, их пропаганда или оправдание; размещение порнографических материалов, в т.ч. с вовлечением в их подготовку несовершеннолетних лиц; публичные призывы к осуществлению террористических актов; возбуждение ненависти или вражды различной природы, а также унижение человеческого достоинства и т. д. [10].

Даже власти развитых зарубежных стран прибегают к цензуре информации в электронных СМИ, в частности, если распространение посредством их использования информации негативно влияет на моральный облик детей либо нарушает права национальных меньшинств [11, с. 58].

Таким образом, технические средства в перечисленных фрагментах выступают катализатором, способствующим совершению уголовно-наказуемых деяний.

Учитывая подобные новации, специалисты предлагают и соответствующие меры предупреждения и профилактики актов хулиганства.

Прежде всего, необходимо заняться совершенствованием законодательной базы, регулирующей рассмо-

трение хулиганских посягательств в рамках административной или уголовной законодательных систем, в частности, продумать вопрос об ужесточении ответственности за соответствующие эксцессы.

Далее следует при выборе новых методов воздействия на хулиганство как социальное явление руководствоваться не только оценкой уже зарегистрированных эпизодов, но также и рассматривать психологические портреты лиц, не только их совершивших, но и склонных к асоциальному или антисоциальному типам поведения.

Необходимо также рассматривать обстановку формирования хулиганских наклонностей. Прежде всего, это предполагает характеристику социально-экономической среды, в которую включаются члены семьи, близкие друзья, одноклассники или однокурсники, коллеги в трудовых коллективах лиц, склонных к хулиганским наклонностям.

Нельзя при этом не учитывать и особенности жертв соответствующих противоправных деяний (их поло-возрастной состав, социальное положение, личностные особенности и т. д.). [12, с. 9–12].

Не лишним будет родителям контролировать социальные сети и электронные переписки своих детей, хотя не все специалисты однозначно поддерживают подобную «цензуру».

Среди противоправных деяний, совершаемых подростками, исследователи советуют повышенное внимание обращать на акты вандализма [13, с. 4]. Именно подобные деяния ассоциируются впоследствии с хулиганством, причинением побоев гражданам, умышленным причинением ущерба памятникам истории и культуры, экстремистскими выпадами и т. д. Отмечается, что лица, впервые совершившие посягательства, относящиеся к вандализму, уже к 21 году имеют сложившуюся преступную карьеру.

Вывод. Характеристика хулиганских посягательств показывает, что область их распространения достаточно обширна и включает в себя не только объекты окружающей действительности (предметы интерьера, городского и сельского благоустройства, государственное или частное имущество и т. д.), но также и собственно личность, здоровье и жизнь граждан.

В связи с подобным масштабом хулиганских эксцессов и все возрастающей степенью их общественной опасности специалисты рекомендуют введение комплексных мер предупреждения и профилактики в этой области, и начинать их уже в раннем возрасте, как на уровне семейного воспитания, так и в учреждениях образовательной системы, при этом обращая внимание на нравственный облик самих наставников.

Только при комплексном подходе в этой области можно в перспективе добиться существенных позитивных результатов.

Список источников

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022 г.) // СПС Консультант-Плюс.
2. Хуснуллина, Л. А. Уголовно-правовая характеристика хулиганства : выпускная квалификационная работа / Л. А. Хуснуллина ; Рос. гос. проф.-пед. ун-т, Ин-т гуманитар. и соц.-эконом. образования, Каф. права. Екатеринбург, 2017. 55 с. // [Электронный ресурс]: URL: elar.rsvpu.ru (дата обращения: 14.10.2022).
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022г.) // СПС КонсультантПлюс.
4. Оганесян Г. Ф. Хулиганство как социально-патологическое явление и меры по его предотвращению и совершенствованию законодательства. // [Электронный ресурс]: URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 14.10.2022).
5. Романова А. С. Характеристика современного состояния хулиганства // Сибирский юридический вестник, 2019, № 3(86).
6. Павлов О. П. Мотив в преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений // Бизнес в законе, № 1, 2009.
7. Кадуцкий П. А., Напольских И. М. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики хулиганства // Уголовное право и криминология, 2018, № 2.
8. Еркубаева А. Ю. Преступления, совершаемые из хулиганских побуждений, и их предупреждение // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Москва, 2015.
9. Аристов Е. В., Ларионова М. А. Конституционно-правовые ограничения свободы мысли и слова в интернете // Nomothetika : Философия. Социология. Право. 2020. Том 45 № 2. С. 299–306.
10. Ответственность за неправомерные действия в сети Интернет // [Электронный ресурс]: URL: 73. мвд.рф (дата обращения: 17.10.2022).
11. Лавров С. С. Свобода слова в сети Интернет // Научные записки молодых исследователей, № 2–3, 2013.
12. Тарасюк Д. В. Проблемы предупреждения хулиганства // Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2007.
13. Суфиярова Р. З. Профилактика вандального поведения подростков в условиях общеобразовательной школы (Выпускная квалифика-

ционная работа по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, профиль «Психология и социальная педагогика»). Пермь, 2016. https://vkr.pspu.ru/uploads/1949/Sufiyarova_vkr.pdf.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 24.09.2022) // SPS ConsultantPlus.
2. Khusnullina L. A. Criminal and legal characteristics of hooliganism : final qualifying work / L. A. Khusnullina ; Russian State Prof.-ped. un-t, In-t humanit. and social economy. education, Law Department. Yekaterinburg, 2017. 55 p. // [Electronic resource]: URL: elar.rsvpu.ru (accessed: 14.10.2022).
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 № 195-FZ (ed. dated September 24, 2022) // SPS ConsultantPlus.
4. Oganesyanyan G. F. Hooliganism as a socio-pathological phenomenon and measures to prevent it and improve legislation // [Electronic resource]: URL: cyberleninka.ru (accessed: 14.10.2022).
5. Romanova A. S. Characteristics of the current state of hooliganism // Siberian Legal Bulletin, 2019, № 3(86).
6. Pavlov O. P. Motive in crimes committed from hooligan motives // Business in Law, № 1, 2009.
7. Kadutsky P. A., Napolskikh I. M. Actual issues of criminal and legal characteristics of hooliganism // Criminal Law and Criminology, 2018, № 2.
8. Yerkubayeva A. Yu. Crimes committed from hooligan motives and their prevention // Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Specialty 12.00.08 — criminal law and criminology; penal enforcement law. Moscow, 2015.
9. Aristov E. V., Larionova M. A. Constitutional and legal restrictions on freedom of thought and speech on the Internet // Nomothetika : Philosophy. Sociology. Right. 2020. Volume 45. № 2. P. 299–306.
10. Responsibility for illegal actions on the Internet // [Electronic resource]: URL: 73. mvd.rf (accessed: 17.10.2022).
11. Lavrov S. S. Freedom of speech on the Internet // Scientific notes of young researchers, № 2–3, 2013.
12. Tarasyuk D. V. Problems of prevention of hooliganism // Abstract for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2007.
13. Sufiarova R. Z. Prevention of vandal behavior of adolescents in a secondary school (Final qualifying work in the direction of training 44.03.02 Psychological and pedagogical education, profile «Psychology and social pedagogy»). Perm, 2016. https://vkr.pspu.ru/uploads/1949/Sufiyarova_vkr.pdf.

Информация об авторе

Т. В. Цветикова — аспирантка III курса Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Information about the author

T. V. Tsvetikova — Postgraduate Student of the III course of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-228-234>

НИОН: 2003-0059-2/23-647

MOSURED: 77/27-003-2023-02-846

Партийные объединения в составе современного парламента (конституционно-правовой анализ)

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. В новейших условиях организация и деятельность институтов публичной власти в конституционном механизме демократического государства подчинена значительному влиянию «партийного» государства — политически институционализированной системы с ее базовым институтом — политическими партиями (партийной системой). Сложившаяся под воздействием данного фактора партийная система страны создает основу для формирования парламента, в определенной мере копирующего партийную структуру данной страны. Партийная (фракционная) структура современного парламента, или деление депутатов на фракции (партийные объединения), является титульной особенностью всех современных парламентов. Партийная структура парламента оказывает влияние на структурный состав самого парламента, его руководящие звенья; партийный состав парламента, предопределяет способы формирования парламентских комитетов (комиссий); фракции (партийные объединения) оказывают значительное влияние на организацию деятельности парламента, его функционирование и осуществляемые парламентские производства. Одновременно партийная (фракционная) структура парламента указывает на то, что в современных конституционных системах действует, можно сказать, принцип партийно-политического равновесия. Представлена характеристика влияния фракций на устройство и организацию деятельности парламента, сформулированы предложения по рационализации устройства палат Федерального Собрания — парламента России.

Ключевые слова: фракции, структурная организация парламента, партийный состав парламента, политические группы парламента Европейского Союза, фракции Государственной Думы Федерального Собрания, партийное представительство в Совете Федерации

Для цитирования: Червонюк В. И. Партийные объединения в составе современного парламента (конституционно-правовой анализ) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 228–234. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-228-234>.

Original article

Party associations in the modern Parliament (constitutional and legal analysis)

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. In the modern conditions, the organization and activity of public authorities in the constitutional mechanism of a democratic state is subordinated to a considerable influence of the «party» state — a politically institutionalized system with its basic institution — political parties (party system). The party system of the country formed under the influence of this factor, creates the basis for the formation of a parliament, to a certain extent copying the party structure of this country. The party (factional) structure of the modern parliament, or the division of deputies into factions (party associations), is the titular feature of all modern parliaments. The party structure of parliament influences the structural composition of parliament itself, its governing bodies; the party composition of the parliament determines the ways of forming parliamentary committees (commissions); factions (party associations) have a significant influence on the organization of the activities of parliament, its functioning and parliamentary proceedings. At the same time, the party (factional) structure of parliament indicates that in modern constitutional systems, the principle of party-political balance operates, one might say. The characteristic of factions influence on the structure and organization of the activities of

parliament is presented, proposals are formulated to rationalize the structure of the chambers of the Federal Assembly — the Parliament of Russia.

Keywords: fractions, structural organization of the Parliament, party composition of the parliament, political groups of the Parliament of the European Union, factions of the State Duma of the Federal Assembly, party representation in the Federation Council

For citation: Chervonyuk V. I. Party associations in the modern Parliament (constitutional and legal analysis). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):228–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-228-234>.

Демократическое устройство современных государств предполагает, что существующие партийные системы неизменно находят отражение (в буквальном смысле присутствуют) в организации парламента, его устройстве, в осуществляемых им производствах. Способ формирования состава современного парламента посредством демократических свободных выборов изначально предопределяет партийную принадлежность его депутатского корпуса. Вне зависимости от применяемого в той или иной стране типа (а в ее пределах — вида) избирательной системы выборы так или иначе происходят путем партийного представительства. В этой связи существующая в стране партийная система создает основу для формирования парламента, можно сказать, в определенной мере копирующего партийную структуру данной страны. Фактор нахождения (присутствия) в парламенте политических партий, формирование его депутатского корпуса на сугубо партийной основе, как представляется, является главным для понимания организации и функционирования парламента. При этом не меняет дела то обстоятельство, что в составе современных парламентов есть и так называемые независимые депутаты, поскольку существенного влияния на деятельность парламента, как показывает анализ проблемы, они не оказывают и составляют незначительную часть от общего (конституционного) состава парламента [1, с. 551; 2]. Существенными преимуществами перед независимыми депутатами обладают депутаты, представленные в парламенте от политических партий.

Следовательно, дифференциация состава парламента по партийной принадлежности входящих в него депутатов объективно задана и с этой точки зрения партийные объединения в составе парламента — вполне объяснимая конституционная реальность. Отсюда следует: свое воздействие на организацию и деятельность парламента политические партии оказывают через свои представительства в парламенте — фракции (партийные, депутатские объединения). Отмеченное указывает на то, что в структуре парламента партийные фракции — это важнейший компонент в организации легислатуры.

При этом, как следует из специальных исследований, характер влияния фракций на реализацию парла-

ментом его конституционных полномочий, осуществление парламентских производств, среди которых законодательное производство относится к числу приоритетных, определяется, в первую очередь, комплексом разнообразных факторов, к числу которых относятся: а) общее количество членов фракции; б) наличие устойчивой политической партии, стоящей за фракцией; в) наличие ярких и авторитетных парламентариев в составе фракции; г) уровень солидарности членов фракции во время голосования; д) число руководящих должностей в структуре палат парламента, закрепленных за членами фракции; е) характер взаимодействия с другими депутатскими объединениями, участием в коалициях; и) степень сотрудничества с исполнительными органами власти.

Фракционный состав парламента предполагает его структурирование, не совпадающее в том числе с принципом бикамерализма

Это группирование парламентариев по их принадлежности к тем или иным политическим партиям, прошедшим в парламент. Это также объединения парламентариев, прошедших в парламент хотя и не в составе партийных списков, но созданных на основе признаваемых ими в качестве солидаризирующих идей.

Фактор влияния политических партий на организацию законодательной власти настолько значительный, что уже на начальных этапах формирования парламента, вслед за принципом бикамерализма, в своей организации парламент подразделяется на два крупных подразделения, соответствующего по своему численному составу завоеванным той или иной политической силой мандатам в парламенте. Так, в Соединенном Королевстве Великобритании (гораздо в меньшей степени в странах, воспринявших Вестминстерскую модель правления), где достаточно давно сложилась классическая двухпартийная система (правда, в начале XXI в. эта традиция несколько дополнена новациями — появлением 2,5-партийных систем), функционируют две партийные силы — правительственное большинство (правящая партия) и «официальная оппозиция Ее величества» — партия, которая завоевала на очередных парламентских выборах меньшее количество мандатов по сравнению с правящей партией.

В ряде современных государств, в той или иной мере наследующих так называемую Вестминстерскую систему правления, парламенты устроены подобным образом. В частности, согласно Конституции Королевства Бутан, партия, обеспечившая на всеобщих выборах большинство мест в Национальной ассамблее, объявляется правящей партией, а вторая партия — партией оппозиции (п. 7 ст. 15) [3, с. 134]. Иногда национальные основные законы включают в нормативный текст рубрики, из которых прямо вытекает юридическое признание оппозиционной партии. Так, Конституция Федеративной Демократической Республики Непал содержит ст. 57А. «Оппозиционная партия», которая хотя и не содержит дефинитивной нормы, но тем не менее прямо указывает на легализацию оппозиционной партии [3, с. 564]. Понятие «оппозиционных Правительству политических партий» содержит Конституция Республики Сингапур от 3 июня 1959 г. (ст. 39) [4, с. 711]. В некоторых случаях рассматриваемое понятие можно вывести так называемым логическим путем — на основе уяснения действительного смысла конституционного положения или на основе взаимосвязанного толкования нескольких положений основного закона. К примеру, согласно Конституции Республики Кыргызстан, «фракция, имеющая более половины депутатских мандатов, или коалиция фракций... выдвигает кандидата на должность Премьер-министра» (ст. 84. 1) [3, с. 474]. Понятно, что Конституция данной страны признает существование фракции (коалиции фракций), имеющих меньшинство, или оппозицию в парламенте.

Что касается стран с многопартийными системами, каковых в мире подавляющее большинство, то здесь в парламенте имеет место представительство нескольких партий. Соответственно в парламентах стран Восточной Европы — Польши, Венгрии, Чехии, Словакии и др. создаются партийные фракции или группы, равно как и партийные клубы.

Влияние фракций на формирование парламента

Оказывая влияние на формирование парламента, партийные системы существенно влияют на внутреннюю организацию и деятельность парламента. При этом структурная организация парламента охватывает его руководящее звено, постоянные и временные органы парламента (его палат), создаваемые на партийной и внепартийной основе, единоначальные и коллегиальные структуры, создаваемые раздельно каждой из палат (в двухпалатном парламенте) или имеющих совместную природу и др. [5, с. 206; 6, с. 124; 7, с. 147] Соответственно, обобщенно влияние фракций на устройство парламента представлено в различных формах.

Во-первых, фракционная структура парламента оказывает влияние на структурный состав самого парламента, его руководящие звенья. По общему правилу, руководители фракций участвуют в руководя-

щих органах палаты. Соответственно руководящий орган палат парламента формируется в зависимости от партийного расклада в парламенте и в каждой из его палат. Председатель палаты парламента (спикер) — это всегда, как правило, лицо, являющееся лидером или представителем политической партии, представленной большинством в парламенте (коалиции победивших партий). Высший руководящий орган палаты формируется из числа представителей фракций. Представитель наиболее крупной фракции обычно избирается председателем палаты, а представители крупных партий занимают должности заместителей председателя. Кроме того, фракции, делят между собой посты заместителей председателя палаты, председателей постоянных (профильных) комитетов и комиссий. Причем эта договоренность оформляется, по общему правилу, «пакетным соглашением» после переговоров между различными фракциями, вслед за парламентскими выборами [8, с. 60–61].

В частности, в Парламенте Чехии создается руководящий коллегиальный орган палаты, каким в других странах выступает совет палаты, бюро или президиум. В его состав входят: председатель палаты, заместители председателя палаты и представители всех политических клубов на пропорциональной основе. Точно так же формирующийся в Парламенте Чехии «политический совет, являющийся неофициальным совещательным органом, воплощающим политическую самоорганизацию палаты» (собирается перед заседанием палаты, решает организационные вопросы, выясняет позиции клубов по рассматриваемым законопроектам), состоит из председателя палаты, его заместителей и представителей всех клубов, либо иных уполномоченных лиц [9, с. 71].

Подобный порядок формирования руководящих органов воспринят Государственной Думой Федерального Собрания РФ (ч. 2 ст. 13 Регламента Государственной Думы).

Во-вторых, партийный состав парламента предопределяет способы формирования парламентских комитетов (комиссий). Фракции имеют, как правило, пропорциональное от своей численности представительство в постоянных комиссиях палаты. Данное правило существует в ФРГ, Бельгии, Финляндии, Франции, Норвегии, Швейцарии, Швеции и др. Соответственно, комплектование состава парламентских комитетов осуществляется в соответствии с партийным составом палаты и с учетом численности фракций и групп и соотношения между ними в палатах, т. е. на основе системы пропорционального представительства партий. Таким образом, персональный состав парламентских комиссий (комитетов) адекватен партийно-политическому «раскладу» в самом парламенте. Соответственно, состав комиссий (комитетов) зеркально соответствует политическому составу пала-

ты (Франция, Дания и др.).

К примеру, в парламенте Чехии число комитетов и количество их членов устанавливаются палатой на первом пленарном заседании с учетом мнений политических клубов (18 — в нижней палате и 9 — в Сенате). Все они формируются по пропорциональному принципу в зависимости от численности политических клубов.

С некоторыми оговорками можно сказать, что парламентская комиссия (комитет) в миниатюре должна отображать сам парламент или его палаты. Именно это обстоятельство явилось основанием для предоставления постоянным комиссиям палат парламента Италии, «составленным таким образом, чтобы пропорционально отразить соотношение парламентских групп» (ч. 3 ст. 72 Конституции 1947 г.) [10, с. 309], постоянным комиссиям палат Генеральных кортесов (ст. 75 Конституции Испании 1978 г.) право принимать законы (кроме конституционных, избирательных, разрешающих ратификацию международных договоров, учреждающие бюджет, балансы расходных смет и законы об исполнении бюджета, а также о законодательном делегировании, о разрешении на ратификацию международных договоров).

В-третьих, кроме влияния на структурирование и состав парламента, фракции (партийные объединения) оказывают значительное влияние на организацию деятельности парламента, его функционирование и осуществляемые им парламентские производства. Это в особенности касается решения ключевых проблем парламентской деятельности: назначения на должность главы правительства; распределение парламентских «портфелей», т. е. назначение председателей парламентских комитетов (комиссий), а также их состава; принятие решения об инвеституре; принятие решения, связанного с одобрением (неодобрением) политики правительства (вынесение вотума недоверия, резолюции порицания), инициирование процедуры импичмента как в отношении главы государства, так и других должностных лиц; решение комплекса вопросов, связанных с собственно законодательной деятельностью, по своему характеру и значению не совпадающих с вопросами, решаемыми парламентскими комитетами (комиссиями). Как правило, распределение времени во время дебатов также зависит от принадлежности к фракции и от ее численного состава.

Фракционная структура характерна и для строения парламента в составе Европейского Союза. Фракции Европейского парламента — политические группы депутатов в Европейском парламенте (всего 751 в парламенте восьмого созыва). При этом объединение депутатов в группы происходит не по национальному признаку, а по их партийной принадлежности [11]. Фракция может быть формальным представительством общеевропейской партии (европейской партии)

в Парламенте. В других случаях она может быть коалицией из европейских партий, национальных партий и независимых политиков.

Согласно предпоследним парламентским выборам, состоявшимся в 2014 г., Парламент Евросоюза действующего, восьмого созыва, или «восьмой парламент (2014–2019 гг.) был представлен следующими фракциями: 1) «Европейская народная партия (ЕНП)» — альянс, включающий Европейскую народную партию (ЕНП), а также не являющейся общеевропейской Национальную партию; альянс располагает 221 мандатом в парламенте восьмого созыва (против 270 мандатов в парламенте 7-го созыва в 2009–2014 гг.); 2) «Прогрессивный альянс социалистов и демократов (С&Д)», представленный Партией европейских социалистов (ПЕС), а также не являющихся членами общеевропейской партии тремя национальными партиями; располагает 191 мандатом (против 190 мандатов в парламенте 7-го созыва). Это наиболее крупные альянсы в составе Европарламента. Кроме того, в его состав входят: 3) «Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР)» — альянс, располагающий в Парламенте ЕС 70-ю мандатами (против 53-х в парламенте 7-го созыва) и включающим такие партии, как Альянс европейских консерваторов и реформистов (АЕКР), Европейское христианское политическое движение (ЕХПД) и двух независимых депутатов; 4) «Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ)», состоящий из Европейской партии либеральных демократов и реформаторов (ЕЛДР) Европейской демократической партии (ЕДП) и 5 национальных партий, не являющихся членами общеевропейской; располагает 67-ю мандатами (против 85 в парламенте 7-го созыва); 5) «Европейские объединённые левые/Лево-зелёные Севера (ЕОЛ/ЛЗС)», включающие Европейских левых (ЕЛ) Северный альянс зелёных и левых (САЗЛ), а также 10 национальных партий, не являющихся членами общеевропейской; располагает 52 мандатами (в парламенте 7-го созыва 34 мандата); 6) альянс — «Зелёные – Европейский свободный альянс (Зелёные ЕСА)», включающий Европейскую партию и Европейскую партию зелёных (ЕПЗ), Европейский свободный альянс (ЕСА), а также 2 национальные партии, не являющиеся членами общеевропейской партии и 2 независимых депутатов: располагает 50 мандатами (против 59 в парламенте 7-го созыва); 7) альянс «Европа за свободу и прямую демократию (ЕСПД)» — включает Альянс за Прямую Демократию в Европе (АПДЕ) и 1 национальную партию, не являющуюся членом общеевропейской партии; располагает 48 мандатами (в парламенте 7-го созыва 34 мандата); 8) альянс «Независимые депутаты (НИ) Движение за Европу Наций и Свободы (ДЕНС), включающий 14 национальных партий и располагающий 52 мандатами (в парламенте 7-го созыва включал 12 национальных партий, завоевавших 29 мандатов).

Партийный (фракционный) состав Парламент Евросоюза действующего, девятого, созыва, или «девятый Парламент (2019–2024 гг.) представлен следующим образом: «Европейская народная партия» располагает 182 мандатами, «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» (Партия европейских социалистов) — 154, «Альянс либералов и демократов за Европу» — 108, «Зелёные – Европейский свободный альянс» — 74, «Партия идентичности и демократии» — 73, альянс «Европейские консерваторы и реформисты» — 62, альянс «Левые в Европейском парламенте» — 41, партии «Альянс за мир и свободу» и «Инициатива коммунистических и рабочих партий» — 57 мандатами [12; 13].

Партийные образования в составе российского парламента

В Российской Федерации, представленные в Государственной Думе Федерального Собрания депутатские объединения, обозначаются следующим образом: «фракции» и «депутатские группы» — в составе Палаты первого – четвертого созывов, «фракции» — в составе Палаты пятого и шестого созывов.

То обстоятельство, что Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривает, что «225 депутатов Государственной Думы избираются по одномандатным избирательным округам» (ч. 2 ст. 3), то есть вводит (точнее говоря, возвращает вновь) смешанную избирательную систему [14]¹, одновременно означает неизбежное появление в составе Государственной Думы Федерального Собрания седьмого созыва наряду с фракциями (парламентскими партиями) и депутатских объединений, не являющихся фракциями² (ранее именовавшихся депутатскими группами и представленные в основном так называемыми «независимыми» парламентариями). Примечательно, что уже в ч. 8 ст. 7.1. Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», введенной Федеральным законом от 12 мая 2009 г. № 94-ФЗ, было определено, что депутаты Государственной Думы, избранные в составе федерального списка кандидатов политической партии и не входящие во фракции в Государственной Думе, вправе образовывать депутатские объединения, не являющиеся фракциями. При этом действие данного положения распространя-

ется до дня истечения срока полномочий Государственной Думы Федерального Собрания РФ шестого созыва (ч. 8 ст. 71) [16]. Следовательно, создание депутатских объединений в составе Государственной Думы 7-го и 8-го созывов оказывается невозможным. Действующая редакция Регламента палаты (ст.ст. 16–18) оперирует исключительно понятием фракции.

В специальной литературе справедливо отмечается, что если формирование Государственной Думы политическими партиями является в какой-то мере устоявшейся практикой, применяемой в зарубежных странах, то влияние политических партий на верхнюю палату российского парламента — Совет Федерации — представляется в целом далеким от тех принципиальных позиций, которые сформулированы в Конституции Российской Федерации, прежде всего от принципов разделения властей, народовластия и свободы выборов [17, с. 12]³. Между тем в отличие от российского парламента, где в Совете Федерации нет партийных объединений и его организация основана на иных началах, во многих зарубежных странах (Италия, Испания, Польша, Франция) такие партийные формирования существуют. Обращается внимание, что в Палате лордов британского Парламента созданы и действуют три партийные объединения: консерваторов, лейбористов и либерал-демократов. В США — это сенатское большинство с лидером Сената и оппозиция, также имеющая своего лидера [8, с. 59–60].

Руководствуясь положениями статей 3, 10–11, 13, ч. 1 ст. 95 Конституции РФ, а также сформулированными в Федеральном законе от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» целями политических партий (ст. 4), логичным будет вывод о целесообразности формирования в составе Совета Федерации партийных групп (фракций и иных партийных объединений). Как представляется, реализация этой идеи согласуется с конституционной нормой о представительном характере законодательного органа страны (ч. 1 ст. 94 Конституции РФ), способствует развитию внутрипарламентской демократии и, в конечном счете, сориентирована на усиление эффективности деятельности федерального органа законодательной власти. Вопрос о том, как на это обстоятельство может повлиять назначение в состав Совета Федерации в соответствии с конституционными поправками 2020 г. не более 30 представителей Российской Федерации (п. «в» ч. 2 ст. 95 Конституции РФ), думается, требует специального анализа.

Вывод

Таким образом, особенность структурной организации современного парламента заключается в том,

¹ Согласно Регламенту Совета Федерации (ч. 3 ст. 4 в ред. постановления Совета Федерации от 18 июня 2008 г. № 223-СФ) «в Совете Федерации не допускается создание формализованных фракций, парламентских объединений, а также организация и ведение любой деятельности в интересах политических партий» [15, с. 8].

² В составе Государственной Думы Федерального Собрания 7 созыва был избран один так называемый неаффилированный депутат, в составе палаты восьмого созыва было избрано 2 депутата.

³ Присоединяясь к мнению других специалистов, Волкова Е. А. считает, что «нынешний Совет Федерации постепенно превращается «из палаты регионального представительства в палату представительства корпоративных интересов», и всё более теряет свой представительский характер».

что наряду с учреждением основных его подразделений, своего рода «рабочих» органов, именуемых парламентскими комитетами и/или комиссиями, а также руководящими органами (председатель палаты, совет, бюро, президиум палаты и др.) одновременно в структуре парламента создаются и такие объединения парламентариев, которые формируются исключительно на основе общей партийной принадлежности. С этой точки зрения в современных конституционных системах, можно сказать, действует принцип партийно-политического равновесия. В этой связи положение § 1 ст. 58 Конституции Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 г. о том, что «при формировании бюро и каждой комиссии обеспечивается, насколько возможно, пропорциональное представительство парламентских партий или блоков, которые состоят в соответствующей палате» [18, с. 256], является своего рода общим началом, характеризующим соотношение политических сил в современном парламенте.

Следовательно, фракционная структура парламента, или деление депутатов на фракции, можно сказать, является титульной особенностью всех современных парламентав.

Список источников

1. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М. : Издательская фирма «Манускрипт», 1996.
2. Червонюк В. И. Конституционное право зарубежных стран зарубежных стран : учеб. пособие / В. И. Червонюк, К. К. Гасанов М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
3. Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 2 : Средняя Азия и Индостан, 2010.
4. Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 3 : Дальний Восток, 2010.
5. Маклаков В. В. Конституционное право зарубежных стран. общая часть : [учеб. для студентов юрид. вузов и фак.] / В. В. Маклаков. М. : Волтерс Клувер, 2006.
6. Червонюк В. И. Законодательная власть в зарубежных странах : учебное пособие в 2 ч. Ч. 1. Организация законодательной власти. М. : Московский университет МВД России, 2009.
7. Чиркин В. Е. Законодательная власть в зарубежных странах. М. : Норма, 2009.
8. Чиркин В. Е. Верхняя палата современного парламента : сравнительно-правовое исследование / В. Е. Чиркин. М. : Норма, 2009.
9. Лазарева М. Н. Современный парламента Чехии / М. Н. Лазарева. Вологда, 2012.
10. Избранные конституции зарубежных стран : учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. Б. А. Страшун. М. : Издательство Юрайт ; ИД

Юрайт, 2013.

11. Европейский Союз : основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М. : ИНФРА-М, 2008.
12. ruwiki.press>pl/Frakcje_w_Parlamencie_Europejskim.
13. deru.abcdef.wiki>wiki/Liste_der_Mitglieder_des_9.
14. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. Ст. 345.
15. Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. М. : Издание Совета Федерации, 2014.
16. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изм. от 12 мая 2009 г. № 94-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2391.
17. Волкова Е. А. Конституционно-правовые аспекты участия политических партий в формировании и деятельности парламента России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
18. Конституции государств Америки : в 3 т. Т. 3 : Южная Америка.

References

1. Comparative constitutional law / ed. V. E. Chirkin. M. : Publishing company «Manuscript», 1996.
2. Chervonyuk V. I. Constitutional law of foreign countries of foreign countries : studies. manual / V. I. Chervonyuk, K. K. Hasanov M. : UNITY-DANA, 2015.
3. Constitutions of Asian states : in 3 vol. Vol. 2 : Central Asia and Hindustan, 2010.
4. Constitutions of Asian states : in 3 vol. Vol. 3 : Far East, 2010.
5. Maklakov V. V. Constitutional law foreign countries. general part : [studies. for law students. universities and fac.] / V. V. Maklakov. M. : Volters Kluver, 2006.
6. Chervonyuk V. I. Legislative power in foreign countries : textbook in 2 hours 1. Organization of legislative power. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009.
7. Chirkin V. E. Legislative power in foreign countries. Moscow: Norm, 2009.
8. Chirkin V. E. The upper chamber of the modern parliament : comparatively-legal research / V. E. Chirkin. M. : Norm, 2009.

9. Lazareva M. N. The Modern Parliament of the Czech Republic / M. N. Lazareva. Vologda, 2012.
10. Selected constitutions of foreign countries : studies. handbook for bachelors / ed. by B. A. Strashun. M. : Yurayt Publishing House ; Yurayt Publishing House, 2013.
11. European Union : fundamental acts in the edition of the Lisbon Treaty with comments. M. : INFRA-M, 2008.
12. ruwiki.press”pl/Frakcje_w_Parlamencie_Europejskim.
13. deru.abcdef.wiki>wiki/Liste_der_Mitglieder_des_9.
14. Federal Law № 20-FZ of February 22, 2014 «On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 8. Art. 345.
15. Regulations of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow : Edition of the Federation Council, 2014.
16. Federal Law № 3-FZ of May 8, 1994 «On the status of a Member of the Federation Council and the status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (with amendments. dated May 12, 2009 № 94-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 20. Art. 2391.
17. Volkova E. A. Constitutional and legal aspects of the participation of political parties in the formation and activity of the Parliament of Russia : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2011.
18. Constitutions of the States of America: in 3 vol. Vol. 3 : South America.

Информация об авторе

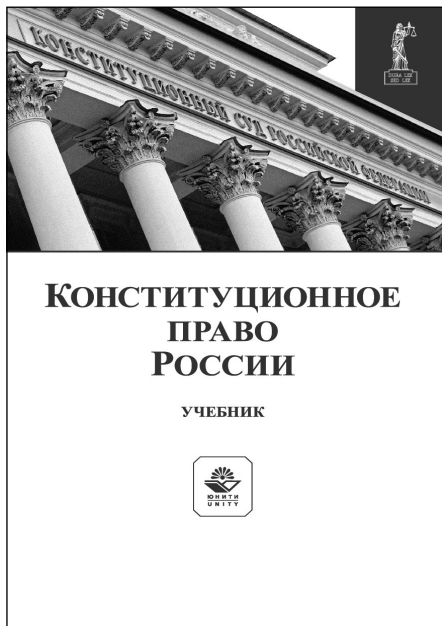
В. И. Червонюк — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 31.08.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 31.08.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 02.12.2022.

Конституционное право России. Учебник. Под науч. ред. Б. С. Эбзева, В. О. Лучина; под общ. ред. К. К. Гасанова, Л. Т. Чихладзе. 471 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 342.95

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-235-239>

НИОН: 2003-0059-2/23-648

MOSURED: 77/27-003-2023-02-847

Отказ от возмещения расходов на оплату услуг защитника в производстве по делам об административных правонарушениях

Виктор Сергеевич Черкасов

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, Владивосток, Россия,
viktor.kmsx@gmail.com

Аннотация. При разрешении вопроса о возмещении расходов на услуги защитника в судебной практике существует подход, согласно которому возбуждение и прекращение дела об административном правонарушении само по себе не является условием для признания административно-правового принуждения незаконным и не является основанием для последующего возмещения убытков. В статье рассматриваются предпосылки возникновения названной практики и вносятся предложения по приведению ее к единообразию.

Ключевые слова: административное правонарушение, защитник, представитель, процессуальные издержки, убытки, вред, расходы, право на защиту

Для цитирования: Черкасов В. С. Отказ от возмещения расходов на оплату услуг защитника в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 235–239. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-235-239>.

Original article

Refusal to reimburse the costs of paying for the services of a defender in proceedings on administrative offenses

Viktor S. Cherkasov

Vladivostok branch of the Far East Law Institute Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, viktor.kmsx@gmail.com

Abstract. When resolving the issue of reimbursement of expenses for the services of a defender in judicial practice, there is an approach according to which the initiation and termination of an administrative offense case in itself is not a condition for recognizing administrative and legal coercion as illegal and is not a basis for subsequent compensation for damages. The article examines the prerequisites for the emergence of this practice and makes proposals to bring judicial practice to uniformity.

Keywords: administrative offense, defender, representative, procedural costs, losses, harm, expenses, right to defense

For citation: Cherkasov V. S. Refusal to reimburse the costs of paying for the services of a defender in proceedings on administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):235–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-235-239>.

Органы публичной власти обладают монополией на применение мер государственного принуждения. Следует понимать, что при реализации государственного принуждения не исключены ошибки и злоупотребления. Поэтому в правовом государстве должны быть обеспечены соответствующие механизмы юридической защиты прав, свобод и интересов.

В России каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом

(ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Реализация, установленная законом механизмов защиты, может представлять определенную сложность для человека не обладающего юридическими знаниями и опытом. Поэтому гарантия права на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ), приобретает особое значение для обеспечения законности применения мер государственного принуждения.

Существенным условием реализации права на за-

© Черкасов В. С., 2023

щиту является обеспечение возможности возмещения убытков и вреда, которое лицо было вынуждено понести для защиты своих прав, свобод и интересов при привлечении к публичной юридической ответственности.

Право на защиту через доверенное лицо предусмотрено в сфере административно-правового принуждения (ст. 25.5 КоАП РФ). Однако, вопросы, связанные с расходами лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации не урегулированы, так как, исходя из статьи 24.7 КоАП РФ названные убытки не относятся к издержкам по делу об административном правонарушении.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 26 постановления от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснил, что в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица, оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании статей 15, 1069, 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу этого лица за счет средств соответствующей казны [1].

В силу статьи 15 ГК РФ расходы, которые лицо произвело для восстановления нарушенного права, относятся к реальному ущербу и возмещаются в составе убытков по требованию лица, право которого нарушено.

Исходя из изложенного, требование о возмещении расходов на оплату услуг защитника и иной вред причиненный лицу в рамках производства по делу об административном правонарушении рассматривается в рамках гражданского производства.

До 2018 года судебная практика по рассматриваемому вопросу являлась относительно системной и единообразной. Суды производили возмещение расходов на услуги защитника и иных издержек возникших в рамках производства по делу об административном правонарушении [2]. Подобная практика представляется справедливой и обоснованной, так как лицо, которое доказало, что в его отношении были незаконно и необоснованно применены меры административно-правового принуждения может рассчитывать на разумное возмещение убытков. Дальше в названном институте возмещения расходов и вреда начали происходить.

В настоящее время один из подходов в судебной практики отражает, что возбуждение и прекращение дела об административном правонарушении само по себе не является условием для признания административного преследования незаконным и не дает основания для последующего возмещения убытков. Так,

должностное лицо могло добросовестно заблуждаться в виновности, правомерно возбудить дело об административном правонарушении и соответственно в последующем правомерно его прекратить. Необходимо доказать заведомую (виновную) незаконность действий со стороны субъекта административной юрисдикции.

Одной из отправных точек для формирования и закрепления обозначенного подхода послужило Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 мая 2018 г. № 305-ЭС17-21628 по делу № А40-238974/2016 [3].

В названном деле заявитель обжаловал отказ суда в возмещении убытков и вреда, причинённых в результате незаконного привлечения к административной ответственности (ст. 12.21.1. КоАП РФ), в размере 339 442,35 рублей из которых 279 000 рублей — оплата услуг специализированной автостоянки, 60 000 рублей — оплата услуг представителя, 152 442,35 рублей — оплата услуг сторонних перевозчиков из-за вынужденного простоя транспортного средства. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила в пользу заявителя решение нижестоящего суда и направила дело на новое рассмотрение. В последующем суд первой инстанции полностью удовлетворил иск и взыскал убытки в полном размере.

На первый взгляд, решение выглядит разумным и справедливым, но описательно-мотивировочная часть только закрепила обозначенную проблемную судебную практику. Так, в решении указано, что «лицо, требующее возмещения вреда (убытков) согласно положениям статей 16, 1064, 1069 ГК РФ, должно доказать незаконность действия (бездействие) государственного органа (должностного лица); факт причинения вреда и его размер; причинно-следственную связь между причиненным вредом и незаконными действиями (бездействием) государственного органа (должностного лица); вину лица, причинившего вред — государственного органа (должностного лица)».

Отменяя решение нижестоящего суда, Судебная коллегия установила незаконное бездействие со стороны должностных лиц МВД России, которые продолжительное время не производили контрольное взвешивание, что привело к долгому нахождению автомобиля на штрафной стоянке.

В рамках рассматриваемой проблемы особый интерес представляет Постановлению Конституционного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 36-П [4].

Конституционный Суд РФ рассмотрел две аналогичные жалобы, где заявители просили проверить на соответствие Конституции РФ положения статей 15, 16, 1069, 1070 ГК РФ, а также ст. 24.7 КоАП РФ в той мере, какой они позволяют отказывать в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных убытков, вреда. По мнению заявителей все это нарушает право граждан на возмещение вреда, причиненного незакон-

ными действиями (бездействием) публичной власти, на доступ к правосудию, квалифицированной юридической помощи (статьи 18, 45, 46, 48, 53 Конституции РФ).

Конституционный Суд признал статьи 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ не противоречащими Конституции РФ. Исходя из этого, возыскание убытков должно происходить через механизм гражданско-правового деликта, когда нужно установить противоправность, вину, причинно-следственную связь и вред.

При этом Конституционный Суд РФ делает исключение из общего правила гражданско-правового деликта, указывая, что при разрешении вопроса о возмещении расходов возникших у лица при рассмотрении дела об административном правонарушении, в частности на услуги защитника, нет необходимости доказывать незаконность действий (бездействия) государственных органов или их должностных лиц или наличия вины должностных лиц в незаконном административном преследовании.

Конституционный суд РФ подчеркивает, что «характер расходов носит вынужденный характер». Применение иного механизма «приводило бы к нарушению баланса частных и публичных интересов, принципа справедливости при привлечении граждан к публичной юридической ответственности и противоречило бы статьям 2, 17, 19, 45, 46 и 53 Конституции РФ».

Названные решения высших судебных инстанций создали противоречия в судебной практике. В основном суды продолжают взыскивать с Российской Федерации убытки (расходы) понесенные при рассмотрении дела об административном правонарушении [5; 6; 7]. Однако, отказ от возмещения убытков, когда необходимо доказывать вину должностного лица, продолжает появляться в судебных решениях [8; 9; 10].

Так, в соответствии с Апелляционным определением Курского областного суда от 01 марта 2022 по делу № 2-4954/2015, 33-644/2022 [11] В отношении М. было прекращено производство по делу об административном правонарушении, предусмотренного ч. 2 ст. 13.19.2. КоАП РФ в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности. Интересы М. по делу представляли два защитника, адвокаты коллегии «Финашкин и партнеры».

Далее М. обратился с гражданским иском о возыскании расходов на услуги защитника в размере 12 000 рублей, компенсации морального вреда в размере 5 000 рублей. Суд первой инстанции, отказал в удовлетворении заявленных исковых требований. При этом суд исходил из того, что «само по себе прекращение производства по делу об административном правонарушении в отношении истца в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности не свидетельствует о незаконности действий должностного лица, при том, что истечение такого срока не связано с действиями (бездействием) ответчика». Апелляционный суд оставил жалобу без

удовлетворения.

Формирование подобной практики основывается на противоречивости Постановления Конституционного Суда РФ №36-П. Следует согласиться с мнением А. А. Маркеловой о том, что «сначала Конституционный Суд подтверждает свои же позиции о том, что (1) расходы на оплату труда представителя — это вид убытков, (2) для возмещения убытков в соответствии со ст. 16, 1069 и даже ст. 1070 ГК РФ недостаточно прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения, а нужна дополнительная незаконность; но затем указывает, что (3) эти же статьи предполагают возмещение судебных расходов на основании самого по себе факта прекращения дела. Но ст. 16, 1069 и 1070 ГК РФ не предусматривают никакой дифференциации в основаниях возмещения вреда применительно к различным видам убытков. Для гражданского права эти расходы являются такими же убытками, как и остальные» [12].

Представляется, что отказ государства от возмещения расходов, которые лицо было вынуждено понести для защиты своих прав, свобод и интересов при производстве по делу об административном правонарушении является недопустимым, так как это ограничивает доступ к квалифицированной юридической помощи и справедливому судебному разбирательству.

Рассматривая возмещение убытков по делу об административном правонарушении с точки зрения гражданско-правового деликта (ст. 1069, 1070 ГК РФ), гражданскому истцу необходимо доказать вину государственного органа (должностного лица), причинно-следственную связь между действиями и наступившими последствиями. В данном случае бремя доказывания ложится на лицо, которое было вынуждено прибегнуть к расходам для защиты своих прав, свобод и интересов при применении административно-правового принуждения.

Сущность подобного подхода необходимо подвергнуть критике. Во-первых, стороны в публично-правовых отношениях не равны. Юридические и физические лица обязаны вступать в правоотношения с государством в сфере публичной юридической ответственности. Во-вторых, само по себе участие в названных публичных правоотношениях наносит вред привычному укладу жизни, деловому обороту субъектов правоотношений, так как необходимо производить определенные действия, тратить время и финансы для того, чтобы доказать незаконность и необоснованность применения государственного принуждения.

Исходя из изложенного, допустимо предположить, что при разрешении вопросов о возмещении убытков и вреда в гражданском производстве разумным и справедливым будет перенести бремя доказывания законности и обоснованности привлечения к публичной юридической ответственности на сторону государства, что будет стимулировать правомерное поведение всех участников правоотношений.

Для приведения судебной практики по возмещению убытков понесенных по делу об административном правонарушении к единообразию необходимо в ст. 24.7. КоАП РФ внести дополнительный вид издержек в виде расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, понесенных лицом, в отношении которого дело было прекращено на основании п. 1 или 2 ч. 1 ст. 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП Российской Федерации (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановления, решение по результатам рассмотрения жалобы).

В этом случае возникнет необходимость делить основания прекращения производства дела об административном правонарушении на реабилитирующие и нереабилитирующие по аналогии с уголовно-процессуальным правом.

В качестве примера, к нереабилитирующим основаниям следует относить прекращение дела об административном правонарушении в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Так, если лицо, в отношении которого дело было прекращено по истечению сроков давности, считает, что дело изначально было возбуждено неправомочно, то может потребовать не прекращать дело по названному основанию, а рассмотреть его по существу, чтобы основание изменилось на реабилитирующее.

Подобные изменения будут соответствовать концепции добросовестного заблуждения должностных лиц, изложенных в решениях высших судебных инстанций Российской Федерации, позволят соблюсти баланс между частными и публичными интересами и существенно расширить доступ к правосудию.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. 19 апреля.
2. Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода № 2-1466/ 2016 от 21 апреля 2016 года [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.09.2022).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 мая 2018 г. № 305-ЭС17-21628 по делу № А40-238974/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда от 15 июля 2020 г. №36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи

61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона «О полиции»» // Собрание законодательства РФ. 2020. 20 июля.

5. Решение Свердловского районного суда города Костромы от 23 марта 2022 г. по делу № 2-1143/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Муромского городского суда Владимирской области от 27 декабря 2021 г. по делу № 2-1885/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Курского областного суда от 10 февраля 2022 г. по делу № 33-336/2022, 2-846/5-2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 03 августа 2022 г. по делу № 2-5069/2021, 33-2509/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Ковылкинского районного суда Республики Мордовия от 14 июня 2022 г. по делу № 2-308/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Рыбинского городского суда Ярославской области от 14 июля 2022 г. по делу № 2-2699/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное определение Курского областного суда от 01 марта 2022 г. по делу № 2-4954/2015, 33-644/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Маркелова А. А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 в контексте Постановления КС РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 5–33.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 5 dated March 24, 2005 «On some issues arising in courts when Applying the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2005. April 19.
2. The decision of the Oktyabrsky District Court of Belgorod № 2-1466/ 2016 dated April 21, 2016 [Electronic resource] // URL: <https://sudact.ru> (accessed: 02.09.2022).
3. The ruling of the Judicial Board for Economic

- Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 18, 2018 № 305-ES17-21628 in case № А40-238974/2016 // The document was not published. Access from the SPS «ConsultantPlus».
4. Resolution of the Constitutional Court of July 15, 2020 № 36-П «On the Case of Checking the Constitutionality of Articles 15, 16, Part One of Article 151, Articles 1069 and 1070 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 61 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1, 2 and 3 of Article 24.7, Articles 28.1 and 28.2 The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, as well as Article 13 of the Federal Law «On Police» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. July 20.
 5. The decision of the Sverdlovsk District Court of the city of Kostroma dated March 23, 2022 in case № 2-1143/2022 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
 6. The decision of the Murom City Court of the Vladimir region of December 27, 2021 in case No. 2-1885/2021 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
 7. Appeal ruling of the Kursk Regional Court of February 10, 2022 in case № 33-336/2022, 2-846/5-2020 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
 8. Appeal ruling of the Lipetsk Regional Court dated August 03, 2022 in case № 2-5069/2021, 33-2509/2022 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
 9. Decision of the Kovylninsky District Court of the Republic of Mordovia dated June 14, 2022 in case № 2-308/2022 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
 10. Decision of the Rybinsk City Court of the Yaroslavl region of July 14, 2022 in case № 2-2699/2022 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
 11. Appeal ruling of the Kursk Regional Court dated March 01, 2022 in case № 2-4954/2015, 33-644/2022 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
 12. Markelova A. A. On the issue of compensation for damage caused by erroneous administrative coercion. Comment to the Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.05.2018 № 305-ES17-21628 in the context of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.07.2020 № 36-П // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 2. P. 5–33.

Информация об авторе

В. С. Черкасов — преподаватель кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. S. Cherkasov — Lecturer of the Department of Operational-investigative and Administrative Activities of the Vladivostok branch of the Far East Law Institute Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 34.343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-240-243>

НИОН: 2003-0059-2/23-649

MOSURED: 77/27-003-2023-02-848

Способы присвоения или растраты наркотических средств и психотропных веществ как формы их хищения

Любовь Евгеньевна Чистова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tchistova-lubov@yandex.ru

Аннотация. Анализируется разновидность хищения наркотических средств и психотропных веществ, совершаемая путем растраты или присвоения. Подробно рассмотрены способы незаконных действий, обращено внимание на их полноструктурный характер.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, присвоение, растрата

Для цитирования: Чистова Л. Е. Способы присвоения или растраты наркотических средств и психотропных веществ как формы их хищения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 240–243. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-240-243>.

Original article

Methods of misappropriation or embezzlement of narcotic drugs and psychotropic substances as a form of their theft

Lyubov E. Chistova

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tchistova-lubov@yandex.ru

Abstract. A variety of theft of narcotic drugs and psychotropic substances committed by embezzlement or misappropriation is being analyzed. The ways of illegal actions are considered in detail, attention is paid to their full-structural nature.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, misappropriation, embezzlement

For citation: Chistova L. E. Methods of misappropriation or embezzlement of narcotic drugs and psychotropic substances as a form of their theft. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):240–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-240-243>.

Одной из разновидностей хищения наркотических средств или психотропных веществ является хищение с использованием своего служебного положения. В связи с этим, близкими по характеру совершения противоправных действий являются присвоение или растрата.

Отличительный признак данной формы хищения от остальных состоит во вверенности имущества виновному лицу (в данном случае наркотических средств или психотропных веществ). Вверенность имущества означает, что оно до совершения противоправных действий находилось в правомерном владении виновного. Причем виновное лицо наделено в отношении этих средств или веществ определенными правомочиями, вытекающими из правомерного владения.

Таким образом, для того, чтобы наркотические средства или психотропные вещества были признаны вверенными виновному, должны быть соблюдены следующие условия:

- Наркотические средства и психотропные вещества должны находиться в фактическом обладании или ведении виновного.
- Наркотические средства и психотропные вещества должны быть вверены виновному на правовом основании (согласно занимаемой должности, на основании трудовых соглашений, по специальному поручению и т. д.). Все эти условия должны быть оформлены письменно.
- В отношении вверенных наркотических средств и психотропных веществ виновное лицо долж-

© Чистова Л. Е., 2023

но быть наделено определенными полномочиями, например, распоряжения, управления, хранения, доставки, пользования, извлечения полезных свойств и т. д.

Что касается способов совершения хищения рассматриваемых средств и веществ в такой форме, они «зависят от характера и условий деятельности предприятия, его структуры, технологического процесса, системы учета, организации контроля» [2].

Исходя из этого, расхитители наркотических средств и психотропных веществ могут завладеть ими непосредственно, а могут создавать различные замаскированные схемы своих незаконных действий с тем, чтобы затруднить не только их обнаружение, но и те следы, которые могут свидетельствовать об использованном способе их преступного изъятия.

При первом, наиболее простом способе, материально-ответственные лица присваивают или растачивают находящуюся в их распоряжении наркотикосодержащую продукцию, не совершая действий, направленных на сокрытие или маскировку недостачи, рассчитывая на то, что она не будет обнаружена, или надеясь покрыть недостачу в будущем. Например, медсестра, из вверенных ей наркотикосодержащих лекарственных препаратов похитила одну-две ампулы. При этом она надеялась заменить их другими лекарственными средствами. Или же, в период уборки урожая наркотикосодержащих растений заведующий током или хранилищем продает часть собранного урожая, не приходя его. Но такой вариант возможен, если заведующий током или хранилищем состоит в сговоре с шофером и комбайнером.

Главным признаком такого хищения будет недостача наркотикосодержащей продукции.

Хищения таким способом совершаются эпизодически и постоянного характера не имеют.

Вторая группа способов является самыми опасными и труднораскрываемыми. Как правило, таким способам растраты и присвоения предшествует создание излишков наркотикосодержащей продукции. Способы создания таких излишков зависят от этапов прохождения наркотикосодержащей продукции, начиная с их уборки на полях и до производства готовых наркотикосодержащих лекарственных средств.

На сельскохозяйственных предприятиях создание излишков наркотикосодержащей продукции происходит, в основном, во-первых, за счет неиспользованной естественной убыли, предоставляемой на покрытие возможных недостач в пути следования с полей сбора урожая этих растений до самих предприятий.

В данном случае естественная убыль может представлять потери наркотикосодержащей продукции, образующейся в результате ее усушки, выветривания, раструски, распыла и т. д. во время доставки к месту назначения.

Во-вторых, создание излишков наркотикосодержащей продукции может происходить за счет заниже-

ния количества собранного урожая.

В-третьих, за счет выписывания бестоварных накладных на отпуск собранного урожая наркотикосодержащей продукции на различные склады, базы, предприятия и т. д.

В-четвертых, путем занижения сортности наркотикосодержащей продукции в накладных и других бухгалтерских документах.

В-пятых, посредством вуалирования записей на бухгалтерских счетах при отпуске наркотикосодержащей продукции по фальсифицированным накладным.

В-шестых, вуалированием записей об отпуске наркотикосодержащей продукции сельскохозяйственным предприятием различным базам, складам, предприятиям, занимающихся изготовлением наркотикосодержащих лекарственных препаратов и другой наркотикосодержащей продукции, когда при выписке накладных указывают действительное количество наркотикосодержащей продукции.

Данный способ хищения наркотикосодержащей продукции возможен только тогда, когда кладовщики и счетные работники сельскохозяйственных предприятий вступают в сговор с материально-ответственными лицами и счетными работниками-получателями. В данном случае получатели полученную наркотикосодержащую продукцию не приходят и деньги за нее не перечисляют. Сельскохозяйственное предприятие, в свою очередь, отпущенную продукцию записывает на различные счета: кредиторской задолженности и т. д., т. е. маскирует проведенную операцию.

В стадии производства продукции, в т. ч. и наркотикосодержащих лекарственных средств, существуют свои способы создания излишков продукции.

С. В. Субачев и Э. В. Третьяков называют способы присвоения и растраты, используемые расхитителями, применительно к общей сфере товарно-материального производства: «нарушение технологии процесса изготовления продукции; выведение из действия контрольно-измерительных приборов; изменение количества и качества используемого в производственном процессе сырья и полуфабрикатов; умышленное создание пересортицы готовой продукции или неверную ее отбраковку» [1, с. 223].

Но такие способы хищений характерны и на уникальных предприятиях, занимающихся производством и изготовлением наркотических средств и психотропных веществ.

В медицинских лечебных учреждениях характерны следующие способы хищений наркотических средств и психотропных веществ:

- списание наркотикосодержащих лекарственных препаратов на лечение больных, которым они не показаны. Данный способ создания излишков наркотических средств и психотропных веществ может сопровождаться подлогом в документах: постановкой ложных диагнозов онкологических заболеваний в истории болезни и др.;

- выдача больным вместо показанных наркотикосодержащих лекарственных препаратов других, не содержащих наркотические средства и психотропные вещества;
- незаконное списание наркотикосодержащих лекарственных препаратов на умерших больных, находившихся на лечении в больнице, до отправления трупа в морг или выдачи родственникам умершего;
- незаконное списание наркотикосодержащих лекарственных препаратов на больных, находившихся на лечении в больнице, но уже выписавшихся и не нуждающихся уже в таких лекарствах;
- создание излишков наркотикосодержащих лекарственных препаратов путем уменьшения дозы инъекции больным;
- выкачивание из ампулы, после ее вскрытия, наркотикосодержащего лекарственного препарата, заполнение этой ампулы водой для инъекций, обезболивающими средствами и другими лекарствами, не являющимися наркотикосодержащими, с последующим запаиванием ампулы;
- незаконное выписывание врачом рецептов на наркотикосодержащие лекарственные препараты вымышленным лицам;
- неполное оприходование поступающих наркотикосодержащих лекарственных средств в лечебное учреждение или его отделения.

Медсестра И., работая в должности старшей медсестры хирургического отделения городской больницы и являясь материально-ответственным лицом, используя свое служебное положение, систематически похищала вверенные ей наркотикосодержащие лекарственные препараты, а именно — ампулы с омнопном, путем неполного оприходования их в журналах получаемых ею наркотикосодержащих лекарственных препаратов. Свои преступные действия скрывала путем фиктивного их списания, внося ложные сведения в книгу учета наркотических лекарственных средств (Уголовное дело 2-15. Архив Мосгорсуда).

Довольно часто такие преступления совершаются в сговоре медицинскими сестрами, лечащими врачами, заведующими отделений. Свои преступные действия они тщательно маскируют, что создает значительные трудности в раскрытии и расследовании преступлений.

Хищения в аптечных учреждениях совершаются следующими способами:

- недовложение наркотических средств или психотропных веществ в лекарства, изготавливаемые непосредственно в аптеках;
- замены наркотических средств или психотропных веществ другими компонентами;
- составления фиктивных документов на отпуск в другие медицинские учреждения;
- отпуска больным в меньших количествах, чем

указано в рецептах врачей;

- составления фиктивных рецептов (на поддельных или похищенных бланках) на несуществующих больных, на лиц, которым не предписано медицинское потребление наркотикосодержащих лекарственных препаратов или тех, кто уже получил эти лекарства;
- исправления количества выписанных наркотикосодержащих препаратов в рецептах на большее, после отпуска больным;
- использования поддельных рецептов;
- путем занижения количества поступивших наркотикосодержащих лекарственных препаратов с баз, складов и т. д.;
- составления акта о разбитых в пути следования ампулах;
- списания наркотикосодержащих лекарственных препаратов, нормативный срок годности которых еще не истек.

В случаях сговора материально-ответственных лиц аптек с материально-ответственными лицами фармацевтических предприятий, баз, складов и других организаций возможен способ хищения наркотикосодержащей продукции путем совершения бестоварных операций. При этом материально-ответственное лицо фармацевтического предприятия, базы, склада и т. д. выписывает бестоварную накладную на отпуск наркотикосодержащей продукции, а материально-ответственное лицо аптек — на их оприходование. Образовавшаяся недостача, как правило, скрывают за счет подлога в учетных документах.

Помимо рассмотренных способов хищения наркотических средств и психотропных веществ на фармацевтических предприятиях, складах, базах используют и другие способы. В частности:

- обвешивание при отпуске сырья или полуфабрикатов наркотических средств или психотропных веществ со склада готовой продукции для аптечного склада, базы;
- неполное оприходование поступивших на склад полуфабрикатов;
- недовложение наркотических средств и психотропных веществ при расфасовке;
- изъятие части наркотических средств или психотропных веществ при их перевозке;
- списание на не проводившиеся повторные анализы (или завышение их фактического использования);
- фиктивное списание на бой ампул или истечения срока их годности;
- использование отходов с завышенным содержанием наркотических средств или психотропных веществ.

Хищение наркотических средств или психотропных веществ является полноструктурным способом.

Поскольку в одиночку завуалированными способами совершить хищение наркотических средств

или психотропных веществ довольно сложно, то на стадии подготовки к совершению преступления подбираются члены преступной группы, распределяются между ними роли, моделируется способ хищения и уже на подготовительной стадии рассматриваются варианты сокрытия хищения. В некоторых случаях, вносятся изменения в учетно-отчетную систему.

Список источников

1. Субачев С. В., Третьяков Э. В. Особенности раскрытия хищений в форме присвоения и растраты вверенного имущества // Общество и право. 2008. № 1 (19).

2. Яворский М. А., Тукмаков В. П. Проблемы расследования присвоения и растраты // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58–6. С. 79–82.

References

1. Subachev S. V., Tretyakov E. V. Features of disclosure of theft in the form of misappropriation and embezzlement of entrusted property // Society and Law. 2008. № 1 (19).
2. Yavorsky M. A., Tukmakov V. P. Problems of investigation of misappropriation and embezzlement // Trends in the development of science and education. 2020. № 58–6. P. 79–82.

Информация об авторе

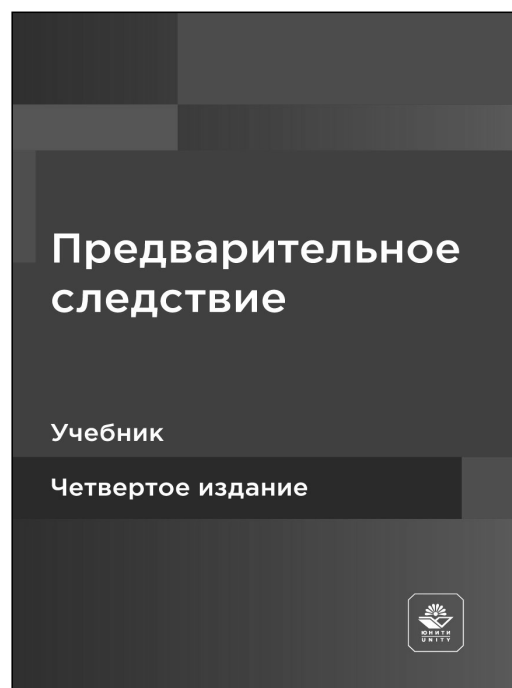
Л. Е. Чистова — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. E. Chistova — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 13.02.2023.

Предварительное следствие. Под ред. Д. А. Иванова, А. С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-244-249>

НИОН: 2003-0059-2/23-650

MOSURED: 77/27-003-2023-02-849

Гарантия защиты прав и реализация обязанностей в Российской Федерации медицинских работников

Артур Аликович Шакиров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Artch.mur@yandex.ru

Аннотация. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что одной из актуальных проблем незащищенности медицинских работников в современной России является проблема высоких рисков личной безопасности при выполнении медицинскими работниками своих профессиональных функций. Резонансных случаев нападения асоциальных или дезориентированных пациентов в современной России становится все больше, в практике встречаются случаи нападений на медицинских работников, нанесения им оскорблений и угроз в их адрес. Поскольку в силу необходимости выполнения профессиональных обязанностей медицинские работники практически не могут избежать случаев нахождения в месте оказания помощи таким пациентам (осуществлять охрану жизни и здоровья граждан медики обязаны практически в любых ситуациях), они должны быть обеспечены действенными мерами защиты. Однако, в качестве специальной категории работников, нуждающихся в особых мерах личной безопасности при выполнении профессиональных обязанностей, медицинские работники законодательством не выделены.

Ключевые слова: медицинский работник, медицинские организации, медицинская помощь, гарантия защиты прав, фармацевтические организации, страхования профессиональных рисков, врачебная тайна, профессиональная этика

Для цитирования: Шакиров А. А. Гарантия защиты прав и реализация обязанностей в Российской Федерации медицинских работников // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 244–249. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-244-249>.

Original article

Guarantee of protection of rights and realization of obligations in the Russian Federation of medical workers

Artur A. Shakirov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
Artch.mur@yandex.ru

Abstract. The study allows us to conclude that one of the urgent problems of insecurity of medical workers in modern Russia is the problem of high risks to personal safety when medical workers perform their professional functions. Resonant cases of attacks by antisocial or disoriented patients in modern Russia is becoming more and more, in practice there are cases of attacks on medical workers, insults and threats against them. Since, due to the need to perform professional duties, medical workers practically cannot avoid cases of being in the place of care for such patients (doctors are obliged to protect the life and health of citizens in almost all situations), they should be provided with effective protective measures. However, as a special category of workers who need special measures of personal safety in the performance of professional duties, medical workers are not singled out by law.

Keywords: medical worker, medical organizations, medical care, guarantee of protection of rights, pharmaceutical organizations, insurance of professional risks, medical secrecy, professional ethics

For citation: Shakirov A. A. Guarantee of protection of rights and realization of obligations in the Russian Federation of medical workers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):244–249. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-244-249>.

© Шакиров А. А., 2023

Ст. 45 Конституции Российской Федерации к числу гарантированных прав граждан отнесена государственная защита прав и свобод. Медицинские работники пользуются конституционными гарантиями защиты в полной мере [1]. Гарантии прав и свобод, гарантии защиты прав и свобод субъекта представляют собой условия, средства и меры, направленные на практическую реализацию этих прав, их охрану и защиту.

Рассматривая вопросы государственных гарантий защиты прав медицинских работников, необходимо обратиться к ст. 72 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3].

Данной нормой зафиксировано право медицинских работников на основные гарантии. Лексическая точность словосочетания «права на гарантии» вызывает сомнение, поскольку в соответствии с правовой доктриной субъектам гражданских прав либо предоставляются сами права, либо гарантируются законом какие-то иные значимые условия, обстоятельства и прочие объекты.

Государственные гарантии защиты прав медицинских работников могут носить экономический, юридический и организационный характер. Экономические гарантии обеспечиваются финансирование медицинских организаций на выплату заработных плат и стимулирующих доходов медицинским работникам. Стабильность выплаты заработной платы медицинским работникам во многом является гарантией реализации большого числа их прав и свобод, но и эффективного функционирования системы здравоохранения и оказания медицинской помощи населению в целом. Медицинские работники и медицинские организации являются двумя независимыми друг от друга экономически сторонами.

Юридические гарантии защиты прав медицинских работников связаны с эффективной работой тех органов, деятельность которых призвана защищать права и свободы медицинских работников. К таким гарантиям можно отнести открытость судебных процессов, право на бесплатную помощь адвоката, возможность обжалования решений медицинской организации в уполномоченных инстанциях и проч.

Организационные гарантии защиты прав медицинских работников заключаются в обеспечении соблюдения заявленных условий труда, соблюдении режимов труда и отдыха и т. д.

Сотрудники медицинских организаций на основании общего трудового законодательства имеют права, гарантированные государством любому работнику. Помимо этого, для медицинских работников предусмотрены гарантии и компенсации, зафиксированные в трудовом законодательстве и иных нормативных актах [2, с. 12].

Трудовое право Российской Федерации определяет законные основания для работников всех сфер де-

ятельности и отраслей экономики реализации охраны и защиты их прав, справедливого отношения государства и работодателей к сотрудникам организаций всех сфер деятельности и форм собственности. Нормативно закреплены также гарантии государственной защиты прав работников и их правового статуса в области трудовых отношений. В соответствии с содержанием ст. 352 Трудового кодекса Российской Федерации, работники собственные права в сфере трудовой деятельности могут защищать любыми способами, которые не имеют законодательных ограничений. Названные гарантии трудовых прав медицинских работников можно считать общими гарантиями, характерными для работников любых профессий и организаций.

Вместе с тем, в отношении медицинских работников трудовым законодательством, подзаконными нормативными актами, принимаемыми в соответствии с трудовым законодательством, предусмотрены дополнительные гарантии, так называемые специальные. Специальные законодательные гарантии, предусмотренные в отношении медицинских работников, фиксируют предоставление последним сокращенного рабочего времени, дополнительных оплачиваемых отпусков (для отдельных категорий медицинских работников), предоставление возможности ранее установленного срока выхода на пенсию (льготный пенсионный возраст) и некоторых других.

К специальным гарантиям, предоставляемым медицинским работникам, отнести необходимо также предоставление им возможности образования некоммерческих профессиональных организаций и общественных объединений. В числе гарантий медицинским работникам предусмотрен также комплекс расширенных прав на социальную поддержку и на реализацию механизмов правовой защиты.

Согласно положениями ст. 76 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские работники, работники фармацевтических организаций на добровольных началах могут принимать участие в создании и работе некоммерческих учреждений, работающих с целью охраны и защиты прав медицинских работников, работников фармацевтической отрасли. Такие объединения могут иметь цели развития медицинской и фармацевтической деятельности, цели содействия проведению научных исследований в отрасли медицины и фармацевтики, а также решения других задач, сопряженных с профессиональной работой медиков и фармацевтов.

Значимость работы организаций такого рода заключается в том, что результаты их деятельности обеспечивают совершенствование правил и норм труда, принятых в медицинской сфере, способствуют установлению оптимальных порядков оказания медицинской помощи, разработке клинических рекомендаций и протоколов лечения по различным заболеваниям, по вопросам оказания медицинской помощи. Вне со-

мнений тот факт, что, осуществляя взаимодействие в рамках профессиональных некоммерческих организаций, медицинские работники не только получают опыт клинической практики, способствуют развитию медицины как сферы социальных услуг и как науки, но и получают более широкие возможности реализации своих прав и их защиты.

Значимым аспектом в рассматриваемом вопросе является работа созданного в 2010 году в Российской Федерации некоммерческого партнерства Национальной медицинской палаты (НМП). Одной из основных задач деятельности НМП признается совершенствование законодательства, регулирующего медицинскую деятельность в соответствии с интересами медицинских работников (равно как и интересами пациентов), создание эффективной системы правовой защиты медицинских работников, в т. ч. развитие института независимой оценки качества оказания медицинской помощи, системы третейских судов, системы страхования профессиональных рисков, системы саморегулирования в профессиональной деятельности на принципах обязательного членства в медицинских объединениях, а также представление интересов медицинских работников – физических лиц, участвующих в Палате, перед государством и обществом.

НМП принимает на себя также решение задач по регулированию этических аспектов деятельности медицинских работников при обращении с пациентами, юридическими лицами и иными субъектами профессиональных отношений.

В отношении гарантий защиты прав медицинских служащих следует отметить такую важную правовую коллизию, как неудачность формулировки одной из норм ст. 72 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», закрепляющей права медицинских работников. В п. 1 ст. 72 названного закона сказано: «Медицинские работники и фармацевтические работники имеют право на основные гарантии».

Таким образом, гарантии защиты прав медицинских работников мало чем отличаются от гарантий их соблюдения иных субъектов права. Государственные гарантии защиты прав медицинских работников могут носить экономический, юридический и организационный характер. К специально установленным в отношении медицинских работников юридическим гарантиям прав и обязанностей принято относить предоставление им возможности на объединение в профессиональные организации, деятельность которых носит некоммерческий характер. Относится к институту юридических гарантий прав и обязанностей медицинских работников также и комплекс подкрепленных нормативными документами прав, предполагающих правовую защиту и социальную поддержку медицинских работников.

Словосочетание «права на гарантии», зафиксированное в ст. 72 Федерального закона от 21 ноября 2011

г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», следует признать неудачной формулировкой, поскольку в соответствии с правовой доктриной субъектам гражданских прав, либо предоставляются сами права, либо гарантируются законом какие-то иные значимые условия, обстоятельства и прочие объекты.

Обеспечение реализации медицинскими работниками своих обязанностей подкреплено нормативными, подзаконными и локальными актами, положения которых фиксируют порядок целенаправленных действий медицинских работников, определенных действий медицинских организаций при помощи правовых, т. е. не запрещенных законодательно, средств.

Важнейшими элементами правового положения медицинских работников признаются их юридические обязанности, определяющие вид и меру должного, требуемого поведения. В основе обязанности лежит юридически закреплённая необходимость такого поведения. Реализация медицинскими работниками своих обязанностей находит отражение в действующей нормативно-правовой базе, нормативных и подзаконных актах, которые закрепляют не только порядок реализации обязанностей, но и особенности юридической ответственности за нарушение установленных законодательно норм.

Реализация обязанностей медицинских работников осуществляется непосредственно в процессе выполнения ими трудовых функций, деятельности по оказанию медицинской помощи. Правовой способ реализации обязанностей медицинских работников — это порядок целенаправленных их действий, а также действий медицинских организаций по претворению в жизнь обязанностей при помощи правовых средств.

Реализация медицинскими работниками своих обязанностей предполагает осуществление определенных действий или отказ (воздержание) от осуществления действий. Так, медицинские работники обязаны совершать определенные действия — соблюдая положения должностных инструкций, рекомендаций Министерства здравоохранения России, оказывать медицинскую помощь пациентам, совершенствовать профессиональные навыки и знания, назначать пациентам лекарственные препараты и проч.

Особенностью данной формы реализации обязанностей медицинских работников является не только нормативное предписание правовых норм, но и то, что медицинские работники, вне зависимости от собственного желания, должны совершать активные действия, предусмотренные содержанием правовых норм. В данной ситуации имеет место реализация обязывающих норм права. Побудительные мотивы совершения таких действий могут быть различными – от осознания своего общественного долга как медицинского работника, до страха возникновения неблагоприятных последствий по причине нарушения правовых норм и желания получения определенных выгод, материаль-

ного и морального поощрения.

Исполнение обязанности медицинского работника соблюдать врачебную тайну, т.е. не разглашать сведения о пациенте и состоянии его здоровья и иные сведения, эту тайну составляющие, также является формой реализации обязанностей медицинского работника, исполнения которых выражается в бездействии, невыполнении запрещенных законом действий.

Практическое использование юридических обязанностей и коррелирующих с ними прав, исполнение предписанных норм права претворяются в жизнь посредством действия самих субъектов. Однако, для полного осуществления правовых норм требуется вмешательство компетентных органов в целях применения правовых норм как особой формы реализации права. Так для того, чтобы начать трудиться в медицинской организации, работнику необходимо трудоустроиться, но для этого уполномоченными структурами медицинской организации необходимо издать приказ о приеме сотрудника на работу.

Особая форма реализации прав и обязанностей медицинских работников, связанная с деятельностью уполномоченных должностных лиц и органов власти — применение норм права. Применение норм права обеспечивает стабильность функционирования общественных отношений вообще и обеспечивает действие реализации юридических обязанностей медицинских работников в частности, осуществление контроля уполномоченных органов за исполнением предписанных норм, соблюдением прав и исполнением обязанностей субъектов.

Правоприменительная деятельность в целях обеспечения реализации медицинскими работниками их обязанностей возникает как необходимость содействия компетентного органа реализации юридических обязанностей субъектов, когда имеются препятствия для достижения этих обязанностей, стоит задача необходимости оценки меры юридического взыскания к лицу, совершившему правонарушение, стоит задача разрешения конфликта между сторонами, требуется установить наличие или отсутствие конкретных фактов, квалифицировать юридически значимые действия.

Правоприменительная деятельность осуществляется исключительно компетентными органами. Она всегда связана с решением конкретного дела, жизненного случая и носит индивидуальный характер, а осуществляться должно в четкой процессуальной форме в рамках полномочий, предоставленных соответствующим субъектам.

В отношении тех обязанностей, которые вытекают из трудовой деятельности медицинского работника, выполнения его профессиональных функций в рамках работы в медицинской организации, нормативно зафиксированы возможности урегулирования взаимоотношений с помощью подписания индивидуальных трудовых соглашений или коллективных трудовых

договоров [6, с. 153]. Подобные соглашения фиксируют трудовые, гражданские права медицинских работников, иные субъективные условия выполнения медицинскими работниками трудовых функций, включая особенности их формирования и изменения, а также сопряженные с этими правами обязанности. С другой стороны, трудовыми соглашениями устанавливаются противопоставляемые правам медицинских работников обязанности их работодателей (медицинских организаций) и сопряженные с ними права последних. Составление трудовых договоров осуществляется в рамках нормативных документов и, в определенной степени, может допускать включение в них положений, позволяющих усмотрение субъектов договора.

Помимо собственно трудового договора, существуют другие документы, определяющие условия реализации обязанностей медицинских работников, как то, устанавливающие гибкий график, доплаты по различным основаниям при выполнении определенных обязанностей, документы, определяющие трудовой распорядок в конкретной организации, фиксирующие трудовые функции конкретных работников и т. д.

В отношении взаимодействия медицинского работника и пациента, реализация обязанностей обеих сторон также может быть воплощена в содержании договора, в случае предоставления платных медицинских услуг в рамках частной медицинской практики. В этом случае регулирование обязанностей медицинских работников осуществляется нормами договорного права.

Рассматривая подробнее особенности реализации обязанностей медицинских работников, зафиксированные нормами Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», можно отметить следующее. Обязанности соблюдения медицинским работником принципов медицинской деонтологии сомнений не вызывает, поскольку обусловлено спецификой профессии — взаимодействие врача и пациента предполагают отношения, построение которых опирается на высокий уровень доверия, отношения, затрагивающие важнейшие права человека на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность. Возможности привлечения медицинских работников к ответственности за нарушение норм профессиональной этики носят скорее оценочный характер. Нарушение медицинским работником общеустановленных норм поведения, как то, проявление грубости, использование нецензурных выражений, может стать основанием для привлечения его, как минимум, к ответственности дисциплинарной.

Обязанности медицинских работников, связанные с сохранением врачебной тайны, обеспечиваются применением норм юридической ответственности к тем лицам, которые разглашение такой тайны допустили. В этом случае в отношении медицинских работников возможно применение мер ответственности дисциплинарной.

плинарной, материальной, административной и уголовной.

Непрерывная актуализация профессиональных знаний — еще одна важная обязанность медицинских работников, соблюдение которой зафиксировано в законе. Реализация данной обязанности осуществляется посредством активных действий по прохождению медицинскими работниками курсов дополнительного образования, повышения квалификации в образовательных и научных организациях. Правовое обеспечение указанного процесса обеспечивается содержанием Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 3 августа 2012 г. № 66н «Об утверждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путем обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях» [4].

Обязанности соблюдения правил обращения лекарственных средств заключаются в назначении препаратов и выписывании их строго на рецептурных бланках (за исключением тех, что отпускаются без рецепта). Реализуются данные обязанности в строгом соответствии с положениями Приказа Минздравсоцразвития России от 12 февраля 2007 г. № 110 «О порядке назначения и выписывания лекарственных препаратов, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания» [5].

Обязанность сотрудников медицинских организаций информировать уполномоченных субъектов об абсолютном количестве возникающих ситуаций проявления побочных действий лекарственных препаратов и всех вариантах их проявления, никак не отмеченных в инструкциях по применению лекарственных средств и медицинских препаратов, о нежелательных реакциях, имеющих серьезное влияние на организм пациента, о внезапных нежелательных реакциях, зафиксирована нормой ч. 3 ст. 64 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [7]. В той же норме отмечено, что информирование уполномоченных субъектов медицинскими работниками должно осуществляться и в том случае, если они отмечают неспецифичные особенности взаимодействия фармацевтических препаратов и лекарственных средств, которые были обнаружены в процессе проведения медицинских исследований и при приеме препаратов.

Такая же обязанность установлена при выявлении побочных действий, не указанных в инструкции по применению или руководстве по эксплуатации медицинского изделия, о нежелательных реакциях при его применении, об особенностях взаимодействия медицинских изделий между собой, о фактах и об обстоятельствах, создающих угрозу жизни и здоровью граждан и медицинских работников при применении и эксплуатации медицинских изделий.

Ч. 3 ст. 96 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» также фиксирует подобное обязательство медицинских работников — при наблюдении побочных реакций, которые не указаны в инструкциях по применению медицинских изделий, в руководствах по использованию и эксплуатации медицинских изделий, о наблюдающихся нежелательных реакциях организма пациента, отмечаемых при использовании медицинских изделий, о специфичных особенностях взаимодействия между собой медицинских изделий при совместном их использовании, о любых возникновении условиях, угрожающих или создающих опасность для жизни и здоровья пациентов, и медицинских работников, либо аналогичных обстоятельствах, возникающих при использовании изделий медицинского назначения.

Таким образом, правовые основы обеспечения реализации медицинскими работниками своих обязанностей фиксируются в различных нормативных, подзаконных и локальных актах и воплощаются в качестве определенного порядка целенаправленных действий определенных медицинских организаций при помощи правовых, т.е. не запрещенных законодательно, средств.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 2020. № 4.
2. Кудыкин М. Н. и др. Гражданские и правовые аспекты защиты деятельности медицинских работников и пациентов в России / М. Н. Кудыкин, М. Н. Фомичев, Р. А. Дерябин, Г. Е. Шейко // Медицинское право. 2017. № 5.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 03 августа 2012 г. № 66н «Об утверждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путем обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях» // Российская газета. 2012. № 215.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 февраля 2007 г. № 110 «О порядке назначения и выписывания лекарственных препаратов, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания» (ред. от 26.02.2013) // Российская газета. 2007. № 100.

6. Сидоров Г. А., Симонян Р. З. Права медицинских работников в сфере трудовых правоотношений : особенности заключение трудового договора с медицинскими работниками // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3 (часть 1).
7. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. 16. Ст. 1815.
4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 3.08.2012 № 66n «On Approval of the Procedure and Terms for Improving Professional Knowledge and Skills by Medical Workers and Pharmacists through Training in Additional Professional Educational Programs in Educational and Scientific Organizations» // Rossiyskaya Gazeta. 2012. № 215.
5. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of February 12, 2007 № 110 «On the procedure for prescribing and prescribing medicines, medical products and specialized products of therapeutic nutrition» (as amended on 26.02.2013) // Rossiyskaya Gazeta. 2007. № 100.

References

1. Constitution of the Russian Federation (accepted by the national vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 4.
2. Kudykin M. N. et al. Civil and legal aspects of the protection of the activities of medical workers and patients in Russia / M. N. Kudykin, M. N. Fomichev, R. A. Deryabin, G. E. Sheiko // Medical law. 2017. № 5.
3. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation : federal law of November 21, 2011 No. 323-FZ (red. of July 31, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Art. 6724.
6. Sidorov G. A., Simonyan R. Z. The rights of medical workers in the field of labor legal relations: features of the conclusion of an employment contract with medical workers // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 3 (part 1).
7. Federal Law of April 12, 2010 № 61-FZ «On the Circulation of Medicines» (red. from 13.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. 16. Art. 1815.

Информация об авторе

А. А. Шакиров — соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Shakirov — Applicant to the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-250-252>

НИОН: 2003-0059-2/23-651

MOSURED: 77/27-003-2023-02-850

Анализ киберпреступности в период пандемии

Найля Рашидовна Шевко¹, Сергей Яковлевич Казанцев², Елена Эдуардовна Турутина³

^{1,3} Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия

² Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

¹ mos_shev@mail.ru

² kaz_s@mail.ru

³ eturutina@list.ru

Аннотация. Всемирная пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала не только возможности удаленного взаимодействия при помощи современных информационных технологий, но и остро обозначила вопросы обеспечения кибербезопасности — защиты данных, технологий, аппаратных средств от злоумышленников. Пандемийные ограничения способствовали переходу большинства предприятий и организаций на удаленную работу, что повлекло за собой резкий рост киберпреступности. В данной статье анализируются наиболее распространенные в этот период преступные схемы, ущерб от них, а также затраты компаний на обеспечение киберзащиты.

Ключевые слова: киберпространство, пандемия, цифровизация, киберпреступность, кибермошенничество, кибербезопасность, интернет-преступления, киберзащита

Для цитирования: Шевко Н. Р., Казанцев С. Я., Турутина Е. Э. Анализ киберпреступности в период пандемии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 250–252. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-250-252>.

Original article

Analyzing cybercrime during a pandemic

Nailya R. Shevko¹, Sergei Ya. Kazantsev², Elena E. Turutina³

^{1,3} Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russia

² Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

¹ mos_shev@mail.ru

² kaz_s@mail.ru

³ eturutina@list.ru

Abstract. The global COVID-19 pandemic has clearly demonstrated not only the possibilities of remote interaction using modern information technologies, but also sharply outlined the issues of ensuring cybersecurity — protecting data, technology, and hardware from intruders. Pandemic restrictions have contributed to the transition of most businesses and organizations to work remotely, which has led to a sharp increase in cybercrime. In this article the most common criminal schemes during this period, the damage from them, as well as the costs of companies to ensure cyber defense are being analyzed.

Keywords: cyberspace, pandemic, digitalization, cybercrime, cyberfraud, cybersecurity, internet crime, cyber defense

For citation: Shevko N. R., Kazantsev S. Ya., Turutina E. E. Analyzing cybercrime during a pandemic. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):250–252. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-250-252>.

Развитие и внедрение информационных технологий во все процессы жизнедеятельности людей, цифровизация современного общества, к сожалению, не

только положительно отразились на жизни человека, но и создали дополнительную угрозу информационной безопасности, стали еще одним действенным ору-

© Шевко Н. Р., Казанцев С. Я., Турутина Е. Э., 2023

жием в руках злоумышленников. О существовании не только потенциальных, но и реальных угроз кибербезопасности человечество узнало практически одновременно с внедрением компьютерных технологий. Однако пандемия 2020 года усилила это действие. Она показала что, с одной стороны, современные информационные технологии позволили в большинстве случаев не прекращать рабочий цикл предприятия и организации. Объединение (в том числе беспроводное) компьютеров в сети позволило обеспечить дистанционно бесперебойную работу практически всех направлений социально-экономической сферы. С другой стороны, коммуникация посредством киберпространства вносит свои коррективы в обычные, казалось бы, действия. Во главу угла была поставлена кибербезопасность. Киберпреступники воспользовались пандемией COVID-19 и ростом удаленной работы, атакуя как технические, так и социальные уязвимости. Этот исторический рост киберпреступности привел небывалому скачку разнообразия новых преступных схем: от финансового мошенничества с использованием стимулирующих фондов до всплеска фишинговых схем и бот-трафика на фоне растущей волны программ-вымогателей и атак на цепочки поставок программного обеспечения. При этом выросли масштабы и сложность угроз. Причем на международном уровне.

Вопросам исследования кибербезопасности и последствий от этих нарушений сейчас уделяется особое внимание. Так, согласно отчету одной из американских телекоммуникационных компаний [1], крупнейшего поставщика услуг беспроводной связи, компании Verizon, на основе анализа около 30 тыс. инцидентов, зарегистрированных за прошлый год, более 5 тыс. — это подтвержденные утечки данных в 16 различных отраслях четырех регионов мира. Из этих нарушений 86 % были финансово мотивированы. Главным приоритетом в области безопасности является защита конфиденциальных данных.

Согласно отчету ФБР о преступлениях в Интернете Центр жалоб на интернет-преступления (IC3) получил почти на 70 % жалоб больше по сравнению с 2019 годом. Всего было получено около 800 тыс. жалоб, а убытки превысили более \$4 млрд. Самыми дорогостоящими атаками являются схемы компрометации деловой электронной почты (BEC): всего было подано порядка 20 тыс. жалоб и убытков порядка \$ 2 млрд. К сентябрю 2020 года средний размер выкупа достиг пика почти в \$ 200 тыс. долларов, причем подавляющее большинство (86 %) вредоносных программ уникальны для одного ПК, а количество фишинговых атак с января по февраль 2020 года выросло в 5 раз. Фишинг и другие формы социальной инженерии, когда преступники нацелены на людей, а не на технические уязвимости, остаются проверенным методом атаки. По данным IC3 ФБР, по состоянию на 2020 год фишинг является наиболее распространенной атакой киберпреступников. В 2020 году ключевыми фактора-

ми фишинга и мошенничества были COVID-19, удаленная работа и технологии. В 2020 году было создано почти 7 млн. новых фишинговых и мошеннических страниц, при этом наибольшее количество новых фишинговых и мошеннических сайтов за один месяц составило более 200 тыс.

В этот период получили широкое распространение такие темы, как ковид, пандемия, подарочные карты, выигрыши, игровые взломщики. В тройку наиболее уязвимых для фишинговых атак отраслей вошли технологии, торговля и финансы. Среди стран, где чаще всего совершались мошенничества, лидируют США, затем Россия и Британские Виргинские острова. Самым популярным почтовым сервисом, используемым для фишинговых наборов, был Gmail.

Неудивительно, что с ростом числа фишинговых атак безопасность электронной почты была признана лучшим проектом в области ИТ-безопасности в 2021 году.

Следующим, получившим наибольшее распространение в сети нарушением можно назвать DDoS-атаки посредством ботнетов. Дело в том, что киберпреступные группы используют ботнеты — автоматизированные наборы скомпрометированных устройств, подключенных к сети, — для нарушения целей с помощью распределенных атак типа «отказ в обслуживании» (DDoS) или повышения эффективности других действий. Это включает в себя рассылку больших объемов спама, масштабную кражу учетных данных или слежку за людьми и организациями.

Ботнеты были проблемой в течение последних нескольких лет, и она становится все хуже. Многие устройства Интернета вещей (IoT) имеют мало или совсем не имеют функций безопасности, и организации часто не следуют рекомендациям по снижению рисков компрометации устройства, тем более, что число сотрудников компаний, работающих удаленно выросло в 3,5 раза — с 20 % до 70 % по всему миру.

Трафик вредоносных ботов составил более 25 % всего трафика веб-сайта в 2020 году, что на 6 % больше, чем в предыдущем году. На долю продвинутых постоянных ботов (APB) в 2020 году приходилось почти 60 % трафика плохих ботов. Это указывает на то, что киберпреступники становятся все более изощренными в использовании ботнетов. Чаще всего трафик вредоносных ботнетов встречается в следующих отраслях:

- 1) интернет-провайдеры и телекоммуникации (46 %) и информационные технологии (41 %). Как правило, это либо захват аккаунта, либо парсинг, в том числе конкурентных цен;
- 2) спортивные каналы (34 %). Здесь интересуются коэффициентами ставок и данными о счете;
- 3) новостные каналы (33 %). Чаще всего встречается мошенничество с рекламой, парсинг пользовательского контента и помещение спама в комментариях;
- 4) бизнес-услуги (30 %) — сбор данных, захват ак-

каунта, атаки.

В каждом третьем случае боты представлялись мобильными пользовательскими агентами. Рост трафика и, соответственно, объемов передачи данных по телекоммуникационным каналам связи повлек всплеск кибермошенничества. По оценкам экспертов, убытки от киберпреступлений в 2020 году во всем мире составили \$1 трлн. При этом атаки со стороны программ-вымогателей участились почти на 40 %, в 6 раз увеличилось число атак вредоносных программ на электронную почту, зафиксирован и рост числа целевых клиентов кибератак (почти на 60 %), удвоился и самый высокий выкуп заложников от программ-вымогателей и достиг \$10 млн, что, безусловно, скоординировало затраты компаний на кибербезопасность, защиту данных в сети и предъявило новые требования

к обеспечению информационной, экономической и национальной безопасности.

Список источников

1. Verizon Communications [Электронный ресурс] // Официальный сайт Verizon Communications. Режим доступа: <https://www.verizon.com/business/?cmp=vcgref> (дата обращения: 08.12.2022).

References

1. Verizon Communications [Elektronnyy resurs] // Official website Verizon Communications — Access mode: <https://www.verizon.com/business/?cmp=vcgref> (Date of reference: 08.12.2022).

Информация об авторах

Н. Р. Шевко — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент, кандидат экономических наук;

С. Я. Казанцев — профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, профессор, доктор педагогических наук;

Е. Э. Турутина — доцент кафедры правовой информатики, информационного права и естественно научных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

N. R. Shevko — Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences;

S. Ya. Kazantsev — Professor of the Department of Criminalistics of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences;

E. E. Turutina — Associate Professor of the Department of Legal Informatics, Information Law and Natural Science Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 10.03.2023.

Научная статья
УДК 338.24:004
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-253-255>
НИОН: 2003-0059-2/23-652
MOSURED: 77/27-003-2023-02-851

Развитие сетевых механизмов мониторинга закупочных операций как подсистемы цифровой экономики с учетом приоритетов экономической безопасности

Владимир Иванович Абрамов

Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия
vladimir.abramow@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы развития мониторинга закупочных процедур хозяйствующих субъектов и органов государственного управления в закупочной сфере с учетом приоритетов экономической безопасности.

Ключевые слова: экономика, закупочные операции, управление, экономическая безопасность, информационная система

Благодарности: статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00351 А.

Для цитирования: Абрамов В. И. Развитие сетевых механизмов мониторинга закупочных операций как подсистемы цифровой экономики с учетом приоритетов экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 253–255. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-253-255>.

Original article

Development of network mechanisms for monitoring procurement operations as a subsystem of the digital economy taking into account the priorities of economic security

Vladimir I. Abramov

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
vladimir.abramow@gmail.com

Abstract. The problems of development of monitoring of procurement procedures of economic entities and government bodies in the procurement sector are considered, taking into account the priorities of economic security.

Keywords: economics, procurement operations, management, economic security, information system

Acknowledgements: the article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-010-00351 А.

For citation: Abramov V. I. Development of network mechanisms for monitoring procurement operations as a subsystem of the digital economy taking into account the priorities of economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):253–255. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-253-255>.

Достижение межкорпоративной многоуровневой легитимности управления является необходимым условием нормального функционирования экономики путем развития финансового мониторинга и контроля [1; 2].

Для обеспечения стабильности развития национальной закупочной системы России необходимо создание благоприятных условий для эффективного

функционирования межкорпоративной цифровой среды распределенных закупочных процедур хозяйствующих субъектов и органов государственного управления [3; 4; 5].

Сетизация и цифровизация закупочно-логистического пространства экономики России будет способствовать закреплению правоохранительных и контролирующих органов в системе глобальных за-

купочно-логистических связей предпринимательских структур, расширению спектра организационно-информационных платформ цифровой поддержки соответствующих закупочных процедур, внедрения организационно-информационных подсистем в правоохранительных и контролирующих органах.

Реализация основных направлений функционирования межкорпоративной цифровой среды распределенных закупочных процедур хозяйствующих субъектов и органов государственного управления должна осуществляться путем создания специализированных контролирующих подразделений (например, в МВД России), занимающихся вопросами развития мониторинга закупочных процедур хозяйствующих субъектов и органов государственного управления в закупочной сфере.

Органы государственного управления могут оказать существенную поддержку операторам таких систем в их модернизационных инициативах в области развития межкорпоративной цифровой среды распределенных закупочных процедур хозяйствующих субъектов и органов государственного управления.

В России набирают силу процессы естественной дифференциации все усложняющегося пространства организационно-информационных платформ цифровой поддержки соответствующих закупочных процедур [6].

Ключевое место в закупочной суперсистеме и вообще в инфраструктуре рынков, в частности, занимают электронные торговые площадки. Как, своего рода, сетевые узлы, закупочные электронные торговые площадки исторически опираются на информационные системы.

Поэтому необходима такая модель интегрированной инфраструктуры интеллектуального управления бизнес-процессами в закупочной сфере, в которой бы все институты работали на общую цель развития легитимности этой деятельности.

Целям совершенствования организационно-управляющих и информационно-управляющих элементов в отношении закупочной сферы России отвечает встроенность информационных элементов мониторинга закупочных институтов в специализированные контролируемые подразделения (например, в МВД России) в отношении закупочной сферы.

Вопросы, связанные с организацией или ликвидацией организационно-информационных платформ цифровой поддержки закупочных процедур, изменением режима их функционирования, наиболее эффективно можно решать при формировании координирующего органа при Правительстве России.

Необходимо стремиться, чтобы сетизация закупочно-логистического пространства экономики Рос-

сии органично вливались в объединенную систему цифровой экономики на основе интеграции имеющихся управленческих возможностей.

Список источников

1. Абрамов В. И., Григорьев В. В., Логинов Е. Л. Цифровые технологии обеспечения экономической безопасности в бюджетной сфере в условиях системных криминально-коррупционных проявлений. М. : МГИМО (У) МИД России, 2021. 220 с.
2. Агеев А. И. Криптовалюты, рынки и институты // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 1 (151). С. 94–107.
3. Дубровин С. В., Глушков А. И., Казанцев С. Я., Дубровин И. С., Розина В. С., Эриашвили Н. Д. Основы теории криминалистической верификации // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 150–157.
4. Маилян С. С., Эриашвили Н. Д. О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 399–402.
5. Райков А. Н. Цифровая экономика : уязвимость к сетевым атакам и возможности обеспечения устойчивости управления // Проблемы рыночной экономики. 2017. № 4. С. 4–10.
6. Шкута А. А. Искусственный интеллект в органах государственного управления // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 5 (109). С. 24–29.

References

1. Abramov V. I., Grigoriev V. V., Loginov E. L. Digital technologies for ensuring economic security in the public sector in the context of systemic criminal and corruption manifestations. M. : MGIMO (U) MFA of Russia, 2021. 220 p.
2. Ageev A. I. Cryptocurrencies, markets and institutions // Economic strategies. 2018. V. 20. № 1 (151). P. 94–107.
3. Dubrovin S. V., Glushkov A. I., Kazantsev S. Ya., Dubrovin I. S., Rozina V. S., Eriashvili N. D. Fundamentals of the theory of forensic verification // Public service and personnel. 2022. № 3. P. 150–157.
4. Mailyan S. S., Eriashvili N. D. On the admissibility of the inclusion of digital law in the system of law and law enforcement in the Russian Federation //

Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. P. 399–402.

5. Raikov A. N. Digital economy : vulnerability to network attacks and possibilities for ensuring

management sustainability // Problems of the Market Economy. 2017. № 4. P. 4–10.

6. Shkuta A. A. Artificial intelligence in public administration // Public service. 2017. V. 19. № 5 (109). P. 24–29.

Информация об авторе

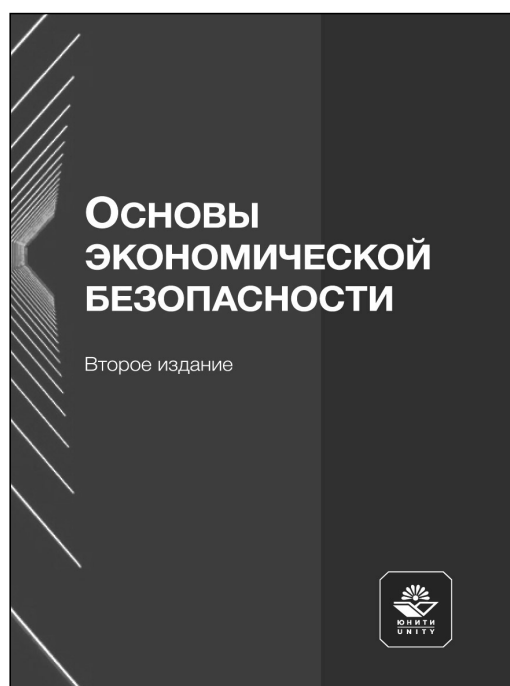
В. И. Абрамов — исполняющий обязанности директора Института управления образованием Российской академии образования, кандидат экономических наук.

Information about the author

V. I. Abramov — Acting Director of the Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Основы экономической безопасности. Учеб. пособие. Эришвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах.

Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике.

Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 331.556

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-256-262>

НИОН: 2003-0059-2/23-653

MOSURED: 77/27-003-2023-02-852

Методологические возможности расчёта целевых показателей и индикаторов эффективности и результативности реализации государственных программ органами внутренних дел

Дмитрий Владимирович Дианов¹, Алексей Владимирович Долбилов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ skad71@mail.ru

² aleksej-dolbilov@yandex.ru

Аннотация. Научная статья посвящена вопросам адаптации в подразделениях органов внутренних дел нормативных и методологических документов, предназначенных для детальной проработки всеми органами исполнительной власти с целью создания прикладных методик количественной оценки эффективности и результативности реализации государственных программ в соответствии со спецификой выполняемых этими органами государственных функций. Непосредственная апробация рассматриваемых возможностей расчета целевых показателей и индикаторов осуществлена в отношении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Ключевые слова: целевые показатели, индикаторы эффективности, результативность государственных программ

Для цитирования: Дианов Д. В., Долбилов А. В. Методологические возможности расчёта целевых показателей и индикаторов эффективности и результативности реализации государственных программ органами внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 256–262. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-256-262>.

Original article

Methodological possibilities of calculating target indicators and indicators of efficiency and effectiveness of the implementation of state programs by internal affairs bodies

Dmitry V. Dianov¹, Alexey V. Dolbilov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ skad71@mail.ru

² aleksej-dolbilov@yandex.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the issues of adaptation in the divisions of the internal affairs bodies of normative and methodological documents intended for detailed study by all executive authorities in order to create applied methods for quantifying the effectiveness and efficiency of the implementation of state programs in accordance with the specifics of the state functions performed by these bodies. Direct testing of the considered possibilities for calculating targets and indicators was carried out in relation to the State Program «Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings».

Keywords: target indicators, performance indicators, effectiveness of government programs

For citation: Dianov D. V., Dolbilov A. V. Methodological possibilities of calculating target indicators and indicators of efficiency and effectiveness of the implementation of state programs by internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):256–262. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-256-262>.

© Дианов Д. В., Долбилов А. В., 2023

1. Основные категории целевой эффективности

Важнейшим инструментом управления развитием организационных систем выступают целевые показатели, именно они позволяют зафиксировать основные векторы, совокупность которых есть количественное, в неразрывной связи с качеством, представление цели выбранного направления. Из этого следует, что любой план, любая программа практически всегда подразумевают наличие определенных целевых показателей, которые должны быть достигнуты в силу способности системы.

Такое понимание термина связано с тем, что в результате всегда есть степень его достижения и траты, на которые пошла система, чтобы этого добиться. Именно этот постулат закреплён в Приложении «Методика оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации» к Постановлению Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903 «Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации», где расчёт всех результативно-затратных и результативно-ресурсных соотношений предполагает использование не абсолютных величин в качестве сравниваемых или базы сравнения, а именно индексов, как относительных показателей в коэффициентном (не процентном) измерении, что позволяет агрегировать вклад в достижение цели разноимённых целевых показателей, причём с различными видами измерений.

2. Целевые показатели государственных программ для органов исполнительной власти

В качестве целевых показателей принимают качественные характеристики желаемых результатов, определяемых целью и задачами Государственной программы. Конкретизация показателей, характеризующих эффект от реализации Государственной программы или её отдельных направлений приведёт к построению системы статистических показателей, выражающих масштабы этого эффекта, например, абсолютные и относительные (удельные, в расчёте на численность населения) показатели улучшения работы учреждений социальной сферы вследствие реализации программ по обновлению основных фондов ключевых социальных объектов (увеличение числа койко-мест, снижение уровня заболеваемости и смертности населения, площадь учебных помещений на одного обучающегося в образовательных учреждениях, условная рыночная стоимостная оценка услуг социальной реабилитации на одного пенсионера, увеличение удельного веса населения, охваченного транспортной доступностью или системами газификации и т. д.).

Все результативные показатели, которые можно использовать как целевые показатели и соответствующие им числовые пороговые планки, могут иметь все перечисленные выше единицы измерения, а

именно: стоимостные, натуральные, трудовые, а также коэффициентные или процентные.

Далее рассмотрена возможность применения показателей с перечисленными измерителями в качестве целевых показателей для дальнейшего их применения в расчёте целевых показателей эффективности Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы».

3. Стоимостные показатели

В ряде государственных программ в качестве результативных, а, следовательно, и целевых, возможно использование таких показателей, как доходы государственных или муниципальных унитарных транспортных предприятий от реализации комплекса мер по улучшению дорожно-транспортной инфраструктуры, либо повышение доходов местных бюджетов в связи с поступлениями денежных средств от организации ярмарочной торговли и т. д.

Какие бы стоимостные показатели мы не рассматривали, у них есть общий характерная особенность, предопределённая международным статистическим стандартом СНС-2008, который является основой для учёта всех производственно-хозяйственных процессов в Российской Федерации: стоимостной результат или целевой показатель не создают государственные учреждения, ответственные за выполнение Государственной программы. Его создают рыночные производители, являющиеся институциональными единицами, входящими, согласно секторальной структуре СНС, в сектор «нефинансовые корпорации», в сторону которых направлен соответствующий финансовый поток из государственной структуры, то есть из сектора СНС «государственное управление». Именно это обстоятельство и позволяет дать рыночную стоимостную оценку созданных ресурсов, которые выступят фактором получения стоимостного результата. Если же целевым показателем Государственной программы является сама стоимость созданных материальных ресурсов (рыночная стоимость ремонта школ, поликлиник, автодорог, стоимость вновь возведённых мостов или транспортных развязок, рыночная стоимость коллективной услуги по организации городского праздника и т. д.), то оценка целевого показателя эффективности вообще теряет смысл исходя из самого принципа расчёта этих показателей: соотношение результата с затратами. Это означает, что если стоимостная величина созданных в ходе реализации Государственной программы материальных благ, а также услуг индивидуального или коллективного потребления, численно равна стоимости государственного финансирования, направленного на это создание хозяйственным единицам, являющимися рыночными производителями благ и услуг в составе сектора СНС «нефинансовые корпорации», то числитель и знаменатель целевого показателя эффективности оказываются

тоже одинаковыми, а их численное соотношение становится равным 1 (единице). Как сказано выше, такой расчёт, тем более его интерпретация смысла лишены. Таким образом, стоимостная оценка целевых показателей, которые в дальнейшем применимы для расчёта целевых показателей эффективности Государственной программы, возможно только в том случае, как стоимостной результат, равный объёму финансирования, выступает фактором дальнейшего социально-экономического эффекта. Полезность, созданная государственными учреждениями, органами исполнительной власти, территориальными корпорациями, другими государственными институтами, относящимися по методологии СНС к сектору «государственное управление», в виде индивидуальных или коллективных услуг, учитывается в составе валового внутреннего или регионального продукта по стоимости условно рыночной, равной величине освоённого бюджетного финансирования, выделенного на их создание. Придавать иную стоимостную оценку результатам деятельности органов исполнительной власти, суть которых в оказании коллективных услуг обществу или индивидуальных услуг, не имеющих рыночных аналогов, и, следовательно, использовать эти результаты в качестве целевых показателей, пригодных для оценки эффективности Государственных программ в части анализа соответствия установленных и целевых показателей (индикаторов), требуемой «Правилами формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации», утверждёнными постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903 и Приложением к ним — нельзя.

Обоснованием данного утверждения является Руководство по системе национальных счетов – 2008, которое методологически регламентирует невозмож-

ность использования стоимостных показателей результатов деятельности органов внутренних дел, и конкретно, подразделений по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства для расчёта целевых показателей эффективности реализации Государственной программы.

Когда речь идёт о стоимостных показателях, применяемых для анализа выполнения расходных обязательств Российской Федерации, связанных с реализацией государственных программ, регламентация которого приведена в разделе V Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации, то этот раздел принимается во внимание в отношении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы», так как, во-первых, она не имеет в своём составе структурных элементов; во-вторых, сама является структурным элементом Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345, в отношении которой и применим данный раздел Правил формирования сводного годового доклада.

4. **Натуральные показатели**

При расчёте индексов, фигурирующих в формулах, приведённых в Приложениях к «Правилам формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации» будут использованы следующие показатели, разрабатываемые и заносимые в форму статистической отчётности «Госзащита-ФЛ»:

Таблица 1.

Перечень целевых (результативных, желаемых) и фактически достигнутых показателей

Наименование показателя	Раздел	Код стр.
Количество поступивших постановлений об отмене мер безопасности на основании ходатайств об отмене мер безопасности	1	10
Количество поступивших на исполнение постановлений (определений) о применении мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства	1	1
Количество защищаемых лиц, в отношении которых применялись меры безопасности в отчетном периоде	2	1
Количество защищаемых лиц, которым причинен вред здоровью или имуществу	2	6
Погибло защищаемых лиц	2	7
Количество преступлений, раскрытие которых способствовало устранению угрозы безопасности защищаемых лиц	2	10

5. Аналитические показатели эффективности и результативности реализации Государственной программы

Исходя из ограничений, обозначенных в предыдущих пунктах, рассмотрению подлежат возможности расчёта целевых показателей эффективности и результативности реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» как структурного элемента Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в соответствии с Приложением «Методика оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации» к «Правилам формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации», утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903. Исходя из статуса Государственной программы, которая не является подпрограммой и/или пилотной программой, рассмотрению подлежат следующие разделы: II. Анализ степени соответствия установленных и достигнутых целевых показателей (индикаторов) государственной программы; VII. Интегральная оценка эффективности реализации государственной программы.

Информационная база расчёта показателей формируется на основе формы статистической отчетности «Отчет о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению государственной защиты» — форма «Госзащита-ФЛ», утвержденной Приказом МВД России от 13 мая 2009 г. № 362 с учётом изменений и дополнений, а также Приложении № 1 к Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы», утверждённой Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272.

5.1. Анализ степени соответствия установленных и достигнутых целевых показателей (индикаторов) государственной программы

5.1.1. Общая оценка достижения плановых значений показателей (индикаторов) государственной программы в отчетном году ($ОД_{\pi}$) рассчитывается по формуле:

$$ОД_{\pi} = \frac{k1 \times \sum_{q=1}^D СД_{\text{ПНП}_q} + k2 \times \sum_{i=1}^M СД_{\text{ПСЭ}_i}}{k1 \times D + k2 \times M}, \quad (1)$$

где:

а) $СД_{\text{ПНП}_q}$ — степень достижения планового значения q -го целевого показателя (индикатора) государственной программы, наименование и методика расчета которого соответствуют наименованию и

методике расчета показателя национального проекта (программы) (далее — национальный проект) в отчетном году;

б) $СД_{\text{ПСЭ}_i}$ — степень достижения планового значения i -го целевого показателя (индикатора) государственной программы, не являющегося показателем (индикатором), наименование и методика расчета которого соответствуют наименованию и методике расчета показателя национального проекта в отчетном году;

в) D — количество целевых показателей (индикаторов) государственной программы, наименование и методика расчета которых соответствуют наименованиям и методикам расчета показателей национальных проектов в отчетном году;

г) M — количество целевых показателей (индикаторов) государственной программы, не являющихся показателями (индикаторами), наименование и методика расчета которых соответствуют наименованиям и методикам расчета показателей национальных проектов в отчетном году;

д) $k1$ — коэффициент значимости достижения планового значения целевого показателя (индикатора) государственной программы, наименование и методика расчета которого соответствуют наименованию и методике расчета показателя национального проекта в отчетном году ($k1 = 1,5$);

е) $k2$ — коэффициент значимости достижения планового значения целевого показателя (индикатора) государственной программы, не являющегося показателем (индикатором), наименование и методика расчета которого соответствуют наименованию и методике расчета показателя национального проекта в отчетном году ($k2 = 1$).

Поскольку отсутствует какое-либо соответствие показателей деятельности органов внутренних дел по обеспечению государственной защиты физических лиц с конкретными количественными или альтернативными показателями национальных проектов, то приведённая формула (1) значительно упрощается:

$$ОД_{\pi} = \frac{k2 \times \sum_{i=1}^M СД_{\text{ПСЭ}_i}}{k2 \times M}, \quad (2)$$

Из осуществлённого упрощения следует, что перечисленные пункты: а, в, д также не будут участвовать в дальнейших формульных расчётах из-за их исключения из формулы, пункт е можно сократить из внимания по причине того, что вес оставшихся в формуле целевых показателей $k2=1$.

5.1.2. Степень достижения планового значения i -го целевого показателя (индикатора) государственной программы, не являющегося показателем (индикатором), наименование и методика расчета которого соответствуют наименованию и методике расчета показателя национального проекта в отчетном году ($СД_{\text{ПСЭ}_i}$), рассчиты-

ваются по следующим формулам соответственно:

а) для показателей (индикаторов) государственной программы, желаемой тенденцией изменения которых является увеличение значений:

$$СД_{ПСЭ_i} = \frac{ЗП_{Ф_{ПСЭ_i}}}{ЗП_{П_{ПСЭ_i}}}, \quad (3)$$

где:

$ЗП_{Ф_{ПСЭ_i}}$ — значение i -го целевого показателя (индикатора) государственной программы, фактически достигнутое на конец отчетного периода;

$ЗП_{П_{ПСЭ_i}}$ — плановое значение i -го целевого показателя (индикатора) государственной программы за отчетный год;

б) для показателей (индикаторов) государственной программы, желаемой тенденцией изменения которых является снижение значений:

$$СД_{ПСЭ_i} = \frac{ЗП_{П_{ПСЭ_i}}}{ЗП_{Ф_{ПСЭ_i}}}. \quad (4)$$

В случае если желаемой тенденцией изменения значений показателя является снижение значений и значение $ЗП_{Ф_{ПСЭ_i}}$ равно 0, значение $СД_{ПСЭ_i}$ принимается равным 1.

5.1.3. Согласно Методике оценки эффективности реализации государственных программ, при расчете общей оценки достижения плановых значений показателей (индикаторов) государственной программы в отчетном году учитываются следующие особенности:

а) если ответственным исполнителем представлено прогнозное (предварительное) значение показателя (индикатора), степень достижения планового значения соответствующего показателя (индикатора) в отчетном году не может превышать 0,7;

б) если ответственным исполнителем не представлено фактическое значение показателя (индикатора), степень достижения планового значения соответствующего показателя (индикатора) в отчетном году считается равной 0;

в) если ответственным исполнителем не представлено фактическое значение или представлено прогнозное (предварительное) значение показателя (индикатора), рассчитываемое по методикам, принятым международными организациями, указанный показатель не учитывается при расчете общей оценки достижения плановых значений показателей (индикаторов) государственной программы в отчетном году;

г) степень достижения показателя (индикатора) не может превышать 1 или быть меньше 0;

д) в случае если установленные в государственной программе плановые значения целевых показателей (индикаторов) государственных программ на момент

представления ответственным исполнителем предварительного (уточненного) годового отчета о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы отличаются от плановых значений показателей национальных и (или) федеральных проектов, входящих в состав государственной программы, при расчете общей оценки достижения плановых значений показателей (индикаторов) государственной программы используются плановые значения показателей национальных и (или) федеральных проектов, по которым в установленном порядке приняты решения об их изменении (при условии представления сведений о принятых решениях).

5.1.4. Целевые показатели Государственной программы «Госзащита–ФЛ» и степень их достижения.

Основываясь на разрабатываемых статистических показателях органов внутренних дел, обобщаемых и систематизируемых в форме статистический отчетности (Приказ № 362), в данном разделе, то есть при применении формулы (2), целесообразно оценивать степень достижения планового или желаемого уровня по следующим показателям. Поскольку в начале года или в предшествующий период, невозможно запланировать обозначенную в ФЗ-№119 общественную потребность в услугах государства по обеспечению безопасности граждан и нерезидентов, то называя показатель «плановым», как этого требуют Правила подготовки сводного доклада, будем в дальнейшем, подразумевать желаемый результат, predeterminedной содержательной спецификой деятельности и функциями подразделений ОВД по обеспечению государственной защиты физических лиц.

5.1.4.1. По разделу 1 — Сведения о количестве поступивших на исполнение в органы внутренних дел Российской Федерации постановлений (определений) о применении мер безопасности в рамках Федерального закона от 20 августа 2004 г. ФЗ-№ 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», об отмене мер безопасности и направленных ходатайствах об отмене мер безопасности:

$СД_{ПСЭ1}$ — степень достижения планового уровня выполнения мер безопасности в связи с успешным окончанием защиты. Желаемая тенденция изменения показателя связана с его ростом, поэтому применяется формула (3). Соотносятся показатели:

$ЗП_{Ф_{ПСЭ1}}$ — количество поступивших постановлений об отмене мер безопасности на основании ходатайств об отмене мер безопасности (код стр. 10);

$ЗП_{П_{ПСЭ1}}$ — количество поступивших на исполнение постановлений (определений) о применении мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (код стр. 1).

Показатель $СД_{ПСЭ1}$ с позиций теории статистики можно условно считать относительной величиной структуры, так как по сути, соотносятся часть целого и целое.

Максимально значение СДпсэ1 может достигать 1,0, так $\sum_{\text{Ппсэ}1}$ является не прогнозной или предполагаемой величиной, а характеризует уровень обязательного исполнения органами внутренних дел.

3.1.4.2. По разделу 2 — Сведения о количестве лиц, в отношении которых органами внутренних дел Российской Федерации осуществлялись меры безопасности в рамках Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также преступлениях, выявленных и раскрытых подразделениями по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, органов внутренних дел Российской Федерации:

$\text{СД}_{\text{псэ}2}$ — степень достижения уровня выявления преступлений, выявление которых способствовало устранению угрозы безопасности защищаемых лиц. Желаемая тенденция изменения показателя связана с его ростом, поэтому применяется формула (3). Соотносятся показатели:

$\sum_{\text{Фпсэ}2}$ — количество преступлений, выявление которых способствовало устранению угрозы безопасности защищаемых лиц (код стр. 8);

$\sum_{\text{Ппсэ}2}$ — количество защищаемых лиц, в отношении которых применялись меры безопасности в отчетном периоде (код стр. 1).

Данное соотношение во приоре имеет низкое числовое значение, так как отчетность последних лет указывает, что количество выявленных преступлений, связанных с угрозой физическим лицам незначительное в сравнении с общим количеством лиц, в отношении которых применялись специальные меры безопасности. Поэтому, даже самое высокое значение показателя выявленных преступлений, существенно превышающее значения его за прошлые периоды, приведёт в любом случае к такому низкому значению степени достижения СДпсэ2, которое станет «балластом» для интегрального показателя ОДп — общей оценки достижения плановых значений. Поэтому необходима корректировка, которая позволит каждому раскрытому преступлению, связанному с государственной защитой физических лиц, получить должную оценку вклада данного результата и адекватное отражение в формировании общей оценки достижения плановых значений ОДп. Суть корректировки в следующем:

- если показатель количества преступлений, выявление которых способствовало устранению угрозы безопасности защищаемых лиц, равен нулю, то и значение СДпсэ2 принимается равным 0. При этом значение М — количество целевых показателей (индикаторов) государственной программы — не уменьшается: Соотношение СДпсэ2 участвует в расчёте ОДп как полноценная величина, однако имеющая при этом нулевое значение;
- в остальных случаях каждое раскрытое преступление, учитываемое в строке 8 раз-

дела 2 формы статистической отчетности «Госзащита-ФЛ», должно рассматриваться как учётная единица, формирующая максимальный уровень степени достижения планового значения показателя при отсутствии утверждённой плановой величины, обозначенный в п. 3.1.3 (а) числовым значением 0,7. Это означает, что если раскрыто хотя бы одно и более преступлений данной направленности, степень достижения уровня выявления преступлений, выявление которых способствовало устранению угрозы безопасности защищаемых лиц следует рассчитывать по формуле:

$$\text{СДпсэ}2 = \frac{\sum_{\text{Фпсэ}2}}{\sum_{\text{Ппсэ}2}} : 0,7$$

Исходя из методологических особенностей значения СДпсэ2 может принимать любые значения от 0 до 1.

$\text{СДпсэ}3$ — степень достижения уровня полного выживания защищаемых лиц. Желаемая тенденция изменения показателя связана с его ростом, поэтому применяется формула (3). Соотносятся показатели:

$\sum_{\text{Фпсэ}3}$ — количество лиц, жизнь которых сохранена в результате применения мер безопасности. Рассчитывается как разность $\sum_{\text{Фпсэ}3}$ и количества погибших лиц (код стр. 7);

$\sum_{\text{Ппсэ}3}$ — количество защищаемых лиц, в отношении которых применялись меры безопасности в отчетном периоде (код стр. 1).

Максимально значение СДпсэ3 может достигать 1,0, так $\sum_{\text{Фпсэ}3}$ является не прогнозной или предполагаемой величиной, а характеризует уровень обязательного исполнения органами внутренних дел.

$\text{СДпсэ}4$ — степень достижения уровня полной безопасности защищаемых лиц. Желаемая тенденция изменения показателя связана с его ростом, поэтому применяется формула (3). Соотносятся показатели:

$\sum_{\text{Фпсэ}4}$ — количество лиц, жизнь и здоровье и имущество которых сохранена в результате применения мер безопасности. Рассчитывается как разность $\sum_{\text{Фпсэ}3}$ и количества защищаемых лиц, которым причинен вред здоровью или имуществу (код стр. 6);

$\sum_{\text{Ппсэ}3}$ — количество защищаемых лиц, в отношении которых применялись меры безопасности в отчетном периоде (код стр. 1).

Максимально значение СДпсэ4 может достигать 1,0, так $\sum_{\text{Ппсэ}3}$ является не прогнозной или предполагаемой величиной, а характеризует уровень обязательного исполнения органами внутренних дел.

Таким образом, обобщая методические составляющие, рассмотренные в п. 3.1.4. сформируем окончательную формулу расчёта общей оценки достижения плановых значений показателей (индикаторов) государственной программы «Госзащита-ФЛ» в отчетном году (ОД п):

$$\text{ОД п} = \frac{\text{СДпсэ1} + \text{СДпсэ2} + \text{СДпсэ3} + \text{СДпсэ4}}{4}$$

Максимально значение ОД п не может превышать 1.

Данная величина ОД п одновременно будет являться статистической оценкой ГПоэ — интегральной оценки эффективности реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы».

Библиографический список

1. Федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (с изм. и доп.) // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (с изм. и доп.) // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Правительства РФ от 25 октября 2018 г. № 1272 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» // СПС «Консультант Плюс».
4. ГОСТ Р ИСО 9000-2015 «Национальный стандарт Российской Федерации. Системы ме-

неджмента качества. Основные положения и словарь» (содержит определение понятий «эффективность» и «результативность») // СПС «Консультант Плюс».

5. <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf> – Система национальных счетов 2008.

Bibliographic list

1. Federal Law of the Russian Federation of August 20, 2004 № 119-FZ «On State protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings» (with amendments and additions) // SPS «Consultant Plus».
2. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 345 «On approval of the state program Of the Russian Federation «Ensuring public order and countering crime» (with amendments and additions) // SPS «Consultant Plus».
3. Decree of the Government of the Russian Federation № 1272 dated October 25, 2018 «On approval of the State Program «Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2019–2023» // SPS «Consultant Plus».
4. GOST R ISO 9000-2015 «National Standard of the Russian Federation. Quality management systems. The main provisions and dictionary» (contains the definition of the concepts of «efficiency» and «effectiveness») // SPS «Consultant Plus».
5. <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf> – System of National Accounts 2008.

Информация об авторах

Д. В. Дианов — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

А. В. Долбилов — начальник кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

D. V. Dianov — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

A. V. Dolbilov — Head of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-263-267>

НИОН: 2003-0059-2/23-654

MOSURED: 77/27-003-2023-02-853

Перспективы экономики Испании с учётом воздействия экономической политики ЕС и эпидемии COVID-19

Михаил Евгеньевич Косов^{1,2,3}

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, kosovme@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация. Испания является одним из наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 государств Европейского союза. Оказавшись в эпицентре заболеваемости, Испания и Италия, были вынуждены закрыть границы первыми из государств Европы. Кроме того, именно эти государства долгое время лидировали по количеству прироста заболевших и по уровню смертности. Вследствие подобной ситуации экономические показатели Испании значительно снизились, что не наблюдалось даже в период экономического кризиса 2008–2009 годов. Принятые правительством экономические меры, хоть и были релевантными, но оказались недостаточными для устранения последствий пандемии, так как многие показатели хоть и повышаются по сравнению с 2020 г., но все еще не находятся на «докоронавирусном» уровне. Стоит также рассмотреть, насколько экономическая политика Европейского союза, членом которого является Испания, способствует экономическому развитию государства.

Ключевые слова: экономика Испании, пандемия коронавируса, экономическая политика ЕС, воздействие эпидемии COVID-19, меры по противодействию пандемии

Для цитирования: Косов М. Е. Перспективы экономики Испании с учётом воздействия экономической политики ЕС и эпидемии COVID-19 // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 263–267. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-263-267>.

Original article

Spain economic outlook in the impact of EU economic policy and COVID-19 epidemic

Mikhail E. Kosov^{1,2,3}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, kosovme@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Spain is one of the states of the European Union most affected by the COVID-19 pandemic. Once at the epicenter of the disease, Spain and Italy were forced to close the borders of the first European countries. In addition, it was these states that for a long time were leading in terms of the number of cases and the death rate. As a result of this situation, Spain's economic performance declined significantly, which was not observed even during the economic crisis of 2008–2009. The economic measures taken by the government, although relevant, were not enough to eliminate the consequences of the pandemic, since many indicators, although increasing compared to 2020, are still not at the «pre-coronavirus» level. It is also worth considering how the economic policy of the European Union, of which Spain is a member, contributes to the economic development of the state.

Keywords: Spanish economy, coronavirus pandemic, EU economic policy, impact of the COVID-19 epidemic, measures to counter the pandemic

For citation: Kosov M. E. Spain economic outlook in the impact of EU economic policy and COVID-19 epidemic. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):263–267. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-263-267>.

© Косов М. Е., 2023

Испания является одной из крупнейших экономик Европы, занимает 12 место в мире по номинальному валовому внутреннему продукту. Государство обладает достаточно высоким уровнем либерализации торговли и развитыми внешнеэкономическими связями.

Однако в Испании существует несколько традиционных проблем, которые замедляют экономическое развитие. В первую очередь, можно отметить высокий уровень безработицы, связанный с большим количеством нелегальных мигрантов и низкоквалифицированных работников. Кроме того, стоит сказать про региональные диспропорции в экономическом развитии Испании («богатый» север и «бедный» юг), значительную долю государственного долга в ВВП и высокий уровень коррупции.

В структуре экономики лидирующую позицию занимает третичный сектор, то есть сфера услуг. Около двух третей населения занято в этой области. Важную роль играет туризм, который ежегодно обеспечивает около 11 % ВВП Испании. Кроме того, в 2000-х годах около 10 % ВВП составлял строительный сектор, который был драйвером экономического роста, но привел к катастрофе во время мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

Экономическая политика Европейского союза значительно воздействует на развитие Испании. На протяжении членства в ЕС Испания была одним из основных бенефициаров проводимой бюджетной политики. Так, Испания получает финансирование из нескольких фондов Евросоюза, таких как фонд регионального развития, социальный фонд и другие. Благодаря региональной политике Евросоюза было выделено более чем 200 млрд евро на преодоление отставания Испании от других государств Европы. Более того, членство в Европейском союзе способствовало увеличению прямых иностранных инвестиций в предприятия Испании, которые существенно улучшают социально-экономическую ситуацию в регионах.

Можно также отметить, что на постоянной основе выделяются средства ЕС на бюджетное выравнивание региональных экономик Испании, что является одним из приоритетных направлений экономической политики «государства автономий». Однако сокращение отставания от развитых европейских государств происходит главным образом за счет улучшения макроэкономических показателей при сохранении серьезных диспропорций между регионами.

В то время, как в одних автономиях Испании экономический рост происходит за счет развития высокотехнологичных отраслей промышленности, рост ВВП в других регионах по-прежнему основывается на традиционных отраслях экономики. Вследствие этого менее развитые области продолжают испытывать дополнительное сокращение финансирования, что замедляет экономическое развитие Испании.

В конце 2019 года Национальный институт статистики Испании прогнозировал экономический рост в

2,4 %. Кроме того, на протяжении 2018 и 2019 годов уровень безработицы снизился до 14 % и ожидалось, что он снизится ещё на 1–2 %. Государство уже устранило все экономические последствия финансового кризиса и продолжало развиваться. В начале 2020 года прогнозы снизились, что объяснялось более слабым, чем ожидалось, ростом рабочих мест в большинстве секторов и торговой напряжённостью, которая уменьшила иностранные инвестиции.

Стоит отметить, что прогнозы не оправдались в связи с начавшейся эпидемией COVID-19, которая оказала негативное влияние на экономику Испании. Именно Испания, а также Италия оказались в эпицентре заболеваемости, и в течение долгого промежутка времени удерживали лидирующие позиции по количеству заболевших и уровню смертности.

Это отразилось на валовом внутреннем продукте, который в первом квартале 2020 года снизился на 5,2 %, что является самым большим падением с 1970 года. Как можно заметить, пандемия коронавируса повлияла на ВВП гораздо значительнее, чем мировой экономический кризис 2008 года. Более того, аналитики прогнозировали дальнейшее снижение ВВП вплоть до 10 %, в итоге к концу 2020 года ВВП упал на более чем 8 %. На резкое падение ВВП повлиял запрет на посещение общественных мест и закрытие границ для туристов.

Помимо этого, существенно вырос уровень безработицы — более чем на 8 %. К концу 2020 года около 20 % населения оказались без работы. В связи с этим власти представили систему гарантированного минимального дохода для поддержки граждан, временно потерявших работу. Также правительство приняло экономические меры по поддержке МСП, ориентированные на проблему снижения ликвидности компаний. В перспективе такие меры могут стимулировать граждан с низким доходом работать или искать работу, а не отказываться от трудовой занятости.

Эпидемия коронавируса также усугубила региональные диспропорции в экономике Испании. Политика бюджетного выравнивания, проводимая в Испании с 2011 года, крайне негативно воспринимается каталонцами, вынужденными отдавать часть доходов для поддержки отстающих областей Испании, и приводит к эскалации сепаратистских настроений. В связи с падением ВВП, ситуация может стать более напряжённой и привести к усилению сепаратистских стремлений каталонцев и других экономически развитых регионов Испании (Страна Басков, Галисия).

Для снижения рисков эскалации сепаратизма правительством Испании были приняты меры по поддержке регионов государства. Так, были введены дополнительные меры в каждом автономном сообществе, в зависимости от ситуации с коронавирусом. Более того, временно были увеличены полномочия правительств автономий для принятия решений по ограничениям, касающихся конкретных территорий.

Стоит отметить, что социально-экономическая политика центральных властей Испании, и, в частности, премьер-министра Педро Санчеса, была крайне негативно воспринята в автономных регионах, особенно в Каталонии. Как в 2020, так и в 2021 годах в городах Каталонии проходили протесты против введения локдауна, против обязательной вакцинации и слишком низких социальных выплат.

После отмены локдауна коалиционное правительство Испании, представленное в основном левыми центристами, разрабатывало план поэтапного возвращения к жизни экономики страны. Существовала возможность запроса помощи у Европейского союза, как это осуществила Греция в 2010 году, оказавшись на грани дефолта. На данный момент правительство Испании еще не использовало данную возможность, что объясняется некой абстрагированностью общеевропейских комитетов от ситуации с коронавирусом.

Можно отметить, что государства, объединенные экономически и политически, вынуждены были бороться с пандемией и ее последствиями самостоятельно, что несколько снижает релевантность подобного института как Европейский союз. В частности, наиболее пострадавшие от пандемии Италия и Испания не получили материальной помощи от других государств даже в вопросах поставки медикаментов.

Возвращаясь к экономическим мерам, принятых правительством Испании в ответ на последствия пандемии, политики много дискутировали на тему необходимости проведения налоговой реформы. Часть политиков предлагала поднятие налога на крупный капитал и конфискацию банковских сбережений граждан; другие требовали снизить налоги в затронутых кризисом областях, а также сократить расходы на финансирование партий и НКО. Все предлагаемые меры радикальны и не принимали во внимание «пожелания» бизнеса и граждан.

Безусловно, введение таких радикальных мер могло негативно повлиять на настроения в обществе, которые, итак, являются достаточно нестабильными. В особенности политика в области здравоохранения приводит к эскалации протестных настроений, несмотря на необходимость ее проведения. Обязательная вакцинация, которая на данный момент проводится во многих государствах, именно в Испании принимается крайне негативно, увеличивая как сепаратистские движения, так и недовольства политическим режимом государства.

Можно прийти к выводу, что как экономическая политика Европейского союза, так и пандемия коронавируса существенно повлияли и продолжают влиять на экономику Испании. Очевидно, что принятые в государстве экономические меры не могут полностью устранить последствия пандемии, так как ситуация остается нестабильной. При этом очень важным и необходимым решением была экономическая поддержка малого и среднего бизнеса для сохранения ликвидно-

сти компаний. В том числе важно отметить ориентированность правительства на поиск отдельных решений для каждого региона, что обычно характерно для федерального территориального устройства (Испания, несмотря на наличие автономий, по Конституции считается унитарным государством).

Библиографический список

1. Akimishvili N. The COVID-19 pandemic and its impact on the tourism industry and hospitality // *European Journal of Economics and Management Sciences*. 2021. № 2. P. 55–58. DOI 10.29013/EJEMS-21-2-55-58.
2. Chislett W. A New Course for Spain : Beyond the Crisis. Madrid : Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos , 2016. 203 p.
3. Economic impacts of Covid-19 on the labor market and human capital / M. Dvorak, P. Rovny, V. Grebennikova, M. Faminskaya // *Terra Economicus*. 2020. Vol. 18. № 4. P. 78–96. DOI 10.18522/2073-6606-2020-18-4-78-96.
4. Kamber M. The impact of global pandemic around the world / M. Kamber // *Актуальные проблемы современного социального знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 14 мая 2020 года. Красноярск : ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2020. P. 34–35.*
5. Kordos M. Interaction effects and impact of the EU regional policy within the strategy 2020 // *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences And Arts SGEM 2015: Conference Proceedings, Albena, Bulgaria, 26 августа 2015 года. Albena, Bulgaria: Общество с ограниченной ответственностью СТЕФ92 Технолоджи, 2015. P. 755–762. DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B22/S7.097.*
6. Martínez M., Fernandez S., Marcos I. Spain after COVID-19 : from resilience to reimagination // *McKinsey company*. 2020.
7. Pipchenko, N. Current challenges to the EU integration policy / N. Pipchenko, I. Makarenko, M. Ryzhkov // *Online Journal Modelling the New Europe*. 2019. Vol. 2019. № 31. P. 37–60. DOI 10.24193/OJMNE.2019.31.03.
8. Pogorletskiy A. I. Pandemics and Tax Innovations : What can we Learn from History? / A. I. Pogorletskiy, F. Söllner // *Journal of Tax Reform*. 2020. Vol. 6. № 3. P. 270–297. DOI 10.15826/jtr.2020.6.3.086.
9. Бабурин О. Н. Анализ региональной социально-экономической политики в странах ЕС // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2012. № 6(67). С. 145–148.
10. Булык М. В. Ведущие политические партии

- Испании и европейская интеграция / М. В. Булык, Н. А. Ковчуга // *Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія.* 2015. № 13–14. С. 182–189.
11. Коковихин А. Ю. Управление компетенциями в региональной экономической политике стран ОЭСР и Европейского союза // *Управленец.* 2020. Т. 11. № 5. С. 81–96. DOI 10.29141/2218–5003-2020-11-5-7.
 12. Малашенко Т. И. Банковский сектор Испании в условиях распространения COVID-19 // *Свободная мысль.* 2021. №2 (1686). С. 208–217.
 13. Малашенко Т. И. Особенности социально-экономической политики Испании в период борьбы с пандемией COVID-19 // *Экономические и социально-гуманитарные исследования.* 2020. № 2(26). С. 43–51. DOI 10.24151/2409–1073-2020-2-43-51.
 14. Мизинцева М. Ф. Экономика эпидемий. Влияние COVID-19 на мировую экономику (обзор) / М. Ф. Мизинцева, Т. В. Гербина, М. А. Чугрина // *Пандемия COVID-19. Биология и экономика : специальный выпуск : информационно-аналитический сборник.* Москва : Издательство «Перо», 2020. С. 61–102.
 15. Олейников И. А. Опыт региональной экономической политики развитых стран на примере ЕС / И. А. Олейников, Е. Л. Сысова // *Тенденции экономического развития в XXI веке : Материалы II Международной научной конференции, Минск, 28 февраля 2020 года / Редколлегия : А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.].* Минск : Белорусский государственный университет, 2020. С. 270–272.
 16. Савка А. В. Европа регионов — основные тенденции развития региональной политики ЕС // *Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія.* 2014. № 9. С. 159–164.
 17. Фадеева И. А. Влияние пандемии коронавируса на экономику Испании и баскские дезинтеграционные проявления на севере страны // *Общество : политика, экономика, право.* 2021. № 8 (97). С. 43–47.
 18. Шапиро Н. А. Региональные аспекты политики стимулирования экономического роста в интеграционном пространстве // *Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной гиперконкуренции: коллективная монография.* Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 305–310.
 19. Щербачев Г. А. Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие).* 2021. Т. 12. № 1. С. 8–22. DOI 10.18184/2079–4665.2021.12.1.8-22.
 20. Яковлев П. П. Время европейских тревог : Евросоюз в меняющейся системе координат // *Перспективы. Электронный журнал.* 2019. № 3(19). С. 68–82. DOI 10.32726/2411–3417-2019-3-68-82.

Bibliographic list

1. Akimishvili N. The COVID-19 pandemic and its impact on the tourism industry and hospitality // *European Journal of Economics and Management Sciences.* 2021. № 2. P. 55–58. DOI 10.29013/EJEMS-21-2-55-58.
2. Chislett W. A New Course for Spain : Beyond the Crisis. Madrid : Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos , 2016. 203 p.
3. Economic impacts of Covid-19 on the labor market and human capital / M. Dvorak, P. Rovny, V. Grebennikova, M. Faminskaya // *Terra Economicus.* 2020. Vol. 18. № 4. P. 78–96. DOI 10.18522/2073-6606-2020-18-4-78-96.
4. Kamber M. The impact of global pandemic around the world / M. Kamber // *Actual problems of modern social knowledge: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Krasnoyarsk, May 14, 2020. Krasnoyarsk : Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, 2020. P. 34–35.*
5. Kordos M. Interaction effects and impact of the EU regional policy within the strategy 2020 // *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences And Arts SGEM 2015: Conference Proceedings, Albena, Bulgaria, August 26, 2015. Albena, Bulgaria: Limited Liability Company STEF92 Technology, 2015. P. 755–762. DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B22/S7.097.*
6. Martínez M., Fernandez S., Marcos I. Spain after COVID-19 : from resilience to reimagination // *McKinsey company.* 2020.
7. Pipchenko, N. Current challenges to the EU integration policy / N. Pipchenko, I. Makarenko, M. Ryzhkov // *Online Journal Modelling the New Europe.* 2019. Vol. 2019. № 31. P. 37–60. DOI 10.24193/OJMNE.2019.31.03.
8. Pogorletskiy A. I. Pandemics and Tax Innovations : What can we Learn from History? / A. I. Pogorletskiy, F. Söllner // *Journal of Tax Reform.* 2020. Vol. 6. № 3. P. 270–297. DOI 10.15826/jtr.2020.6.3.086.
9. Baburina O. N. Analysis of regional socio-economic policy in the EU countries // *Humanities and socio-economic sciences.* 2012. № 6(67). P. 145–148.
10. Bulyk M. V. Leading political parties of Spain and European integration / M. V. Bulyk, N.

- A. Kovchuga // Bulletin of the Mariupol State University. Ser. : Istorica. Political science. 2015. № 13–14. P. 182–189.
11. Kokovikhin A. Yu. Competence management in the regional economic policy of the OECD countries and the European Union // Manager. 2020. Vol. 11. № 5. P. 81–96. DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-5-7.
 12. Malashenko T. I. The Spanish banking sector in the context of the spread of COVID-19 // Free thought. 2021. № 2 (1686). P. 208–217.
 13. Malashenko T. I. Features of Spain's socio-economic policy during the fight against the COVID-19 pandemic // Economic and socio-humanitarian studies. 2020. № 2(26). P. 43–51. DOI 10.24151/2409-1073-2020-2-43-51.
 14. Mizintseva M. F. Economics of epidemics. The impact of COVID-19 on the world economy (review) / M. F. Mizintseva, T. V. Gerbina, M. A. Chugrina // The COVID-19 pandemic. Biology and Economics : Special issue : information and analytical collection. Moscow : Pero Publishing House, 2020. P. 61–102.
 15. Oleynikov I. A. Experience of regional economic policy of developed countries on the example of the EU / I. A. Oleynikov, E. L. Sysova // Trends of economic development in the XXI century : Materials of the II International Scientific Conference, Minsk, February 28, 2020 / Editorial Board : A. A. Koroleva (Chief Editor) [and others]. Minsk : Belarusian State University, 2020. P. 270–272.
 16. Savka A.V. Europe of Regions — the main trends in the development of regional policy of the EU // Bulletin of the Mariupol State University. Ser. : Istorica. Political science. 2014. № 9. P. 159–164.
 17. Fadeeva I. A. The impact of the coronavirus pandemic on the Spanish economy and Basque disintegration manifestations in the north of the country // Society: politics, economics, law. 2021. № 8 (97). P. 43–47.
 18. Shapiro N. A. Regional aspects of the policy of stimulating economic growth in the integration space // State and market: mechanisms and institutions of Eurasian integration in conditions of increasing global hypercompetition: a collective monograph. Saint Petersburg : Saint Petersburg State University of Economics, 2017. P. 305–310.
 19. Shcherbakov G. A. The impact and consequences of the COVID-19 pandemic: socio-economic dimension // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2021. Vol. 12. № 1. P. 8–22. DOI 10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22.
 20. Yakovlev P. P. Time of European worries : The European Union in a changing coordinate system // The prospects. Electronic magazine. 2019. № 3(19). P. 68–82. DOI 10.32726/2411–3417-2019-3-68-82.

Информация об авторе

М. Е. Косов — заведующий кафедрой «Государственные и муниципальные финансы» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, директор института «Юридического менеджмента» Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov — Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья
УДК 332.13
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-268-271>
НИОН: 2003-0059-2/23-655
MOSURED: 77/27-003-2023-02-854

Влияние межотраслевой кооперации на экономическую безопасность регионов России

Николай Пиманович Купрещенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kuper52@mail.ru

Аннотация. Проблема межотраслевой кооперации представляет собой базовый элемент межрегиональных экономических связей. Данная проблема не потеряла актуальность и сегодня. Именно сегодня кооперация между отраслями регионов России, формирует экономический «фундамент» региональной и общероссийской экономической безопасности. Тем самым усиливается их совокупная экономическая мощь, а также эффективнее используются имеющиеся в распоряжении партнеров финансовые, материальные и людские ресурсы.

Ключевые слова: кооперация, межотраслевая кооперация, кооперация регионов России, труд, разделение труда, «разделение труда», «кооперация труда», научно-технической революции, цифровая экономика, искусственный интеллект

Для цитирования: Купрещенко Н. П. Влияние межотраслевой кооперации на экономическую безопасность регионов России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 268–271. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-268-271>.

Original article

The impact of intersectoral cooperation on the economic security of Russian regions

Nikolay P. Kupreschenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kuper52@mail.ru

Abstract. The problem of intersectoral cooperation is a basic element of interregional economic relations. This problem has not lost its relevance today. It is today that cooperation between the branches of the regions of Russia forms the economic «foundation» of regional and all-Russian economic security. Thus, their combined economic power is enhanced, as well as the financial, material and human resources available to partners are used more efficiently.

Keywords: cooperation, intersectoral cooperation, cooperation of Russian regions, labor, division of labor, «division of labor», «labor cooperation», scientific and technological revolution, digital economy, artificial intelligence

For citation: Kupreschenko N. P. The impact of intersectoral cooperation on the economic security of Russian regions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):268–271. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-268-271>.

Кооперационные процессы в промышленности регионов России наиболее интенсивно развиваются в последнее десятилетие. Накоплен аналитический и фактический материал, позволяющий определить социально-экономическую сущность, особенности современного периода, а также важнейшие методы и формы межотраслевой кооперации регионов России (МКРР).

Классики экономической теории придавали исключительно большое значение проблемам разделе-

ния труда и его кооперации. Так, в «Экономической рукописи 1861–1863 годов» К. Маркс определил разделение труда в известном смысле «категорией всех категорий политической экономии» [2].

Характеризуя значения кооперации труда в экономической и социальной жизни общества, К. Маркс отмечал: «Кооперация представляет собой всеобщую форму, которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда, и которая из них по-

лучает дальнейшую спецификацию» [2].

Проблемам разделения труда, специализации и кооперированию производства посвящена довольно обширная социально-экономическая литература как у нас в стране, так и за рубежом.

Однако пока нет устоявшегося взгляда на соотношение понятий «разделение труда» и «кооперация труда», «экономическая кооперация» и «экономическая интеграция», «экономическая кооперация» и экономическое сотрудничество».

Мнение на этот счет высказываются самые различные: одни ученые рассматривают кооперацию труда как одну из главных форм разделение труда, другие — как саму его сущность, третьи считают разделение труда развитой формой кооперации и т. д.

Попытаемся изложить и нашу точку зрения по данной проблеме. Вначале необходимо методологически точно выявить признаки самого труда. Исходя из положений, содержащихся в работах классиков экономической теории, можно выделить следующие главные черты труда как экономической категории:

- конкретность и качественная определенность (определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом). Указанные элементы в совокупности формируют отличительные признаки данного конкретного вида труда;
- социальная обусловленность форм труда, рассматриваемых с общественной стороны, зависит от типа производственных отношений, от основных форм собственности (частной, государственной, муниципальной и иных);
- общественный труд проявляется как труд существующий. Сосуществование различных видов труда означает их одновременное выполнение и тесную взаимосвязь между ними.

Таким образом, разделение труда и кооперация труда — формы совместной целесообразной деятельности людей.

Такой подход позволяет объяснить существование простой кооперации, где отсутствует разделение труда, а при относительно высоком уровне разделения труда между регионами страны — слабое проявление или даже отсутствие в ряде случаев межрегиональных кооперационных связей между ними.

Нынешний этап МКРР характеризуется обогащением содержания кооперационных связей, ростом их масштабов и имеет целый ряд существенных особенностей.

Первая — глубокое воздействие научно-технической революции (цифровая экономика, искусственный интеллект), подстегивающей процессы обновления основных и оборотных средств производства регионов. Для этого требуются большие инвестиции.

Вторая особенность современного этапа рассматриваемого процесса состоит в значительном усилении многостороннего характера кооперации в про-

мышленности регионов.

Третья особенность развития кооперации в промышленно-производственном секторе экономики регионов состоит в том, что этот процесс все более используется в качестве материальной основы для социально-экономического роста регионов.

Четвертая особенность МКРР является то, что она осуществляется в условиях социально-экономического неравенства развития кооперирующихся регионов. Прежде всего, это можно проследить на примере так называемых самодостаточных и дотационных регионов России.

Россия сегодня она состоит из 89 субъектов, в каждом свои особенности, плюсы и минусы. Одни регионы богаты полезными ископаемыми, у других — выгодное территориальное положение, у третьих — ни того, ни другого. Самодостаточные регионы через кооперацию смогут оказать помощь своим дотационным соседям на взаимовыгодных условиях.

Так, в перечень субъектов РФ, не являющихся в 2022 году получателями дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, утвержден Приказом Минфина от 11 ноября 2021 г. №493. В 2022 году в список вошли 23 субъекта РФ, ровно на 10 больше, чем в минувшем году. Это Республика Татарстан, Красноярский и Пермский края, Белгородская, Вологодская, Иркутская, Калужская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Мурманская, Нижегородская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тульская, Тюменская и Ярославская области, города Москва и Санкт-Петербург, а также Ненецкий, Ханты-Мансийский (Югра) и Ямало-Ненецкий автономные округа. Остальные 66 субъектов РФ, соответственно, получают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности в 2022 году.

Экономика России должна переходить от догоняющей модели развития к опережающей, заявил на международной выставке «Иннопром» премьер-министр России. «Только так мы вернем себе внутренний рынок и сможем интенсивно наращивать высокотехнологичный экспорт», — подчеркнул премьер.

Для этого, по его словам, нужны «новые общесистемные инструменты поддержки, в том числе серьезные стимулы для развития промышленной инфраструктуры и межотраслевой кооперации» [4]. Для этого правительство, должно в скором времени представить обновленную модель промышленных кластеров, отметил премьер.

Компании, которые смогут наладить производство продукции из списка критического импорта, получат дополнительные преференции, добавил он. «Это доступ к долгосрочному финансированию, что самое важное, а также налоговые льготы, гарантии сбыта продукции» [6], — сказал премьер.

Как показывает практика кооперирования регионов в самолетостроении, более действенной оказалась совместная реализация проектов по схеме «консорциум».

ОАО ФПГ «Росавиаконсорциум» – «Российский Авиационный Консорциум» — компания, специализирующаяся на управлении проектами в области гражданской авиации и авиационной промышленности.

Межрегиональные консорциумы стали в настоящее время специфической формой переплетения и сращивания производственно-промышленных капиталов регионов. Это договорные объединения промышленных компаний и правительственных органов всех уровней, которые позволяют объединить инвестиции, производственные мощности, научные и технические ресурсы участников для реализации совместных крупных проектов. Которые для своего осуществления привлекают большое количество работников в регионах. Так, на предприятиях Российского авиаконсорциума занято примерно 12 % всего числа работающих в авиапромышленности.

С 2024 года планируется серийное производство импорт замещённого самолета МС-21. Этот самолёт, а также другие пассажирские авиалайнеры в ближайшем будущем будут выполнять как внутренние, так и международные рейсы. Кроме того, приняты решения по производству приоритетных гражданских авиасудов, в числе которых Superjet 100, Ил-114, Ту-214, L-410 и «Байкал» [3].

Следовательно, совместное производство предполагает сложение сил и средств партнеров, их сотрудничество с целью реализации конкретного, обычно очень сложного проекта. Разработка и производство авиационных систем требует огромных затрат, а исключительная техническая сложность таких систем, делает невозможным их создание и производство без налаживания широкого научно технического кооперирования головных фирм (генеральных подрядчиков и заказчиков) с крупными субподрядчиками, кооперирующимися с сотнями и тысячами компаний, представляющих смежные дополняющие производства в разных регионах России.

Современная авиационная техника настолько сложна, что ее быстрая и качественная разработка возможна только на мощных оснащенных современным оборудованием предприятиях, в лабораториях и исследовательских центрах, создание которых требует крупных инвестиций на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР).

Поскольку возможности привлечения дополнительных капиталов всегда ограничены, выходом при таком положении является МКРП и объединение средств многих фирм регионов, не зависимо от форм собственности [1].

Экономия средств на НИОКР делает производимую продукцию более конкурентноспособной. Некоторые компании вступают в кооперационные связи с целью получения доступа к новейшим технологиям, конструктивно-схемным решениям передовым методам производства и управления.

Существуют различные каналы влияния производственно-промышленной кооперации на развитие НИОКР.

Первый — обмен научно-технической информацией о результатах исследований, разработок и передача их в промышленность регионам-корпорантам. Этот процесс предусматривает сокращение цикла от зарождения идеи до ее трансформации в коммерческий продукт.

Второй канал воздействия кооперации на развитие НИОКР в авиапромышленности — организация совместных научно-исследовательских работ авиастроительных фирм и регионов участвующих в кооперации.

Третий канал влияния кооперации на развитие НИОКР заключается в проведении совместного финансирования долгосрочных целевых научно-технических программ по созданию новых технологий производства авиационной техники.

Четвертый канал влияния кооперации на развитие НИОКР регионов заключается в совместной подготовке высококвалифицированных кадров для научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений.

Учитывая современное положение в производстве авиационной техники, премьер-министр России сообщил о завершении работы, связанной с финансированием НИОКР в рамках поддержки отечественного авиастроения. «Есть поручение президента Российской Федерации по всем абсолютно видам наших, производимых в России, самолетов сформировать государственный заказ финансирования на НИОКРы, там более 300 млрд рублей», — сказал глава кабмина 08 октября 2021 года во время посещения АО «Авиаавтоматика» им. В. В. Тарасова» в рамках рабочей поездки в Курскую область.

Премьер-министр отметил, что средства Фонда национального благосостояния (ФНБ) будут обеспечивать производство на 10 лет всех видов авиационной техники в России. «Но они должны быть именно на мировом уровне, и лучше надо стремиться», — указал премьер [5].

Межотраслевые кооперационные связи, по сравнению с другими экономическими связями, отличаются значительным динамизмом. Они стали фактором, во многом определяющим количественные и качественные параметры выпускаемой продукции в целом.

Динамизм кооперации проявляется в изменении ее направлений, методов, форм, территориального «рисунка». При этом сами кооперационные связи испытывают на себе серьезнейшее воздействие процессов, обусловленных изменением международной экономической и политической ситуации, отношением между основными «центрами силы» в мире, стремительно развивающимися «субцетрами».

Таким образом, значение дальнейшего развития и совершенствование межотраслевой кооперации регионов, как одного из экономических инструментов в

борьбе с санкциями против Российской Федерации, увеличивается ввиду имеющих отдельных трудностей экономического характера.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года [Электронный ресурс] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. Процесс производства капитала. Относительная прибавочная стоимость // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 298, 285.
3. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Y5sa7BYtkhPyGgy>.
4. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/04/07/2022/62c2d4589a79477dc9932f57>.
5. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://fomag.ru/news-streem/bolee-300-mlrd-rublej-planiruetsya-napravit-na-niokr-v-sfere-aviastroeniya-mishustin/>
6. Электронный ресурс // Режим доступа: [https://freeaboutfinance.com/ekonomika/](https://freeaboutfinance.com/ekonomika/mishystin-zaiavil-o-neobhodimosti-perehoda-k-operejaushei-modeli-ekonomiki/)

mishystin-zaiavil-o-neobhodimosti-perehoda-k-operejaushei-modeli-ekonomiki/

References

1. Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993, with the changes approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 [Electronic resource] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Marx K. Economic manuscript of 1861–1863. The process of capital production. Relative surplus value// Marx K., Engels F. Soch. 2nd ed. Vol. 47. P. 298, 285.
3. Electronic resource // Access mode: <https://dzen.ru/a/Y5sa7BYtkhPyGgy>.
4. Electronic resource // Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/04/07/2022/62c2d4589a79477dc9932f57>.
5. Electronic resource // Access mode: <https://fomag.ru/news-streem/bolee-300-mlrd-rublej-planiruetsya-napravit-na-niokr-v-sfere-aviastroeniya-mishustin/>
6. Electronic resource // Access mode: <https://freeaboutfinance.com/ekonomika/mishystin-zaiavil-o-neobhodimosti-perehoda-k-operejaushei-modeli-ekonomiki/>

Информация об авторе

Н. П. Купрешенко — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

N. P. Kupreschenko — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 24.01.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 33.336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-272-278>

НИОН: 2003-0059-2/23-656

MOSURED: 77/27-003-2023-02-855

Оценка состояния и угроз экономической безопасности в реальном секторе экономики

Андрей Владимирович Минаков¹, Татьяна Николаевна Агапова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ minakov-info@yandex.ru

² tnagapova@gmail.com

Аннотация. Обеспечение достаточного уровня экономической безопасности реального сектора экономики России является важнейшей составляющей возвращения национальной экономики на траекторию устойчивого роста.

Цель исследования — оценка состояния экономической безопасности и актуальных угроз для реального сектора экономики России. В статье использованы как общенаучные, так и специально-научные методы. Основными задачами в рамках исследования выступили: формирование методологических основ управления экономической безопасностью в реальном секторе экономики, диагностика состояния реального сектора экономики России в контексте экономической безопасности, а также выявление актуальных угроз.

Область применения результатов: понимание важности управления экономической безопасностью в реальном секторе экономики России. Выводы: действующий подход к управлению экономической безопасностью в реальном секторе экономики России обеспечивает только его выживание, для возвращения на траекторию устойчивого развития на инновационной основе необходимым условием видится прекращение военного конфликта и снятие санкций.

Ключевые слова: экономическая безопасность, санкционное давление, реальный сектор экономики, угрозы экономической безопасности, управление экономической безопасностью

Для цитирования: Минаков А. В., Агапова Т. Н. Оценка состояния и угроз экономической безопасности в реальном секторе экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 272–278. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-272-278>.

Original article

Assessment of the state and threats to economic security in the real sector of the economy

Andrey V. Minakov¹, Tatyana N. Agapova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ minakov-info@yandex.ru

² tnagapova@gmail.com

Abstract. Achieving a sufficient level of economic security of the real sector of the Russian economy is the most important component of the sustainable growth.

The purpose of the study is to assess the state of economic security and current threats to the real sector of the Russian economy. The article uses both general scientific and special scientific methods. The main tasks of the study are: the formation of methodological foundations for managing economic security in the real sector of the economy, the diagnosis of the state of the real sector of the Russian economy in the context of economic security, as well as the identification of current threats.

The scope: understanding the importance of managing economic security in the real sector of the Russian economy, assessing the prospects for improving economic security. Conclusions: the current approach to managing economic security in the real sector of the Russian economy ensures only its survival, in order to return to the trajectory of sustainable development on an innovative basis, it is a necessary condition to end the military conflict and partially lift anti-Russian sanctions.

© Минаков А. В., Агапова Т. Н., 2023

Keywords: economic security, sanctions pressure, real sector of economy, threats to economic security, management of economic security

For citation: Minakov A. V., Agapova T. N. Assessment of the state and threats to economic security in the real sector of the economy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):272–278. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-272-278>.

Возможности восстановления устойчивого социально-экономического развития экономики Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного давления находятся в тесной взаимосвязи с функционированием реального сектора страны, его возможностями противостоять внешним шокам и наращивать объемы выпуска. Реальный сектор экономики, как справедливо замечает группа исследователей под руководством Н. Г. Гаджиева, представляет собой «отрасли экономики, производящие материально-вещественный продукт, нематериальные формы богатства и услуги, за исключением операций в финансово-кредитной и биржевой сферах» [1, с. 278]. Однако верным является и замечание Н. Л. Зайцева о том, что реальный сектор экономики нацелен на «производство высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции, способной удовлетворять интересы потребителей на внутреннем и внешнем рынках» [2, с. 131]. Таким образом, ключевой целью деятельности реального сектора экономики Российской Федерации является обеспечение расширенного воспроизводства продукции, востребованной как внутри страны, так и в мире, и созданной с использованием новейших технологических разработок. Устойчивое развитие реального сектора экономики России невозможно без задействования инновационной составляющей, так как инновации «позволяют не только достигнуть устойчивого роста, но и избежать возникновения кризисных ситуаций в экономике» [3, с. 97]. Однако задействование

инновационной составляющей и выход реального сектора на траекторию устойчивого развития в условиях беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию, с нашей точки зрения, требуют усиления внимания к вопросам экономической безопасности реального сектора. Экономическая безопасность в реальном секторе экономики, как верно заметил российский ученый В. И. Орехов, призвана обеспечить «его нахождение в диапазоне выживаемости — стабильное развитие» [4, с. 25]. Эффективное управление экономической безопасностью позволяет реальному сектору экономики сохранять уже достигнутые позиции в национальной экономической системе даже в условиях неблагоприятного внешнего воздействия (реализации совокупности угроз). После преодоления негативного влияния внешних факторов управление экономической безопасностью призвано вернуть реальный сектор экономики на траекторию устойчивого инновационного развития, максимизировать его вклад в реализацию национальных интересов России.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации, утвержденная в 2017 г., предусматривает «обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики» [5], однако до настоящего времени в научной литературе нет единого подхода к пониманию термина «экономическая безопасность реального сектора экономики». Подходы различных авторов представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1.

Подходы к определению сущности экономической безопасности реального сектора экономики

Автор либо источник	Определение
Стратегия экономической безопасности РФ [5]	Состояние защищенности реального сектора экономики от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются условия для реализации стратегических национальных приоритетов России, решение задач, стоящих перед реальным сектором экономики
Абалкин Л. И. Цит. по [4, с. 16]	Состояние реального сектора экономики, которое позволяет ему динамично и эффективно развиваться, а также решать социальные задачи. При этом государство имеет возможность управлять развитием реального сектора экономики на основе национальных стратегических интересов
Гаджиев Н. Г. [1, с. 279]	Совокупность условий и факторов, определяющих устойчивость, конкурентоспособность, эффективное использование производственного потенциала и способность к динамичному росту реального сектора на инновационной высокотехнологичной основе

Источник: составлено авторами на основе [1; 4; 5]

На основании изучения научной литературы предлагается следующее определение экономической безопасности реального сектора экономики: состояние реального сектора экономики, характеризующееся устойчивостью, конкурентоспособностью, динамичным ростом на инновационной высокотехнологичной основе и достижением целей функционирования, установленных на базе национальных стратегических интересов. Под устойчивостью реального сектора экономики понимается его способность стабильно функционировать при реализации различных угроз экономической безопасности и оперативно компенсировать нанесенный ущерб [7]. Конкурентоспособность реального сектора экономики с позиций экономической безопасности, с нашей точки зрения, предполагает как способность к выпуску

продукции, востребованной в России и за рубежом, так и динамику роста на инновационной основе, опережающую динамику в других странах, конкурирующих с Россией за приток иностранных инвестиций. Под динамичным ростом на инновационной высокотехнологичной основе, с нашей точки зрения, необходимо понимать обеспечение опережающего темпов роста выпуска в новых отраслях реального сектора экономики. Также при эффективном управлении экономической безопасностью реального сектора экономики появляется возможность достичь поставленных целей, тесно увязанных со стратегическими национальными приоритетами России.

Выстраивание механизма управления экономической безопасностью реального сектора экономики осуществляется в следующем порядке (табл. 2).

Таблица 2.

Этапы построения механизма управления экономической безопасностью реального сектора экономики

Этап	Описание
Формирование модели управления экономической безопасностью	Разработка теоретико-методологических основ механизма управления экономической безопасностью реального сектора экономики, формирование набора угроз экономической безопасности, на основании которых будет формироваться система индикаторов, а также подбор инструментов, задействование которых возможно в реальном секторе России
Диагностика реального сектора экономики с позиций экономической безопасности	Анализ состояния базовых и инновационных отраслей реального сектора экономики, вклада реального сектора в ВВП, занятость, экспорт России, экспертная оценка динамики макроэкономических показателей в условиях санкционного давления
Формирование индикаторов – параметров пороговых значений безопасности	Определяются индикаторы, позволяющие объективно и достоверно оценивать достижение экономической безопасности в реальном секторе экономики РФ, а также их допустимые значения
Организация управления экономической безопасностью	Распределение полномочий и обязанностей между государственными органами и институтами саморегулирования реального сектора экономики, государственная поддержка реального сектора экономики, направленная на противодействие угрозам экономической безопасности
Мониторинг результативности управления экономической безопасностью реального сектора экономики	На основе выбранных индикаторов оценивается фактическое достижение экономической безопасности и ее сохранение в реальном секторе экономики Российской Федерации, что рассматривается как важнейшая составляющая долгосрочного устойчивого развития страны

Источник: составлено авторами на основе [1, с. 287–288]

Теоретико-методологические основы управления экономической безопасностью реального сектора экономики Российской Федерации разработаны и отражены в действующей Стратегии экономической безопасности на период до 2030 г. Укрепление экономической безопасности реального сектора страны предусматривалось осуществлять по следующим направлениям [5]:

- обеспечение комплексной модернизации традиционных отраслей реального сектора, что позволило бы усилить инновационную составляющую развития и опережающими темпами наращивать выпуск конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью;
- обеспечение технологической независимости реального сектора экономики России, что особенно актуально для стратегически важных предприятий и отраслей;
- поддержка малого инновационного бизнеса, в т. ч. ориентированного на экспорт;
- совершенствование инфраструктуры, которая задействуется реальным сектором экономики;
- совершенствование территориальной организации реального сектора путем создания региональных и отраслевых кластеров, территорий с льготным режимом ведения производственной деятельности, что позволило бы преодолеть существующие региональные

диспропорции и более полно задействовать потенциал России для повышения отдачи от реального сектора экономики.

Однако Стратегия экономической безопасности России не учитывала риски беспрецедентного санкционного давления на реальный сектор и другие секторы на-

циональной экономики, в связи с чем заложенные в ней инструменты и механизмы не позволили в полной мере нивелировать негативное влияние внешних шоков. Так, одним из важнейших индикаторов экономической безопасности в России является динамика объемов промышленного производства. Данные приведены в таблице 3.

Таблица 3.

Динамика промышленного производства в Российской Федерации за 2015–2022 гг., в процентах к предыдущему году

Год	Промышленно производство, всего	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства
2015	100,2	101,3	99,9
2016	101,8	102,6	101,1
2017	103,7	101,9	105,7
2018	103,5	103,8	103,6
2019	103,4	103,4	103,6
2020	97,9	93,5	101,3
2021	106,4	104,2	107,3
2022 (11 мес.)	99,9	101,1	99,2

Источник: составлено автором на основе [8]

Как видно из таблицы 3, санкции, введенные против Российской Федерации в 2014 г., в значительной степени повлекли за собой замедление темпов роста промышленного производства. Темпы роста выпуска оставались низкими на протяжении всего анализируемого периода (только в 2021 г. выпуск промышленной продукции возрос более чем на 6 %, что было связано с восстановлением деловой активности после карантинных ограничений 2020 г.). При этом в январе–ноябре 2022 г., как свидетельствуют статистические данные, обрабатывающие производства оказались более уязвимыми к санкционному давлению и иным внешним шокам: объем производства в обрабатывающей промышленности к январю–ноябрю 2021 г. сократился на 0,8 %, при этом в добывающей промышленности — вырос на 1,1 %. Наибольший спад производства ввиду внешних шоков в 2022 г. зафиксирован в следующих отраслях:

- производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (спад более чем на 44 % к январю–ноябрю 2022 г.). Уход мировых автопроизводителей с производственных площадок в России, разрыв цепочек поставок комплектующих повлекли за собой невозможность сокращения прежних объемов выпуска. В настоящее время происходит перестройка отрасли с участием стратегических партнеров из Китая и иных дружественных государств, однако в краткосрочной перспективе значительный спад в отрасли сохранится;
- производство бытовых приборов (спад на 39 %);

- производство паровых котлов, кроме котлов центрального отопления (спад более чем на 17 %);
- производство прочих фарфоровых и керамических изделий (спад на 15 %) [8].

Остается актуальной также проблема недостаточной инновационной активности в реальном секторе экономики России. В результате доля инновационной продукции в общем объеме отгрузки по итогам 2021 г. составила только 5,5 %, в т. ч. в обрабатывающей промышленности — 7,1 %, о чем свидетельствуют данные рисунка 1.

Как видно из рисунка 1, в течение 2017–2021 гг. реальный сектор экономики России не смог обеспечить существенного прироста инновационной активности, что было необходимо для достижения целей экономической безопасности. По итогам 2021 г. только 5,5 % промышленной продукции в России было представлено инновационными продуктами, а по итогам 2022 г. ввиду санкционного давления и иных внешних шоков ожидается значительное ухудшение результатов ведения инновационной деятельности на предприятиях реального сектора. Только 23,1 % предприятий обрабатывающей промышленности являются инновационно активными [9], крайне медленно разрабатываются производственные технологии, необходимые для обеспечения технологической безопасности реального сектора в условиях санкций. Динамика разработки передовых производственных технологий в реальном секторе экономики Российской Федерации за 2015–2021 гг. приведена в таблице 4.

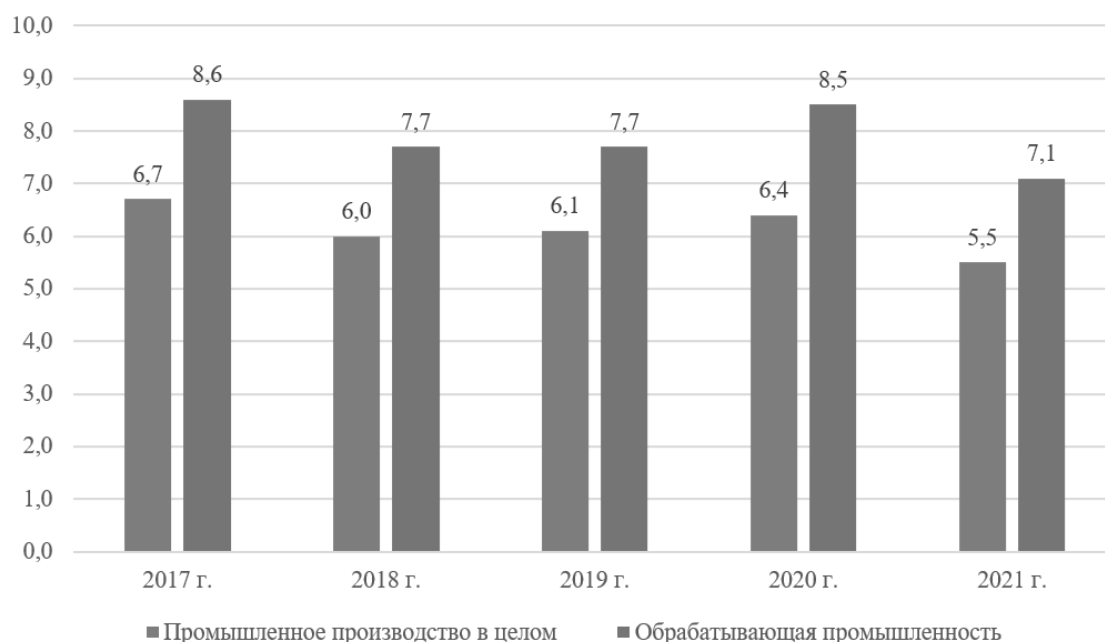

Рис. 1. Динамика удельного веса инновационной продукции в общем объеме выпуска промышленной продукции в России, в процентах

Источник: составлено авторами на основе [9]

Таблица 4.

Динамика разработки передовых производственных технологий в реальном секторе экономики Российской Федерации за 2015–2021 гг.

Год	Разработано передовых производственных технологий в сфере добычи полезных ископаемых	В т. ч. принципиально новых	Разработано передовых производственных технологий в обрабатывающей промышленности	В т. ч. принципиально новых	Справочно: количество используемых передовых технологий в реальном секторе
2015	18	1	442	26	155922
2016	25	0	523	32	162809
2017	23	0	442	33	168062
2018	22	1	502	34	176034
2019	51	2	532	35	185550
2020	62	8	666	39	165377
2021	48	11	737	76	173994

Источник: составлено авторами на основе [9]

Как видно из таблицы 4, темпы разработки передовых производственных технологий не позволяют обеспечить своевременное обновление технологической базы реального сектора экономики России. Так, при общем количестве используемых передовых технологий в размере 174 тыс. в 2021 г. самостоятельно в обрабатывающей промышленности России разработано только 737 передовых технологий, в т.ч. принципиально новых — 76. Зависимость реального сектора экономики России от импорта технологий является одной из наиболее значимых угроз экономической

безопасности.

В научной литературе, посвященной вопросам обеспечения экономической безопасности национальной экономики, продолжается дискуссия по вопросам классификации угроз экономической безопасности. Однако наиболее обоснованным применительно к избранной теме исследования видится деление актуальных угроз экономической безопасности реального сектора экономики на общие (характерные для национальной экономики в целом) и специфические (таблица 5).

Актуальные угрозы экономической безопасности реального сектора экономики Российской Федерации

Общие	Специфические
Спад выпуска под влиянием санкций и других внешних шоков	Невозможность восстановления выпуска в наиболее пострадавших отраслях реального сектора в краткосрочном периоде (в частности, в автомобильной промышленности)
Региональные и отраслевые диспропорции	Разрыв технологического сотрудничества, что затрудняет закупку новых передовых технологий
Высокий уровень износа материально-технической базы	Слабое развитие НИОКР, в результате чего количество создаваемых передовых производственных технологий незначительно
Невозможность выхода на финансовые рынки западных стран	Высокая импортоспособность производства в отдельных отраслях
Затруднения в закупке высокотехнологичного оборудования	Удорожание логистических процессов, что влечет за собой значительный рост себестоимости продукции
Отказ зарубежных заказчиков от российской экспортной продукции	Сужение географической структуры экспорта продукции
Низкая инновационная активность	Невозможность долгосрочного прогнозирования перспектив развития реального сектора экономики России
Ухудшение финансового состояния компаний и отраслей	Отток высококвалифицированного персонала из страны

Источник: составлено авторами на основе [4, с. 25–30]

Российское правительство активно принимает меры, направленные на нивелирование ущерба (как материального, так и нематериального) от проявления угроз в реальном секторе экономики России. Так, наиболее востребованы среди предприятий реального сектора следующие меры поддержки:

- беспошлинный ввоз технологического оборудования и сырья, необходимого для ведения деятельности в области производства лекарств и пищевой продукции, электрооборудования, добычи нефти и газа;
- предоставление фармацевтическим компаниям России грантов для самостоятельной разработки жизненно важных лекарств, которые в настоящее время импортируются;
- гранты на самостоятельное создание комплектов, ранее поставлявшихся из-за рубежа. В настоящее время АНО «Агентство по технологическому развитию» может выделять гранты в размере до 100 % необходимой суммы (НИОКР могут проводиться без финансового участия предприятия – инноватора);
- докапитализация региональных фондов развития промышленности России, что позволит более активно компенсировать затраты предприятий на уплату процентов по кредитам;
- льготные займы на импортозамещающие проекты, выделяемые Фондом развития промышленности;
- мораторий на плановые проверки бизнеса;
- освобождение ввозимого оборудования от НДС [10] и другие.

Однако, с нашей точки зрения, предпринимаемые

руководством страны меры позволяют обеспечить выживание реального сектора экономики, сохранение рабочих мест и производственных мощностей, однако не создают условий для возвращения на траекторию устойчивого развития. Угрозы экономической безопасности реального сектора остаются актуальными и влекут за собой значимые риски для национальной экономики в целом.

Дальнейшее развитие реального сектора экономики России в контексте экономической безопасности, с нашей точки зрения, возможно по двум сценариям. **Базовый** сценарий предполагает затягивание конфликта на Украине и сохранение действующего санкционного давления на российскую экономику. В результате усилится технологическое отставание реального сектора экономики России от мировых лидеров, ухудшатся возможности создавать принципиально новую продукцию, продолжится сужение географической структуры экспорта российской продукции. Фактически реальный сектор останется в диапазоне «выживание — устойчивое развитие», находясь на уровне выживания. **Оптимистический сценарий** предполагает заключение мирного соглашения с Украиной и прекращение военных действий, что позволяет рассчитывать на частичное снятие санкций. Появится возможность закупать технологии гражданского назначения, необходимые для ликвидации технологической отсталости и инновационной трансформации реального сектора экономики России, а также в значительной степени преодолеть существующие угрозы экономической безопасности и создать условия для долгосрочного устойчивого развития.

Список источников

1. Гаджиев Н. Г. Экономическая безопасность : учеб. пособие / под ред. С. А. Коноваленко. М. : ИНФРА-М, 2022. 526 с.
2. Зайцев Н. Л. Малый словарь экономиста. М. : ИНФРА-М, 2022. 224 с.
3. Кинзябулатова Г. И., Елкина Л. Г. Обеспечение сбалансированного развития инновационного и инвестиционного процессов в Российской Федерации // ЦИТИСЭ. 2022. № 1. С. 91–107.
4. Орехов В. И. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса : монография. М. : ИНФРА-М, 2022. 105 с.
5. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <https://base.garant.ru/71672608/>
6. Казанцев С. В. Антироссийские санкции : оценка ущерба : монография. М. : ИНФРА-М, 2023. 201 с.
7. Скоморощенко А. А., Мышонкова Е. С. Обеспечение экономической безопасности региона на основе оценки угроз в реальном секторе экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 1–2. С. 101–106.
8. Промышленное производство // Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.
9. Технологическое развитие отраслей экономики // Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>.
10. Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций // Правительство России. 2022.

URL: http://government.ru/sanctions_measures/

References

1. Gadzhiev N. G. Economic security : textbook / ed. S. A. Konovalenko. M. : INFRA-M, 2022. 526 p.
2. Zaitsev N. L. Small Dictionary of an Economist. M. : INFRA-M, 2022. 224 p.
3. Kinzyabulatova G. I., Elkina L. G. Ensuring a balanced development of innovation and investment processes in the Russian Federation // CITISE. 2022. № 1. P. 91–107.
4. Orekhov V. I. Economic security of modern Russia in a crisis : monograph. M. : INFRA-M, 2022. 105 p.
5. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 : decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208. URL: <https://base.garant.ru/71672608/>
6. Kazantsev S. V. Anti-Russian sanctions : damage assessment : monograph. M. : INFRA-M, 2023. 201 p.
7. Skomoroshchenko A. A., Myshonkova E. S. Ensuring the economic security of the region based on the assessment of threats in the real sector of the economy // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. № 1–2. P. 101–106.
8. Industrial production // Federal State Statistics Service. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.
9. Technological development of economic sectors // Federal State Statistics Service. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>.
10. Government measures to improve the sustainability of the economy and support citizens in the face of sanctions // Government of Russia. 2022. URL: http://government.ru/sanctions_measures/

Информация об авторах

А. В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Т. Н. Агапова — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Minakov — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

T. N. Agapova — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 15.03.2023. The article was submitted 24.01.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-279-283>

НИОН: 2003-0059-2/23-657

MOSURED: 77/27-003-2023-02-856

Психологические аспекты формирования кадрового резерва в органах внутренних дел

Елизавета Михайловна Гончарова¹, Татьяна Вячеславовна Подлесная²,
Владимир Вениаминович Простяков³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ goncharova_e_79@mail.ru

² TatianaPodlesnaya@yandex.ru

³ prostv2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема формирования кадрового резерва органов внутренних дел и аспектам психологического обеспечения работы с резервом на выдвижение. Систематизирована информация по изучаемой проблеме, обобщены научные подходы рассмотрения психологических и правовых условий формирования кадрового резерва. Приведены новые эмпирические факты, раскрывающие: особенности развития профессионально-значимых качеств структурно входящих в психологический потенциал сотрудников ОВД, состоящих в резерве кадров на выдвижение, не соответствующих уровню, необходимому для замещения управленческой должности; необходимость повышения уровня психологического потенциала. Предложены научно-практические рекомендации по развитию необходимых личностных качеств и организаторских навыков управленческой деятельности резервистов.

Ключевые слова: кадровый резерв, руководитель, мотивация, сотрудник органов внутренних дел, человеческий фактор, личностная характеристика, профессионально-психологическая подготовка, профессионально значимые качества, психологический потенциал

Для цитирования: Гончарова Е. М., Подлесная Т. В., Простяков В. В. Психологические аспекты формирования кадрового резерва в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 279–283. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-279-283>.

Original article

Psychological aspects of personnel reserve formation in the internal affairs bodies

Elizaveta M. Goncharova¹, Tatiana V. Podlesnaya², Vladimir V. Prostyakov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ goncharova_e_79@mail.ru

² TatianaPodlesnaya@yandex.ru

³ prostv2012@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of formation of personnel reserve of internal affairs bodies and aspects of psychological support of work with reserve for promotion. The paper systematizes information on the problem under study, generalizes scientific approaches to the consideration of the psychological and legal conditions for the formation of a personnel reserve. New empirical facts are given, revealing: the features of the development of professionally significant qualities that are structurally included in the psychological potential of police officers who are in the personnel reserve for promotion and do not correspond to the level required to fill a managerial position; the need to increase the level of psychological potential. Scientific and practical recommendations are proposed for the development of the necessary personal qualities and organizational skills for the managerial activity of reservists.

Keywords: personnel reserve, leader, motivation, internal affairs officer, human factor, personal characteristics, professional and psychological training, professionally significant qualities, psychological potential

© Гончарова Е. М., Подлесная Т. В., Простяков В. В., 2023

For citation: Goncharova E. M., Podlesnaya T. V., Prostyakov V. V. Psychological aspects of personnel reserve formation in the internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):279–283. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-279-283>.

Вопрос влияния социально-психологических причин на деятельность сотрудников органов внутренних дел является актуальным для специалистов различных сфер и отраслей знаний, в том числе, психологов [4, с. 12].

На постоянной основе исследуется и проблема формирования кадрового резерва в силовых структурах. Она является многоаспектной, включающей в себя несколько составляющих: организационную, правовую и психологическую. Стоит отметить, что первым двум довольно часто уделяется внимание исследователей. Так, в своих трудах их освещали А. М. Омарова, Л. М. Колодкина, Ю. А. Розанбаум, А. Н. Роша, В. М. Соломонова и др. Психологический же момент детально не изучался. Анализ работы с резервом кадров проводился сквозь призму иных проблем профессиональной деятельности. Рассматривалась психологическая поддержка и консультирование управленцев, разбирались методика и стили руководства, прорабатывались требования, предъявляемые к личности руководителя и т. д.

Нельзя не отметить, что подготовке управленческих кадров в нормативных правовых актах МВД России также уделено внимание. Однако, несмотря на то, что существует довольно основательная правовая база, руководители в системе органов внутренних дел все-таки испытывают некоторые трудности. Носят они в основном психологический характер. Так, непониманием управленцам бывает не просто перестроить отношения с сослуживцами, иногда они испытывают неуверенность при принятии решений административно-координационного характера, сталкиваются с непониманием со стороны подчиненных и т. д.

Интересен тот факт, что, по мнению многих исследователей, зачисление сотрудника в кадровый резерв на выдвижение в связи с тем, что он хорошо зарекомендовал себя на службе и имеет соответствующее образование, не является гарантией того, что из него получится успешный и эффективный управленец. Необходима комплексная, целостная подготовка личности резервиста, но она, к сожалению, отсутствует, как и четкая регламентированность деятельности психологов в данном направлении.

Работа с резервом не редко обусловлена происходящими организационно-штатными изменениями, например, назначением на вышестоящую должность, появлением вакансий, увольнением. В подобных условиях невозможность найти высококвалифицированного кандидата на должность руководителя скажется на снижении продуктивности деятельности всего подразделения.

Чтобы работа управленца была эффективной ему

важно учитывать индивидуально-психологические особенности подчиненных. Это необходимо в условиях формирования управленческого звена, в ситуации командообразования и при разработке программы переподготовки и повышения квалификации кадров и планировании их дальнейшего роста по карьерной лестнице.

Необходимо отметить, что качество всестороннего изучения действующих и «потенциальных» руководителей зависит от ряда причин. Во-первых, чтобы психологический анализ был емким и обстоятельным, важно предоставить максимально полные данные, характеризующие личность управленца. Во-вторых, важны надлежащее методическое обеспечение работы и профессионализм психолога.

В большинстве своем исследования, направленные на освещение проблемы психологического обеспечения работы с резервом на выдвижение, посвящены изучению и диагностике сотрудников органов внутренних дел, их эмоциональной подготовке и оценке готовности к осуществлению управленческой деятельности. Изучением этой актуальной темы занимались Н. В. Андреев, Я. Я. Белик, И. В. Горлинский, М. Г. Дебольский, Е. П. Клубов, М. И. Марьян, Н. И. Мягких, В. М. Поздняков, А. М. Столяренко, В. П. Трубочкин, В. И. Черненилов и др.

А. М. Столяренко, работавший над вопросом подготовки кадров для органов внутренних дел, создал методологическую концепцию профессионально-психологической подготовки сотрудников. Он считал, что необходимо формировать у каждого сотрудника навыки по применению знаний по юридической психологии на практике, развивать профессионально значимые качества личности, которые способствовали бы эффективному выполнению задач в служебной деятельности.

Однако несмотря на то, что проблемой правового регулирования работы с кадровым резервом занималось большое количество исследователей, она остается актуальной. При этом, на наш взгляд, особое внимание необходимо обращать на вопросы совершенствования управления, организационно-штатного построения, правового, психологического и кадрового обеспечения органов внутренних дел, которые, являются основополагающими при решении задач, возложенных на органы внутренних дел [1, с. 17].

В соответствии с организацией формирования кадрового резерва составляются программы для подготовки сотрудников, которые должны предусматривать сроки прохождения теоретической и практической подготовки, в том числе психологической. Руководи-

тели подразделений МВД России, в которых несут службу сотрудники, включенные в кадровые резервы, совместно с кадровыми подразделениями обеспечивают им условия для выполнения программ.

При формировании кадрового резерва главная задача состоит в том, чтобы обеспечить надежное выявление наиболее перспективных кандидатов, обладающих качествами, необходимыми для профессиональной руководящей деятельности. Чтобы успешно ее решить нужно использовать научно обоснованные и приемлемые на практике критерии и методы оценки кадров [3, с. 117].

Необходимо заметить, что работа с резервом обусловлена периодически возникающей потребностью организации в замещении вакантных должностей руководителей в связи с организационно-штатными коррективами, выдвижением руководителей на вышестоящую должность, увольнением, появлением вакансий и по другим причинам. В этих условиях отсутствие квалифицированного кандидата на руководящую должность является существенным обстоятельством снижения эффективности служебной деятельности подразделения [2, с. 27].

С целью изучения уровня психологического потенциала сотрудников органов внутренних дел, состоящих в кадровом резерве, нами была проведена психологическая диагностика 56 сотрудников. Исследование проводилось с применением методики СРІ (Калифорнийского психологического опросника). Она дает качественную оценку личностных характеристик сотрудника ОВД и применяется для выявления способностей кандидатов на зачисление в резерв руководящих кадров.

В ходе исследования выявлено, что стремление к лидерству у большинства сотрудников, состоящих в резерве руководящих кадров, развито на среднем уровне — 47 %. Однако показатель низкого потенциала остается значительным — 38 % опрошенных, следовательно, они недостаточно мотивированы к осуществлению управленческой деятельности. Лишь у 15 % респондентов указанный критерий развит на высоком уровне (диаграмма 1).

Если говорить о показателях управленческого мышления, то следует отметить, что в данном направлении сотрудники имеют в большей степени средний уровень развития — 89 %, при этом, лишь 11 % характеризуется наличием адекватно сформированной индивидуально-управленческой концепции резервистов, выраженными организационными способностями.

Эмоциональная устойчивость у большинства опрошиваемых развита на среднем уровне — 77 %. Значительными остаются показатели уровней среднего и ниже среднего — 23 % для каждого критерия.

По результатам диагностики такой шкалы, как профессиональная общительность, выявлено следующее: средний уровень развития — 56 %, ниже среднего — 26 %, низкий — 18 % (диаграмма 2).

Диаграмма 1.
Стремление к лидерству у сотрудников органов внутренних дел, состоящих в резерве руководящих кадров

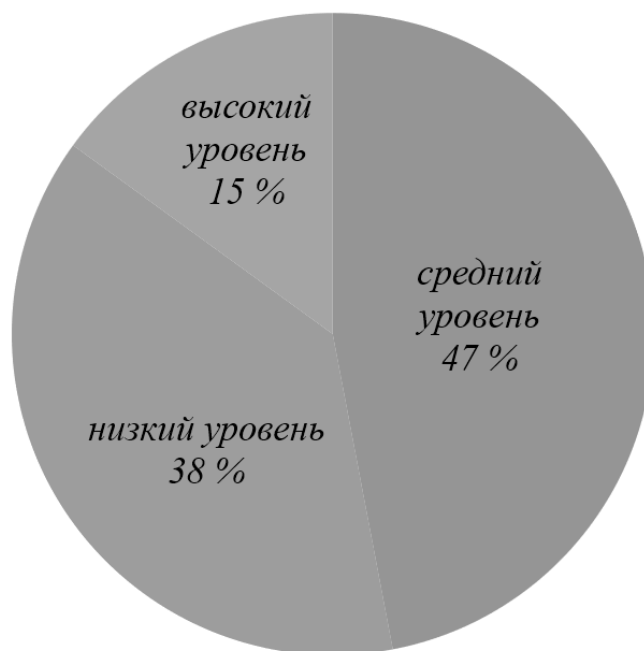
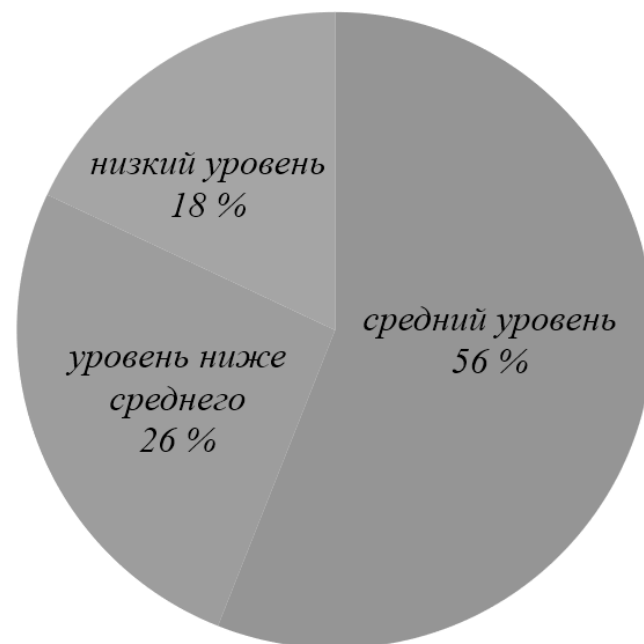

Диаграмма 2.
Профессиональная общительность сотрудников органов внутренних дел, состоящих в резерве руководящих кадров

Такой показатель как позитивное влияние на социально-психологический климат у респондентов, в большинстве своем, развит на уровнях средний (65 %) и высокий (35 %).

Оценка полученных результатов диагностики уровня развития психологического потенциала у респондентов говорит о том, что наименее развитыми компонентами являются мотивационная составляющая (стремление к лидерству) и профессиональное общение, что говорит о необходимости специального психологического сопровождения резервистов на этапе подготовки к руководящей деятельности.

Результат психологической диагностики позволяет сформулировать следующие выводы:

- анализ научных трудов, затрагивающих деятельность психологической службы в органах внутренних дел, показывает некое противоречие между снизившимся уровнем профессионализма руководящих кадров и возросшими требованиями к ним. Данный парадокс говорит о важности усиления работы с резервом на выдвижение. Грамотный подход необходим не только к организации обучения «потенциальных» руководителей, но и к их психологической подготовке;
- рассмотрение вопроса повышения психологического потенциала руководящего звена и резерва на их должности должно основываться на изменении системы их подготовки, более эффективном использовании форм и методов обучения психологии управления;
- работа по обеспечению высококвалифицированного руководящего резерва требует согласованных действий кадровой и психологической служб, а также руководителей всех уровней, которые смогут выявить перспективных будущих управленцев;
- крайне важна диагностика индивидуально-психологических особенностей резервистов, работа по развитию необходимых личностных качеств, помощь и поддержка сотрудника, назначенного на управленческую должность;
- в настоящее время не все правовые и организационные вопросы деятельности психологической службы в должной мере урегулированы нормативными правовыми актами. Так, не уделено должного внимания взаимодействию психолога с кадровым резервом.

Таким образом, формирование личности сотрудника ОВД — это многогранный процесс приобретения личных и профессиональных качеств путем освоения современного законодательства, исполнения соответствующих ведомственных установок, преобразования полученных знаний и навыков в убеждения и привычки.

Профессиональная психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов должна включать не только формирование умений для действий в экстремальных ситуациях, но и обучать преодолению деструктивного воздействия, неблагоприятных факторов и развивать психологическую

устойчивость к стрессогенному влиянию профессиональной деятельности [1, с. 19].

Создание высококвалифицированного кадрового резерва — важный вопрос. От компетенции сотрудников, в него входящих, во много зависит будущее правоохранительной системы. Ей необходимы профессионалы своего дела, стрессоустойчивые личности, обладающие определенным набором качеств. В связи с чем важно уделять большое внимание психолого-правовому аспекту при подборе кандидатов в резерв руководящего состава органов внутренних дел.

Список источников

1. Агурева И. В., Простяков В. В., Марьясис И. Б. Социально-психологические аспекты формирования профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел // Юридическая психология. 2021. № 2. С. 17–20.
2. Балкаров А. Я. Правовое и организационное обеспечение работы с кадровым резервом в органах внутренних дел Российской Федерации. Дисс. канд. психол. наук. М. : Академия управления МВД России, 2017. 235 с.
3. Леонтьева Ю. А. Социально-психологическая компетентность руководителей внутренних органов дел как показатель успешности профессиональной деятельности // Актуальные проблемы психологического обеспечения практической деятельности силовых структур : сборник материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции специалистов ведомственных психологических и кадровых служб с международным участием. СПб : Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2015. С. 114–119.
4. Шарафутдинова Н. В., Марьясис И. Б., Простяков В. В., Гончарова Е. М. Психологическая устойчивость как фактор успешности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Юридическая психология. 2019. № 4. С. 12–16.

References

1. Agureeva I. V., Prostyakov V. V., Maryasis I. B. Socio-psychological aspects of the formation of professional competence of employees of internal affairs bodies // Legal psychology. 2021. № 2. P. 17–20.
2. Balkarov A. Ya. Legal and organizational support of work with the personnel reserve in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Diss. cand. psychological sciences. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 235 p.
3. Leontieva Yu. A. Socio-psychological competence of the heads of internal affairs bodies as an indicator of the success of professional activity // Actual problems of psychological support for the

practical activities of law enforcement agencies: a collection of materials of the Fourth All-Russian Scientific and Practical conference of specialists of departmental psychological and personnel services with international participation. St. Petersburg : St. Petersburg named after V.B.

Bobkov branch of the MOUTH, 2015. P. 114–119.
4. Sharafutdinova N. V., Maryasis I. B., Prostyakov V. V., Goncharova E. M. Psychological stability as a factor of success of professional activity of employees of internal affairs bodies // Legal psychology. 2019. № 4. P. 12–16.

Информация об авторах

Е. М. Гончарова — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

Т. В. Подлесная — слушатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

В. В. Простяков — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

E. M. Goncharova — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

T. V. Podlesnaya — Student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

V. V. Prostyakov — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 12.04.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 12.04.2023.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-284-287>

НИОН: 2003-0059-2/23-658

MOSURED: 77/27-003-2023-02-857

К проблеме измерения и диагностики в современной классической психологии и квантовой физике

Игорь Борисович Лебедев¹, Ольга Олеговна Святенко², Ярослав Романович Мельник-Веденеев³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ i_leb53@mail.ru

² olga.svyatencko@yandex.ru

Аннотация. Исследуется вопрос об определении ключевого понятия психологии — психики. Стоит вопрос о природе психики, её базовой единице. Без ответа на эти вопросы нет возможности выстроить систему для ее измерения, подобрать или разработать подходящую инструментальную базу. Описан подход к данной проблеме через призму законов квантовой физики.

Ключевые слова: квантовая физика, психология, психика, нелокальность психики

Для цитирования: Лебедев И. Б., Святенко О. О., Мельник-Веденеев Я. Р. К проблеме измерения и диагностики в современной классической психологии и квантовой физике // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 284–287. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-284-287>.

Original article

On the problem of measurement and diagnostics in modern classical psychology and quantum physics

Igor B. Lebedev¹, Olga O. Svyatenko², Yaroslav R. Melnik-Vedeneev³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ i_leb53@mail.ru

² olga.svyatencko@yandex.ru

Abstract. To date, the question about the definition of the key concept of psychology — the psyche — remains open. There is a question of defining its nature, its constituent components, its functions and mechanisms of work. Without answering these questions, there is no way to construct a system to measure it, to select or develop a suitable instrumental framework. The present article will describe an approach to this problem through a prism of quantum physics laws.

Keywords: quantum physics, psychology, psyche, nonlocality of psyche

For citation: Lebedev I. B., Svyatenko O. O., Melnik-Vedeneev Ya. R. On the problem of measurement and diagnostics in modern classical psychology and quantum physics. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):284–287. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-284-287>.

Обращаясь к проблеме измерений психики на современном этапе развития психологии, стоит сначала рассмотреть ключевые понятия этой проблемы.

В общей психологии под психикой понимается свойство высокоорганизованной материи отражать объективную реальность, строить на основе отражения субъективный образ и на основе этого образа регулировать свое поведение и деятельность. Исходя из определения видно, что под психикой понимают высокоорганизованную материю, работающую по принципу «зеркала» с определенным фильтром, который

преобразует объективную реальность в субъективный образ. И данная материя регулирует себя и действует на основе полученного образа. Исходя из позиций естественных наук (биология, физиология, анатомия) психика является продуктом деятельности центральной нервной системы. Одним из главных свойств психики является ее эмерджентный характер, то есть она обладает особыми свойствами, не присущими ее элементам, и не представляет собой сумму свойств элементов, не связанных между собой специфическими системными связями, однако все измерения основаны

на изучении совокупности компонентов психики. Это одна из проблем современных измерений психики. Из этого следует, что психика понимается как локализованная высокоорганизованная материя, но вопрос о базовой единице психики и ее локальности остается открытым.

«Никакую проблему невозможно решить на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень» (Альберт Эйнштейн).

Мы считаем, что наиболее близким к пониманию природы психики является сопоставление природы и функционирование психики с подходом квантовой физика. Формирование идей квантовой физики относится к прошлому столетию. Эксперимент с двумя щелями в современной физике показывает, что свет и материя в целом могут обладать как классическими волновыми свойствами, так и свойствами частиц, и что квантовомеханические явления в основе своей стохастические. Впервые эксперимент со светом был проведен Томасом Юнгом в 1801 году; в 1927 году Дэвиссон и Джермер доказали, что электроны ведут себя так же, и впоследствии эксперимент был распространен на атомы и молекулы.

«Опыт Томаса Юнга со светом был частью классической физики задолго до квантовой механики и концепции корпускулярно-волнового дуализма. Он полагал, что это продемонстрировало правильность волновой теории света. Его опыт иногда называют «щели Юнга» [3].

Основа этого эксперимента заключается в том, что когерентный источник света, например, лазерный луч, освещает пластину с двумя параллельными щелями, а свет, проходящий через щели, наблюдается на экране за пластиной. Из-за волновой природы света световые волны, проходящие через две щели, интерферируют друг с другом, создавая светлые и темные полосы на экране. Этот результат не должен иметь место, если свет состоит из классических частиц. Однако оказывается, что свет всегда поглощается экраном в виде отдельных частиц (не волн) в отдельных точках, а интерференционная картина возникает из-за изменения плотности этих частиц, попадающих на экран. Более того, эксперименты с щелевыми детекторами показали, что обнаруженные фотоны проходят только через одну щель (как классические частицы), а не через обе щели (как волны). Тем не менее, такие опыты показывают, что частицы не образуют интерференционную картину, если наблюдать, через какую щель они проходят. Эти результаты демонстрируют принцип корпускулярно-волнового дуализма.

Было обнаружено, что другие объекты атомного масштаба, такие как электроны, ведут себя аналогично при прохождении через двойную щель. Кроме того, наблюдение отдельных дискретных взаимодействий по своей природе является стохастическим и не может быть объяснено с помощью классической механики.

Опыт может быть сделан с намного более крупными объектами, чем электроны и фотоны, хотя он

становится более сложным с увеличением размеров. Крупнейшими объектами, для которых был проведен опыт с двумя щелями, были молекулы, каждая из которых содержала 810 атомов (общая масса которых составляла более 10000 атомных единиц массы).

Двухщелевой эксперимент (и его варианты) стал классическим мысленным экспериментом, ярким примером раскрытия тайн квантовой механики. Фейнман назвал его «явлением, которое невозможно объяснить классическими методами и которое лежит в основе квантовой механики. В действительности, оно содержит единственную тайну квантовой механики» [1].

Явление, обнаруженное в этом эксперименте, позже было объяснено с помощью «кота Шредингера» (первоначально «кошки») — мысленного эксперимента, предложенного Эрвином Шредингером, одним из основателей квантовой механики, в 1935 году, когда он обсуждал физический смысл волновой функции. «В ходе эксперимента возникает суперпозиция живого и мертвого кота. В эксперименте взяли кота, помещенного в коробку, и ампулу с ядовитым газом, который срабатывала или нет с определенной вероятностью» [4]. И пока наблюдатель не проверял кота в коробке, кот находился в состоянии суперпозиции — жив или мертв. Это наглядный пример корпускулярно-волнового дуализма. На основе данного эксперимента создавались разные интерпретации.

На сегодняшний день ведущими являются Копенгагенская интерпретация, стандартная интерпретация и многомировая интерпретация Эверетта.

Рассмотрим каждую из них, уделяя особое внимание многомировой интерпретации.

Копенгагенская интерпретация — интерпретация квантовой механики, сформулированная Нильсом Бором и Вернером Гейзенбергом во время их совместной работы в Копенгагене примерно в 1927 году. Бор и Гейзенберг пытались ответить на различные вопросы, возникающие в квантовой физике, в частности, о проблемах измерения.

Многомировая интерпретация отказывается от идеи копенгагенской интерпретации. Многомировая интерпретация довольствуется в своих объяснениях феноменом квантовой запутанности. У данной интерпретации, на сегодняшний день, наибольшее количество приверженцев.

На современном этапе своего развития психология опирается на идеи стандартной интерпретации, которые заключаются в том, что пока существует слишком много неясностей, технологии развиты недостаточно и следует оставить все, как оно есть.

Мы предлагаем, чтобы современная психология сосредоточилась на двух вторых объяснениях и рассматривала психику с точки зрения многомировой интерпретации. Если психология будет рассматривать психику и ее размерность через призму этой интерпретации, то можно будет более полно объяснить изначальный элемент, природу и функционирование психики, и на основе этого знания построить новую систему измерений.

Рассмотрим природу психики, ее функционирование в рамках многомировой интерпретации. Для более наглядного понимания вернемся к примеру, с котом Шрёдингера. Для группы людей, которые не видели кошку после эксперимента, кошка все еще находилась в суперпозиции, но для наблюдателя она уже была мертва. Как только наблюдатель рассказал группе людей о смерти кошки, их субъективная реальность изменилась. Один человек из этой группы не поверил, и его субъективное восприятие кошки осталось в суперпозиции. Он решил попробовать проверить эксперимент, чтобы убедиться, что «кошка все еще жива». Когда он подошел к коробке, то обнаружил, что кошка находится в коме, но еще жива. Газ частично вышел из ампулы, и его концентрация была недостаточно высока, чтобы убить кошку. Позже кошка была спасена. В этом случае мы видим, как работает эффект стороннего наблюдателя.

Интересно, что эксперименты, основанные на многомировой интерпретации, показали, что когда на явление, объект или субъект воздействует наблюдатель, происходит изменение объективной реальности через изменение субъективного ощущения реальности, в то же время изменяются и прошлые события (в квантовом мире время не имеет значения).

У психики есть способность не только отражать объективный мир и строить на основе его субъективный образ, но и способность производить с этим образом определенные действия, например, свести в точку, расширить до размеров вселенной, переместить из одного места в любое другое, при этом скорость перемещения практически мгновенна. Кроме пространственных манипуляций возможны и любые временные изменения: вектор времени может быть направлен в любую сторону, а также и остановлен. Поэтому, необходимо изучать ее особенности с позиции качества «нелокальности». Подобно частицам в квантовом мире, психика не локализована, и в каждый момент времени продукт ее деятельности локализован в чистом потенциале. По этой причине современная психология, основанная на стандартных интерпретациях, сталкивается с проблемами измерения. Самый важный фактор, который не позволяет наиболее точно измерить и даже предсказать психику, заключается в том, что ее природа аналогична квантовому миру, то есть в сфере чистого потенциала вероятности хаотично меняются от момента к моменту.

В материальном мире локальность — это необходимость для нас самих. Само слово «локальность» возникло в 17 веке и в переводе с английского буквально означает «местоположение», но в научном и философском контексте оно означает «все имеет свое место». Мы всегда можем указать на материальные объекты и определить их местоположение в системе координат. «Локальность является основой порядка и указывает не только на место объекта, но и на его отношения и связи с другими объектами. Таким образом, локальность указывает на определенную иерархию и систематизацию в расположении всех объектов.

Систематизация невозможна в нелокальном мире» [5]. Второй закон термодинамики — это именно закон перехода от локальности к нелокальности, применяемый к «закрытым» материальным объектам. Все в природе стремится пересечь жесткие границы локальности и вернуться в свое первоначальное состояние нелокальности, а не хаоса. Напротив, психика нелокальна, из нее невозможно извлечь только один элемент (Вильгельм Вундт, основатель классической экспериментальной психологии, пытался сделать это и не смог), поэтому все попытки систематизировать мир психических явлений — это голограммы, а голограммы исчезают, когда предпринимаются попытки преобразовать их из объема в плоскость.

Мы все являемся набором частиц, определяемых на самом глубоком уровне квантовыми правилами. Если наше тело и сознание разделяются при каждом квантовом переходе, будут существовать копии, которые переживут все возможные исходы, включая тот, который определяет, живем мы или умираем. «Предположим, что в одном случае определенный набор квантовых переходов вызывает неправильное расположение клеток и приводит к смертельной форме рака. Для каждого перехода всегда найдется альтернатива, которая не вызывает рак» [2].

Оказывается, всегда будут ветки с выжившими. Добавьте к этому предположение, что наше сознание будет существовать только в живых копиях, и мы сможем пережить множество потенциально опасных квантовых переходов.

Из системного анализа (системный анализ — это прикладная ветвь теории систем, используемая для решения сложных проблем, которые не поддаются формализации) мы узнаем о мире через модели. Любая модель перестает работать, когда она пытается описать реальность, когда она пытается выйти за рамки модели. Когда мы пытаемся расширить сферу применения модели, чтобы уподобить ее реальности, описать ее и повлиять на нее, в итоге мы получаем реальность, которая сложнее этой реальности.

Вывод.

Современная наука переживает «нелокальную революцию», говорят авторы. Однако современная психология, в основном классическая, предлагает только один вид объяснения поведения. Локальность — это пошаговое объяснение, которое подчеркивает цепь детерминаций поведения, систему, которая непрерывно распространяется в пространстве от одной точки к другой. В науке высоко ценится способность предсказывать поведение человека на основе математических формул, принципы валидности, надежности и точности. Однако в настоящее время, возможно, необходимо расширить понятие индивидуальной компетентности на основе принципа недетерминизма.

Список источников

1. Бэн А. Психология / А. Бэн. М. : Типография «Петербургской газеты», 2000. 456 с.

2. Гефдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте : моногр. / Г. Гефдинг. М. : Типография Министерства Путь Сообщения, 1975. 390 с.
3. Иродов И. Е. Квантовая физика. Основные законы : учебное пособие / И. Е. Иродов. М. : Бинном, 2014. 256 с.
4. Мартинсон Л. К. Квантовая физика : учебное пособие / Л. К. Мартинсон, Е. В. Смирнов ; под ред. А. Н. Морозов. М. : МГТУ им. Баумана, 2012. 527 с.
5. Лебедев И. Б., Кузнецов А. Ю. Психика как нелокальная реальность нашего мира // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 310–315.

References

1. Ben A. Psychology / A. Ben. Moscow : Typography of Peterburgskaya Gazeta, 2000. 456 p.
2. Gefding G. Essays on experience-based psychology : monograph / G. Gefding. Moscow : printing house of Ministry of Railway Communication, 1975. 390 p.
3. Irodov I. E. Quantum physics. Basic laws : textbook / I. E. Irodov. M. : Binom, 2014. 256 p.
4. Martinson L. K. Quantum Physics : textbook / L. K. Martinson, E. V. Smirnov ; edited by A. N. Morozov. M. : Moscow State Technical University named after Bauman, 2012. 527 p.
5. Lebedev I. B., Kuznetsov A. Yu. Psyche as a nonlocal reality of our world // Psychology. Historical-critical reviews and contemporary research. 2019. Vol. 8. № 6A. P. 310–315.

Информация об авторах

И. Б. Лебедев — профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук;

О. О. Святенко — курсант 801-го учебного взвода 3 “П” курса Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Я. Р. Мельник-Веденев — курсант 801-го учебного взвода 3 “П” курса Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. B. Lebedev — Professor of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences;

O. O. Svyatenko — Cadet of the 801st training platoon of the 3rd “P” Course of the Institute of the Psychology of Performance of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

Ya. R. Melnik-Vedenev — Cadet of the 801st training platoon of the 3rd “P” course of the Institute of the Psychology of Performance of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 13.04.2023. The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-288-294>

НИОН: 2003-0059-2/23-659

MOSURED: 77/27-003-2023-02-858

Эмоциональная устойчивость как критерий профессиональной психологической пригодности сотрудника полиции

Александр Ильич Позин¹, Вера Алексеевна Балашова², Олег Геннадиевич Кравцов³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ pozuh@bk.ru

² VeraKasatka2014@yandex.ru

³ kravtsovog@gmail.com

Аннотация. Рассматривается эмоциональная устойчивость как критерий профессиональной психологической пригодности. При этом эмоциональное выгорание определяется как реакция на внешние обстоятельства, отражающие специфику профессиональной деятельности. С учетом многоаспектного характера служебной деятельности сотрудника полиции проанализированы особенности личности кандидатов на службу с точки зрения оценки их профессиональной психологической пригодности.

Ключевые слова: эмоции, эмоционально-волевая сфера, психические состояния, личность, индивидуально-психологические особенности, профессионально-психологическая пригодность, профессиональная деятельность сотрудников полиции, психология служебной деятельности органов внутренних дел

Для цитирования: Позин А. И., Балашова В. А., Кравцов О. Г. Эмоциональная устойчивость как критерий профессиональной психологической пригодности сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 288–294. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-288-294>.

Original article

Emotional stability as a criterion of professional psychological fitness of a police officer

Alexander I. Pozin¹, Vera A. Balashova², Oleg G. Kravtsov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ pozuh@bk.ru

² VeraKasatka2014@yandex.ru

³ kravtsovog@gmail.com

Abstract. In this article, emotional stability is considered as a criterion of professional psychological fitness. At the same time, emotional burnout is defined as a reaction to external circumstances reflecting the specifics of professional activity. Taking into account the multidimensional nature of the official activity of a police officer, the personality characteristics of candidates for service are analyzed from the point of view of assessing their professional psychological fitness.

Keywords: emotions, emotional-volitional sphere, mental states, personality, individual psychological characteristics, professional psychological fitness, professional activity of police officers, psychology of official activity of internal affairs bodies

For citation: Pozin A. I., Balashova V. A., Kravtsov O. G. Emotional stability as a criterion of professional psychological fitness of a police officer. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):288–294. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-288-294>.

Деятельность сотрудников правоохранительных органов весьма сложна и является объектом исследования целого ряда современных ученых, таких как: А. Д. Белоусов [1], Л. Н. Костина [3], В. Л. Кубышко [5], М. И. Марьин, В. Е. Петров, А. Д. Сафронов [7],

А. М. Столяренко [12], И. Н. Носс, А. В. Кравченко, А. Ю. Федотов [8], В. Л. Цветков, Ю. А. Шаранов и др.

Рассматривая психологические особенности данной профессиональной деятельности, прежде всего, стоит отметить ее экстремальный характер. Сотруд-

© Позин А. И., Балашова В. А., Кравцов О. Г., 2023

ники полиции испытывают психофизические перегрузки, связанные с интенсивным характером деятельности, высокой ответственностью за ее результат. Под влиянием условий и специфики профессиональной среды личность может деформироваться в негативную сторону, что проявляется в снижении или утрате субъективной значимости деятельности, притуплении чувства профессионального долга, возрастанию эгоцентризма и т. д. Все это приводит к снижению эффективности результатов труда, формальному подходу к выполнению профессиональных обязанностей.

Изменения личности сотрудника полиции в негативную сторону, под влиянием условий и специфики профессиональной среды называется профессиональной деформацией личности. Данная проблема является весьма актуальной, ею занимались такие ученые как: С. Е. Борисова, Ю. С. Калягина, М. В. Кроз, В. С. Медведева и др. Наряду с профессиональной деформацией, был введен термин, который в отечественной литературе определяется как «эмоциональное выгорание». Между профессиональной деформацией и эмоциональным выгоранием существует много общего: оно также проявляется под влиянием профессиональной среды, в виде психологического защитного механизма, который представляет собой полное или частичное исключение эмоций в ответ на внешние раздражители. Проблема эмоционального выгорания, также является весьма актуальной психологической проблемой в современной правоохранительной структуре.

Е. Н. Томас и М. Е. Рябова изучали специфику эмоционального выгорания у сотрудников полиции с различным стажем службы. Авторы разделили респондентов на три группы. Первая группа включала молодых сотрудников, чей стаж службы составлял до 3-х лет, испытуемые второй группы обладали стажем службы от 4-х до 10-ти лет и стаж испытуемых третьей группы был более 10-ти лет. Было установлено, что сотрудники, чей стаж службы от 4-х до 10-ти лет наиболее подвержены эмоциональному выгоранию, в частности симптому «личностной отстраненности» [13].

Особенности эмоционального выгорания сотрудников правоохранительных органов в зависимости от стажа службы и гендерных различий исследовала М. О. Резванцева. В исследовании автора принимали участие сотрудники, чей стаж службы был более 5-ти лет и имели самые высокие показатели эмоционального выгорания. При этом, у всех сотрудников самые высокие показатели были по фазе «резистенция», которая единственной является формирующийся [11].

В работе Е. Г. Зуевой и А. И. Литвиновой было показано, что именно взаимодействие сотрудников полиции с гражданами в большей части способствует развитию эмоционального выгорания. Так авторы сравнили степень эмоционального выгорания в двух подразделениях: комендантской группы и сотрудников ОЧН «Гром», чья деятельность более стрессогенная, но не предусматривает общения с гражданами. Показатели эмоцио-

нального выгорания сотрудников комендантской группы оказались значительно выше [2].

В исследовании И. Н. Польшаковой и С. О. Ореховой взаимосвязи эмоционального выгорания и индивидуально-личностных особенностей у сотрудников органов внутренних дел было выявлено, что нервно-психическое напряжение имеет положительную корреляционную связь со всеми фазами эмоционального выгорания [9].

В рамках системного подхода О. А. Ульянина весьма полно описала иерархию и многогранность профессиональной деятельности сотрудника полиции [14]. К факторам, влияющим на профессиональную деятельность, относится нормативная регламентация, согласно которой сотрудник полиции должен постоянно соотносить свои действия с требованиями закона и ведомственными нормативно-правовыми актами. Его действия часто находятся на общественном обозрении, что увеличивает стрессовое воздействие, поскольку необходимо четко следовать принципам законности, гуманизма и уважению права и свобод человека, этическим правилам. Важным аспектом является, наличие властных полномочий, что предъявляет высокие требования к правосознанию сотрудника с учетом общественно открытого характера его деятельности. Не стоит забывать, что профессиональное общение сотрудника полиции связано с асоциальными элементами общества, которые зачастую негативно настроены в отношении него, находится в эмоциональном состоянии, отягощенном воздействием алкоголя или иных психотропных веществ. При этом сотруднику полиции необходимо с выдержкой и профессионализмом выполнять поставленные оперативно-служебные задачи, грамотно и корректно общаться с гражданами. Все эти особенности деятельности определенным образом воздействуют на личность сотрудника правоохранительных органов. Данное воздействие приводит к определенной деформации личности сотрудника.

Поэтому актуальным является вопрос, каковы особенности личности молодых сотрудников правоохранительных органов, которым только предстоит приступить к выполнению профессиональных обязанностей. Если у кандидатов на службу, будут отсутствовать признаки негативного психоэмоционального состояния, то можно констатировать, что наличие их у сотрудников, является следствием влияния профессиональной деятельности.

Поскольку профессиональная деятельность сотрудников полиции реализуется в экстремальных условиях, то и профессионально-психологический отбор имеет особое значение. Кандидаты при поступлении на службу проходят длительную процедуру отбора, включающую врачебно-военную комиссию, специальное психофизиологическое исследование с использованием полиграфа и психологическое тестирование.

Нами было проанализированы результаты профессионально-психологического отбора 228 кандида-

тов, по ряду аспектов: во-первых, это эмоциональная устойчивость кандидатов, во-вторых уровень внутренней саморегуляции, и в-третьих, был оценен ряд шкал психодиагностических методик, включенных в оценку личных и деловых качеств, таких как: реализация эмоционального напряжения, соматизация тревоги, тревога и депрессия, интернальность общая, интернальность профессиональной деятельности, интернальность в межличностном общении.

Кандидаты на службу в правоохранительные органы градируются по четырем категориям профессиональной пригодности: «рекомендован в первую очередь», «рекомендован», «рекомендован условно» и «не рекомендован». В ходе комплексного исследования кандидаты из выборки распределялись по трем категориям: рекомендованные — 123 кандидата, рекомендованные условно — 69 кандидатов и не рекомендованные — 36 кандидатов. Третья категория нами не принималась во внимание, так как ни один сотрудник из нее не поступил на службу в органы внутренних дел, в свою очередь, из второй группы поступило на службу около 70 % кандидатов, из первой 100 %, соответственно.

Е. А. Крупник понимает психологическую устойчи-

вость, как подвижную, а не статическую структуру, которая способствует нахождению баланса в профессиональной деятельности, между внутренними и внешними критериями [4].

Схожее мнение имеет Г. С. Никифоров, представляя психологическую устойчивость как совокупность качеств личности, где выделяет уравновешенность, стойкость, стабильность и сопротивляемость [10]. Психологическая устойчивость необходима для качественного выполнения сотрудником полиции поставленных задач. Уравновешенность позволяет сдерживать эмоции, стойкость способствует возможности противостоять трудностям службы. Сопротивляемость позволяет свободно принимать решения, и, наконец, стабильность, определяет фон настроения сотрудника.

Показатели эмоциональной устойчивости кандидатов представлены на рисунке 1. Данный критерий отмечает не только эмоциональную устойчивость, но и контроль поведения, проявлений эмоций. Как видно на рисунке 1 у рекомендованной и условно рекомендованной категории имеются существенные различия по итоговым оценочным показателям блока «эмоциональной устойчивости».

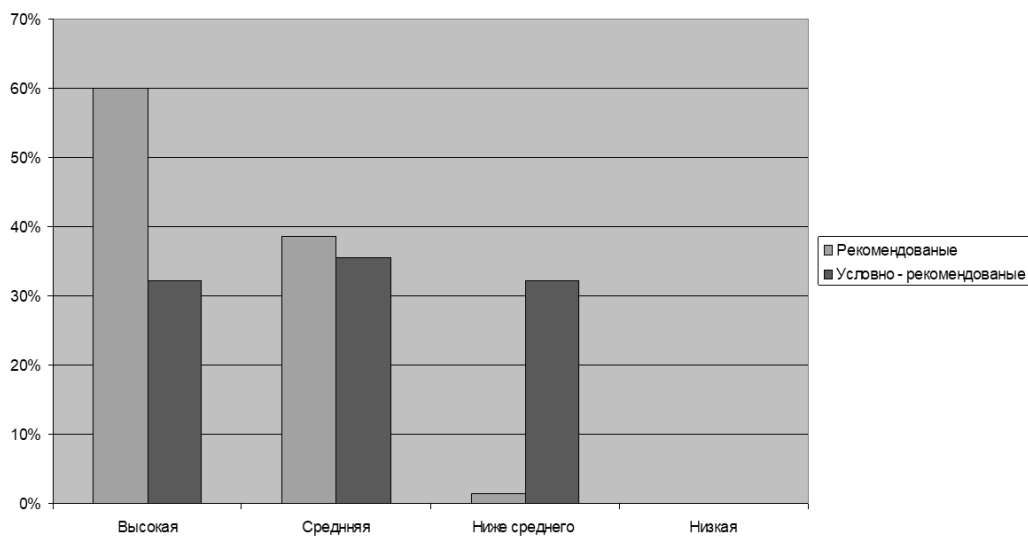

Рис. 1. Средние показатели эмоциональной устойчивости кандидатов на службу

Если рекомендованные кандидаты имеют достаточно оптимистичные показатели, то условно рекомендованные в 32,2 % случаев имеют итоговую оценку — ниже среднего. Исходя из этого, кандидаты условно рекомендованные, в своем большинстве имеют достаточно сформированную эмоциональную сферу, а их негативные оценки связаны с иными компонентами профессионального отбора. В свою очередь, среди рекомендованных кандидатов, в принципе нет эмоционально-неустойчивых, а показатели потенциальных сотрудников достаточно высокие, что дает возможность сделать позитивный прогноз

по их службе.

Блок саморегуляции (рис. 2) характеризует как кандидат проявит себя в профессиональной деятельности, и определяет такие качества, как организованность, выдержку, смелость, решительность, настойчивость, целеустремленность, работоспособность. Т. В. Мальцева понимает под психологической саморегуляцией навык человека, который заключается в возможности регулировать свои психические состояния в зависимости от требований окружающей среды, что способствует лучшей адаптации сотрудника к оперативно-служебной деятельности [6].

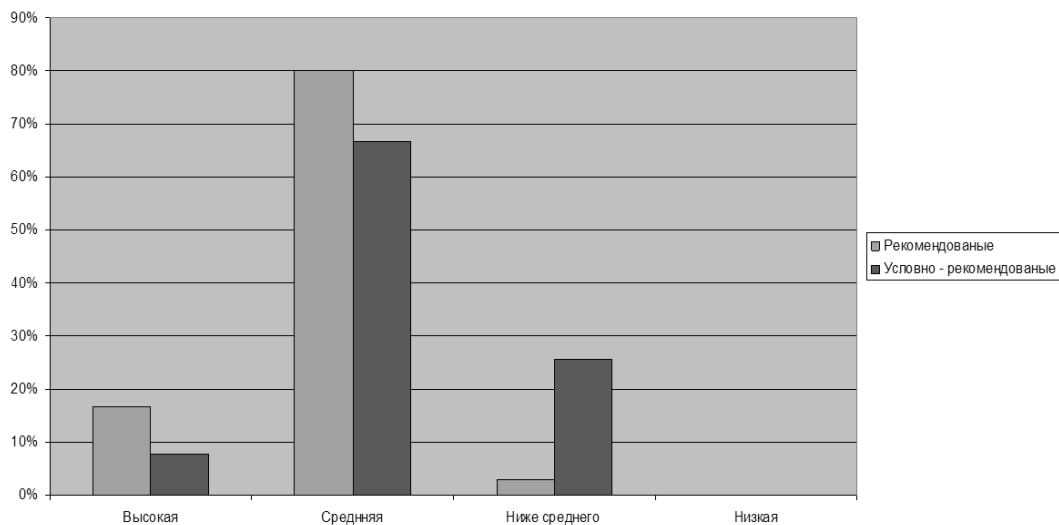

Рис. 2. Средние показатели саморегуляции кандидатов на службу

Показатели блока «саморегуляции» имеют более однозначную структуру, менее зависящую от общей оценки кандидата, так 80 % рекомендованных респондентов имеют среднюю оценку, в то время как условно рекомендованные — 66,6 %, хотя у них более часто встречается оценка ниже среднего (25,6 %), все равно это низкий процент от общего числа сотрудников, поступивших на службу, около 7,6 %. Данные показатели отображают возрастную категорию кандидатов на службу: это, как правило, молодые люди, не имеющие большого профессионального опыта, в некоторых аспектах не уверенные в себе, им только предстоит набраться опыта. Поэтому у всех кандидатов примерно средние значения данного показателя профессиональной пригодности, что соответствует предъявляемым требованиям. Стоит отметить, что у них отмечается скорее ни недостаток смелости, настойчивости и целеустремленности в деятельности, а их не организованный характер, т. е. кандидат еще не знает, каким способом он может себя проявить.

И, наконец, проанализируем шкалы психодиагностических методик (рис. 3), включенных в оценку личных и деловых качеств, таких как: реализация эмоционального напряжения, соматизация тревоги, тревога и депрессия, интернальность общая, интернальность профессиональной деятельности, интернальность в межличностном общении. Данные шкалы имеют следующие критерии оценки:

- высокий уровень — свыше 7,5 до 10 баллов;
- средний уровень — свыше 5,5 до 7,5 баллов включительно;
- уровень ниже среднего — свыше 2,5 до 5,5 баллов включительно;
- низкий уровень — от 1 до 2,5 баллов включительно.

Как видно на рис. 3, средние показатели данных

шкал находятся на среднем уровне, за исключением интернальности профессиональной деятельности и межличностного общения, где показатели расположены на границе между средним уровнем и ниже среднего.

Самые высокие показатели имеет шкала «соматизация тревоги», что говорит о том, что кандидаты не обращают внимания и не озабочены состоянием своего здоровья. Другими словами, они готовы к напряженной и усердной работе, которая требует больших сил, не обращая внимания на состояние усталости. Возрастные особенности здесь тоже играют важную роль, возраст кандидатов составляет, в среднем, 22–23 года, что обуславливает их готовность к активной деятельности и желанию проявить себя. Вторую позицию занимает шкала «реализация эмоционального напряжения», которая также имеет высокие показатели. Это свидетельство того, что кандидаты, поступившие на службы, в стрессовых ситуациях способны сохранять самообладание. Однако, у группы условно рекомендованных данный показатель несколько снижен, но все равно находится на среднем уровне. Шкала «тревога и депрессия» находится на одинаковом уровне у обеих групп. Во многом это ситуативный показатель, ведь поступление на службу достаточно трудный процесс, и кандидаты находятся в состоянии ситуативной тревожности, что и оказало свое влияние на результаты тестирования. Свойство ориентироваться на внутренний критерий, характерно для обеих групп кандидатов: у рекомендованных этот показатель находится на высоком уровне, у рекомендованных условно несколько снижен, как и остальные показатели, но все же находятся на среднем уровне. Другими словами, при поступлении на службу сотрудники полиции ориентированы собственными силами и возможностями при выполнении поставленных задач.

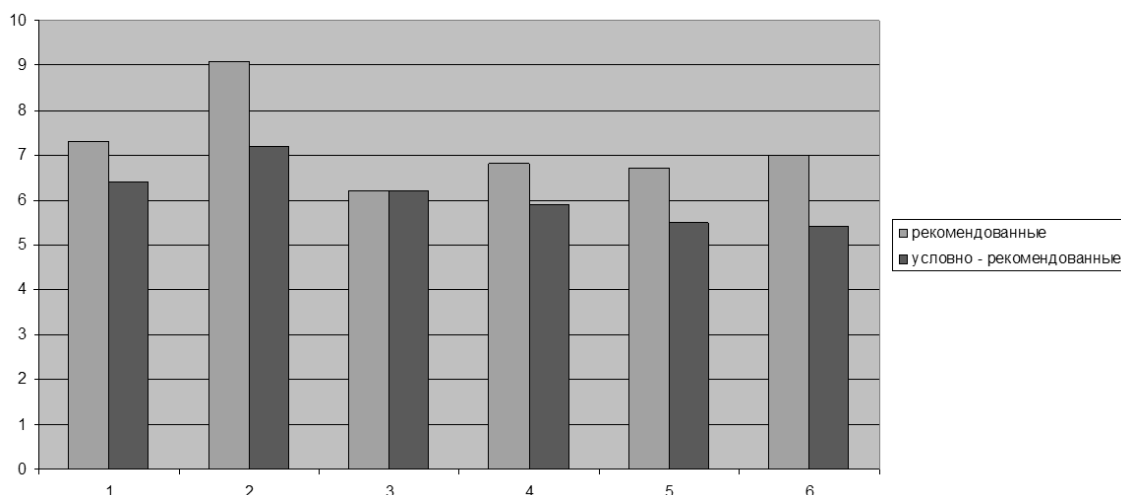

Рис. 3. Средние значения показателей качеств личности у респондентов

Примечание: по абсциссе координат расположены шкалы: 1 — реализация эмоционального напряжения; 2 — соматизация тревоги; 3 — тревога и депрессия; 4 — интернальность общая; 5 — интернальность профессиональной деятельности; 6 — интернальность в межличностном общении.

Таким образом, на основании полученных результатов можно сделать вывод, о том, что сотрудники полиции, поступившие на службу, имеют достаточный, для выполнения поставленных оперативно-служебных задач, уровень эмоциональной устойчивости. Они характеризуются, достаточным контролем своего поведения, адекватным проявлением эмоций, внутренней организованностью. У кандидатов на службу в ходе психологического отбора не обнаружено склонности к реализации эмоционального напряжения, к тревожным и депрессивным реакциям. В подавляющем большинстве у них отмечается необходимый внутренний контроль, как в профессиональной деятельности, так и в межличностном общении. При этом снижение показателей по этим шкалам, во многом объясняется возрастом кандидатов, который находится в пределах от 21 до 25 лет. Из чего можно сделать вывод, что наличие негативных психоэмоциональных состояний у сотрудников полиции во многом обусловлено именно влиянием условиями и содержанием профессиональной деятельности сотрудников полиции.

Список источников

1. Белоусов А. Д. Использование современных психологических методов для повышения профессиональной компетенции следователей по получению достоверных показаний подозреваемых и обвиняемых : науч.-практ. пособие. Москва : ВНИИ МВД России, 2016. 43 с.
2. Зуева Е. Г., Литвинова А. И. Профилактика коррупции в органах внутренних дел : нормативно-правовое обеспечение, практическая реализация, пути совершенствования. Материалы внутриведомственной научно-практической конференции, 2020.
3. Костина Л. Н., Перков А. А. Психолого-педагогические методы развития психологического потенциала курсантов // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2016. № 4. С. 164–166.
4. Крупник Е. П., Тагирова Р. А. Изучение проблемы устойчивости в различных педагогических школах // Психология человека в условиях социальной нестабильности. Москва : МПГУ, 1994.
5. Кубышко В. Л. Ведомственная профессионально-практическая психология в контексте 300-летия российской полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 8–13.
6. Мальцева Т. В. Психология : учебное пособие. Москва : РИОР: Инфра, 2017. 273 с.
7. Марьин М. И., Петров В. Е., Сафронов А. Д. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности : учебно-методическое пособие. Домодедово : ВИПК МВД России, 2014. 156 с.
8. Носс И. Н., Кравченко А. В., Федотов А. Ю. К вопросу о моделировании личностно-профессиональной пригодности курсантов вузов МВД России // Инновации в образовании. 2017. № 2. С. 94–106.
9. Польшакова И. Н., Орехова С. О. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. ФГАОУ ВО «Северно-Кавказ-

- ский федеральный университет», 2020.
10. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 607 с.
 11. Резванцева М. О. Психология и педагогика : актуальные проблемы теории и практики. Сборник материалов научно-практической конференции (к 15-летию факультета психологии МГОУ), 2019.
 12. Столяренко А. М. Психология и педагогика : учебник для вузов. 3-е изд. М., 2017.
 13. Томас Е. Н., Рябова М. Е. Современные инструменты управления человеческими ресурсами : теория и практика. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2016.
 14. Ульянина О. А. Психологическое сопровождение формирования личностной компетентности сотрудников органов внутренних дел в образовательных организациях МВД России : дис. ... д-ра психол. наук. Москва : Академия управления МВД России, 2019.

References

1. Belousov A. D. The use of modern psychological methods to improve the professional competence of investigators to obtain reliable testimony of suspects and accused : scientific and practical. manual. Moscow : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 43 p.
2. Zueva E. G., Litvinova A. I. Prevention of corruption in internal affairs bodies : regulatory and legal support, practical implementation, ways of improvement. Materials of the interdepartmental scientific and practical conference, 2020.
3. Kostina L. N., Perkov A. A. Psychological and pedagogical methods of developing the psychological potential of cadets // Bulletin of the Moscow regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 2016. № 4. P. 164–166.
4. Krupnik E. P., Tagirova R. A. Studying the problem of stability in various pedagogical schools // Human psychology in conditions of social instability. Moscow : MPSU, 1994.
5. Kubyshko V. L. Departmental professional and practical psychology in the context of the 300th anniversary of the Russian police // Bulletin of

- the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2. P. 8–13.
6. Maltseva T. V. Psychology : textbook. Moscow : RIOR: Infra, 2017. 273 p.
7. Maryin M. I., Petrov V. E., Safronov A.D. Psychological training of police officers for professional activity : an educational and methodological manual. Domodedovo : VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 156 p.
8. Noss I. N., Kravchenko A.V., Fedotov A. Yu. To the question of modeling the personal and professional fitness of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Innovations in education. 2017. № 2. P. 94–106.
9. Polshakova I. N., Orekhova S. O. North Caucasus Federal University. Collection of articles of the International Research Competition, 2020.
10. Psychology of health : textbook for universities / edited by G. S. Nikiforov. St. Petersburg : Peter, 2006. 607 p.
11. Rezvantseva M. O. Psychology and pedagogy : actual problems of theory and practice. Collection of materials of the scientific and practical conference (on the 15th anniversary of the Faculty of Psychology of Moscow State University), 2019.
12. Stolyarenko A. M. Psychology and pedagogy : textbook for universities. 3rd ed. M., 2017.
13. Thomas E. N., Ryabova M. E. Modern tools of human resource management: theory and practice. Chelyabinsk : Chelyabinsk State University, 2016.
14. Ulyanina O. A. Psychological support for the formation of personal competence of employees of internal affairs bodies in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia : dis. ... Doctor of Psychological Sciences. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

Библиографический список

1. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара : Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. 672 с.

Bibliographic list

1. Raygorodsky D. Ya. Practical psychodiagnostics. Methods and tests. Study guide. Samara : Publishing House «BAHRAKH», 1998. 672 p.

Информация об авторах

А. И. Позин — преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

В. А. Балашова — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

О. Г. Кравцов — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

A. I. Pozin — Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

V. A. Balashova — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’, Candidate of Psychological Sciences;

O. G. Kravtsov — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Психология. Учеб. пособие. Под ред. И. В. Грушева, В. Л. Цветкова ; под общ. ред. В. Ф. Родина, И. Б. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. 311 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебное пособие разработано в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта по специальностям "Правовое обеспечение национальной безопасности" и "Правоохранительная деятельность".

Рассмотрены основы психологии для сотрудников правоохранительных органов.

Для курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-295-301>

НИОН: 2003-0059-2/23-660

MOSURED: 77/27-003-2023-02-859

Исследование особенностей формирования профессиональной мотивации у сотрудников органов внутренних дел

Дарья Александровна Пустовитова¹, Ирина Алексеевна Чеснокова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Danja1993@inbox.ru

² malder1717@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается мотивационная сфера сотрудников полиции, как психологическое условие развития и успешности в профессии, эффективности выполнения профессиональной деятельности. По мнению авторов, мотивационный потенциал включает в себя волевую направленность сотрудника, его заинтересованность в достижении более высоких показателей, способность сосредотачиваться на профессиональных задачах, умение максимально эффективно использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы, стремление увлечь других членов коллектива и направить их усилия в нужное русло. Авторами была проанализирована сфера направленности сотрудников полиции как важнейшая составляющая профессионально значимых качеств, лежащих в основе положительного имиджа. Рассмотрены динамические и структурные аспекты мотивации профессиональной деятельности сотрудников полиции, а также особенности их ценностно-мотивационной сферы, которая отражает ценностные ориентации, социальные установки, интересы и социально обусловленные побуждения к деятельности сотрудников полиции.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, профессиональная Я-концепция, мотивационная направленность, достижение успеха, избегание неудач, служебная деятельность, профессионально важные качества, имидж сотрудника полиции

Для цитирования: Пустовитова Д. А., Чеснокова И. А. Исследование особенностей формирования профессиональной мотивации у сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 295–301. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-295-301>.

Original article

The study of the features of the formation of professional motivation among employees of the internal affairs bodies

Darya A. Pustovitova¹, Irina A. Chesnokova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Danja1993@inbox.ru

² malder1717@yandex.ru

Abstract. The motivational sphere of police officers as a psychological condition for the development and success in the profession, the effectiveness of professional activity is being considered. According to the authors, the motivational potential includes the strong-willed orientation of the employee, his interest in achieving higher indicators, the ability to focus on professional tasks, the ability to use the resources at his disposal as efficiently as possible, the desire to engage other members of the team and direct their efforts in the right direction. The authors analyzed the sphere of orientation of police officers as the most important component of professionally significant qualities underlying a positive image. The dynamic and structural aspects of motivation of professional activity of police officers, as well as the features of their value-motivational sphere, which reflects value orientations, social attitudes, interests and socially conditioned motives for the activities of police officers are being considered.

Keywords: professional motivation, professional self- concept, motivational orientation, achieving success, avoiding failures, official activity, professionally important qualities, image of a police officer

© Пустовитова Д. А., Чеснокова И. А., 2023

For citation: Pustovitova D. A., Chesnokova I. A. The study of the features of the formation of professional motivation among employees of the internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):295–301. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-295-301>.

Несомненно, успешность выполнения профессиональных задач напрямую зависит от сформированности у человека положительной мотивационной направленности, то важнейшей задачей, стоящей перед психологами органов внутренних дел становится изучение особенностей формирования и дальнейшего развития в процессе трудовой деятельности мотивационного потенциала индивида. Конечная цель всестороннего изучения данного вопроса — формулирование практических рекомендаций, позволяющих существенно повысить профессиональную мотивацию и направленность на достижение более высоких результатов в деятельности.

В зарубежной психологии проблематикой мотивации профессиональной деятельности занимались такие ученые как Э. Лоутер, К. Альдерфер, Д.М. Грегор, Ф. Тейлор, Э. Мейо и Л. Портер, в отечественной психологии данную тему изучали П. А. Журавлев, В. В. Маркелов, А. Г. Ковалев, Е. П. Ильин, А. А. Русалинова, Т. Г. Озерникова, А. А. Марасанова, В. М. Цветаев и многие другие.

По нашему мнению, формирование мотива проходит по определенным этапам.

Первый — формирование неопределенного, неясного, ориентировочного мотива. Человек находится в состоянии поиска, он проявляет активность, но пока она еще не имеет четкой направленности, нуждается в доработке и конкретизации. На данном этапе у человека наблюдается период увеличения энергии и заинтересованности, что стимулирует индивида к дальнейшему поиску и стремлению достичь более четких ориентиров.

Второй включает в себя выработку наиболее эффективной стратегии для достижения желаемого результата, что достигается благодаря апробации и калибровка различных способов поведения, а также предпочитаемых видов деятельности. Личность стремится просчитать риски и преимущества предпочтительных для нее форм и стратегий, здесь крайне важной является способность человека проявлять адекватность и объективность при оценке своих возможностей. Итогом данного этапа должно быть осознание возможных последствий выбираемого пути, а также приблизительного времени, необходимого для достижения промежуточных целей.

Третий — окончательный выбор цели и создание детального плана, позволяющего достичь желаемого результата. После изучения всех доступных вариантов и их всестороннего анализа человек должен остановиться на более надежном и продуктивном варианте (с его точки зрения).

Б. Ф. Ломов дает следующее определение: «Мы понимаем под мотивационной сферой личности всю совокупность ее мотивов, которые формируются и развиваются в течение ее жизни. В целом эта сфера динамична и изменяется в зависимости от многих обстоятельств. Однако некоторые мотивы являются относительно устойчивыми и доминирующими, образующими как бы «стержень» всей сферы (именно в них-то в первую очередь и проявляется направленность личности)» [1, с. 313].

Мотивация — является мощной стимулирующей силой, которая способна заставить человека преодолевать сложные (временами непреодолимые на первый взгляд) преграды, при этом сохраняя ощущение подъема и удовлетворенности от прикладываемых усилий. Человек почти не ощущает усталости и утомления, не смотря на высокие нагрузки, одновременно с этим, он способен длительное время удерживать активности и заинтересованность, даже если от него требуется выполнение монотонных действий. Именно поэтому мотивация представляет собой «процесс психической регуляции, влияющий на направление деятельности и количество энергии, мобилизуемой для выполнения этой деятельности» [2, с. 191–192].

Мотив является непростым психическим образованием, зависящим от многих индивидуально-типологических характеристик личности, он способствует выработке внутренней энергии человека и побуждает к проявлению осознанной активности, которая позволит достичь нужные ему цели.

Мотивационный потенциал включает в себя как волевую направленность сотрудника, его заинтересованность в достижении более высоких показателей, способность сосредотачиваться на профессиональных задачах, умение максимально эффективно использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы, стремление увлечь других членов коллектива и направить их усилия в нужное русло.

Все эти качества во многом зависят от темперамента человека и от наличия у него лидерских качеств. У сангвиников и холериков стремление к достижению успеха, уверенность и настойчивость значительно выше, чем у флегматиков и меланхоликов. Соответственно мотивационный потенциал включает в себя значительно больше социально-психологических ресурсов. Также он значительно выше у сотрудников в большей степени наделенными лидерскими качествами и обладающими организаторскими способностями.

Большое значение имеет также преобладание у сотрудника одного из мотивов: либо нацеленность на успех, либо стремление не допускать неудачи. В

первом случае поведение индивида коренным образом будет отличаться от поведения, свойственного противоположной стратегии. Первые действуют уверенно, проявляют смелость и настойчивость, готовы рисковать и ставят более сложные задачи. Не боятся препятствий, готовы к ним, не отступают даже в том случае, если не все идет по плану, быстро адаптируются к изменяющимся условиям и готовы всегда проявлять инициативу. Они более активно включаются в деятельность, не заикливаются на мелочах, пробуют различные средства и подходы, стараются все доводить до конца. Уверенность в успехе во многом способствует достижению более высоких показателей в деятельности, а также не позволяет сотруднику отчаиваться и опускать руки.

Иначе ведут себя сотрудники, мотивированные на избегание неудач. Главная цель — не допускать ошибок, любой ценой избегать критики и неодобрения, страх перед ответственностью за свои решения очень часто заставляет их отказываться от выгодных способов действия. Такие сотрудники редко полностью погружаются в выполняемую деятельность, они решают все поверхностно и стремятся к соблюдению внешних формальностей, удовлетворяются минимальными показателями в работе, считают, что лучше перестраховаться и не сделать совсем, чем допустить возможную ошибку. Они не способны испы-

тать чувство душевного подъема или захваченности общим делом, не бывают увлечены процессом. Они находятся в постоянном напряжении, их страхи и опасения часто оправдываются, даже тогда, когда эти шансы крайне малы. Они постоянно находятся в ситуации самоограничения, не способны проявлять гибкость и долго не решаются сделать какой-либо выбор, теряя при этом время. В нестандартных ситуациях они чувствуют растерянность, неспособны собраться и подключить дополнительные ресурсы. У таких сотрудников с работой чаще всего связаны отрицательные эмоциональные переживания, они не испытывают подъема энергии при ее выполнении и очень часто тяготятся своими обязанностями. В результате достаточно часто они подвергаются неудачам и, в конечном счете, не достигают тех целей, которые ставит перед ним руководство.

Нами была проанализирована сфера направленности сотрудников полиции как важнейшая составляющая профессионально значимых качеств, лежащих в основе положительного имиджа. Динамические и структурные аспекты мотивации профессиональной деятельности сотрудников полиции исследованы посредством модифицированного опросника Т. Л. Бадоева и шкал Т. Элерса. Данные, которые были получены в ходе эмпирического исследования, представлены на рисунках 1–2.

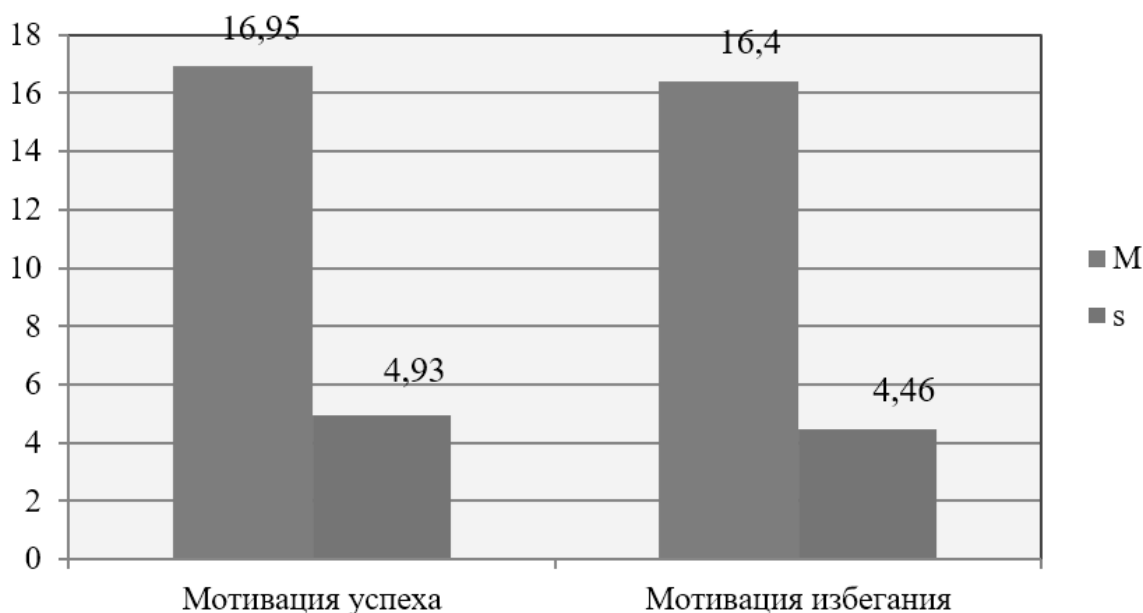

Рис. 1. Динамические аспекты мотивации сотрудников полиции ($n = 220$) в стенах
Примечание: М — среднее значение, S — стандартное отклонение

Мотивация достижения успеха отражается в направленности сотрудников полиции на служебную деятельность ради достижения профессиональных целей и решение поставленных перед ними задач. В свою

очередь, мотивация избегания неудач представляет собой направленность сотрудников правоохранительных органов в служебной деятельности на недопущение промахов и последующих за этим наказаний.

Полученные данные свидетельствуют об умеренно высоком уровне мотивации достижения успеха у обследованных сотрудников полиции ($16,95 \pm 4,93$ ст.). Это означает, что испытуемые предпочитают средний уровень риска. Действуя, сотрудники в большей мере рассчитывают на свой потенциал, чем на везение или удачное стечение обстоятельств.

Также для респондентов характерен средний уровень мотивации избегания неудач ($16,40 \pm 4,46$ ст.). В данном случае ориентация на результат при выполнении служебных обязанностей способствует развитию и проявлению в деятельности таких личностных свойств, как принятие ответственности, инициативность, коммуникативные и организаторские способности, лидерские качества.

Рис. 2. Структурные аспекты мотивации профессиональной деятельности сотрудников полиции ($n = 220$) в стенах

Примечание: M — среднее значение, S — стандартное отклонение

На рисунке 2 можно заметить, что в число наиболее значимых мотивов профессиональной деятельности обследованных сотрудников полиции вошли мотивы оплаты деятельности ($9,48 \pm 2,80$ ст.), престижа ($9,04 \pm 3,2$ ст.) и значимости правоохранительной деятельности ($7,33 \pm 3,72$ ст.). Выше среднего оценен мотив установления и поддержания позитивных взаимоотношений с коллегами. Вид профессиональной деятельности, возможность реализации в ее рамках своих потенциальных возможностей, а также реальность повышения профессиональной компетентности — все перечисленные показатели являются достаточно сильными мотиваторами выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел.

В группу незначимых в профессиональной деятельности мотивов вошли творческие и гигиенические мотивы.

Изучение ценностно-мотивационной сферы сотрудников правоохранительных органов было продолжено с помощью методики «Якоря карьеры» Э. Шейна (в адаптации В. А. Чикер, В. Э. Винокурова). Методика позволила нам оценить ценностные ориентации, социальные установки, интересы, социально обусловленные побуждения к деятельности сотрудников полиции. Полученные данные позволили сформировать представление о профессиональной «Я-концепции» обследованных, проанализировать ее роль в структуре личности сотрудника полиции с положительным имиджем, а также оценить ее связи с личной ответственностью сотрудников.

Полученные данные представлены на рисунке 3.

Профессиональная «Я-концепция» протестированных сотрудников полиции не содержит ярко выраженных установок. Следует отметить, что наиболее

ценными в деятельности для сотрудников являются амбивалентные ориентации (диапазон средних значений показателей шкал методики). Так, ориентации на совместную деятельность с целью эффективного реше-

ния профессиональных задач (установка на менеджмент ($32,86 \pm 8,13$ ст.) сопутствует ориентация на самостоятельное принятие решения при выполнении служебных обязанностей (установка на автономию ($32,83 \pm 8,87$ ст.).

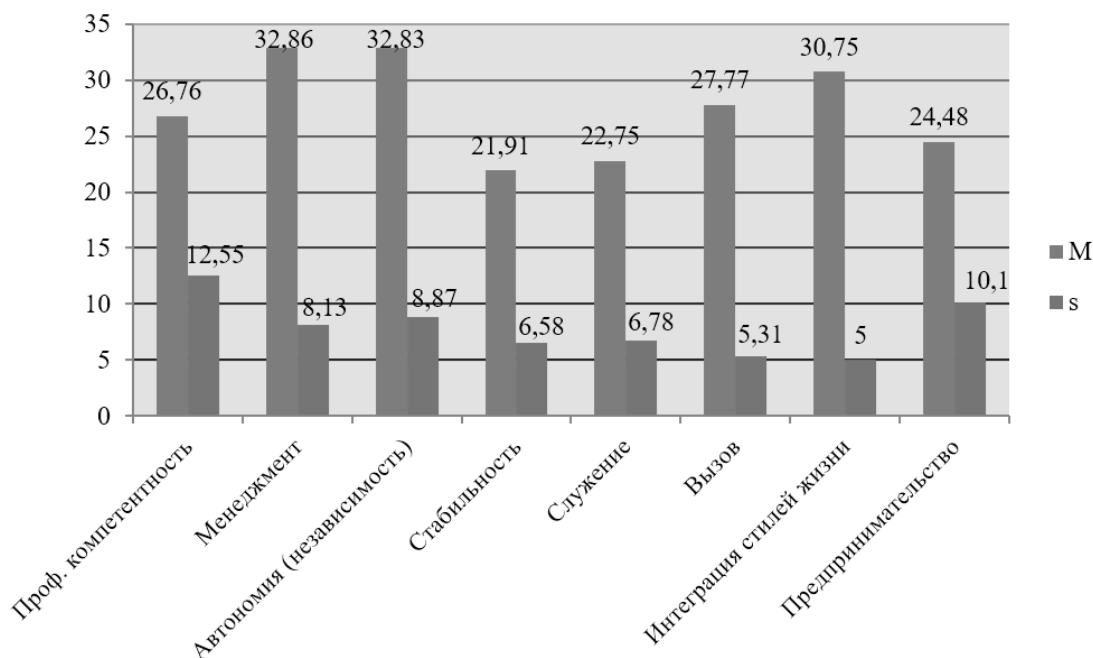

Рис. 3. Ценностная составляющая профессиональной деятельности сотрудников полиции ($n = 220$) в стенах

Примечание: M — среднее значение, S — стандартное отклонение

Ориентация на менеджмент предъявляет высокие требования к коммуникативным, организаторским и творческим способностям сотрудника полиции. Немаловажной является эмоциональная стабильность и ответственность как личностное свойство. Карьерная ориентация «Менеджмент» сопутствует осознанию сотрудником потребности в профессиональном развитии, желанию продвижения карьерной лестнице.

Следует отметить, что на уровне выше нормы оказалась и ориентация «Автономия», которая несет в себе желание свободы от организационных норм и ограничений. Сотрудник полиции испытывает потребность в самостоятельном принятии решений, нормировании своего рабочего времени, снижении объема заполняемой документации. Возможно, полученный результат также можно объяснить спецификой правоохранительной деятельности, когда сотрудник полиции наделен персональной ответственностью за принимаемые им решения, а также необходимостью в ряде случаев действовать в составе подразделения.

Также на основе полученных данных выявлена тенденция к балансировке всех сфер жизнедеятельности сотрудников: профессиональной деятельности, семьи, сферы досуга и отдыха и иных, значимых для конкретного обследованного лица (установка на интеграцию стилей жизни ($30,75 \pm 5,00$)).

Учитывая изложенное, отметим, что сотрудники правоохранительных органов в служебной деятельности в большей мере мотивированы на успех. При этом профессиональная «Я-концепция» сотрудников не включает ярко выраженных установок. Структурно профессиональная мотивация наряду с прагматическими мотивами представлена мотивами значимости профессии. Стремление ответственного сотрудника качественно выполнять возложенные на него служебные обязанности, на наш взгляд, вносит огромный вклад в оценку его имиджа.

На основании проведенного нами исследования можем утверждать следующее:

1) в профессиональной деятельности ведущая роль принадлежит мотивационным аспектам. Мотивация сотрудников является основным средством достижения оптимального использования ресурсов и максимальной мобилизации имеющегося у человека потенциала;

2) для решения большинства практических задач и трудностей, возникающих в процессе служебной деятельности необходимо всесторонне изучать проблемы мотивационной направленности сотрудников, так как без этого невозможно добиться активизации их деятельности, а, соответственно, повысить эффективность труда;

3) высокая мотивационная направленность каждого сотрудника играет существенную роль, так как вклад каждого сотрудника имеет огромное значение для оценки работы всего коллектива в целом;

4) большую роль в формировании личной мотивации сотрудников имеют следующие показатели стимулирования заинтересованности сотрудников: предоставление отгулов и выходных дней; предоставление возможности продвижения по службе; направление на дополнительное обучение в целях повышения уровня квалификации; гарантия качественного медицинского обслуживания; поддержание благоприятного психологического климата в коллективе; способствовать формированию у сотрудника чувства полезности выполняемой деятельности, что позволит ему испытывать чувство психологического и морального удовлетворения своим трудом;

5) игнорирование проблемы мотивации сотрудников, приводит к значительным потерям успешности работы всего подразделения, ведь именно сотрудники являются главным ресурсом любой организации, от того, насколько эффективным будет их вклад в общее дело, настолько успешно будет достигнута конечная цель, стоящая перед коллективом. Поэтому, для достижения наилучших результатов, необходимо создавать такие условия для сотрудников, которые способствовали бы полной самоотдаче и стремлению к достижению максимально высоких показателей в служебной деятельности.

Список источников

1. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст] / Б. Ф. Ломов ; Российская академия наук. Ин-т психологии. М. : Наука, 1999.
2. Психология. Учебник / Под ред. А. А. Крылова. М. : «Проспект», 1999.

References

1. Lomov B. F. Methodological and theoretical problems of psychology [Text] / B. F. Lomov ; the Russian Academy of Sciences. Institute of Psychology. M. : Nauka, 1999.
2. Psychology. Textbook / Ed. A. A. Krylov. M. : «Prospect», 1999.

Библиографический список

1. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М. : Изд-во МГУ, 2007.
2. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы. Минск : Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1981.
3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб : Питер, 2008. 512 с.
4. Климов Е. А. Введение в психологию труда : учебник. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998.

5. Кунц Л. И. Профессиональная направленность как фактор формирования образа будущей профессиональной деятельности личности : на материале студентов-психологов : диссертация кандидата психологических наук : 19.00.01. Новосибирск, 2005.
6. Маслоу А. Г. Мотивация и личность [Текст] / Абрахам Маслоу ; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. 3-е изд. М. [и др.] : Питер, 2013.
7. Психология профконсультирования [Текст] : методическое пособие работникам профориентационных центров, профконсультантам, студентам вузов, педагогам учреждений начального и среднего профессионального образования, работникам психологических служб учебных заведений, учителям старшей ступени школы / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. М. : Академия, 2014.
8. Развитие потенциала сотрудников : Профессиональные компетенции, лидерство, коммуникации / С. Иванова, Д. Болдогоев, Э. Борчанинова, А. Глотова, О. Жигилий. М. : Альпина Бизнес Букс, 2016.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии [Текст]. М. [и др.] : Питер, 2012.
10. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность : учеб. пособие для студентов вузов по направлению и спец. «Психология», «Клинич. психология» / Хайнц Хекхаузен ; [пер. с англ. : Т. Гудкова и др.] ; науч. ред. пер. на рус. яз. : Д. А. Леонтьев, Б. М. Величковский. 2. изд. М. [и др.] : Питер: Смысл, 2003.

Bibliographic list

1. Vilyunas V. K. Psychological mechanisms of human motivation. M. : Publishing House of Moscow State University, 2007.
2. Dyachenko M. I., Kandybovich L. A. Psychology of higher education. Minsk : Publishing house of the Belarusian State University named after V. I. Lenin, 1981.
3. Plyn E. P. Motivation and motives. St. Petersburg : Peter, 2008. 512 p.
4. Klimov E. A. Introduction to the psychology of work : textbook. M. : Culture and sport, UNITI, 1998.
5. Kunz L. I. Professional orientation as a factor in shaping the image of a person's future professional activity : based on the material of psychology students : PhD dissertation in psychology : 19.00.01. Novosibirsk, 2005.
6. Maslow A. G. Motivation and Personality [Text] / Abraham Maslow ; [per. from English. T. Gutman, N. Mukhina]. 3rd ed. M. [and others] : Peter, 2013.
7. Psychology of vocational counseling [Text] : manual for employees of career guidance centers, vocational consultants, university students,

- teachers of primary and secondary vocational education institutions, employees of psychological services of educational institutions, high school teachers / E. F. Zeer, E. E. Symanyuk. M. : Academy, 2014.
8. Development of the potential of employees: Professional competencies, leadership, communications / S. Ivanova, D. Boldogoev, E. Borchaniovа, A. Glotova, O. Zhigiliy. Moscow: Alpina Business Books, 2016.
 9. Rubinstein S. L. Fundamentals of General Psychology [Text]. M. [and others]: Peter, 2012.
 10. Hekhauzen H. Motivation and activity: Proc. allowance for university students in the direction and special. «Psychology», «Clinical Psychology» / Heinz Hekhauzen ; [trans. from English : T. Gudkova and others] ; scientific ed. per. in Russian lang. : D. A. Leontiev, B. M. Velichkovsky. 2nd ed. M. [and others]: St. Petersburg: Meaning, 2003.

Информация об авторах

Д. А. Пустовитова — преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

И. А. Чеснокова — преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

D. A. Pustovitova — Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

I. A. Chesnokova — Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-302-306>

НИОН: 2003-0059-2/23-661

MOSURED: 77/27-003-2023-02-860

Динамика профессиональной идентичности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в процессе адаптации к учебно-служебной деятельности

Вячеслав Лазаревич Цветков¹, Татьяна Александровна Хрусталева²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, czvetkov_slava@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-4692-8045

² Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, khurstalev100@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9709-2121

Аннотация. Проанализировано психологическое содержание феномена идентичности. Исследованы характеристики профессиональной идентичности курсантов и слушателей с разными стратегиями адаптации к учебно-служебной деятельности.

Ключевые слова: идентичность, самосознание, стратегии адаптации, учебно-служебная деятельность, образовательная среда, профессиональная система

Для цитирования: Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Динамика профессиональной идентичности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в процессе адаптации к учебно-служебной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 302–306. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-302-306>.

Original article

Dynamics of professional identity of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of adaptation to educational and service activities

Viacheslav L. Tsvetkov¹, Tatiana A. Khurstaleva²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, czvetkov_slava@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-4692-8045

² Moscow regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, khurstalev100@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9709-2121

Abstract. The psychological content of the identity phenomenon is analyzed. The characteristics of the professional identity of cadets and trainees with different strategies of adaptation to educational and service activities are investigated.

Keywords: identity, self-awareness, adaptation strategies, educational and service activities, educational environment, professional system

For citation: Tsvetkov V. L., Khurstaleva T. A. Dynamics of professional identity of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of adaptation to educational and service activities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):302–306. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-302-306>.

Одной из наиболее важных задач, стоящих перед образовательными организациями МВД России, является формирование у курсантов и слушателей готовности к выполнению профессиональных обязанностей сотрудника органов внутренних дел. При этом серьезной проблемой профессионального образова-

ния является ценностно-смысловое самоопределение курсантов, включающее в себя осознание и принятие ценностей профессии, соотнесение с личностными смыслами траектории профессионального развития. Развитие профессиональной идентичности в процессе профессионального обучения, предполагающей са-

© Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., 2023

моотождествление с выбранной профессией, способствует определению смысловых установок, позиции личности, является базой формирования профессионально важных качеств, выработки потребности соблюдения профессионально-этических норм поведения сотрудника полиции.

Одной из особенностей профессионального обучения в системе МВД России является то, что процесс обучения происходит параллельно с социализацией курсантов и слушателей как сотрудников органов внутренних дел. Поступление в высшую образовательную организацию сопровождается переосмыслением образа жизни, перестройкой системы ценностей и представлений о себе, требует от курсантов и слушателей выбора адекватных стратегий адаптации к новой реальности.

Таким образом, актуальность проблемы профессиональной идентичности связана с ее практической значимостью, особенно в контексте эффективности профессиональной деятельности, профессионального обучения и профессиональной адаптации. Изучение динамических характеристик профессиональной идентичности позволяет понять механизмы разрешения противоречий между образом жизни и образом мира, проследить особенности выбора адекватных стратегий адаптации курсантов и слушателей к учебно-служебной деятельности.

Под адаптацией, как правило, понимают приспособление, привыкание человека к новым для него условиям. Вместе с тем процесс профессиональной адаптации включает и приспособление среды к растущим потребностям и возможностям молодого специалиста, поскольку именно в активной форме адаптации раскрывается личностный потенциал человека, формируется его активная личностная позиция.

Известно, что любая профессиональная деятельность оказывает влияние на ее исполнителя. С одной стороны, в деятельности человек развивается, само-

реализуется, удовлетворяет потребности в общении, уважении, статусе. С другой стороны, особенно, если деятельность отличается жесткой регламентацией, авторитарным стилем управления, она оказывает деперсонализирующее воздействие на личность.

По мнению Е. В. Бурцевой [1, с. 257], деперсонализация — это процесс превращения субъекта профессиональной деятельности в объект, который не может оказать никакого влияния на возникшую ситуацию. В этом случае человек ощущает себя не на своем месте, находится в депрессивном состоянии. В случае осознания проблемы человек учится справляться с таким деперсонализирующим влиянием среды, находит в себе силы либо изменить ситуацию, либо изменяет свое отношение к ситуации, либо активно проявляет себя как личность и профессионал. Полагаем, что сознательное применение адаптивных копинг-стратегий для совладания с деперсонализирующим влиянием профессиональной среды обусловлено, в том числе, особенностями самосознания, самоотношения, содержательными характеристиками профессиональной идентичности курсантов и слушателей.

С целью изучения типа адаптации в процессе совладания с деперсонализирующим влиянием профессиональной среды и содержательных аспектов профессиональной идентичности в процессе профессиональной адаптации, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 90 человек (курсанты 1 и 3 курсов и слушатели 5-го курса образовательных организаций МВД России, по 30 человек в каждой группе).

Для выявления особенностей самоощущения и типа стратегии адаптации к учебно-служебной деятельности использовался опросник ДПС Е. В. Бурцевой, который предназначен для диагностики способности человека к осознанному применению адаптивных копинг-стратегий для совладания с деперсонализирующим влиянием профессиональной среды [1, с. 258]. Результаты исследования представлены на рисунке 1.

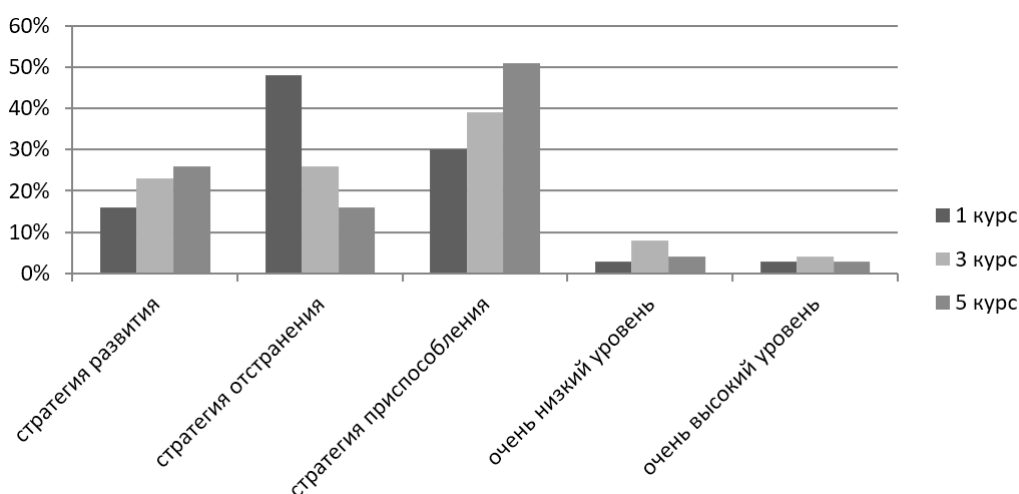

Рис. 1. Результаты исследования типов стратегий адаптации курсантов и слушателей к учебно-служебной деятельности

Как видно из рисунка 1, почти половина обследованных курсантов 1 курса (48 %) при адаптации к учебно-служебной деятельности проявляют страте-

гию отстранения и характеризуются преобладанием мотивации избегания неудачи, экстернальным locusом контроля, нерешительностью, неуверенностью

в себе, пассивностью, безынициативностью, доминированием отрицательных эмоций. Такие курсанты ощущают себя беспомощными, уверены, что не могут повлиять на сложившиеся обстоятельства, не могут контролировать свою жизнь. Как следствие, из-за нехватки внутренних ресурсов, несмотря на дискомфорт, они не пытаются преодолеть давление среды, которую зачастую оценивают как враждебную по отношению к себе.

Такие результаты можно объяснить тем, что система органов внутренних дел, характеризующаяся авторитарностью, соподчиненностью, способствует возникновению установки «от моих решений мало что зависит» и курсант, воспринимая ситуацию, когда он лично ничего изменить не может, как постоянную, сохраняет беспомощный стиль поведения в других обстоятельствах.

На последующих курсах количество курсантов, ориентированных на стратегию отстранения, снижается и составляет 26 % на 3 курсе и 16 % на 5 курсе.

На стратегию приспособления ориентированы 30 % первокурсников, 39 % третьекурсников и 51 % слушателей 5 курса. Респонденты этой группы склонны придерживаться «золотой середины», проявляют разумную инициативу, осторожность в выражении собственного мнения, не испытывают дискомфорта от влияния извне.

Низкие значения деперсонализации профессиональной системой показали 16 % курсантов 1 курса, 23 % курсантов 3 курса и 26 % слушателей 5 курса, что означает предпочтение при адаптации стратегии развития. Они проявляют высокую активность, ответственность, уверенность в себе, хорошие адаптивные способности, заинтересованность в решении служебных вопросов, стремление к отстаиванию своего мнения, ощущают свою значимость.

Очень низкие значения ДПС выявлены у небольшого количества опрошенных (3 % — 1 курс, 8 % — 3 курс, 4 % — 5 курс), свидетельствующие о позиционировании себя как очень уверенных, независимых людей, что может быть связано с нежеланием считаться с требованиями среды и ситуации.

Примерно такое же количество респондентов (3 % — 1 курс, 4 % — 3 курс, 3 % — 5 курс) продемонстрировали очень низкие значения ДПС, что характеризует их как очень неуверенных в себе людей, оценивающих окружающую среду как враждебную по отношению к себе.

Последние две группы курсантов мы не стали выделять в особую категорию, а причислили к стратегиям отстранения и развития.

Таким образом, адаптируясь к учебно-служебной деятельности, курсанты и слушатели выбирают разные стратегии, в зависимости от оценки профессиональной среды с точки зрения ресурса или антиресурса. При этом слушатели выпускного курса чаще, чем курсанты младших курсов, демонстрируют предпочтение при адаптации к профессиональной деятельности стратегии приспособления. Курсанты 1 курса в

большей степени ориентированы на стратегию отстранения. Вместе с тем, с повышением курса растет количество курсантов и слушателей, предпочитающих стратегию развития. Следовательно, существует вероятность того, что с увеличением стажа службы растет способность противостоять деперсонализирующему влиянию среды, поэтому в процессе психологической работы с вновь поступившими на учебу курсантами особое внимание необходимо уделять повышению самосознания сотрудников, развитию способностей к самоуправлению и самоконтролю, навыков самопрезентации и самоутверждения.

Одна из задач нашего исследования состояла в изучении содержательных характеристик профессиональной идентичности курсантов и слушателей. Принимая во внимание тот факт, что идентичность человека характеризуется знаниями и представлениями о себе, для решения этой задачи мы использовали проективную методику М. Куна «Кто Я?», представляющей собой нестандартизированное самоописание с открытой формой.

Методика позволила описать разнообразное содержание идентификационных характеристик курсантов и слушателей: «Социального Я», «Коммуникативного Я», «Материального Я», «Физического Я», «Деятельного Я», «Перспективного Я», «Рефлексивного Я» (рис. 2).

Выпускники образовательных организаций (слушатели 5 курса) в самоописаниях в большей степени были ориентированы на деятельностное и перспективное «Я», оценивая свои интересы, увлечения, компетенции, достижения, перспективы, намерения, относящиеся к разным сферам жизни, а также на семейную принадлежность (муж, жена, дядя и т. д.).

Курсанты 3 курса, характеризуя себя, чаще использовали показатели социального, физического, коммуникативного и рефлексивного «Я», отмечая половую, этническую принадлежность, особенности внешности и физического состояния, особенности, относящиеся к сфере дружбы или общения, особенности характера и эмоционального отношения к себе.

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что курсанты 1 курса по сравнению с курсантами 3 курса и слушателями 5 курса отличаются менее широким кругом социальных ролей. При описании себя первокурсники испытывали серьезные затруднения и ограничивались чаще всего показателями, относящимися к «Рефлексивному Я», отмечая персональные качества и особенности характера.

Вопреки нашим ожиданиям, самоописания профессиональной принадлежности, относящиеся к «Деятельному Я», присутствовали лишь у 8 % обследованных курсантов 1 курса, 14 % курсантов 3 курса и 22 % слушателей 5 курса, при этом чаще всего наблюдались характеристики типа: «Я умею готовить», «Я занимаюсь плаванием», «Я охотник», «Я люблю читать». Характеристики, связанные с выбранной профессией, типа: «Я следователь», «Я сотрудник полиции» и т. п. встречались крайне редко,

что означает недостаточную идентификацию себя с профессией сотрудника органов внутренних дел, за-

щитника правопорядка, интересов народа, борца с преступностью.

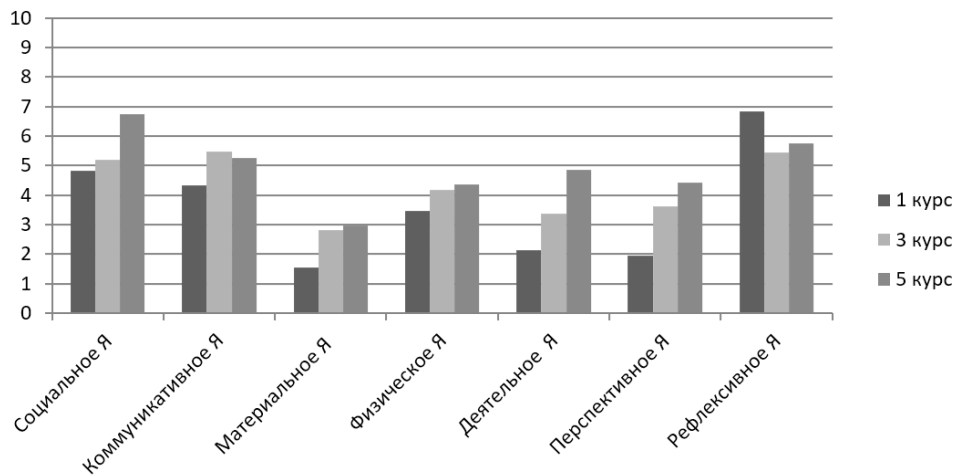

Рис. 2. Результаты исследования показателей идентичности у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что содержательные характеристики идентичности изменяются в процессе обучения в вузе, расширяется спектр представлений курсантов и слушателей о себе. Однако малое количество описаний, связанных с профессиональной принадлежностью, свидетельствует о недостаточно высоком уровне осознания слушателями особенностей обучения в ведомственных образовательных организациях, связанных с одновременным прохождением службы в полиции.

Далее мы провели сравнительный анализ стратегий адаптации с содержательными характеристиками идентичности. Выборка исследования стала выглядеть следующим образом:

- 1-ая группа — курсанты, предпочитающие стратегию развития (26,6 %),
- 2 группа — курсанты со стратегией отстранения (33,4 %),
- 3 группа — курсанты со стратегией приспособления (36 %).

При анализе средних значений с помощью критерия Краскела-Уоллеса, были выявлены связи показателей «Деятельностного Я», «Рефлексивного Я» и «Перспективного Я» со стратегией развития. Преобладание описательных характеристик указанных групп свидетельствует о том, что у курсантов, воспринимающих систему органов внутренних дел как ресурс, осознано применяющих адаптивные копинг-стратегии для совладания с деперсонализирующим влиянием среды, показатели осмысленности жизни, саморегуляции, самоуправления выше.

Опыт общения с курсантами начальных курсов в процессе преподавания психологических дисциплин показывает, что существенная доля проблем обучающихся связана с неудовлетворенностью выбором профессии, несовпадением представлений об обучении и реальностью, утратой перспектив личностного и про-

фессионального роста, неприятием своего социального статуса и т. д. Такие проблемы могут свидетельствовать о наличии кризиса идентичности, нарушении гармоничного развития личности, неспособности человека видеть свою профессиональную деятельность в контексте целостности своей жизни.

Становление профессионала должно начинаться «изнутри» и проходить следующие этапы: осознание личностью себя как фактического сотрудника; внутреннее принятие этого статуса; осознанное соотношение своих внутренних и внешних ресурсов, возможностей, качеств, необходимых для службы; развитие недостающих профессиональных качеств.

В связи с тем, что становление идентичности обеспечивается механизмами рефлексии и смыслотворчества, а основой идентичности является конструирование смыслов, психологическое сопровождение процесса адаптации молодых сотрудников должно быть ориентировано, прежде всего, на актуализацию рефлексивных усилий по поводу своей жизни [2, с. 12].

Развитие у сотрудников органов внутренних дел готовности и способности к рефлексии собственной жизни, способствует формированию новых смысловых измерений собственного саморазвития и самореализации, актуализации внутренних ресурсов (потенциала) для самораскрытия в новых для них социальных условиях.

Одной из задач образовательного процесса и психологического сопровождения молодых сотрудников в период их адаптации к служебной деятельности должно стать развитие профессиональной идентичности. Успешное формирование и развитие личности профессионала, способного самостоятельно решать служебные задачи, во многом зависит от умения противостоять деперсонализирующему влиянию среды, осознания собственной профессиональной самоэффективности, убежденности в возможности реализовать в профессиональной деятельности свой потенциал.

Список источников

1. Бурцева Е. В. Возможности применения опросника ДПС (деперсонализация профессиональной системой) для работы с сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1(53). С. 257–261. EDN OXRENX.
2. Нефедова Д. И. Психологическое сопровождение становления профессиональной идентичности сотрудников полиции на начальном этапе службы / Д. И. Нефедова, О. М. Красноярцева // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 6–18. EDN YKWDMN.

References

1. Burtseva E. V. Possibilities of using the DPS questionnaire (depersonalization by a professional system) to work with employees of internal affairs bodies // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 1(53). P. 257–261. EDN OXRENX.
2. Nefedova D. I. Psychological support of the formation of professional identity of police officers at the initial stage of service / D. I. Nefedova, O. M. Krasnoryadtseva // Siberian Psychological Journal. 2017. № 63. P. 6–18. EDN YKWDMN.

Библиографический список

1. Антонова Н. В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

2. Барина О. Г. Взаимосвязь типов профессиональной идентичности и учебной мотивации студентов различных специальностей // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 2(47). С. 49–58. EDN ZMMSWA.
3. Калиниченко И. А. Психологические особенности адаптации к служебной деятельности выпускников образовательных организаций МВД России / И. А. Калиниченко, В. Л. Цветков, Т. А. Хрусталева // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 305–308. EDN AUFVUO.

Bibliographic list

1. Antonova N. V. The problem of personal identification in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology // Questions of psychology. 1996. № 1. P. 131–143.
2. Barinova O. G. Interrelation of types of professional identity and educational motivation of students of various specialties // Bulletin of the Altai State Pedagogical University. 2021. № 2(47). P. 49–58. EDN ZMMSWA.
3. Kalinichenko I. A. Psychological features of adaptation to service activities of graduates of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / I. A. Kalinichenko, V. L. Tsvetkov, T. A. Khrustaleva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 5. P. 305–308. EDN AUFVUO.

Информация об авторах

В. Л. Цветков — начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. Хрусталева — доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. L. Tsvetkov — Head of the Department of Law Psychology of the Training and Research Complex of Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

T. A. Khrustaleva — Associate Professor of the Department of Socio-economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.